

ДЖУЛЬЕТ Э.
МАРКЕННА

Огонь с юга

Огонь с юга

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

ДЖУЛЬЕТ Э.
МАРКЕННА

JULIET E.

McKENNA

Southern Fire

ДЖУЛЬЕТ Э.

МАККЕННА

Огонь с юга

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44
М15

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Juliet E. McKenna
SOUTHERN FIRE

Перевод с английского Т. Усовой

Серийное оформление А. Кудрявцева

Художник М. Калинин

Печатается с разрешения
Time Warner Books UK, a division of Time-Life Entertainment Group, Ltd.
и литературного агентства Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 24.11.04. Формат 84×108^{1/32}.
Усл. печ. л. 30,24. Тираж 5000 экз. Заказ № 3336.

Маккенна, Д.Э.

М15 Огонь с юга : [фантаст. роман] / Джульет Э. Маккенна; пер. с англ. Т. Усовой. — М.: АСТ: ЛЮКС, 2005. — 573, [3] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 5-17-026922-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-9660-0891-4 (ОАО «ЛЮКС»)

Варварские королевства далекого архипелага.

Здесь не страшатся ни боя, ни гибели, ни увечья — но как чумы боятся МАГИИ и КОЛДОВСТВА.

Здесь верят в судьбу — и ее знаменья, толковать которые — почетное право вождя.

Но теперь на острова движется мощная армия южан, которым помогают МОГУЩЕСТВЕННЫЕ маги. И лучшему из вождей северян — не знающему поражений Хеду — становится ясно: чтобы победить магию, нужна МАГИЯ. Магия, которая, по слухам, еще живет где-то в глуши Севера...

Джульет Э. Маккенна, автор знаменитого цикла «Игра воровки. Удача игрока. Клятва воина. Кинжал убийцы», приглашает читателей в НОВОЕ путешествие по своему миру!

УДК 821.111(73)-312.9
ББК 84 (7Сое)-44

© Juliet E. McKenna, 2003
© Перевод. Т. Усова, 2005
© ООО «Издательство АСТ», 2005

Огонь с юга

Моим родителям, без которых... и т.д.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Первая книга новой серии — это отчаянное предприятие, и я глубоко благодарна каждому, кто поощрял и поддерживал меня от начала и до конца. Как всегда, внимание Стива и Сью было бесценно, точно свежее дуновение, это касается и Майка, которому дополнительное спасибо за консультации на морскую тему. Спасибо и Эшоку — за сводки погоды и рекомендации для книги. И тебе, Шейла, — за то, что указала на кое-какие поистине завораживающие тома. Также спасибо Рэйчел за отчеты о путешествиях.

Не знаю, как я нашла бы время писать и заниматься прочими многообразными делами авторской жизни, учитывая то, что я жена и мать, если бы не великодушные столь многих людей. За непрерывную помощь Эрни и Бетти одних благодарностей просто-напросто мало. За помощь, которая позволила мне устойчиво и спокойно чувствовать себя в домашней суете и иже с ней, я во многом в долгу перед Пенни, Джилл и Майком, Элен, Коринной, Лиз Э. и Лиз Б. В деловом отношении — искреннейшее спасибо за поддержку Мэгги и Камилле, а также Тиму и Саймону и всем прочим в «Орбите». Всем, кто прищипывал меня своим жадным интересом к моей работе в Дублине, Эбердине и где угодно еще, равно как и по Интернету, моя искренняя признательность.

Глава 1

Никаких знамений ни на земле, ни в небе — лишь спокойствие. Я не мог просить родные края о лучшей встрече.

Солнце готово было вот-вот утонуть среди безмятежных лент золотых облаков, недвижно реющих над невозмутимым морем. Далеко внизу, в лагуне, Кейда видел лодчонки своих рыбаков, возвращавшихся после дневного труда и сполна воспользовавшихся погодой. Большая галера, вновь доставившая вожда на остров в сердце его владений, мирно покачивалась на якоре. Ближе к берегу загорались первые огни под парящими рамами, увешанными сетями с морскими звездами, чтобы те прокоптились над ароматными травами. Стоя на крутой открытой площадке, венчающей каменную башню, Кейда был слишком далеко от праздной болтовни своих людей, что работали на берегу.

Будут обычные шутки, прерываемые спорами, не пора ли сесть чинить сети или делать новые поправки из тыквы-горлянки. Наверняка вместо этого они предпочтут провести вечер с друзьями и родными. Мы не столь уж различны, от высших до низших, Дэйш Рейк всегда мне так говорил.

Вспомнив об отцовской мудрости, Кейда уступил желанию приветствовать жен и детей. Он первым делом вернулся к своим обязанностям прорицателя, теперь ему дозволено потребовать немного времени для себя. Улыбаясь, он уже собирался спуститься по узкой винтовой лестнице обсерватории, когда его поразила новая мысль.

Эти огонечки, которые приманивают любопытных рыб, выглядят как отражения ранних звезд в сумеречных водах.

Как здесь с небесным компасом? Я бы изменил своему долгу, если бы не искал новых знамений, пусть даже все созвездия сейчас меняют очертания.

Кейда обернулся и взглянул в сторону суши, где темнеющее небо стало достаточно синим, чтобы явить первые настоящие звезды. Долгий опыт позволил ему сразу найти Крылатого Змея, взвившегося над темной грядой холмов в глубине острова. Небо вокруг созвездия было свободно от туч; ничто, способное предостеречь или подать совет, не вторгалось туда. Кейде не требовалось опускать взгляд на дуги земного компаса, вырезанного на перилах обсерватории. Крылатый змей был в дуге, содержащей предвестия для брака и прочих близких отношений.

Символ сплетенных мужчины и женщины, отваги и награды за тяжкие труды, явления нового. Конечно. И незримая Сеть лежит ниже окова, под дугой компаса рождений, признаков поддержки и помощи, сотрудничества и единства. Хотя Древо Кантиры, символа круговорота жизни и смерти, в дуге страха и отступления. Конечно. Сэйн будет в тревоге о своем ожидаемом первенце. Она получит всю поддержку, в которой нуждается, от Джанне и Рекхи, это совершенно ясно благодаря Цвету Визайла, символа женственности, столь прочно утвердившегося в сестринской дуге.

Глаза Кейды обшарили небо. Как там небесные самоцветы, которые чертят свои пути среди звезд? Нет, ни один из них не приближался к незримым линиям, отделяющим одну дугу небес от другой. Однако как он ни читал компас небес, отдаленные огни не складывались в рисунок. Лишь луны двигались меж небесных полей в своей скорой пляске вокруг мира. Малая Луна, небесное соответствие жемчуга, главного богатства владений Дэйша, была лишь парой перламутровой раковине, деля небо с Крылатым Змеем. Большая Луна, напротив, достигла полноты, диск ее рисунком походил на опал, земной талисман, несущий верность и помогающий в познании себя. Сияя, она медленно поднималась в небе, которое должно было пророчествовать о будущем мира и человека. Кейда ничего не видел за узором звезд, образующих Зеркальную Птицу — знак защиты и символ связующего звена между прошлым и будущим. Аметист, дающий спокойствие и вдохновение, к счастью, ока-

зался в середине дуги домашнего очага, а Алмаз, талисман ясности цели, особенно для военных предводителей, точнехонько попал в дугу благосостояния. Далее Рубин, знак силы и вечности, обнаружился в дуге общности и дружбы.

Кейда воспрянул духом и повернулся, чтобы оставить свою вышку.

— Не забыть бы сказать Сэйн Дэйш, что небеса выказывают изрядную благосклонность ко всем новым птенцам.

— Ей остались считанные дни до родов. — Единственный спутник прорицателя, сидевший на верхней ступени лестницы, проговорил это с удовольствием. И тут же в вечерней тиши у него шумно заурчало в желудке.

— Что же, Телуйет, этот знак не требует провидческого искусства для прочтения. — Кейда рассмеялся. — Я знаю, день был длинным. Но мне следовало удостовериться, что нет дурных знамений.

— Госпожа Джанне наверняка будет счастлива, если ты забудешь обо всех своих заботах и мы заснем довольные в первую ночь дома. — Телуйет ухмыльнулся, поднимаясь на ноги и поправляя два меча на широкой перевязи, а затем последовал за вождем.

Кейда быстро нисходил по смутно видимым в сгущающемся мраке знакомым ступеням, вьющимся вокруг сердцевины башни с чередой покоев, набитых записями, толкованиями и всем прочим, необходимым для чтения будущего, которым на благо своего народа занимался Кейда. Тонкая полоска света обозначила силуэт дверей самой нижней палаты.

— Сиркет! — Кейда вошел и пылко улыбнулся, одобряя старшего сына. — Кишки у Телуйета урчат не хуже, чем кошки в джунглях, так что нам наверняка время поесть. Идем с нами.

Сидящий на стремянке юноша оторвался от тяжелой книги, которую изучал — взгляд его все еще где-то блуждал. Вне сомнений, то был сын военного предводителя: глаза зеленые, точно молодые листья в пору дождей, необычные для этих островов на дальнем юге протяженного Архипелага Альдарбрешин. У местных жителей, как правило, иные черты: высокие лбы, лица скорее овальные, чем круглые, с более четкими скулами и носами, чем у Телуйета. Нос Телуйета был шире и больше привычного еще до боя, после которого он стал разма-

занным и кривым, не то чтобы невовратно портя, но и не украшая дружелюбное лицо воина. Но мать Сиркета дала ему более полные губы и смуглую кожу, чем у отца, равно как и слегка выющиеся темные волосы, которые он коротко стриг. Волосы и борода Кейды были русыми, жесткими, точно проволока, и густыми, укрощаемыми лишь самой короткой стрижкой.

— Моя мать Джанне сказала, что мы могли бы навестить владения Уллы прежде, чем начнутся дожди.— Сиркет поскреб едва пробивающиеся усы и чуть затененный подбородок. Знаки мужественности пока еще не вполне обозначились на его лице, хотя юноша ростом вымахал уже почти с отца.— Не хочу, чтобы меня выставляли на посмешище, как Ритсема Зората в прошлый раз.

— Этого не случится. Я не позволю.— Кейда пересек помещение и закрыл тяжелый том.— Теперь ступай и скажи своей матери, что я пообедаю с вами двоими, как только взгляну на Сэйн и Рекху.

— Как прикажешь, отец мой.— Сиркет наклонил голову в знак послушания, но на лице его была улыбка облегчения, а шаг проворен, когда он пустился бежать, босыми ногами бесшумно касались утоптанной глины. Ему предстоит расти еще несколько лет, прежде чем он нарастит мышцы, как у отца.

— О чем думает Улла Сафар, унижая сыновей своих ближайших соседей, чего он собирается этим достичь? — Заперев дверь башни, Кейда замедлил шаг.— Ритсем Кайд, разумеется, наотрез откажется, чтобы его сын брал на себя прорицание при их следующей встрече. Все, что получит Улла Сафар — это скорую и бесцельную ссору.

— А когда он избегал ссоры, сколь угодно пустой? — На шаг позади и сбоку от Кейды Телуйет размашисто махнул рукой. Ночь сгушалась с привычной быстротой, и зеленые кожистые листья были едва различимы в тени. Кусты наполнились песнями цикад, что-то шелестело во тьме, пасущийся зверь или испуганная ночная птица.— К тому же Улла Сафар предпочитает, чтобы кто-то читал знаки за него. Он редко заботится об этом самостоятельно, а Улла Орхан выказывает мало способностей к прорицанию.

Кейда фыркнул.

— Это беда Уллы Сафара, и виноват в ней он сам. Он обязан был вовремя научить мальчика. Он пренебрег своим долгом как перед сыном, так и перед наследными владениями. — Вождь глубоко вдохнул, и знакомые с давних лет запахи смягчили его раздражение. Воздух внизу был влажен и тяжел. Они спустились и шли среди участков, густо посаженных кустами и прорезанными решеткой узких тропинок.

— Ты думаешь, мы отправимся во владения Уллы накануне дождей? — спросил Телуйет, когда они шагали сквозь россыпь домов, выстроенных из разновеликих глиняных кирпичей, облепленных глиной плетней и тесно пригнанных деревянных досок, под поросшими лесом плодородными склонами. Крытые опахалами пальмовых листьев, с широкими нависающими стрехами, в свою пору дающими укрытие от солнца или защищающими от дождя, эти не разделенные перегородками обиталища были полны жизни.

— Только если у Джанне действительно важная причина, — откровенно ответил Кейда. — Нас почти наверняка застигнут дожди на обратном пути, а я предпочел бы себя обезопасить. Кроме того, мне следует быть здесь, когда Сэйн придет пора рожать. — Дощатые ставни из промасленного дерева еще не закрылись, и Кейда заметил, что улыбается, заглядывая внутрь уютных домишек. Детей ласково или сурово отправляли в постель, реже те уже послушно сидели среди одеял.

Пошлет Рехха малышей спать или даст им разрешение остаться, чтобы повидаться со мной?

Снаружи, на широких ступенях под стрехами домов, мужчины отдыхали после тяжелого трудового дня, делясь с соседями новостями и наблюдениями. Все носили свободные хлопчатые штаны, у одних ярко раскрашенные, у других даже небеленые. На некоторых были рубахи, остальные смугло поблескивали обнаженными торсами. Там и сям кое у кого попадался простой браслет, плетенный из пальмового листа с резными деревянными бусинами, или кожаное ожерелье с каким-нибудь талисманом, найденным в окрестностях — сухим стручком, раковиной или окатанным морем камнем. Кейда и Телуйет двигались по середине улицы, разительно отличаясь от прочих. Военный предводитель был одет в штаны и рубаху синего цвета оттенка индиго — тонкий шелк, собранный на

запястьях и щиколотках золотыми пряжками. Наряду с хитрыми золотыми цепями, обвивавшими шею, Кейду украшало длинное ожерелье из сердолика и бриллиантов, перемежающихся резными золотыми бусинами. Центром сложного и прихотливого украшения были три камня, неограниченные, до блеска отполированные и тяжело лежащие на груди: крупный бриллиант в окружении двух сердоликов. Браслеты витого золота негромко позванивали на запястьях, и еще один, инкрустированный перламутром и бирюзой, охватывал правую руку чуть выше локтя. Золотые филигранные пластины поблескивали на синем кожаном поясе, и золотая же проволока оплетала темные ножны кинжала — его единственного оружия. У кинжала было такое же плавно изогнутое лезвие и витая рукоять, как и у тех ножей, что носили у бедра все мужчины в деревне, но у Кейды эта рукоять была опять-таки золотая, увенчанная одинокой безупречной жемчужиной. Телуйет, единственный из мужчин, носил, помимо кинжала, мечи — клинки-двойняшки в темных кожаных ножнах с удобными, лишенными украшений рукоятками. Одежда на Телуйете была более простого покроя, из мягкого серого шелка, как и подобает верному рабу, но качеством его платье не уступало наряду хозяина. Как и у Кейды, его волосы и борода были укрощены короткой стрижкой и ароматными маслами.

Отдыхающие островитяне тепло улыбались, приветствуя Кейду, и низко кланялись. Их жены, проворно и искусно готовившие рыбу или мясо на кухонных очагах, размещенных на приличном расстоянии от легко воспламеняющихся крыш, прерывали свои занятия, чтобы добавить идущее от сердца приветствие. Основательный горшок бледно-желтого зерна дымился на угольях каждого очага, и зелень, поднявшаяся на огородах позади каждого дома, испускала стойкое благоухание. Кейда с удовольствием видел, что даже теперь, в самом конце засушливой поры, никто из его людей не голодает.

— Говорят, во владениях Уллы есть острова, где люди едят сухие стебли и старую мякину, ибо амбары их пусты, — заметил Телуйет.

— Да, я слышал. — Кейда кивнул.

Девушка с яркими глазами и манящей улыбкой возникла у них на пути, ее подтолкнула любящая мамаша. Дочь держала в

руках деревянный поднос, устланный широкими листьями, и на каждом — по куску мяса, обильно политому блестящим соусом.

— Мой господин, — удалось сказать ей, прежде чем ее одолело безудержное хихиканье.

Съев кусочек, Кейда с одобрением кивнул:

— Великолепно. Телуйет, попробуй-ка. — И внезапно подмигнул девушке, прежде чем повернуться с улыбкой к матери. — Ты должна поделиться тем, как смешиваешь пряности, с кухаркой Джанне Дэйш.

— В самом деле, — промычал Телуйет с набитым сочным мясом ртом.

Махнув на прощание рукой всем островитянам, Кейда зашагал дальше. Телуйет все еще жевал, когда оба они приблизились к могучим стенам укрепления, что возвышалось за маленькими домишками.

— Не хочешь чем-нибудь поделиться с девочкой? Она так и готова была к тебе броситься. — Проглотив свой кусок, он взял тон мнимой невинности. — Нынче равное число у года, вдобавок нехорошая пора, так что госпожа Рекха не станет этой ночью звать тебя в постель.

— Я считаю, что трех жен мне достаточно, и незачем добавлять к ним наложниц, — рассмеялся Кейда. — Ну сколько тебе можно повторять? Однако я не хочу, чтобы Сиркет в свою брачную ночь зная обо всем понаслышке и ни о чем из опыта, а девушка, несомненно, ароматный цветок. Можешь спросить ее родителей, не обещана ли она уже кому-то. Если нет — отчего бы ей не присоединиться к челяди Джанне эдак на год.

— Госпожа Джанне озабочена тем, что Сиркету пора жениться. — Телуйет поскреб бороду. — Бирут говорил мне: она дает женам из каждого владения знать, что забросит свою сеть на обратном пути с Редигалских островов.

Кейда кивнул.

— Что, несомненно, станет поводом для застольной беседы. — Он искоса взглянул на Телуйета; свет надвратной лампы озарил улыбку. — Сам я все еще думаю, что куда важнее прямо сейчас найти ему верного раба-телохранителя.

— Я держу глаза и уши открытыми, но пока не нашел ничего подходящего. — Телуйет выглядел задумчивым. — Трудно

проникнуть в душу мальчикам этого возраста, а если не можешь точно определить, кто владел ими раньше, еще труднее судить об их нраве... — Он умолк, чтобы постучать в прочное черное дерево ворот: — Откройте вашему повелителю Дэйшу Кейде!.. Раб чуть старше мог бы оказаться более надежным выбором, — закончил слуга.

— Нет. — Кейда твердо покачал головой, в то время как широкие ворота распахнулись. Четыре стража, облаченных в панцири отменной работы, стояли по обе стороны тропы. Обнаженные клинки блестели в свете ламп, лица скрывали носовые стрелки и кольчужные завесы богато украшенных шлемов. Все низко поклонились вождю. Кейда кивнул, проходя, и ворота вновь были надежно заперты на засов.

— Он не должен быть намного старше... — начал Телуйет.

— Нет. — Отказ Кейды был твердым, хотя и не резким. Он повернул голову, чтобы взглянуть на Телуйета. — Мы должны найти ему раба, которому он сможет доверять, как я доверяю тебе, который услышит его невысказанные мысли, как ты слышишь мои. Но такой раб не может быть старше него. Если однажды Сиркет положится на него больше, чем на себя, он будет поступать так снова и снова, пока это не станет опасной привычкой. Посмотри на Редигала Корона. — Кейда горестно рассмеялся. — Сиркет должен быть господином.

— Мой повелитель... — Телуйет склонил голову, явно признавая правоту Кейды.

— В конце концов, мы знаем, что это возможно. — Кейда изучил реденеющие волосы на макушке верного раба. — Мой отец нашел для меня тебя.

Телуйет ухмыльнулся хозяину.

— Мудрость Дэйша Рейка в столь многих вещах до сих пор благословенна для владений.

Я бы не отказался вновь пользоваться его мудрыми советами, пусть изредка.

Кейда помедлил, оглядывая двор. Проверять, все ли хорошо, было его второй натурой. Жилье для всех мелких домохозяев обширного семейства находилось за мощной каменной стеной, по широкой поверхности которой над крышами прохаживались дозором бдительные часовые. Под надежной защи-

той стояло несколько домиков, мраморные ступени которых были бледны, словно их вымела своим светом Большая Луна, а прочные стены из серого камня утопали в тени широких стрех. Ставни и двери твердого черного дерева были отделаны бронзой, кровли над ними крыты блестящей черепицей. Ее узоры, ослепительные днем, теперь приглушили сумерки. Фонтаны, игравшие в больших бассейнах среди роскошных садов, раскинувшихся вокруг каждого строения, негромко лепетали во мгле.

— Убери свои мечи и пойди выпей с Рембитом. — Кейда хлопнул Телуйета по плечу. — Жди меня у дверей Рекхи. Нет, иди, — настойчиво повторил он, когда раб готов был возразить. — Сэйн только заводится, когда видит тебя. Лучше ей сейчас без этого обойтись.

Кроме того, мой верный управитель несомненно скажет тебе несколько вещей, о которых промолчал, когда докладывал мне на берегу.

Кейда повернулся к нему спиной и направился в покои самой младшей из жен, не помедлив, чтобы посмотреть, повиновался ли ему Телуйет. Вскоре он попал в тщательно ухоженный сад вокруг ее домика. Галька на тропе, подобранная гольш к гольшу, была гладкой и холодной под босыми ногами, запах цветущих по ночам визайлов поистине опьянял.

Не то чтобы у Сэйн была какая-то причина опасаться Телуйета. Не то чтобы у нее была причина вести себя как пугливый котенок со всеми в крепости. Но вот с островитянами она почти как дома, когда собирает камушки и растения. Мы должны позаботиться, чтобы она имела досуг для таких прогулок и ухода за своим садом, когда родит. В конце концов, она очень молода. Едва ли старше Сиркета. Моложе, чем был ты, когда оказался вдруг правителем островов Дэйша. Тебе это показалось достаточно пугающим, а ведь тебя к этому сызмальства готовили. Помни, Сэйн и не подозревала, что станет чем-то большим, нежели скромной наградой захудалому женишку, пока честолюбие ее брата не обеспечило за ним владения Ток по праву завоевания.

— Господин мой Дэйш Кейда! — Могучий мужчина поднялся со своего места на широких ступенях перед дверью, и домашние ящерки заспешили прочь, в темноту.

— Ханьяд! — Кейда наградил этого человека улыбкой, позаботившись скрыть, насколько и чему развеселился.

Кто бы ни выбрал тебя рабом для маленькой робкой Сэйн, он знал, что требуется, раз нашел такого человечище-гору, чтобы стоял между ней и опасностью, подлинной или померещившейся.

— Как она?

— Устала, мой господин.— Угрюмое предупреждение Ханьяда все еще окрашивал тот неведомый северный язык, который он выучил на коленях матери. Когда он отворил дверь, желтый свет лампы брызнул на его сивые волосы и кожу, когда-то бледную, но ставшую дубленой за многие годы под здешним солнцем.— Моя госпожа, ваш супруг просит его принять.

Кейда терпеливо ждал ответа Сейн. Каждая жена имела полное право отказать своему мужу в праве войти, и одной из множества обязанностей невольника-телохранителя было содействовать такому решению.

— Я рада ему как нельзя больше,— незримая внутри Сэйн, разумеется, говорила устало. Верзила поколебался, но отступил, освободив для Кейды порог.

— Я не задержусь надолго.

Прав я был, что избавился от Телуйета. Ничего хорошего из его присутствия не вышло бы, учитывая, как теперь поздно и как он проголодался, а стычка двух телохранителей, моего и Сэйн,— это последнее, что мне нужно.

Кейда вошел, а Ханьяд затворил за ним дверь и сел за ней, скрестив ноги.

— Сэйн, дорогая моя, как ты?

— Довольно неплохо.— Его младшая жена, облаченная в свободную неподпоясанную рубаху, откинулась назад на скамье с подушками рыжеватого шелка, расшитыми буйными стайками цветных птиц. На ней не было никаких драгоценностей; ее длинные прямые волосы были просто заплетены в одну толстую черную косу. Хрупкого сложения, не выше, чем по плечо Кейде, она явно тяжело переносила эти последние дни своей беременности. Маленькая девочка втирала ароматную мазь в ее стопы, и Кейда заметил, как ощутимо у Сэйн распухли лодыжки.

— Ты выглядишь изнуренной,— честно признался Кейда. Даже в приглушенном свете единственной лампы тьма вокруг

глаз Сэйн была больше чем просто тенью. Кейда услышал, как хмыкнул, соглашаясь, Ханьяд.

— Это просто жара.— Сэйн обмахнула лицо хрупкой меднокожей ладонью.

— Которая не кончится до положенного срока.— Кейда заметил, как увеличился ее тяжелый живот, пока он отсутствовал, между тем как лицо и запястья стали даже более худы, чем прежде. Он постарался соблюсти в своих словах равновесие между твердостью и нежностью.— Ты не должна ничего делать, только отдыхать, пока не явятся либо дожди, либо твое дитя.— И чуть улыбнулся, отчасти из-за одобрительного громыхания Ханьяда, отчасти чтобы успокоить Сэйн, большие карие глаза которой расширились от тревоги.

— Мои обязанности...

— Тембит уже доложил мне о состоянии дел в замке и на острове. Он сообщил, что поля возделаны и готовы к дождям, что новые саженцы благоденствуют в питомниках,— Кейда сказал это с теплой признательностью.— Даже вся домашняя птица и козы здоровы, что большая редкость в конце засушливой поры.

— Разумеется, я стремлюсь служить владению чем могу.— Нескрываемое удовольствие несколько оживило лицо Сэйн. Она попыталась сесть прямо, но лишь рассыпала подушки, яркие цвета которых заиграли в свете лампы. Маленькая рабыня едва успела подхватить чашу с мазью нерешительно затрепетавшими руками, запачканными ее содержимым.

— Сейчас ты свободна ото всех обязанностей перед владением. И все мы просим тебя заботиться о себе и о ребенке, пока вы оба благополучно не пройдете через роды.

Возможно, Сэйн выказала бы чуть больше присутствия духа, если бы ей служили не такие болваны.

После того, как она опять устроилась поудобней, он призадумался, обвив рукой ее плечи, но передумал: нет, не стоит. Ни Рекха, ни Джанне особенно не приветствовали тесных объятий столь близко к родам. Вместо этого он задержал ладонь над самым выпуклым местом ее живота и спросил: «Можно?»

— Она брыкается.— Сэйн накрыла его ладонь своей, чтобы он лучше почувствовал, как внутри бьется дитя.

— Мы уже довольно скоро узнаем, девочка там или мальчик. — При этих словах Сэйн напряглась под его рукой, искорки в ее глазах угасли. Кейда наклонился, чтобы запечатлеть пылкий поцелуй на ее лбу. — Девочка или мальчик — это твое дитя, и тебе его растить. А вот дар для ребенка, подтверждающий мои слова.

Порывшись в кармане, он выудил оттуда небольшой шелковый сверток, надежно перевязанный хлопчатой тесьмой. Сэйн приняла пакет, ее длинные, покрытые лаком ногти быстро справились с узлом, детский восторг озарил утомленное лицо.

— О, Кейда, супруг мой, какая красота. — Она подняла в руке мерцающую птичку, сложенную из серебряных цепочек, соединяющих опаловые перья.

— Повесь этот талисман над колыбелью малыша, — улыбнулся Кейда. — Чистота этих камней охранит нашего первенца.

— Я думала о будущем нашего малыша. — Сэйн положила мерцающую птичку себе на колени, ее голос задрожал. — Возможно, мне следует посетить башню безмолвия. Я не бывала там с тех пор, как явилась сюда, а дожди не начнутся еще несколько дней. Я могла бы добиться там какого-нибудь важного видения, чего-нибудь о судьбе ребенка, и это мой долг как твоей жены...

— Ты не в состоянии сейчас проводить ночь под открытым небом на голой земле, какой бы ни была погода. — Кейда расслышал, как соглашаясь с ним, выразительно крикнул Ханьяд. — Как только дитя родится и ты окрепнешь, мы отправимся на север, к нашему приюту на сезон дождей. Тогда можешь подумать о подобном обряде — Рекха и Джанне охотно помогут тебе со всеми надлежащими приготовлениями. Это произойдет достаточно скоро, еще не поздно будет узнать, какие нити из прошлого или будущего может держать в руке твое дитя.

— Как прикажешь, мой повелитель. — Сэйн удалось слабо улыбнуться, но Кейда понимал, что она расстроена.

Последнее, чего я хочу — это вести себя с тобой как тяжелый на руку военачальник, а ведь это все, что ты знала в жизни. Но ты, о проклятие, так все усложняешь.

— Иди в постель, дорогая. И оставайся там сколько захочешь завтра утром и каждый день после того. — Кейда поднялся с пола. Ханьяд уже был на ногах и отворял позад

него двойные двери в спальню Сэйн. Маленькая рабыня прошмыгнула мимо верзилы, стирая масло с ладоней обрывком хлопчатой ткани. Кейда помог Сэйн встать. Она была от души благодарна ему за столь тесную поддержку, когда он обвил рукой ее талию. На миг он осторожно прижал ее к себе.

— Спи хорошо, мой цветочек. Помоги своей госпоже, Ханьяд, я закрою за собой сам.

Перепоручив ее бдительной заботе слуги, он вышел в сырую пьянящую ночь, подавив бурный вздох. На дворе те слуги и рабы, что закончили на сегодня свои труды, отдыхали и ужинали близ жаровен, выставленных вне их жилищ. Лица их сияли в ярких отблесках рыжего света. Воздух благоухал травами, воскурившимися на углях, дабы прогнать грозно попискивающих и гудящих в ночи кусачих насекомых, и смех то и дело прорывался сквозь низкий рокот бесед. Телуйет ждал внизу, у крыльца.

— Как она?

— Почти как всегда.— Кейда пожал плечами.

— Теперь уже недолго, скоро она родит,— решил произнести Телуйет.

— И как ты думаешь, это будет мое дитя или Ханьяда? — Кейда двинулся к более крупному строению со вторым этажом над средней частью и крыльями с окнами по обе ее стороны.

— Она пришла на твоё ложе нетронутой, мой господин,— задумчиво сказал Телуйет.— И не думаю, что у нее было достаточно времени привыкнуть к твоим ласкам, чтобы призадуматься, а не поискать ли кого еще.

— Достаточно правдоподобно.

И все же то был еще один новый опыт для не в меру чувствительной девушки, прибывшей в неведомое владение. И едва ты ласками отучил ее сжиматься и дичиться, она вдруг забеременела, и ее тошнота положила конец любым объятиям. Действительно не могу себе представить, чтобы Сэйн думала, будто сколько-нибудь приближается к порядочной доле преимуществ этого брака.

Тут настроение Кейды поднялось при звуке оживленных голосов, внезапно затихших за колоннами дома его жены Рекхи. Тени-невелички метнулись по ступеням крыльца, и Кейда присел, знаком велел Телуйету сделать то же самое. Они подобра-

лись поближе почти ползком. Тут Кейда вскочил и поймал за талию вторую дочь, оторвал ее от земли и порывал ей в ухо:

— Эви Дэйш, что ты делаешь снаружи, когда стемнело? Опять ловишь домашних ящерок?

— Отец мой! — Она запищала от удовольствия, изворачиваясь в объятиях, чтобы обхватить руками его шею.

— Вида? — Кейда поднял брови, ибо следующая по возрасту девочка умудрилась между тем прыгнуть на спину Телуйету — благодаря тому, что раб постарался промахнуться, бросаясь к ней.

— Мы не слышали, чтобы нас кто-то позвал, — постаралась она ответить как можно невиннее.

— Как это могло быть? — Кейда отодвинул в сторону локон великолепных темных волос Эви и щекотнул ее ухо. Девочка захихикала, яростно извиваясь, ее хлопчатая ночная рубашка заскользила, но он крепко держал дочь, ее босая стопа терлась о его бедро. — Нет, воска здесь нет. Телуйет, проверь, не заложены ли чем-то уши у этой. А не то придется мне смешать снадобье из корня айхо, чтобы вылечить их от глухоты.

Телуйет содрогнулся в преувеличенном ужасе.

— Но у него такой невыносимый вкус!

Вида спрыгнула и побежала, чтобы приоткрыть главную дверь ровно настолько, чтобы проскользнуть в нее.

— Матушка Рекха, здесь мой отец!

Эви с удовольствием осталась в объятиях отца, в то время как Телуйет небрежно постучал и отворил дверь, свет из-за которой пролился на мраморные ступени. Внутри помещение было ярко освещено лампами, свисающими на цепях с высокого потолка, и огни их отражались от стен, обитых светлым деревом и обильных зеркалами. Белые занавеси из мелких тонких ячеей закрывали длинные окна, от них шло резкое благоухание снадобий, нанесенных слугами, чтобы преградить доступ жареднем и кусачим насекомым ночью.

— Вступи в дом, где все тебе рады. — Торжественное приветствие Андита прозвучало несколько ошеломляюще. Кейда вошел и увидел могучего телохранителя своей второй жены, поглощенного игрой в камушки с младшим сыном господина и повелителя.

— Ты опять его побил, Мезил? — непринужденно спросил отец.

— Пока нет. — Мальчик поднял глаза и широко улыбнулся. — А что, поспорим на это, отец мой?

— Сколько я отсутствовал — дней десять, да? Разве это достаточное время для Андита, чтобы наловчиться? — Кейда сделал вид, будто размышляет. — Нет, не думаю.

Мезил быстро передвинул несколько кружков цветного стекла ловкими в игре на круглой доске пальцами в кольцах. Явно сын своей матери статью и лицом, но с русыми, похожими на проволоку волосами, убеждавшими Кейду, что он, несомненно, причастен к зачатию этого ребенка.

— Я сдаюсь, — вздохнул Андит. — Третье поражение за вечер.

— Полагаю, уже четвертое. — В голосе Рекхи прозвучала игривость. Длинноногая, длиннорукая, величавая в платье из нескольких слоев радужно переливающегося шелка, она лежала на низкой скамье, закрыв глаза. Подушка поддерживала ее шею, между тем как коленопреклоненная рабыня проводила золотым, инкрустированным лазуритом гребнем по длинным черным волосам госпожи. — Ты уверен, что не позволишь Андиту выиграть? — спросила Рекха с легким укором. Ее серебряные браслеты зазвенели, когда она сложила руки.

— Едва ли. Даже я могу побить Андита. — Гибкая, в тесно пригнанной рубаше и клетчатых штанах, старшая дочь Кейды сидела, скрестив ноги, близ своей второй матери на плотном, в несколько раз сложенном ковре с прихотливым узором из листьев кантиры, переплетенных с языками пламени — равно гибелью для дерева и жизнью для его семян. Девушка протягивала руки молодому мужчине, который сидел и терпеливо накладывал золотой лак на ее безупречно очерченные ногти. Она глядела на него с видом хищницы, присвоившей чужое.

— Тогда не играй с ним, До, играй с Мезилом, — сказал Кейда, улыбаясь, дабы смягчить слова. — Иначе как ты усовершенствуешься?

— Я играю с Мезилом. — В противоположность Рекхе, орлиное лицо которой теперь лишь слегка поблескивало от очищающего масла, краски на веках и губах До лежали тяжело, она

словно носила цветную маску. Серебристая пудра на ее скулах отразила свет, когда дочь улыбнулась отцу. Подведенные черным глаза были такими же теплыми и карими, как у матери, но во всем остальном она разительно напоминала своего родного по обоим линиям брата Сиркета. — Я его сегодня почти побил.

— А вот и нет! — загорячился Мезил; голос его ломался и звучал то по-мальчишески, то по-мужски.

— Спорю на день службы Лемира, что могу тебя побить, — бросила вызов До.

— Дети, — Рекха не повысила голоса, но открыла глаза и взмахом руки отослала прислужницу. — Во-первых, До, бейся об заклад не иначе, как на что-то действительно для тебя ценное. Если желаешь испытать, чья удача вернее, твоя или Мезила, поспорь на твои услуги ему или на любой из твоих талисманов. Тогда результат будет иметь для тебя хоть какое-то значение. Во-вторых, у меня был долгий и утомительный день, как и у вашего отца. Ведите себя прилично — и с вами станут обращаться как со взрослыми. А вздумаете безобразничать — вас отправят в постель вместе с малышами. — Она поднялась на локте и сощурила глаза на Виду. — А кое-кого, как я вижу, надо отправить спать вторично.

По кивку госпожи рабыня положила гребень и хлопнула в ладоши, глядя на девочек.

— Теперь тихо. Если разбудите малышей, завтра вас ждет на завтрак холодная соллерная каша и никаких плодов.

Кейда поставил Эви на пол, и та послушно последовала за сестрой через внутреннюю дверь, выходившую в залу с лестницей.

— Можешь сыграть еще разок, Мезил, а затем пойдешь спать. — Рекха встала и вперила в Андита суровый взгляд. — Ты скажешь мне, не хитрит ли он. До, если с руками все в порядке, Лемиру следует очистить твое лицо. Теперь никто больше нас не увидит, а кожа должна немного подышать перед сном. — Она ласково улыбнулась мужу. — Не принять ли нам какое угощение наедине, мой повелитель?

— Как пожелаешь, жена моя, — ответил Кейда с поклоном. Платье зашептало что-то холодному мраморному полу, когда Рекха повела мужа по проходу в обширный и пустынный

покой. Рыжеватые деревянные покрытия стен были выложены великолепными цветами и листьями из перламутра и мыльного камня. Низкий столик из такого же дерева с тем же узором был поставлен по одну сторону от роскошного ковра с изображениями ярких кроваво-красных завитков папоротника.

— Когда ты вернулся? — спросила Рекха, едва они вошли.

— Перед самым закатом, — ответил Кейда. — И сразу поднялся на башню, чтобы почитать в небе в последних лучах дня.

Телуйет скользнул мимо него, чтобы незаметно зажечь в покое лампы, после чего благоразумно удалился.

— Надеюсь, ты увидел там, что все хорошо? — Рекха поглядела на него бдительными темными глазами.

— Небеса предвещают много благоприятного, и никакие знамения не говорили ничего иного. Я получил тьму предложений от старейшин деревень: мне показали и меченосцев хоть куда, и пареньков, жаждущие отправиться за море, да еще хоть корабль загружай изделиями учеников, которых прислали самые разные ремесленники, чтобы ты оценила. — Кейда махнул рукой в сторону соседнего помещения. — Я вижу, твое путешествие тоже было удачным.

— Мони Редигал всегда знала толк в рабах, — кивнула жена с нескрываемым удовлетворением. — Его зовут Лемир.

— Слышал. Пожалуй, чересчур молод, — задумчиво сказал Кейда. — Да и слишком хорош собой.

Рекха подняла бровь безупречного рисунка.

— Думаешь, мне следовало поискать для нашей дочери что-нибудь без конца перепродававшееся, вроде Ханьяда?

— Телуйет говорит, что Ханьяда владельцы продавали друг другу с одного конца Архипелага до другого, пока Ток Файле не приобрел его для Сэйн, — Кейда пожал плечами. — Он может сообщить ей много такого, что она найдет полезным.

— Для женщины, так внезапно возвысившейся, он хорошо подобран. — В голосе Рекхи лишь едва угадывался намек на едкость. — Мы с Джанне позаботились о том, чтобы До не понадобился такой наставник. Она может искать мудрости или хитрости у раба, когда достигнет такого возраста, чтобы решать самой, что ей нужно. А пока пусть ее обожает и потакает ей парнишка, достаточно красивый, чтобы ей завидовали все

равные из других владений в эти последние сроки ее девичества.

Прибытие Телуьета избавило Кейду от поиска ответа. Супруги стояли молча, пока раб ставил на низкий столик поднос и наливал светлый плодовой сок из длинногорлого толстобрюхого кувшина кованой бронзы в сияющие кубки.

— Мы позаботимся о себе сами.— Кейда отпил длинный глоток, в то время как Телуьет налил питье Рекхе и отступил к двери. То был сок лиллы, как и следовало ожидать в такую пору.

— Обождать и потакать — это хорошо, но умеет ли этот Лемир драться и знает ли для начала, в каких случаях дерутся? — Он повернулся, чтобы вновь наполнить свой кубок, и поймал взгляд Телуьета, закрывавшего дверь. Телуьет едва заметно кивнул.

— Его всячески расхваливала Мони Редигал и ее телохранитель. Оба, — доверительно призналась Рекха.

— Очень хорошо.— *Кроме того, Телуьет позаботится о выучке паренька, как только тот примкнет к прочим домашним рабам там, где они возьмется все вместе.* — Итак, теперь, когда у нее есть личный раб, не возьмешь ли ты До на сбор жемчуга после дождей? — Кейда сел, скрестив ноги и выпрямив спину, на ковре, устилавшем мраморный пол, устроившись весьма удобно.

— Думаю, что да.— Рекха рассмеялась и со всем возможным изяществом опустила по другую сторону низкого столика, сложив под собой ноги. Она протянула кубок за новой порцией сока и забавно сморщила тонкий нос.— Во всяком случае, научиться хранить невозмутимое лицо среди такой вони будет само по себе полезно. Если она и впрямь умеет себя вести, я возьму ее в следующее путешествие на север, и, возможно, даже позволю немного поторговать жемчугом помельче, тем, что всегда и всякому подойдет.

— Ей это понравится.— Кейда улыбнулся.— А какие еще победы для владения ты одержала в свою последнюю поездку?

Рекха с удовлетворением улыбнулась.

— Мони Редигал поставит корабль, груженный медью, между нынешними днями и концом дождей в обмен на восьмую долю раковин-жемчужниц, которых мы соберем.

— Она всегда была страстным игроком. — Кейда покачал головой. — А что если половина ее раковин окажется пуста?

— Она сама предпочла играть, — беззаботно заметила Рекха. — Хотя я не считаю, что она что-то теряет, даже если не вполне понимает, какова ее выгода. Мои ныряльщики хорошо говорят о том, что происходит на рифах. Тэйсья Ритсем предпочитает ждать. Неудивительно. Она посмотрит, что дадут раковины, а затем станет торговать лучший шелк за самый ценный жемчуг и чистый перламутр.

— Великолепно, — одобрил Кейда. — А как тебе удалось уладить счета с Миррел Уллой?

— Она клянется, что дороговизна сандалового дерева делает для нее совершенно невозможным выполнение обязательств. — Недоверчивость была неотъемлемой чертой Рекхи. — Я сказала: надеюсь, мол, что она вскоре вернет себе необходимую власть над своими лесорубами. Неважно. Миррел нуждается в жести для своих полировальщиков черепицы, а ближайшее владение, откуда ее могут поставить — Ритсем. Я могу сделать жизнь Миррел чрезвычайно трудной, если напомню кое о каких долгах Тэйсье Ритсем.

Кейда вспомнил недобрые предчувствия Сиркета.

— Ты или Джанне думаете о путешествии во владения Улла перед дождями?

— Мы это обсуждали. — Рекха отпила из кубка, прежде чем покачать головой. — Но затем решили, что нам обоим следует быть здесь и дожидаться первенца Сэйн. В любом случае, дорога туда короче из нашего дома поры дождей, так что сперва стоит переехать на север. Не вредно будет, если Миррел Улла пока побеспокоится о том, что я тем временем делаю.

— Я самого высокого мнения о твоих способностях служить нашему владению, — усмехнулся Кейда. *Я, разумеется, принес большое благо своим детям, найдя такую разумную жену, которая бы обеспечила их будущее своей поразительной торговой хваткой. А отсутствие страсти между нами ведет к тому, что я всегда знаю, чего ожидать от Рекхи.*

— А как твое путешествие? — Рекха наблюдала за мужем из-за ободка своего кубка. — Как дела в наших владениях на повороте от засухи к дождям?

— Удовлетворительно.— Кейда поджал губы.— На каждом острове обычные бесцельные растабары, все знай себе судачат...

— Это неизбежно перед самыми дождями,— оборвала мужа Рекха.— Не было никаких убийств, по которым пришлось бы вершить суд?

— Нет.— Кейда не скрыл облегчения.— И нынче редкий год, когда жара не довела никого до губительного безумия, так что, думаю, мы можем считать это благим знамением. А еще маяки в хорошем состоянии и заправлены. На каждом сторожевом посту свои почтовые птицы, довольные и ухоженные. Ни в одной деревне нет болезни, о которой стоило бы упоминать, и знаки сулили лишь добро, когда бы я их ни читал.

— Будет вспышка чумы или что еще, как только полхнет,— немного кисло заметила Рекха.— Едва ли сейчас лучшее время для Сэйн приносить нашим владениям дитя.

— Я не видел недобрых знамений,— кротко напомнил Кейда. *Это твое священное право — устраивать рождение наших детей, как ты сочтешь нужным, но я не отсылал от себя Сэйн, следуя более строгим правилам, чем те, что определяют твою таблицу рождений — выпадающих в надлежащие годы на плодоносные прохладные дни, когда дожди только что прекратились.*— Все дети хорошо выглядят,— заметил он с довольной улыбкой.

— Они упиваются жизнью.— Лицо Рекхи смягчилось.— Мия в любой день может пойти. Я рада, что ты дома и увидишь это. Ноа, как обычно, носится, сбивая всех нас с ног; она потеряла деревянную козу, которую сделал для нее вчера Бирут, и, клянусь, нам пришлось искать по всему замку три раза подряд.

Кейда рассмеялся.

— И нашли?

— Среди одеял Мии, и Ноа ей в конце концов простила.— Рекха покачала головой с раздражением и нежностью.

— Я первым делом с утра взгляну на них,— пообещал Кейда.

Я могу позволить себе отдохнуть полдня с моими малышками, прежде чем стану разбираться, что тут происходило в мое отсутствие. В конце концов, я господин.

— Удостоверься, что ты не с пустыми руками,— предупредила Рекха, откровенно веселясь.— Эви рассказывала им, что любой из нас, возвращаясь из путешествия, обязательно привозит подарки.

— Они обе достаточно большие, чтобы это понимать? — И Кейда простонал в насмешливом отчаянии.— Еще год, и я стану нищим.

— Не станешь, пока я торгую собранным у нас жемчугом,— решительно отмела такую угрозу в будущем Рекха. Она поднялась одним стремительным движением, отряхнув складки своего одеяния, опавшего вокруг ее стройных ног.— Если ты больше ничего не желаешь обсудить, супруг мой, я желаю тебе доброй ночи. Я буду подводить счета завтра, тогда ты и сможешь на них взглянуть, если захочешь.

И там все будет прекрасно сходитьсь в пользу Дэйшей, не сомневаюсь.

— Доброй ночи,— Кейда не встал, а вместо этого налил себе остатки сока из кувшина. И стал медленно пить, прислушиваясь к негодующим возгласам из дальнего покоя. Ни До, ни Мезил еще не выросли достаточно, чтобы не молить и не канючить разрешения еще немного подождать и не ложиться.

Бесшумным шагом приблизился Телуйет, явно забавляясь.

— А ты небось думал — они уже усвоили, что Рекха никогда не меняет свое решение, как бы они ни шумели.

— Юности свойственно надеяться.— Кейда ухмыльнулся и осушил свой кубок.

— Ты говоришь, как мудрец на свое семнадцатое лето,— поддел его Телуйет.

— Проплыв по всем моим владениям вдаль и вширь, я себя таким и чувствую.— Кейда застонал и протянул руку.

— Хороший ночной сон приведет тебя в порядок.— Раб поднял хозяина на ноги.— Где собираешься спать?

— Давай пойдем и взглянем, какое настроение у Джанне.— Кейда кивнул в сторону дальней двери в вестибюль, и раб отворил ее.— Что ты думаешь о новой игрушке До?

— Что игрушка хорошо справилась с ее ногтями.— Телуйет поджал губы.— Я погляжу, на что этот парень годится на

ристалище. Андит подумал, что придется хорошо погонять его, едва узнал, что госпожа Рекха подумывает его приобрести.

— Дашь мне знать о его успехах. — Кейде было известно, что Телуйет высоко ценит умение Андита биться на мечях; коренастого воина перепродали через несколько владений со срединных островов, где непрерывные битвы отточили искусство боя до предела.

Снаружи, во дворе, стало теперь ощутимо спокойнее, так как почти все домочадцы вождя удалились в постель, прекрасно понимая, что их дела вернутся к ним с зарей, а сон не так-то легко приходит теперь, когда гнетущая жара подвергает всех безжалостному испытанию, от которого избавят только дожди. Лишь часовые расхаживали по парапету бесшумным шагом, да один старый раб медленно ступал по белым тропам, вившимся по садам вокруг домиков, высматривая змей или скорпионов, которым здесь нечего было делать.

Жилище Джанне Дэйш не имело верхнего этажа, лишь крылья-пристройки, добавленные с обеих сторон. Кейда направился к боковой двери, где показался свет лампы, и Телуйет поспешил постучаться за него.

— Вступи в дом, где все тебе рады. — Слова Джанне опередили положенную по обычаю просьбу Телуйета, так что раб просто распахнул дверь. Три музыканта ловко поднялись на ноги и поклонились, подхватив свои лиры и флейту.

Личный покой Джанне был полон бесчисленных подушек, множества боковых столиков, уставленных безделушками и драгоценностями, стены закрывали прихотливо вытканые занавеси с образами резвящихся зверей, а меж ними в устланных хрусталем углублениях стояли, рассеивая мягкий свет, серебряные лампы. Кейда почувствовал, как покидает его накопившаяся за день усталость, едва вступил в этот такой знакомый и уютный чертог. Затем у него запело в желудке при виде блюд, расставленных на низком столике. Пряные ароматы, смешиваясь, поднимались над серебром посуды: от мелко нарезанных и пропитанных соусом овощей, тщательно перемешанных — ради большей улады желудку и глазу — с зелеными листьями, бледными стебельками и тонко нарезанными огненными корешками. Кусочки темного птичьего мяса покоились на ложе

золотистых побегов с прядями блистательных алых морских стручков.

— Это клетчатая птица? — Кейда занял место на твердой подушке против своей старшей жены. Телуьет двинулся, чтобы помочь Бируту, рабу Джанне, который шествовал с подносом, полным новых блюд.

— Один из жителей холмов принес связку таких нынче утром. — Джанне уже выгребала изысканно приправленный соллер из основательного латунного горшка и накладывала на керамическое блюдо с золотым ободком. Она вручила блюдо мужу.

— Налей немного вина своему отцу и немного себе, — обратилась она к сыну. Тот замер с рифленным серебряным кувшином, который только что поднял.

— И мне? — Он поглядел на отца, молча спрашивая дозволения.

Итак, Джанне, твои и мои мысли поют в согласии, как часто бывало и прежде.

— Ты уже достиг возраста благоразумия, — небрежно заметил отец. — Настало время расширить свой опыт.

— Лучше, чтобы ты постиг удовольствия и горести, которые дает крепкое питье, в родных стенах, чем опозорив себя, как Улла Орхан. — Джанне улыбнулась, чтобы смягчить свои слова.

Неумело скрывая довольную улыбку, Сиркет наполнил три кубка чистым золотым вином, прежде чем сесть и принять свою миску дымящейся каши.

— Малая толика легкого вина, когда ты готов взять на себя всю ответственность, когда никто не взывает к твоему суждению, вполне приемлема. Хорошего очищенного вина, разумеется... — Кейда с подчеркнутой суровостью наставил палец на Сиркета. — Но грубая выпивка — это совершенно иное, это змеиная яма.

— Ни один вождь с пристрастием к хмельному не удерживает свою власть сколько-нибудь долго, — согласилась мать. — Как и такой, что терпит пьянство среди своих воинов.

— Всегда чьи-то глаза станут высматривать твои слабости. — Кейда поднял кубок и выпил. — Постигни пределы своих возможностей — и заметишь любого, кто пытается их использовать.

Рабы поставили последние блюда на стол и, отступив, молча уселись по углам покоя.

— Полагаю, все хорошо в наших владениях? — Даже для этого отнюдь не торжественного ужина Джанне оделась с изяществом, какого следует ожидать от первой жены. Золотая и алая краска у ее глаз ярко выделялись на темной коже, перекликаясь с унизанными рубинами цепями драгоценного металла вокруг ее запястий и шеи. Ее зрелому величавому телу льстило манящее платье из малинового шелка и золотой парчи.

— Достаточно хорошо. — Кейда устроился на подушке поудобней и потянулся за птицей. — Впрочем, я все еще не уверен в нашем новом старейшине Шила. Он не сумел собрать деревенских жителей, чтобы очистить русло реки от того, чем оно заросло за сухую пору... Хотя трудно помнить о делах в покое, где тебя столь тепло принимают.

Кейда мимолетно улыбнулся жене. Она ответила на улыбку, ее полные губы блестели слоем алой краски.

— Если дожди не упадут в расчищенное русло, вода разольется, и всей деревне придется ходить вброд, верно? — Сиркет перевел взгляд с матери на отца.

— Что даст селянам, не уважающим власть старосты, повод задуматься, — невозмутимо сказала Джанне. — Посмотрим, как он управится с делами в течение влажной поры.

— Пожалуй. — Кейда пожал плечами, весьма безразлично, ибо упивался легкой кислинкой цитруса, оттенявшей сладость пряного меда, которым была пропитана птица. — Итак, Сиркет, были ли какие-то знамения близ дома, пока я отсутствовал?

Мальчик с набитым ртом обдумывал ответ.

— Две змеи с черными полосами на спинах были пойманы позапрошлой ночью. Они не столь уж необычны в такую пору, и то не была пара. Я имею в виду, одна была у ворот, а другая в саду Сэйн. Обоих поймали перед самой зарей, так что это благая примета, если вообще что-то значит. Ни одна ничего не ела, и не было никаких неправильностей в их внутренностях.

Кейда перегнулся через столик, поворачивая в пальцах серебряную ложку и пользуясь двойным выступом на конце черешка, чтобы поддеть копченую морскую звезду, густо усыпанную пряностями с материка.

— И что же означало их присутствие?

— Что следует бдительно заботиться о нашем владении, — с уверенностью ответил сын.

— Как всегда. — Кейда улыбнулся. — Напоминание ни-когда не бывает тщетным.

Я бы не поставил и груды черепков на то, что Улле Сафару удастся тебя унижить, сын мой.

Внимание всех троих вернулось к доброму ужину в теплом и согласном молчании.

— Как чувствовала себя сегодня вечером Сэйн? — спросила Джанне, когда они сделали перерыв, предоставляя рабам убрать основные блюда и принести на стол плоды.

— Она выглядит изнуренной. — Кейда не скрыл своего неудовольствия, хрустя нежными орешками, лежавшими на блюде вперемешку с лесными пурпурными ягодами. — И вдобавок так исхудала.

— Она всегда ела как птичка, а тут еще жара, и ребенок так тяжел в ее утробе. Ханьяд едва ли в силах уговорить, чтобы она съела хоть горсточку. — Джанне покачала головой с тяжелой тугой прической, от которой остро пахло рыжим красителем, скрывающим седые волоски среди черных.

— Сколько ей осталось дней до родов? Десять? Пятнадцать? — Кейда взял горсть хрустящих ломтиков поджаренного алого плода. — Хотя такие дела считают по лунам... У нее крупное дитя, а она не так крепка, чтобы носить подобную тяжесть, так что начаться может в любой миг.

— Первое дитя часто запаздывает, — возразила старшая жена.

— Я не позволю ей слишком долго медлить. Я приготовил свежее снадобье из лозы пеллы, прежде чем уехал. — Кейда говорил невнятно, ибо рот его был вновь полон орехов. — И я набрал множество синешлемников в пути. — Он бросил взгляд на Сиркета. — Ты основательно занимался без меня помолом и отварами?

Мальчик ухмыльнулся.

— Мы вполне обеспечены средствами против любой болезни влажной поры, какую я нашел в лечебниках.

— А как насчет укрепляющих и очищающих снадобий?..— Кейда заметил, что у сына стерты костяшки пальцев.— Ты никак бился на ристалище, а, сынок?

— Бирут застиг меня врасплох.— Сиркет выглядел несколько пристыженным. Кейда ухмыльнулся, глядя на сына.

— Лучше пусть раб заденет тебя во время урока, чем убийца достанет в ночи.

— Сэйн, кажется, твердо решила посетить башню безмолвия,— вздохнула Джанне.— Она говорила с тобой об этом?

— Да, и я сказал ей, что в этом нет никакой необходимости, пока ребенок благополучно не родится,— решительно заявил Кейда. Лицо Джанне смягчилось.

— Просто она так боится, что родит сына, и он будет последним, что она увидит.

— Хотел бы я знать, почему.— Кейда в полном отчаянии покачал головой.— Я говорил ей снова и снова, что мы вырастим малыша, будь то мальчик или девочка, чтобы служил благу владения и нашему союзу.

— Она явилась из владения, где все еще льется кровь его детей,— напомнила Джанне.— Старый Ток Вэйс мог вырастить всех сыновей и внуков в своей ограде, но им все же пришлось биться за власть меж собой, когда он умер.

— То было достаточно кровавое дело,— вздохнул Кейда.— И мне кажется, мы не знаем и половины, как и никто вне границ владения.

— Надеюсь, что у нее мальчик.— Джанне наклонила голову набок.— Тогда она поймет раз и навсегда, что ты хозяин своему слову. Или пройдет через те же самые муки при новой беременности.

— Если она решится иметь нового ребенка,— кисло заметил Кейда.

— Уверена, что ты убедишь ее вновь пригласить тебя на ложе,— хихикнула Джанне.

Сиркет кашлянул и заговорил, пожалуй, громче, чем требовалось:

— А правда, будто Улла Сафар убивал сыновей, которых рождали его жены?

— И даже наложницы, — ответил отец с поспешностью, которая не скрыла его отвращения. — Он сам давал им лягушачий яд, судя по тому, что он мне говорил.

— Но как же?... Сиркет нахмурился. — Если Орхан умрет...

— Он не так уж и здоров после прошлогоднего приступа костоломной лихорадки, — заметила старшая жена.

— И всегда следует бояться несчастья или злого умысла, — Кейда с вызовом посмотрел на Сиркета. — Что тогда будет?

— Теуи Улла унаследует все, как вторая по старшинству. — Сиркет покачал головой. — Она боится собственной тени. Она не найдет мужа, согласного мыкаться при жене и предоставить ей властвовать.

— Без младших братьев, способных вести в бой меченосцев владения, она счастлива будет избежать брака умыканием, — вставила Джанне.

— Так зачем тогда Улле Сафару колчан лишь с одной стрелой? — И Кейда откинулся назад, изучая сына.

Подумай — сейчас тебе открываются вещи, которые твои родители знали, но никогда не обсуждали в открытую. Как глубоко это до тебя доходит?

Сиркет колебался.

— Он боится, что младшие братья станут угрозой власти старшего во владениях Улла.

— Туле Нар был свергнут своими братьями, — согласилась Джанне, поддерживая сына.

— Ты думаешь, все так просто? — Кейда поднял брови, глядя на Сиркета.

— Туле Нар утратил любовь и уважение всех живущих в его землях, — медленно произнес тот. — Были бесконечные недобрые знамения, прежде чем братья подняли на него оружие.

— Ты думаешь, Туле Рет теперь прочно держит в руках владение? — лукаво спросил отец.

— Туле Дом и Туле Лек готовы умереть за него. Оба. — Сиркет кивнул. — И у обоих есть по собственному двору, равно как и дозволение владеть рабами.

— Дуар Туле даровал всем своим женам долю в торговых правах владения, помимо прочего, — добавила Джанне.

— Верный брат ценится на вес жемчуга. — И все же Кейда улыбался, когда резко указал ложкой на Сиркета. — Никогда не давай Мезилу или сыну, которого может родить нам Сэйн, ни малейшего повода думать, будто ты их не ценишь.

— Ты не боишься, что эти двое могут вступить в сговор против меня, когда я вырасту? — осмелев, спросил мальчик.

— Когда ты старший, а между ними такая разница в возрасте? Твои матери и я немало сделали, чтобы этого избежать. — Кейда некоторое время смотрел сыну в глаза. — Твоя обязанность — позаботиться, чтобы твое правление было достаточно мудрым и они не ощутили бы побуждения устранить тебя.

— Мы скверно выполняли бы свой долг, если бы оставляли владению только угнетателя и притеснителя. — Джанне тоже улыбнулась, но в ее глазах показался стальной блеск. Сиркет закусил нижнюю губу.

— Рекха родила второго сына между Видой и Ноа. Что с ним случилось?

Если наконец всплыл этот вопрос, возможно, пришло время подумать о браке для тебя, сын мой.

— Понятия не имею, — честно ответил отец. — Рекха взяла его на север и сама договорилась, чтобы там о нем позаботились. Он теперь в чьем-то чужом владении.

— Ребенок не почувствует себя чужим там, где его вырастят, — добавила Джанне.

Лицо Сиркета отразило одновременно решимость и страх.

— Я твой единственный сын?

— Да. Я родила еще одного через год после До, но он не пережил поры дождей. — Мать печально улыбнулась. — Я бы послала его к одной из моих сестер, чтобы он рос в ее доме.

— Дочери — благо для каждого владения. Сыновья могут равно стать благословением или проклятием. Каждый вождь должен сам принять решение, сколько их растить и что делать с теми, кто не сможет унаследовать власть. — Кейда с открытым вызовом взглянул на сына. — Почему, думаешь, Улла Сафар убивает младенцев, еще мокрых от крови после родов?

Сиркет не сумел скрыть отвращения, но постарался тщательно поразмыслить над вопросом.

— Жизнь, так скоро оборванная, почти не способна укорениться в делах владения, так что, полагаю, столь ранняя смерть не может причинить слишком большого вреда. Но ищет ли он знамений? Всегда есть надежда, что жизнь ребенка обернется большим благом для владения, чем его гибель, разве не так? — Он перевел взгляд с отца на мать и обратно.

— Конечно, — согласился Кейда.

И если каждый вождь должен принимать такие решения один, и никому не дозволено ему перечить, я все же от души рад видеть твое отвращение при одной мысли об убийстве младенцев, сын мой.

— Улла Сафар считает устранение любого соперника Уллы Орхана достаточным, — пожала плечами Джанне. — И судя по тому, что я слышала, он не беспокоился до этого ни о каких пророчествах.

— Значит, отец и повелитель такой же дурень, как его сын, — дерзко пробормотал Сиркет. Он потянулся за плодом лиллы и начал раздражению счищать пальцами кожуру.

Пришло время для следующего вопроса? «А у тебя есть братья, отец мой?» Как ты относился к решению Дэйша Рейка насчет этой вечной беды — сыновей?

Кейда отпил легкого благоуханного вина. Сиркет сидел молча, собираясь похрустеть маслянистыми семечками из темно-зеленой плоти плода лиллы. Кейда бросил беглый взгляд на Джанне.

— Как ты думаешь, где Сиркет мог бы поискать себе первую жену?

Сиркет вздрогнул и поднял глаза.

— Ты думаешь, пришло время?

— Ты уже почти в том возрасте, в котором был твой отец, когда я за него вышла, — и Джанне улыбнулась.

— Незадолго до того я овдовел по смерти Эндит Кай и развелся с Рине Итан. — внезапные воспоминания вызвали у Кейды сдавленный смех. — Могу посоветовать тебе взять первой женой ту, что уже имела не одного мужа.

Джанне окинула мужа суровым взглядом.

— Чтобы она могла поделиться с мужем опытом всего Архипелага.

Кейду так и подмывало ответить в том же дерзком духе, но он сдержался ради сына.

— Как твои успехи в охоте за подходящим телохранителем? — Джанне поглядела на Кейду. — Ты говорил, что хочешь первым делом уладить это.

— Все еще никак не найду подходящего раба. — Кейда скорчил сыну рожу. — Прости, сынок.

— Возможно, тебе просто стоило бы спуститься с небес на землю. — Джанне осушила кубок. — Ему надо путешествовать, а он не может никуда отбыть без телохранителя. Найди такого, который худо-бедно подойдет, и как только Сиркет начнет странствовать, он сам сможет найти себе что-то получше. — Она с нежностью погладила руку сына.

— Об этом, пожалуй, стоит подумать. — Кейда повертел пустой кубок за желобчатую ножку, изучая туманные узоры, которые оставил на металле молоточек искусного мастера.

Эту мысль лучше всего обдумать и отвергнуть; тогда моему сыну не будет угрожать множество бедствий, которые готовы обрушиться на любого наследника любого вождя и военачальника без лучших мечей, какие я смогу отыскать, чтобы защитить его, и уж разумеется, пока последнее слово остается за мной.

— Мы поужинали, не так ли? — Когда сын и муж кивнули, Джанне махнула рукой Бируту и Телуйету. — Можете поесть. Доброй ночи, Сиркет.

— Доброй ночи.

Нежно обняв каждого из родителей, юноша удалился. Два раба с жадностью набросились на остатки трапезы, а Кейда последовал за Джанне в дальний покой. Она не позаботилась о свете ламп, но пересекла покой, распахнула ставни окна против входа и выглянула в залитый лунным светом сад. Бассейн в раме из белых камней светился среди темных кустов. Кейда подошел и встал позади жены, обвив ее руками и уткнув подбородок ей в плечо. Он держал в объятиях не ту упругую и стройную девушку, которая когда-то равно опьянила его и ввергла в робость, будучи девятью годами старше — но это не имело значения. Прикосновение к ней все еще заставляло его сердце нестись вскачь, как бы ни изменили ее тело годы и

бремя деторождений. Он закрыл глаза и вдохнул столь знакомые и любимые им благовония.

— Тяжело думать о женитьбе Сиркета, — негромко пробормотала Джанне. — С До проще. Не знаю, почему.

— Как часто бывает, я испытываю противоположное. — Кейда поцеловал ухо жены. — Меня тревожит она и все наши девочки.

Джанне улыбнулась.

— А я думала, ты устал после долгого странствия.

— Не настолько. — И он снова ее поцеловал. Широкая горловина ее платья удерживалась на плече филигранными брошами. Он расстегнул одну и поцеловал гладкую кожу.

Джанне развязала усаженный самоцветами пояс, стягивавший платье на мягком теле, и небрежно уронила на пол.

— Ты не искупался, мой повелитель.

— Разве я очень липок? — Кейда сморщил нос и отколол вторую брошь, предоставив шелку упасть и явить соблазнительную пышность ее груди.

— Да. Но мы легко можем это исправить. — Джанне повернулась в его объятиях и наградила его долгим глубоким поцелуем, а сама между тем принялась срывать с него драгоценности. Кейда сохранил самообладание, достаточное для того, чтобы снять оставшиеся броши и спустить платье, обойдя послушные руки Джанне, после чего ткань упала на начищенный до блеска деревянный пол. Джанне выступила из волн шелестящего шелка и протянула руку, чтобы отвести Кейду в баню позади широкой кровати, которая ждала их, заваленная грудой мягких стеганых одеял.

Глава 2

Рука Телуйета нетерпеливо вырвала Кейду из сна без сновидений. Сжав кулаки, он был готов драться, пока теплые одеяла не напомнили ему, что он в постели Джанне, в безопасности — но тут рядом поднялась испуганная жена.

— Сэйн? — Он отодвинул руку телохранителя, сел на постели и потянулся за штанами. — Ребенок?

Джанне зевнула.

— Что такое?

— Маяки, мой повелитель. — Телуьет стоял напряженно, наполовину скорчившись в тени, одна рука на рукояти меча.

— Откуда? — Кейда поскреб бороду, меж тем как нахлынувшие заботы прояснили его мозг, и он стал вполне бодр. — Сколько?

— С юга. Все. — Вокруг темных глаз раба виднелись белые ободки, когда он подавал хозяину рубаху. Джанне отбросила в сторону одеяла и схватила длинную рубаху, чтобы прикрыть наготу.

— Бирут!

Ее раб уже распахивал плечом дальнюю дверь, затягивая утыканный серебряными бляшками пояс поверх кольчуги.

— Разбуди Ханьяда. Пусть ответит Сэйн в дом Рекхи. Я поспешу к детям. — Она обернулась, чтобы взглянуть на Кейду. — Будь осторожен.

— Где Рембит? — Кейда кое-как натянул измятую рубаху через голову.

— С Серно. — Телуьет последовал за господином наружу и вниз по ступеням на двор. — Подожди здесь, я сейчас принесу доспехи.

Все огни поблекли. Теплая ночь попахивала дымком. Кейда увидел своего управляющего, с невозмутимым лицом настойчиво втолковывающего что-то Серно, начальнику дворовой стражи. Над их головами вооруженные люди выстроились вдоль парапета, клинки покинувших ножны мечей блестели в лунном свете. Стрелки держали луки, казавшиеся под луной темными кривыми ветвями, и высматривали любую цель, достаточно беспечную, чтобы себя обнаружить. Мальчишки, состоявшие учениками при каждом из бойцов, собрались за спинами наставников, нагруженные горами стрел с самыми разнообразными наконечниками для пробивания брони и вторжения в беззащитную плоть. Серно кивнул, опустил забрало своего шлема, все в мелких отверстиях, и укрепил его, повернув винт, прежде чем направиться к лесенке, ведущей на верхнюю галерею. Рембит пошел руководить рабами и слугами, перетаскивающими бочки с водой и лари — одни наверх, на стену, другие к дому Рекхи.

Все как положено. Ты посмотрел, чтобы в каждом ящике лежали лекарства и бинты, прежде чем отплыл. У нас достаточно пищи и воды, чтобы поддержать этих людей, если их бдение окажется долгим. Но что мы высматриваем?

— Отец! — Облаченный в усаженную бронзовыми бляхами, окрашенную пурпуром кожу, к отцу подбежал Сиркет. Глаза сына с тревогой смотрели из-под покрытого бисеринками пота лба.

Кейда взглянул на сына — и недоброе предчувствие сжало ему желудок.

Ты мог бы найти для мальчика пригодного раба-телохранителя. Тогда он был бы сейчас, как взрослый мужчина, облачен в кольчужную броню, а не в эту кожу с тысячью гвоздиков. Теперь такая честь могла бы достаться Мезилу.

Едва он это подумал, как появился Телуйет и бросил наземь свою ношу, издав бессловесный возглас.

— Давай я помогу тебе это надеть, мой господин. — Он взял руку Кейды и втянул ее в рукав стеганой куртки. Кейда подвигал плечами, чтобы одежда быстрее села как надо, и потянулся за кольчугой. Бронзовые звеньшки образовывали мелкий узор, каждое из колец величиной было не больше подушечки пальчика грудной Мин. Цельные металлические пластины, припаянные спереди и сзади, чтобы лучше защитить тело Кейды, были отделаны золотом и сияли в лунном свете. Кейда просунул руки в рукава и принял вес доспеха на плечи, прежде чем тяжело пригнуть голову и, продев ее в горловину, ощутить, как кольчуга бежит вниз по бокам и спине. Она мягко позванивала, обволакивая тело, и Кейда издавал беззвучные проклятия, ибо кое-какие звеньшки зацепили по пути волосы на его голове.

— Есть какие-то вести с юга? Птицы с посланиями? — Он взял широкий пояс, который протянул ему Телуйет, туго стянул им бедра, и вес брони на плечах оказался облегчен.

— Пока нет. — Телуйет преклонил колени, чтобы надеть на хозяина перевязь с мечом. Сиркет наклонился и подобрал шлем отца — удостовериться, что хлопковая изнанка-подшлемник ровна, прежде чем подать его.

— Ступай на птичью башню, принеси мне весть, как только она прибудет. — велел отец сыну. — Любую.

Сиркет молча кивнул, повинуюсь, и заспешил прочь. Кейда плотно надел украшенный золотом шлем на голову, натянул до плеч тонкое кольчужное покрывало и защелкнул впереди державшую его застежку. Дырчатое забрало все еще оставалось на стержне надо лбом, но в остальном он был теперь облачен в доспехи с головы до колен. Во влажной и жаркой ночи пот немедленно заструился по спине меж лопаток.

— Мой господин? — Телуйет протянул ему кожаные чулки, искусно украшенные металлическими пластинками, способными отвести клинок или наконечник стрелы. Кейда покачал головой.

— Это мне на стене не пригодится.

Телуйет нахмурился, но не стал настаивать, а последовал за господином на стену. Один из людей Серно придерживал лесенку.

Сначала главное. Так всегда учил тебя Дэйш Рейк. Эта мудрость обеспечила ему безопасность, несмотря на два вторжения в его обитель поры дождей. Но какое бедствие может теперь явиться с юга?

Кейда поглядел на море. Луны превратили поверхность лагуны в переливчатый шелк. Рыбаки-островитяне разбирали лодки, поспешно рубя привязи, чтобы скорее скрыться в ночи, пока на них не обрушилась неведомая напасть. Дальше медленно разворачивалась огромная галера, и весла вырезали на воде сияющие хвосты. Когда широкое судно с единственным ярусом весел поспешило покинуть прикрывавший его риф, чтобы бежать к северу, в безопасность, появилась более длинная и тонкая тень триремы, что-то вынюхивающий нос, снабженным окованным бронзой тараном, наострился на юг. Скоро появятся другие, в этом Кейда не сомневался.

Маяки полыхали у ближайшего островка — тот едва ли размером превышал риф, но лучшее место, чтобы оглядеться во всех направлениях, трудно было придумать. Кейда сосчитал огни. Телуйет оказался прав. Каждый остров на юге извещал о беде.

Что там может твориться? Все огни, как и положено, золотые. Значит, там беда. Но не какое-нибудь определимое зло, чтобы огни-вестники подсказали, что это, выбрав оговоренный цвет. Стало быть, речь не о вторжении, пожаре или потопе, не о внезапной болезни и не о порче от паразитов.

Кейда поднял взгляд к небу. Нигде наверху никаких намеков — ни падающих звезд, прочерчивающих ночь, ни внезапным пятен, обезображивающих одну из лун.

— Отец! — Сиркет неловко вскарабкался по лесенке, сжимая горсть небольших серебряных валиков. Телуйет ухватил мальчика за руку и проворно втянул его на парпет. Кейда быстро взял одну из трубочек и начал отворачивать крышки на концах.

— Телуйет, дай свету!

— Не наверху. Не стоит, — решительно укорил его Телуйет. Кейда взирал на своего раба с мгновение, прежде чем понял, что тот сказал.

— Значит, нужен потайной фонарь. Спешу. — Он упал на колени, под прикрытие верхней части стены, развернул тонкий свиток и в лунном свете, сощурившись, попытался различить мелкий и корявый почерк. Сиркет раздраженно зашипел, изучая строки на витой полоске.

— Это с Гелима, но здесь тайнопись. — И потянулся за другим посланием. Кейда еле-еле смог разобрать слова на свитке, который держал.

— Прибывают лодки Чейзенов. Мужчины, женщины, дети бегут от неведомой напасти. — Он взглянул на подпись в конце озадачивающего послания. Оно прибыло с центральной башни птичьей почты на Декуле.

Что бы ни стряслось, а вызванные этим волны бьют о берега самого южного и самого западного из подвластных мне островов.

— Отец! — Сиркет глядел в другое послание в скупом свете потайного фонаря, который достал откуда-то Телуйет. — Чейзен Сарил занял скалу Хид с пятью триремами.

— Зачем ему это понадобилось? — Кейда нахмурился.

— Чейзен Шас однажды потребовал у Дэйша Рейка жемчужные рифы к востоку от Андемидских отмелей, — с сомнением произнес юноша.

— Жемчужные рифы кое-чего стоят. А скала Хид — это лишь голый камень, если не считать соленой заводи, окруженной чахлами пальмами. Вот почему Дэйш Рейк объявил ее ничейной стоянкой для галер, что ходят между нашими двумя владениями, — напомнил сыну отец.

— Это вторжение? — спросил Сиркет.

— Нет, если все население бежит.— Кейда вручил сыну послание, которое только что прочел.— Не было никаких вестей от Чейзенов в мое отсутствие, не так ли? Ни намека на ссору?

— Нет,— уверенно ответил сын.— Я бы тебе сказал.

— И они знают, что мы можем без лишних хлопот отогнать их воинов обратно в море,— резко произнес Телуйет.

— Поднеси лампу ближе.— Следующее послание было неряшливо заляпано, и Кейда потянулся, чтобы чуть отодвинуть закопченное стеклышко темного фонаря.— В земли Чейзенов вторглись с юга. Они везут раненых и молят об убежище.— Послание прибыло с одной из почтовых башен на Надже-ле, крупнейшем острове южной окраины владений Дэйш.— Что лежит к югу от Чейзенов? — вслух подумал Кейда, медленно опустив хрупкий лист, отягощенный столь недобрыми вестями.

— К югу от Чейзенов? — Телуйет поглядел на него с изумлением. Сиркет покачал головой, явно озадаченный.

— Ничего. Только океан.

Кейда вручил ему послание.

— Тогда что ты извлечешь отсюда?

— Вторжение? — Телуйет заглядывал через плечо юноши.— Значит, они будут держать скалу Хид, чтобы остановить это — идущее с океана.

Кейда просмотрел остальные послания.

— Почти везде одно и то же. Владения Чейзен подверглись нападению с юга. Стоило бы разобрать эту тайнопись, даже если там говорится то же самое. Сиркет, принеси ведро углей с кухонного очага. В башню обсерватории.

— Да, отец.— Смущенный, юноша тем не менее поспешил прочь без вопросов. Кейда последовал за ним вниз по лесенке.

— Если мы идем за ворота, надень поножи,— Телуйет бросил ему тяжелую кожу, как только они очутились на земле.

— Да, господин.— Кейда, сморщившись, натянул ненавистные кожаные чулки. Металлические пластины на них мешали передвигать ноги, когда он последовал за Телуйетом через боковую калитку на противоположную от моря сторону двора, чувствуя, как твердая кожа стесняет пальцы ног.

Здесь есть и светлая сторона. Можно не остерегаться змей, если топаешь вперед, точно варвар в сапожищах.

Телуйет, которому его защитные чулки не мешали, обнажил мечи и побежал впереди к горстке меченосцев, выставленных у калитки.

— Мы идем к башне пророчеств,— кратко сообщил им Кейда. Глава стражи отодвинул засовы калитки и распахнул ее. Его люди выбежали наружу и рассыпались, готовые встретить любую угрозу. Телуйет ждал, стоя между своим господином и любой невидимой опасностью.

Шум сзади побудил Кейду повернуть голову, и он увидел Сиркета, бегущего рядом с кухонным слугой, который нес железную миску, полную тлеющих углей и зажатую меж двух кусков доски.

— Оставайся позади меня,— велел Кейда, обнажая меч.

А что если это просто заговор, чтобы повергнуть нас всех в смятение и позволить какому-нибудь убийце пробраться на берег? Сомневаюсь, но в любом случае ни один злодей не дотянется до Сиркета, пока я властвую в этих землях.

Они пробежали мимо тихих домов с запертыми ставнями и покачивающимися дверями, несколькими оброненными здесь и там предметами одежды, разбросанными глиняными черепками, захрустевшими под твердой подошвой одного из стражей. Тревожные предчувствия Кейды немного смягчились.

Твои люди в безопасности, они бежали в потайные лесные землянки и затерянные в горах пещеры, где все, что может им понадобиться, ждет в запечатанных горшках и кованых сундуках, защищенных от ржавчины и насекомых.

Ночь под деревьями была кружевом черных теней и белого света луны. Меченосцы рассыпались веером по обе стороны, но затаившихся врагов не попадалось. Телуйет осматривал тропу впереди, доспехи негромко позвякивали на бегу. Ничто не шевелилось во тьме, если не считать нескольких вспугнутых ночных птиц, покинувших заколыхавшиеся кусты. Непроницаемая чернота башни вскоре замаячила перед ними.

— Кто идет? — окликнул башенный часовой.

— Дэйш Кейда! — Несколько меченосцев эхом подхватили гордый крик Телуйета.

— Стойте, дайте вас рассмотреть.— Часовой осторожно приподнял полуприкрытый фонарь, а затем низко поклонился. Кейда убрал меч в ножны и стал отпирать дверь башни.

— Телуйет, охраняй внизу. Сиркет, возьми огня в нижний чертог. И пусть нас не тревожат.— Кейда взял фонарь стража и вошел, предоставив стеречь вход собравшимся вместе меченосцам.

Огромный круглый стол был главным, что находилось в круглом чертоге внизу башни. Сиркет бросил взгляд на отца; отсветы углей жаровни, которую он держал, отбрасывали таинственные тени на его лицо.

— Что мы будем делать? — Голос его звучал напряженно, руки одеревенели. Кейда ободряюще улыбнулся.

— Раздуй жаровню.— Он взял несколько раскаленных углей и пошел засветить лампы, установленные в зажимах вдоль стен. Затем снял шлем и потер взмокшие от пота волосы ноющими пальцами.

Пока Сиркет занимался небольшой железной корзиной-жаровенкой, поставленной на шиферную плиту под окном, его отец снял с шеи искусно сплетенную золотую цепь, нашел ключ и отпер высокий шкаф, встроенный в стену. Внутри были битком набитые узкие ящички железного дерева с бронзовыми ручками-петлями. Кейда вытащил один и поставил на стол. Сиркет, высыпавший раскаленные угли на ложе из холодных и черных углей, поднял глаза.

— Мезил говорил, что нам следует держать ключи к тайнописи внутри двора. Захватчик может занять башню прежде, чем нападет на нас.

— Если захватчики когда-либо ступят на любой из наших островов, мы откажемся от любой тайнописи, которой пользовались раньше, и начнем с чистого листа.— И Кейда отпер ящичек.— Лазутчики тревожат меня больше, чем захватчики, пока дела идут как положено. Слишком много народу входит к нам во двор и выходит оттуда, даже если для этого им надо миновать Серно и его людей. Здесь проще заметить пробирающегося туда, где ему нечего делать, а ключи есть только у нас с тобой.

Порывшись среди бумаг в ящичке, он вытащил лист, где истолковывался тот самый вид тайнописи, который хозяин птиц с Гелима искусно вывел на своем свитке. Кейда быстро

разобрал нехитрое письмо. Затем прочел повторно. Глубоко вздохнул и принялся поочередно изучать каждый таинственный значок и его смысл. Послание не менялось.

Люди Чейзена бегут от волшебства. Они молят об убежище или чистой смерти, как будет решено.

— Что говорится в послании с Гелима?

Кейда оторвался от бесплодных попыток придать какое-то иное значение словам, чтобы посмотреть, как Сиркет работает маленькими мехами у основания жаровенки. По лицу юноши бежал пот.

Что написано на моем лице?

— Не уверен, что понял правильно. — Кейда обошел стол, чтобы бросить измятую бумагу на угли, где она быстро стала пеплом.

Такие подозрительные вещи не должен после меня прочесть никто другой, даже мой сын. Нет, пока не будут развеяны сомнения. И то, что старейшина Гелима написал такое, пусть тайнописью, само по себе достаточно скверно.

Кейда еще раз глубоко вздохнул, по-прежнему чувствуя, как кровь бьется в его горле.

— Дай-ка посмотрю, что могут нам сказать огонь и самоцветы. — Он вернулся к шкафу и снял с полки маленький ящичек.

— Отец? — Слабая тревога окрасила любопытство Сиркета, когда тот снял до блеска отполированный лист меди с крюка на стене и положил сверху на угли.

— Будь предельно внимателен. — Кейда подбадривающе улыбнулся, открывая ящичек, где оказались драгоценные камни, мягко засиявшие в свете лампы. — Такое гадание применяют только в самых важных случаях. — Он бросил горсть необработанных камней на нагревающийся металл. Они покатались, скользя, неровные, но отполированные, являя свою природную красоту. — Обрати внимание, как они движутся по отношению к земному компасу и дугам небес, — тихо сказал Кейда. — Не упустит ни одного изменения цвета. — Он потянул к себе лист бумаги и взял тростниковое перо; чернила уже стояли рядом с ним на столе.

Сиркет невольно поглядел в окно, чтобы проверить, как расположены звезды. Кейда не отводил глаз от камней. Он закрыл слух для негромких голосов из-за двери и ночных

шумов за окнами, не обращая внимания на удушающую жару в чертоге.

Когда металл достаточно нагрелся, камни пришли в движение. Изумруд проворно сместился, направляясь к северу. Желтая шпинель заставила отца и сына вздрогнуть, когда внезапно покатились вбок и ударились об аметист.

— Что это означает? — затаив дыхание, спросил Сиркет. Кейда не сводил глаз с камней, не глядел даже в заметки, которые делал. Несколько клякс не могли изменить их смысла. Сапфир неподвижно стоял на боку. Это ему мерещится — или синева темнеет? Небольшой топаз, приплясывая, подался на восток. Кейда оглядел рубин, покачивающийся туда-сюда.

— Поднимись и почитай для меня знаки в небе, — медленно распорядился он. — Прочти главный квадрат, а затем начерти треугольник с юга. *Оттуда-то и идет беда. Посмотрим, что ты увидишь.*

— Как желаешь, отец мой, — Сиркет закрыл рот и покинул чертог. Кейда по-прежнему наблюдал за камнями. *Да, этот сапфир определенно темнеет. Дурное предзнаменование: нам грозит некий могущественный муж. Рубин и изумруд вместе выглядят как прямое указание на несчастье с юга. И оно таково, что шпинель, камень невинности, настолько страшится, что ищет укрытия у аметиста. Значит, владению Дэйш нужны надежные союзники. Но топаз предостерегает об измене. Измене со стороны Чейзенов или о предательстве какой-нибудь ищущей падали ящерицы, вроде Уллы Сафара? Алмаз, сердолик и лунный камень так беспомощны, неподвижны и немы.*

Кейда сложил камни обратно в ящичек вместе со сложенным листком тростниковой бумаги. Найдя прямоугольник мягкой кожи в ящичке стола, он, обернув пальцы, поднял медную пластину с углей и повесил обратно на крюк.

Что теперь? Небо еще недавно ни на что не намекало, как-то непохоже все это на правду. Сиркет увидит что-то новое. Попросить Джанне погадать по полету птиц — это явно следующий шаг, но с этим надо подождать до зари. Почти для любого прорицания нужен дневной свет, не так ли? Лунный свет слишком ненадежен, чтобы читать в нем знамения, когда

подозревается опасность от могучего волшебства. А разве не многозначительно само по себе, что все другие средства постижения истины недоступны? Конечно. Надо пойти и самому посмотреть, что происходит.

Кейда быстро вернул все в шкаф и тщательно его запер. Подхватив свой шлем и приблизившись к двери, он окликнул одного из меченосцев, сопровождавших его сюда.

— Скажи Серно, пусть даст знак «Скорпиону» идти к берегу.— То был единственный корабль, на котором он согласился бы отправиться на юг, если существует хоть какая-то вероятность, что слухи о магии не пусты.— Дайте им знак, чтобы забрали Атуна.

Когда посланец побежал прочь, Кейда крикнул вверх по лестничному колодцу:

— Телуйет! Сиркет!

— Мой господин? — Голос раба донесся до него с вершины башни.

— Спускайся сюда.— Кейда обернулся к оставшимся стражам.— Вы трое, нам нужен олененок. Возьмите след и не возвращайтесь, пока не принесете добычу.

Один из тех, кого он выбрал, бросил взгляд на темную громаду гор; кольчужное плетение, обрамлявшее его шлем, зазвенело.

— Олени не зашевелиятся до рассвета. Он достаточно скоро.

— Принесете его ко мне во двор.— Кейда кивнул появившемуся на ступенях Телуйету и Сиркету позади него.— Мой сын почитает по внутренностям.— Он взглянул на Сиркета и улыбнулся, увидев ошеломленное лицо сына.— Ты часто стоял подле меня. Справишься. Было что-то новое в небе?

— Чтение трианта ничего не дало.— Сиркет едва ли не сплюнул с досады.— Дерево Кантиры в дуге страха и вражды, но ничто другое не намекает, чего именно нам следовало бы страшиться. Копье устремляется в дугу смерти и страсти, но нет небесного камня сколько-нибудь близко — ничего, чтобы намекнуть, где сосредоточить наши силы или какими насильственными действиями наши враги могут нам угрожать.

А разве отсутствие знаков само по себе не знак? Все наши гадания связывают нас с нитями прошлого и будущее-

го, когда мы различаем узоры событий, которые привели нас к этому настоящему и предполагаем их незримое развертывание, чтобы иметь лучшее руководство. Никакая сила не нарушает естественного порядка вещей столь всеобъемлюще, как скверна чародейства. Догадываясь, что все пристально наблюдают за ним, Кейда неторопливо улыбнулся.

— Мы закончили. Погаси огонь и запири, Сиркет. Вы трое, препроводите моего сына во двор, Телуйет пусть идет с ним рядом.

— Почему Сиркету понадобится читать по внутренностям олененка? — спросил Телуйет.

— Потому что мы поведем корабль к югу. — Кейда стремительно прошелся, чувствуя, как неприятно стопам в отсыревших чулках. Одежда под его бронею напилалась потом.

— Это то, чего попросило у тебя послание? — настороженно спросил Телуйет.

— Я прочел кое-какие сложные знамения. — Голос Кейды призывал раба умерить свое любопытство. Кейда задержался у развилки тропы. — Я иду прямо на берег ждать «Скорпиона». Принеси мне немного одежды попроще. Скажи Джанне и Рекхе, что я pošлю почтовую птицу, как только будут новости.

Телуйет стоял упрямо и неподвижно.

— Госпожа Джанне не одобрит твоего намерения направиться на юг без ясного представления о тамошних бедствиях.

— Тогда можешь благодарить судьбу, что она не похожа на Чэй Уллу, которая поднимает хлыст на любого раба, подвернувшегося под руку, если хоть чем-то недовольна. — И Кейда ухмыльнулся Телуйету. Раб не ответил улыбкой.

— Она даст тебе пощечину, когда мы вернемся, если сочтет, что ты ее заслужил.

— Не впервые, — кисло согласился хозяин. — Поэтому я и собираюсь ждать на берегу, пока она надежно заперта во дворе.

Телуйет больше не стал открывать рот почему зря и повернулся на пятках. Кейда последовал другой тропой и вскоре достиг берега. Торопливые стопы рыбаков, бежавших к лодкам, истоптали белый песок. Теперь никого не было видно; даже фонарики над висящими сетями словно прикорнули. Кейда медленно пошел вдоль берега, выискивая что-нибудь необыч-

ное, выброшенное морем, любой знак несвоевременного поведения крабов или каких других обитателей лагуны. *«Все, что было, все, что есть и все, что будет, неразделимо. Мы живем в настоящем, но все, что мы видим, является нам в незримом отсвете того, что уже миновало. Будущее может озариться для нас свечением, исходящим из настоящего, если мы заметим, как оно преломилось в зеркале природы. Мы должны учиться видеть каждый отдельный знак и растолковывать его смысл ради целого».*

Они стояли на этом самом пляже, когда отец произнес эти слова. Дэйш Рэйк вознес большой камень высоко над головой, прежде чем метнуть его. Все дети ликующе завопили, когда камень врезался в воду.

«Вы думаете, камень исчез? Ничуть. Вам просто не видно, как он погрузился в песок. Но вам виден песок, за клубившийся в воде. И вам видна рябь, пробежавшая через лагуну. Посмотрите на нее внимательней. Она скажет вам, что сеть, которая здесь расставлена, скоро содрогнется. Если ее как следует не закрепить, она даже может уплыть в море. Если вы это вовремя поймете, то сможете подобрать сети, закрепить узлы, прикрыть ее лодкой.

«Но как нам узнать, что лучше всего сделать?» — спросил тогда Кейда, он это помнил. Отец взъерошил ему волосы: «Это обсудим на новом уроке».

Ты хорошо усвоил уроки, можешь применить свои знания теперь, когда судьба каждого зависит от того, как ты оценишь рябь, разбегающуюся из владения Чейзен? Пытается ли твой отец что-то сказать тебе через это воспоминание? Что сделал бы Дэйш Рейк? Это не головоломка. Он собрал бы все сведения, какие смог, а затем стал бы действовать быстрее, чем кто-либо мог ожидать.

Кейда оглядел лагуну и увидел приближающийся, взмахивая веслами, черный силуэт «Скорпиона» на фоне полного звезд неба. Он сам выбрал кораблю имя из-за вздымающихся полукругом над кормой крутых бортов и укрепленных носовых бимсов, выходящих наружу по обе стороны тарана. Якоря держали судно по обе стороны носа, точно погруженные в песок клешни.

Есть ли тут знак? Скорпион предвещает кару, скорое воздаяние за надменность. Разумеется, мой долг — наказать любого, кто принесет скверну чародейства в мое владение. Он наблюдал, как лодчонка-невеличка отделяется от тени триремы и движется к берегу.

— Мой господин! — Телуйет бегом примчался на берег как раз когда лодчонка коснулась днищем отмели. — Госпожа Джанне весьма и весьма недовольна. — И предоставил прочно завязанному узлу соскользнуть наземь.

— Госпожа Джанне не принимает такого рода решений ради владения, — сурово произнес Кейда. Телуйет не отступил.

— Почему мы не можем дожждаться вестников, которые явятся с подробным рассказом? Чейзен Сарил, разумеется, кого-нибудь пришлет. Он не может желать войны с нами. — И протянул хозяину мех с водой. — Выпей, господин мой.

Кейда обдумывал его слова, с признательностью утоляя жажду.

— Старейшина Гелима сообщает, что люди Чейзена бегут от волшебства, — только и сказал он Телуйету. — Я должен сам увидеть. И быстро.

Телуйет стоял молча с полуоткрытым ртом, затем внезапно подхватил узел и зашагал к краю воды.

— Правее, дармоеды, спинами к нам! Идемте на борт.

Не стоит вымещать свои чувства на незадачливых гребцах, однако, ты должен позволить Телуйету это средство разрядиться. А тебя Дэйш Рейк учил иному.

Кейда вскарабкался в гребную лодчонку. Раздражения, вызванного рабом, было достаточно, чтобы гребцы поторопились и с весьма приметной быстротой повезли их к ждущей триреме. Очутившись на борту, Кейда поспешил на корму.

— Мой господин, — старший на судне ждал перед двумя рукоятями, которыми можно было поворачивать пару огромных кормовых весел, задающих направление стройному кораблю.

— Джатта, поворачивай в сторону Наджела, — сухо приказал Кейда.

— К Наджелу? — Начальник меченосцев владения стоял рядом с корабельщиком, только что явившись с одной из тяжелых трирем, теперь видневшейся прямо позади выступа-

ющего из прибоа рифа, который оберегал якорную стоянку острова.

— Позже, Атун.— Кейда ненавязчиво махнул рукой, оставивая крепко сложенного воина. Атун умолк, темные глаза настороженно посмотрели из-под густых бровей, все еще черных как гагат, хотя жесткие волосы и борода уже изрядно поседели. Мышцы его были по-прежнему тверды, как человека на двадцать лет моложе него. Он был ровесник Джанне, и его опыт снова и снова оказывался бесценен для владения. Его присутствие подняло дух Кейды. Правда, тот все-таки спрашивал себя, как встретит этот закаленный боец натиск чародейства.

— Да будет так! — Рослый корабельщик в длинном одеянии щелкнул пальцами кормчему, ждущему на своем сидении, установленном перед самой крутой частью изгиба кормы. А тот махнул старшине гребцов, ждущему в проходе, разделявшему надвое весь корабль, точно черный ров, и открывавшему три яруса скамей с гребцами под верхней палубой. По знаку старшины флейтист, сидящий на середине прохода, сыграл трель, требующую внимания. Все подняли весла, готовясь к работе. При следующей трели тростниковой дудочки каждая лопасть врезалась в воду, и Кейда почувствовал, как задвигалось под ним судно.

— Мой господин.— Телуйет появился сбоку от вождя с маленькой сплетенной из прутьев клеткой.

— Спасибо.— Кейда взял клетку и спустился по крутым ступенькам в проход, а затем быстро двинулся по нему через весь корабль к лесенке, ведущей на носовой помост. Когда он огибал флейтиста, сидящего на деревянной колоде, одной из тех, что поддерживают мачту, когда ее устанавливают, налегшие на весла гребцы искоса поглядывали на своего господина, и в глазах их сквозь тень палубы блестело любопытство. Кейда помедлил и улыбнулся старшине гребцов, как всегда расхаживавшему взад-вперед меж скамей.

— Мне нужно успеть на Наджел к заре.

— Доберемся одним рывком, верно, ребята? — Старшина гребцов поощрительно улыбнулся своим подчиненным, меж тем как флейтист сыграл приказ двигаться чуть быстрее. Десятеро ведавших парусом спокойно ждали под прикрытием

носового помоста, готовые поставить мачту или сменить кого-нибудь у весла. Носовой старшина почтительно склонил голову перед Кейдой, когда тот поднимался на помост, сужающийся к острому клюву судна. Там, наверху, корабельная стража из десяти меченосцев терпеливо сидела с неогражденной стороны и обозревала море во всех направлениях. Четверо стрелков из лука собрались на носу, чтобы кратко переговорить, прежде чем разделиться и нести дозор по обе стороны носа и кормы. У каждого висел на плече колчан, полный стрел, на случай, если встретятся враги или потребуется дать знак.

Открыв плетеную клетку, Кейда бережно ухватил сердитую голубку. Маленькая белая птичка растерянно заморгала, но сохранила достаточно спокойствия, когда Кейда извлек ее из клетки и подбросил в воздух.

Куда она полетит? Уж не обречет ли на неудачу это плавание, пока еще даже не начавшееся?

Голубка развернулась над его головой, неловко трепеща, оробев во тьме. Затем внезапно прынула вниз и направилась прямехонько назад к клеткам, стоящим во владениях плотника под кормовым помостом. Кейда услышал, как прыснули задние гребцы. Старшина гребцов выступил вперед и поглядел снизу, из прохода, с широкой улыбкой.

— Просится обратно в клетку, к остальным.

— Значит, дело плохо,— пробубнил Телуйет.

— Знак, что нам не мешает все хорошо обдумать,— твердо сказал Кейда, спускаясь по ступеням и вновь меряя трирему шагами из конца в конец. Атун нетерпеливо ждал на корме.

— Что творится на Наджеле такого, что нам понадобилось спешить туда ночью? — Он выглянул в море, где ждали тяжелые триремы с лучшими воинами владения на борту. «Скорпион» был уже и короче — быстрая трирема, предназначенная для таранного боя, а не для перевозки и высадки воинских отрядов.

— Лодки Чейзенов подходят к нашим берегам, и их немало,— объяснил Кейда.— В них мужчины, женщины и дети. Я хочу знать, с чего бы.

— Это не вторжение, пора неподходящая,— напомнил Атун, решительно тряхнув головой с квадратными челюстями — Чей-

зен Сарил может быть глупцом, но его войны не последовали бы за ним в поход, в котором их залило бы дождями, пока и полдела не сделано.

— Кажется, народ Чейзена бежит от какой-то напасти,— осторожно произнес Кейда.— И та, похоже, нагрянула с юга.

— Наверняка это пустой переполох. К югу от Чейзенов ничего нет.— Корабельщик Джатта подошел к ним, возвышаясь над троицей на целую голову.— Я слышал, что Мони Редигал пришлась бы по душе ее собственная торговля черепашьими панцирями,— добавил он. Волосы и борода Атуна были коротко подстрижены, как и подобает бойцу, но Джатта предпочитал заплетать и то и другое в тонкие косицы, как делали пожилые островитяне и старейшины деревень.

— Пусть тешится мечтами и впредь,— резко заметил Телуйет.— Редигал Корон никогда ни к кому не вторгнется лишь ради того, чтобы ее ублажить.

— У Чейзена Сарила нет наследника, достигшего возраста благоразумия,— задумчиво заметил Кейда.

— Что неизбежно делает владение уязвимым,— кивнул Атун.

— И владением, которое кое-чего стоит.— Джатта недоверчиво поджал губы.— Что такого есть у Чейзенов, чего могли бы отчаянно захотеть другие?

— Черепашьи панцири и несколько заурядных жемчужных рифов? — насмешливо обронил Телуйет.— Акулы шкуры и кое-какая китовая кость, которую они находят выброшенной на свои пляжи?

Кейда обдумывал загадку с другой стороны.

— Даже если Редигал Корон, или мне следовало бы сказать, его верные советники...— Вокруг рассмеялись.— Если корабли Редигалов напали на Чейзенов, их путь туда лежит прямо из их собственных вод. У них есть порядочного размера острова к северу. С чего бы им вздумалось давать эдакий крюк от своих берегов и нападать с юга?

— Им потребовалось бы выйти далеко в открытый океан. Это безумие.— И Джатта решительно покачал головой.— А если учесть, что дожди могут хлынуть в любое время сразу после затмения Большой Луны...

— Для вас это не меньшая загадка, чем для меня. — Кейда коротко кивнул Атуну и Джатте. — Будем надеяться, что найдем какие-нибудь разгадки на Наджеле. Дай знак тяжелым триремам, чтобы шли следом со всей возможной скоростью.

Пока Джатта передавал приказ старшине гребцов, который передал его вперед, носовому старшине, Атун зевнул.

— Я бы отдохнул с твоего дозволения, мой господин.

— Конечно.

Пока Атун тяжело ковылял вниз по ступеням, чтобы устроиться в тесной кладовой на корме рядом с почтовыми птицами и корабельным плотником, с носа пронзительно запел рог. Кейда обернулся и взглянул вдоль круто вздымающихся кормовых шпангоутов, поддерживающих пролеты тесно пригнанных досок обшивки и образующих изогнутую стену. Тяжелые триремы строились, чтобы последовать за «Скорпионом».

— Посмотрим, смогут ли они угнаться за нами, — ухмыльнулся Джатта, усаживаясь на стул, возвышавшийся как раз позади места кормчего. Кормчий подался вперед, ловкими руками ухватив парные рули. Кейда скользнул мимо Джатты в небольшое пространство на корме позади места корабельщика — единственное на «Скорпионе» место на верхнем уровне, где можно отважиться вздремнуть, не опасаясь, что в любой миг скатишься за борт. Ни одной быстрой триреме не положены лишние поручни: чтоб меньше весила.

— Ты не предостерег их относительно того, что подозреваешь, — спокойно указал Телуйет. Расстегнув кожаный ремень, стягивающий его тюк, он развернул то, что лежало сверху. Одеяло. — Вот, это на случай, если станет холоднее, чем ты рассчитываешь.

— Не было известий, что зло, от которого бежит народ Чейзена, прибыло к нашим берегам. — Кейда взглянул на спину Джатты, устраивавшегося на своем месте, но все внимание того было сосредоточено на море перед узким носом корабля. — Я не хочу возбуждать ненужные страхи. — Он подвигал челюстью. — Люди, чего доброго, просто впадут в безумие, подогретое слухами. Не исключено, что эти слухи окажутся даже откровенным вымыслом, распространяемым нападшими на Чейзенов.

— В своей решимости требовать для себя заводь у песчаных скал, которая могла бы пригнуться только черепахе, — язвительно пробормотал Телуйет. Он взял себе второе одеяло и недовольно скорчился рядом с Кейдой.

Если же это не ложь, а ужасная правда — тогда мы сделаем все, что сумеем, чтобы остановить любого, напускающего колдовство в здешние пределы, невзирая на законы и решения любого вождя. Если потребуется жизнь каждого из нас, чтобы не допустить морок во владения Дэйш, что же, наша кровь — это справедливая цена.

Кейда невольно задрожал на прохладном ветерке, овевавшем стремительно бегущий корабль. Темные острова его владения скользнули прочь, в серебряное море. Ни огонька. Деревни пусты, как и та, близ его двора. Жители скрываются в тайных убежищах. По крайней мере — старики, дети и женщины. Старейшины от каждой деревни собирают землепашцев, рыбаков и охотников, готовят из них оборонительные отряды, подогревают в людях решимость держаться, пока отряд меченосцев повелителя не явится им на помощь. И меченосцы столь же решительно настроены защищать острова, откуда они родом и труженики которых обеспечивали все их нужды.

Впереди он видел одну-единственную рыбацью лодчонку за черным зигзагов скал, запоздавшую и отставшую от других. Там, где пролив выходил в открытое море, несла дозор еще одна трирема. По приказу Джатты большой рог провозгласил, что «Скорпион» держит путь на юг. Корабль скрипел и дрожал под Кейдой, мерно посвистывала флейта, обеспечивая ровные удары весел, вода отвечала ей порывистой песней всплесков и ропотом. Флейтист завел новый наигрыш, гребцы принаровились к нему, ритмичные удары весел прерывали мелодию строго в нужных местах. Из-под палубы плыли голоса: непрерывный гул поощрений и указаний старшины гребцов, частые шуточки парусного отряда, подносящего воду жаждущим товарищам на веслах. Внезапный стук молотка поведал каждому, что плотник опять принялся что-то чинить на ходу — ничего необычного. Гребцы неустанно налегали на весла. Вскоре проворная трирема оставила более тяжелые суда далеко позади. Убаюканный движением корабля и завораживающе плавно струящимися вода-

ми, Кейда погрузился в дремоту. Всякий раз, когда он рывком пробуждался от приглушенного звяканья кольчужной брони, луны оказывались чуть дальше продвинувшимися по своему пути. Наконец он в очередной раз открыл глаза и увидел, как на бледном небе стремительно разгорается рассвет. Взошло солнце, сиявшее ярче любого маяка, и облило светом рассеянные впереди острова. Совсем далеко, на самой границе видимости Кейда увидел расprostертую громаду Наджела. Сквозь его горы, казалось, чуть просвечивало небо. То был остров с огнедышащими вершинами, но кратеры, где бурлил живой огонь, находились в глубине суши. А здесь покрытые деревьями склоны сбегали к бледным пляжам кораллового песка.

Кейда сбросил одеяло и протер, изгоняя дремоту, глаза тыльной стороной ладони. Поднимаясь, он увидел дельфина. Животное выпрыгнуло из пены, хвостом разлетающейся от корабля. С плавников морского обитателя, сверкая, сыпались капли. Едва он нырнул обратно в воду, как еще один дельфин перерезал пенистый след корабля, затем третий.

— Знак для нас. И один из лучших! — Кейда указал за борт, и Джатта передал новость на нижнюю палубу. Когда старшины гребцов и носовой команды разнесли весть дальше, Кейда услышал приглушенные радостные возгласы утомленных гребцов. Флейтист плавно перешел от нежного наигрыша, который только что выводил, к воодушевленной пляске, и снизу проворней и веселей забили весла. Трирема миновала ближайшие мелкие островки — и Кейда оглядел побережье Наджела. Первым признаком жизни было скопление хижин на невысоких сваях вдоль верхней линии прилива.

— Захватчикам следовало бы дожидаться, пока в самом конце сухой поры все уйдут отсюда, — бодро заметил Телуйет. Он взметнул руки в стороны, чтобы размять занемевшие плечи. — Вот уж чего терпеть не могу, так это спать в доспехах, — с чувством добавил он.

— Все, кроме самых стойких рыбаков, уходят на прохладные высоты до той поры, пока не пройдет весь путь от новолуния к новолунию. Малая луна, — согласился Кейда.

Вот уж и впрямь бессмысленно затевать нападение в засушливое время года кому бы то ни было. Но и в волшебстве нет

смысла, верно? Это чистое зло, слепой и дикий произвол, разрывающий единство природы, лишаящий мир порядка.

Один из стрелков, стоявший на часах с обращенного к берегу борта триремы, внезапно крикнул:

— Погибшее судно!

По слову Джатты старшина гребцов дал приказ замедлить ход, и сидящие на веслах принялись мерно и дружно считать удары. Кейда приблизился, чтобы лучше видеть. На пляже лежала перевернутая рыбацья скорлупка. Рядом валялись обломки мачты и то, что осталось от снастей и паруса. В песке было ясно различимо движение: среди полузасыпанных обрывков парусины возились крабы. Кругом не виднелось ни человека, но стрелки «Скорпиона», собранные и бдительные, опустились на одно колено, натянув луки. Меченосцы, напротив, вскочили на ноги. Телуйет поглядел на перевернутое суденышко:

— Как ты думаешь, что здесь случилось?

— Корпус нигде не пробит, насколько я вижу, — пожал плечами Кейда. — Такой хлипкий кораблик могло перевернуть что угодно — от коварной волны до морского змея.

— Не та пора, — возразил Телуйет.

— Давайте-ка подойдем вон туда, — распорядился Кейда, указывая на бледный столб дыма, поднимающегося в отдалении. Тут же прозвучал отрывистый приказ Джатты, и корабль двинулся вдоль берега.

— Мой господин, — человек из парусного отряда стоял внизу прохода, раздавая деревянные чаши с водой и миски холодной и липкой соллерной каши.

— Спасибо, — Кейда жадно принял к прохладной воде; она освежила его. Он пальцами принялся кидать в рот комочки остывшей разварившейся крупы, орехи и мелко нарезанное мясо из миски. Немного уняв голод, Кейда передал миску, все еще наполовину полную, Телуйету. — У тебя есть беза?

Раб, опустившись на колени, порывался в вещах и вручил хозяину небольшой серебряный горшочек. Пока Телуйет торопливо поглощал свою долю завтрака, Кейда отвинтил крышку и тщательно протер зубы пальцем, испещренным крохотными черными зернышками. Когда остро пахнущие семена изгнали оставшуюся после сна кислоту из его рта, он вернул горшочек

Телуйету. Трирема тем временем огибала узкий мыс, скрывавший заболоченное по берегам речное устье. Вереница лодчонок скопилась на илистой приливной полосе под высокой башней, маяк на которой выбрасывал в воздух густой черный дым. Вокруг лодок в беспорядке топтались люди. Головы их висели ниже плеч, спины выгнулись горбом, у них был горестный вид потерпевших поражение. Вереница людей с рыбацкими гарпунами, мотыгами и косами стояла наготове, преграждая путь любому, кто попытается прорваться к широколистным деревьям лиллы, окаймляющим пляж, и укрыться там. Невидимый сторож с башни разглядел трирему — и тут же безумно и резко захрипел рог.

— Пусть нам вышлют лодку. — Кейда подождал, пока Джатта распоряжался дать знак с триремы, затем глубоко вздохнул. — Посмотрим, кого сюда принесло. Накорми и напои своих людей как можно скорее.

Он наблюдал, внешне спокойный, как рыбацья лодка идет в их сторону. Предчувствие пробежало по его позвоночнику, точно зловредное насекомое. Кто-то из парусного отряда подошел спустить сходни с кормы триремы, и как только Кейда повернулся, чтобы сойти в лодку, он поймал взгляд Телуйета.

У тебя такое мрачное лицо, какого я еще не видел, мой верный раб.

Спускаясь по сходням, Кейда узнал ожидающего в лодке: то был старейшина одной из самых крупных деревень Наджела.

— Ты Готар, не так ли?

— Там, на берегу, женщина, утверждающая, что она Итрак Чейзен, мой господин, — коренастый, с густыми и курчавыми волосами жителя холмов, человек поднял глаза; его смуглое лицо выражало тревогу. Кейда обнадеживающе улыбнулся ему.

— Кто при ней?

— Обычные люди, многие ранены. — Тот с сомнением покачал головой. — С ними Олкаи Чейзен, но она выглядит так, словно вот-вот помрет.

Кейда опять обернулся к триреме.

— Телуйет, принеси корабельный сундук с лекарствами.

Телуйет тут же передал ему ящик черного дерева. Кейда сел, Готар склонился над веслами и погреб к берегу. Когда они

оказались ближе, Кейда разглядел узорчатую ткань, натянутую, чтобы образовать укрытие между лодками, оставленными в иле. Под навесом лежали, распростершись, какие-то люди, и вид их поистине пугал.

— Что у них повреждено?

— Сломаны руки и лодыжки. — Удары весел дробили слова Готара. — Ожоги.

— Какой-то дурень не устерег огонь, тот разгулялся, и люди, перепутавшись, помчались кто куда, ничего не соображая? — дерзнул предположить Телуйет.

— Это был бы не первый случай. — Кейда услышал сомнение в этих словах, и поэтому повернулся, изучая поспешно вытащенные на берег лодки. Крупнейшая была не больше, чем галера для вестника, с ней управлялось не более десяти гребцов по каждому борту, и каждый работал одним веслом.

Едва ли это судно, на котором обычно путешествует жена Чейзена. Несомненно, никто не думает о своем высоком положении, когда надо бежать, спасая жизнь.

Кейда принялся расшнуровывать чулки, ибо Готар уже проводил подпрыгивающую лодку через бурное место, где река прорывалась в море.

— Мой господин... — Телуйет неодобрительно нахмурился.

— Нам не нужно, чтобы они вымокли, не так ли? — И Кейда сорвал с ног ненавистную обузу. Готар миновал реку и подгреб к берегу. Ил зашипел под обшивкой, лодка приблизилась к тем, что оказались выброшены на берег столь внезапно. Пена набегающей волны бурлила вокруг них, омывая берег.

— Не думаю, что они в состоянии драться, но я иду первым. — Телуйет перепрыгнул через нос лодки и очутился по колено в воде. Кейда последовал за ним, с удовольствием ощущая, как прохладное море ласкает его потные ноги. Илистый песок, изобилующий мелкими осколками раковин, заструился под босыми пальцами.

Кейда быстро оглядел неведомых ему пострадавших. Большинство из них выглядело простыми островитянами — в хлопковой одежде, с задубевшими от тяжких трудов, ветра и солнца руками и лицами. Они стояли, пропитанные солью и запачканные копотью, опустив, как подобает, глаза. Некоторые были в

жалких отрепьях рабов и слуг; на других угадывалось то, что осталось от более изысканных, расшитых шелком нарядов, менее пригодных к тяготам морского путешествия. Он видел длинные синяки почти на каждой обнаженной руке или ноге, иногда четкие отпечатки ступней. Несколько островитян оторвали рукава, чтобы те не касались ужасных ожогов, вызывая мучения, руки почти всех слуг были покрыты волдырями. Двое детей с серыми от боли лицами прижимали к себе явно сломанные руки.

— Мы молим об убежище. — Женщина в разодранной рубашке зеленого, как море, шелка, расшитого лазурными волнами, выкарабкалась из-под наспех сооруженного навеса. — Я Итрак Чейзен. — Ее голос звучал высоко и напряженно, а затем она резко закрыла рот, зубы при этом различимо щелкнули. Она была высока и отменно сложена, множество племен, смешавшихся в ее роду, даровали ей кожу медового цвета и длинные черные волосы. Кейда помнил, как соблазнительно они спускались до самого ее пояса, без единого завитка на всем протяжении. Теперь они были спутаны и в песке, скручены в жуткий узел, стянутый обрывком ткани. В одном ее ухе качалась длинная серьга с бирюзовой бусиной, но другая была явно вырвана из уха, и на шее под разорванной мочкой осталось темное пятно засохшей крови. Серебряные цепи вокруг шеи были спутаны и сломаны, тяжелые резные кольца на всех пальцах потемнели от грязи.

— Я узнал тебя, — ответил Кейда с ровной учтивостью. — Что привело вас на мои берега?

Что говорила мне о тебе Джанне? Прежде всего — ты едва ли старше Сэйн, третья жена, замужем менее года. Пока еще не мать. Рекха говорила о каких-то многообещающих сделках, удавшихся тебе, несмотря на скудость твоей доли в ограниченных богатствах Чейзена.

Женщина поколебалась, затем поспешно заговорила:

— Молю тебя позаботиться о наших раненых. Олкаи Чейзен еще жива.

— Я сделаю все, что смогу. Телуйет, принеси аптечку. — И Кейда двинулся навстречу Итрак.

Если у тебя есть оружие, спрятанное под этой грязной и рваной тканью, я съем свои проклятые боевые чулки.

Кроме того, даже если ты припрятала нож, он не может быть достаточно велик, чтобы меня подвела кольчуга.

— Вот.— Итрак указала под трепещущую тень навеса. Несколько женщин сидело кучкой на земле с перевязанными головами и расцарапанными лицами. Одна лежала на боку, плотно прижав к животу сложенные руки и крепко зажмурил глаза от страха и боли. Пожилой мужчина неподвижно вытянулся на спине; кровь запеклась вокруг его рта и носа. Ребенок с неподвижным лицом беспомощно отгонял назойливых мух грязной ладошкой. Две девушки-рабыни, все в синяках и пятнах соли, стояли на коленях по обе стороны от женщины, которая что-то страдальчески лепетала, пытаясь перекатиться с боку на бок. Девушки нежно удерживали ее руками, лица их были напряжены и сосредоточены. Длинный отрезок тончайшего хлопка прикрывал их госпожу, и все, что увидел Кейда — грубые подошвы смуглых ног.

— Дайте взглянуть.

По кивку Итрак девушки убрали покрывало, и Кейда встал коленями на илистый песок.

— Пошли Готара за медом. Пусть принесет как можно больше, — приказал он Телуйету. — Вам удалось ее напоить?

— Мы пытались, — дрожа, пролепетала Итрак. Одна из рабынь без слов кивнула в сторону медного кувшина с длинным изогнутым носиком.

— Хорошо.

Слава всему благову, можно что-то сделать.

Кейда заставил себя хранить невозмутимое лицо, пока исследовал раны Олкан Чейзен. Едва ли он признал бы теперь урожденную Олкан Ритсем, что была моложе его менее чем на год, не зная он ее всю жизнь. Она лежала обнаженная, и спасибо тому, у кого хватило ума сорвать с нее пылающую одежду. Правый бок был почти не тронут огнем, правая рука свободно изогнута, ногти раскрашены, усаженные гранатами кольца отливали серебром. Левая рука оказалась обожжена до кости, пальцы скрючились и почернели. Глубокие ожоги покрывали левую сторону ее тела от плеча до колена, расплываясь по животу и бедрам, изъязвленная и потрескавшаяся плоть рыдала, обрамленная обугленной и покрытой волдырями кожей.

Ты подняла руку, чтобы защититься от огня. Затем пламя устремилось вперед, охватило волосы, оставило эту сторону черепа дочерна обожженной, лицо распухшим и потрескавшимся, глаза запеклись коркой, источающей гной. Они теперь, несомненно, слепы.

Кейда содрогнулся, когда женщина тихо простонала, затерянная в страдальческом бреду.

— Как это случилось?

— Мы не знаем.— Горькое отчаяние Итрак вот-вот грозило сокрушить ее.— Было темно. На нас напали. Все вспыхнуло.

— Липучий огонь? — Телуйет смотрел на раны Олкаи с неприкрытым ужасом.

— Возможно.— Кейда наклонился и принялся. Никакого намека на серу или смолу, оставшуюся вокруг ран. Он вновь откинулся на пятки.

Возможно, кто-то бросил горшок липучего огня прямо в нее, и тот угодил ей в живот. Кто способен на такое? Липучий огонь не применяют против людей. Горшки с ним бросают, чтобы запалить камыш, или чтобы пламя разлилось по земле и люди там не прошли.

— Готар, позволь этим людям собрать дров в лесу и копьевика на болоте, чтобы лечить ожоги.— Кейда открыл сундук-аптечку.— Телуйет, вскипяти немного воды.— Он наконец нашел маленькую стеклянную бутылочку и обернулся к Итрак.— Подождешь, пока вода остынет, затем смешаешь с этим. Одна мера вроде этой на кувшин воды.— Он открыл бутылочку и вытряхнул на ладонь изящные кристаллы.— Промоешь этим ее раны как можно осторожнее.

Итрак воззрилась на него, скорчившись и дрожа.

— Но боль...— И не могла заставить себя говорить дальше.

— Это смягчит боль.— Кейда открыл отделение сундука и достал хрустальный сосуд. Отыскав серебряную ложку, он тщательно отмерил капли вязкой золотистой жидкости.— Подымите ей голову. Осторожней.

Одна из рабынь, не переставая плакать, с бесконечной заботой охватила ладонями уцелевшую сторону головы Олкаи. Кейда вставил ложку меж вялых губ и стал проталкивать ее

сквозь липкую слюну, забившую рот. Склонившись ближе, он услышал, как скверно хрипит при дыхании Олкан.

Достаточно сильная доза пятнистого мака — и вся твоя боль пройдет. То ли это, что мне следует сделать? Твои часы, несомненно, сочтены, к худу ли, к добру ли для твоего владения. Как я могу надеяться вернуть тебя к жизни после таких ожогов? И захотела бы ты остаться изуродованной, даже если выживешь? Как живой знак неудачи? Прости меня, Олкаи. Мне надо попытаться привести тебя в чувство достаточно надолго, чтобы выпросить, что ты знаешь. Мне надо прежде всего думать о моем народе.

— Когда вы омоете ее раны, смажьте их медом как можно гуще. — Кейда убрал сосуд с маковым сиропом и запер сундук. — Будете смывать его и смазывать новым на заре и в сумерках.

— Она будет жить? — хрипло спросила Итрак.

— Мы можем лишь надеяться. — Кейда вздохнул, прежде чем продолжить. — Немного меду отложите в сторону. Растворите ложку в чашке кипяченой воды, а также три ложки сока лиллы и щепотку соли. Скажете Готару: я велел дать вам все, что нужно. Очистите ей рот, а затем поите из ложки. И не прекращайте. Как только выпьет немного, давайте еще. — Он встал и поглядел на Итрак. — У вас тут есть люди со сломанными костями. Я позабочусь о них как смогу, затем сделаю, что мне удастся, для тех, кого истоптали. А ты будешь ухаживать за всеми обожженными. Расщепи самые мясистые части листьев болотного копыевика и наложи кашицей на раны.

— Госпожа Итрак, где твои телохранители? — Телуйет, хмурясь, оглядел пляж.

— Думаю, они умерли, чтобы дать нам время бежать. — Итрак внезапно разразилась слезами. — Это было ужасно. На нас напали. Дикари выскочили из тьмы, чтобы истребить нас всех...

— Идем со мной. Телуйет, проследи, чтобы мои приказы исполнили. — Суровое распоряжение Кейды, по меньшей мере отчасти, уняло тревогу среди его островитян, собравшихся вокруг. Островитяне Чейзена заново подняли вой, как бы разбу-

женные словами Итрак. Телуйет возвысил голос, чтобы их утихомирить.

— Мой господин дарует вам огонь. Нужно его разжечь. Готар, принеси углей из маячной башни.

Кейда тем временем поймал Итрак за локоть и повел ее вдоль берега. Слишком измученная, чтобы хранить достоинство, она не сопротивлялась. Когда Кейда удостоверился, что их никто не услышит, его лицо стало суровым.

— Не умножай страдания своих людей, бессмысленно напоминая им все, что они вынесли. Не хочу я и того, чтобы ты распространяла ненужную тревогу среди моих людей.

Итрак устала на него, потрясенная.

— Я должен выполнять свой долг перед владением, — предостерег ее Кейда. — Как и ты. Ты единственная, кто здесь может позаботиться о ваших людях, раз уж Олкаи в таком опасном состоянии. Теперь, прежде чем я смогу даровать вам убежище, я должен точно узнать, от чего вы бежали. Расскажи мне все, что видела, все, что слышала, все, что подозреваешь. Только для моих ушей, смотри. Или я прикажу своим людям прогнать вас всех обратно в море.

Как он и надеялся, его суровые слова вернули ее мысли от горя к ответственности.

— Мы посещали Боал, — медленно начала она, — Чейзен Сарил, Олкаи и я. Мы хотели поговорить с островитянами о черепахах. Они скоро явятся с дождями. Мы хотели решить, какие пляжи следует оставить нетронутыми, а где им можно собирать яйца. Сарил хотел посмотреть сам.

Кейда подавил желание поторопить ее, потребовать оставить несущественные подробности. Он заметил то же самое желание на лице Телуйета, когда раб подошел и ненавязчиво встал позади Итрак.

Есть какой-то смысл в нападении на Боал? Это, может быть, один из крупнейших островов у Чейзенов, но он мало чем славен, не считая немногочисленных засушливых земельной угодий в северной части и черепаших пляжей с южной оконечности. Невеликая добыча.

— У нас славный дом на Боале. — Итрак неосознанно потянулась к браслету, которого больше не было на руке. —

Деревенские старейшины принесли нам дары. Ожидался пир.— Ее отрешенный взгляд неожиданно остановился на Кейде.— Они пришли на закате. Со стороны садящегося солнца, поэтому мы не видели их и не поняли, что там приближается, пока не стало слишком поздно. Кроме того, с чего бы нам ожидать нападения? Лодки у них были необычные: такие легкие, грубые, просто выдолбленные из цельных бревен. Их люди гребли стоя. Как им это удалось? Как они не перевернулись в открытых водах? — Она не ждала ответа собеседника.— Все они были наги, лишь в кожаных набедренниках, раскрашенных в кричащие цвета, с перьями и костями в волосах и вокруг шей. У их копий не имелось даже каменных наконечников — просто заостренное и обожженное в костре дерево. И все же их оружие убивало наверняка: мужчины, женщины, дети — все гибли. А еще у нападавших были дубинки с примотанными к ним камнями, разбивающие черепа, ломающие кости.— Она дрожала не переставая, крепко стиснув руки, не чувствуя, как болезненно впиваются в ее плоть кольца.— Их были сотни, воющих и убивающих. И было столько крови... Сарил приказал трубить в рога, зажечь маяки, призвать к оружию всех мужчин с острова, но никто не слышал его, а дикари все высаживались и высаживались на берег. И били всех и каждого. Им только и нужно было, что убивать. Все кричали. Все было в крови... — Ее глаза все еще были устремлены на Кейду, но она видела лишь свои ужасающие воспоминания.— Кет, мой телохранитель, и Стиуа, который служил Олкаи, ты помнишь? Они нашли где-то луки. Кое-кто из деревенских охотников тоже достал свои... Но стрелы охватывало пламя. Они просто-напросто сгорали в воздухе, не долетая до врагов.— Она недоверчиво замолчала.

— И затем... — мягко подсказал ей Кейда.

— Мы побежали... — Итрак запнулась.— Побежали к нашему дому. Меченосцы остались, преградив преследователям дорогу, и стояли, пока могли. Но дикари всё напирали. Их не заботило, сколько их самих погибает. Они все прибывали и прибывали. Затем запылали корабли. Огонь падал с неба, ниоткуда. Как такое может быть? Все вопили, а дикари ликовали. Потом пламя упало на наш дом. И тогда обожгло Олкаи.— Слезы вновь потекли по лицу Итрак.

— Ладно, достаточно, успокойся.— Кейда сжал руки Итрак и держал их, пока терзавшая ее дрожь не унялась.— Вы понимали их язык?

Неожиданный вопрос вырвал Итрак из ожившего страшного видения.

— Нет. Я никогда не слышала ничего подобного. И никогда не видела подобных людей, и никто не рассказывал, будто видел таких — нигде, ни в каком владении.

Кейда тоже слышал о них впервые.

— Что делал Сарил?

— Он велел Кету и Стиуа проводить нас к лодке.— Итрак проглотила рыдание при мысли о погибшем телохранителе.— Нам пришлось покинуть остров. Я смотрела за Олкаи. Он сказал, что должен вернуться за Секни и детьми. Они все были в доме для сухой поры. О, Дэйш Кейда, что с ними теперь? — Итрак в ужасе уставилась на Кейду.

— Нет способа узнать.— Кейда решительно отогнал предположения, что лезли в голову.— У Чейзена Сарила осталась трирема?

— Мне кажется, он сел в рыбачью лодку,— уныло ответила Итрак.— Но было так много огня и дыма, что я не уверена. Затем Кет и Стиуа посадили нас на галеру для вестников... Дикари напали, когда мы отталкивались. Оторвавшись, мы обнаружили, что потеряли своих телохранителей. Не знаю, живы или мертвы они оба.

— Возможно, мы о них еще услышим.— Кейда отпустил ее руки.— Мне сообщали, что триремы Чейзенов держат скалу Хид.

Итрак воззрилась на него, открыв рот.

— Чейзен Сарил жив?

— Возможно, но наверняка неизвестно. Не хочу тебе лгать. Я сообщу, как только достоверно что-либо узнаю.— Кейда оглянулся на лодки.— Нам лучше вернуться к Олкаи.

Итрак заколебалась в неуверенности.

— Что с нами будет?

— Вы можете остаться здесь. Считайте своим убежищем берег и прибрежную рощу в разумных пределах. Люди Готара будут вас кормить и помогут выхаживать раненых,— твердо

сказал Кейда.— Я отплыву к скале Хид и узнаю что смогу. Что бы ни случилось, я призову всех моих воинов биться с захватчиками.— Он улыбнулся ей.— Идем. Скажи своим людям, что они в безопасности.

— Скажу. Спасибо, Дэйш Кейда. Мы, Чейзены, в долгу перед тобой.— Сперва Итрак двигалась медленно, затем пошла все более и более целенаправленно, спина ее выпрямилась, голова поднялась.

— Она ни слова не сказала о волшебстве,— тихо заметил Телуйет.

— А ты бы сказал? — язвительно спросил его Кейда.— Если ты искал бы убежища от людей, которые могут пересечь океан, храня равновесие на выдолбленных бревнах, и вызывать огненный ливень с пустого неба? Что это еще, если не волшебство?

— Тогда почему ты осмелился дать убежище этим людям? — И Телуйет скорчил гримасу.— Те, на кого напали с помощью волшебства, отмечены волшебством, а оно разрушает все, чего ни коснется.

— Мудрецы писали, что невинная жертва волшбы не должна быть осуждена,— медленно проговорил Кейда.— Они запятнаны недобрым прикосновением, это правда, но лишь те, кто умышленно прибегает к волшбе, поистине отвратительны и отверженны, согласно мнению мудрых. Кроме того, нам, возможно, придется сражаться с колдунами. Мы не можем просто бежать прочь, точно несомые бурей птицы. Есть талисманы, чтобы отвести зло, не так ли?

Телуйет не выглядел переубежденным.

— Что мы станем делать теперь, мой господин?

— Я никуда не собираюсь, пока нас не догонят тяжелые триремы. Затем всех, кто на них явится, надо будет накормить, напоить и устроить на отдых. Тем временем мы пошлем птиц с письмом Джанне и Сиркету. Кто знает, может, и у них есть для нас новости.— Кейда пожал плечами.— Надо, чтобы каждый рыбак, которого сможет выделить Готар, отправился разведать, нет ли где еще спасшихся Чейзенов. Они могут нести весть, что те получают приют. Затем мы навестим скалу Хид и послушаем, что нам скажут люди с трирем Чейзенов. Надеюсь,

мы все-таки пойдем, что за беда нагрянула с юга и, похоже, покатится дальше на север.

Глава 3

— Надеюсь, Чейзен Сарил не глуп. — Телуйет вручил Кейде чашу с водой. Вождь благодарно осушил ее. Даже несмотря на ветерок, сопровождавший их в плавании, солнце все еще мучительно палило с неба. Кейда по-прежнему был в доспехах, но снял шлем, пока под ним не закипели мозги.

— Итак, мы предложим всем прибывшим на кораблях, собравшихся у скалы Хид, сколько бы их ни было, выбирать между бегством, смертью от наших рук и присягой на верность владениям Дэйш.

— Выбрать присягу для них было бы весьма разумно, — провозгласил Атун.

— Если Секни Чейзен еще жива и при ней кто-то из детей, они могут хорошо подумать. — Сидя на месте старшего на корабле, Джатта листал небольшую книжечку, переплетенную в потрепанную алую кожу и с тремя застежками.

Кейда не мог смотреть на Джатту, советующегося со своей книгой, не вспоминая при этом меткий совет Дэйша Рейка:

Предоставь твоим корабельщикам вести корабль, а сам займись тем, за что отвечаешь ты. Не будь также слишком любопытен: истинный мореход охотнее отдаст своего первенца, чем откроет тайны своих путей.

Каждый корабельщик оставляет записи о морских путях, которыми странствовал — равно теми, что открыты для любого корабля, желающего попасть в данное владение, и теми, что, как предполагается, доступны только для своих судов. Считающаяся неразгадываемой тайнопись содержит указания на приметы, предостережения о скрытых рифах и отмелях, описания приливов и течений, которые помогают или мешают.

— Неприятно это говорить, но весьма непохоже, что Секни Чейзен еще жива. — Кейда вернул чашу Телуйету. — Но даже если это так — не представляю, как она попытается править, если ни один из детей еще не приблизился к возрасту благоразумия.

— Ни один корабль не возьмется вывезти Секни или Итрак, раз уж они в наших водах, — уверенно высказался Атун.

— А хоть бы и нашелся такой корабль — ему придется возвращаться во владение, доставшееся таинственным захватчикам, которые сжигают все на своем пути. — Телуйет со значением посмотрел на Кейду. Вождь с непроницаемым лицом пожал плечами.

— Будем надеяться, что Сарил Чейзен еще жив.

Другие посмотрели на него с некоторым удивлением. Кейда спокойно встретил их взгляды.

— Если он жив, мы развернем каждый его корабль и каждого человека и отправим их обратно — изгонять этих захватчиков, кто бы они ни были. Если он мертв, мы либо подождем, пока эти дикари явятся на север и нападут на нас, либо возьмем на себя бремя требовать себе владение Чейзенов и справимся с трудностями сами.

— Звучит не особенно заманчиво, — признался Атун.

— А Улла Сафар, Ритсем Кайд и Редигал Корон вполне могут возразить, если мы приберем острова Чейзенов, — заметил Джатта, вновь обратив внимание к морю впереди триремы.

— Улла Сафар исхлеблет своих гребцов до самых костей, если сочтет, что нашел повод требовать для себя какой-либо остров Чейзенов, — прорычал Атун. — С другой стороны, он бы не прочь увидаться с нами, собрав превосходящие силы.

— Ритсем Кайд вряд ли станет стоять праздно, пока Сафар этим занят. — Телуйет покачал головой.

— Никоим образом. — Кейда вскочил на ноги. — И мы вполне можем увидеть, как владение Кайд подвергнется налету войск Уллы на севере, меж тем как мы будем воевать с людьми Сафара здесь, а корабли бегущих Чейзенов станут кидаться под ноги всем и каждому. Это позволит захватчикам устроиться поудобнее без хлопот и, несомненно, подготовиться к новому броску на север. На наши земли.

Молчание четверых собеседников нарушалось плеском воды, пением флейты, скрипом и ударами весел.

— Значит, все мы испытаем удовольствие, если увидим жирную рожу Чейзена Сарила, здорового и невредимого? — хмыкнул Атун.

— И окажем ему подобающее уважение,— кротко заметил Кейда.— Как скоро мы прибудем, Джатта?

— Ход судна немного замедляют здешние течения.— Корабельщик указал на череду отмелей и рифов к югу от судна. Темный шрам разбегался по лазурному морю прочь от кормы и носа «Скорпиона»; пена клочкотала там, где рассерженные волны проникали через узкие щели меж скал.

— Зубы Эмен должны дать этим захватчикам немного времени на раздумье,— Атун с некоторым удовлетворением поглядел на этот естественный оборонительный рубеж.— Они всегда обуздывали Чейзенов.

— Чейзен Сарил всегда был доволен своим жребием.— Кейда поймал себя на том, что надеется найти Сарила живым, и не только из-за вопросов управления. Самый южный из вождей Архипелага, возможно, склонен к лени, но в нем нет зла. Кейда позволил кривой улыбке скользнуть по губам.

Помнишь, когда ты сказал отцу, как завидуешь меньшему бремени Сарила с его небольшим владением и скудными благами, ибо у тебя не стало больше терпения из-за требований Дэйша Рейка? Ты ожидал, что он уязвит тебя словом, если не отлупит, но не его гулкого смеха.

«Лучше, чтобы ты стал первым предсказателем между южным океаном и беспредельными землями севера, прежде чем пожелаешь поменяться с кем-то судьбой. Кто знает, что поджидает любого из нас после следующих дождей?»

Никто из нас не осознал, что эти слова отдают предвестием, не так ли, отец мой? Никто из нас не предвидел, что ты умрешь как раз до этих следующих дождей, оставив меня управлять владением, едва-едва женатого на Джанне, моложе, чем теперь Сиркет.

— Они ставят паруса.— Телуйет смотрел за корму, на более тяжелые триремы, следовавшие за «Скорпионом».

— Они довольно скоро уберут свои тряпки.— Джатта хлопнул кормчего по плечу.— Каи родился и вырос в этих водах. Он знает, как неверны здесь ветра.

Каи ухмыльнулся, сосредоточиваясь на прямом курсе корабля, послушного двойняшкам-рулям. Кейда заметил, что книга кормчего с заметками о плавании надежно подсунута под бедро.

Хотел бы я знать, как скоро Джатта скажет мне, что следует возвысить Каи до старшего на корабле или галере вестника? Что же, придется поискать среди лучших моряков владения кого-то на его место на триreme вождя.

Кейда бросил взгляд назад, на тяжелые триремы, плетущиеся у них в хвосте. В отличие от «Скорпиона», такие корабли набирали людей полностью с одного острова, припасы с которого поддерживали их. Сыновьям предоставлялся выбор — служить владению с веслом в руке, за плугом или с охотничьим копьем.

Джатта резко развернул голову, когда слышалась переключка рогов, летящая с корабля на корабль.

— Они меняют направление. — Телуйет сощурился, глядя на бриллиантовое море.

— Это зов на помощь с одного из наших судов. Оно подверглось нападению. — Угловатые брови Джатты сошлись над его носом-клювом.

— Значит, нам тоже туда. — Голос Кейды прозвучал невозмутимо, лицо застыло, как маска, но предчувствие перекрутило его кишки, точно цветущие лозы из сада Сэйн душили юный побег.

Уже началось? Неведомые захватчики явились так далеко на север за ночь? И собираются потопить нас огнем и чародейством раньше, чем мы хотя бы достигнем наших собственных вод?

Джатта развернулся на месте, выкрикивая приказы вниз, старшине гребцов. Потные гребцы не жалели сил, чтобы повернуть узкий корабль в невероятно тесном пространстве. Джатта присоединился к Каи, и теперь оба тянули рукояти-двойняшки, а море ревело вокруг режущих воду лопастей. «Скорпион» качался, прорываясь обратно в воды, которые только что одолел. Кейда увидел, как тяжелые триремы сражаются с прибоем за узким островком, белый песок которого скрывала пыльная щетка ползучей зелени и более темные рошцы ореховых пальм.

— Мы можем срезать здесь. — Джатта стоял у плеча Каи, указывая; его путевая книга лежала, открытая, в другой руке. Он растерянно потербил свою заплетенную бороду. Шрамы и мозоли, заработанные в юности, когда он служил гребцом,

ярко выделялись на медового цвета коже, доставшейся ему от далекого предка с севера — оттуда, где земли Альдабрешина соприкасались с неведомым миром варваров.

Атун нетерпеливо топнул ногой по тщательным пригнанным доскам палубы, не замечая неистового взгляда Телуйета. Отчаянными усилиями гребцы гнали трирему мимо островка; оба старшины расхаживали взад-вперед, выкрикивая увещевания. Впереди открылся пролив. Благодаря короткой дороге Джатты «Скорпион» был уже совсем близко от тяжелых галер, бороздивших более широкий, но и более коварный пролив впереди.

— Это торговая галера Чейзенов. — Презрительное замечание Джатты перекрыло шумы моря и корабля. — И она преследует нашу низкую галеру.

Рифы вынудили «Скорпиона» податься ближе к краю пролива. Как только трирема вышла на свободное от мелей и скал пространство, Кейда смог как следует рассмотреть происходящее впереди. Охоту.

Низкая галера была одним из многочисленных судов, связывавших великое множество островов внутри каждого владения. Люди сидели на скамьях по трое и потели над веслами на единственной открытой палубе. Старший на корабле и кормчий делили один небольшой помост, защищенный от солнца полотняным навесом. Мачта с прямым парусом стояла всегда поднятой за первыми шестью скамьями гребцов, а дальше тянулось вдвое больше скамей. В тот самый миг, когда владыка Дэйш наблюдал за погоней, люди Дэйшей в полном смятении убрали парус. У большой галеры было три мачты против их одной, так что никакой ветер не помог бы им оторваться от преследования. Единственной надеждой была мелкая осадка их небольшого корабля, и они собирались попытаться проскочить через рифы, перерезавшие бурный пролив, и направиться в сторону «Скорпиона».

— Надеюсь, их кормчий знает здешние мели, — в сердцах пробормотал Джатта.

Низкая галера метнулась меж двух островерхих рифов; ревящее море хлестало прямо через невысокие борта корабля Дэйшей, поливая незащищенных гребцов. Большая галера не могла пуститься следом и, заметив надвигающиеся тяжелые

триремы, поспешила в более глубокие воды, пытаясь добраться до того узкого внутриостровного пролива, где ждал «Скорпион».

— Они думают, что могут проскочить мимо нас? — ядовито буркнул Атун.

— Они не замедляют хода, — заметил Телуйет.

— У них тяжелый груз, — задумчиво произнес Джатта.

— И порядочно народу. — Кейда видел стрелков, выстроившихся у бортовых поручней верхней палубы, и отблески солнца на кольчужной броне тех, что стояли за ними. Гребцы, поди, обливаются потом на трех нижних ярусах — тридцать скамей и три уровня весел с каждой стороны. Большие галеры могли позволить себе принять грузы и множество людей в обмен на мускулы, требуемые, чтобы толкать эту неподъемную тяжесть от владения к владению. Кейда потратил ровно один миг, чтобы оценить скорость корабля Чейzenов меж двух весьма кстати выдвинувшихся вперед пальмовых рощиц, которые трепал ветер. Да, большая галера, безусловно, хорошо нагружена; вероятно, только это и спасало до сих пор маленький корабль.

Что там, в ваших обширных трюмах? Товары с юга? Или войска Чейzenов — чтобы нападать на беспомощные суда Дэйшей, чтобы захватить наши земли, поскольку с собственных вас изгнали?

— Не думаю, что они прямо сейчас настроены попытаться, — с мрачным удовлетворением заметил Атун. Старший на большой галере Чейzenов пусть с запозданием, но приказал остановиться. С трех высоких мачт начали поспешно убирать паруса. Весла с одной стороны принялись тормозить, в то время как на другой они с новой силой взрезали глубину.

— Они пытаются от нас удрать. — Джатта бросил взгляд на Кейду.

— Протарань их, прежде чем успеют развернуться, — приказал тот.

Корабельщик пролаял приказ старшине гребцов, и наигрыш флейтиста зазвучал пронзительно и бурно. Меченосцы и стрелки «Скорпиона» побежали на нос, чтобы подыскать безопасное место к мигу столкновения и быть готовыми к бою, когда тот последует.

— Оповестить тяжелые галеры, чтобы готовились к абордажу. — Кейда двинулся, чтобы дозваться до старшины, по-

спешившего на нос. Когда рог заглушил голос флейты, гребцы стали отмечать время низкими и краткими завываниями, и с этим зловещим звуком трирема двинулась на врага.

— У них хорошие ребята, — бесстрастно произнес Джатта. Большая галера почти завершила полный разворот, когда «Скорпион» приблизился к ней.

— Целься в корму, — посоветовал Кейда Джатте. — Выведи из строя их руль.

Корабельщик двинулся, чтобы принять у Каи один из двух рулей. Кейда вспомнил разговор, который состоялся у них с Дэйшем Рейком после того, как он впервые побывал в морском бою, будучи чуть старше Мезила.

«Я слышал от людей, что если ударить по кораблю под неверным углом, с триремы может начисто снести таран. А без него мы бы очень глупо выглядели. Поэтому всегда следи, чтобы кормчий вел судно точно как противник, когда соберешься бить». Дэйш Рейк улыбался, полный живых предчувствий, белые зубы сверкали над черной бородой. «Кроме того, таран устроен таким образом, чтобы отделиться от судна в случае, если дело пойдет не так. Мы не потонем. Теперь держись за что угодно».

Кейда мертвой хваткой взялся за стул корабельщика. «Скорпион» полетел через море, белые пляжи и густая зелень на берегу замелькали в глазах.

— Они сдаются! — раздался откуда-то крик. Кейда покачал головой, слыша хриплые и безумные голоса рогов с галеры Чейзенов. Слишком поздно. «Скорпион» уже находился на расстоянии одного корабля от большой галеры.

Окованный медью таран триремы ворвался в обшивку как раз по ватерлинии. Дрожь пробежала по всему «Скорпиону». Вскрик, вырвавшийся у каждого человека на борту от толчка, казалось стоном самого корабля. Каи и Джатта всей тяжестью навалились на двойняшки-рули. Поперечины на носу «Скорпиона», выступавшие по обе стороны тарана, проломили обшивку галеры и еще сильнее вспороли ее ослабевшие швы. Шпангоуты сокрушили самые задние из весел на судне противника. С его средней палубы раздалась вопли: это осколки весел, разлетевшиеся во всех направлениях, ударили по гребцам.

— Назад! — завопил Джатта. Старшина гребцов уже позаботился, чтобы его люди оттягивали «Скорпион» назад от большой галеры. Вода ворвалась в пробоину поврежденного корабля, и тот почти немедленно дал крен. Море внезапно оказалось полно людей, отчаянно пытавшихся отплыть подальше от гибнущего корабля, беспорядочно хлещущего по воде веслами, целыми и сломанными. Треск раздался вторично, затем в третий раз. Это две тяжелые триремы Дэйшей тоже всадили носы в большую галеру. Их тараны проникли в нее выше, чем таран «Скорпиона», рассчитанный больше на то, чтобы вцепиться и держать, служа мостиком для меченосцев, идущих на abordаж. Пораженное судно содрогнулось, уже погрузившись в воду до весельных отверстий. Воины на большой галере побросали мечи в море, в открытую показывая, что сдаются. Палуба наполнилась теми, кто прежде сидел внизу, а теперь бежал от наполняющей корабль воды. Кейда увидел женщин и детей, мечущихся в смятении посреди шума.

Это не налетчики. Они бежали от бедствия, которое обрушилось на Чейзенов. Мне надо знать, откуда они приплыли и что видели.

Он сделал шаг вперед. Телуйет вытянул руку, преграждая ему путь.

— Ты ни на шаг не приблизишься к стрелкам, мой господин.

Кейда повернулся к Атуну, наблюдавшему, как меченосцы Дэйшей с видимой досадой захватывают галеру. Он указал на человека, лихорадочно вырывающего страницы из книги, предоставляя порывистому ветру нести их куда вздумается.

— Приведите ко мне их старшего!

Веревочные лесенки были уже сброшены с кормы «Скорпиона», и Атун немедленно исчез, а вскоре вновь появился в маленькой лодочке и погреб к гибнущей галере. Кейда примостился на стуле корабельщика и наблюдал, как погружается большой корабль, чтобы сесть на неглубокие рифы — верхняя палуба по колено в воде, лишь нос и корма высоко подняты над поверхностью моря. Каждый раз, когда волна шлепала в борт, звук ломающейся древесины раздирал слух. Совсем рядом зазвучал, отдаваясь по всему «Скорпиону», стук молотка

и прочий шум, свидетельствовавший о срочной починке. Кейда подался вперед, чтобы воззвать к Джатте.

— Каков наш ущерб? Мы все еще можем плыть к скале Хид?

Джатта поднялся снизу до середины лесенки.

— Несколько швов требуется проконопатить и устранить обычные поломки весельных петель и всего такого. Ничего, переживем. — Он снова исчез.

— Мой господин.

Кейда повернулся, чтобы увидеть, на что смотрит Телуйет.

— Не думаю, что кое-кто собирается ждать, чтобы воздать тебе должное, — задумчиво произнес раб.

Одна из тяжелых трирем Дэйшей сопровождала малую галеру, которой они пришли на помощь. Малая галера хромала, у нее сломалось несколько весел, и Кейда видел своих меченосцев на палубе. Один стоял на кормовом помосте, и солнце сверкало на его обнаженном клинке.

— Посмотрим, что скажет он сам. — Кейда всмотрелся, пытаясь разглядеть, не возвращается ли уже Атун.

Двое моряков прибыли почти одновременно. Двигаясь без промедления, несмотря на обнаженный клинок в руке, Атун вел вверх по лестнице перед собой потрепанного и подавленного человека. Телуйет подошел поближе с мечом наготове, как только тот ступил на палубу. Старший с малой галеры гордо стоял на своем кормовом помосте, меж тем как его судно проворно подходило к борту «Скорпиона». Яркие вымпелы хлопали на шестах, поддерживающих полог на уровне чуть ниже палубы «Скорпиона». Мореход Дэйшей изумительно точно оценил расстояние, прыгнул, поймал веревочную лесенку и проворно вскарабкался наверх.

— Мой господин. — Он встал на колени на палубе и склонил голову к самой ее обшивке.

— Твое имя? — Кейда с бесстрастным лицом остался на стуле корабельщика.

— Малук, славный господин. — Капитан поднял взгляд, его глаза сверкали. Кейда заметил столь же яркое сверкание золота в его ушах и вокруг шеи. И не улыбнулся, а обратил взор на морехода, привезенного Атуном.

— Ты из Чейзенов?

— Преклони колени перед Дэйшем Кейдой! — Телуйет бросил пленника на колени. Тот рухнул, его подбородок ударился о грудь, волосы были спутаны, хлопковая рубаша запятнана кровью из раны на голове, которой, как счел Кейда, был день или около того.

— Человек Чейзенов! — резко произнес Кейда. — Как твое имя?

Телуйет напомнил бы незнакомцу о вежливости крепким подзатыльником, но сдержался под взглядом Кейды.

— Рауи, великий господин, — промямлил тот.

Вождь заметил, как по лицу Малука пробежала тень неуверенности.

— Что привело тебя незваного и без моего флага на корабле искать прохода через здешние воды? — спокойно спросил он. Теперь смущенным выглядел Рауи.

— Нам велено было бежать. Взять все, что можно, и бежать. — Ом дрожал, несмотря на то, что солнце пекло вовсю. — Явились солдаты моего господина. Они выгнали нас всех из домов, угрожая избить дубинами, если промедлим. Они сказали, что мы погибнем, если останемся. Они сказали, что явился враг... — Он не договорил и поднял полный ужаса взгляд, тяжело сглатывая. Кейда видел, как смятение человека отражается в его глазах.

Если ты предостерегаешь меня от волшбы, быть мне великодушным или просто предать тебя смерти там, где ты стоишь на коленях?

С безнадежной покорностью Рауи открыл было рот — но Кейда прервал, и в голосе его звучала сталь:

— Почему вы преследовали мой корабль?

— Мы были не одни. Были еще лодки, малые и большие, все, что годилось для плавания. — Рауи бросил на Малука взгляд, полный ненависти. — Он преследовал нас всю ночь и весь день, топил лодку за лодкой. Мы взяли на борт столько, сколько смогли... Остальные...

— Мы лишь стремились защитить владение Дэйш, — твердо провозгласил Малука.

— От чего именно? — сурово спросил Кейда.

— Мы боялись вторжения, наш славный вождь, — не уступал Малук со слишком уж настойчивой простодушной невинностью. — Мы думали, мужи Чейзенов явились, чтобы захватить наши острова. Ведь горели маяки!

— Мужи Чейзенов? Явились биться, таща за собой семьи? — Кейда встал, чтобы взглянуть на две тяжелых триремы, где общее число связанных и поставленных на колени меченосцев было по меньшей мере равным числу женщин и детей, и палубы усеяны до отказа полными мешками и кое-как связанными узлами, намокшими и помятыми. — И ты не искал помощи, чтобы напасть на корабль, куда более сильный, чем твой?

Малук неуверенно развел руками.

— Мы подавали знаки при помощи фонарей другим кораблям и деревням, мимо которых проходили. Не знаю, видели ли нас там. Никто не явился нам на помощь. Но мы не стали терять из виду противника, — продолжал он, теперь чуть смелее. — Нам требовалось знать, где они могут высадиться, мой повелитель. Тогда мы послали бы весть к ближайшей маячной башне, чтобы призвать твоих воинов.

Утверждение, которое невозможно доказать или опровергнуть. И на борту галеры Рауи достаточно бойцов, чтобы показалось правдоподобным, что Малук действительно боялся вторжения. Все эти женщины и дети вполне могли находиться под палубой, а каждый мужчина, которого изгнала из дому угроза неведомой опасности, захватил бы оружие, если бы смог. Итак, надеясь остаться незамеченным, но уверенный, что в случае неудачи оправдания будут приняты, Малук налетел на эту собранную из чего попало флотилию, намеренный поживиться чем удастся. И тогда, прекрасно понимая, что запросто может заплатить жизнью за то, что вступил в мои воды без вымпела, разрешающего проход по ним, корабельщик Чейзенов наконец повернул галеру против обидчика. Если это так, порочные наклонности Малука, несомненно, могли бы раскрыться, если бы у меня имелась хотя бы половина поры дождей. Но у меня и половины дня нет. Надо быстрее разрубить этот узел и поспешить, не жалея сил, к скале Хид.

Кормовой помост «Скорпиона» был остовом молчания среди треска дерева и рева воды, все глаза были устремлены на Кейду, пытающегося принять решение.

Не думайте, будто можете меня поторопить. Я ваш предводитель; мое слово — закон. Я властен над жизнью и смертью каждого из вас.

«Всякая жизнь сплетается с бесчисленным множеством других каждым проходящим днем. Каждое дитя рождается от целой сети предков и вырастает, чтобы стать половиной союза, дающего начало неведомым жизням. Никогда не отнимай жизнь, не рассмотрев все возможные последствия. Единственная оборванная нить может оказаться почти незаметной — или чудовищно опасной для будущего».

Мы прогуливались в саду моей матери как раз после зари. Дэйш Рейк остановился перед униженной сияющими каплями росы паутиной, и действия его соответствовали словам. Его первое прикосновение оставило сияющий узор неизменным. Второе уничтожило его.

Сколько людей уже мертво благодаря обоим, Малуку и Рауи? Узор жизни и смерти, прошлого, настоящего и будущего, уже наверняка изменен так или иначе. Как я могу прорваться через то, что оба они уже напутали? Как я могу дать понять без сомнений, что не позволю кораблям Чейзенов ходить где им вздумается через мои владения, но не потерплю и чтобы охотники Дэйшей нападали на беспомощных? Я не могу отплыть на юг и оставить необъявленную войну душить мое владение.

Кейда поглядел на ожидающего Малука, который отвернулся и пялился, разинув рот, на всхлипывающего Рауи. Чутье побудило его поднять голову и вернуть взгляд Кейде, когда меч Телуйета уже поднимался и разворачивался, чтобы обезглавить его одним точным ударом.

Клинок Атуна вспыхнул на солнце. Тело Рауи упало вперед, кровь хлынула из обрубка шеи широкой дугой и обрызгала носки кожаных защитных чулок Кейды. Голова погибшего с незрячими, но вздрогнувшими внезапно глазами покатилась к безглавому туловищу Малука. Телуйет остановил ее стопой и вопрошающе поглядел на Кейду.

— Теперь бросьте обоих в воду.— Вождь хранил бесстрастное лицо.— Если все, чем стал Рауи в жизни, не может быть возвращено после смерти к месту его рождения, то его тело может послужить пищей для окрестных рыб и отдать все, что заключалось в нем благого, владению Дэйш. Я не считаю, будто он заслуживает, чтобы его сожгли, обратив в пепел, как неисправимого злодея. Впрочем, я не вижу причин возвращать родным и останки Малука. Не убежден, что в будущем воздействие его будет благословенно для них. Пусть море смывает следы его деяний.

Телуэт послал обе головы за борт стремительными ударами ноги и двинулся, чтобы небрежно, одной рукой подхватить тело Рауи. Атун поднял труп Малука и швырнул мертвеца за борт, особенно не чинясь. На два звучных всплеска со всех сторон повернулись потрясенные лица, осознание случившегося стало камнем, вокруг которого побежал расширяющийся круг молчания, нарушаемого только криками какого-то испуганного ребенка, ропотом моря, бьющегося в песок, да ударами дерева о скалу.

Джатта заставил Кейду вздрогнуть, плеснув из ведра морской воды по его ногам, а заодно и по всей палубе его дорогого корабля.

Может ли эта кровь оказаться каким-либо знамением? Ты не подумал об этом вовремя, не так ли?

Кейда, закусив губу, удержался от упрека корабельщику и поглядел дальше, на воду, где заметил обилие маленьких суденышек. Это местные островитяне явились посмотреть, какие важные для них приметы может таить в себе происходящее.

— Джатта, скажи кормчему корабля Малука, что он возвышен до старшего на судне, и если хочет удержаться на этом месте, не говоря уже о том, чтобы сберечь голову, пусть не забудет вернуть любую добычу, похищенную с посудин Чейзенов.— Лицо Кейды было суровым.— Атун, созови сюда кого-нибудь из этих лодчонок и разошли весть по всем местным деревням, что они должны приютить этих несчастных. До тех пор, пока я не дам знать, что людям Чейзенов пора возвращаться по домам. Мы, Дэйши, сделаем все возможное, чтобы сокрушить зло, напавшее на них — не в последнюю очередь потому, что нам отнюдь нелишне обезопасить нашу

собственную южную границу. Телуйет, скажи Чейзенам, мужчинам и женщинам, что моей милости хватит ровно настолько, насколько они не вызовут бед. Если они не могут принять нашу доброту с должным смирением, придется изгнать беглецов навстречу тому жребию, который их ждет. Старейшины деревень должны послать Джанне Дэйш весть о любых таких бедах. Джатта, я хочу, чтобы мы были готовы к отпльгтию как можно скорее. Тяжелым триремам надлежит идти следом за нами к скале Хид, как только они смогут высадить людей Чейзенов на берег.

Кейда медленно сложил руки. Все вокруг пришло в движение.

Эта новость, несомненно, распространится быстрее, чем свет маяка. Хорошо. Каждый только выиграет, узнав, что у вождя Дэйша нет ни малейшего намерения позволить непредвиденному бедствию подрывать его власть.

Джатта вернулся и встал пред Кейдой.

— Мне бы хотелось запасти воды, пока у нас есть возможность.

— Как сочтешь нужным.— Кейда кивнул.— Тогда нам следует поторопиться.

Как только местные жители охотно привезли им достаточно пресной воды, чтобы заполнить бочки «Скорпиона», к удовольствию Джатты, Кейда поднялся со стула и уступил его корабельщику. Стремительный поток приказов направил трирему в море. Кейда прошел по всему кораблю вдоль края палубы. Телуйет шагал между ним и водой. Освободившись от напряжения, что засело в его спине и шее, Кейда вернулся на кормовой помост.

— Твои парни сделали куда больше, чем требуется от них обычно,— заметил он, обращаясь к Джатте.— Мы должны позаботиться о подобающем вознаграждении для них.

Атун стоял рядом со стулом корабельщика.

— Мы должны разузнать все о положении у скалы Хид. И как только выясним судьбу Чейзена Сарила, решить, куда пошлем наши триремы.

— Я бы посоветовал заградить морские пути как для захватчиков, так и для любого, кто бежит от них,— мрачно произнес Джатта.— Такие бессмысленные схватки могут вскоре завязаться повсюду. Очень скоро, если мы не обеспечим должный присмотр за всеми лодками Чейзенов.

Телуйет фыркнул, выражая согласие. Кейда пожал плечами.

— Прежде всего нам нужно поглядеть, что творится у скалы Хид.

Все умолкли, глядя вперед, в направлении узкого и высокого изогнутого носа, между тем как бодрые гребцы по-прежнему неустойчиво толкали трирему на запад по мутным и суровым водам, волнующимся южнее Зубов Змеи. Солнце палило нещадно, поверхность моря отбрасывала слепящие блики. Наконец, после того как миновало, казалось, полжизни, скалы и рифы расступились. Лишь неровная разрушенная громада скалы Хид одиноко возвышалась среди волн.

— Корабли!

Крик бдительных лучников с носа тут же утонул в вопле Джатты:

— Суда Чейзенов!

Атун немедленно оглянулся, чтобы определить местонахождение своих тяжелых трирем.

— Мы не высадимся без полного отряда меченосцев, мой господин, — сказал он прямо.

— Сколько там кораблей? — Кейда двинулся, чтобы лучше разглядеть триремы, бросившие якорь на выгнутой отмели севернее крохотного островка.

— Четыре, — побормотал Джатта. — Два тяжелых, два легких.

Кейда поморщился.

— Невеликая сила.

— Они нагрузились тяжелее, чем обычно, — кисло заметил Телуйет. — Из-за этой толпы народу едва виден песок.

Не то чтобы песка было особенно много — лишь узкая полоса размытого пляжа с несколькими кучками малорослых пальм, прикрытых грубым черным выступом, который тянулся по всей южной стороне островка, точно каменная стена.

— Давайте надеяться, что здесь множество бойцов, способных дать бой своему врагу, прежде чем придет время проливать кровь Дэйшей, — заметил Кейда.

— Хотел бы я знать, сколько у них раненых. — Телуйет окинул внимательным взглядом линию берега, покрытого наветрами и свежевыврытыми очагами.

— Флаг Чейзена Сарила! — Джатта встал и указал на лазурный шелковый вымпел, развевающийся на кормовом шесте одной из быстрых трирем.

— Значит, он жив! — воскликнул Телуйет.

— Если нет, я воспользуюсь этим, чтобы повесить любого, кто вздумает бежать, — пообещал Кейда. — Поднять мое знамя!

Атун уже поднимал алый шелк, украшенный широкими черными ломаными линиями, знаком власти Дэйшей.

— Пусть наши тяжелые триремы встанут на якорь так, чтобы ни один из этих не мог прорваться без моего дозволения, — внезапно приказал Кейда.

— Я дам знак. — Джатта указал на битую непогодой лодку, только что, покачиваясь, двинувшуюся по волнам от одной из тяжелых чейзенских трирем, держа курс на «Скорпиона». — Там лодка.

— Телуйет и Атун, мне понадобится ваш совет. — Кейда надел шлем, который только что держал в руке, и без слов принял у Телуйета ненавистные бронечулки. Тупые носы их вызвали у него отчаянно неловкое ощущение в стопах, когда он осторожно спускался по лесенке, спущенной за корму «Скорпиона». Не спуская глаз со своего меча, он уселся, и к нему тут же присоединились его раб и его военачальник.

— Где Чейзен Сарил? — спросил Атун, нахмурившись.

— На берегу, достопочтенный вождь и могучий господин, — ответил человек на веслах, пытаясь отдать неловкий поклон и едва не свалившись при этом в воду.

Кейда, выпрямившись, сел на корме лодочки со спокойным лицом. Он не двинулся, когда человек на веслах подвез их к суше, ожидая, чтобы первыми спрыгнули за борт Телуйет и Атун. Оба, раздраженно хмурясь, зашлепали по воде, готовые грозными мечами рассеять всех, кто, разинув рты, стоял в ожидании новых бед на прибрежном песке.

Помни, сын мой, ты всегда на виду. Кто-нибудь обязательно наблюдает за тобой, в благоговении перед твоей властью или прикидывая, а нельзя ли как-нибудь утыкать тебя стрелами.

— Мой господин. — Телуйет обернулся и отдал поклон. — Можете сойти на берег.

И не годится споткнуться и хлопнуться лицом вниз в прибой.

Кейда осторожно перебрался через борт. Хорошо хоть, что море, пробравшись сквозь швы чулок, смягчило зуд, изводивший его взопревшие ноги.

Чейзен Сарил торопливо вышел из толпы и распростер руки.

— Дэйш Кейда, я выше меры воспрянул духом, увидев тебя.

— А я — увидев тебя. — Кейда самым пылким образом пожал руки вождя Чейзенов, как требовал обычай. И ощутил совершенно неожиданную при данном обряде лихорадочную дрожь в пальцах Сарила.

Утопающий не мог бы вцепиться крепче. И выглядят все они хуже, чем люди, пострадавшие от смерча, что разметал их хижины на прутья и кинул волны морские на их посевы и загоны со скотом.

Пухлое лицо Чейзена Сарила изнурило усталость. Тени впечатались в медную кожу под глазами — бурые, почти черные. Кровь и копоть запятнали некогда великолепную рубашу белого шелка. Тонкая, как паутина, ткань накидки-безрукавки с богатой золотой вышивкой была разодрана и помята. Кольца с бриллиантами на его пальцах и переплетенные цепи из золота и жемчуга вокруг шеи лишь сильнее подчеркивали его неприглядный вид.

Могущественный вождь владения Чейзен, ты выглядишь столь же потрясенным и жалким, как малютка Эви, пробудившаяся после страшного сна и еще не успевшая понять, что ее обнимают руки отца.

— Ты взял с собой к этой стоянке великое множество гребцов, — и Кейда улыбнулся, чтобы смягчить укор. Напоминать Сарилу о заключенных соглашениях, возможно, и требуется, но сейчас не время завязывать спор о подобных пустяках. Сарилу же и вовсе было не до тонкостей.

— Это единственное место, где мы могли остановиться. К нам вторглись...

— Знаю, — оборвал его Кейда. — Я говорил с Итрак.

— Она жива? — Сарил воззрился на него. — А Олкан?

— Итрак не вполне здорова. Я даровал ей и тем, кто с ней, убежище на время. — Кейда пристально поглядел Сарилу в глаза

и позволил себе выказать сочувствие. — Олкан обгорела... Очень скверно, очень глубоко, на очень большой поверхности кожи.

Дэйш Рейк никогда не был высокого мнения о целительском искусстве Сарила, но Кейда видел: этот человек понимает, что ему сказали. Губы его дрогнули, и слева, которой он не мог сдержать, упала с ресниц.

— У тебя есть новости о Секни?

— Нет. Прости, — сказал Кейда с неподдельным сожалением. — Мы ничего не слышали.

Сарил отвернул лицо, вздрагивая и пытаясь не разрыдаться в открытую.

А ты еще завидовал Сарилу из-за того, что он свободен жениться на ком ему вздумается, ибо он достаточно убогий женишок и ему позволительно ублажать душу, увлекаясь дочерьми неприметных родителей.

— Ты устал и страдаешь от тяжкого горя, этого и следовало ожидать. — Кейда поглядел на Телуйета. — Где мы можем усесться поудобнее и обсудить, что теперь надлежит делать ради блага обоих наших народов?

Сарил поглядел на него с отчаянной враждебностью.

— Ты должен дать убежище мне и всем моим.

Дух этого человека переменчивее, чем флажок во время бури и ливня.

Кейда ожесточился.

— Ты должен изгнать чужаков из своего владения. Я дам тебе и твоим кров и пищу, которые мы в состоянии выделить, на известное время за подобающее вознаграждение в должный срок.

Вздых разочарования пронесся по толпе, подобный шороху пальм, которые треплет ветер на краю пляжа.

Лицо Сарила стало деланно безразличным.

— Разумеется.

— И мы, Дэйши, поддержим вас в бою, учитывая долгую дружбу между нами, — продолжал Кейда. — Как только я узнаю, какой именно опасности подвергаю своих людей.

Сарил поднял голову и распрямил плечи.

— Мы не сядем? — Он указал на три ничем не выдающиеся пальмы, под которыми были навалены подушки. Скуд-

ная растительность поры засухи стала блеклой и жесткой, скорее бурой, чем зеленой. Старые, выросшие в прежние годы пальмовые листья свисали с корявых и раздутых стволов, точно обрывки занавесей.

— Спасибо.— Кейда последовал за Сарилом нарочито медленно, сопровождаемый Телуйетом и Атуном. Вождь Чейзенов ковылял по мягкому песку, не обращая внимания на вперившиеся в него беспокойные взгляды.

— Барле наверняка мертв,— прошептал Телуйет хозяину.— Он ни за что не позволил бы ему болтаться где-то, когда лишь слой кожи находится между ним и клинком.

Если Телуйет никогда прежде не придавал особого значения Сарилу, то хотя бы одобрял постоянного спутника этого вождя.

Кейда коротким жестом призвал своего раба к молчанию, меж тем как Сарил повернулся к россыпи подушек.

— Не могу предложить вам ничего, кроме воды.— Движение его руки было не более чем печальной тенью его прежнего пылакого гостеприимства.

— Этого достаточно, когда твои владения охвачены войной.— Кейда уселся, скрестив ноги. Бронечулки врезались в подколенные ямки, а плечи взвыли из-за неизбывной тяжести кольчуги. Он решительно махнул рукой на неудобства, ибо Телуйет и Атун стояли по обе стороны между двумя вождями лицами к толпе, уверенно держа обнаженные мечи.

— Только мое владение и будет охвачено войной с этими дикарями,— не без присутствия духа отчеканил Сарил.— Если мы не закроем от них воды Дэйша, они понесутся на север — на Ритсема, Уллу, Эндита и еще дальше. Уже теперь они могут жечь владение Редигалов.

— Вряд ли они уже там; думаю, пока еще нет,— возразил Кейда.— И если мы будем биться вместе, мы сейчас же преградим им путь. Тебе лучше созвать своих людей и ударить прежде, чем чужаки надежно утвердятся на твоих землях.

Почти неуловимая надежда проступила на самых ближних лицах в пределах поля зрения Кейды. В то же время Сарила, судя по его лицу, швырнуло в пучину самого бурного отчаяния.

— Возможно, нам удастся хоть что-то у них выцарапать после дождей.

— Нет.— Кейда решительно покачал головой.— Мы пойдем в бой немедленно.

Сарил неуверенно поглядел на него.

— Если мы сумеем собрать всех моих людей, отведи нам какой-нибудь небольшой остров.

— Дэйши не уступают землю Чейзенам.— Телуйет весь пылал из-за подобной дерзости.

— Рабы Чейзенов с такими не знающими удержу языками вправе ожидать порки,— выпалил в ответ Сарил.

— Молю о прощении, великий вождь,— произнес Телуйет с лицом далеко не покаянным.

— Мы приютим ваших людей, но только до тех пор, пока они не смогут вернуться к себе.— Кейда улыбнулся, чтобы смягчить свои неприятные слова.— Лучше для Чейзенов вернуться домой и сеять на своей земле, чем гнуть спину в моих владениях, не пожиная награды. Тебя и так и эдак не будет здесь в пору урожая, как бы ни обернулось.— *Хотя бы об этом я должен позаботиться, или мы от тебя никогда не избавимся.*— Мы всегда идем войной на врага. Мы вправе делать первый шаг, а право врагов — отвечать на наши действия. Дэйш Рейк учил меня этому, и я сомневаюсь, что Чейзен Шас когда-либо говорил иное,— напомнил он с намеком на вызов.

— Все это хорошо и правильно, когда враг тебе знаком, когда очевидна его сила, да и слабости известны. Ни моему отцу, ни твоему никогда не доводилось сталкиваться...— Сарил упрямо покачал головой.— Мы не сможем пойти войной на юг в пору дождей. А до того я должен найти пристанище своим людям. Я мог бы заглянуть к Улле Сафару или Редигалу Корону.— Его огрубевший голос выдавал отчаяние.— Они не пренебрегут союзом со мной. У меня есть дочери почти брачного возраста. Ты жаждешь увидеть, как мы заключаем такой союз? Сиркету ведь наверняка нынче ищут жену?

И почтенная Джанне Дэйш, чего доброго, пригрозит своему достойному супругу оскотлением, не говоря уже о звонкой пощечине, если он согласится взять такую убогую невесту для своего сына. Что до Уллы Сафара и Редигала Корона, думаю, они не только отвергнут твоих дочерей, а рассмеются тебе в лицо, услышав такое предложение.

Кейда подавил побуждение так прямо и ответить.

— Я уже сказал, что на время мы вас приютим. Рекха Дэйш договорится о подобающем возмещении с Итрак Чейзен, как только мы увидим, что вы благополучно вернулись к себе и налаживаете жизнь. Что до Уллы Сафара и Редигала Корона, очень может статься, что они не испытают особого желания помочь тебе, узнав, что волшба обрушилась на твое владение.

Сарил опустил голову, от его заносчивости не осталось и следа.

— Ты об этом слышал.

— Значит, все, что рассказала мне Итрак — правда? — То горестное признание, которое Кейда ясно увидел в уголках глаз, не оставило Сарилу возможности лгать.

— Заклинаю тебя честью твоего владения сказать мне правду. — Кейда метнул взгляды на Атуна и Телуйета и увидел, что оба замерли в ужасе от того, что слышат.

Время тайн прошло. Моряки и воины Дэйшей, сходящие на берег поесть и попить, чтобы прийти в себя после тягот нелегкого плавания, услышат обо всем, что совершилось у Чейзенов. Мне нужно, чтобы в ответ на любые вести у меня имелся замысел, который все мы готовы осуществить. Я должен дать каждому тему для размышлений, помимо отвратности волшбы.

Кейда стиснул челюсти.

— Ты видел волшбу, примененную в открытую у всех на глазах? Что ты видел?

Сарил поколебался, прежде чем наконец ответить:

— У них нет кораблей, и все же они явились с бескрайнего простора океана, передвигаясь всего-навсего в выдолбленных бревнах. У них не было ни мечей, ни ножей, только деревянные копы и каменные дубины, и все же они не испытывали страха перед нашими клинками. Почему они должны нас бояться? — Он невесело рассмеялся. — Они могут вызвать огонь из воздуха, огонь и молнии. Они могут повелеть волнам топить наши суда. И этих пришельцев было больше, чем кровавых мух в рое. Наши стрелы не могли причинить им вреда. Стрелы отскакивали от нагой кожи чужаков, точно палки от прочной стены.

— Мой господин, если эти люди действительно принесли чары... — Смуглый почти до черноты еще с той поры, когда его

не опалило беспощадное солнце, Атун все же заметно побледнел под своей бородой. — Что мы с ними сделаем?

— Убьем всех. — Кейда скрыл свои недобрые предчувствия. — Настолько скоро и полностью, насколько сможем. Если мы не сумеем одолеть их в открытом бою, то сожжем их, где бы они ни скрывались, выжжем эту скверну с любой земли, которую она затронет. Огонь очищает все.

— Тем больше причин спешить в бой до прихода дождей, — твердо произнес Телуйет.

— Но, разумеется, была ночь, и мы никоим образом не были готовы к нападению. — В голосе Сарила внезапно прозвучал вызов. — Откуда мы знаем, что это действительно чародейство? Кто среди нас видел хотя бы жалкое притворство какого-нибудь колдуна из северных варваров? Возможно, просто какой-то хитрый мошенник играет на наших страхах.

По неуверенному ропоту вокруг стало ясно, что другие мужчины и женщины из Чейзенов убеждены: они видели то, что видели.

Кейда помедлил с мгновение, заботясь, чтобы его голос прозвучал спокойно и ровно.

— Мы не можем решить, как лучше сражаться, пока не узнаем, где собрались основные силы этих дикарей. Атун, расспроси всех корабельщиков Чейзенов, где в точности они видели опасных пришельцев. Установи, откуда именно явился каждый, кого они обратили в бегство. Я должен знать, где может быть ближайшее гнездо этих злодеев. Мы можем завтра с первыми лучами солнца взять три корабля и предпринять на них разведку, чтобы все оценить.

— Ты думаешь, мы просто дрогнули и бежали? — Горечь искажила лицо Сарила. — Что все эти разговоры о волшебстве — лишь оправдание нашей трусости?

Что ж, если они столкнулись с чародейством, я, разумеется, все равно ценю боевые качества воинов Дэйшей выше, чем этих Чейзенов.

— Не знаю, что и думать. Взбодрись, Чейзен Сарил, — коротко ответил Кейда, поднимаясь на ноги. — Самое время для нас приступить к своим обязанностям.

В подавленном и отчаянном состоянии Чейзена Сарила произошла небольшая перемена — некий выплеск, колыхание.

— Все мои обязанности похищены или разметаны далеко за окоемом.

Кейда лягнул его в колено достаточно крепко, чтобы его тучный собеседник в негодовании вздрогнул.

— Мы должны искать предвестия, Чейзен Сарил, оба вместе, и чем раньше начнем, тем лучше.

Сарил отдышался.

— У меня и в мыслях не было даже поглядеть, куда летят птицы на заре.

— Звезды небесные! Братец мой, это едва ли удивительно. — Кейда позволил себе выказать немного соболезнавания. И протянул руку. — Главным, с чем на тебя напали, был огонь, так что нам следует искать ответ в золе, согласен?

Сарил неловко поднялся на ноги, после чего оглядел жалкий островок с целеустремленным, сосредоточенным и чуть проявившимся лицом:

— Нам нужно как можно больше образцов дерева. Чем разнообразнее было топливо для прошлого и настоящего костра, тем яснее будет подсказка, которую даст нам зола.

Дрожь предчувствия пробежала по толпе.

— Давай посмотрим, что принесло нам море, — предложил Кейда.

— Срежьте заодно пальмовых листьев, — приказал Сарил суетливой кучке чейзенских моряков, счищая песок со своих запятнанных оранжевых штанов.

— Эти костры пожрали весь плавник на пляже, — заметил Телуйет, с недовольством поглядывая на скопления людей на берегу.

— Тогда давая посмотрим, что нам попадется за скалами, — Кейда подавил побуждение сорвать сырые бронечулки и ощутить под стопами песок. Так он хотя бы сможет безопасно перебраться через острые, как бритва, скальные вершины.

Большая черная стена обрывалась невысокими откосами и грудями осыпавшихся камней у дальнего края пляжа. Кейда осторожно двинулся через наклонные скользкие участки. Телуйет плыл сбоку от него. Течения, которые там и здесь подточили зловещую скалу, нанесли сюда с приливами немало

всякого мусора. Выбеленные пустые раковины и отломанные клешни крабов заполняли впадины и щели.

Не явятся ли захватчики сеять горе и здесь? Они владеют волшебством, которое несет их по неверному морю... Нет, следует отвлечь свой ум от подобных несвоевременных мыслей, от несчастных людей на пляже, от назойливых сомнений, правильно ли ты поступил с Олкаи, от страха, что бедствие, обрушившееся на Чейзенов, уже затихло за окоемом, чтобы внезапно устремиться дальше и захлестнуть владение Дэйш. Помни слова Дэйша Рейка:

«Ты должен не просто видеть или слышать предвестия: ты должен чувствовать каждую нить, связующую тебя с каждым другим живым существом. Ты должен дышать воздухом, который давал дыхание всем пропавшим из виду и которого вкусят в свой черед все, кто явится. Ты должен постичь свое место в великом и сложном порядке вещей и взирать на все с этой наблюдательной площадки.

Кейда стоял неподвижно, чтобы втянуть отдающий солью воздух поглубже в легкие. Шум вокруг ослабел, когда он закрыл глаза и сосредоточился, стараясь изгнать из сознания все несущественное. Едва он открыл глаза, внимание его тут же привлек запятнанный морем корень дерева. Склонившись, он подобрал находку и одновременно заметил изъеденный червями кусок ствола ореховой пальмы, лежавший внизу.

— Мой господин! — Телуйет предложил ему кусок веревки, неровной и растрепанной.

— Сойдет. — Кейда кивнул. — Все это будет гореть.

— Дэйш Кейда!

Захваченный врасплох звучным голосом Сарила, Кейда едва не утратил опору на недобром камне.

— Что ты тут нашел?

Вождь Чейзенов спешил по пляжу, нагруженный охапкой осколков рангоута и обломков весел, да еще и несколькими кусками досок от разбитой обшивки, не обращая внимания на обожженную и покрытую волдырями руку.

— Все это — напоминание о том, какое зло несут с собой чужаки, — мрачно заявил он, сбрасывая свой груз наземь с гулким, точно эхо, стуком.

— Телуйет, подай мне листья пальмы.— Твердо решив не усложнять дело и не подливать масла в огонь, Кейда, взяв кинжал, тщательно очистил тугой бурый ствол и разъединил густые волокна желтой середины.

Чейзен Сарил встал на колени над куском дерева, где вырезал неглубокую ямку, почти зарубку. Он тщательно вставил туда заостренную палку и туго затянул вокруг петлю из тетивы от лука. Двигая руками взад-вперед, сперва медленно, он постепенно наращивал скорость, и вот вокруг точки вращения собралась черная пыль.

— Пора.

Сарил продолжал непрерывно вращать палку. Кейда поднес к его зарубке свой трут из сухих волокон — и вот волокна дыхнули слабым белым дымком. Когда Сарил убрал палку с ремнем и дрожащей рукой вытер пот со лба, Кейда собрал топливо и принялся осторожно дуть на занявшиеся волокна пальмы, как раз настолько, чтобы помочь разгорающемуся пламени, но не повредить ему влагой своего дыхания. В бледном дыму сверкнула золотая искорка. Кейда сложил ладони чашечкой, чтобы защитить крохотный огонек от коварных порывов ветра, которые могли уничтожить его, едва родившийся.

Никому не нужны такого рода приметы.

Сарил построил гнездо из палок, и Кейда надежно устроил в нем огонек. Чейзен Сарил принялся подкармливать его сухим крошевом от рассыпавшейся сгнившей ветви, затем сел рядом, наблюдая, как жадные золотые язычки лижут более крепкое дерево, которое он принес от своих разбившихся судов.

Кейда видел, как взгляд вождя Чейзенов становится отрешенным, ибо силы, потребовавшиеся для выполнения первой задачи, покидали его.

— Мы здесь не для того, чтобы гадать по пламени,— резко напомнил ему Кейда, меж тем как он подгрел все прочее топливо поближе к горячей сердцевине костерка.— Нам понадобится пепел.

Сарил поглядел на него с внезапной ухмылкой, которой Кейда отнюдь не ожидал.

— Ты когда-либо совершал ошибку, предложив усыпить костер прорицания водой лишь для того, чтобы ускорить дело?

— Да.— Кейда рассмеялся.— Но только один раз.

— Мой отец так крепко меня шлепнул, что разом сбил с ног.— Сарила неожиданно развеселило это воспоминание.

Дэйш Рейк старался не бить никого из своих детей, он всегда был более склонен учить их, смеясь. Даже когда я оставался один, чтобы усваивать самые важные уроки — как управлять владением ему на благо.

— Это должно сгореть достаточно быстро.— Кейда встал и оглядел берег, с удовольствием отметив, что Дэйши с кораблей позаботились о правильных рядах костров для стряпни, гребцы получили отдых, который в высшей степени заслужили, а меченосцы участвуют в приготовлении пищи и проверяют, насколько их броня и оружие готовы для любого боя, в котором может возникнуть необходимость. Другие рассеялись по островку, четко вырисовываясь на фоне неба на скалистых высотах и обратив глаза на юг.

Ни у кого из людей Чейзенов нет настоящей целеустремленности, даже у тех, что не ранены. Это просто потрясение или некая назойливая скверна, порожденная волшебством?

Кейда поглядел на Телуйета и увидел, что в глазах того отражаются его собственные мысли.

Незатронутые происходящим, бредущие, петляя, они пойдут впереди людей Дэйша, чтобы встретить любую напасть, которая таится на юге.

Он взглянул на костер, но тот все еще весело пылал, равнодушный к страстному желанию человека получить совет у золы, что останется.

Глаза Кейды сфокусировались на мощной фигуре Атуна. Воин стоял с Джаттой и одним из корабельщиков Чейзенов с тяжелой триремы, что-то выводя на песке палкой.

Телуйет приблизился и встал рядом:

— Вот человек, которому хватает ума увидеть, что опасность, брошенная на чашу весов, перевешивает любые заботы о хранении тайн морских путей его владения.

— Как только мы закончим свои дела здесь, нам понадобится встретиться с Атуном, Джаттой и любым, кого Чейзен Сарил сочтет достойным среди своих корабельщиков. Мы дви-

немся к югу на четырех кораблях. Нам нужно решить, где лучше остановиться, чтобы обеспечить самое раннее из возможных предупреждение о любом движении этих злодеев на север.

— И огорчить беглецов Чейзенов, которые думают, что смогут избегать внимания достаточно долго, чтобы зарыться поглубже на новом месте,— хмуро заметил Телуйет.

— Мы не можем позволить себе пренебрегать любым подспорьем,— напомнил Кейда своему верному рабу.— Если нам придется изгонять этих колдунов, нам понадобится основательная сила для решающего удара.

Мы позаботимся, чтобы у нас было достаточно людей для выполнения задачи, если волшебство раздерет остальных в клочья сырой плоти или спалит до обугленных костей.

— Будет не так-то легко прокормить целое воинство владения, созданное в самом конце сухой поры,— пробормотал Телуйет.— Где ты объявишь сбор? Дожди могут хлынуть в любой миг после того, как вновь явится Большая Луна; мы должны поостеречься, как бы не потерять половину кораблей, если шквал бросит их на северный берег.

Союз с Чейзенами — правильный выбор, если я хочу защитить свой народ... Или я просто позволяю, чтобы меня несло течение, из которого следовало бы выбраться, а не то как бы не разбиться о скрытый под водой риф? На Чейзенов напали лишь потому, что они южнее всех на Архипелаге, или есть некая более темная причина несчастья, свалившегося на Сарилу?

— Теперь прогорело достаточно, не так ли? — Голос второго вождя вырвал Кейду из раздумий.

Он не без удивления увидел, как скоро угас огонь.

— Если мы наденем перчатки... — осторожно заметил он. Телуйет вручил ему пару, которую снял с пояса: тяжелая кожа, укрепленная металлическими пластинами, чтобы отразить удар разлетевшегося в замахе клинка.

— У меня их нет.— Сарил поглядел на свои руки, после чего огляделся, словно ожидая, что появится его пропавший раб и тоже что-нибудь ему подаст.

— Я первый.— Кейда без сожалений воспользовался представившейся возможностью.— Можешь потом взять мои.

Натянув толстые перчатки, он зачерпнул две горсти черных угольков и перистой золы с кромки еще дотлевающего костерка. Миг ушел у него на то, чтобы оценить свойства ветра, после чего он метнул пепел широкой дугой. Уголком глаза он видел, что всякая деятельность на берегу прекратилась.

Чейзен Сарил попятился. Кейда сорвал печатки и бросил ему.

— Ты должен бросить, а затем настанет время искать знаки.

Вождь Чейзенов нехотя натянул перчатки.

— Полагаю, мы это сделаем оба.

Кейда вперил в него тяжелый взгляд.

— Это само собой разумеется, ты не думаешь?

Сарил собрал в ладонях утасующие угли. Тяжело вздохнув, он метнул почерневшие останки топлива наискось через белый песок. Лицо его застыло в напряженном и тревожном ожидании.

— Ну? И что ты видишь?

Кейда медленно обошел рассеянный по песку пепел, ища знакомые очертания, какие-либо образы или тени.

— Это меч?

— Скорее ты просто хочешь его увидеть, — с сомнением ответил Сарил. — Не может ли это быть лук?

— Нет, черта слишком прерывиста, — с сожалением ответил Кейда.

Сарил начал медленно обходить участок для гадания, наклоняясь время от времени, чтобы взглянуть пристальней. Вернувшись к Кейде, он покачал головой, одновременно завороченный и готовый дать отпор.

— Ничего не могу толком разобрать. Должно быть, я слишком устал, слишком ошеломлен всем, что стряслось, чтобы подобающе настроиться и видеть знамения.

Кейда все еще намеревался продолжить изучение пепла.

— А не может это быть змея? Или морской змей? — Он сел на корточки, чтобы обвести пальцем образ, который, кажется, усмотрел. Сарил бросил туда небрежный взгляд.

— Под этим углом совершенно не похоже.

— Мы должны здесь что-то увидеть. — Кейда в отчаянии поглядел на Сарила. — Какие-то представления о небесных телах, символы поры года и причины, сокровенные образы

различных владений. Скажи мне, что ты видишь, — потребовал он.

— Неразбериху, — медленно ответил Сарил.

— Где? — Кейда поглядел вниз, на рассеянный пепел и песок. — Для нас всех? Или только для Чейzenов?

— Я не имею в виду предвестия неразберихи и неудачи в бою. — Сарил вперил в песок пристальный взгляд, лицо его вытянулось от испуга. — Только и вижу, что неразбериху. Не могу проследить никаких узоров, не воспринимаю никаких указаний. Это просто... — Он пожал плечами. — Бессмысленно.

— Нет. — Кейда сжал челюсти. — Здесь есть знамение, нам нужно только угадать его.

— Что есть знамение? — внезапно спросил Сарил.

— Примета, исходящая из того, что есть и было, которая может направить нас в будущее. — Кейда не смог удержаться от усталой, но ядовитой насмешки.

— Чейзен Шас учил меня думать о лесном дереве, которое может упасть, уже все прогнившее — но его сломанные ветви вдруг пускают корни, и оно питает новые побеги. Он говорил, что все знамения укоренены в прошлом и расцветают в наших руках, чтобы мы могли увидеть семена будущего. — Сарил с затравленным видом посмотрел на лицо Кейды. — Но никогда еще на памяти кого-либо из моего владения не пускалось в ход волшебство. Записи наших наблюдательных башен уходят в прошлое на сотню обращений самых отдаленных небесных самоцветов — тех, что годы и годы проходят меж одной и другой дугами неба. Как может прошлое поведать нам о будущем, если мы столкнулись с тем, что никогда не было частью нашего прошлого и не оставило в нем следа? — И как раз когда Кейда подумал, что исступление вот-вот охватит вождя с юга, Сарил резко умолк и, пораженный ужасом, воззрился на него. — Полагаю, что-то еще примешало сюда свое воздействие. Твой отец не предостерегал тебя, как основательно волшебба разрушает естественный порядок вещей? Я здорово боюсь, что миазмы уже заволокли наше поле зрения. Потому-то мы здесь ничего и не видим.

— Тогда как мы узнаем, что вернее всего делать? — вскричал Кейда, прежде чем успел сдержать себя. Затем медленно

вдохнул долгим вдохом.— Неважно. Мы просто должны идти на юг, как я уже говорил. Нам надо увидеть, что нам грозит, своими собственными глазами.

Глава 4

Цветом эта вода больше похожа на речную, чем на морскую. Здесь даже нет волн, вода так стеснена в этом лабиринте ила и скал... О, чего бы я не отдал за глоток чистого соленого воздуха вместо этого удушающего зловония.

Кейда поспешно подавил эту мысль, пока не вступил ненамеренно в сомнительную сделку с будущим.

— Каи когда-либо прежде ходил этим путем?

— Никто из нас никогда не бывал в этих водах.— Джатта покачал головой, сосредоточив взгляд на проливе-провале меж двух пыльных островков, лежащих впереди и южнее.— Мы порядочно отошли от обычных торговых путей.— Красная путевая книжица корабельщика была при нем, рассеянно зажатая в руке.

Кейда взглянул вперед, где перед носом «Скорпиона» маячила корма быстрой триремы Сарила «Рогатой Рыбы» — точно в длинах двух кораблей впереди, благодаря умениям и мудрости Джатты.

— Это свидетельство особого доверия, что нам показывают тайные окольные пути?

— Чейзену почти нечего терять,— уклончиво произнес Джатта.— Я предупрежу тяжелые триремы, чтобы были готовы следить за нами, если мы попытаемся пройти здесь еще раз после того, как Сарил опять очутится у себя на дворе.

— Однако ты оставишь себе заметки об этих морских путях? — невинно осведомился Кейда.

— Я бы пренебрег своим долгом перед владением Дэйшей, если бы этого не сделал.— Недобрая улыбочка Джатты противоречила его возвышенному тону.— И маленькая лодчонка в лунную ночь, как правило, способна найти спокойное русло, по которому проскользнет мимо тяжелой триремы.

— Что может принести пользу при каком-нибудь ином обороте небес,— признал Кейда.

Если не нам, то, возможно, Сиркету в непредвиденном будущем. Помни, что говорил тебе Дэйш Рейк, будучи почти такого же возраста, как ты теперь. «Никогда не предполагай, что положение останется таким, как было, и неважно, как долго вещи противостояли превратностям судьбы, сохраняя неизменность»... Мы действительно вот-вот столкнемся здесь с чародейством, как и ожидали?

Джатта повернул сосредоточенное лицо к вождю.

— У нас есть корабли, готовые преследовать суда Чейзенов, если те воспользуются смятением как поводом выследить наши морские пути?

— Прежде чем мы покинули скалу Хид, я разослал свои знаки и отправил четкие распоряжения для Джанне Дэйш. — Кейда бросил взгляд назад, за корму «Скорпиона» — на тяжелые триремы Атуна, которые вели два судна Сарила. — Кроме того, если мы сможем с молниеносной быстротой отвоевать для Чейзенов хотя бы клочок земли в его собственных владениях, у его людей не останется выбора, кроме как вернуться в свои воды.

— Нам известно, сколько захватчиков удерживает эти места? — Джатта изучал остров, который как раз представлял их глазам. Тот был невелик, но мог похвастаться высокой, правильной формы огненной горой, крутая и серая вершина которой вздымалась над покрытыми густыми лесами склонами. Узловатые деревья тянулись к воде и простирали над ней ветви, твердый участок суши окаймляли заболоченные берега с перепутанными серыми корнями, по которым лениво шлепали волны.

— Судя по всему, что смог понять Атун, лишь небольшая сила забралась так далеко на восток. Чейзен Сарил говорит, что они, конечно, будут держаться за этот остров. Это единственный кусок суши в здешнем направлении, где весь год бьют родники.

Искренне надеюсь, что заверения Чейзенов правдивы. Особенно доклад о том, что здесь вокруг нет подозрений на волшебство.

— Кормчий Чейзена Сарила хорошо знал, куда нас ведет, — Джатта с несдобрием поглядел на мешанину островков и островочков. — Некоторые из здешних проливов так

узки, да еще и мелкие, что косяк настоящих рогатых рыб проплывет по ним только гуськом.

— Не очень-то здесь хорошо с местами для высадки, насколько я слышал. — Каи выправил курс «Скорпиона» по флажкам-указателям, трепещущим над кормовым помостом «Рогатой Рыбы».

— Значит, после того, как мы разделаемся с захватчиками, нам останется следить только за одним пляжем — чтобы не явились новые, — бодро заявил Кейда.

— Это задача Атуна — убивать и стеречь. — Увидев, что «Рогатая Рыба» замедляет ход, Джатта поглядел вниз и махнул рукой старшине гребцов. Сигнальщик дунул в свою флейту, и «Скорпион» послушно замедлился в проливе. Сдерживаемые во всех направлениях поросшими лесом островками, течения здесь мало препятствовали усилиям гребцов.

Кейда поднял руку в знак приветствия, когда первая из тяжелых трирем обошла «Скорпиона». Атун, легко узнаваемый на кормовом помосте, воздел, приветствуя вождя, свой обнаженный меч. Один из кораблей Чейзенов прошел по другому борту, и старший на нем поднялся с места, чтобы низко и размашисто поклониться Кейде. Когда Кейда, отвечая, наклонил голову, он увидел на корме «Рогатой Рыбы» Сарила с обнаженным клинком в руке, скорыми взмахами дающего указания тяжелым триремам, идущим мимо.

— Он собирается на берег? — Джатта был удивлен.

— Но ведь вторглись в его владения, не в чьи-нибудь. — Кейда бесстрастно пожал плечами.

— Это неподходящее место, чтобы вожди позволяли убивать себя здесь в стычках, точно простые меченосцы, — буркнул Телуйет. — Или он слышал недостаточно сетований поэтов, чтобы это знать?

— Не думаю, что много достойных поэтов потрудились явиться так далеко на юг, — заметил Джатта с легкой усмешкой.

— Сомневаюсь, что он сойдет на берег. Хотя бы потому, что на нем нет брони. — Кейда отдал честь Чейзену Сарилу, который все еще красовался в обносках своего прежнего великолепного наряда.

Тяжелые триремы, полные меченосцев, прошли мимо «Рогатой Рыбы» и «Скорпиона», предоставив двум легким кораблям стеречь пролив, дабы в любой миг воспрепятствовать бегству неведомых захватчиков.

— Это у тебя хватило бы ума самому найти доспехи, даже если бы я не был здесь и не водил тебя за ручку, — фыркнул Телуйет.

— Держи подобные мысли при себе, когда Чейзен Сарил в пределах слышимости, — сдержанно заметил Кейда. — Или он и впрямь потребует, чтобы я тебя выпорол.

— А отказ вызовет такое нежелательное оскорбление. — Джатта наградил Телуйета пренебрежительной улыбкой.

— Вон там можно высадиться. — Каи указал на полосу влажного серого песка, едва различимую между крупными кораблями. Стрелки и меченосцы «Скорпиона» стояли на носовом помосте и вдоль бортов, бдительно следя за всеми островами вокруг стоянки вплоть до самых крохотных. То тут, то там голая черная скала поднималась из затененного моря, но на большей части суши темно-зеленые узловатые деревья с колючими мясистыми листьями подходили к самой воде. Ни малейшего движения не угадывалось среди перекрученных серых ветвей, и лишь скудный ветерок освежал потный лоб Кейды. Запах разложения тяжело висел в воздухе, и повсюду гудели и стрекотали бесчисленные безымянные насекомые.

Быстрые удары весел разворачивали тяжелые триремы кормой к пляжу, рулевые весла поднялись, чтобы их не зацепило.

— Захватчики, — прошипел Джатта, и все увидели некое шевеление на песке.

Рывком, заглушившим все голоса, тяжелые триремы приблизились к берегу и, содрогнувшись, соприкоснулись с ним — едва ли не позже, чем воины в броне хлынули по кормовым лестницам, падая по пояс в воду и вскидывая обнаженные мечи. Темнокожие чужаки вырвались из-за стены деревьев, воя бессловесно и бессмысленно. Волоски на загривке у Кейды встали дыбом.

— Прямо как звери.

— Пусть и умрут как звери, — пылко произнес Телуйет.

— Вот именно. — Кейда услышал, как дикий вой прервали крики боли, и его охватило мстительное удовлетворение.

— Они не прорываются? — Джатта наблюдал за весьма крупным отрядом лучников, которые собрались на «Рогатой Рыбе». Те посылали через пляж тучи стрел, это было почище шквала в пору дождей.

— Я не вижу. — Кейда легко пробежал вдоль «Скорпиона» со стороны суши к носовому помосту. Телуйет следовал за ним по пятам. Вождь воспрянул духом, лучше разглядев бойню на берегу.

— Верно, — поразился он. — Они орудуют только деревянными дубинами и копьями. — И указал на клинки Чейзенов и Дэйшей, что обрушивались на вопящих дикарей, вспыхивая в закатном свете.

— Однако и деревьяшками можно проломить череп или продырявить человека, точно птицу вертелом. — Телуйет обозрел берег, держась между Кейдой и любой незримой непредвиденной угрозой. — И мы не знаем, нет ли у них пращей или стрел. Отойди-ка за форштевень, мой господин.

— Пока что дырявят только их. — Поступив как советовал ему телохранитель, Кейда, тем не менее, видел одного чужака за другим падающими под безжалостными ударами мечей. Воинам Дэйшей даже не приходилось взывать к искусству, отточенному годами учения, ибо ни броня, ни острые клинки не препятствовали их оружию, готовые наказать за любую ошибку в расчетах. Вторая волна вопящих пришельцев вырвалась из-за деревьев, но стрелы уложили половину из них раньше, чем дело дошло до ближнего боя с облаченным в сталь строем меченосцев, наступавших теперь по всему пляжу.

— Будем надеяться, что мы отберем у них каждый остров так же легко, как этот, — удовлетворенно пожелал Телуйет.

— Он еще не отобран. — Тревожное предчувствие жестокой битвы скрутило кишки вождя. — Будем надеяться, что мы сейчас неожиданно-негаданно не столкнемся с магией.

— Что это? — Телуйет вздрогнул, заметив новое движение на носовом помосте «Рогатой Рыбы»: там все указывали на берег и кричали.

Сердце Кейды пропустило удар, когда он увидел, что происходит.

— Это островитяне самого Чейзена!

— Выходят из своих убежищ, — подтвердил Телуйет, улыбаясь до ушей. — Они тоже захотят участвовать в изгнании грабителей из своих домов.

— Теперь те окажутся меж двух огней. — Кейда медленно покачал головой. — Ну и резня предстоит!

— Хорошо, — бодро откликнулся Телуйет.

Рыбаки нажились на дикарей со своими орудиями лова. Те же, кто привык возделывать землю, размахивали мотыгами и граблями. Охотники вооружились широкими кривыми тесками, которыми в мирные дни прорубали себе дорогу в подлеске. Теперь эти надежные орудия вспарывали голые спины и подрубали ноги неведомо откуда взявшихся врагов. Островитяне Чейзена, прибывшие с пустыми руками, подхватывали выпавшие из мертвых пальцев деревянные копья и обращали их смертоносную силу против бывших хозяев. Шум на берегу делался все громче, отчаяннее и яростней. Неизвестно, как долго это продолжалось, но вот Атун вывел на своем роге дробную трель — и настала напряженная тишина, нарушаемая только предсмертными стонами.

Кейда увидел, что Чейзен Сарил уже манит гребную шлюпку, осторожно выползающую из-за кромки береговых деревьев.

— Телуйет, мы идем на берег

— Мой господин. — Раб, даже не пытаюсь спорить, последовал за своим хозяином обратно на корму. Чейзен Сарил махнул рукой из лодочки:

— Вождь Дейш! Давай вместе посетим землю, которую принесла нам победа.

— Очень мило с его стороны признать, что и мы слегка подсобили, — пробормотал Телуйет. — Еще бы — мы привели впятеро больше воинов, чем он.

— Рекха Дэйш заставит его заплатить все, что он нам задолжал. — Кейда проворно спустился вслед за телохранителем с кормы «Скорпиона» в лодку Чейзена Сарила.

Когда они приближались к берегу, суденышку пришлось проталкиваться меж тел, покачивающихся там и сям среди ленивых волн. Кровь, покидая тела, смешивалась с теплой водой. Выглядели мертвецы так, словно их рвали дикие псы: руки и животы вспороты, на изуродованных лицах глубокие порезы.

Обучи своих людей самому свирепому бою на мечах, и твое владение будет защищено. Но опасность не уменьшится, а даже возрастет, ибо такие люди всегда охочи до драки. А пока ты выполняешь свой долг вождя, им редко представляется возможность показать свое смертоносное умение. Жизнь правителя полна противоречий.

Телуйет поражался скудости одеяний на трупах и убожеству малочисленных украшений: перья да краска.

— И что за дурни идут в битву голыми, точно новорожденные щенки?

Кейда метнул на него сердитый взгляд.

— Люди, которые верят, что могут положиться на что-то посильнее кожи и стали.

— Но ведь огня не было.— Чейзен Сарил выглядел смущенным.— А прежде его вспыхнуло куда как много!

Нетерпеливые руки потянулись, чтобы выгнать лодку на берег и помочь обоим вождям ступить на сухую землю. Воины Чейзенов и Дэйшей сомкнулись вокруг со все еще обнаженными мечами.

— Иди поговори со своим народом.— Кейда поймал Сарила за локоть и развернул к худому и стройному человеку, тревожно заламывавшему руки.— Узнай, с чем еще мы можем столкнуться. Телуйет, давай посмотрим, что сообщат нам раненые.

С державшимся возле него рабом Кейда поспешил вдоль берега, где местные жители и те, кто пришел к ним на выручку, с безжалостной последовательностью избавлялись от павших дикарей.

— Стой,— отрывисто приказал Кейда, увидев, как меч его воина взмыл над захватчиком, ноги которого ниже колен были обрублены и размозжены. Ошметки плоти вокруг раздробленных костей покрывал слой копошащихся мух. Кровь, слабо сочащуюся из ран, исправно впитывал сухой песок.

— Очень хорошо помнить все, чему тебя учили,— более подробно объяснил Телуйет воину мысль вождя.— Но когда на ком-то нет доспехов, почему бы просто не пронзить его, да?

— Верно.— И воин Дэйшей виновато улыбнулся. Раненый дернулся из стороны в сторону, на ощупь ища какое-нибудь оружие. Он попытался швырнуть горсть песка в склонившиеся над ним лица, но силы покинули его, и рука упала.

Телуйет нахмурился и поставил тяжелую ногу на грудь дикаря, кивая меченосцу, чтобы поступил так же.

— Кто вы? Ты меня понимаешь? Ты знаешь, кто я? — Кейда присел на корточки близ раненого.

— Он не похож на варвара, — озадаченно произнес Телуйет.

— Ни на кого из северян — безусловно, — согласился Кейда. Если черты лица умирающего чем-то напоминали любого из Чейзенов или Дэйшей на берегу, то ростом он был выше большинства альдабрешцев на полголовы — на столько же прибрежные жители крупнейших островов превышали людей с холмов. С другой стороны, кожа его была темнее, чем даже у людей с самого высокогорья.

— Что это у него в волосах? — Телуйет осторожно порылся в шевелюре чужака кончиком меча. Даже несмотря на то, что силы его были на исходе, раненый попытался увернуться, плюя на клинок.

— Какая-нибудь краска? — Кейда не мог бы сказать, вьются ли от природы волосы этого дикаря, как у обитателя гор, или падают прямо, как у тех, у кого преобладают прибрежные предки: они основательно запеклись от чего-то густого и красного. — Или просто грязь?

Тот принялся слабо извиваться, хрипло и с вызовом что-то бормоча.

— Это похоже на какой-нибудь язык, который вам доводилось слышать? Говор с дальних пределов Архипелага? — Кейда поглядел на Телуйета и меченосца.

— Нет, мой повелитель. — Оба в смущении покачали головами.

— Я тоже никогда не слышал ничего подобного, — признал Кейда. — И не видел. — Он стоял и глядел на умирающего, борющегося за каждый вздох. Ребра вздымались и опадали под грубо намалеванным красно-белым узором, подпорченным кровавыми разводами и запекшейся коростой. — Ладно. Прекратите его мучения.

Когда Телуйет ударом меча избавил несчастного от страданий, Кейда оглядел пляж. Раскрашенный столь же грубо ближайший труп и раненый неподалеку выглядели удивительно похожими на тело у его ног.

— Откуда бы ни явились эти люди, они получают мало свежей крови, не так ли? На вид все прямо как братья.— Кейда отвел взгляд от безжалостного островитянина, разбиавшего череп раненому рукоятью весла.— Что, собственно, у них было за оружие?

Телуйет начал обшаривать тела:

— Это копье — не более, чем обожженная деревянная жердь. Впрочем, вот это изготовить малость трудней.— Он подхватил тяжелую дубину из твердого зернистого дерева со вставленными в нее заостренными пластинами черного камня, всю в крови и налипших там и сям волосах.

— Ты узнаешь эту древесину? — Кейда взял дубину и повертел ее туда-сюда, озадаченный.

— Я не могу отличить лиллу от ореховой пальмы, мой повелитель. А это он, должно быть, называл ножом.— Телуйет достал клинок из отточенного черного камня, держащийся на грубо сшитой кожаной петле, прикрепленной к легкой кожаной же набедренной повязке.

— И эти люди обратили в бегство целое владение? — Кейда уделил черному каменному ножу беглый взгляд и бросил его на песок.— Атун!

— Мой повелитель.— Могучий воин явился на зов тотчас же. Пот обильно тек по его лицу, исчезая в сивой бороде. Кровь запеклась на его бронечулках и испачкала правую руку, мухи жадно роились над окровавленным мечом.

— Какие у нас раны? — спросил Кейда.

— У наших людей лишь несколько порезов и синяков. Несколько из Чейзенов застигли врасплох, но они были уставшими, к тому же очень суетились,— неохотно признал Атун.— У двух островитян разбиты черепа, у нескольких переломаны руки.

— Как бились эти дикари? — Кейда посторонился, чтобы дать двум мрачным на вид островитянам проволочь мимо труп, который они тут же бросили в кучу отрубленных рук, ног и голов.

— Как безумцы.— Атун передернулся, выражая смесь изумления и беспокойства.— Никакой брони, оружие — в пору ребенку для игр, а налетели на нас, воя, точно одуревшие от жары собаки. Или не понимали, что мы их изрубим, точно стебли соллера?

— Нагие или одетые, они все же могли взять числом, если у них столько же людей, сколько стеблей соллера в поле.

Кейда прошел мимо отвратительной груды мертвецов и нахмурился при виде тела с собравшейся у губ кровавой пеной.

— Поддай перчатки, Телуйет.

Натянув защитные рукавицы, он обнажил кинжал и отрыл им рот мертвеца, откуда выкатилась какая-то изжеванная волокнистая мякоть.

— Что это? — поразился Телуйет.

Кейда поднял нож к лицу кончиком вверх и осторожно понюхал.

— Не могу признать, но пахнет изрядно. Что-нибудь, чтобы возбудить ярость или приглушить боль? Чтобы ввергнуть в безумие, которое помогает им одолеть страх смерти?

— Северные варвары применяют крепкое питье и возбуждающие снадобья, чтобы вызвать у себя кровожадность, — заметил Телуйет.

— Тогда, возможно, колдовства здесь нет, мой повелитель, — медленно проговорил Атун. — Эта нечисть является, вопя, ночью и налетает на Чейзенов, разбивая головы и сбивая с ног всех у себя на пути, бросая зажигательные снаряды и, возможно, пуская какой-нибудь дурмящий дым, чтобы запугать жертвы. Не могут ли толки о колдовстве быть вызваны лишь страхом и воображением?

Кейда устремил на него суровый взгляд.

— Не буйное воображение так страшно опалило Олкаи Чейзен.

— Но разве не мог то быть просто липучий огонь? — с робкой надеждой произнес Телуйет.

— Найди хоть один закопченный осколок горшка или обрывок тряпки, пропитанной земляным маслом, — резко ответил Кейда. — Найди хоть что-нибудь, что требуется для изготовления такого оружия. А пока давай посмотрим, что узнал у своих людей Чейзен Сарил.

Он стремительно одолел изрядный кусок берега и присоединился ко второму вождю, все еще беседовавшему с деревенским старейшиной.

— Чейзен Сарил, что случилось здесь с твоими людьми?

— Почти то же, что выпало остальным из нас,— мрачно ответил тот.— Эти дикари явились посреди ночи, вызвав огонь прямо из воздуха, сожгли хижины и склады, между тем как пыльная буря душила любого, кто пытался защищаться. Мои люди испугались волшбы и бежали.

— Мы не видели сегодня никакой волшбы,— осторожно произнес Кейда.— Как же так?

— Предводитель дикарей отплыл на запад на другой же день после вторжения.— Сарил неопределенно махнул рукой в сторону середины своих владений.— И взял большинство своих. Не иначе как он и есть волшебник.

Возможно. Но чего ты сейчас не договариваешь? Что скрываешь, о какой тайне я догадываюсь по твоим глазам, Чейзен Сарил?

Кейда медленно кивнул.

— Значит, мы можем надеяться, что даже если они владеют колдовством, у них не слишком много волшебников, чтобы разнести его повсюду.

Чейзен Сарил жадно ухватился за это суждение.

— Даже северные дикари с неведомых нам земель не были побеждены их заклинателями.

— Вот и сделан первый шаг в возвращении твоего владения, почтенный властитель,— поздравил Кейда Сарила, широко улыбаясь.— Тебе стоит посмотреть, не можешь ли ты устроиться на этом острове, как подобает твоему достоинству.

— Ты думаешь, я останусь здесь? — Сарил вздрогнул и разинул рот.— Я не намерен...

— Эй, ты! — Телуйет щелкнул пальцами на расширившего глаза старейшину.— Твой повелитель требует мытья и перемены одежды. Присмотри за этим.

— Самое время немного позаботиться о приличиях,— еле слышно пробормотал Кейда, меж тем как старейшина поспешил прочь.— Ты должен внушить своим как можно больше уверенности, когда они начнут здесь собираться.

— Мы дадим знать на север немедленно,— вмешался Атун.— Позаботься, чтобы твои знали, куда им следует явиться.

— Тебе понадобятся доспехи,— добавил Телуйет.— И телохранитель, мой господин.

— В самом деле,— согласился Кейда.— Должен же среди твоих меченосцев найтись кто-то пригодный. А затем, когда придут остальные, можешь выбрать нового из числа твоих домочадцев, что спаслись.

— Ты покидаешь меня и всех нас, Дэйш Кейда? — Чейзен Сарил воззрился на него враждебно.— После этой единственной жалкой битвы?

— Ничуть.— Кейда сложил руки и смерил пухлого вождя взглядом с головы до ног.— Я забочусь о том, чтобы ты вернул свое достояние.

Лицо Сарила стало обиженным.

— Эти грязные островки едва питают тех, кто на них живет. Как они смогут поддержать жизнь народа со всего владения?

— Я полагаю, мой господин, что мы вскоре отобьем еще кое-что из твоих земель, чтобы каждому было где повернуться и чем дышать,— отпарировал Кейда.

— Как далеко следующий сколько-нибудь порядочный остров? Можно там занять лучшую оборону? Можно более подobaюще разместиться? — При всем несомненном почтении в голосе Атуна никуда было не деться от невежливости вопроса.

Почему ты не возмущаешься и не требуешь, чтобы я наказал за дерзость своего слугу? Почему ты жуешь губу и так подозрительно смотришь вокруг, вождь Чейзен?

— Оставьте нас.— Кейда нетерпеливо махнул рукой Атуну и Телуйету, и оба нехотя удалились на небольшое расстояние.

— Что бы ты ни рассказал о богатствах своих владений, что бы мы ни узнали о твоих морских путях, Чейзен Сарил, клянусь тебе, что и не подумаю воспользоваться неподобающим преимуществом в наших дальнейших отношениях. Обратись к любому пророчеству, какое предпочитаешь, чтобы проверить чистоту моих помыслов.

— С миазмами колдовства повсюду вокруг? Да какое гадание может теперь открыть правду, как ты себе это представляешь? О, я тебе доверяю, не в этом моя забота. Дело в том, что ближайший остров, который бы нам понадобилось занять, чтобы упрочить владение...— Сарил подергал себя за спутанную бороду, избегая взгляда Кейды.

— Там какая-нибудь тайна? — Кейда попытался сохранить терпение.

— Там мои братья, — резко огрызнулся Сарил.

— О... — Кейда позаботился как мог, чтобы голос его прозвучал бесстрастно. — И для нас очень важно удержать этот остров? Мы намерены не допускать захватчиков в эту часть владения?

— Да. — Новая, быстрая как ртуть смена настроения — и вот уже Сарил обреченно вздыхает и подхватывает древко сломанного копья. На песок небрежно наносится грубая карта. — Видишь, как бегут течения? Если удержать этот остров, можно не пустить захватчиков и дальше в этом направлении.

До тех пор, пока они не получают доступ к своему чародейству и оно не перенесет их через воды, несмотря на препятствия.

Кейда медленно кивнул.

— Ты точно знаешь, что захватчики там?

Сарил отбросил обломок копейного древка прочь, за деревья.

— Наверняка.

— Возможно, дикари всего лишь сочли, что остров выгодно расположен в военном отношении. — Кейда поколебался, прежде чем продолжить. — Или, может быть, у них есть более существенная цель, связанная с ним? Не могут ли они знать, что там скрывается?

— Много добра принесет оно им, даже в случае попытки выдать вторжение за переворот... — Голосе Чейзена Сарила звучал сурово и горько. — Мой отец смог удержаться от убийства моих братьев, но приказал, чтобы их оскопили, ослепили и отрезали им языки. Их было четверо. Один в скором времени убил себя. Другой умер три года спустя, после того, как в пору дождей приступ костоломной лихорадки перешел в кровоточащую болезнь. Двое остались. — Глаза Сарила поймали взгляд Кейды, ища его отклика. — Безымянные.

— Эти безымянные живут по отдельности или вместе? — бесстрастно спросил Кейда.

— Их держат вместе на подворье посреди острова. — Сарил встал на колени, поискал и нашел раковину. Его рука зависла над нацарапанной картой, затем белая спираль мель-

кнула в воздухе и врезалась в песок. — Полагаю, ты обязан отплатить мне откровенностью за откровенность. Что делают во владении Дэйш с лишними сыновьями?

— Я скажу только о своем отце. — Кейда не собирался открывать больше, чем ему было доверено в свое время. — Последний приказ Дэйша Рейка предложил моим младшим братьям выбор между смертью или оскотлением и передачей в мои руки в качестве заморинских рабов.

— И что они выбрали? — спросил Сарил.

— Это не твоя забота. — Возможно, для домашних Кейды не было тайной, что Рембит рожден от Дэйша Рейка и его второй жены Инрил, но все умели держать язык за зубами. — Твоя забота — вернуть свое владение из рук чужаков, кто бы они ни были: чародей из неведомого края или просто обманщики, намеренные посадить одного из твоих братьев-калек на твое место как ширму для себя.

— Я должен тщательно все обдумать, прежде чем мы отплывем куда-нибудь еще. — Сарил упрямо покачал головой. — Первым делом мы должны что-то сделать с мертвецами. Их преступления требуют сжечь тела, но из-за них этот берег может стать местом недобрых предзнаменований, а другого места для высадки на острове нет.

И ты способен вести подобные споры сам с собой и со своими людьми, пока не утратишь любое преимущество от победы, которая нам только что досталась.

— Атун! — Кейда нетерпеливо щелкнул пальцами, призывая своего военачальника. Телуйет подошел тоже. — Вот следующий остров, который мы должны захватить. — Кейда указал на карту, начертанную на песке. — Спроси корабельщиков Чей-зенов только о таких путевых вехах и особенностях течений, которые нам понадобятся, чтобы благополучно туда добраться.

— Мы знаем, чего там ожидать? — Атун изучил карту и указал на выбеленную морем раковину. — Это какая-нибудь крепость?

— Убежище для несчастных и отверженных из семьи вожды, — вежливо пояснил Кейда. — Они не страдают ни от какой заразы.

Их несчастье лишь в том, что они родились от правителя.

— Мой господин Чейзен Сарил...

Кейда приготовился пресечь любое несвоевременное любопытство Телуйета, но раб думал о чем-то другом.— Нам следует поспешить к следующему острову до сожжения мертвецов. Не нужно столбом дыма возбуждать тревогу среди кого бы то ни было.

— Не знаю, где мы можем их сжечь,— упрямо произнес Чейзен Сарил.— Особенно в самом конце сухой поры. Того гляди, все на острове спалим. Мне понадобится время, чтобы тщательно это обдумать.

Кейда поглядел на нагроможденные горами тела.

— Пусть их поднимут на вершину и сбросят в кратер. Они там сгорят — и твой остров сразу очистится.

Чейзен Сарил открыл рот для возражения, но Телуйет опередил его:

— Как прикажешь, мой господин.— Раб низко поклонился и повернулся, чтобы передать приказ деревенскому старейшине.

— Я позабочусь, чтобы корабли были готовы к отплытию.— Поклон Атуна был более небрежным, его ум уже сосредоточился на новом приступе.

— Ты налагаешь тяжелое бремя на мой народ, Дэйш Кейда,— сердито вскричал Сарил, и у него задрожала челюсть.— Тащить такое множество трупов до самой вершины. А ты не думаешь, что твое решение может связать чужаков с моим островом? А ты не думаешь, что зло, которое они сюда принесли, вскоре направит расплавленный камень из недр на эти беззащитные леса? Но ты уже дал приказ,— заключил он с мрачным удовлетворением.— Не стану унижаться, противореча ему. Нам остается только ждать, и я должен отдать распоряжения и проследить за их исполнением. Я собирался приказывать людям установить дозоры и наполнить горючим маяки, чтобы мы могли быть хотя бы спокойны за свои тылы, когда выступим, как ты хочешь, на захват следующего острова.

— Я должен посоветоваться с Джаттой.— Кейда прикусил язык и без учтивых прощаний подался прочь.

Итак, у Чейзена Сарила здесь какое-то чувствительное место. Было не самой лучшей мыслью сбросить мертвых в кратер, заполненный лавой. «Никогда не принимай решений

в пылу гнева или в холоде потрясения». Дэйш Рейк опять оказался мудрее, чем ты теперь. Достаточно ли ты мудр, чтобы принять этот вызов? Ты можешь быть мудрее Чейзена Сарила, но это невеликое достоинство. Ты помнишь, как легко переходит он от страха к безумию и обратно? Где и в чем ты ставишь под удар владение Дэйш, сражаясь рядом с человеком, настолько неспособным взять на себя ответственность?

Пересекая пляж, он столкнулся с Телуйетом.

— Что теперь?

Кейда не замедлил шаг.

— Мы изгоним дикарей со следующего острова. Чем скорее мы передадим Чейзену Сарилу земли, которые он сможет худо-бедно удержать, тем скорее вернемся домой. А там уж позаботимся, чтобы все люди Чейзенов вернулись под его защиту. Подзови лодку.

Ступив на борт «Скорпиона», Кейда поспешил на место корабельщика, избавив от ненавистных чулок усталые ноги. Закрыв глаза, он постарался успокоиться, вспоминая упражнения для расслабления мускулов плеч и спины, рук и ног, которым обучил его Гаффин, верный раб-телохранитель Дэйша Рейка.

Что он тебе сказал? «Не так хорошо, как сон, но достаточно хорошо, когда нет возможности поспать». А что еще он сказал бы тебе, себе или Дэйшу Рейку? Что твоё раздражение по поводу Сарила на руку только вашим врагам? Пусть вождь Чейзенов приглядит за делами своего владения. А ты займись своими.

Некоторое время спустя Кейда услышал, как на палубу ступил корабельщик. И заговорил, не размыкая век.

— Джатта, мы запасли столько воды, сколько нужно? Люди накормлены? Нам ни к чему обнаружить вдруг посреди боя, что половину воинов бьют судороги.

— Дело движется, мой повелитель. Чейзена Сарила словно кто-то стрекалом ожег.

Кейда открыл глаза.

— Вероятно, он боится, что мы отплывем без него, — насмешливо заметил Телуйет. Он вручил Кейде чашу воды,

едва подслащенной пурпурными ягодами. — По меньшей мере, кто-то нашел ему доспехи.

Кейда увидел, что Сарил теперь в кольчуге и шлеме. Шлем, отделанный серебром, не подходил к украшенным медью пластинам на кольчуге, но Сарил выглядел хотя бы чуть более похожим на военного вождя.

— Где Атун? Как скоро мы будем готовы отплыть?

— Чем больше мы промедлим, тем больше потеряем во внезапности, — согласился Телуйет.

— Нам не придется слишком тянуть, — заметил Джатта.

Корабельщик оказался прав. Солнце не намного сместилось на небе, когда небольшой флот погрузил весла в воду. Кейда непрестанно расхаживал по палубе вдоль бортов «Скорпиона», не в силах унять нетерпение.

— Вернись на корму, повелитель. — Голос Телуйета перекрыл торопливую трель флейты. — Мы не окажемся у цели быстрее, если придется выуживать тебя из моря.

Меченосцы и стрелки «Скорпиона», несшие дозор на верхней палубе триремы, упорно избегали взгляда Кейды.

— Волне здорово. — Кейда осторожно пошел назад вдоль набирающего скорость корабля, подавив желание потребовать от старшины гребцов, чтобы тот поторопил сидящих на веслах.

Если они сейчас растрачат последние силы, то не смогут, чего доброго, доставить тебя обратно в воды Дэйшей. Ведь настанет же когда-нибудь время оставить Чейзена Сарила наедине с его бедами. Когда будет пора оборонять собственное владение — неважно, от воинов или от одурманенных дикарей.

Берега расступились, открывая широкий проток, и кучно идущий флот вырвался из скопления заболоченных, поросших узловатыми деревьями островков. Новые острова были холмистыми, окаймленными белыми песчаными пляжами и стенами из коралла. Свежий ветерок унес запах ила, который до того окутывал «Скорпиона».

Кейда и Телуйет сидели под ахтерштевнем и молчали, меж тем как корабельщик и кормчий вели узкий проворный корабль прочь от злобных кусачих рифов, а «Рогатая Рыба» едва виднелась впереди. Вскоре они миновали цепь пустынных островков, и перед ними появился крупный участок суши.

— Вот он.— Кейда поднялся на ноги. Телуйет воздел на ахтерштевень флажок-знак, и тяжелые триремы развернулись веером по обе стороны от более легких судов, на которых находились вожди. Старшина гребцов шагал по всей длине прохода, не жалея похвал для людей на веслах. Носовой старшина и парусные ждали на носу, готовые поддержать стрелков и меченосцев «Скорпиона», бдительно ожидающих появления врага.

«Скорпион» обогнул тупорылый мыс, отыскивая неглубокую бухту, защищенную внушительных размеров рифом, что разбивал волны в белую пену. Бледный песок уступал место короткой пыльной траве, усеянной высокими ореховыми пальмами. Их серые стволы поднимались плавными изгибами, бахромчатые листья выгорели до желтизны после периода засухи, их шорох эхом вторил бормотанию моря. Редкие деревья не предлагали никакого укрытия врагу.

— Вот место для высадки, о котором мне говорил корабельщик «Рогатой Рыбы»,— сообщил Джатта.

— Будем надеяться, что бой предстоит такой же легкий, как и последний,— пробормотал Телуйет, держа руку на рукояти одного из мечей.

— Ты видишь какое-нибудь движение? — Кейда осторожно шагнул вперед.

— Никакого.— Телуйет потянулся, чтобы остановить хозяина.

— А может статься, захватчики сюда и не вторгались? — с сомнением спросил Джатта. Кейда метнул на него недоверчивый взгляд.

— Ты бы прошел мимо такого чистого и открытого острова ради тех зловонных болот?

— Смотря к чему я привык бы.— Джатта пожал плечами.

— К чему привыкли эти дикари? — спросил себя вслух Кейда.— Как мы вообще рассчитываем о них хоть что-то узнать, если не можем допросить пленных?

— А надо ли нам знать их язык? — Телуйет все еще наблюдал за берегом, пытаясь разглядеть что-нибудь позади пальм, в тенистом зеленом лесу.— Все, что им нужно усвоить, это что они здесь незваные гости. А уж это мы им можем достаточно ясно сказать без всяких слов.

Как и кормчие тяжелых трирем осторожно подводили суда к берегу, дабы избежать безжалостных рифов. Атун и его воины в нетерпении ждали прибытия, чтобы скользнуть вниз с кормы по лестницам, едва корабли попадут на защищенные отмели, и, плеща кристально чистой водой, ворваться на ослепительный песок, где и встать плечом к плечу с мечами наперевес. Стрелки вдоль бортов трирем не теряли бдительности, готовые ответить смертоносной бурей стрел на любой запущенный в них камень.

Ни одного камня не появилось. И ни одного врага. Единственными звуками, перекрывавшими рев прибоя, оказались радостные вопли горбоклювов, искавших пищу среди пальм. Атун дал знак. Воины рассыпали строй. Когда они приблизились к плавно изогнутым деревьям, Кейду поразило их неудержимое сходство с загонщиками, преследующими лесного оленя или крупную бегающую по земле птицу, которую ему и Сиркету предстоит уложить стрелами, между тем как Рехха и Джанне пускают своих гордых соколов на малых птиц, спасающихся в зарослях.

— Непохоже, чтобы тут была нынче большая потеха, — заметил он Телуйету. Атун поднял меч в ножнах, дабы обозначить отсутствие противника.

— Чейзен Сарил не прочь опять сойти на берег. — И Телуйет указал на «Рогатую Рыбу», которая приближалась к отмелям. Сарил стоял на носу.

Не прочь узнать об участи тех, что были некогда его братьями? Или ищет способа раз и навсегда устранить их из всех хитросплетений судьбы владения?

Кейда поразмыслил над тем, что вероятней.

— Пускай. У этого владения нет прочных обычаев по части войны. К тому же я не уверен, что его ждет внезапное нападение.

Джатта уже дал приказе старшине гребцов, и те начали разворачивать «Скорпиона» кормой к берегу.

— Мой повелитель. — Телуйет первый сошел по лесенке и придержал ее для хозяина. Кейда поспешил вниз по веревочным поперечинам, и они побрели к берегу. Кейда видел, что его собственное хорошо скрытое любопытство отражено на лице раба.

— Добро пожаловать на мои берега! — Сарил приветствовал его на пляже с ухмылкой, явно не соответствующей этим предписанным обычаем словам.

— Благодарю тебя за любезность.— Давая положенный ответ, Кейда оглядывался.— Атун, нет ли признака дикарей?

— Никакого.— Атун покачал головой.

— Может, они сюда и вовсе не приходили? — с внезапной надеждой предположил Сарил.

— Возможно, пришли, получили то, чего хотели, и ушли? — Кейда устремил на Сарила полный значения взгляд.— Нам следовало бы посетить жилище, которое вы тут содержите.

— Очень хорошо.— Раздосадованный Сарил пожевал нижнюю губу.— Но только с малым сопровождением.

— Атун, выбери для меня несколько хороших бойцов для похода вглубь суши,— приказал Кейда своему военачальнику.— И оставь крепкую охрану на кораблях, остальные же пусть обыщут все вдоль берега в обоих направлениях. Любой, кто найдет хотя бы отпечаток подошвы дикаря, должен протрубить в рог.

— Если мы идем вглубь суши, я сам разведую тропу,— решительно заявил Атун.— А ты с Телуйетом подожди. Пойдешь за мной, когда я скажу, мой повелитель.

— Как пожелаешь,— кротко сказал Кейда.

— Ты позволяешь своим людям изрядные вольности,— заметил Чейзен Сарил, с неудовольствием глядя в спину Атуну.

— Пока они заслуживают этого, примерно выполняя свой долг.— Кейда терпеливо дождался, пока Атун распределит задания между воинами, как сочтет нужным, затем, собрав вокруг себя небольшой отряд, споро двинулся с ним по тропе и пропал за холмом.

Отобранные меченосцы кольцом обступили Кейду и Сарила, глядя на Телуйета в ожидании приказа.

— Ждите знака, ребята,— непринужденно сказал он.

Между тем знакомый свист Атуна приплыл с ветерком, и Кейда поглядел на Телуйета:

— Пора?

— Всем смотреть в оба! Тем, кто будет моргать, срежу веки вот этим ножом.— Телуйет обогнал на несколько шагов вождей, окруженных меченосцами, и двинулся, обнажив оба меча.

— Я не видел братьев с тех пор...— Сарил не договорил и обнажил меч, взятый неведомо где. Солнце блеснуло на клинке.

— Нет смысла корить себя за то, что ты родился первым.— Кейда взвесил свой меч и перехватил его понадежнее.— И если твои братья подозревали, что замышляет Чейзен Шас, они могли бежать, когда он лежал на смертном одре.

— Они все подозревали, что старый змей замыслил для меня иное.— И Сарил ошарашил его горьким рывающим смехом.— Я — самый старший из уцелевших детей, носящих имя отца, его наследник. Но мой дед позаботился о том, чтобы отец принял его меч вместе с предсмертной волей... Чтобы телохранитель убил старшего брата и сестер старого змея.

— Вы все считали, что ваш отец задумал то же самое? — спросил Кейда с мукой.

Вот и стоило завидовать Сарилу при такой жизни.

— Понятия не имею,— мрачно заметил Сарил.— Как только я убедился наверняка, что старый змей умирает, я отравил его раба и запретил кому-либо еще ему прислуживать.

И не ускорил ли ты этим кончину человека, смерть которого звезды уже возвестили?

Кейда не мог спрашивать, ибо слишком сосредоточился на дороге. За подъемом подлесок начал сгущаться, пальмы остались позади, тропа вилась между зарослями деревьев тандры. Россыпь давно сброшенных стручков лежала, никем не тревожимая, в шелковистых и колышущихся белых волоконцах. Не было видно ничьих следов, кроме отпечатков копытцев крякозубых свиней, потрошащих стручки в поисках темных маслянистых семян. Вдалеке от прибрежного ветра воздух был горячим и душным, с запахами леса. Кейда вытер пот с лица.

— Непохоже, чтобы здесь недавно кто-то проходил.

— Если только этот кто-то не позаботился о том, чтобы не оставлять следов, надеясь устроить на нас засаду.— По кивку Телуйета войны с обеих сторон принялись рубить подлесок, пугая жуков и цикад, которые, жужжа, устремились прочь с ягодных кустов. Птицы над головой вскрикнули в знак негодования и покинули фиги и побеги железного дерева, могучие корни которых уже предсказывали, какими они вырастут однажды. Несколько неровных пней виднелось в местах, где упали такие великаны. Солнечный свет превращался в рябые тени — к восторгу пляшущих сапфирных бабочек.

Никто здесь не ходит — даже для того, чтобы добыть столь ценное дерево? Разумеется, кому-то положено заботиться, чтобы лишенные всего люди были все же в безопасности, а еще лучше — чахли от естественных причин, что не грозило бы миру владения.

— Хлыстоящерка! — испуганно крикнул кто-то из людей Атуна впереди, и все остановились. Меченосцы, рубившие подлесок по обе стороны, быстро подтянулись и окружили Кейду с Чейзенем Сарилом.

— Помните, — предостерег Телуйет, опуская острие меча, чтобы остановить что-то, метнувшееся на уровне колена, — даже молодая хлыстоящерка может запросто сбить человека с ног.

— А укусы их нагнаиваются сквернее любых других. — Кейда поглядел из стороны в сторону, так как теперь они двигались медленнее.

— Вот! — Меч Сарила устремился вперед, чтобы указать на серую чешуйчатую тварь, отбрасывавшую в сторону перистые листья и движущуюся на запах душистой коры. — Но здесь не было хлыстоящерок, — озадаченно произнес он.

— Они, знаешь ли, плавать умеют. — Кейда крепче ухватил свое оружие. — Вон, у красного тростника!

На этот раз ящерка была видна во всей красе, так как надменно стояла на тропинке. Тело длиной с человеческое прильнуло к земле на четырех коротких и толстых ножках, кожа на отвислом брюхе казалась мятой и грубой, точно мешковина. Пластины чешуй покрывали спину и соединялись, образуя хребты, бежавшие от тупой морды до кончика тяжелого хвоста, почти такого же длинного, как туловище. Ящерница зашипела, выбросив раздвоенный язык, точно пару пятнистых ножей, желто-розовая слизистая оболочка рта задрожала, оттененная пестро-бурой твердой кожей.

— Сзади! — крикнул Телуйет. Кейда обернулся и увидел еще одну чешуйчатую тварь, спешно пересекающую тропу. Когда он опять посмотрел вперед, та, что была у красного тростника, исчезла.

— Идем дальше. — И он кивнул Телуйету. — Вы все, будьте готовы убраться с дороги, если одна из них вздумает на нас наброситься.

— Они большей частью остерегаются мечей, но вокруг упавшего собираются толпой, — мрачно пояснил Телуйет.

— Мы можем просто вернуться на берег, — Сарил пытался увидеть, где та, что подходила к ним с тыла. Кейда решительно развернул его.

— Ты не хочешь знать, не предстоит ли тебе в это время год спустя встреча с соперником, позарившимся на твой меч?

То был бы не первый случай, когда заговорщики из дома вождя позаботились о его смерти, а затем искусно представили всем ребенка, предположительно рожденного от какого-нибудь незадачливого брата, которого буквально отсекали от наследования власти, сделав его заморином.

— Ящерица! — Телуйет рубанул здоровенную тварь, прыгнувшую поперек их пути впереди. Достаточно остро заточенный, чтобы рассечь шелк на лету, его меч глубоко врезался в спину ящерицы.

Впереди неистово протрубил рог разведчиков Атуна. Медными голосами ответили воины, оставленные обшаривать берег. Но к своему ужасу Кейда осознал, что то были не обещания поспешить на помощь, а лишь новые сигналы тревоги. Люди Атуна мчались обратно, ломая подлесок. Они почти поравнялись с людьми Кейды, когда хлыстаящерицы появились со всех сторон и преградили дорогу, шипя и вставая на дыбы на коротких задних лапках.

— Я и не знал, что они такое умеют, — пробормотал Сарил и разинул рот.

— Это невозможно, — вознегодовал Кейда.

Затем осознал, что ноги тварей удлиняются и выпрямляются, а хвост позади сужается. Теперь ближайшая тварь стояла, как мог бы стоять человек. Передние ноги выросли и изменились, крепкие черные когти выгнулись, точно клюв ястреба, и развернулись смертоносным веером. Голова забила по плечам, точно пресмыкающееся мучил припадок с корчами. Когда оно выпрямилось, Кейда увидел жестокое устремление в чернильных глазах.

— Атун!

Слишком поздно. Пока ошарашенный воин взирал на существо перед ним, ящерица метнулась к его лицу и выдрала ему когтями полщеки. Атун завопил, и Кейда ринулся вперед, подняв

меч. Ящерица схватила Атуна за плечи и встряхнула, сомкнув отвратительные челюсти на его лице, приглушая его предсмертные вопли, испуская низкий рык из глубины горла. Забыв о мече, Атун руками в перчатках бесполезно замолотил по твердой коже.

Все больше безобразно преобразившихся ящериц выскочило из подлеска, вслепую сбивая с ног меченосцев Чейзенов и Дэйшей и свирепо набрасываясь на павших. Кейда рубанул ту, что крушила череп Атуна; движения воина в отвратительных объятиях гада ослабели. Меч не встретил препятствия. Ругаясь, Кейда снова замахнулся, но хотя глаза и подсказывали ему, что удар попал в цель, клинок не задел ничего, кроме воздуха. Держа рукоять обеими руками, Кейда вложил всю силу в удар, который должен был рассечь гадину надвое. Клинок отскочил от плеча чудовища, точно тупая лопатка. Затем Кейда увидел вокруг гада колыхание — точно знойное марево, что поднимается над раскаленным песком.

— Повелитель! — Телуйет прыгнул вперед, чтобы перехватить ящерицу поменьше, готовую кинуться на Кейду сбоку. Тварь попятилась от клинков-двойняшек Телуйета, непрерывно шипя, и закружила в поисках другой возможности напасть.

Ящерица, убившая Атуна, развернулась, вскинув назад голову и проглотив то, что вырвала из его лица.

— Обратно на берег, мой господин! — Когда чудовище запустило телом Атуна в Кейду вместе с брызгами крови и мозга, Телуйет шагнул вперед, чтобы мечами отбросить тело в сторону. Ящерица надвигалась, взрывая когтями пропитанные кровью листья, и вновь протягивала вперед смертоносные лапы.

— И как можно быстрее. — Кейда отступил. — Держаться вместе, спина к спине.

Вопль сзади ожег его ужасом, точно железом царапнуло по мрамору.

— Они отрезали нас от моря! — Голос Сарила треснул от напряжения, и Кейда уловил едкий запах мочи, ибо страх лихо опорожняет мочевой пузырь.

— Телуйет? — Он все еще наблюдал, как ящерица, запачканная кровью Атуна, медленно приближается к нему, покачивая из стороны в сторону тупым рылом. — Кто-нибудь пролил кровь этих чудовищ?

— До того, как они преобразились. Не теперь, когда они ходят, — с досадой прорычал Телуйет.

Кейда пригрозил мечом ящерице, что кралась к нему. Та немного отпрянула, настороженно помотав головой.

— Они, кажется, не поняли этого и не выглядят слишком отчаянными, чтобы позволить рубить свои драгоценные шкуры. Думаю, если все мы сохраним головы на плечах, то прорвемся к пляжу. — Позади него кто-то бурно рыдал от неприкрытого ужаса. — Мы не повернемся к ним спиной, мы не побегим, иначе они в одно биение сердца набросятся на нас. Плечом к плечу, мечи наготове. Если они до нас доберутся, мы мертвы.

Все пришли в движение, сбившись плотнее.

— Правильно! — одобрил Кейда. — Твердый шаг достаточно быстро приведет нас к воде.

— Нет! — Один из Чейзенов внезапно не выдержал; отпихнув тех, кто был по обе стороны от него, он длинными прыжками припустил к берегу. Две ящерицы прыгнули на него, затем третья. Они придавили его своей тяжестью; послышался громкий треск его ребер. Одно из чудовищ склонилось над бьющимся меченосцем, упершись передними лапами ему в грудь, и вызывающе рычало, обращаясь к другим. Второе отступило, но лишь настолько, чтобы схватить свирепыми челюстями обутую стопу и прогрызть зубами кожу, так что нога немедленно оказалась окровавлена. Третье воспользовалось неловкими когтями, чтобы поднять руку вопящего человека к своей разинутой пасти, опираясь о предплечье и не обращая внимания на наруч. Первая ящерица негодуя зашипела, но две другие и ухом не повели, а продолжали себе откусывать. Головы их подергивались, они тянули и тянули, пока плечо и бедренные суставы меченосца не поддались с треском, еще более громким, чем его невыносимый, нечеловеческий вопль. Кейду едва не вывернуло.

— Быстрее. Надо пройти мимо них, пока они заняты.

Три ящерицы вылуцивали воина Чейзенов из его брони ломаными кусками, раздирая его плоть и кости и насыщаясь с отвратительным чавканьем.

Кейда обернулся и увидел, что тварь, убившая Атуна, все еще преследует их, и взгляд ее быстро перемещается между

людьми со сверкающими мечами, которых когда-то, будучи тем, чем ей положено, она боялась.

Сколько прошло времени, прежде чем ты решила, что ты больше не животное?

— Мы уже близко к берегу.

Пока Телуйет говорил, Кейда осознал, что густой полог леса уступает место легкому, овеваемому морским бризом пространству пальмовой рощи. Он не посмел отвести взгляда от хищной твари, что безжалостно преследовала их.

— Сарил! Что там, на пляже? Лодки тоже подверглись нападению? Есть признак других разведывательных отрядов?

— Там полно раненых, — завопил Сарил. — Но не думаю, что лодки понесли хоть какой-то ущерб. И не вижу признаков борьбы.

— Шагайте внимательно, — предупредил Телуйет.

Кейда быстро опустил взгляд и увидел белые пески, наползающие на дерн. И в тот же миг опять поднял глаза, чтобы взглянуть, где может быть ужасное чудовище. С изумлением и облегчением вождь увидел, что оно остановилось, а другие твари растянулись вдоль края подлеска.

— Телуйет, — настороженно произнес он, — не думаю, что они собираются оторваться от деревьев.

— Постараемся не погибнуть из-за неверной догадки, мой господин. — Телуйет и меченосцы Дэйшей оставались плотно сомкнутым отрядом.

Сарил не смог противиться искушению обрести столь близкое убежище на «Рогатой Рыбе».

— Чейзены, за мной! — С этим воплем он побежал к триreme, вовсю звеня кольчугой. Его плохо пригнанный шлем свалился на песок.

— Пенососущий придурок! — плюнул с досады Телуйет

— Давай позаботимся о собственных шкурах. — Кейда весь напрягся, но ящерицы не стали преследовать беглецов и растаяли в тенистых глубинах леса.

— Вождь Дэйш! — Смятенные крики приветствия и призыва раздалась позади Кейды.

— Телуйет, не спускай глаз с деревьев! — Он обернулся, чтобы посмотреть на других воинов, которые были отправлены

разведать берег, а теперь собрались возле трирем. Многие оказались ранены, некоторые почти наверняка были убиты и тихо лежали там, куда обезумевшие товарищи положили их, чтобы обнаружить вскоре бессмысленность своих усилий. Люди Чейзена собрались вокруг своего вождя. Сарил нехотя замедлил шаг.

— Что случилось? — спросил Кейда у одного из доверенных помощников Атуна.

Тот, почти не дыша, стоял полусогнувшись, уперев руки в бедра.

— Птицы. Только не птицы, — выдохнул он, весь серый от потрясения. — Большие, как люди, разгуливающие, как люди.

— Ястребы йора? — Кейда в недоверии покачал головой.

Единственное место, где живой человек видел ястреба йора, — это небо, созвездие, что носит его имя, единственное его образ. Но почему бы нет? Если колдовство пришло на эти острова, почему бы не явиться огромным птицам, которых не видели бессчетные поколения? Кто знает — вдруг чародеи могут сложить их из рассеянных костей, взрастить их плоть из больших разбитых яиц, которые находят дети себе на забаву?

— Нет, мой господин. — Меченосец пришел в себя. — Коричные журавли, но огромные, в самый раз, чтобы лягнуть человека и сбить наземь, а затем выклевать ему глаза.

— А там было нападение крабов. — Еще один воин указал вдоль пляжа дрожащей окровавленной рукой. Его голос поднялся на опасную высоту, близко к слепому отчаянию. — Здоровенные, как псы, ломающие мечи клешнями, одним махом отсекающие ноги прямо в броне.

— Ясное дело, волшба. — Телуйет выглядел потрясенным.

— Ну что же, мы все знаем, что делать, не так ли? — Ошарашившее всех объявление Кейды подарило ему миг оглушительного молчания. Он продолжал, пока кто-либо еще не успел заговорить. — Мы сожжем этот остров. Пустим огонь вдоль всего берега и окружим эту скверну пламенем. Назад в лодки!

Когда благодарные воины зашлепали по воде навстречу безопасности, Кейде преградил дорогу Сарил.

— Ты о чем думаешь, отдавая такой приказ?

— Чейзен Сарил, твое владение поражено колдовством! — Кейда вперил в него взгляд. — Мы вместе все здесь сожжем, или я предоставляю тебя твоей судьбе!

— Ты должен дать мне убежище. Мне и моим. — Сарил беспомощно заламывал руки. — Мое владение пропало!

Кейда едва удержался, чтобы не вlepить толстяку пощечину.

— Не пропало, пока ты его не отдал, а я не позволю тебе это сделать, бесхребетный ты червь. Не ради Олкаи, не ради всех, кто смотрит на тебя, и всех, кто смотрит на меня, но чтобы возвести вал между Дэйшами и этим злом. Я благополучно провожу тебя на те болотистые острова, и ты сможешь удержать их — или умереть от рук моих воинов, если побежишь на север.

— Мы не можем бороться с чародейством, — провыл Сарил.

— Не борись, просто сдерживай его. — Кейда схватил его за плечи безжалостными руками и крепко встряхнул. — Заройся в нору в холмах и скрывайся в ней, если не остается ничего другого. Я созову людей из владений всего южного Архипелага; нам всем угрожает это зло. Мы приведем тебе помощь и проследим, чтобы захватчики были изгнаны, каким бы колдовством ни владели. А ты должен исполнить свою долю задачи. Сплоти своих людей, установи точно, где высадились чужаки, где собраны их главные силы, и прежде всего — где могут быть их волшебники. Посылай вести, как только будет что-то новое. — И, отпихнув вожда Чейзенов, он заплескал по отмели к лестницам «Скорпиона».

Джатта глядел вниз с кормового помоста, черты его искажала горькая тревога.

— Где Атун?

Кейда взобрался на борт.

— Мертв. Отведи немного судно от берега, а затем дай знак нашим кораблям, чтобы пустили по острову липучий огонь. Это место осквернено чарами, и я хочу, чтобы здесь все запылало, прежде чем Чейзен Сарил успеет хоть что-то возразить. Мы обойдем этот остров и подожжем везде, где сможем... — И не договорил. Ибо пылающий шар дугой пронесся по воздуху, яркий даже в ярком свете дня. Кто-то на борту одной из тяжелых трирем не стал ждать приказов. Урна липкой пылающей пасты ударилась об основание пальмы, пламя распространилось во всех направлениях, в один миг заставив ярко

вспыхнуть сухую и пыльную листву соседних деревьев. Восторженные крики разнеслись со всех кораблей, даже с «Рогатой Рыбы», откуда Сарил махал Кейде руками, бесплодно возражая. Когда парусный отряд «Скорпиона» вместе с меченосцами занялся наладкой собственной баллисты на носовом помосте, второй снаряд стремительно промчался к берегу с тяжелой триремы, за ним последовал еще один. И еще.

Джатта изучал разгорающуюся преисподнюю.

— Ветры должны быть нам благоприятны.

— Так назовем это добрым знамением, — мрачно предложил Кейда.

— Будем надеяться, что дожди погодят. — Телуйет взглянул на юг и на восток. Напряжение на его лице немного ослабло, когда он увидел, что голубой оком все еще свободен от темных облачных полос поры дождей.

Кейда наблюдал, как огонь распространяется в глубь острова и пожирает кусты и деревья, обугливающиеся и рассыпающиеся пеплом с поразительной быстротой благодаря тому, что уже почти миновала пора засухи.

Пусть эти противоестественные чудовища задохнутся в дыму. Пусть сгорят заживо, пусть вдесятеро ужасней страдают при этом, чем Атун и другие, кто стал их жертвами.

Несмотря на беспощадную жару, его колотила дрожь, тело покрывал холодный пот, что было полной неожиданностью.

— Мой господин. — Телуйет очутился рядом с бутылкой в руке. — Выпей чего-нибудь.

Кейда с благодарностью глотнул сладкого сока, недомогание прошло.

— То было колдовство, мой повелитель? — с опаской спросил Джатта. — Что говорили люди?

— А что еще там могло быть? — Кейда покачал головой.

— Что теперь? — Голос Джатты звучал напряженно из-за внезапного предчувствия.

— Проводим Чейзена Сарила до самого острова с огненной горой, где мы убедились, что эти захватчики могут умирать, как любые другие люди, — твердо ответил Кейда. Ему удалось отрывисто рассмеяться. — Или даже проще, чем большинство — по крайней мере, быстрее, чем кто-либо достаточ-

но умный, чтобы спрятать утробу под кольчугой. Чейзен Сарил обязан держать этот остров, и мы пошлем каждого Чейзена обратно к их вождю. Или они умрут от рук Дэйшей. Так и поступим. Это замедлит продвижение захватчиков.— Он с миг поколебался, прежде чем продолжить.— Мы, впрочем, предложим их женщинам и детям ограниченное убежище. Мы не можем отослать их навстречу подобным лишениям. Затем отправим птиц с вестями.— Он возвысил голос, так что все, кто стоял рядом, могли его слышать: старшина гребцов, меченосцы и стрелки.— Пошлем корабли с гонцами, зажжем маяки. Поднимем тревогу по всему Архипелагу. Как только Ритсемы, Уллы и Редигалы узнают, что здесь происходит, они станут биться вместе с нами. Неважно, сколько народу смогут призвать дикари, неважно, каково колдовство их чародеев. Они не смогут устоять против такой мощи, какую мы обратим против них.

— Да будет по твоему слову, вождь.— Рев Телуйета вызвал приглушенный одобрительный шум.

Кейда уверенно улыбнулся, чтобы скрыть свои тайные мысли.

И как же ты собираешься добиться, чтобы все владения бились бок о бок, когда такой союз ни разу еще не обсуждался, не говоря уже о заключении? Даже если ты сможешь этого добиться, что же ты намерен пустить в ход против волшебства, которое делает чудовищами самых птиц и зверей вокруг тебя?

Глава 5

— Так что ты собираешься делать? У меня нет целого дня.— Говоривший был лысым как яйцо коротышкой с гладким подбородком. Кожа его была дотемна выдублена, и годы под солнцем прорезали глубокие трещины вокруг темных расчетливых глаз. Он задержал их на молодом человеке, изучающем металлический товар, который коротышка предлагал, сверля покупателей взглядом. Юноша подхватил небольшой кувшин и с любопытством пробежал пальцами по цветам и листьям, сияющим серебром на черном фоне.

— Что это за металл? Я имею в виду, из чего сам сосуд?

Торговец помедлил, откровенно восхищаясь чистой голубой рубахой посетителя, новыми хлопковыми штанами и скромными серебряными цепочками вокруг шеи и запястий.

— Никто не знает.— Он пожал мускулистыми плечами, тусклая рыжеватая рубаха заходила на них, штаны его были пыльными снизу. Пояс, охватывавший крепкий стан, отнюдь не казался убогим — отменная полоса алой кожи с золотыми головами ястребов йора и рубинами на месте глаз.— Это товары Джахала, он привозит их с юго-востока. Они хранят тайны своего ремесла крепче, чем смыкаются створки моллюска в том владении, и очень мало образцов доплывает к нам.— Он улыбнулся скорее хищнически, чем дружески.— Дай мне что-нибудь, достойное такой вещи, и сможешь поразить ею всех твоих друзей.

Явно искушаемый, юнец, тем не менее, поставил кувшинчик.

— Мне нечего предложить такого, что было бы достойно подобного изделия.

Лицо коротышки безобразно исказилось.

— Тогда не отнимай у меня время на крабий помет.

Юноша отвернулся, оскорбленный, прошагал мимо соседа-торговца, который сидел, защищенный от солнца ореховыми пальмами, окаймлявшими золотой песок пляжа, и хихикал.

— Дев, меня никогда не перестает поражать, как тебе удастся заработать на жизнь, если ты так вызывающе груб со всеми.

— Это поддерживает в них рвение.— Коротышка ухмыльнулся, ничуть не раскаиваясь, и склонился над тщательно подрубленным квадратом кожи, на котором выставял свой товар. Он передвинул кувшин на более выигрышное место среди небольших медных ящичков, неровно, но ярко сияющих.

— Не видишь чего-нибудь, чего захотелось бы, Бидрик? — Он помедлил, чтобы стереть полую своей жалкой рубахи отпечаток пальца с серебряной курильницы, исполненной в виде птицы из джунглей.

Другой торговец с нарочитым безразличием пожал плечами. Он был одет куда тщательней Дева, его зеленые собранные складками штаны и зеленая же рубаха свидетельствовали о процветании. И несмотря на жару, он носил еще нарядное верхнее платье без рукавов, из кремового хлопка, расшитого шелковыми лозами.

— Возможно, позднее. Сперва охота увидеть, что я могу сделать с этим. — Он простер пухлую руку над своими тщательно сложенными шальями. Некоторые мало отличались от паутины — шелковый шепоток, весь в дивных цветах на длинных побегах: визайл, жасмин, фиалка. Другие предлагали более существенную защиту от ночной прохлады — из плотного хлопка, расцвеченные яркими узорами, нанесенными смелыми стежками иглы; дикий виноград, ползучие розы, копыя ирисов.

— Вот уж неожиданность — ты делишь этот пляж с нами, торговой мелюзгой. Удовольствие, конечно, но тем не менее достаточно странно, — заметил Дев с отработанной небрежностью. — А я подумал бы, что такие, как ты, отдают поклоны Ривлин Махаф и пьют охлажденный сок лиллы в тени ее приемной залы. — Он махнул в сторону охряной ткани, на которой сверкали крохотные зернышки цветного стекла, образующие рисунок парящей птицы. — Зеркальная Птица — это как раз то, что она любит, не так ли? Здесь нет дам из владения? Кто в здешних краях не пришел на последние торги перед дождями?

Широкий взмах его руки охватил внушительное число гулявших туда-сюда по берегу. Мужчины являли немалое разнообразие по части того, кому верно служили, о чем свидетельствовали их столь несхожие кинжалы. Женщины могли похвастать головокружительным разнообразием окутывающих их нарядов и причесок.

— Они здесь, и у нас есть все причины ожидать, что мы поторгнем с ними так же, как всегда. — Бидрик маняще улыбнулся женщине в простой белой шали, которая помедлила, чтобы взглянуть на его товар. Она, как бы извиняясь, махнула рукой, прежде чем передвинуться к аптекарю, громко расхваливающему чудесное действие своих целебных средств, сидя на перекрученном корне иглоплода и держа на коленях изрядных размеров ящик.

— Может, какой-нибудь даме в этом владении нехорошо? — не унимался он. — Или кому-то из детей?

— Нет и намека на то, что происходит. — Как только женщина повернулась к нему спиной, Бидрик нахмурился. — Мы явились и застали ворота Махаф Кору запертыми крепче, чем задний проход плавучей крысы. Я прошел на запад весь путь до владения Галкан из-за этой зеркальной птицы на шали, да и еще кое-чего получше, его женам так понравились изде-

лия, которые я приносил в последний раз. Но все, что говорит теперь начальник стражи, это что никаких торговцев они нынче не пускают.

— А ты не видел, как они с охотой впустили кого-то другого, пока тебя заставляли ждать? — спросил Дев. Он взглянул в сторону якорной стоянки, битком набитой галерами и парусниками всех размеров. — Я мог бы найти кого-то, кто оценил бы такого рода сведения.

— Это касается лишь меня и моей семьи. — Бидрик, вопреки себе, широко улыбнулся, глаза его скользнули к средней величины судну с полосатым синим парусом. — А мои ребята умеют держать язык за зубами.

— Дети — поистине благословение. — И на миг бородастое лицо Дева стало мрачным.

— В самом деле. — Бидрик словно был чем-то недоволен, его рука сама собой пробежала по черной бороде, доведенной до лучезарного сияния душистым маслом. — Что же, Дев, посланцы с нескольких гостящих у нас трирем отправились прямо к Махафу Кору, судя по тому, что кричал начальник стражи. Каковы бы ни были новости, а из-за них несколько рабов принялись вдруг носиться туда-сюда, точно перепела, подхваченные пыльной бурей.

— Ты не знаешь случайно, какие триремы добились доброго приема, а какие нет? — Дев улыбнулся во весь рот. — Это стоило бы лучших из всех товаров Джахала.

— Ворота отворялись для посланцев из Нора, Йавы и Китира, и больше ни для кого. Целая стая почтовых птиц поднялась и разлетелась по всем направлениям. Я возьму одну из этих курильниц в обмен на свою новость. — Бидрик сощурил глаза, глядя на Дева. — И еще кое-что тебе следовало бы знать. Я слышал вчера вечером, что Йава Од обеспокоен из-за чего-то, как ястреб на горячем песке. Он повесил трех из своих воинов за то, что они попались подвыпившими в последнее Малое Полнолуние.

— Мудрый вождь держит в руках своих меченосцев. — Дев уклончиво кивнул.

Бидрик фыркнул:

— Не суй нос дальше, чем положено торговцу, Дев, если сидишь рядом со мной. Не хочу, чтобы меня прогнали отсюда

вместе с тобой, если Махаф Кору решит очистить это место от злокозненных болтунов. Ты...

Его прервало внезапное прибытие с крупной галеры плоскодонок, подталкиваемых к берегу шестью сидящих в них гребцов.

— Похоже, ты не единственный купец, которого Ривлин Махаф некогда видеть. — сказал Дев с недоброй игривостью. — Как ты полагаешь, когда ребята с «Коричного Журавля» вынуждены были устраиваться для торга на берегу?

Орава юнцов выскочила из плоскодонок. Лодки вытащили на песок, подальше от воды. Одни парнишки втыкали глубоко в песок шесты, после чего натягивали на них яркие цветные пологи. Другие открывали ящики с бутылочками из стекла, сверкающими в гнездах из волокон стручков тандры. Остальные доставали наборы медных и серебряных мисок, разворачивали отрезки тканей, простых и узорчатых, больше хлопок, но и немного блестящего шелка. Вскоре они превратили свои лодки в манящие к себе прилавки, нагруженные сокровищами, перед которыми сразу померкло то, что могли предложить Дев и Бидрик. Народ, празднo слонявшийся вдоль берега, начал нетерпеливо подтягиваться к новым прилавкам.

— Время сворачиваться, — философски произнес Бидрик.

— Не вижу причин. — Челюсть Дева воинственно выступила вперед.

— Причина в том, что у них вдесятеро больше товара, чем у нас обоих. — Бидрик начал тщательно собирать шали и покрывала. — И они заключат здесь сделки, о которых мы с тобой не можем позволить себе и думать.

Теперь юнцы разбрелись, с распростертыми объятиями приветствуя всех подходящих. Горделивая гребная шляпка подтянулась к самой кромке воды, и три крупных малых в отменных шелках, с золотыми кольцами на каждом пальце, шагали через почтительно отступившую кромку волны. Парни с надлежащим почтением препроводили этих троих к накрытым подушками табуретам в тени полога.

— Я в торговле беру качеством, а не количеством, — и Дев с вызовом щелкнул костяшками пальцев.

— В тебе, разумеется, немало огоньку для... — Бидрик, извиняясь, кашлянул. — Оставайся, если хочешь. А я вздрем-

ну, пока жара чуток не спадет.— Он взглянул на солнце, стоявшее в зените.— Вернусь, когда эта орава избавится от своего хлама благодаря ослам, которые ничего не смыслят. Спорить готов, что они придержат что получше, надеясь на прием у жен вождя.— Бидрик встал и дал знак кораблю с полосатым парусом, который проворно ответил, низко опустив флажок.

Дев сидел с мгновение, скрестив ноги, затем начал тщательно сдвигать свой товар на середину кожаной подстилки.

— Я голоден. Эти дурни могут терпеть, пока их мозги не закипят под полуденным солнцем, а я пока поищу чего-нибудь съестного.— Он бережно и умело сложил кожу, достал ремень и стал перевязывать узел.

— Я мог бы взять это с собой, если хочешь,— Бидрик несколько застенчиво оторвался от своих сборов.— Фиран может принести все обратно к твоей лодке, как только жара смягчится.

— Фиран? — Дев вопросительно поднял бровь.

— Думаю, он пока предпочитает держаться в стороне.— Бидрик провел рукой по бороде.— И не пожелает ли одна из твоих девиц славную шаль?

— Готов дерзко нырнуть в тайные глубины? — Дев хищнически улыбнулся.— Пришли его в сумерки. Я тогда опять буду на «Амигале».

— Учти, я не хочу, чтобы он пробовал какие-либо твои товары,— негромко предостерег Бидрик.— Если я учую, что от него пахнет тростниковой водкой, я отделаю ремнем его задницу. А затем твою.

— Даже малого глоточка нельзя, чтобы укрепить его решимость? — Дев с издевательской насмешкой покачал головой.— Многим ребятам нужна порция огненного питья, прежде чем они нанесут первые зарубки на свои палочки.

— Твои дикарские пристрастия тебя прикончат.— Бидрик отнюдь не веселился.— Не одно, так другое. Говорю тебе, Дев, я не хочу, чтобы мои сыновья набирались от тебя дурных привычек.

— Поэтому ругаешь моего отца, что наделил меня кровью северян,— небрежно заметил Дев.— Отлично. Я отправлю

твоего парня назад довольным и трезвым, не бойся.— Он крепко затянул ремень и стоял, стряхивая песок с мешковатых колен своих просторных штанов.

Шагая по берегу, чтобы бросить взгляд на добро, выставленное на продажу людьми с большой галеры, он презрительно скривил губы. Один из вновь прибывших здоровяков наблюдал за ним с нескрываемым высокомерием.

— Нам не нужно ничего из того, что ты продаешь, Дев. Давай в сторонку, уступи место людям с чистыми руками.

Дев даже не удостоил его взгляда, доставая небольшой кожаный мешочек из-за пазухи. Развязав его горловину, Дев вытряхнул оттуда несколько маленьких, но безупречных сапфиров на одну из своих задубелых ладоней. Человек с «Коричного Журавля» напрягся. Дев некоторое время разглядывал камушки, прежде чем, словно внезапно что-то решив, убрать их назад в мешочек. Когда он шагал прочь, несколько покупателей, рассматривавших товар с галеры, повернули головы вслед и наблюдали за ним с неуверенными лицами.

— Славная госпожа, я вижу, тебе нравится этот стенной ковер,— поспешно заговорил торговец с галеры.— Что ты можешь предложить мне взамен? Нам больше всего хотелось бы получить коралловые бусы из этого владения.

Дев позволил себе сдержанную улыбку. Даже такие жалкие развлечения оправдывают игру. По мере того, как он удалялся от берега, широколиственные иглоплодные деревья и белый песок уступали место более темной почве, усеянной пыльными обрывками коры и палой листвой деревьев, страдавших под безжалостным солнцем в самом конце поры засухи. Даже неумные насекомые, казалось, сбежали. Из-за палящей жары гости острова покинули открытое пространство и собрались вместо этого под приветливыми ветвями, где мужчины и женщины из местных предлагали закуски, плоды и воздушный хлеб, выпеченный из отборного помола соллерного зерна. Островитяне и торговцы равно медлили, чтобы разглядеть предлагаемые блага, рассчитанные на полные желудки и невероятную жажду.

Значит, Махаф Кору получил с юга новости, которые побуждали его запереть ворота. Что это могут быть за новости? Возможно, слухи о чем-то таком будут носиться вокруг кухон-

ных очагов. Дев направился к старухе, присматривающей за битым котлом, покоящемся на угольном ложе, благоразумно окруженном камнями на тщательно очищенном клочке земли.

— Что это, матушка?

— Тростниковые толстухи в перечном соке. — Она сощурилась, и сеть морщин на ее лице шевельнулась. — Я сама доставала их из гнезд, когда на листьях еще блестела роса.

Дев казался разочарованным.

— Значит, у тебя не нашлось времени их взвесить.

Старуха рассмеялась, стягивая выцветшую розовую шаль с седых волос.

— А ты кое-что понимаешь, юнец.

— Я удивлен, как тебе хватает остроты зрения, чтобы отличать птенчиков толстух от макушек тростника, если ты думаешь, будто я юнец. — Дев сел на удобный древесный корень.

— Оно достаточно острое, хотя и уступает остротой твоему языку. — Женщина погрузила черпак в котел и помешала. — Что ты можешь предложить за самое нежное мясо, какое найдешь на этом берегу? — Она подхватила выдавшую виды деревянную миску, но не наполняла ее.

Дев наклонился вперед, чтобы с видом знатока вдохнуть ароматный пар.

— Я чем только не торгую, матушка.

— Сомневаюсь, что твоя матушка вообще знает, где ты. — Она опять не без удовольствия сощурила водянистые глаза. — Я видела тебя на берегу. У тебя товар из металла, верно? Браслеты, ожерелья, сережки, вот что мне надо, — скороговоркой продолжала она. — Моя внучка помышляет о свадьбе, как только Махаф Кору даст согласие.

Дев прикинулся на миг, будто обдумывает предложение, а затем потянулся за пазуху. И достал оттуда совсем иной кожаный мешочек, не тот, которым дразнил купцов с галеры, а из мешочка вынул изысканно выкованный браслет-цепочку.

— Я пробуду здесь несколько дней, матушка. Корми меня до отъезда, и я позабочусь, чтобы твоей внучке завидовали подруги.

Старуха наполнила миску и, передав ее покупателю, приняла цепочку.

— Мягкий металл. — Она сморщила нос.

— Но чистый, — возразил Дев, уже набивший себе рот. — Не тот, что выплавляют у северных варваров — с полутиглем дребедени.

Старуха пренебрежительно фыркнула.

— Я бы не надела их хлам на покойника для погребения.

— А разве кто-то из них в здешних водах? — Дев с волчьей жадностью заглатывал нежные ломти светлого мяса и узкие красные полосы перца. — И высматривают, что можно купить или украсть, прежде чем какой-нибудь вождь сожжет их лодки дотла?

— Варвары? Нет, тебя кто-то ввел в заблуждение. — Старуха запихала цепочку поглубже за пазуху пыльного серого платья из нескольких слоев. — Они никогда не являются на самом исходе засушливого времени. Нынешнее солнце сделало бы их красней вареных крабов, они от него даже умирают.

Значит, что бы ни тревожило местные владения, это не угроза с севера. Дев вновь закинул удочку.

— Я слышал, Махаф Кору ночами не спит, ждет откуда-то беды. — И кивнул в направлении двора вождя.

— Это всегда так. — Старуха занялась очисткой белых мясистых корней, чтобы добавить их в котел. Дев вручил ей обратно пустую миску и встал.

— Еще увидимся, матушка.

Старуха стряпала восхитительное жаркое, пусть даже у нее было ничтожно мало сведений, чтобы дополнить слухи.

Новое скопление деревьев укрывало стихотворца, с апломбом произносившего нараспев пышное описание отбытия в море. Дев знал песню, которую слышал множество раз прежде.

— Возможно, я пушусь в путь по морю любви. Крутая волна поднимет меня, а затем стремительно бросит вниз, опадая. То вздымаясь, то падая, меня поглотит безбрежный океан.

Равнодушные слушатели боролись с подступавшей дремотой, ибо их и без того разморило от сытной пищи и гнетущей влажной жары. Крючконосый мужчина внезапно захрапел, прервав разглагольствования чтеца о том, куда может забросить течение его и его товарищей по странствию.

Дев покачал головой. Все в этой толпе уснут, прежде чем этот неумеха, столь занудно бубнящий, дойдет до рассказа, как неудачная любовь погнала его в море, станет оплакивать утрату

любимой, а заодно и тяготы путешествия. Мало-помалу повествователь проголодается. Никто не предложит ему полуденной трапезы в обмен на такое бездарное исполнение.

Развлекшись, Дев вдохнул задержавшийся у него во рту привкус перца и двинулся дальше. Стихотворцы получше явятся в сумерки и получают самую дивную еду, которую здесь смогут предложить. Истинные художники представят новые и свежие перепевы проверенных временем повествований о дальних странствиях — любимой всеми метафоре жизненного пути. С некоторыми сюда придут музыканты и танцоры. Другие приведут учеников, которые представят благоговеющей толпе свитки с дивными картинами, навеянными стихотворными рассказами.

Такие напыщенные развлечения всегда желанны. Дев предпочитал то, что исполняется подальше от основной толпы, в тени, у огонька, окрашенного горстями особых порошков, где воздействие стихов усиливают телодвижения одного-двух едва одетых танцовщиков, и крепкий детина всегда готов сбить с ног любого, кто подойдет слишком близко. Дев огляделся. Когда он посещал здешнее торжище в последний раз, тут был какой-то однорукий чтец, весьма примечательный малый, он произносил такие сладострастные строки с подробностями утешений, которые могут заменить путнику женщину, им покинутую.

Дев медленно кивнул себе. Однорукого каждую ночь призывали развлекать стражей Махафа Кору — его самого и состоящих при нем плясуней. Даже если Махаф Кору и его жены не видятся больше с торговцами, сочинитель, забавляющий их стражей, может подцепить какие-нибудь полезные сплетни.

Кто может знать, не поблизости ли еще тот чудак? Ифал, вот кто. Что и говорить, у Ифала всегда имеются последние новости. Дев помедлил и поглядел в направлении моря, сверкающего на солнце. Затенив глаза ладонью, он попытался распознать отдаленные флажки, вяло свисавшие с верхушек мачт лениво покачивающихся судов.

Оживление за спиной заставило его вздрогнуть, и он почти прыжком развернулся. Одна его рука коснулась йавской работы кинжала на поясе. Нет, никто к нему не подходил. Движение возникло чуть дальше, в глубине суши, где иглоплоды уступали место травянистой котловине, которую окружали ши-

роко раскинувшиеся домишки с плоскими кровлями — именно такие предпочитали островитяне Махафа. Представители владения, деревенские старейшины и им подобные ждут, поди, в тени широких стрех, приветствуя тех купцов, что вызвали их интерес своим прохладным плодовым соком и упорством при заключении сделок. Охваченный любопытством, Дев поспешил вперед, обходя людей, подобострастно кланявшихся и отступавших; островитяне и приезжие торговцы смешались здесь со странствующими искусниками развлекать, зажавшими в руках свитки или звонкие бубенчики.

Толпа таяла перед высоким человеком в броне. Солнце так ярко сияло на его кольчуге, что Дев содрогнулся, глядя на него. Горный хрусталь сверкал на обруче его шлема надо лбом; на золотых рукоятях двойняшек-мечей, упрятанных в ножны, полыхали огнем бриллианты. Привлекающая внимание женщина шагала вслед за телохранителем, расчищавшим для нее дорогу. Высокая и худая, как и ее слуга, она была облачена в белую парчовую рубашу поверх газовых шаровар. Ее туго заплетенные волосы покрывал радужный шарф, прошитый серебряной и золотой нитью и отсвечивавший, как крыло бабочки. Женщина перекинула свободный его конец через плечо и придерживала рукой, умащенной до блеска и отягощенной грузом серебряных колец и браслетов с многочисленными хризолитами. Нить хрустальных капель была вплетена в густые завитки у основания стройной шеи.

— Тарита Махаф, — назвала какая-то женщина благородную госпожу невежественному пришельцу. — Третья и совсем еще новая жена Махафа Кору.

— Родная сестра Йава Дирхи, — добавила другая, тараща глаза. — Она была женой Китира Аркиса, но потом развелась с ним.

— А почему? — спросила девушка со свежим лицом.

— Это ее дело, и больше никого не касается, — осуждающе сказала женщина, которая могла быть только ее матерью.

Дев стоял позади женщин, и можно было подумать, будто он имеет к ним отношение. Он взирал на Тариту Махаф столь же страстно, сколь и прочие. Как о женщине о ней говорили повсюду, да еще она славилась завидной сетью крайне выгодных союзов. В тот миг она походила на женщину, преследующую важную

цель. Это должно было иметь отношение к тревогам Махафа Кору. День становился все более и более увлекательным.

Раб благородной госпожи воззвал к бледнокожему, чисто выбритому мужчине, низко кланявшемуся с манящей улыбкой на губах. Более смуглый и массивный человек позади него поставил на голую землю окованный сундук черного дерева. Невеличка проворно развернул яркий узорчатый коврик, который держал под мышкой, положил на сундук и с удобством уселся. Его спутник отошел на шаг, дубина темного дерева, в тяжелом конце которой оказалось больше железа, чем на сундуке, небрежно скользнула по его плечу. Меченосец Тариты Махаф медленно обошел усевшегося, описав круг, на его хмурым лице читался запрет кому бы то ни было подходить ближе. Послушная толпа отступила еще на несколько шагов.

Не обращая ни на кого внимания, Тарита Махаф коротко сказала что-то сидевшему на сундуке. Его улыбка стала шире. Он встал, щелкнув пальцами своему спутнику с дубиной. Тот опять подхватил сундук, и парочка последовала за женой вождя, развернувшейся и зашагавшей обратно, к невидимому отсюда двору с его тщательно охраняемыми секретами.

— Чего хочет от него Тарита Махаф? — спросила прелестная девушка.

— Это Ифал, торговец драгоценностями, — задумчиво произнесла ее мать. — Ходили слухи насчет переговоров о браке с Нором Заури. Возможно, одной из девушек нужны украшения к свадьбе.

Дев в этом усомнился. Не такого рода добром торговал Ифал. Он предоставил гадающей толпе нести себя в тень иглоплодов. Непринужденно оторвавшись от болтающих кумушек, он преувеличенно зевнул и лег в сухую впадину меж двух узловатых корней. Возбужденный шум вокруг понемногу затихал, люди возвращались к прежнему расслабленному безделью под бременем дневной жары.

Заметив у себя на рубахе жирное пятно от жаркого старухи, Дев потер его ногтем большого пальца. Опять улегся, положил руку на лоб, как усталый путник, закрывающий глаза. И, невидимый ни для кого, сосредоточил внимание на маслянистой гуще, блестевшей на ногте.

Ох уж эти альдабрешцы с их иступленной ненавистью к волшебству. Дев сдержанно улыбнулся, когда на его ногте засверкал наколдованный им изумруд. Он творил чудеса среди них день за днем, а они ни разу ничего не заметили. Все те, кто твердит, будто Архипелаг — смертельная ловушка для волшебников, трусы и глупцы. Он подавил не столь уж редкое побуждение показать этим людям, что может волшебство. Он мог бы вызывать наваждения, сопровождая ими произносимые стихи, живое дрожащее эхо музыки слов. Женщины владения получили бы помощь, если бы он вызвал огонь из голой земли, чтобы стряпалась еда в их горшках, а затем могли бы дочиста вымыть горшки водой, извлеченной из воздуха. Он мог бы накрыть остров бурей, которая отвела бы воды из гавани, и все корабли остались бы высоко на сухом песке.

Но теперь жизнь его зависела от осторожности. Слепительная зелень на большом пальце угасла, оставив крохотный совершенный образ, отраженный в блестящем жире. Должно быть, это происходило где-то за первым подъемом здешней холмистой суши, в доме, в котором жили женщины рода Махаф, когда посещали этот остров. Ифал предлагал переплетенные нити бирюзовых бус приятной полной седовласой женщине, расцвеченная павлинами шаль которой была не хуже любой, какую мог бы предложить Бидрик. Дев немедленно узнал ее. Видайл Махаф, старшая жена. Тарита стояла за ее плечом. Видайл отодвинула бирюзу и сказала что-то, побудившее Ифала замереть в изумлении с нитями бус, вяло свисающими с пальцев.

Дев увлажнил сухие губы языком и взглянул туда, где благодатный ветерок играл широкими листьями иглоплода. С беспредельной осторожностью он уговорил ветерок отойти от дерева и стал мягко направлять его к далекому господскому дому. Опять взглянув на крохотное видение в своем ногте, он ощутил напряжение, но женщины все еще были погружены в спор с Ифалом. Удовлетворение согрело Дева так, как никогда не согрело бы солнце. Есть дурни, что твердят, будто подобные чары не действуют вместею. Попытались бы они творить чудеса с той точностью, которая требовалась ему, чтобы сберечь свою шкуру, когда он плавает в этих гибельных водах. За первые дни

здесь он научился большему, чем за пять утомительных лет в пыльных библиотеках Хадрумала.

Но вот он напрягся, видя, как торговец драгоценностями роется на самом дне сундука, разворачивая свертки мягкой кожи, чтобы явить нечто черное, как тушь.

Дев сосредоточил все свое внимание на колдовском ветерке, быстро прошив им воздух и вникая в шепотки, что теперь доносились сюда, во впадину под деревьями. И вот раздался голос Ифала, четко различимый, скрежещущий, как у людей из восточных пределов.

— Конечно, сила полностью зависит от истории талисмана.

Дев весь подобрался.

— Я мог бы помочь куда вернее, если бы знал, от какого чародейского зла ты хочешь защитить детей.

— Пока что достаточно оберечь их гагатом. — Видайл потянулась за бусами с напряжением в голосе. — Мы возьмем все, что у тебя есть. А что-нибудь еще: браслеты, кольца?

Дев сделал глотательное движение, у него внезапно пересохло во рту.

— Есть гребень-бабочка, инкрустированный атласным камнем. — Ифал порылся в сундуке. — И камень, и образ бабочки — могучая защита от чародейства, какова бы ни была история вещицы, — небрежно заметил он.

— В самом деле, — медленно сказала Видайл. — Ты проницателен, как всегда.

— Достаточно проницателен, — голос Тариты звучал почти угрожающе, — чтобы все вокруг знали — для нас желанны твои солнечные камни и турмалины, и больше ничего.

— Солнечный камень, чтобы согреть сердце и поднять дух. — Ифал умиротворяюще улыбнулся. — Я буду образцом благоразумия, но, может быть, позволю себе догадаться, что вам может быть желанной ясность видимого во сне, благородные госпожи? Солнечный камень часто оказывает такую услугу. Было бы неудивительно, если бы одна из вас готовилась к ночи в какой-нибудь башне безмолвия, раз уж ваши дочери достигли брачного возраста. — Он пробежался рукой по темно-русый жестким волосам. — Что, естественно, объясняет ваше равнодушие к моим лучшим турмалинам. Полагаю, я восполню

свои запасы белых и розовых кабошенов, это полезные камни, когда надо уравновесить страсть и сострадание в молодых.

— У тебя бойкий язык, купец. Позаботься о том, чтобы придерживать его, когда надо, а то как бы его не отрезали.— Видайл взяла украшение для волос в форме бабочки и обменялась с Таритой бдительным кивком.— Явись опять к нашим воротам, когда пополнишь свои запасы гагата.

Тарита звонко хлопнула в ладоши, и ее раб открыл дверь.

— У нашей Ривлин есть кое-что из покрытых серой глазурью гончарных изделий ее ремесленников, ими тебе заплатят за камни и благоразумие.

— Благоразумие — неперемное условие любой сделки, которую я заключаю, великая госпожа,— заверил ее Ифал, прежде чем бойким пружинящим шагом последовать за рабом.

Еще бы, подумалось Деву. Серые глазурованные изделия гончаров владения Махаф ценятся высоко. По прихоти судьбы тайна обжига посуды с зеленоватой глазурью вызывала у легковверного окрестного сброда жадное любопытство и желание раскрыть ее.

Дев позволил своему украдкой сотворенному чародейству исчезнуть в неуловимом воздухе и сел. Не было смысла пытаться теперь что-то выудить у Ифала. Он полностью сосредоточился на том, как выгодней продать эту ценную посуду и какие еще хранящие от колдовства камни предложить местным правителям. Не было никакого искушения плоти, которое мог бы использовать Дев, чтобы провести человека, столь примечательно верного своему товарищу, телохранителю и любимой, и никто из них не пил ничего крепче дозволенного властями и обычаем дрянного винишка этих островов.

Ифал, несомненно, попытался бы прочесть какие-нибудь разгадки в этих горшках, суверный, как любой альдабрещец. Дев поднялся на ноги и направился обратно к пляжу. Самое время наведаться к мошенникам, сводящим концы с концами за счет предсказаний судьбы наивным обитателям Архипелага. Он шагал краем воды, с удовольствием наблюдая за прохладным колыханием вокруг своих ног, не устаивая даже взглядом навесы и пологи. Кровь колотилась в глубине его грудной клетки.

За спинами торговцев тупой хребет скалы выбегал из-за деревьев и обрывался лишь у самой воды, где море шлепало о него ленивыми волнами. Камень был красноватый, в белых прожилках, разломанный на множество уступов, точно кое-как вырубленная лестница. Выше случайные травы и цветы произрастали из горок нанесенной ветрами почвы. Внизу, у воды, грязный старик в отрепьях скорчился у основания скалы, сверкая безумными глазами, и шарил в песке в поисках раковин, которые бросал в тыкву-горлянку. Совсем рядом, на самом нижнем карнизе, сидел, скрестив ноги, облаченный в чистый белый хлопок юнец с покоящимся на коленях пучком многоцветного тростника.

Деву не было дела до сумасшедших и праздного сброда, среди бела дня уклоняющегося от честного труда. Он поглядел на людей, занявших выгодные площадки на скале. Уютно расположившись и благоразумно прикрыв голову куском полотна, сидящий мужчина болтал с другим, близким по возрасту. Оба расхваливали медную урну у себя под рукой, равно как и всякого рода деревянные ящички, как невзрачные, так и ярко раскрашенные. У человека, что устроился ниже, имелась также парочка плетеных клеток, в которых удовлетворенно ворковали вещие голуби. На плоской вершине хребта устроился старик, белые волосы и борода которого спускались до пояса. Под навесом старика звенели в его честь медные и латунные урны, и внимательный юнец предлагал ему питье из серебряной чаши. Люди, жаждавшие получить его наставление, заполнили нисходящие ступени, точно насесты. Некоторые сжимали в руках приношения, одни — рыбу или мясо, завернутые в свежие листья, другие — расхожие побрякушки. Старик поманил первого, наклонившись вперед, чтобы ответить на его вопрос своим. Здесь всегда звучали вопросы, казавшиеся столь невинными, но все же выдававшие, каких ответов ждут эти простодушные глупцы. Прорицатель собирал намеки, искусно вылавливая их из осанки просителя, поворота его головы, беспокойства на лице.

Дев перевел взгляд на предсказателя с голубями. Он видел во время нескольких предыдущих посещений острова, как этого человека сопровождает то туда, то сюда телохранитель Ривлин

Махаф. У каждого мудреца есть сеть связанных и осведомителей, добывающих ему сведения о том и о сем, иначе их давно бы разоблачили, но пророк, который отличен милостью жены вождя, несомненно, знает достаточно, чтобы взвешивать свои слова и одерживать успехи, умножающие его славу.

Безумец бочком заковылял через пески к Деву, гремя своей расколотой и побитой тыквой и издавая такую дикую вонь, какой не смыть всем дождям близящейся влажной поры.

— Проваливай, пожиратель ящериц, — прорычал Дев. Сумасшедший оказался достаточно понятливым, чтобы поспешить прочь. Тогда лицо Дева наполнилось страстной надеждой, что предельно изумило бы Бидрика. Юнец с тростниками поднял их величаво, словно в знак приветствия, сухие макушки зашуршали, а сам он заулыбался от сдержанного предчувствия. Дев и ухом не повел в его сторону, карабкаясь по крутой скале и обгоняя двух девчонок, выбравших более надежный обходной путь.

— Ты проявляешь предприимчивость, — мирно заметил прорицатель, как только Дев возник перед ним. — Это всегда хорошо для взыскующего истины. — Он был в самом что ни на есть среднем возрасте, седина тронула его виски и черную бороду, нестриженую и струившуюся по широкой груди. Если бы не борода, он вполне сошел бы за любого купца на пляже внизу в своем верхнем платье без рукавов из полосатого хлопка поверх шаровар и рубахи песчаного цвета. Руку с единственным золотым кольцом он положил на клеточку, где ворковали и чистили перышки два голубка. — Но храбрец может упасть, если сделает неверный шаг на скалистом обрыве.

— Какие ты можешь увидеть предзнаменования для того, кто не трус и плывет на юг? — бросил ему вызов Дев.

— А что ты предложишь в обмен на такое наставление, мой отважный друг? — ласково спросил прорицатель.

Дев потянулся за одним из мешочков мягкой кожи, скрытых за пазухой, и вручил ему.

— Если твои слова сбудутся, я принесу тебе вдвое больше при новой встрече. Если нет, найду тебя и всякому дам знать, почему требую обратно свои камни.

Прорицатель заглянул в мешочек, и его голова резко дернулась.

— Ты, безусловно, ценишь добрый совет. — Он воззрился на Дева.

— Мой отец был всего-навсего варваром из беспредельных земель, но мать научила меня, чего стоят течения, бегущие из прошлого в настоящее, — спокойно произнес Дев.

— Тем лучше для человека, не привязанного крепко ни к одному владению. — Прорицатель покрутил тяжелое золотое кольцо вокруг пальца, меж тем как его глаза затрепетали, глядя на кинжал Дева, легонько сужающийся, как принято на островах Йава. — Я видел тебя прежде, не так ли? Ты плыл под превосходным собранием флажков, разрешающих проход.

— Да, мне с этим повезло, — ровно заметил Дев. — Я торгую здесь от островов Китира на юге до владения Сазак Джоя на севере, благодаря милости вождей, которые дозволили мне бороздить их морские пути. Я могу разнести твою славу по всем этим дорогам, если найду, что она заслужена.

Темные глаза прорицателя были жесткими, пока он укладывал мешочек Дева в большой кожаный кошель у себя на поясе.

— Что бы ты хотел от меня узнать?

Дев указал на голубей.

— Пусть летят.

Птицы терпеливо ждали, пока хозяин бережными руками доставал их из маленькой клетки. Он запустил белых голубей ввысь. Они затрепетали крыльями, сперва нерешительно, облетая друг дружку, мельтеша в воздухе взад-вперед. Затем один внезапно принял решение и глубоко нырнул, направляясь прямо к деревьям в самый центр острова. Второй почти тут же последовал за ним, и оба исчезли в густой зелени.

— Ну что? — Дев едва ли потрудился следить за полетом голубей, сосредоточившись вместо этого на лице прорицателя. Тот помедлил с мгновение, прежде чем ответить.

— Ты можешь найти друзей на севере, так что тебе стоит туда направиться. Беда подкрадывается с юга. Единственное спасение для тебя — бежать от нее и искать убежища. — Он остановился, ибо одна из птиц вернулась, мелькнув белой вспышкой, и бережно устроил ее в ее прежней клетке.

— Ты о дождях? — умышленно придуриваясь, спросил Дев. — Ожидаются смерчи?

— Я говорю о бедствиях, которые подходят невидимо, чтобы одолеть и сгубить. — И провидец поднял руку, чтобы на нее сел второй голубь.

— Ты имеешь в виду моровое поветрие? — Глаза Дева расширились в притворном непонимании. — Костоломная лихорадка возвращается с дождями?

— Просто прими к сведению мой совет. — Прорицатель метнул на Дева предостерегающий взгляд, заботливо убирая в клетку второго голубя. — Это все, что я могу тебе сказать. Ты увидишь, что мои слова больше чем заслуживают награды. Теперь ступай. Другие ждут моего совета. — Он поглядел мимо Дева и приветливо улыбнулся двум девчонкам, с нетерпением ждавшим, когда можно будет подойти.

— Спасибо. — Ловко прыгнув на песок, Дев смахнул пыль с одежды. Очередь терпеливо ждала возможности посоветоваться с провидцем, забравшимся выше всех. Юнец не жалел сил, чтобы привлечь кого-то широкими взмахами своих раскрашенных тростинки, изучая узоры с наморщенным в нарочитой сосредоточенности лбом. Но никто не клевал.

Дев недобро улыбнулся. Не следует ли спросить о чем-нибудь замкнувшегося на себе юношу? Достаточно легко было бы объявить несомненно туманные предсказания этого парнишки чепухой, особенно если что-то напросится на сравнения с более искусными прорицателями и более зловещими предостережениями. Всегда забавно наблюдать, как начинающий гадатель провозглашается обманщиком каким-нибудь раздраженным островитянином, лишается своих загадочных орудий, а часто и одежды, и остается лишь в синяках, прикрывающих его наготу.

— Позволь мне направить тебя по верному пути. Мне ведомо зримое и незримое. — То был безумец. Он ни к кому в особенности не обращался, но прыгал, описывая все уменьшающиеся круги и гремя тыквой. Его одолело головокружение, и он упал, мгновение лежал неподвижно, затем вскочил и вытаращился на следы, которые оставил на песке.

— О, вот Ястреб Йора! Крылатый Змей пожирает Визайл, что цветет в ночи. Необычные дни грядут, друг мой, необычные и ужасные дни!

Даже душевнобольной улавливал то тревожное глубинное течение, которое добралось до островов. Нет, решил Дев, рассеянно треща костяшками пальцев. Глупый мальчик может легко успокоиться. У него нет времени на такие развлечения. Что-то творится на юге, и надо бы в точности разузнать — что.

Какие новости получил с юга Махаф Кору перед тем, как захлопнул ворота в свой двор и разослал всем и повсюду предупреждения? Новости столь значительные, что они оказались важнее последней возможности всласть поторговаться перед дождями. Новости, которые побуждают жен Махафа покупать гагатовые талисманы, а Ифала молчать, предлагая им лучший товар. Это не какой-нибудь страх перед близящимися дождями. Какие бы свирепые бури ни нагрянули, они часть обычного круговорота вещей, и их выносят как таковые. Не произошло и никакой внезапной вспышки одной из опасных заразных болезней Архипелага. Если бы это носилось в воздухе, жены Махафа и сам Кору занимались бы теперь тем, что запасали бы целебные травы и крепкие вытяжки из них, а не сушили бы из-за побрякушек.

Жены Махафа требовали защиты от волшебства. За несколько неправдоподобно бледных изумрудов и обещание Дева разнести его славу прорицатель предостерег его против плаванья на юг, где некая опасность грозит человеку с явной примесью варварской крови, и у него нет ни родных, которые бы за него поручились, ни связей с владением, где бы защитили его. Единственное, что шло с варварского севера и чего алдабрешцы боялись, всегда было чародейство. Прорицатель подошел настолько близко, насколько осмелился, к намеку на колдовство, не назвав его напрямую.

Значит, есть сообщения о колдовстве, обнаружившем себя на юге? Вероятно, довольно далеко на юге, если весть получили только вожди, у которых есть быстрые почтовые птицы, сети маяков и скорые гонцы. Пройдет еще некоторое время, прежде чем слухи просочатся и дойдут до более скромного народа. И может статься, ему следовало бы лежать в куче гагата, прежде чем слухи узнают все.

Дев с презрительной улыбкой покачал головой. Что убедило этих людей, будто нить полированных черных бусин или блес-

тящая гагатовая брошь может отвести колдовство? И почему так особенно важны бабочки? Дев напряг мозги, вспоминая обрывки преданий, которых набрался во время странствий по Архипелагу. Не являются ли бабочки воплощением убежденности альдабрешцев, что прошлое, настоящее и будущее переплетены меж собой подобно тому, как создание, превращающееся из червя в куколку, а затем в бабочку, остается все-таки одним и тем же?

Отбросив все лишнее, Дев обдумал следующий важный вопрос. А не может ли здесь быть чего-то помимо исступления, вызванного засухой? Если да, кто может быть таким болваном, чтобы выставлять напоказ свой чародейский дар перед столь враждебной толпой? А что, если это какой-нибудь волшебник с материка, ищущий смерти? Если да, как решил Дев, пусть этот олух получит свой урок суровым и чувствительным образом. Если кто докатился до подобной дурости, он не стоит того, чтобы кто-то ради его спасения раскрыл себя.

Но вообще-то не похоже. А не могло ли некое подобие стихии — воздуха, земли, огня или воды — разгуляться в какой-нибудь незадачливой альдабрешской семье? Чародеи Хадрумала отказывались верить, что у альдабрешцев, единственного среди всех народов мира, не рождаются в семьях свои волшебники. Однако пока что ему не удавалось найти хотя бы одного, и при этой мысли Дев нахмурился. Или удалось? Как все не вовремя... Следовало успеть прежде, чем необузданные способности доведут их до беды, когда их истребит их собственное непокорное волшебство, либо когда, разоблаченных, их растерзает испуганная толпа, или палач какого-нибудь вождя сдерет заживо кожу. И эти люди называют дикарями племена из северных земель. Жители убогих деревушек Лескара, по крайней мере, просто бросали своих прирожденных волшебников на дороге в Хадрумал, отказываясь от их обрядового убийства, даже если опасное дитя приносила местная шлюха.

Нужно разузнать кое-что еще, прежде чем посылать любую весть Планиру, решил Дев. Верховный чародей Хадрумала — не любитель необоснованных догадок. Да и волшебство не явит ему, насколько соответствуют истине любые подозрения. С помощью ясновидения он может увидеть что-то лишь на ограниченном расстоянии, и то ему не удалось бы сосредоточиться

даже на хорошо знакомом лице или месте. Так что хочешь — не хочешь, а плыви на юг и попытайся узнать, что происходит. Если охваченные страхом альдабрешцы напустятся на тебя, ты исчезнешь прежде, чем они тебя схватят, и волшебство благополучно унесет тебя обратно, в безопасный Хадрумал, на тайный остров, где стоит город северных волшебников, кладезь их премудрости и обитель учения. Хадрумал, завоеванное нелегкими усилиями убежище для рожденных с волшебным даром, собираемых по всему материку, место, где они могут научиться управлять своими врожденными склонностями, подобными стихиям, захлестывающим мир. Хадрумал, где поколения ученых наполнили книгохранилища мудростью, к которой стремится что-то добавить каждый, достигший мастерства в чародействе. Хадрумал, пожалуй, самое скучное место, где когда-либо жил Дев, единственное, чем оно хорошо — там не схлопочешь пошее и не будешь ходить в синяках, как неизбежно случалось с Девом, пока он туда не попал.

Дев содрогнулся. Плыть на юг, навстречу наступающей поре дождей — невеликое удовольствие. И все же он хотя бы может вызвать несколько волшебных ветров, которые ему помогут. Задержавшись на пляже напротив своего надежно поставленного на якорь корабля, он оглядел оживленную гавань и поднес пальцы ко рту, чтобы пронзительно свистнуть.

— Перевозчик!

Мужчина, толкавший шестом плоскодонку с невысокими бортами, крикнул ему через отмели:

— Обратно на «Амигал», я так понял?

Дев зашлепал по волнам, чтобы взойти на борт.

— Сперва я хочу заглянуть на «Шелковую Лозу»

— Рановато еще, верно? — приснул перевозчик не без намека на зависть.

Дев ухмыльнулся.

— Я думал, что неплохо бы вернуться, пока все толпой не хлынут.

Перевозчик взглянул на безбородого Дева и сделал очевидное заключение:

— Здесь из-за тебя не предвидится особой толкотни, во всяком случае, среди парней. А вот девушки точно рванут со

всех ног, понимаешь, поди, о чем я. Ну, когда солнце покинет зенит. Не одни цветочки вянут от такой жары.

Дев пожал плечами.

— Я не любитель идти по пятам за кем-то другим.

Перевозчик оперся о шест и ловко повел плоскодонку через скопление рыбацких суденышек. Он то поднимал шест, то отталкивался им, и, меняя направление, вел свою лодку к широкобрюхой галере, покоящейся на лучшем месте для стоянки. Весла ее были подняты, и лишь несколько человек на борту неспешно и лениво доделывали последние из своих дел. Канат, бежавший от грот-мачты к резному носу, был густо увешан шелковыми язычками с белой каймой, заявляющими о праве проходить через тьму тьму владений.

Дев встал, непринужденно покачиваясь в поисках равновесия, посреди плоскодонки.

— Эй, вы! Скажите Табразе, что Дев хочет ее видеть.

Перевозчик весьма внимательно оглядел его.

— Так тебя тут знают?

— И еще как. — Дев широко улыбнулся. — Я устрою тебе знакомство за доставку.

Перевозчик рассмеялся, но покачал головой.

— Моя супруга прочтет мое будущее по моим собственным кишкам.

— Я дам тебе кое-что, могущее вызвать улыбку на ее лице. — Дев потянулся навстречу веревочной лестнице, разворачивавшейся, падая, с кормового ограждения «Шелковой Лозы». — Будь добр, не гляди сюда особенно и доставь меня на мой «Амигал», когда я кончу с моим делом.

— С радостью. — Перевозчик оттолкнулся от борта галеры, меж тем как Дев карабкался вверх.

— Сюда! — Великолепная женщина с миролюбивой улыбкой поманила его из-под нарядного полога, натянутого перед низенькой бизань-мачтой. Три плоские ступени на кормовой помост служили границей почетному возвышению, где она полулежала на груде атласных подушек. Она что-то потягивала из золотой чаши, ее газовое белое одеяние почти просвечивало, запястья и лодыжки скрывал целый груз серебра и лунного камня. Умашенная кожа блестела, как отполированное черное дерево.

— Табразе, — Дев вскочил на корму, во весь рот улыбаясь в приятном ожидании. — Ты хорошо выглядишь.

Она поглядела на него, сощулив подведенные серебром глаза.

— Тогда подойти ближе, я хочу получить что-нибудь помимо лести. Не время ли для меня узнать, что ты таишь? — И ее пристальный взгляд задержался на его штанах.

— Не сегодня. — Он выбрал подушку в тени шелкового навеса и сам налил себе в золотой кубок с подноса у локтя женщины. — Ты можешь взять у меня двух девушек?

— Не уверена, Дев. — Табразе провела рукой по дуге серебряных гребней, поддерживавших ее черные, в распущенном виде доходящие до пояса волосы. Это нехитрое движение ясно показало, что под одеянием нет ничего, кроме ее щедрой груди. — Если они хоть сколько-нибудь похожи на последних, которых ты пытался мне всучить... — И неудовольствие перекосило ее соблазнительный рот, превратив его в пасть хищной рыбы.

— Репи была дрянью раньше, чем я ее подобрал, — Дев небрежно махнул рукой. — Она и так и эдак мертва. Эти две...

— Но ты не держал Репи подальше от своих вазочек и ящичков, не так ли? — прервала его Табразе безжалостным упреком. — Я не стану держать девушек, у которых нет мозгов или которые курят дурманящее зелье, прежде чем ложиться с мужчинами. Этот корабль никогда не доживет до худой славы.

— Они обе с удовольствием предоставляют свою благосклонность для любых причуд, — уверил ее Дев. — И ни одна листочка пожевать не берет.

— Так почему тебе охота от них избавиться? — Табразе все еще глядела на него с подозрением. — Или они не прочь оставить тебя? Не хочешь ли ты получить от меня цену, которую мне, собственно, нет нужды платить?

Дев подался вперед, чтобы провести ладонью по окутанному паутиной газа бедру женщины.

— Я заплачу настоящую цену, чтобы кое-что получить от тебя в один из этих дней.

Матрос, сворачивавший на палубе канат, помедлил, изумленный тем, что видит.

— Чего тебе надо? — вызывающе выпалил Дев, и матрос поспешно убрался.

— Задира.— Табразе игриво повела в воздухе своей чашей.— Так в чем сделка?

— Они просто хотят переправиться куда-то, где больше возможностей, чем на скале, на которой они родились. И мне показалось, что у меня есть способ уладить это дело без затруднений.— Дев пожал плечами.— Я думал, если мы с тобой придем к соглашению, все только выиграют. Конечно, я мог бы просто заморочить их и получить выпивки на их вес от первого же встречного торговца телками.

— Никогда не знаешь, чего от тебя ждать, Дев.— Табразе бесстрастно посмотрела на него.— Я не знаю даже, мужчина ты для женщин, мужчина для мужчин или заморин.

Матрос снова выдупился на них, пораженный столь откровенным выражением непристойного любопытства со стороны хозяйки. Дев оставался невозмутим.

— Ты хранишь свои тайны, а я буду хранить свои.

Табразе опять повела в воздухе чашей, полупрозрачный шелк туго натянулся на ее груди.

— Мне нечего скрывать.

— В этом платье — точно, — оценивающе согласился Дев.

— Слишком жарко для игр.— Табразе села прямо.— Хорошо. Что тебе от меня нужно? Но смотри, чтобы были здоровые и сговорчивые.

— Воины из дома Махафа Кору принесли порядочный груз припасов в уплату за удовольствия минувшей ночью.— Дев махнул рукой вдоль широкой палубы галеры в сторону камбуза, сооруженного по правому борту.— Я не прочь получить мешок соллера и столько сушеных плодов, сколько тебе не жаль.

— Ты и впрямь торопишься от них избавиться.— Табразе склонила голову набок, осторожно облизывая розовым язычком крашенные губы.— Если это не из-за того, что они слишком одурманены, чтобы держаться прямо, ты явно учуял где-то недурную поживу.

— Как ты говоришь, нынче слишком жарко для игр.— Дев осушил свой кубок и опять поставил его на поднос с резким

звяканьем. — Ну так прислать к тебе этих девиц или просто бросить их на пляже, и пусть сами попытают счастья?

— Я их возьму. — Раздражение на миг прорезало щель меж безупречно выщипанных бровей Табразе. — Но когда я увижу тебя снова, Дев, будь любезен, принеси хоть щепотку того, за чем гонишься. — Она торжествующе улыбнулась ему. — Одной розы мне хватит. Я не прошу цветов со всего сада.

— Я буду тебе весьма обязан. Они хорошие девушки, сама увидишь. Можешь прислать мне припасы с этим лопоухим матросишкой, не откладывая. Я хочу отчалить с ближайшим отливом. — Дев покинул Табразе, равно любопытствующую и досадующую, и двинулся к поручням большой галеры, откуда махнул перевозчику, доставившему его на «Шелковую Лозу».

Проворно отталкиваясь шестом, тот широко улыбнулся Деву.

— Быстро ты.

— Я не из тех, кто тратит время. — Дев помедлил, чтобы, не таясь, поправить кое-что у себя в паху, после чего перекинул ногу через ограждение на корме.

— Домой на «Амигал»? — И перевозчик оттолкнулся. Дев кивнул. Когда они приблизились к его кораблю, достаточно малому, чтобы плавать в одиночку, но достаточно большому для груза, оправдывающего его путешествия, он прокричал в сторону палубы. — Экка! Тарью!

У поручня появились две девушки, обе в простых одеждах из шелка с перекинутыми через плечо концами платков, одна в алом, другая в голубом.

— Бросайте мне канат, вы, безмозглые цыплята!

Одна из них поспешно метнула канат, и Дев ловко поймал его.

— Подожди здесь, — велел он перевозчику. — Этих двух нужно будет переправить на «Шелковую Лозу».

— Нас? — Изумление старшей из девушек отразило то, что возникло на лице перевозчика.

— Вас. — Дев подтянулся и влез на борт, девушки поторопились отступить. Ни на одной не было особого обилия золота и дорогих камней, зато свежие цветы лесной лианы в курчавых волосах подчеркивали их нехитрую красоту. Они стояли вплотную друг к дружке с настороженностью на круглых лицах.

— А что? — вызывающе произнес Дев. — Вы ясно дали мне понять, что дело вроде моего вас не привлекает.

— Это... — пылко начала было младшая.

— Тихо, Эккаи. — Старшая схватила сестру за руку так цепко, что кровь выступила из-под ногтей. — Собирай вещи. Это наверняка лучше, чем плавать с ним.

— У «Шелковой Лозы» добрая слава, — крикнул снизу перевозчик. — Она плавает под покровительством Махафа Кору.

— Это нечто, как я полагаю. — Тарью поглядела на Дева с нескрываемой неприязнью. — Мы сейчас соберемся.

Дев предостерегающе поднял руку.

— Ты можешь собрать ваши жалкие обноски, Эккаи. Тарью, останься здесь. — Он шагнул вперед и, поймав ее запястье, потащив девушку на дальний конец палубы, за пределы слышимости перевозчика. — Вы постараетесь, чтобы Табразе была довольна, или попадетесь мне однажды и собственными шкурами ответите мне за то, что раздосадовали ее. Я хочу, чтобы она была так благодарна мне за таких чудесных девушек, что открыла бы свой заветный ларчик с камушками и позволила бы мне набрать, сколько захочу. Не забывайте, что вы все еще должны мне, начнем с этого. Пусть ваши уши будут настолько же открыты, насколько и бедра, и позаботьтесь о том, чтобы сведения, которые вы раздобудете, покрыли ваш долг. Не думай, что мы видимся в последний раз, красотка. — Довольный тем, что Тарью дрожит, он выпустил ее руку.

— Не думай, что мы не найдем никого, кто защитит нас от таких, как ты. — Она потеряла запястье, неумело скрыв вызовом свой страх. Дев улыбнулся.

— Ты мне тоже нравишься, милая. Когда попадешь на «Шелковую лозу», скажи Табразе, что должна Бидрику, торговцу шальями, приятное время для его младшего сына. Паренька зовут Фиран, он будет там впервые. Обращайся с ним поласковой.

Эккаи выбралась из кормового люка, прижимая к себе ворох тонких шарфов, несколько отобранных платьев из разрисованного и вышитого шелка и кое-какие рабочие рубахи из много раз стиранного хлопка. Тарью метнулась в обход Дева и поспешила к сестре, чтобы помочь той связать узел.

— Не прихватили ничего, что не ваше? — Дев внезапно обернулся как раз тогда, когда Тарью и Эккаи решили, что благополучно добрались до корабельных поручней. Он ухмыльнулся.

— Нет, вы бы не осмелились. Не так ли?

И не утруждая себя тем, чтобы помочь девушкам спуститься, Дев обратился к перевозчику:

— Когда выгрузишь эту парочку, передай от меня кое-что Бидрику, торговцу шалами. Скажешь, я ушел с отливом, есть неожиданные новости. Он может воспользоваться моим товаром или торговать им сам, если получит достаточно сносные предложения. Я в скором времени встречу с ним, и тогда мы все решим. Что-нибудь из того, за чем он присматривает для меня, можешь взять себе. Или выбери за то, что я тебе должен, одну из этих двух. — Дев кивнул девушкам, хитро подмигнув. — Передашь ему, что у них можно получить то, что я должен ему для Фирана.

Перевозчик прочистил горло.

— Я возьму подарок для моей жены, но все равно спасибо.

Дев отвернулся, чтобы проверить оснастку «Амигала», в то время как перевозчик повел плоскодонку прочь. Одним осложнением меньше, да что там, двумя. Никогда не повредит возможность предложить добровольные тепло и ласку мужчине, которого не подкупишь выпивкой или листьями, но Эккаи и Тарью слишком хорошо соображали, чтобы брать их на юг по столь особому поводу. У Репи были свои преимущества, пусть она и предпочитала жить в навеянных дымом грезах. Никогда не имело значения, что она видела или слышала; никто не принимал ее слова за откровение, не потрудившись проверить.

Не требуется ли ему избавиться от чего-то еще, прежде чем он снимется с якоря? Нет, ничего не приходило в голову. Бидрик, несомненно, достаточно выиграет от сделки, чтобы решить, что он должен Деву за его металл. Но торговец шалами еще и честен, так что в итоге наверняка почувствует себя не просто слегка обязанным. А это совсем недурно. Дев поднял глаза, чтобы проверить, насколько продвинулось солнце по небу и подсчитать, как скоро сможет отплыть.

— Эй, на «Амигале!» — крикнул матрос Табразе с низенькой гребной лодчонки.

— Эй! — Дев сбросил вниз канат. — Привяжи сюда товар. — Проверив вес, он начал втягивать тяжелый мешок с зерном соллера. И ухмыльнулся, когда невольно крикнул от усилий, воспрянув духом при мысли о вызове впереди. Торговать мало-помалу прискучивает. Кроме того, много ли прибыли у чародея, который узнал больше кого угодно о распрях и соперничестве различных владений? Планир плохо себе представляет, какая хитрость требуется, чтобы все это выпнюхивать. А вот проследить слухи о волшебстве до самого их источника — это подходящее предприятие для чародея с его дарованием. Он более чем готов к чему-то новому. Это окажется слишком опасным, что ж, зато как приятно пахнет, точно стручки перца в старухином птичьем жарком.

Глава 6

— Следи за каждым своим словом, за каждым шагом. — Джанне весело махнула рукой в сторону толпы любопытных, скопившейся на речном берегу, но ее голос звучал сурово, когда она обращалась к Итрак. Обе женщины, стоявшие рядом у поручня большой галеры, были окутаны легкими складками узловатого шелка, укрывавшего их с головы до ног.

— Ни за что не позволяй Улле Сафару поймать тебя на чем-либо. — Строгое предупреждение Кейды более чем странно сочеталось с его лучезарной улыбкой. — Он слишком уж любитель предлагать младшим женам мощное семя Уллы, чтобы ускорить появление их следующего дитяти.

— Если они колеблются, он счастлив описать ужасающие последствия для их владений и торговли, если настроится против них и настроит своих жен. — Джанне восторженно хлопнула в ладоши, когда цветы дождем посыпались на палубу галеры и застучали о многоцветный шелковый балдахин, уставленный, чтобы защитить вожда и женщин от безжалостного солнца. Полные губы Джанне, покрытые безупречно нанесенной краской, соблазнительно припухли, но не возникло и намека на мягкость в ее глазах, подведенных черным и красным, по коже вокруг рассыпалась золотая пудра, дальше золотые искорки бежали по скулам и, наконец, исчезали под волосами.

Осторожно продвигаясь против ленивого течения петляющей илистой реки, галера прошла меж двух громадных сторожевых башен. Обширные укрепления были полны народу, приветствовавшего таких благородных гостей в центре владений Уллы в соответствии с освященным временем обычаям. Шарфы и знамена, которыми они размахивали, казались эхом ярких узорчатых парусов, теперь свернутых на мачтах большой галеры.

Не знаю, что нашло на Рекху, с чего она назвала этот корабль «Радужный Мотылек». Цветные паруса очень хороши, но ничто не придаст этой тяжелой посудине никакого сходства с легким нарядным насекомым.

Кейда пошевелил плечами под облегающим все тело плащом из некрашеного шелка.

— Телуйет, когда найдешь время, расспроси слуг. Установи, пришли местные жители по своей воле или их пригнали сюда по реке копия воинов Уллы Сафара.

Как только мы получим ответ, я смогу обсудить с Джанне, что это значит.

Корма, окутанная шелком, чтобы умерить неистовую жару. Телуйет и Бирут стояли в полной броне по обе стороны от столбов балдахина, несообразно могучие для такого игривого и легкого кормового украшения. Оба раба следили за цветочным дождем, дабы вовремя заметить что-нибудь более опасное, летящее в корабль.

Или никто на берегу не понимает, что этот навес подбит листом отменного кольчужного плетения? Впрочем, разве знание или незнание сколько-нибудь важно для того, что бросают люди Уллы?

Эта мысль могла бы позабавить Кейду, если бы он не чувствовал, что вероятность какого-либо подвоха слишком велика.

Дожди должны пойти со дня на день, но жара изнуряет что днем, что ночью. Если кто-то нападет на нас, Улла Сафар просто заявит, что знать ничего не знал, и отнесет это на счет безумия, вызванного погодой.

Теперь «Радужный Мотылек» оказался у внутренней стороны башен. Итрак Чейзен пыталась сохранить беззаботный вид, глядя через бурные воды на конец мощной цепи из звеньев толщиной в ногу, преграждавшей доступ в эту неприступную твердыню.

— И это бежит через все русло?

— До второй башни.— Кейда бросил на Джанне многозначительный взгляд, когда большая галера миновала невидимую границу.— Там есть огромные лебедки, и при каждой толпа рабов, ждущая приказа Уллы Сафара, чтобы поднять цепь и преградить любому кораблю путь вверх или вниз по реке.

Теперь мы, считай, в лапах Уллы Сафара. Какой у нас выбор, если Сафар отказывается от встречи в местах, которые называли Редигал Корон или Ритсем Кайд и предлагает взамен свое сомнительное гостеприимство? Что же, мы приняли все разумные меры предосторожности.

Кейда почувствовал себя малость лучше, когда Джанне ободряюще улыбнулась ему.

— Как далеко триремы? — Озабоченность в темных глазах Итрак разоблачала ее непринужденные улыбки. Итрак осматривала берега реки, по которым стояли в грязи бесчисленные лодчонки, где дома с плоскими крышами теснились над самой кромкой разлива, а за ними утаивалось лоскутное одеяло соллерных полей, ягодных садилов и огородов с овощами. Множество ярусов нетронутого зеленого леса было не увидеть, пока первые холмы не начали подниматься в отдалении. Широкая речная долина служила домом многочисленному народу Уллы Сафара.

— Они достаточно близко,— заверил женщину Кейда.

Достаточно близко, чтобы явиться нам на помощь, если придется взять маленькую лодочку, спрятанную в трюме нашей галеры, и призвать отряд, рассыпанный среди ни о чем не подозревающих гребцов. Ты можешь считать, что правители Дэйши в твоей ловушке, Улла Сафар, но разве не учил тебя твой отец, как зяблик проскальзывает меж прутьев клетки, предназначенной для горного ястреба?

Телуьет задумчиво наблюдал за Итрак.

— Пока у тебя вновь не появится телохранитель, не ходи никуда без меня или Бирута, госпожа Чейзен.— И с некоторым запозданием добавил подобающий ее титулу поклон. Бирут хмыкнул, соглашаясь с ним.

— Наложницы Уллы Сафара говорят, что он не считает их «нет» ответом. Раз уж ты сама по себе, а Чейзен Сарил далеко, здешний хозяин может попробовать добиться своего

силой, а потом покаяться в том, что ты поддалась, опровергая твои слова, что нет.

— Скверно, что Сарила здесь нет. — Отчаяние Итрак проступило сквозь личину удовольствия, которую вызвали на ее лице слова Бирута.

Кейде больших трудов стоило не выдавать тревоги вроде той, что выказали оба верных раба.

— Одна из первых наших забот — дать понять с истощающей полнотой, что ты путешествуешь под покровительством Дэйшей.

Напряги мозги, Телуйет, и держи рот на замке, а глаза открытыми. Я знаю, это твой долг — беспокоиться о безопасности всех и каждого, но доводить Итрак до отчаяния — это совсем не то, что нам нужно. Это посещение и без того обещает быть трудным и опасным.

— Слово Дэйша Кейды обуздывает желания Сафара, — успокоила беженку Джанне. — Я также намерена позаботиться, чтобы ты как можно скорее получила нового телохранителя.

Все еще маша рукой и непрерывно улыбаясь, Кейда поглядел на жену.

— Я не взял бы того, которого предлагает Миррел Улла.

— Разумеется, нет. — В улыбке Джанне появилось тайное довольство собой. — Верь мне, мой супруг. Все в наших силах.

Итрак открыла рот, чтобы спросить о чем-то, но забыла вопрос, когда большая галера обогнула новую речную излучину. Челюсть ее отвисла от изумления.

— Уверена, что ты никогда прежде не посещала Деразулу, — заметила развеселившаяся Джанне. Итрак только и могла, что покачать головой, ибо утратила дар речи.

Дэйш Рейк говорил Кейде, что когда-то здесь на реке был остров, но теперь ничто не напоминало о нем. Могучая стена из тесно пригнанных красных камней поднималась прямо из воды, стены и башни взлетали над пустотой, позволяя беспрепятственно осматривать местность во всех направлениях. За этим первым рубежом обороны виднелась вторая стена, суровые башни обозначали ее длину там, где она отступала вглубь. Третья вздымалась еще дальше, и за ней можно было угадать самые разные кровли и башенки, все достаточно высокие,

чтобы глядеть за внешние укрепления, но не настолько, чтобы осталась хотя бы плита мостовой, где вторгшийся враг мог бы утвердиться, не подтверждая своих притязаний дождем стрел. Надменность явно была присуща Улле Сафару как никому, и о ней кричали желтые флажки, реявшие над каждым углом и верхушкой башенки. Сила любых захватчиков поколебалась бы, задумай они приступ или осаду: крепость была достаточно велика, чтобы вместить могучее войско во внутреннем кольце, а погреба достаточно глубоки, чтобы обеспечить его на годы.

Ветер сменился, Итрак кашлянула, на лице ее отразилось открытое неудовольствие.

— Откуда такое зловоние?

— Улла Сафар — любитель валяться в грязи, как болотная свинья. — Джанне с презрением скривила губы. — Его гордость не позволяет ему покидать свою дивную крепость.

— Он целый год живет здесь всем домом, — добавил Бирут. — Хотя с каждой зарей, поди, высматривает признак близящихся дождей.

— В этом я присоединюсь к нему. И с радостью. — При всех достоинствах душистого масла, которым Телуйет уговорил его обработать волосы и бороду, Кейда старался дышать как можно более мелкими вдохами, пока галера тщательно поворачивала туда-сюда меж песчаных отмелей, ясно видимых на этой неглубокой реке. В такую пору даже мощный водопад со складчатых холмов и отдаленных, покрытых снежными шапками гор этого невероятного по размерам острова становился скуднее с каждым днем. И нечем было смыть зловоние, поднимающееся из рвов, хорошо заметных высоко над уровнем воды.

Она отлично свидетельствует о том, каков из себя Сафар, и что для него власть, эта его крепость. На поверхности великолепие, а под ним вонюща.

— Вон корабль Ритсема. — В голосе Телуйета прозвучало облегчение, и Кейда позволил себе бросить взгляд на Джанне, чтобы увидеть подтверждение в ее глазах.

— Ритсем Кайд захочет говорить со мной об Олкай? — лицо Итрак за ее яркими красками исказилось печалью.

— Только когда ты почувствуешь себя в силах. А теперь улыбнись и помаши.— мягко упрекнула ее Джанне.— Мы в восторге, что мы здесь, помни.

— Корабль Ритсема идет прочь.— Бирут кивнул Телуйету.— Давай покажем этим дрянным морячишкам, из чего мы сделаны.

— Сюда,— Джанне препроводила Итрак к крутой лестнице, ведущей вниз к просторным, роскошно обставленным каютам верхнего уровня «Радужного Мотылька».

— Мы останемся на палубе.— Взгляд Кейды остановил Телуйета, и раб вернулся к своему господину. Кейда скорчил рожу.— Может, здесь и воняет, но внизу и вовсе нечем дышать.

Телуйет не стал возражать.

— Будем надеяться, что скоро придут дожди.— он невольно бросил взгляд на реку.— Как ты думаешь, засуха кончилась там, дома?

— Рехка даст нам знать, когда кончится.— Кейда направил внимание раба на площадку для высадки, единственное, чем прерывались внешние укрепления Деразулы.— Теперь посмотрим, что в точности думает о нас Сафар нынче.

— Непохоже, чтобы Ритсем Кайд был о нем слишком высокого мнения,— Телуйет кивнул на корабль владения Ритсем. То была тяжелая трирема, над палубой колыхались балдахины с оборочками, паруса и канаты украшали шелковые кисти, но все же не ошибся бы тот, кто счел бы ее военным судном, снабженным опытными гребцами, судя по скорости и точности поворотов, с какими она покидала док.

— Не вполне оскорбление, но и не учтивость.— И Кейда задумчиво сдвинул брови.

— Не думаю, что Сафар счел это оскорблением. Внушительная почетная стража.— Телуйет кивнул на отряд воинов в доспехах, выстроившихся вдоль площадки. Их броня ослепительно сверкала под безжалостным солнцем, все, кто там стоял, держали еще больше флажков, объявляющих о величии владения Улы.— Будем надеяться, что никто из них не лишится чувств и не свалится в воду,— но голос его опровергал слова.

— Значит, Кайду удалось в чем-то стать заправилой. Ну а что пытается сказать нам Сафар этим маленьким представ-

лением? — вслух подумал Кейда. Когда трирема Ритсемов покинула док и попала в надежное место стоянки на реке, значительная доля меченосцев направилась в лабиринт крепости.

— Что он неотесанный мужлан, — прорычал Телуйет.

Позволю ли я им увидеть, что хмурюсь? Если да, то это даст Улле Сафару время подумать или просто позабавит его?

Кейда сохранил спокойный вид.

— Пусть играет во что хочет. Дело, которое нас сюда привело, слишком важно, чтобы тратить время на чепуху.

— Конечно, господин мой. — Телуйет явно отложил свой гнев в сторону, услышав здравое замечание Кейды.

— Всем внимание! — прокричал свое предупреждение с кормового помоста старший на корабле. Матросы стояли наготове с крюками и кранцами. Кейда ненавязчиво переступил, встав чуть шире.

Не будем одарять Сафара какой-либо видимостью недостатка доверия к моим морякам, держась за что-либо. К тому же Телуйет всегда поблизости. Он не позволит мне или владению Дэйши пострадать, если что пойдет не так.

На двух нижних палубах гребцы ловко управлялись с веслами, медленно, но все ближе и ближе подводя тяжелый корабль к площадке с каменными ступенями, похожими на редкие зубцы огромного гребня. Высокий кормовой помост галеры легко вошел в углубление. Матросы Дэйши бросили с палубы канаты с резким свистом, знакомым всем морякам, откуда бы они ни были. Люди Уллы закрепили концы конопляных веревок, обвив ими тяжелые тумбы, галера подтягивалась все ближе, пока деревянные сходни, наклонившись, не повисли между кормовым помостом и веслами, скорее над доком, чем над водой.

Кейда повернулся к Телуйету с недоброй улыбкой, одновременно расстегивая пряжку легкого плаща и роняя плащ на палубу.

— Сойдем-ка на берег.

Пока он говорил, Бирут выбрался со второй палубы с мечом у каждого бедра, в шлеме, не прикрытом больше капюшоном, и с бронзовыми украшениями, ярко сияющими на серебристой стали доспехов. Он не опустил носовую стрелку шлема, но его неулыбчивое лицо под усеянным рубинами налобным кольцом достаточно выразительно предупреждало, что он готов к бою.

Джанне следовала за ним, одной рукой бережно приподнимая струящиеся складки алого одеяния. Она помедлила с мгновение, разглаживая шелк, и предоставив Бируту поправить расшитую золотом паутину-покрывало, ниспадающую с отделанного жемчугом венчика, покоящегося среди облачных завитков ее мягких волос, обрамляющих лицо. Множество жемчужных нитей было вплетено в ее единственную толстую косу, свисавшую вниз по спине. Тройной пояс из золотых цепей обвивал ее стан, на нем виднелись нити с резными листьями кантиры, ярко блестящими малиновой эмалью. Другие цепочки крест-накрест пересекали расшитый золотом лиф, подчеркивая достоинства ее полной груди. Кольца с самоцветами полыхали на солнце, бесчисленные браслеты плетеного и витого золота нежно звенели, когда она поправляла дивную филигрань с рубинами, надетую над вырезом одежды. Яркий лак на ее приведенных в отменнейший порядок ногтях великолепно подходил к наряду и украшениям.

— Я видел меньше решимости у мужчин, идущих в битву за владение, — отрешенно заметил Телуйет, сбрасывая капюшон со своего шлема.

— Мы все бьемся, только на разных полях. — Кейда улыбнулся с терпеливым восхищением, когда явилась Итрак и помедлила, чтобы поправить свой наряд. Сердце его согрело то, что он видит новую отвагу в подведенных медью глазах госпожи Чейзен. — Это твоя работа или Бирута?

Итрак повела подбородком, ее губы были обведены по краю той же блистательной медью. Подняв руки в кольцах, она сдвинула назад золотой обруч с пестрым черепаховым панцирем, не позволявший упасть на лицо ее ничем не связанным и не заколотым волосам. Ее блестящие черные локоны, ниспадавшие до самой талии, сводили с ума. Белое шитье на белом же одеянии, наряду с нитями янтарных бус вокруг ее шен, как ничто другое подчеркивало ее скромное очарование. Широкий пояс с медным панцирем черепахи охватывал ее тонкий стан, разрезы до бедер по обе стороны обтягивающей юбки являли на каждом шагу ее длинные стройные ноги. Кейда уловил отблеск золотой пудры под маслом, защищавшем ее медового цвета кожу от солнца. Более темные черепаховые браслеты,

оправленные в золото и натертые до зеркального блеска, звенели на ее запястьях и лодыжках.

— У нее хорошие волосы. Я слышал, что если их мыть карнеиловым соком, он придаст блеску.— Телуйет придиричиво изучал Итрак.— Хотел бы я знать, правда, а не стоит ли нам все-таки зашить это платье с боков. Вкус Сафара распространяется и на побеги, вырастающие из земли, или ограничивается распустившимися цветами?

— У этого человека нет вкуса, а лишь разнузданная похоть.— Кейда переступил на месте, и серебро, украшающее его щиколотки, негромко прозвенело. Он поглядел вниз на свои свободные шаровары и верхнюю рубашу цвета индиго, каждый шов которой украшали оправленные в серебро сапфиры. Серебряные нити вились по его плечам и груди, вышивка робко намекала на рисунок переплетенных колец и пластин поверх них, то есть на боевой панцирь.— Не думаешь ли ты, что белое было бы более кстати? Не так оказался бы замечен пот.

Телуйет потянулся, чтобы распутать цепи в серьгах, от которых у Кейды уже зудели уши.

— Этот индиго достаточно темен, чтобы скрывать грязь, к тому же в этой гнилой дыре все и каждый будут потеть, точно свиньи. Белый только перепачкался бы, и я готов спорить на мой меч, что Сафар нашел бы повод что-нибудь на тебя пролить.

— Справедливо,— и Кейда победил искушение пробежать пальцами по волосам.

Последнее, что мне нужно, это чтобы все руки у меня оказались в масле кантиры.

Он возвысил голос, так, чтобы его услышали у дока.

— Мы идем, жена моя? Ты с нами, достопочтенная супруга моего союзника?

И наблюдал уголком глаза за мужчинами на площадке — как им его слова.

Никак? Неважно. Как только мы благополучно войдем в крепость, один из ваших чернолицых слуг передаст мои слова какому-нибудь юнцу на побегушках, которому положено сообщать Сафару о каждом шепотке в стенах Деразуллы. Чем скорее, тем лучше. Пусть Сафар переварит

новость, что Дэйш Кейда в открытую признал Чейзена Сарила своим союзником.

Он предложил руку Джанне, которая легко положила свою руку сверху. Улыбаясь, словно в мире не существовало забот, они непринужденно сошли с галеры по крутым мосткам. Телуйет двигался следом, и его броня настойчиво прозвенела, когда он тяжело ступил на могучие камни Деразуллы. После него спустилась Итрак. Бирут держался в полушаге позади нее.

— Сюда, мой повелитель. — Слуга Уллы низко поклонился, указывая на гребную лодку с тканым навесом на воде рва, обтекающего второе кольцо крепости. Еще одно препятствие для любого возможного захватчика. Имелся еще один путь с площадки, узкая дверь во внутренней стене, ведущая в помещении, предоставлявшее наилучшую возможность справляться с незваными гостями.

Но уж сегодня-то здесь кровопролития не предвидится. Не раньше, чем кто-нибудь уронит один из бесчисленных сундуков Джанне ему на ногу. Миррел Улла не найдет, что моей жене не хватает изящества.

Внушительная свита Дэйшей уже высаживалась с корабля по другую сторону кормы. Матросы «Радужного Мотылька» выгружали изобилие сундуков и ларцов, которого требовала поездка в гости вроде этой. Личные музыканты Джанне двинулись и отступили в сторонку, держа в руках свои инструменты и мешочки с пожитками. Вокруг порхали служанки, озабоченно наставляя четырех чернолицых носильщиков, избранных за свои широкие плечи и надежные руки.

И за куда более полезные качества: имена и лица, не известные воинам Уллы как принадлежащие опытным меченосцам.

Убедившись, что все его люди заняты чем положено, Кейда последовал за угодливым слугой. Телуйет с мрачным лицом бесшумно скользил позади хозяина. Джанне плыла рядом, безмятежная и прекрасная, Итрак рядом с ней не жалела сил, чтобы на нее походить. Бирут замыкал, держась на шаг позади, вызов в его взгляде ясно давал понять всем любопытным, что обе женщины под его защитой. Прислужник помог им войти в лодку, и они покинули причал. Гребцы склонились над веслами.

— Улла Сафар примет вас в розовом саду, — объявил прислужник с видом человека, сообщающего поразительную весть.

Кейда в ответ лишь наклонил голову. Ему удавалось хранить бесстрастное лицо, но тлетворный дух от стоячей воды повсюду вокруг вызвал у него глубокую тошноту. Тучи черных мух поднимались и падали в неподвижном воздухе меж стен.

— Как восхитительно. — Джанне оказалась крепче.

Кейда повернулся, чтобы взглянуть на нее и увидел, что она благоразумно достала небольшой ароматический шарик, до того скрытый в складках ее наряда. Итрак достала откуда-то веер из белых перьев и стала им обмахиваться. Кейда заметил, что тот надушен. Он опять отвернулся, скрыв улыбку.

Женщинам Уллы Сафара не стоит и тягаться с моей Джанне, а Итрак Чейзен, судя по всему, ее ревностная ученица.

Кейда нарочито праздно поглядел из стороны в сторону, подметив число людей, шагавших по высоким укреплениям на обоих берегах рва.

Будут ли меченосцы, что ждут на триремах Дэйшей, держаться достаточно поодаль, чтобы не раздражить Сафара? В одном этом дозоре больше воинов, чем мог бы обеспечить Дэйшам полный призыв. Это просто представление, устроенное Сафаром, чтобы меня утратить? Славно было бы так думать. К несчастью, эта боевая мощь, вероятно, единственное, чем примечательна здешняя крепость.

Этой неприглядной истины оказалось достаточно, чтобы его желудок вывернуло наизнанку, даже не будь зловония, сквозь которое они двигались.

— Деразулла — это крупнейший остров во всей южной оконечности Архипелага, — с нескрываемым восхищением рассказывала Джанне Итрак. — Имея собственные железные рудники, каждый вождь Улла может набрать сколько ему угодно народу из деревень и вооружить их всех. И, конечно, имея столько земли, не испытывает недостатка в припасах, чтобы их прокормить.

Сможем ли мы одолеть этих дикарей и их грозную волшебю большим числом? Поймет ли Улла Сафар, что это важно для безопасности его владения, и присоединится ли к нам в походе?

Лодка прошла под узким мостом, позволяющим страже перебираться с внутренней стены на внешнюю. В кирпичной

кладке был устроен желоб, по которому помон из крепости спускались в реку. Несколько кирпичей выпали там, где кривая встречалась с внешней стеной, и темное пятно замарало выжженную солнцем красную поверхность. К счастью, их лодка вскоре остановилась у водных ворот внутренней стены. Покинув лодку, Кейда ускорил шаги, желая поскорее убраться прочь от вонючей воды и палящего солнца. Прохлада внутри толстых каменных стен была почти не менее желанна, чем глоток ледяной воды.

— Сюда. — Низко поклонившись и помахивая ладонями, прислужник с гладким лицом повел их лабиринтом проходов и лестниц. Кейда заморгал, привыкая к тусклому свету, пробираящемуся через маленькие оконца, расположенные довольно высоко. Кто бы ни строил крепость, он предпочел тень свету. Преодолев все кольца этой хитрой крепости, они попали в мраморные залы с полами из разноцветных плиток. В углы между стенами и полом были встроены желоба, чтобы пускать по ним прохладную воду. Бассейны с фонтанами виднелись под прозрачными крышами, у которых живыми крутами переплетающихся рисунков встречались проходы. В настоящее время все желоба и бассейны пустовали и никак не помогали смягчить жару в крепости. Цистерны, ждавшие благодатного дождя, стали сухими и пыльными убежищами для домашних ящериц, давно охотящихся здесь на пауков. Наконец гости добрались до хода, выводящего под безжалостное и ослепительное солнце. Прислужник задержался и вновь низко поклонился, взмахом руки предложив вождю идти дальше.

Кейда шагнул вперед, не останавливаясь, сощурился, чтобы защитить их от блеска. Следовало быть как можно осторожнее. Они были в самом центре этой твердыни, внутренний двор которой был превращен в роскошный сад.

Как я вижу, все редкие и чудесные растения, которые привозили вождям Улла полные надежд просители и благодарные подданные, поникли и запылились. Самые ценные целебные травы почти мертвы из-за недостатка воды. Что же, они теперь достанутся только Сафару. А его людям едва ли удастся перевязать порезанный палец.

В этот миг Кейда увидел вождя. Улла со вкусом расположился в роскошном летнем домике посреди сада. Любому, кто

желал бы с ним поговорить, требовалось пересечь пространство, по которому немилосердно било солнце, поражая незащищенные головы. Улла Сафар словно бы и не замечал прибытия гостей. Он чистил ногти кончиком широкого кинжала, одного из тех, которыми славилось его владение, с презанятной рукоятью, предназначенной для чувствительного тычка, снабженной двойными поперечинами, охватывающими предплечье, и наконечником, входящим в ладонь.

— Как я себе представляю, ты затеняешь дорожки в такую жару. Мы об этом всегда заботимся, — безыскусно сказала Джанне Итрак. — Надо будет предложить это Миррел. Странно, что она об этом не подумала, но вообще-то она сейчас по уши занята сандаловым деревом. Полагаю, у нее просто не нашлось времени обратить внимание на что-то еще.

Кейда хранил бесстрастный вид.

«Вождю нет дела до того, что обсуждают женщины» — говорил тебе Дэйш Рейк, и достаточно часто. В любом случае, никто так нежно не играет в это, как Джанне и Рекха. Если Итрак не вынесет ничего другого из нашего путешествия, она все же получит достаточно уроков мудрости, чтобы Чейзен Сарил остался в изрядном долгу перед Дэйшами.

Он приветствовал Уллу Сафара со всем подобающим достоинством.

— Мой господин, всегда удовольствие посетить твой дом.

— Ты здесь желанный гость в любую пору и в любой час, Дэйш Кейда. — Сафар полулежал на небольшой тахте, на которую падала большая часть тени в восьмигранном летнем домике. Домик был выстроен из сандалового дерева, одного из самых ценных предметов торговли владения Улла. Стены его представляли собой резные раздвижные перегородки, которые можно было поворачивать под любым углом, чтобы вернее уловить ветерок. В настоящий миг ветра вовсе не было, даже здесь, на самом верху острова-крепости, но аромат почти опавших розовых кустов со всех сторон смягчал запах тухлятины от реки внизу.

— Джанне Дэйш, я восхищен, что снова вижу тебя. Представь меня твоей очаровательной спутнице. — Улла Сафар поднялся на локте. Зазвенели агатовые ожерелья. Улыбка его,

обращенная к Итрак, была опасно близка к похотливой. Изрядно располневший, с руками, унизированными браслетами, которые, однако, все еще являли мышцы, те, что помогли ему отстоять свое положение старшего сына. Но это было прежде, чем готовность потакать себе довела его до нынешнего жалкого состояния. Его огромный живот заставлял натягиваться ткань шафраново-желтой рубахи, золотые кольца глубоко врезались в пухлые пальцы. Густая черная борода и усы до некоторой степени скрывали его челюсти. Бороду оплетали золотые цепочки, уходившие к длинным волосам и не позволявшие им падать на лицо. Глаза были необычно светлыми для столь смуглого человека.

У него глаза, точно у кошки из джунглей, у Сафара и у его сына Орхана, у обоих.

Кейда приготовился представить Итрак, но его опередила Джанне.

— Тебе известна Итрак Чейзен,— игриво осадил она Сафара.— Чейзен Сарил представил ее нам всем на новогодних празднествах у Редигала Корона.

— Конечно,— ответил Сафар. Его наглый взгляд словно обшарил Итрак с головы до ног, вызвав этим равное недовольство на лицах Телуйета и Бирута.

— Простите меня,— промурлыкал он.

— Мы все забываем самое очевидное,— умиротворяюще произнесла Джанне.— Да еще эта жара и сушь так задержались. Нелегкое испытание.

Даже после этого не самого тонкого намека не последовало приглашения сесть. Кейда повернулся к беседке из ползучих роз, с которых в изобилии падали кроваво-красные цветы.

— Джанне, только понюхай. Они изумительны.

Джанне присоединилась к нему и вдохнула запах, лицо ее озарило блаженство.

— В самом деле. Особый, совершенно неповторимый запах.

Она бережно подняла бархатистый цветок и, когда тот закрыл ее рот, сказала так, чтобы услышал только муж:

— Разумеется, Сафар не будет настолько нелюбезен, чтобы и дальше заставить нас стоять?

— Похоже, он жаждет с самого начала указать нам наше место.

Хотел бы я знать, что это за место, и не надо ли нам постараться убраться отсюда как можно скорее?

Пока он размышлял, послышались голоса, эхом долетевшие по проходу в это святилище благоухания. Служитель сопровождал в сад новых гостей.

— Рит...

— Как я вижу, здесь не совершается важного обряда, ладно, — проговорил Ритсем Кайд с могучей добродушной шутливостью через голову слуги. Но Кейда увидел расчет в его глазах.

С чего ты так осмелел, что даже не собираешься позволить Сафару делать такие различия между его гостями?

— Великий вождь. — Кейда протянул обе руки, и Кайд крепко взял их. Они двое были почти одного роста и сходны сложением, годы упражнений с мечами помогли им нарастить подобающие мышцы на длинные кости. Кайд отпускал курчавые волосы и заплетал от самого затылка, его пышную бороду связывала одна-единственная коса. Ореховые глаза вновь пришедшего встретились на миг с зелеными глазами Кейды, и молчаливая клятва в верной дружбе согрела сердце вождя Дэйшей.

Уронив его руки, вождь Ритсемов повернулся к Джанне и низко поклонился.

— Моя госпожа Дэйш прекрасна, как всегда.

Джанне светло улыбнулась и протянула руку в сторону Итрак.

— Нас не нужно представлять друг другу, не так ли, моя госпожа Чейзен? — Ритсем Кайд поклонился ей столь же низко, сколь и Джанне. — Я желаю только, чтобы мы встретились снова под более благосклонными к нам звездами. Приношу свои соболезнования и соболезнования всех моих жен.

Кейда с запозданием заметил, что при Кайде только его телохранитель и еще несколько слуг.

— Нам не предстает получить удовольствие от их общества?

— Тэйсья со мной, — непринужденно ответил Кайд, — но остальные сочли, что их долг оставаться ближе к дому в такие

неспокойные времена. — Он улыбнулся Итрак, прежде чем щелкнуть пальцами и позвать человека в броне из числа сопровождающих его. — Трия и Ри, впрочем, прислали подарок на память об Олкаи, которая была их сестрой, прежде чем стала твоей. Это Джевин. Ганил хорошо о нем говорит.

Телохранитель вождя Ритсема широко улыбнулся.

— Я дозволил бы ему служить любой женщине из своего владения.

Итрак с усилием искала подобающий ответ, и тогда тепло и радостно заговорила Джанне:

— Как ты добр. Улла Сафар, поскольку мы не присутствуем при важном обряде, прошу извинить нас, мы пойдем и поблагодарим Тэйсью. — Она щелкнула пальцами одному из взопревших слуг Уллы, вертевшихся вокруг летнего домика. — Передай своей хозяйке Миррел, что мы посетим ее, как только она известит, что готова нас принять. — Полы наряда заколыхались вокруг ее окольцованных золотом щиколоток, и она повела Итрак прочь из сада. Бирут и новичок Джевин следовали за дамами плечом к плечу, чеканя шаг.

Джанне, любовь моя, ты приложила к этому руку, или я кровельная ящерица.

Кейда с бесстрастным лицом наблюдал, как они удаляются, уравновешивая широкую торжествующую улыбку вождя Ритсема и нескрываемое негодование Сафара.

— Надеюсь, дожди скоро придут. Жара становится невыносимой. — Кайд передвинулся в тень летнего домика и без приглашения сел на подушку. — Я не удивлен, что твоя стража не может терпеть ее достаточно долго, чтобы сполна отдать честь владению Дэйш. Ты их простишь, не так ли, Кейда?

— Как я предположил, им было приказано уйти в казармы, чуть только их начальники почувствовали, какой жаркий выдался день.

Я что, стану ждать приглашения сестры? Нет, это только тебе на руку, на твою жирную руку.

И Кейда сел напротив Кайда; теперь оба они окружали Сафара на его парчовом ложе.

— Нам нужны все бойцы, так что ни к чему, чтобы половина воинов Уллы валялась, получив солнечный удар.

— Нам предстоят серьезные дела, — начал Кайд. Он был в голубой рубашке, расшитой птицами колибри. Зелень их крыльев соперничала с изумрудами, обильно украшавшими золотые кольца и браслеты.

Хороший знак, что мы оба в голубом.

Кейда вдохнул, собираясь заговорить, но Сафар остановил его.

— Значительные или нет, но придется подождать. К нам еще должен присоединиться Редигал Корон, — он не казался озабоченным.

— Странно, что его пока нет. Ведь ему ближе добираться, чем любому из нас, — кротко заметил Кейда.

Земляной червь, конечно же, задерживается по приказу Сафара.

— Когда он ожидается? — Кайд не скрывал своего неудовольствия.

— Нынче вечером. Или, может, завтра утром. — Сафар небрежно махнул рукой.

— А что мы будем делать пока? — осведомился Кейда с показным спокойствием.

Помимо прочего, искать момент для намека, что ты поддразниваешь Сафара, как раз то, чего мне не надо, Кайд.

— Лучше познакомимся друг с другом, — с раскатистым смехом ответил Сафар.

— Как тебе уютно. — В голосе Кайда прозвучало недоверие. Он оглядел домик и сад. — Орхан не присоединится к нам?

— Орхан? — Сафар был удивлен. — С чего бы?

— Образование твоего сына — твоя забота, мой господин Улла. — Кайд поглядел на Кейду. — Как я понял, Сиркет распоряжается в твое отсутствие?

— С Рекхой Дэйш, которая его направляет, — подтвердил Кейда. — Они передадут дальше любую весть от Чейзена Сарила. Чем скорее мы узнаем, где затаились наши враги, тем скорее сможем замыслить им погибель.

— Благословение — иметь сына, на которого можно положиться. — Вождь Ритсемов, казалось, думал совсем о другом. — Зорат будет вместо меня принимать гостей из владения Эндит. Ты так срочно призвал меня, что у меня не нашлось времени перенести их посещение.

— Здесь слишком жарко.— Сафар щелкнул пальцами телохранителю, который выступил вперед, чтобы стянуть вождя с тахты и поставить на ноги.— Мы обсудим то, что вас тревожит, когда прибудет Редигал Корон.— Он потащился прочь из сада, по пути небрежно дав пощечину рабу, который недостаточно быстро убрался с дороги. Кейда поглядел на Кайда.

— Не слишком выкручивай ему уши. Нам нужны и он и его люди, если мы настроены дать отпор угрозе с юга.

— Может, да, а может и нет.— Кайд без тени раскаяния ухмыльнулся.— Владение Ритсем может призвать отважных воинов.

— В этом я не сомневаюсь, но не в том количестве, какое нам нужно. Не забывай, все твои острова могут поместиться на этом. Кроме того, меченосцам требуются мечи, и нам понадобится сталь Уллы. У меня нет железной руды.— Тут Кейда уловил блеск в глазах Кайда.

— Но у нас она есть, мой друг,— улыбка Ритсема стала шире. Его ровные зубы белели в тени.

— С каких пор? — разинул рот Кейда.

— А с таких, когда предприимчивый паренек подался исследовать пещеры в бесполезной доселе части острова.— Кайд повернул голову и воззрился на смиренного садовника, заботившегося о желтых, тронутых розовыми брызгами, розах.— Не пойти ли нам и не поискать ли чем подкрепиться, учитывая, что наш гостеприимец уделяет нам столь необычно мало внимания?

И этот слуга-соглядатай добросовестно передаст хозяину твоё оскорбление. Что ещё мы могли бы предложить проглотить Улле Сафару?

— Идем, порадуй своим обществом меня и Джанне,— согласился Кейда.— Она будет в восторге от встречи с тобой.

— Я рад.— Кайд вскочил на ноги.— И не против поговорить с ней про Эндита Фелла.

— Не думаю, что она скажет тебе много такого, чего ты еще не слышал.— Кейда поднялся и разгладил свою одежду.— Она только полгода как вступила в брак, когда Эндит Кан умер, а приходилась ему пятой женой.

— Мне по-прежнему любопытно все, что она вспомнит о пристрастиях и антипатиях Фелла,— уверил его Кайд.

— Острова Уллы, хочешь — не хочешь, слишком близки к морскому проливу между твоим владением и землями Эндитов, — сдержанно напомнил Кейда Кайду, когда они оказались за пределами слышимости садовника. — Раздразнишь не в меру нашего толстого друга, и он, чего доброго, решит встать у тебя на пути.

— И тем самым оскорбить Эндита Фелла теперь, когда ему предстоит выбор, с кем торговать железом? — весело отзывался Кайд. — О, я предвкушаю, как всажу несколько булавок в жирную задницу Сафара.

Очевидно, зреет какая-то выгодная договоренность между владением Ритсем и Эндит Фел. Что ты надеешься от нее получить? Когда мне представится случай спросить? Пока что мы бродим по переходам Деразуллы, и сколько угодно внимательных ушей может скрываться в этих похожих на медовые соты стенах.

Как только Кейда подумал это, угодливый слуга возник ниоткуда, кланяясь и потирая руки.

— Мои господа, позвольте мне проводить вас в ваши покои.

— Отведи нас к госпоже Джанне.

Два вождя шагали в молчании, меж тем как безбородый служитель подсказывал и кланялся перед ними. Его бессмысленные хвалы им лились столь же непрестанно, сколь и льстивые слова о его хозяине. Кейда слышал, как Ганил, телохранитель Кайда, идет с Телуйетом в точности в ногу, и при этом нежно звенит броня.

— Насколько ниже мы теперь, чем центр крепости? — резко спросил Ритсем Кайд во время продолжительной ходьбы.

— Мы пришли. — Они завернули за угол, и раб указал им на дверь. — Вот покои госпожи Джанне Дэйш. А ваши чуть дальше в ту сторону, мой господин, — он попытался поклониться и указать одновременно.

— Я позабочусь, чтобы там было все, что потребуется. — И Телуйет направился к двери с лицом, обещающим соответствующее воздаяние, если хоть что-то будет не вполне в соответствии с положением его хозяина.

— Можешь идти. — Кейда отпустил рассыпающегося бисером раба и постучал в дверь Джанне.

Бирут приоткрыл ее на ширину руки с недружелюбным и мрачным лицом.

— Мой повелитель, — лицо его прояснилось, он распахнул дверь настежь. — И господин Ритсем, мои госпожи.

Джанне сидела с Итрак на полуночно-синем ковре, расшитом звездами и окаймленном, как озеро берегами, роскошными тутими подушками. По бокам, на хитрой резьбы столиках сандалового дерева, высились серебряные курильницы в виде берущих след собак и неглубокие миски из глины, расцвеченной кобальтом, где горами лежали желтые розовые лепестки. Благодаря белой мраморной облицовке стен наполовину погруженный в почву древнего речного острова чертог был легкий и воздушен. Свежие побеги визайла, которыми были наполнены высокие вазы из алебаstra, наполняли помещение стойким запахом. Пол был выложен ослепительными плитками, образовывавшими прихотливый зелено-синий узор. Окна высоко в выходящей на север стене были затенены занавесями, как и лестница, ведущая наверх и наружу в уединенный садик, откуда слышался плеск фонтана и долетал аромат душистых деревьев.

— Это помещение тебе подходит, жена моя? — немного недовольно спросил Кейда. — Пожалуй, оно маловато.

— Оно вполне годится для меня, мой супруг. И здесь прохладней, чем в любом, что выше. Несомненно, Миррел Улле хватило ума понять, что для нас важнее наши удобства, чем что угодно еще в такое тяжелое для людей время. Бирут, дай питья нашему господину и нашему почетному гостю.

Джанне кивнула рабу, который подхватил с бокового столика великолепный набор из кувшина и кубков, блистательную работу джахалов.

Кейда принял кубок, который протянул ему Бирут, и осторожно принялся.

— Сок лиллы и вода из родника. — Джанне кивнула музыканту, сидевшему в углу с более скромными ковриком и подушками. Тот щипал свою круглую лиру, извлекая из нее негромкую песенку. Подняв бровь, он завел что-то поживей, бурно взмахивая рукой.

— По меньшей мере, он не пытается отравить нас речной водой.— Кейда пожал плечами и выпил.

— Будет приятно попробовать что-то новое после лиллы, когда настанут дожди,— неожиданно произнесла Итрак.

Ритсем Кайд осушил свой кубок и держал его, чтобы наполнить вновь.

— Где тебя разместили, Итрак Чейзен?

— Она делит эти покои со мной,— ответила за нее Джанне, блеснув глазами.

— Миррел Улла предложила мне покой в своей части дома,— с неуверенностью в голосе сообщила Итрак.— Поскольку я здесь без собственных сопровождающих.

Кайд фыркнул.

— Ты здесь с Джанне, прославленной первой женой, муж которой — почетный гость. Она просто хотела запереть тебя вместе с женщинами Сафара, и нам стоит обратить на это внимание.

— Это как раз то, что я подозревала,— согласилась Джанне.

— Как я понял, ты готов жениться безотлагательно? — Кайд пронизательно поглядел на Кейду, а затем на Итрак.— Если услышишь от Чейзенов худшее?

Значит, ликуя по поводу твоих новых возможностей и замышляя союз с Эндит Фел, ты в состоянии подумать о сложном положении Чейзенов? Это успокаивает.

— Я думал, что меньшей пощечиной Сафару было бы, если бы она вышла за Сиркета.— Кейда подбадривающе улыбнулся Итрак.— Но будем надеяться, до этого не дойдет.

— Вы на что намекаете? — Итрак воззрилась на обоих вождей, откровенно растерянная.

— Я не думаю, что стоит обсуждать с Итрак некоторые особенности ее нынешнего положения,— укорила мужчин Джанне, наградив их угрожающим взглядом.— Не теперь, пока она еще оплакивает смерть Олкан Чейзен.

— Если Сарил убит,— сказала Итрак с потемневшими от боли глазами,— я просто отправлюсь во владение Телус. Мой отец охотно примет меня обратно.

— Твой отец далеко отсюда.— Джанне не без усилия воздержалась от прямого укора по поводу такой наивности.— Теперь,

когда Олкай мертва, а судьба Секни неизвестна, ты старшая жена во владении Чейзен, и как таковая обладаешь известной властью, если мы вдруг услышим, что Чейзен Сарил мертв.

Итрак закрыла лицо дрожащими руками. Бойкая музыка лиры словно насмеялась над ее отчаянием. Флейтист подхватил наигрыш, пытаясь заглушить поднимающиеся в чертоге голоса. Джанне тесно обняла Итрак своими несущими утешение руками, но ее мягкий голос звучал неумолимо.

— Нет ни одного ребенка Чейзенов, достигшего возраста благоразумия. А если бы даже и были такие, владение все же стало бы уязвимым без надежного советчика и опекуна. То был долг Олкай, но раз ее нет, ты должна взять это на себя.

— Твой долг перед владением — вступить в брак с мужчиной, достаточно сильным, чтобы править как вождь, пока один из детей Сарила не повзрослеет настолько, чтобы принять власть, — трезво согласился Кайд.

— Вот почему я подумал о Сиркете, — объяснил Кейда. — Его ждет наследство, и он не станет лишать наследства детей Сарила в пользу своих.

Нет, во всяком случае, пока я жив, чтобы выдубить ему шкуру.

Кайд выразительно покачал головой.

— И так, и эдак — Сиркет не здесь. Брак нужно заключить в тот самый день, когда почтовая птица принесет весть о смерти Сарила, Итрак, если ты хочешь уберечь владение. Тебе бы следовало взять Сиркета с собой, если имелся такой замысел, Кейда.

— Я не был готов везти его навстречу такого рода опасностям. Не больше, чем ты Зората, — возразил Кейда.

— Зорат нужен на островах Ритсема, — объяснил Кайд.

— Будь один из них здесь, Сафар просто стал бы их доводить, чтобы вызвать грубость или спор, и это дало бы ему повод пренебречь нашими истинными заботами, — резко произнесла Джанне. — Мы не можем позволить себе потакать ему, когда под ударом вся наша безопасность. Если мы не встанем все вместе против колдовства, мы пропали!

Упоминание о колдовстве заставило замолчать всех, даже рокочущую лиру и порывистую флейту музыкантов. Джанне

разъяренно щелкнула пальцами, и оба поспешно заиграли вновь. Музыка едва ли скрыла внезапные рыдания Итрак.

— Почему мы так говорим? Можно подумать, Сарил уже мертв. А если даже и так? Откуда нам знать? Кто станет держать острова Чейзен, терзаемые волшбой и чудовищами, да еще если все окажутся мертвы — Сарил, Секни и все дети, как бедная Олкаи, скончавшаяся в мучениях от...

— Бирут, дверь, — быстро сказала Джанне, указывая на вход в спальню. — Поднимем-ка ее. — Убедившись, что рыдающая молодая женщина не в силах стоять, Джевин проворно взял ее на руки. — Кейда, дай нам что-нибудь, чтобы успокоить ее, иначе она никуда не будет годиться ко времени встречи с Миррел, когда эта сука соблаговолит нас принять.

— Конечно, — Кейда повернулся и поспешил в свои покои рука об руку с Кайдом. — Телуйет, мою аптечку. — Он порылся под рубахой, ища ключ на цепи у пояса, меж тем как Телуйет вручил ему ящичек из окованного серебром атласного дерева.

— Прости, я так понял, что обсуждается ее будущее... — и Кайд замолчал.

— Нет, — коротко ответил Кейда. Он порылся среди плотно запечатанных стеклянных сосудов и нашел тот, который требовался. — Она едва ли отошла от потрясения после всего, что случилось. Телуйет, чашку воды без сока.

— Серебряная сеть? — Кайд наблюдал, как Кейда встряхивает серовато-белую гущу и сбрасывает малость ее в чашку, которую вручил ему раб. — Ты не думаешь, что ей нужно что-нибудь покрепче?

— Это успокоит ее, но не отупит. — Кейда размешал снадобье в воде, наблюдая, как она становится туманной. — Нам всем сейчас нужно хорошо соображать.

— Я был уверен, что вы уже говорили с ней, из чего ей придется выбирать, — вновь попытался оправдаться Кайд.

— Дай это Джанне. — Кейда вручил Телуйету чашку и махнул рукой: мол, пошел. И впервые разглядел свой покой. Выбранный за такую же роскошь, что и предложенный Джанне, он был с такими же мраморными стенами, но отличался кремовыми и красными плитками пола.

— Ты позволил Олкаи умереть в мучениях? — внезапно спросил Кайд.

— Что? — Кейда в ужасе поглядел на вождя Ритсема. — Как ты можешь такое спрашивать?

— Твои послания были недостаточно ясны, — неловко пожал плечами Кайд. — Сарил ухаживал за ней перед тем, как ты ее нашел?

Ищешь виноватого, не так ли?

— Я сам заботился о ней, пока она не умерла. — Кейда нарочито медленно закрыл свою аптечку. — Ее служанки сделали все, что могли. Их нельзя упрекнуть в недостатке внимания. Я применил к ее ожогам все искусства, каким обучил меня отец. Но с самого начала было ясно, что она обречена. Прости. Все, что я мог — это облегчить ее страдания. И, поверь мне, я это сделал. Я знаю, от этого не легче пережить ее кончину.

— Она была лучше нас всех. Все любили ее. Потому-то мой отец и позволил ей выйти по зову сердца за этого ничемного собирателя морских даров Сарила. — Скорбь перекосила лицо Кайда. — Отец говорил, знамения благоприятны. Не иначе, как старый дурень что-то проглядел. И Сарил, вне всяких сомнений, проморгал все приметы в минувшем году, раз не предвидел такого бедствия.

— Чародейство насмехается над всеми и всяческими знаками, — мягко напомнил ему Кейда. — И нельзя корить за это Сарила. Я не мог прочесть сколько-нибудь ясных знаков к югу от Зубов Эмеи. Впрочем, миазмы, кажется, не распространились севернее. Я достаточно ясно могу наблюдать приметы с тех пор, как опять попал в свои воды.

Ты и представить себе не можешь, каким это было облегчением, друг мой.

Кайд приложил ладонь тыльной стороной к своим закрытым глазам, прежде чем проговорить с вялым презрением:

— Что нынче поделявает наш достойный союзник Чейзен Сарил?

— Бьется за возможность удержаться в своих владениях, чтобы его люди могли вокруг него сплотиться. — Кейда тщательно подбирал слова, помня, что вокруг полно любопытных ушей. — Посылает разведчиков и ловит новости, чтобы мы

могли получить представление, какие, собственно, острова удерживают эти захватчики и где могут затаиться их колдуны. Нам понадобится знать все, что можно, когда мы двинемся, чтобы прогнать их обратно в южный океан.

Мысли Кайда все еще блуждали вокруг Олкаи.

— Ее взяли в башню молчания Дэйшей? Знаю, я не имею права ничего здесь решать, но я предпочел бы, чтобы ее добродетели принесли благо твоему владению, чем вернулись к Чейзенам.

— Это кажется лучшим, что можно сделать, — несколько неловко согласился Кейда. — Если уж нынче волшба угрожает с юга, я не хотел бы, чтобы то, чем была Олкаи, оказалось осквернено.

Кайд собирался сказать что-то еще, но в дверь постучали. Ганил, в молчании ждавший, когда от него что-то понадобится, отворил, и они увидели безбородого раба.

— Мои господа. — Он глупо улыбался, явно норовя втереться в доверие. — Редигал Корон прибыл неожиданно рано. Поскольку вы находите, что дело у вас срочное, Улла Сафар приглашает вас присоединиться к ним обоим в его палате для приемов.

— Все в свое время. — Кейда подал знак, и Ганил захлопнул дверь перед лицом слуги.

— Он с нами играет, — прорычал Кайд.

— Конечно. — Кейда не особенно дружелюбно и весело улыбнулся. — Выбитые из колеи и голодные, такими мы ему нужны.

Пока он говорил, дверь снова отворилась. Хмурое лицо Ганила просветлело, когда он увидел Телуйета, несущего обширное блюдо со свежими плодами и корзину, с горкой полную грубо наломанного хлеба.

— Мы заставим Сафара подождать — пусть он поймет, что мы не согласны бегать туда-сюда по его свистку. — И Кейда наложил себе съестного. — И позаботимся, чтобы в животах у нас не урчало, не то это даст ему повод оборвать любой спор.

— Ты что-то говорил о том, что я выкручиваю Сафару уши. — Кайд с хмурым видом жевал неровного цвета хлеб. —

Сколько еще оскорблений ты готов проглотить? Такой грубый хлеб гостям не дают.

— Его не давали, его взяли, — ухмыльнулся Кейда.

Телуйет заговорил по кивку хозяина:

— Это хлеб с кухни северных слуг. Плоды из прихожей перед палатами для приемов Миррел Уллы и Уэй Уллы. Я сам их почистил и нарезал.

— Ну уж ты никак не мог успеть все это за такое время. — Любопытство загорелось в глазах Кайда, когда он взял ломтик дыни, стараясь, чтобы сок не запятнал его роскошный наряд. — Кто?..

— Пойдем и посмотрим, готовы ли наши женщины, а? — Кейда принял влажное полотенно из рук Телуйета и вытер сок звездоплода с пальцев.

— Они нужны нам в палате для приемов? — Кайд терпеливо стоял, пока Ганил смахивал с его груди крошки, настоящие и воображаемые. — Чем больше там будет народу, тем больше смятия попытается посеять Сафар.

— Вот именно, — согласился Кейда. — Потому-то Джанне и будет держать Миррел и Уэй подальше от нас четверых. Идем?

— Как пожелаешь, Дэйш Кейда. Давай покажем Улле Сафару, что пришло время внимательно отнестись к нашему делу здесь, — задиристо произнес Кайд.

— Помнишь дорогу? — спросил Кейда уголком рта.

— Думаю, что да. — Но в голосе Кайда не прозвучало полной уверенности. Они вышли наружу, и рабы добросовестно двинулись за ними по пятам. Пройдя по галерее, они одолели первую лестницу, ведущую на верхние этажи острова-крепости.

— Отсюда на восток, — подсказал Ганил еле слышно, когда Кайд замедлил шаги у развилки одинаковых путей.

— И на север у следующей лестницы, — пробубнил Телуйет.

Кейда и Кайд обменялись ухмылками, но к тому времени, когда они одолели лабиринт крепости и повернули в короткий переход, завершавшийся у тяжелых дверей черного дерева с грубой резьбой, лица у обоих были мрачные и оцепенелые.

Глава 7

— Доложи о нас, Телуйет.— Кейда задержался и бросил на стражей в броне по обе стороны от входа один из самых бесстрашных своих взглядов.

Мы предстанем перед Уллой Сафаром и Редигалом Коронном во всем блеске или никак.

— Отворите Дэйшу Кейде, сыну Дэйша Рейка, чтецу знамений, учредителю законов, целителю и покровителю всего, что объемлет его владение! — с вызовом крикнул Телуйет, положив руки на рукояти обоих мечей.— Отворите Ритсему Кайду, сыну Ритсема Серно, правителю, ученому, предсказателю и защитнику всего, чем славится его владение!

Стражи низко поклонились и распахнули тяжелые створки. Телохранитель Уллы Сафара ждал за самой дверью с обнаженными мечами в обеих руках.

— Вступите туда, где вам рады, чтобы принести вести, поучаствовать в совете и приобщиться к мудрости Уллы Сафара, блюстителя нашего здоровья, богатства и справедливости.— Он с мощным лязгом убрал мечи в ножны и отступил. Телуйет снял руки с рукоятей собственных клинков и провел в палату обоих вождей.

Значит, у Сафара новый служитель, сочиняющий ему хвалы, и такой, которому по вкусу скорее нарочитая пышность, нежели точность. У нас о богатстве владений пекутся жены. Посмотрим, не состряпал ли человек Сафара нечто подобное, новое и цветистое, чтобы это провозглашал телохранитель Редигала Корона.

Четвертый вождь уже сидел близ Сафара спиной к длинным окнам, проливающим яркий солнечный свет в просторный и высокий чертог. Если бы понадобилось, здесь, без сомнения, с удобством разместились бы старейшины всех деревень этого обширного острова. Крышу, находившуюся двумя этажами выше них, поддерживали столбы железного дерева, покрытые лозами с до блеска начищенными золотыми листьями. Балки над головой состояли из хитро вырезанных и ярко раскрашенных зверей: диких кошек, крюкозубых свиней, водяных быков и

болтливых обезьян, которых выдумщики-дети называют хранителями леса.

Один из оравы старых слуг, которая таскалась повсюду с тех пор, как Корон захватил власть, седоволосый, чисто выбритый раб, смиренно преклонил колени на месте телохранителя, как раз позади вождя. Меченосец сидел чуть дальше в глубину, крепко сбитый юнец с бычьей шеей и намеком на заносчивость. Кейда не узнал его, но он редко видел Корона в сопровождении одного и того же раба. Редигал Корон выглядел настороженно.

Как будто нам нужно увидеть твое лицо, Корон, чтобы знать — ты станешь угождать Сафару, какой бы совет твой мудрый советчик ни нашептал тебе в ухо.

Вождь Редигал был могучего сложения, с длинными ногами, на добрую голову выше прочих вождей. Самый старший из собравшихся, начинающий сидеть, он никоим образом не миновал еще пору своего расцвета. С крепкими мышцами и излучающей здоровье темной кожей под обилием украшений из топазов и серебра, трубивших о благоденствии его плодородных и мирных земель. Живой узор из скачущих золотых оленей украшал его пурпурную атласную рубаху, а преследовавшие оленей стрелки с луками были вышиты на его верхнем платье без рукавов.

В чем же дело, почему столь обласканный судьбой человек настолько бесхребетен? Получил бы я ответ или нет, если бы знал Редигала Адуна? Ты никогда не говорил мне, Дэйш Рейк, почему ты его так невзлюбил. Не он ли ключ к загадке неудач своего сына? Или дело в твоих верных спутниках, Корон, в этих седовласых заморинах, что всегда у твоего локтя с тех пор, как ты присвоил себе достояние и звание своего отца? Те из нас, кто думал, что это преходящая помеха, разумеется, оказались неправы; ибо приемные сыновья и племянники вступают в ближний круг по мере того, как старики удаляются на покой с немалыми удобствами и роскошествами.

— Мы ждем кого-то еще? — Кайд стоял, сложив руки, и глядел на Сафара, откинувшегося на многочисленные подушки у северного конца великолепного ковра, устлавшего огромный покой.

Кейда заметил, что у всех прочих по одной подушечке с ярким узором из гранатов.

— Не сядем ли мы?

— Конечно, — непринужденно произнес Сафар. — Посмотрим-ка, не можем ли мы определить смысл этого переполоха. Ты поступил мудро, решив искать моего совета, прежде чем позволить слухам разнести ненужную тревогу по всему югу Архипелага.

Кейда использовал это время, чтобы устроиться лицом к хозяину. Кайд, сев, замкнул четырехугольник стран света и принялся тщательно изучать Корона взглядом. Раб Корона нахмурился и подался вперед, что-то зашептав на ухо господину. Кейда услышал звон, когда Телуйет встал на колени позади него, как и положено в высоком собрании рабу, готовому обнажить меч и умереть за своего господина.

Позаботимся, чтобы ни в чем подобном не возникло необходимости.

— Мы ожидали тебя, самое раннее, нынче к ночи, — обратился Кайд к Корону с тенью ядовитой насмешки. — Отрадно видеть, что ты предпочел поторопиться, когда нам предстоит решить, как вести себя перед лицом столь грозной опасности.

— А вот ты как раз слишком торопишься, — прервал его Сафар с неприятной улыбкой. — Нам следовало бы прочесть знамения для этого совета.

— Я читал в небесах каждую ночь, пока мы сюда добрались, — сказал Кайд с едва скрытым презрением.

— Как и я, — громко заговорил Кейда, не дав Сафару возразить. — Рогатая Рыба восходит — ясный знак, что нам не следует пренебрегать руководством звезд. Небесный Рубин, двигаясь из дуги дружбы в область наших врагов, советует быть храбрыми и едиными.

— Он лежит на одной линии с Топазом, что отмечает год, — добавил Кайд. — Яснее ясного, что эти события поистине важны.

— Оба эти камня оказались по направлению прямо против Аметиста, камня, помогающего рождению новых мыслей, талисмана от гнева, — продолжал Кейда, скрывая раздражение

по поводу того, что Кайд перебил его. — Аметист движется вместе с жемчужиной Малой Луны в небе, где мы ищем знаков, говорящих об участии наших детей. Яснее некуда: если мы хотим избавить свое потомство от будущих бед, мы должны действовать сообща.

— И Аметист, и Жемчужина движутся среди звезд Морского Змея, — неожиданно заговорил Корон. — Это сложный знак, он может намекать на тайных врагов и неожиданные опасности, и прежде всего — для детей. Мы должны быть осторожны в своих суждениях, и ты в особенности, Дэйш Кейда, ибо Жемчужина весьма значимый символ для твоего владения.

— Бриллиант, означающий верховенство, лежит в дуге братства, окруженный звездами Чаши — это совет все делить меж друзьями и союзниками, — Кейда не сводил глаз с Уллы Сафара.

— Но дуга, в которой находится Опал, Большая Луна, говорит о необходимости позаботиться о себе, так что мы должны положиться на собственное чутье. Она сияет сквозь ветви Древа Кантиры, которое напоминает о круговороте бытия — жизни, смерти и возрождении. — Светлые звериные глаза Уллы Сафара почти скрыли жирные складки. — Как прорастут семена кантиры, если их сперва не опалит огонь? Мой долг, долг правителя этого владения — позаботиться о том, чтобы мы нашли себе достойного предводителя. — Сафар скоро и небрежно хлопнул в ладоши, загремев при этом агатовыми браслетами.

*Это первое, властитель Сафар. Твое отношение к про-
рицательским обязанностям, самое меньшее, безответствен-
но, не говоря уже о возможности для тебя унижить моего
сына или сына Кайда под видом оказания им чести, а затем
оспорить любое толкование самых простых знамений, какое
они ни дадут.*

Исполнительный слуга торопливо вбежал в чертог, неся небольшую окованную медью клетку из белых прутьев. Он преклонил колени перед Сафаром, поставил клетку на пол и отступил с таким низким поклоном, что ударился лбом оземь с явственным глухим стуком. Кое-как поднявшись, он убежал через дверь.

Сафар с криканьем подался вперед, объемистое брюхо мешало его попыткам дотянуться до клетки. Открыв ее, вождь Улла сунул внутрь жирную лапищу и достал маленькую зеленую ящерицу — веер черных чешуек венчал заостренную головку, черная полоса бежала по спине до кончика костистого хвоста.

— Мы готовы?

Не дожидаясь какого-либо ответа, вождь Улла полууронил полубросил пищащее пресмыкающееся на ковер между ними. Оно приземлилось со шлепком и скорчилось, растопырив длинные пальцы по незнакомой поверхности, покачивая головой и пробуя воздух осторожным языком. Затем сделало несколько неуверенных шагов в направлении Корона, прежде чем замереть, в испуге подняв гребень из чешуек над головой. Круто повернув, ящерица бесшумно засеменила к Сафару и пропала в подушках, нагроможденных за спиной толстяка.

— Судя по всему, ответственность за проведение нашего совета остается на мне, — заметил Сафар с нескрываемым самодовольством, меж тем как его телохранитель начал поспешно искать ящерицу среди подушек.

— Впрочем, когда подступают столь нешуточные заботы, нам следует обращаться ко всем возможным предсказаниям, — с подобающей сдержанностью осадил его Кайд.

— Давайте изучим небеса на закате, облака и полет речных птиц, — предложил Кейда.

Уж их-то ты не мог натаскать, как ящерицу, которая последовала какому-нибудь неуловимому запаху.

— Очень хорошо. — Сафар изобразил изумление и сделал вид, будто пытается встать. — Мы можем снова собраться утром.

— Ты меня неверно понял, — резко произнес Кейда.

— Мы обсудим эти угрозы теперь, — настойчиво подхватил Кайд.

— Мы должны обратиться ко всем доступным нам знамениям, чтобы провидеть наилучший образ действия, прежде чем приступим к действию, — осторожно согласился Редигал Корон. Седовласый раб за его плечом сохранял бдительность.

— Как пожелаешь, — Сафар пожал мощными плечами и опять устроился на подушках. — Теперь, Дэйш Кейда, как ты думаешь, что ты видел на заросших берегах Чейзенов?

Раб Сафара поймал ящерку и неуклюже пытался вернуть ее в клетку. Кейда поглядел вниз и насчитал четыре белых трубоцвета и пять синих лодженов, вплетенных в узор ковра, прежде чем пресмыкающееся было водворено в клетку и унесено. Тогда он поднял глаза.

— Не думаю, что я что-нибудь видел. Знаю, я видел чудовищ, порожденных нечестивой волшбой, и они принесли смерть и раны моим людям и людям Чейзен. Но не с этого началось, и это не было худшим.

Это кажется почти невероятным, словно повествование стихотворца о вымышленных ужасах, и все же так было, это случилось, это истинно. Тебе придется мне поверить.

Он вздохнул и подробно описал первую тревогу, поднявшую на ноги весь двор Дэйшей, а затем продолжил, упомянув обо всех тяготах плавания на юг и о горе, которое вызвали страдания Олкан Чейзен. Видя, что Сафар готов его прервать, Кейда не дал ему такой возможности, настойчиво повествуя об их неожиданном первоначальном успехе на юге, за которым так скоро последовал ужасающий отпор в виде нападения чудовищных ящеров. Рассказ о смерти Атуна вызвал какое-то скрипучее движение Телуйета позади Кейды, и вождь Дэйшей увидел, как заморин Редигала внимательно смотрит на раба. Прочистив горло, он заключил свой впечатляющий рассказ о событиях, которые всколыхнули такие волны ужаса по всем южным пределам.

— Теперь Чейзен Сарил держится с небольшим количеством болотных островитян на южной окраине своего владения. Он стремится в точности разузнать, где собрались захватчики и с какими силами, равно как и к скольким волшебникам, они вызывают. Я непрерывно отправляю к нему почтовых птиц, так что он может прислать подробную весть о каждом новом открытии Рекхе Дэйш. Сиркет предупредит нас о любом значительном развитии событий, пока мы здесь.

— Ты доверяешь мальчишке решать, что значительно? — Веселость Сафара граничила с недоверием.

— Да. И с ним Рекха Дэйш, чтобы ему советовать, — с твердым спокойствием ответил Кейда.

Только попробуй обрызгать грязью мудрость моей второй жены, Сафар, в то время как твои женщины часто оказываются посрамлены, когда имеют с ней дело.

— Теперь, когда вы слышали своими ушами то, что Кейда сообщил нам в запечатанных тайнописных сообщениях два дня назад, — жестко сказал Кайд, — давайте не будем больше тратить время, топчась на месте. Пора действовать.

— Не вижу для себя надобности действовать, — Сафар с искренней беззаботностью улыбнулся. — Это не моя забота. Владение Чейзенов во многих днях плавания даже для самой скорой из моих трирем.

— Это станет твоей заботой очень скоро, если чародеи придут на север, — возразил Кайд.

— Если я не ошибаюсь, Дэйш Кейда, они не выказывают признаков готовности идти на север. — Сафар поглядел на него с вежливым вопросом на лице. — Кажется, они даже не напали на Чейзена Сарила еще раз?

— Пока нет, — натянуто ответил Кейда. — Как я полагаю, они находят, что близящиеся бури сделают любое плавание слишком опасным. У меня есть свои основания ожидать, что они явятся на север во всей своей силе, как только дожди пройдут, возможно даже — как только наступит первое затишье посреди бурь.

Если только они не способны укрощать воду не хуже, чем огонь — тогда до погоды им просто нет дела. В таком случае все мы в большей беде, чем можем себе представить. Но ты не можешь себе представить, не так ли, и любой из вас? Вы не видели то, что видел я.

Раб Редигала Корона что-то ему прошептал. Корон прочистил горло.

— Было бы неплохо решить, что делать, если они придут на север, как только дожди закончатся.

— Поскольку твое и мое владения первые, которым грозит вторжение, — согласился Кейда с не знающей уступок суровостью.

— Это, безусловно, дало бы мне причину для беспокойства, — уверил Сафар Корона. Вождь Редигал не выглядел убежденным.

Важнее то, что не убежден его раб.

— Будет, пожалуй, поздно беспокоиться, когда они высадутся на наших пляжах,— отчетливо и с горечью произнес Кайд.— Давайте остановим их теперь, прежде чем они даже подумают о нападении на владения Дэйш и Редигал.

— Но кто они? — взмолился Корон.— Чего они хотят?

— Они должны чего-то хотеть, кто бы они ни были.— Сафар теперь выглядел несколько бодрее.— Что им понадобилось у Чейзенов?

— Понятия не имею.— Кейда не возражал против того, чтобы остальные увидели его досаду.

— Не вижу, чтобы нам требовалось это знать для войны с ними,— уверенно произнес Кайд.

— Они воюют с помощью волшебства,— отрезал Сафар.— Как мы его отобьем?

Корон с беспокойством кивнул.

— У нас не хватит талисманов даже чтобы отвести чары от одного из десяти наших воинов. Если мы обратимся в другие владения, чтобы приобрести нужные камни, то просто лишимся всего, что можем предложить взамен.

Из твоих уст звучат слова Уллы Сафара, не так ли?

— Сомневаюсь.— Кейда повел подбородком.— Только не тогда, когда мы останавливаем поток темных козней, не давая ему достичь наших берегов.

— Думаешь, кто-то поверит нашим заявлениям о колдовстве, прилетевшем с южного океана, подобно смерчу? — Сафар покачал головой.— Ты хочешь попытаться убедить Туле Нара, Визелиса Илса, даже Эндит Фел? Нет свидетельств о волшебстве ни на одном из островов во все времена, о которых помнят.

— Самые северные из владений не знают покоя от волшебников,— Корон бросил взгляд через плечо, ища подтверждения у своего раба.

— Я все еще с трудом могу этому верить.— Голос Сафара зазвучал сухо и насмешливо.— Вы уверены, что это было не ложное видение, что его не вызвало какое-то снадобье в вашей воде для питья или дым, окутавший ваши корабли?

— Поверь этому,— холодно произнес Кейда,— прежде чем основание твоей крепости охватит колдовской огонь.

— Ты уверен, что это не обман и не подделка? — спросил Корон.

Кейда уставился на него в упор, не мигая.

— Не ложное видение разорвало Атуну лицо и облило меня его кровью. Не безобидный дым опалил Олкаи, так что ее рука стала обутленной костью, и обрек ее на смерть в течение нескольких дней, полных невыразимых страданий. Мы можем призвать Чейзен Итрак, чтобы она поведала, что пережила, если тебе угодно мне не верить. Хотя, должен тебя предупредить, Джанне Дэйш не будет довольна, если Итрак подвергнется такому испытанию. — Он отвел взгляд от Сафара. — Кто вздумал бы без надобности заявить, будто его владение стало жертвой вторжения волшбы и осквернено ею? Чейзен Сарил? Что он мог бы надеяться выиграть?

— Кто знает? — Сафар поглядел на него с вялым безразличием. — Предлагаю тебе вернуться на твои острова и приготовиться к встрече с угрозой. Я предприму что нужно, чтобы совладать с ней, когда она подступит к моим рубежам. Может статься, дикари и их колдуны найдут то, что ищут, среди народа Чейзенов, и ничем не побеспокоят нас.

— Но как мы справимся с их кознями, если они придут на север? — Корон определенно был на взводе и даже не обращал внимания на своего доверенного раба, который явно хотел что-то ему шепнуть.

— Представить себе не могу, как это чародей лучше защищен от удара стрелы в глаз или меча по шее, чем любой другой человек, — Сафар пожал плечами. — Сколь многих мог бы такой убить, прежде чем один из нас доберется до него и положит конец злу? У меня полно людей, готовых на него броситься.

— Рад это слышать, — сказал Кейда. — Все они понадобятся на юге.

— Откуда ты знаешь, что эти колдуны не защищены от любых мечей и стрел? — Редигала Корона, похоже, одолела дурнота. — Древние предания рассказывают о чудотворцах, что не поддаются ни железу, ни камням из пращи, не горят в огне, не тонут в воде.

— Тогда давай поищем в тех же преданиях хоть какие-то намеки, как одолевали подобную волшбу, — настойчиво предложил Кайд.

— Если меня что и беспокоит, то это колдовская скверна, — нежно проговорил Сафар. — Мой долг перед людьми — хранить их от любого соприкосновения с этой мерзостью.

— Я всегда верил в невиновность тех, кого против воли коснулась волшебство, — твердо сказал Кейда.

— Как и я, — кивнул Кайд.

— Между тем многие из моих книг утверждают обратное. — Сафар покачал головой, прекрасно изображая сожаление. — Очищение приносит плоды далеко не всегда. Те, кто отправится на войну, вполне могут оказаться изгнаны со своих островов.

— В этом споре приводятся несокрушимые доводы с обеих сторон. — Когда Редигал Корон заговорил, его раб подался вперед и шепнул какие-то торрпливые слова.

— Тем больше причин не лезть на рожон, пока не возникнет угроза для моих вод, — вздохнул Сафар.

— Ты думаешь, твои люди поблагодарят тебя за то, что ты тешился отвлеченными вопросами когда однажды, проснувшись, они увидят, что колдовство осаждает их? — отрубил Кайд.

Думаешь, я поверю, будто ты изучаешь свои летописи и все эти обширные тома доводов и наблюдений, когда ты едва ли научен грамоте, и, что еще хуже, ты этого не стыдишься, жирный и потный боров, не видишь позора в подмене мудрости наглостью, с помощью которой и править своим огромным владением?

Кейда изучал хитрое лицо Сафара. Ниже покрытых растительностью челюстей он увидел решительно выпяченный подбородок, а светлые глаза излучали неприязнь.

Я мог бы сидеть здесь и болтать, пока солнце не сядет, а обе луны не взойдут и не зайдут, а ты так и не согласишься биться с этими неведомыми захватчиками. Я бы мог привести сюда Итрак и добиться, чтобы она вновь пережила каждый чудовищный миг своего испытания, но результатом станет то, что у тебя вызовет приятную щекотку вид женщины в горе. Телуйет говорил мне, как тебе по вкусу синяки у твоих наложниц. Ты засядешь здесь, в своей огромной крепости, точно жаба под скалой, и будешь наблюдать, как владения к югу от твоего одно за

другим попадают в руки этих нечестивых колдунов, и даже счастлив будешь видеть, что твои соперники достались в жертву такому врагу. Ты станешь биться только тогда, когда чародейство начнет угрожать владению Улла.

Тут ужасное подозрение холодом пронеслось по хребту Кейды.

А будешь ли ты биться? Или, если найдешь то, что ищут эти мерзостные дикари, ты предложишь им сделку ради мира в твоих землях? Тебя не беспокоит, если любой чужой остров в южных морях осквернится волибой, лишь бы все, над чем ты властвуешь, продолжало служить твоим гнусным прихотям.

Кейда принялся разглядывать ползущие вперед бесчисленные усики зеленых лоз и более темные листья, которые вились по рыжевато-шелковому ворсу ковра. Синие цветы лоджена, казалось, в беспорядке мелькают среди белых трубоцветов и путаницы желтых ползучих огоньков.

Ковер может выглядеть как мешанина видений, посетивших ткача, пока он работал за станком. В конце концов, никто не видел ткача, повторяющего узор, и нет украшения, которое одинаково использовалось бы дважды на расстоянии вытянутой руки от тебя, не так ли? Встань, сын мой, и раздели разные сущности. Проследи каждую отдельную составляющую. Тогда ты увидишь рисунки, сокрытые от неопытного глаза теми, кто их создавал.

Кейда оторвался от изысканного переплетения темных лоз, бегущих наискось через ковер, от трубоцветов и ползучих огоньков, образующих свой особый узор на пустых участках.

Он поглядел на Сафара, а затем на Редигала Корона.

— Есть другие возможности, которые мы могли бы рассмотреть.

— Послушаем! — Судя по отчаянию Ритсема Кайда, он осознал: Улла Сафар не собирается ничего делать.

— Даже собственными глазами посмотрев на этих чудовищ, мы ничего не узнали о чародействе, кроме того, насколько большое зло влечет оно за собой. — Кейда сглотнул. — Как ты говоришь, на памяти живущих никто в этих краях не видел волшебников. Но жителям северных островов не выпало такого счастья. Мы все слышали о варварских набегах, о захвате пряностей и рабов и о грабеже купеческих галер.

— Это ничего нам не дает. — Сафар не сдвинулся с места. — Мой отец говорил мне, что в минувшие дни страны, терзаемые волшебниками и находившиеся у границы беспредельных земель, дорого платили варварам за драгоценные камни. Таким образом в тех краях царил мир — до тех пор, пока было возможно откупаться от захватчиков, возомнивших о себе невесть что из-за своих чар, а не проливать кровь жителей Архипелага. — Кейда порадовался тому, что увидел на лице Кайда, застигнутого этим неожиданным замечанием врасплох. Раб позади Корона тоже внимательно наблюдал. — Не можем ли мы попросить северных владык поделиться знанием о том, как им удалось удержать в стороне чародейство и не позволить колдовству запятнать их земли?

— Это было бы поистине отчаянным шагом, — сказал Кайд с отращением.

— А разве не настали отчаянные времена? — спросил в ответ Кейда.

Сидевший с мрачным лицом Редигал Корон медленно кивнул, в то время как седовласый раб придвинулся чуть поближе, что-то шепча.

— А не очутимся ли мы между двух огней, если эти северяне подумают, что оказание подобной помощи дает им право на наши земли?

— Я бы и задумываться о таком не стал. Их лазутчики разузнают все о каждом нашем морском пути, о богатстве и силе каждого нашего острова. Ты вполне мог бы перерезать горло своему сыну или предложить дочь первому встречному проходимцу, привязав за щиколотки к столбикам кровати! — Негодующий возглас Сафара эхом прокатился по всему залу, но ни один из владык не обратил на него внимания.

— Как может напасть любой из владык дальнего севера, если между нами весь Архипелаг? — Кейда поглядел на Корона. — Кроме того, полагаю, они бы рассчитывали на то, что мы сдержим этот поток зла. Испытывая постоянную угрозу в лице волшебников беспредельных земель, северяне вряд ли поражаются вести о натиске колдовства с юга.

— Мой отец говорил мне, что северные владыки выгоняли варварских волшебников, нанимая к себе на службу чароде-ев, — ядовито заметил Сафар.

— Я читал, что им удалось сравить колдунов между собой, — неожиданно вставил Корон.

— Между собой? — задумчиво протянул Кейда. — Это мы можем попробовать.

— И сделать владение Чейзенов огневым рубежом, — мрачно заметил Кайд.

— Их земля уже запятнана волшбой!

— Тогда пойди и разожги истинный огонь, — огрызнулся Сафар. — Выжги каждый остров и риф до голой земли, до обутленных камней, и присыпь сверху горелыми костями захватчиков — для полноты картины.

— А тебе не кажется, что эти дикари с их чародеями могут дать отпор такому нападению? — Издевка в голосе Кайда слышалась куда как менее явственно.

— А что, как вы думаете, попросят у нас северные владыки в обмен на их тайное знание? — И Корон в неуверенности перевел взгляд с Кейды на Кайда.

— Сталь, разумеется. — Сафар недружелюбно посмотрел на Ритсема Кайда. — Всю, какую мы сможем им дать, и еще сверх того. Не сомневаюсь.

— Давайте... — Стук в дверь прервал Кейду. Он сузил глаза, глядя на Сафара, который даже не потрудился убрать с лица самодовольное выражение.

— Войдите.

То был гладколицый прислужник, мастер рассыпаться в любезностях.

— Госпожа Миррел посылает свои добрые пожелания и спрашивает, не почтите ли вы своим присутствием ее прием.

Какой тайный знак, каким образом увиденный, вызвал тебя, как только Сафар понял, что теряет свои позиции в споре?

Кейда рискнул бросить понимающий взгляд на Кайда, но владыка Ритсем ничего не заметил. Он сидел с каменным лицом, глядя внутрь себя мысленным взором. Редигал Корон ловко воспользовался возможностью переговорить с доверенным рабом. Телохранителю Уллы Сафара выпала незавидная роль — поднимать своего хозяина на ноги.

— Мы не разочаруем госпожу Миррел. — Толстяк тяжело вздохнул и вытер пот со лба. — Нам стоит о многом подумать,

прежде чем мы побеседуем снова. — Он вышел из зала, яростно хмурясь.

— Мой господин. — Вскочив на ноги в тот самый миг, как только позволили приличия, Телуйет встал перед Кейдой и протянул руку. Тот молча отмахнулся от его помощи, вопросительно подняв бровь. Ничуть не изменившись в лице, Телуйет незаметно для окружающих пожал плечами.

Итак, ты не лучше меня представляешь, насколько далеко мы продвинулись.

Выходивший из зала Ритсем Кайд с виду был совершенно спокоен, а лицо его раба Ганила вполне могло быть вырублено из железного дерева, того самого, из которого, как правило, делают самые прочные в Архипелаге колонны. Редигал Корон все еще говорил со сладкоречивым старым евнухом, а телохранитель неуверенно топтался поблизости. Кейда увидел, что привратники прислушиваются к разговору с нескрываемым любопытством. Телуйет проследил за взглядом хозяина.

— Кажется, частое применение хлыста не обеспечивает должного порядка в этом доме, мой господин. — Его замечание было достаточно громким, чтобы его услышали привратники.

— Не тебе и не здесь обсуждать обычаи чужих домов. — Укор Кейды был в лучшем случае небрежным. — Пойдем-ка, отдадим дань уважения Миррел Улле и посмотрим, не проявит ли она подобающую в таких обстоятельствах учтивость.

— Ты не хочешь переодеться? — спросил Телуйет, когда они миновали привратников.

— Мне не кажется, что я сильно вспотел. Если же мы задержимся, то до самого отъезда домой придется выслушивать от Миррел колкости по поводу нашего опоздания.

Пусть кто-нибудь из осведомителей в этом муравейнике передаст ей новую сплетню.

Телуйет сдержанно кивнул, указывая на нужную лестницу:

— Ритсем Кайд и Редигал Корон хотят искать помощи на севере. — Он произнес это тихо, имитируя доверительный разговор, но достаточно громко для внимательных ушей.

— Вряд ли они хотят этого больше, чем мы, Дэйши, — вздохнул Кейда. — Будем надеяться, что завтра мы найдем решение получше.

Разумеется, Сафар пойдет на попятный и поддержит образование союза, чтобы мы сами смогли изгнать захватчиков. Он не станет ставить под удар свое влияние, уступая его малоизвестным владыкам, которые вполне могут прибрать к рукам и его земли, если уж их пригласят в наши края.

— Отсюда на восток, мой повелитель.

Пока Телуйет бормотал указания, ведя Кейду через лабиринт коридоров, тот неустанно размышлял, что может случиться, если Улла Сафар заупрямится.

Джанне предостерегала тебя: эта жирная жаба может понять, что ты морочишь ей голову. Она в этом не сомневалась. Но что, если и впрямь есть на севере какой-нибудь достойный владыка, который в состоянии рассказать нам, как избавиться от чародейской угрозы? Не сможем ли мы найти союзника, достаточно сильного, чтобы сбросить Уллу Сафара, когда все это кончится? Возможно, тебе и Кайду стоит изучить такую вероятность. Заключив подобный союз, преследующий одну-единственную цель, вы будете в состоянии доверять друг другу... Если заранее договоритесь о том, как делить полученные богатства. Но кому отойдет этот остров и могучая твердыня Деразуллы? Неужели ты так сильно ненавидишь Сафара, чтобы спокойно глядеть, как владение Ритсем богатеет и расширяется за счет падения Уллы? Трудный вопрос. Кайд, разумеется, никогда бы не позволил достоянию Улл перейти к Дэйшам, это яснее ясного.

Такие размышления занимали Кейду весь путь по длинным проходам и лестницам. Покои многочисленных жен Уллы располагались над рекой, и его первая жена Миррел Улла хозяйничала в целой веренице великолепных залов, где воздух освежали душистые ветры с далеких холмов. Рабыни в соблазнительно прозрачных платьях и ярких украшениях из эмали с улыбкой поприветствовали Кейду у дверей.

— Как я вижу, Сафар может похвастаться целым отрядом новых наложниц, — небрежно бросил он Телуйету.

— Хотел бы я знать, не пустил ли он старых плыть по реке, и если да, то много ли они проплыли, — мрачно пробормотал тот.

Когда они зашли внутрь, Миррел Улла отвернулась от окна. Окна в этом зале тянулись от пола до потолка и выходили на

широкую террасу, затененную кокосовыми пальмами, за которыми тщательно ухаживали, и маленькими деревьями в декоративных горшках. Кейда встал так, чтобы его обдувало ветерком, но особой прохлады все равно не почувствовал.

— Мой господин Дэйш, вы почтили наш смиренный дом своим присутствием. — Миррел, изящно сложенная женщина среднего роста, приблизилась, раскинув звенящие золотом браслетов руки в радушном приветствии.

— Ни один дом не может быть назван смиренным, когда его украшаешь ты. — Кейда взял ее руки и коснулся их губами, стараясь не зацепиться бородой за одно из нарядных колец.

Миррел кокетливо рассмеялась, положив темную, как черное дерево, руку на затянутую в черный шелк грудь. Ткань была обильно украшена крохотными стеклянными бисеринками, вшитыми в узоры словно бы из перьев сказочной птицы, серебристых, окаймленных золотом. Облегающее, с низким вырезом, соблазнительно приоткрывающее руки и грудь, платье густо серебрилось, переливаясь золотом при каждом движении. Юбка была собрана из отдельных полос ткани, каждому из которых швеи придали вид поблескивающего пера, отчего сильно выигрывали стройные ноги Миррел.

Твои осведомители открытым текстом сказали тебе, что Джанне прибыла, демонстрируя нарядом все богатство и мощь владения Дэйш.

Миррел уже глядела куда-то мимо Кейды, и суровое выражение ее глаз плохо сочеталось с мягким зовом искусно подкрашенных губ.

— Ритсем Кайд! Добро пожаловать, более чем добро пожаловать, и тебе, и Тэйсье!

Кейда поклонился и отошел, предоставив Миррел возможность свободно приблизиться к Кайду. Редигал Корон и его старшая жена подошли следом, и Миррел быстро собрала гостей в кружок. Мони Редигал с внушительных размеров свитой направилась к младшим женам Уллы, собравшимся тесной и внимательной кучкой. Наряды их покроем походили на платье Миррел, но были порядком попроще. В зале поднялся шум, когда рабы, сопровождающие своих хозяев, сгрудились в

сторонке, чтобы обменяться между собой новостями, терпя при необходимости присутствие и старших рабов Деразуллы.

Кейда с интересом оглядывался, стараясь не поймать ничей взгляд и не обречь себя тем самым на участие в разговоре до тех пор, пока не появится Джанне. Зал для приемов был, разумеется, достоин восхищения. Оконные ставни сандалового дерева были покрыты самой что ни на есть тончайшей резьбой, какую только могли исполнить резчики-островитяне, коричневые полы были натерты воском до зеркального блеска. Облицованные изразцами стены давали хозяевам еще один повод похвалиться перед гостями. На покои Миррел пошли роскошнейшие изразцы, пользующиеся большим спросом в торговле. Гости входили в зал через дверь, по одну сторону которой золотые изразцы создавали подобие закатного неба, а по другую зеленые напоминали о весенних полях. Когда Кейда медленно направился к окну, справа от него зелень плавно перешла в небесную голубизну, а слева золотистые оттенки уступили место ненавязчиво-красным. В простенках меж высоких окон цвета сгущались, растворяясь в темно-лиловом. Качество примененных красок поражало даже искушенный взгляд и добавляло помещению особой утонченности.

Создается впечатление радуги. Вполне подходящий символ для Миррел с ее бесконечными метаниями.

— Мой господин.— Телуйет возник рядом, с хрустальным кубком в руке.

— Я заметил, что ни у нас в покоях, ни у Джанне нет таких великолепных изразцов,— вполголоса произнес Кейда.— Не полагаешь ли ты, что это оскорбление? Следует ли нам постараться об этом забыть или придумать, как посчитаться?

— Спроси госпожу Джанне,— предложил Телуйет.

— Кейда.— Мони Редигал появилась у его локтя, радостно улыбаясь.— Как тебе новый раб вашей До? Надеюсь, Рекха им довольна. Как она? Как малыши?

Наряд Мони Редигал был очень правильно продуман. Выполненный так, чтобы не затмевать хозяйку, но и Мони позволить выглядеть как жене владыки, своим золотым шелком, украшенным серебром и драгоценными камнями, он превосходно оттенял роскошное убранство зала.

Благодарить ли тебя за то, что обеспечила меня парой умелых рук, способных поднять мечи моих родных против любых пришельцев, пока я балуюсь бессмысленными играми в доме Уллы Сафара?

— Кажется, он пришелся очень к месту, большое спасибо. Рекха в порядке, все дети тоже. — Кейда ответил улыбкой на улыбку.

— Я должна написать Рекхе. — Мони пригубила напиток, после чего в растерянности уставилась на кубок. — Одна из моих сестер вышла замуж за человека из владения Китир. Я скоро поеду навестить ее, и она может оказаться не прочь продать китирские ковры за жемчуг. — Родившись далеко к северу отсюда, где пересечение торговых путей привело к смешению множества племен, Мони отличалась светлой кожей, лишь немногим темнее, чем у рабов-варваров в зале, а ее густые курчавые волосы отливали глубокой рыжиной.

— Как далеко на север простираются нынче ваши торговые связи? — полюбопытствовал Кейда.

— Изрядно вглубь срединных островов. — Мони как нельзя более добродушно рассмеялась.

Вездесущие осведомители Корона сделали хороший выбор, когда искали подходящую женщину на место старшей жены владыки земель, где творятся непростые дела. Необходимо было, чтобы она ясно понимала, что обязанности военного вождя никоим образом не ее забота и что ее мнения здесь спрашивать не станут.

Кейда пригубил вино, и холодный привкус напитка вызвал у него невольное и неосторожное замечание.

— Не понимаю, с чего Миррел вздумалось подавать нам столь крепкое питье.

Он еще не договорил, когда появилась сама Миррел. Но не его слова вызвали дрожь золотых с серебром птичьих крыльев над головой женщины, почти закрывавших ее густые локоны цвета глубокой ночи.

— Мони, дорогая моя, пойди, поговори с Чэй. Она хочет обсудить отправку кое-кого из ее жестянщиков в ваше владение месяца эдак на четыре, чтобы поучили и поучились.

Неаккуратно, Миррел, неаккуратно. Слишком уж нарочито ты подошла. И голос звучал слишком напряженно для такой пустяковой просьбы. Кто приказал тебе позаботиться, чтобы я не воспользовался случаем и не пересчитал звенья в цепи, связывающей Мони Редигал с терзаемым колдунами севером? Словно бы и так непонятно.

— Не позволяйте мне мешать вам заниматься делами, мои госпожи.— Кейда улыбнулся и поклонился, покидая Мони, после чего вернул хрустальный кубок Телуйету.

— Найди мне фруктового сока.

От Кейды не укрылось, что несколько рабов Уллы скользили любопытствующими взглядами по Телуйету, когда тот пересекал зал, спеша к обширному набору золотых и серебряных кувшинов, установленных на подносах с толченым льдом, таявшим так быстро, что слугам требовалось постоянно бегать к леднику.

— Боюсь, это сок лиллы.— Вернувшись, Телуйет с печальной улыбкой вручил Кейде кубок.— Это единственное, что тут есть, кроме вин.

— О чем думает Сафар? — Кейда покачал головой, принимая питье.— Что же, возможно, он подбирал напитки, не рассчитывая на такую невыносимую жару. Не хочешь ли немного пройтись, Телуйет? Посмотреть, что здесь есть интересного для нас? Некоторые из девушек, судя по их виду, могли бы сообщить что-нибудь полезное в обмен на удовольствие от твоего присутствия в их постелях.

И они, разумеется, ничего не узнают от Телуйета, который умеет не болтать о том, о чем не положено, даже в порыве страсти.

— Я бы предпочел отказаться, если тебе это не слишком важно, мой повелитель,— не без сожаления сказал Телуйет.— Я беседовал с Ганилом, и он говорит, что здешние рабыни отчаянно жаждут завести ребенка от кого-нибудь чужого, чтобы получить право перебраться в иное владение и тем самым выбраться из этой зловонной дыры.

— Это что-то новенькое.— Кейда отпил сока и нахмурился.— Их жизнь здесь стала такой невыносимой? Или их подначивает Сафар? Я бы не хотел препираться с ним, если

одна из его рабынь станет настаивать на своем праве потребовать поддержки от отца ее ребенка. Он запросто сможет раздуть такой спор в настоящий конфликт.

— Или поместить к нам соглядатая. — Взгляд Телуйета скользнул по хорошенькой рабыне, одетой в платье из шелкового газа, мало что оставлявшее воображению. — Хочешь, чтобы я попытался это узнать?

— Только если сперва найдешь листья наземной спинной кусачки в меду на дне моей аптечки. Обмажешь этим свой меч, прежде чем убрать его в ножны.

— Подумать только, ты опять весь в заботах. — Обернувшись, Кейда увидел рядом с собой Тэйсью Ритсем. — Но вообще-то сборище довольно унылое. Джанне не с тобой?

Кейда с неподдельным удовольствием улыбнулся.

— Моя госпожа Тэйсья, я, как всегда, безмерно счастлив вас видеть.

— Прибереги свою лесть для Миррел, — предложила она, подмигнув Кейде, а тем временем ее телохранитель вместе с Телуйетом удалились на подобающее расстояние. Не отличавшаяся великой красотой Тэйсья носила в прическе один-единственный гребень, изысканный образчик серебряной филигрании, удерживавший вместе ее темные и жесткие волосы. Ярко-голубой цвет ее наряда удачно сочетался со смуглой кожей. Тэйсья оделась в простое платье, удерживаемое на обоих плечах фибулами из серебряных нитей и набросила сверху платок, роспись на котором великолепно воспроизводила отмель с кораллами. На ее шее было одно-единственное украшение, тяжелая цепь с неограниченным сапфиром, покачивающимся в ямочке между ключицами.

— Тогда я скажу, что ты выглядишь усталой и полной недобрых предчувствий, можно? — Кейда отлично видел то, что она пыталась скрыть под слоем косметики. — И скорбящей по Олкан.

Едва заметная готовность пролить слезы возникла и тут же пропала в темных глазах Тэйсьи.

— Во многом — к удивлению Миррел, так давно покинувшей наше владение. — Ее голос звучал ехидно.

— Рекха всегда говорит, что главный порок Миррел — это то, что она считает, будто все думают в точности как она

сама. Джанне должна скоро появиться. По всей видимости, ей оказалось непросто убедить Итрак показаться на людях.— Кейда поглядел в сторону двери, но это всего-навсего вошел Сафар, активно размахивавший руками и жизнерадостно улыбавшийся.

Куда ты ходил, когда покинул наш совет, вместо того, чтобы направиться прямо сюда, как дал нам понять? Ты по-прежнему все в той же желтой рубаше, и только ли жара стала причиной эти темных пятен подмышками? Чем ты занимался, хотелось бы мне знать.

Мгновением позже вошла Джанне, и ее появление изгнало любые посторонние мысли из головы Кейды. Все люди в зале, как по команде, повернулись к двери.

Джанне надела платье из серо-голубого шелка, две полосы которого были сшиты у плеч и по бокам, перехваченное на талии пояском из такой же ткани. Волосы ее были до блеска уложены, убраны назад и заплетены в косу, и ни один самоцвет не оживлял их дымчатую тьму, а на глазах и губах присутствовал лишь слабый намек на серебро. Единственным украшением Джанне была нить жемчуга, доходившая ей до талии. Да, единственная, но кто-то потратил всю жизнь, чтобы подобрать такие жемчужины одну к одной, даже если он и имел возможность собирать урожай, который предлагают рифы, по всему Архипелагу. Черные жемчужины посередине природа не иначе как годами сотворяла на дне океана, один сияющий слой обволакивал другой, пока не получилась эта пригоршня безупречных сфер, каждая из которых была крупнее ногтя на большом пальце Кейды. Меньшие по размеру, но столь же безупречные, жемчужины по обе стороны от них плавно меняли цвет от угольной черноты до серой дымки, а затем до яркого и чистого сияния рассветных облаков. Цвет каждой последующей капли становился богаче и ярче, пока наконец жемчужины, исчезающие под волосами Джанне, не приобрели золотистый оттенок восходящего солнца.

— Джанне, дорогая моя.— Резкий крик Миррел нарушил воцарившееся при появлении серебристого видения молчание. Миррел подошла, чтобы обнять Джанне, а та тепло улыбнулась и крепко прижала ее к себе.

— Миррел, как приятно тебя увидеть.

Бирут стоял у плеча Джанне. Начищенная броня его была украшена медными кольцами, которые сияли, как золотые. Он носил тяжелый золотой ворот, украшенный хрусталем, а позолоченный налобный обруч его шлема казался еще ярче. Кейда скрыл улыбающиеся губы кубком.

Надо же, Миррел, когда рядом стоит Джанне, твой дивный наряд выглядит не лучше, чем это дешевое подобие богатства у простого меченосца.

Когда все в зале начали приходить к такому же умозаключению, Джанне поманила Итрак, застывшую на пороге.

— Миррел, ты помнишь Итрак Чейзен? Конечно, помнишь. Она гостит у нас, пока не сможет вернуться в свое владение при благоприятных знамениях.

— В самом деле. — Лишь легкий намек на недоверие сквозил в улыбке Миррел.

— Ты не думаешь, что Чейзен Сарил станет возражать, когда услышит, что она одевается как одна из ваших младших жен? — проговорила, подняв бровь, Тэйсья, обращаясь к Кейде.

— Убежден, Джанне знает, что делает. — Впрочем, Кейда был в не меньшем замешательстве, чем остальные, когда увидел на Итрак тройную нить розового жемчуга, одного из самых заветных сокровищ Дэйшей. Ее белую шелковую рубашу подпоясывали еще три ряда жемчужин, такие же браслеты охватывали запястья, а вокруг лодыжек жемчужными же нитями были собраны свободные белые шаровары. А длинная коса Итрак почти ничем не отличалась от прически Джанне.

— Этот жемчуг притягивает взгляд, словно обладает свойствами талисмана, — заметила Тэйсья. — Я имею в виду как украшения Джанне, так и те, что надеты на Итрак.

— Тебе не кажется, что она выглядит скорее как чья-то дочь, чем как жена? — Кейда склонил голову набок перед Тэйсьей, меж тем Сафар направился в сторону Итрак, бурно размахивая руками и улыбаясь, что, Впрочем, не смогло полностью скрыть более чем намек на похоть в его глазах. Ее уязвимость и стройность на фоне его габаритов просто не могла не потрясать.

— Она похожа на девочку, не правда ли? — улыбнулась Тэйсья. — Она едва вступила в брачный возраст.

Джанне что-то сказала Сафару, прежде чем прелестно поклониться и отступить, а затем заскользила через зал, чтобы присоединиться к мужу и подруге.

— Тэйсья, дорогая моя.

— Джанне Дэйш. — Приветствие Тэйсьи было сухим, но объятия нежными.

— Ты оставила ее на милость этой парочке? — Кейда наблюдал, как Миррел и Сафар обступили Итрак с двух сторон, а Миррел по-свойски положила руку девушке на плечо.

— На то время, чтобы они стали выглядеть бесчувственными свиньями, досаждающими ей в пору горя, но не дольше. — Джанне не потребовалось оборачиваться, чтобы понять, что происходит за ее спиной. — Тэйсья вовремя ее вызовет.

— Мне нужно многое с ней обсудить, — кивнула та.

— Я бы не оставлял ее слишком надолго, если никто из вас не хочет, чтобы Итрак расплакалась, — посоветовал Кейда. — Или чтобы завязалась драка. Этот ее новый телохранитель бросает на человека Миррел и того, что при Сафаре, весьма тяжелые взгляды. — Он повернулся, ища взглядом Телуйета. Его раб в праздно-томности отходил от лстыиво выющейся стайки рабынь, чтобы оказаться на виду у раба Сафара.

Что же, пусть им всем станет ясно: новый телохранитель Итрак не останется без союзников, если кому-то из людей Уллы захочется преследовать парня.

— Я позднее поговорю с тобой, Джанне. — Тэйсья оставила их, чтобы ловко увести Итрак прочь от Сафара, сославшись на необходимость поговорить о последних днях Олкаи, в чем им никто не посмел бы отказать. Кейда поцеловал атласную щеку Джанне.

— Ты сегодня просто великолепна, жена моя.

Она с достоинством улыбнулась.

— Я рада твоему одобрению, муж мой.

Кейда покосился на Итрак, теперь благополучно беседовавшую с Тэйсьей и Ритсемом Кайдом.

— Я вижу, ты одела ее как одну из своих.

— Лишь для того, чтобы подкинуть загадку женщинам Уллы и Редигала. — Джанне одарила мужа холодным взглядом. — Она не вступит в брак ни с кем из владения Дэйш. Ты сказал бы лучше Ритсему Кайду, что передумал.

— Почему? — Кейда неожиданно почувствовал себя не в своей тарелке.

— Я не соглашусь, чтобы кто-либо, столь серьезно задетый волшебством, оказался в нашем семейном кругу. — Улыбка Джанне оставалась такой же естественной, но ее слова звучали болезненно четко. — Женись на ней, и я с тобой разведусь, Рекха тоже, и мы возьмем с собой малышку Сэйн. Затем мы поищем помощи у всех наших братьев, чтобы устранили тебя в пользу детей.

Кейда, ошеломленный, не мог проронить ни звука, и с огромным трудом добился того, чтобы потрясение не отразилось на его лице.

— Что до Сиркета, я своими руками сделаю его заморинном, но не позволю ему вступить в этот проклятый брак. — Джанне поднялась на цыпочки, чтобы запечатлеть на щеке мужа поцелуй.

Он услышал, как откуда-то прозвучал его голос.

— Ты не думаешь, что здесь еще есть что обсудить? Если она, в конечном счете, станет ключом к владению Чейзен, неужели ты согласишься видеть ее замужем за Уллой Сафаром?

— Есть способы позаботиться, чтобы вопрос о будущем Итрак не поднимался еще некоторое время. — Джанне передернула плечами, поправляя свои дивные жемчуга. — Я должна обсудить кое-что с Мони Редигал. — Она опять поцеловала Кейду и плавно заскользила прочь. Между тем к нему приблизилась Чэй Улла с улыбкой, которую мало кто назвал бы доброй.

— Дэйш Кейда, я целую вечность жду возможности с тобой поговорить.

— И теперь ты располагаешь моим полным вниманием. — Кейда склонил голову сперва перед Чэй, затем перед хорошенькой девушкой с ней рядом.

Чэй была высокой женщиной с кожей чуть более светлой, чем ее почти черные глаза. Ее правильнее было бы назвать

величавой, нежели прелестной, хотя широкая кость Чэй неожиданно удачно сочеталась с нарядом из тех, что Миррел подобрала для младших жен Уллы.

Странный выбор для Уллы Сафара. Он ведь считает очарование обязательным свойством для своих жен. Особенно это странно, учитывая то, что Чэй, придя на его брачное ложе, не принесла с собой особенно ценных союзов.

Она повернулась, чтобы решительно подвести ближе свою спутницу.

— Дэйш Кейда, это Лэйса Визелис. Во всяком случае, сейчас.— И она глупо улыбнулась.

— Для меня честь знакомство с тобой.— Кейда поклонился.

И с чего это Визелис Илз доверил одну из младших дочерей этой стерве? Можешь улыбаться сколько угодно, Чэй; я видел жестокость в твоих глазах, ты лучшая пара для своего супруга и повелителя со всеми его гнусностями.

— Мой господин Дэйш.— Девушка, скромница в рубаше и шароварах, отдаленно похожая на Итрак, проворно поклонилась в ответ.

Чэй одарила Кейду неискренней улыбкой.

— Лэйса слышала странные толки о смерти твоего отца.— Ее слова прозвучали достаточно громко, чтобы все, находящиеся поблизости, наверняка их услышали. Ореховые глаза девушки расширились. Она вздрогнула.

— Я не...

Рука Чэй безжалостно стиснула запястье Лэйсы.

— Я сочла, что будет лучше, если она услышит правду из твоих уст.

А знаешь ли ты, что одна из ваших служанок рассказала Телуйету, как ты посылала своего телохранителя ловить мышей для твоей кошки, чтобы поиздеваться над ним, а сама этим любовалась?

Кейда доброжелательно улыбнулся девушке.

— Это достаточно простая история.

Не бойся, Чэй, у меня хватит опыта преподнести такой рассказ, как ничем не примечательный.

— Дэйш Рэйк, мой отец, поднялся на вершину своей наблюдательной башни, где держал кое-каких птиц, которых

ценил за вещей дар. У него был обычай выпускать их на заре, чтобы читать их полет и одновременно любоваться рассветным небом.

И теперь я понимаю, почему он ценил такие мгновения уединения и раздумий и так ревностно их берег.

— В то утро ограждение обрушилось, и он упал, чтобы встретить у подножия башни свою смерть. Вот, собственно, и все.— Кейда развел руками

— Совершенно непредвиденно.— Чэй в ложном изумлении покачала головой.

— Как это вас, наверное, потрясло,— запинаясь, пробормотала Лэйса.— Пережить такую утрату...

— Это случилось давно.— Кейда кивнул с видом человека, покорного судьбе.— Мало-помалу привыкаешь с этим жить.

— Если бы только там оказался кто-то, кому ведомы тайны полета птиц.— Чэй прикинулась озабоченной.— Дэйш Рейк только выпустил их,— объяснила она Лэйсе, прежде чем обернуться к Кейде, блеснув глазами.— Как ты полагаешь, он рассмотрел что-то в их полете, пока падал? И умер, не успев ни с кем поделиться?

Ты просто ищешь для себя обычного развлечения в чужом горе, Чэй. Улла Сафар, по всей вероятности, хочет воскресить эту старую басню, будто Дэйш Рейк увидел нечто, предвещающее ужасное бедствие его владению, столь страшное, что бросился вниз, чтобы умереть. Он думает, это отвлечет нас всех от вторжения к Чейзенам...

— Дожди в тот год выдались необычайно сильные, каменная кладка была стара, раствор искрошился.— Кейда обращался к Лэйсе; голос его ни на миг не дрогнул.— Смерть отца научила меня, что никто, сколь угодно могущественный, сколь угодно высокопоставленный, не защищен от внезапного падения.

Глотни этого, Чэй, и от всей души желаю тебе подавиться.

— А как он мог позволить, чтобы его обсерватория пришла в такое запустение? — И Чэй опять покачала головой.— Тебе пришлось разрушить башню до основания, не так ли?

— Она оказалась достаточно крепкой, но я решил перестроить ее из уважения к памяти Дэйша Рейка.— Кейда по-прежнему не сводил глаз с Лэйсы.

После того, как мы разобрали башню по камушку до самого основания в поисках ответа.

— Мой отец был слишком занят заботами о нуждах наших людей после опустошительных бурь. Возможно, потому он и медлил с тем, чтобы посмотреть, какой ущерб нанесен его собственному дому, — ровным голосом продолжал Кейда. — Я увидел в его смерти окончательное подтверждение слов, которые он неустанно повторял мне при жизни. Он говорил, что владыка должен обращать внимание на любую мелочь, заботясь о том, чтобы всякая вещь, всякий человек вносил свой вклад в поддержание могущества земель и их владыки.

Это не единственное возможное истолкование. Я не забыл изучить осыпавшееся ограждение, ища любые признаки злой воли, приведшей к бедствию. Мы с Джанне перерыли все мудрые книги в поисках намека, как разгадать столь пугающее знамение.

— Отец всегда говорил, что моему брату надлежит размышлять о таких делах, — с неуверенностью произнесла девушка.

— Твой отец мудрый человек, — заверил ее Кейда. — Первейший долг владыки — чтить и толковать знамения, важные для владения и живущих в нем людей, точно так же, как первейший долг жены владыки обеспечить их непрерывное процветание. — Ему не понадобилось смотреть на Чэй, чтобы понять: она хмурится, уловив нелестный намек.

— Конечно, смерть Дэйша Рейка лишила тебя также и его жен, — гадко заметила она. — А заодно их мудрости, которая могла бы направлять тебя на нужный путь в столь трудное время.

— Я был тогда женат на Джанне Дэйш относительно недолго. — Кейда помедлил и нежно улыбнулся своей старшей жене. — Моя мать и ее названные сестры полностью доверяли ей как новой первой женщине владения и, разумеется, не желали бросать ей вызов, оставшись с нами.

И тогда они ушли, и каждая унесла свое горе во владение, где родилась, оставив меня с моей скорбью. И ты никогда не узнаешь, какой сердечной боли мне это стоило, Чэй.

— Надеюсь, ты меня извинишь — я должен поговорить с Редигалом Короном, — улыбнувшись Лэйсе, которая выглядела крайне потерянной, Кейда поклонился и отступил.

Посмотрим, не проговорится ли Корон, почему здесь опять бередают самую тяжелую рану нашего владения. Мне лучше бы заодно предупредить Джанне, и, думаю, Телуйету стоит отказаться от ночи с одной из здешних юных рабынь — надежды что-нибудь через нее узнать почти нет. В любом случае, смерть Дэйша Рейка не могла явиться отдаленным предвестием нынешнего бедствия. Мы увидели бы что-то еще, какую-нибудь свежую приметку, которая приковала бы наши мысли к смерти моего отца. Если бы я что-то упустил, не проморгал бы Сиркет. Я поделился с ним всеми своими предположениями об участии Дэйша Рейка. И он не менее бдительно, чем я, ищет хоть какой-то знак, который мог бы подтвердить или опровергнуть любую из догадок.

— Мой господин. — Телуйет подошел к Кейде с кувшином все того же проклятого сока лиллы и наполнил протянутый кубок.

— Ты здоров? — Он более пристально посмотрел на своего верного раба.

— Не уверен. — Губы Телуйета были поджаты, кожа посерела.

— Что с тобой? — Кейда заметил бусины пота на лбу телохранителя, которых было слишком много, чтобы отнести их на счет жары.

— Спазмы в желудке, — сдавленно ответил раб.

— Когда это началось? — Кейда нахмурился.

— Прости меня, мой господин, я и впрямь очень болен, — произнес Телуйет сквозь стиснутые зубы; на щеках его перекатывались желваки.

— Выйдем. — Кейда вручил кувшин и кубок ближайшей служаночке и повлек телохранителя к двери. Телуйет с трудом добрался до лестницы, после чего сложился вдвое и упал на колени в приступе рвоты. Кейда снял с него шлем и стал держать за плечи сотрясаемого судорогами раба. Телуйет застонал и попытался встать, дрожащей рукой вытирая холодный пот с лица. Тут его одолел новый приступ. Кейда порывисто вздохнул, сдержав дурноту, вызванную скверным запахом.

— Мой господин? — Рядом возник встревоженный Бирут.

— Найди какого-нибудь слугу, чтобы убрать здесь,— приказал Кейда.— Я отведу его в наши покои.

— Мой господин...— в голосе Бирута прозвучала неуверенность.

— Я едва ли смогу сейчас вернуться.— Кейда указал на свою забрызганную рвотой одежду.— Передай Джанне, что я дам Телуйету лекарство и присоединюсь к ней, как только удостоверюсь, что с ним все в порядке.

Бирут кивнул, ему только и оставалось, что повиноваться. Он повернулся, готовый идти.

— Погоди.— Кейде удалось поставить Телуйета на ноги, придерживая его рукой.— Как отсюда попасть в главный коридор?

Бирут поморщился.

— Мне лучше идти с тобой.

— Я могу указать дорогу,— хрипло произнес Телуйет.

— Ты не можешь оставить этого новичка одного охранять Итрак и Джанне, Бирут, только не здесь,— грубо заметил Кейда.— Мы схватим за ворот любого слугу, если понадобится.

Где тот намащенный евнух? Сейчас он был бы как нельзя кстати.

— Ступайте по дальней лестнице.— Бирут указал рукой в нужном направлении.— Спуститесь на два этажа, затем идите прямо на восток. Это приведет к главному поперечному коридору.

Телуйет попытался выдержать вес своей брони, но не смог — тошнота скручивала его практически непрерывно. Он тяжело оперся о Кейду и шел так, пока они не добрались до главной аркады, которая опоясывала изнутри всю крепость.

— Идем, тебе надо в постель. Немного речной глины и макового сока, и утром ты будешь свеж, точно омытый дождями.— Пот струился по спине Кейды, пока он помогал Телуйету пробираться по людной галерее, и на лице каждого встречного Уллы виднелось откровенное любопытство.

Ну что вы устались? Мы принесли с собой какую-то заразу сезона дождей? Так ведь нет же, скорее это какая-то дрянь из вашей грязной реки попала в крепость.

Кейда отмахнулся от крутившейся поблизости служанки, явно желающей помочь, и тут же Телуйета опять основательно вырвало, на этот раз только желчью и слизью.

Крови нет, это не может не радовать. Равно как и запаха какого-либо из известных мне ядов. В любом случае, чего бы добился некто неизвестный, отравив Телуйета? Впрочем, Джанне осталась в зале, она проследит за любыми разговорами между Сафаром, Кайдом и Короном.

— Прости, мой господин, — прошептал Телуйет, когда они остановились передохнуть на лестничной площадке на полпути вниз.

— За что? За то, что ты увел меня с одного из унылых приемов Сафара? Не думаю, что я стал бы тебя за это наказывать. — Несмотря на насмешливый тон, Кейда нахмурился, когда меченосец в очередной раз споткнулся, не удержавшись на ногах.

— Тебе следует вернуться. — Телуйет попытался избавиться от объятий хозяина, но не смог. — Отсюда я в состоянии дойти до наших покоев сам.

— Если я сейчас пойду обратно, мне придется выносить притворное изумление Миррел по поводу того, что я считаю нужным лично заботиться о захворавших рабах, в то время как Сафар поздравит меня с тем, что я все-таки решился оставить тебя выкарабкиваться самостоятельно. Я не чувствую особого желания предоставлять каждому из них выбор между осуждением меня за крайнюю снисходительность или, напротив, за бессердечие.

Телуйет не слышал его, колени телохранителя окончательно подогнулись. Кейда не мог больше его удерживать. Но, к счастью, они успели добраться до поворота на галерею, где находились их покои.

Кейда прислонил раба к стене и закричал:

— Дэйши! Сюда, ко мне!

— Мой господин? — Одна из женщин Джанне открыла дверь женских покоев и вздрогнула, увидев лежащего Телуйета.

— Отнесите его ко мне. — Появились новые слуги. Кейда предоставил четверым из них поднять Телуйета и приказал: — Положите его в постель.

— Я схожу за чистыми одеялами.— Когда женщина зашла прочь, один из слуг достал нож и разрезал кожаные ремни на броне Телуйета.

— Имеет смысл избавить его от этого.

— Разрешаю тебе потом проклинать нас, что мы испортили такие доспехи,— сказал Кейда рабу. Телуйет даже не застонал, когда с него снимали железное облачение. Кейда сорвал мягкий чехол, какой обычно носят под кольчугами, и обнаружил, что тот слишком сильно пропитан потом.

Вернулась женщина с охапкой чистых хлопковых простыней, за ней семенила другая с ворохом одеял.

— Принесите воды и дайте мне мою аптечку. Ту, что из атласного дерева с серебряными оковками. Потерпи, Телуйет, мне нужно, чтобы ты не спал.— Кейда с нарочитой суровостью шлепнул того по лицу.— Открой глаза.

Не нужно давать рвотное, даже если это яд. У него уже не осталось того, чем блевать. Может, все-таки уголь? В любом случае нужно дать ему хоть сколько-нибудь воды. Но как удостовериться, что в этой выгребной яме чистая вода?

Он обернулся к слуге, стоявшему с мрачным лицом у изголовья кровати.

— Позаботься, чтобы сюда немедленно принесли жаровню с углями. Отныне будем кипятить каждую каплю питьевой воды, и пусть Улла Сафар гоняется за своим хвостом, если сочтет, что мы его оскорбляем.

Глава 8

Кейда услышал стук по листьям душистых деревьев в саду за окном, мгновенно заглушивший треск цикад и прочих насекомых. Дождь оказался недолгим, обманчивое ощущение грядущего ливня быстро развеялось, и теперь влажность сделалась еще более гнетущей, чем прежде. Бледный свет Малой Луны проливался сквозь щели в ставнях, и Кейда посмотрел вверх, беспрепятственно читая ночное небо теперь, когда Большая Луна удалилась в затворничество на несколько дней.

Луна похожа на жемчужину, такая же круглая и блестящая, облака стремительно проходят мимо, не затеняя ее. Это должно быть доброй приметой для Дэйшей. Впрочем, скоро небеса пошлют нам настоящие дожди. А пока даже ночь не приносит избавления от жары.

Кейда вытер лоб Телуйета влажным полотенцем. Теперь раб, впавший в забытье, лежал нагой под легким покрывалом, и дыхание его было свистящим и замедленным. Услышав приглушенные шаги за дверью, Кейда выпрямился, положив полотенце в таз с отдающей безой водой, и резко пахнущее масло приятно за холодило руки. Суетливый стук в дверь прозвучал неожиданно громко в ночной тишине и вспугнул крохотную зеленую домашнюю ящерку, пробежавшую по потолку. Снаружи послышался злобный шепот. Кейда слабо улыбнулся.

— Входи.

— Улла Орхан, возлюбленный сын...

— Заткнись, Вэйно. — Наследник владения Улла протиснулся мимо своего телохранителя и низко поклонился Кейде.

— Добро пожаловать. — Кейда стоял в кругу света, отбрасываемого единственной масляной лампой, которую он зажег, чтобы хоть немного разогнать тьму. Сложив руки и склонив набок голову, он поглядел на мальчика.

Я не слышал прежде в твоём голосе этих властных интонаций, мой малыш. Ты знаешь ли, насколько напоминаешь этим отца?

— Как твой раб? — Орхан поглядел на лежащего Телуйета. Единственный оставшийся в живых сын Уллы Сафара был почти что копией своего отца, хотя в мальчике не было и намека на сафарову полноту. Лишь нижнюю половину лица, линию подбородка и тонко очерченный рот, он унаследовал от давно умершей матери.

— Неплохо, — спокойно обронил Кейда.

— Кажется, у нас что-то вроде вспышки этой заразы. — Откровенное ехидство Орхана заставило владыку Дэйша вздрогнуть. Острые глаза мальчика явно приметили чашку с водой, в которой плавала угольная пыль. — Я собираюсь посмотреть, что можно сделать. Тебе не нужны какие-то травы или настойки, которых ты не привез с собой? У тебя есть корень кисте-

ягоды? Пилосердце? Хотя бы для кого-то еще из твоих людей, кого может поразить это недуг?

Обе травки — хорошее лекарство для человека, страдающего от рвоты, хотя, конечно, их чаще используют, когда считают, что больной отравлен.

— Да, спасибо. У меня есть все, что нужно. — Кейда увидел, что телохранитель Орхана настороженно смотрит на хозяина. Кейда не знал этого человека.

Не то чтобы у меня был повод помнить твое лицо, в особенности учитывая, что Орхану редко дозволяется держать одного и того же раба более чем треть года.

— Погоди, кое-что ты можешь мне прислать. Немного льда, если он в ваших погребах еще остался.

Орхан кивнул, как если бы ему ответили на некий невысказанный вопрос.

— Немедленно, Дэйш Кейда. Желаю тебе спокойной ночи, но незамедлительно пришли мне весть, если тебе что-то понадобится. В мои покои. — Он помедлил на пороге. — Жаль было не увидеть с тобой Дэйша Сиркета. Передай ему мои добрые пожелания по возвращении в родное владение.

— Конечно, — Кейда коротко кивнул, когда раб закрыл дверь и поспешил за своим хозяином, решительные шаги которого затихали в отдалении.

Если ты не проявляешь склонности к прорицаниям, мой малыш, ты, разумеется, уделяешь немало времени изучению трав. Хотел бы я знать, впрямь ли прорицания не даются тебе? Не ведешь ли ты какую-то хитрую игру? Может, ты подозреваешь, что вызванная плохой водой болезнь, которая унесла твою мать, была чем-то иным. Ты не единственный, кто об этом задумывался. Если ты пытаешься провести Уллу Сафара, хотел бы я знать, как долго это будет тебе удаваться. За эту игру ты платишься жизнью, единственный ты сын или нет.

Кейда сидел в безмолвном мраке и обдумывал свои отношения с Орханом в свете этой новой мысли. Чуть погодя новые шаги за дверью отвлекли его от размышлений. На этот раз явилась озабоченная троица слуг, возглавляемая стариком с миской льда, отколотого от глыб, принесенных на равнины с

холодных горных вершин и упрятого под соломой в глубочайших погребах крепости. Позади старика две девушки сражались с подносом, нагруженным закрытыми блюдами.

— Мой господин, госпожа Миррел умоляет тебя поесть, пусть ты и не можешь присоединиться к обществу в пиршественном зале, — сказала одна из служанок с беспокойной улыбкой. — Она надеется, что твоему рабу уже лучше.

— Поставьте здесь. — Кейда кивнул на столик сандалового дерева, и девушки поспешили повиноваться.

Старик заискивающе улыбнулся, ставя на пол миску со льдом.

— Позволь мне служить тебе, великий владыка. — Он поднял крышку с миски дымящейся соллерной каши, сдобренной сушеными карнеликами и посыпанной кусочками стручкового перца. В животе у Кейды забурчало.

— Я справлюсь сам. А вы идите, пока не разбудили моего раба. — Голос его прозвучал спокойно, но властно, и все трое поспешили прочь. Кейда вздохнул, накрыл блюдо крышкой, чтобы избавиться от соблазнительного запаха, поднимающегося от желтого с белым кушанья, и бросил немного льда в воду, которой омывал лоб Телуйета.

Прошу простить меня, Миррел Улла, но я не съем ничего из принесенного. Как бы мне избавиться от твоих даров, не оскорбив хозяев тем, что я не прикоснулся к пище? Везде-сущие слуги Уллы, без сомнения, доложат о некоей неожиданной субстанции в ночном горшке. Как, интересно, понравится Сафару весть, что меня видели закапывающим эту проклятую кашу в саду?

Кейда ухмыльнулся нелепости такой мысли. Убедившись, что Телуйет по-прежнему мирно спит, он достал из открытого сундука-аптечки книгу и сел на подушку, оперевшись спиной о кровать.

Он тщательно прочел все наставления Дэйша Рейка о лечении болезней кишечника и немалую их часть о борьбе с отравлениями, когда услышал, как остальные возвращаются с пира. Кейда различил звонкие голоса Итрак и Джанне, непринужденно болтавших о чем-то, пока женщины шли к своим покоям. Кейда ждал, положив книгу себе на колени. Где-то неподалеку хлопнула дверь. Все ставни были открыты в тщет-

ной попытке заполучить хоть немного ночной прохлады, и отголоски дальней беседы проплыли над садом, влетев в его покой через окно. Он слышал, как отдавали приказы страже, и резкие звуки, с какими открываются и закрываются сундуки и лари, и приглушенное шевеление — слуги и музыканты устранились на твердых плитках пола. Постепенно суета затихла. Вскоре раздался негромкий стук в дверь.

— Войди.— Кейда встал на ноги и расправил затекшие плечи. Бирут отворил дверь, чтобы впустить Джанне. Лицо раба выражало откровенное беспокойство.

— Как стыдно, что ты не вернулся к нам, ты пропустил великолепный ужин.— В голосе Джанне слышалась ехидная нежность.— Был целый стол блюд из речной рыбы и отдельный — для коралловых крабов и прочих даров моря. Каждое блюдо с уткой или какой другой дикой птицей украшали перья из их хвостов, а сладости были обрамлены золотыми листьями.

— Я не видел смысла покидать Телуйета только для того, чтобы Сафар и женщины Улла втянули меня в бесконечные и бесплодные толки о его болезни.— Кейда заложил нужную страницу полоской обработанной кожи и закрыл книгу.— Они, несомненно, решили, что я обвиняю их в отравлении моего раба.

— Как будто тебе в голову могла прийти такая мысль! — Джанне произнесла эти слова с негодованием и удивлением, в расчете на тех, кто мог их подслушивать, а сама подняла брови в немом вопросе мужу. Он пожал плечами, намекая на невозможность ответить.

— Кроме того, я думал, что Ритсем Кайд предпочтет обсудить наши нынешние затруднения с Коронном, не отвлекаясь на докучливую болтовню.

Теперь он глядел на жену, ища ответа.

— Редигал Корон, кажется, больше озабочен обсуждением новости Чэй о слухах на нижних уровнях, которые один за другим стали мучаться рвотой,— кисло сообщила жена.

— Восхитительная беседа для званого ужина,— и Кейда скорчил рожу.

— То же самое сказала Корону Мони, только более обтекаемо.— Веселое воспоминание на миг осветило утомленное лицо Джанне.

— Думаешь, она говорила правду? Я имею в виду Чэй,— сорвалось у Кейды.

О, только бы осведомители хозяина легли наконец спать, вместе со всеми остальными.

Джанне нехотя кивнула.

— Кое-кто из служанок Мони Редигал тоже заболел. И один из музыкантов Тэйси. Полагаю, Уллу Орхана послали ухаживать за ними, хотя много пользы будет Сафару, если его единственный сын свалится с той же хворью.

— Орхан заходил сюда спросить, не нужно ли мне что-нибудь для Телуйета.— И Кейда со значением посмотрел на жену.— Полагаю, за последнее время он вырос и стал отлично осознавать свой долг.

Джанне на миг замерла, прежде чем поднять бровь, пристально глядя на мужа.

— Какой позор, что ему пришлось покинуть ужин. Он мог бы немало усвоить, наблюдая за беседами отца с Редигалом Короном и Ристемом Кайдом.

А не мог ли Сафар отправить целую толпу народа только для того, чтобы его сын покинул ужин? Не начал ли он бояться, что Орхан бросит вызов его превосходству, несмотря на все те годы, в течение которых Сафар унижал мальчика и подрывал его доверие к себе по любому поводу? А что если он отправил всех прочих своих сыновей не столько для того, чтобы лишить Орхана соперников, сколько для того, чтобы уничтожить его возможных союзников? Или из-за голода и усталости тебе что-то мерещится, Дэйш Кейда?

— А что пропустил Орхан? — напрямую спросил он.

Джанне некрасиво зевнула.

— Не очень много, пусть даже нам и удалось прекратить разговор о рвоте. Улла Сафар стоит на своем: реальность этой чародейской угрозы по-прежнему недоказана, и незачем требовать вмешательства Улл. Редигал Корон склонен во всем ему поддакивать, хотя, подозреваю, доводы Сафара убедили его самого не больше, чем этого его отвратительного евнуха. Ристем Кайд не соглашается, но...— Джанне опять зевнула.— Едва ли он будет в состоянии действовать, если откажутся Сафар и Корон.

В этом Кейда не был убежден.

— Что обсуждали женщины?

— Поставки сырья, ремесленные изделия и умения наших мастеров — все как обычно. Тэйсья Ритсем озабочена, как бы расширить в их владении торговлю железом и сталью. Чэй и Миррел были счастливы давать ей советы. Никто не видит причин, почему бы жизни не идти, как прежде.

— А что по этому поводу думает Итрак? — резко спросил Кейда.

— Она чем дальше, тем больше расстраивалась при виде такой бессердечности. — Джанне невольно бросила взгляд через плечо. — Лучше бы мне не оставлять ее надолго. Все мы слишком устали, чтобы полночи унимать ее.

— У твоей постели есть серебряная сеть. — Кейда сделал шаг к жене. — Не думаю, что там зараза, но осторожность не повредит.

Джанне оглядела комнату.

— С тобой здесь нынче больше никто не спит?

— Нет смысла, чтобы кто-то, еще не подцепивший болезнь, на такое соглашался.

— Ну хотя бы позволь Бируту помочь тебе устроиться на ночь. — Джанне одарила мужа многозначительным взглядом. Затем, не дожидаясь ответа, бесшумно пошла обратно по темной галерее в свои покои. Кейда поскреб бороду рукой.

— Можешь это выбросить. — Он указал на груды грязной одежды, в которую были одеты сегодня он и Телуйет.

— Позволь помочь тебе умыться. — Бирут поманил Кейду к умывальнику и принялся шептать в ухо владыки, поднимая кувшин повыше и производя как можно больше шума. — Нам нелишне следить за спутниками Редигала, — торопливо зашептал его голос. — Телуйет сказал, что слышал, будто один из этих заморинов не тот, за кого себя выдает, будто у него есть свои камни, да еще и сын, и вся эта шайка замышляет установить свою собственную династию. — Бирут поставил медный кувшин на умывальник, громко звякнув, и поглядел на Телуйета. — С ним все будет хорошо, да?

— Все знамения благоприятны, — кивнул Кейда. — А теперь ступай и позаботься о своей хозяйке.

Бирут подхватил грязную одежду и удалился. Кейда бросил пригоршню уже тающих льдинок в миску и с наслаждением протер холодной водой лицо и шею. Пока он стоял, прохладные струйки намочили чистую шелковую темно-желтую рубаху и штаны, которые он вытащил не глядя из сундука с одеждой. Холод помог прояснить ум, но ненадолго.

Есть еще одна загадка, и у нас нет надежды разгадать ее, пока Телуйет лежит без чувств. Мне просто нужно дождаться утра. Если бы нам только удалось хоть чего-то добиться от Сафара и создать союз! Он так необходим против этой проклятой волишбы. Мне потребуются все резервы тела, чтобы не стать к утру полумертвым от усталости.

Кейда поглядел на постель, где лежал его раб.

Достаточно велика для Сафара и всех тех женщин, которые нужны ему, чтоб утолить его похоть, но лучше не делить ее с Телуйетом, мало ли, вдруг болезнь заразная. Лучше быть готовым помочь Телуйету, если вдруг ночью ему станет худо.

Стянув через голову рубаху, он бросил ее на кровать, и притушил масляную лампу так, чтобы огонек стал совсем слабым. Устроившись на одном из стеганых шелковых одеял на полу, он подхватил наугад какую-то подушечку и сунул под голову, после чего попытался настроиться на сон, несмотря на мучившие его вопросы и безжалостную жару.

А что если во владении Редигал случится переворот? Возможно ли такое? Как поступят Улла Сафар и Ритсем Кайд? А как насчет владений на севере?

Тут он понял, что не спит. Следом за этой догадкой явилось смутное понимание, что он только что спал, но его что-то разбудило. Кейда резко выпрямился и сел.

Чем это пахнет? Горелым? Это от жаровни? Разумеется, нет. После того, как вскипятил достаточно воды для Телуйета, я погасил ее и выставил за дверь. Что-то случилось с лампой?

Комнату поглотила беспросветная тьма. Разве что лунный свет пробивался сквозь щели в ставнях. Кейда кашлянул и ощутил сильное жжение в гортани. Он вновь кашлянул, и затаившаяся головная боль крепко и злобно охватила его виски. Еле слышно бормоча проклятия и шаря руками перед собой,

он пробрался через спальню к столику с лампой и вновь выругался, когда случайно коснулся раскаленного стекла.

Кто-то погасил ее, и совсем недавно. Может, это Бирут опять осторожничает? Но здесь же совсем нечему загораться. Откуда в таком случае исходит этот запах? Или там, снаружи, какой-нибудь дурень что-то уронил на жаровню?

Он уделил один миг Телуйету. Раб все еще спал, но на ощупь его лоб стал прохладнее. Кейда перевел дух, но тут же понял, что запах гари становится все сильнее. Кое-как добравшись до двери, он распахнул ее и глубоко вдохнул, готовясь позвать слугу. Но тут густой дым, наполнявший коридор, попал ему в горло, и Кейда исступленно закашлялся, отчего немедленно всколыхнулась головная боль. Он захлопнул дверь и встал, опершись о дверной косяк, пока не прошел приступ.

Пожар — и никто не поднял тревогу? Как может такое произойти в доме Уллы Сафара? Нам бы надо выбираться отсюда, пока все не задохнулось во сне!

Кейда вдохнул настолько глубоко, насколько мог, приоткрыл дверь и проскользнул в щель, стараясь не напустить дыма в комнату, где лежал Телуйет. А затем медленно пошел к покоям Джанне, ведя одной рукой по прохладной мраморной стене, при этом назойливое желание кашлянуть почти душило его, глаза щипало, дым клубился вокруг, словно ставшие видимыми злые чары. Дверь покоев Джанне оказалась распахнута настежь.

Когда это Бирут позволял себе отойти ко сну, не позаботившись о безопасности хозяйки?

Кейда открыл рот, чтобы позвать раба, но едкий дым опять ворвался в горло, и Кейда снова закашлялся, а его грудная клетка заходила ходуном. Внутри никого не было, во всяком случае, Кейда никого не видел: ни музыкантов, ни служанок, ни носильщиков. В покоях Джанне было еще темнее, чем у него. Кто-то опустил шторы и крепко привязал их поверх ставень, чтобы преградить доступ свету и воздуху. Владыка Дэйш двинулся вперед, натываясь на спящих и на набитые перьями тюфяки, пытаясь в липкой тьме найти дверь в спальню Джанне. Найдя, он резко отворил ее, и, спотыкаясь, заспешил к кровати, по пути довольно болезненно содрал кожу на голени

о какой-то сундук с одеждой. Он потерял равновесие и, падая, наткнулся на Бирута, спавшего на тюфяке в изножия кровати.

— Проснись! — Кейда схватил Бирута за голое плечо и грубо потряс. Тот, не сопротивляясь, перекатился, уходя от нападения, со слабым недовольным бормотанием. Кейда упал на колени и наклонился так близко, что почувствовал на своей щеке дыхание раба. Кейда вскочил на ноги и кинулся к Джанне, свернувшейся рядом с Итрак на широкой кровати. Обе спали — слишком крепко, чтобы такой сон мог быть естественным.

— Джанне, милая! — Нашупав рукой ее пульс, Кейда нашел его подозрительно вялым. Он убрал волосы со лба жены, прежде чем шлепнуть ее по щеке. Сперва легко. Затем посильнее. — Джанне! Надо просыпаться! — От ужаса и ночной жары Кейду прошиб холодный пот, противно заструившийся вниз по позвоночнику.

Как же мне разбудить всех, прежде чем они задохнутся во сне? Что же, тогда посмотрим сперва, нельзя ли избавиться от дыма. Посмотрим, что происходит, вместо того, чтобы вслепую метаться во тьме.

Опустившись на одно колено, он нащупал рубаху Бирута и пошарил в ее карманах в поисках огнива. Найдя на столике рядом с Джанне масляную лампу, он осторожно ее зажег. Женщины и раб спали, ничуть не потревоженные светом. У Кейды не прибавилось бодрости от вида густых завитков дыма, плававших по спальне. Выглянув с лампой в коридор, он увидел, что двойные двери, отделяющие их покои от лестниц по обе стороны, закрыты. Темный дым проскальзывал в щели северной двери. Кейда поспешил к южному входу и толкнул створки. Они не поддались. Он поставил лампу и налег на дверь плечом. Без толку. Заперто.

— Пожиратели ящериц, — разъяренно пробормотал Кейда, прежде чем снова подхватить лампу и осторожно двинуться к противоположным дверям. Ему не потребовалось прикасаться к полированному дереву, чтобы ощутить, как оно нагрето. Теперь он слышал по ту сторону голодный треск огня, вгрызающегося в дерево. То самое странное жжение, которое он ощутил, пробудившись, опять раздражало гортань.

Эти коридоры облицованы мрамором от пола до потолка. Чем будет кормиться огонь, перебираясь от покоя к покою, от двери к двери? Этот огонь пущен умышленно и, как только дверь прогорит, нас ослепит дым и охватит пламя. Как Олкаи.

Что-то просочилось сюда вместе с дымом, какое-то дурманящее вещество. Мы всегда подозревали, что Улла Сафар сведущ в ядах, пусть даже он обращает мало внимания на целительское искусство. Это что, его последний шаг в какой-то коварной затее, — дым, который должен ввергнуть нас в забытие, откуда мы уже никогда не выберемся? Не было ли что-то подмешано и в угощения на пир? Какое-нибудь снадобье, позволившее бы Ритсемам и Редигалам проспать все, что бы ни творилось, а между тем мы, Дэйши, вдохнувшее еще одну порцию дурмана вместе с дымом, наверняка не пробудились бы, пока огонь делает свое дело?

Впрочем, пожары — обычное бедствие этого времени года, когда повсюду так сухо и все измотаны и невнимательны из-за жары. Ты просто обезумеешь от горя, Сафар, оттого, что подобное могло случиться в твоём собственном доме. Возможно, ты даже сожжешь нескольких из своих рабов, чтобы унять подозрения Ритсема Кейда. Что же, прости меня, Сафар, если я постараюсь, чтобы все твои усилия пропали даром.

Кейда оставил в покое двери и вернулся к Джанне. Схватил с умывальника кувшин, полный воды, и стал безжалостно пинать Бирута и нового раба Итрак, крепко спавших рядом с хозяйской кроватью. В отчаянии Кейда выплеснул воду, которую так старательно кипятил вечером, на Итрак и Джанне. Хватив пустым металлическим кувшином о мраморный пол, он поднял оглушительный шум.

— Что... — Бирут поглядел на него, туго соображая спросонья.

— Пожар! — завопил Кейда.

Ярость владыки Дэйша и привычка к повиновению побудили Бирута подняться на колени. Он схватился за резную ножку широкой кровати.

— Что?

— Да пожар же! — Кейда немилосердно тряс Джанне за плечо. — Быстрее, разбуди всех!

Джанне пошевелилась только для того, чтобы оттолкнуть Кейду, пробормотав нечто вроде извинения. Вновь отчаянно закашлявшись, он перевернул жену, чтобы как следует шлепнуть ее по атласным ягодицам. И этот звонкий удар наконец-то преодолел оцепенение Джанне. Она взвилась, замахнувшись на обидчика. Кейда схватил ее за руку и сжал до боли.

— Джанне. Проснись. Пожар.

— Что? — Джанне смотрела на него, ничего не понимая.

Бирут ковылял к двери внешнего покоя.

— Все спят. — Он выглядел до нелепого растерянным, когда его одолел приступ кашля.

— Давайте быстрее отсюда выбираться. — Кейда потянулся через Джанне, чтобы перевернуть Итрак и шлепнуть по заду и ее. — Бирут, нам нужно попасть в сад.

— Итрак! — Джанне схватила молодую женщину и принялась ее трясти. Удостоверившись, что оба раба и женщины достаточно пришли в себя, чтобы понимать происходящее, Кейда поспешил назад во внешний покой и что было духу заколотил по стенам и столам пустым медным кувшином. В ответ на лязг, крики и удары ногой слуги и музыканты зашевелились и оторопело уставились на Кейду, ожидая указаний.

— Огонь идет оттуда. — Кейда махнул рукой в сторону северной двери, и все услышали треск разгорающегося пожара. — Другая дверь не поддается. Надо вылезать в сад.

Плохо понимая, что делают, те, кто был ближе прочих к наружной двери, немедленно принялись кидаться на нее, не обращая внимания, как сильно доставалось их рукам и плечам.

— Она не откроется! — Кейда услышал отчаяние в словах флейтиста. — Ее подперли снаружи.

— Кто-нибудь, лезьте в окна! — Кейда поднял взгляд к темным ставням, расположенным слишком высоко, чтобы до них возможно было добраться в одиночку.

— Где палки для ставней? — спросила какая-то полусонная служанка.

— Кто-нибудь, помогите мне подняться. — Откуда-то возник Джевин, новый раб Итрак, завязавший лицо куском ткани.

— Встань мне на спину. — Кто-то, кажется, носильщик, повернулся лицом к стене, распростер руки и согнул ноги для

устойчивости. Джевин вскарабкался ему на плечи, распластался по гладкому мрамору и отчаянно потянулся рукой вверх. Ему чудом удалось ухватиться за подоконник, и он стал поднимать другую руку, чтобы распахнуть ставень.

— Давай еще, парень. — Другой носильщик был готов помочь. Он схватил стопы Джевина и что было силы подтолкнул его вверх. Джевин подтянулся и лег на подоконник животом, затем с трудом перекинул наружу ногу и сел верхом на раму.

— Что теперь?

Кейда подошел поближе.

— Открой дверь в сад.

Джевин перелез через подоконник и повис снаружи на руках, после чего спрыгнул в сад. Когда он исчез, Бирут, шатаясь, вышел из спальни, поддерживая одной рукой Джанне, а другой Итрак.

— Забудем обо всем, кроме камней, — буркнула Джанне и страдальчески поморщилась — Ты и ты, принесите сундуки вашего господина и его аптечку. — Она ткнула пальцем в двух хнычущих служанок. При звуке ее голоса другие девушки принялись ожесточенно впихивать в сундуки шелковые ткани.

С другой стороны двери раздался грохот. Джевин закричал, и по его команде четверо носильщиков навалились на дверь. Та рассерженно затрещала, но поддалась.

— Ее подперли, мой господин. — Джевин показал ему расколотый чурбан.

В комнату влетел ночной ветерок, показавшийся почти прохладным после спертого и задымленного воздуха в помещении. Все на миг умолкло, с облегчением дыша и предвкушая скорое спасение. Треск огня за северными дверьми ощутимо усилился и превратился в голодный рык. Теперь, когда дверь в сад была открыта, воздух тек по коридору и комнатам, точно по трубе.

— Я принесу Телуйета, — прокричал Кейда Бируту. — Выводи остальных.

Бируту не требовалось повторять дважды. Он повлек Итрак и Джанне к двери, за ними, натываясь друг на друга, поспешили женщины и музыканты; Джевин и носильщики вели под руки тех, кому особенно тяжело пришлось из-за дыма.

Кейда схватил лампу, и едва он вышел в проход, как оказался не в состоянии унять кашель. Клубящийся во тьме дым стал еще гуще, в лучах света плясали пылинки. Заскочив в свою спальню, Кейда поспешил поднять Телуйета с постели, перекинул его крепкие руки через свои плечи и приобнял раба за талию.

— Идем, кажется, мы вынуждены отказаться от гостеприимства Уллы Сафара. — Телуйет, все еще погруженный в глубокий сон, мертвым грузом висел на руках Кейды. Подхватив лампу и выволакивая раба в коридор, Кейда увидел пламя. Дальняя дверь поддавалась напору огня и теперь всю пылала.

Тут на Кейду неожиданно напали. Если бы рука Телуйета не приняла на себя основной удар, Кейда, пожалуй, лишился бы чувств. Но так он лишь зашатался, подавшись вперед и уронив Телуйета. Не медля ни мгновения, он развернулся, пытаясь уклониться от второго удара и рассмотреть, кто бы это мог прятаться в темноте.

Из тьмы выступил здоровенный детина с лицом, защищенным от сгущающегося дыма широким платком. Он взмахнул утыканной чем-то острым дубиной, целясь по коленям Кейды. Владыка отскочил в сторону, и его проворство оказалось неожиданным для несостоявшегося убийцы. Поняв, что жертва не оглушена и не одурманена и справиться с ней будет нелегко, нападающий коротко ударил Кейду в бедро. Владыка свалился на колени. Убийца поднял дубину, чтобы обрушить ее сбоку на голову Кейды. И тогда владыка бросил в детину лампой. Стекло разбилось, горящее масло обрызгало незнакомца с дубиной. Тот попятился, затем замер, открыв рот в крике гнева и боли, после чего, обмякнув, рухнул лицом вниз.

Льстивый заморин из слуг Уллы вытащил кинжал с широким лезвием из горла здоровяка и протянул руку, чтобы помочь Кейде встать на ноги.

— Будь у него меч, он бы меня достал, — выдохнул Кейда, дрожа.

Евнух покачал головой, возвращая кинжал в ножны на поясе нападавшего.

— Слишком трудно было бы объяснить, откуда у тебя, которого нашли придавленным обрушившейся балкой, на теле колотые раны.

Между тем двое человек подняли с пола Телуйета. Кейда, вскочив на ноги, положил руку на плечо служителя.

— Спасибо.

Тот кивнул в сторону покоев Джанне.

— Подними как можно больше шума. Он не сможет прикинуться ничего не знающим, если ты разбудишь всю крепость.

Кейда помедлил.

— Тебя не заподозрят? Точно?

— Нет. — Слуга остановился у распахнутых дверей.

— Мне был поручено их открыть, чтобы все могли удивляться, как это тебе не удалось найти такой простой путь наружу. Я просто скажу, что нашел этого парня мертвым.

Прислонив Телуйета к стене, Кейда улыбнулся.

— Я всегда с гордостью назову тебя братом, знай это.

— А я тебя. — Кейда успел увидеть улыбку на лице заморина, прежде чем тот бесшумно удалился. Владыка поволок бесчувственного Телуйета в покои Джанне, и тут двое из носильщиков бросились ему на помощь.

— Мой господин!

— Ты не ранен? — спросил один из них, встревоженный видом крови, размазанной по голой груди и плечу Кейды.

— Что? — Кейда огляделся и понял, что это кровь нападавшего. — Нет, я цел. — И, уже говоря это, осознал, что дубинка оставила на руке Телуйета глубокую рану.

Все вместе они побежали к саду. От первого глотка прохладного ночного воздуха по телу Кейды пробежала дрожь, и он снова закашлялся. Когда ему удалось наконец справиться с приступом, голова кружилась так, точно он отведал какого-то крепкого пойла из тех, что варят варвары.

— Что теперь? — Джанне вцепилась в его руку. Под чьей-то чужой рубахой виднелись ее голые ноги, волосы наполовину выбились из заплетенной на ночь косы, а на лице угадывался каждый год ее жизни. За спиной Джанне скорчилась на сундуке Итрак, спрятав лицо в ладонях и высоко подняв плечи. Джевин стоял перед ней на коленях, сияясь утешить хозяйку.

— Поднимем тревогу, — прохрипел Кейда. Он с внезапной яростью поглядел вверх, на глухие ставни более высоких

этажей внутренней крепости. — Поищите что-нибудь, что можно было бы туда бросать. Кричите как можно громче.

Служанок по-хорошему не нужно было даже просить, они и так срывали голоса, крича о помощи. Недолго думая, один из носильщиков с радостью спихнул с пьедестала основательных размеров урну, и, как только та разбилась, слуги подхватили крупные осколки и стали метать их в окна. Вскоре, к мрачному удовлетворению Кейды, в окнах наверху стали загораться огни.

Пусть люди Уллы Сафара попытаются этого не заметить.

Он глубоко вздохнул и заговорил, стараясь не кашлять.

— Слушайте меня все. Мы возвращаемся на корабль. Если слуги Уллы Сафара не могут хоть сколько-нибудь осторожно обращаться ночью со свечами, мы будем там в большей безопасности.

— Разумеется, мы не сможем жить в этих покоях, пока их не восстановят. — Джанне задумалась. — Ну а если мы вернемся на «Радужного Мотылька», мы не причиним неудобств Миррел Улле, прося устроить нас в других комнатах.

Теперь из крепости доносились крики, неподдельный страх охватил людей, живших неподалеку от Дэйшей. Некоторые приказы были вполне различимы в общем гуле: кто-то требовал ведер с землей и пальмовые цепы, чтобы сбивать пламя. Музыканты, служанки и носильщики все как один глядели на хозяина с хозяйкой, готовые исполнить любое указание насчет того, как им себя вести.

— Давайте вернемся на корабль как можно скорее. Итрак явно в отчаянном состоянии. Это несчастье, несомненно, оживило ее воспоминания о страшных пожарах, которые опустошили владение Чейзен. — Кейда поймал взгляд Джанне, и та кивнула в знак понимания.

Пусть Миррел откроет для нас самые роскошные покои, которые только может предложить гостям эта крепость. Как только мы очутимся на борту, Джанне придется ежедневно отказываться от приглашений Улл, чтобы не причинять Итрак новых страданий. Да и все мы на корабле будем в значительно большей безопасности.

Кейда сел на удобную скамью из резного дерева.

— Бирут, мечи Телуйета у тебя?

— Конечно, мой повелитель. — Бирут приблизился к нему. — Как и мои собственные.

Кейда с усталой веселостью осознал, что единственная причина, по которой раб нацепил набедренную повязку — это то, что в противном случае ему некуда было бы засовывать мечи в ножнах, в отсутствии соответствующего пояса.

— Дай их мне. — Кейда принял у Бирута оружие и взвесил в руке, прежде чем вручить одному из носильщиков, озабоченно наблюдавшему за Телуйетом. Владыка кивнул в сторону прочих слуг. — Бирут, вручи одному из них свой второй меч и возьми клинок у Джевина. Тяните жребий, кому достанется палка.

Когда тот отошел, Кейда встал на колени, чтобы осмотреть свежую рану Телуйета. Приподняв окровавленное предплечье раба, он тщательно ощупал кость и еле слышно выругался, обнаружив явный перелом. Хуже того, в ноздри ударило злое. Напавший на них убийца, по всей видимости, смазал свою дубину каким-то ядовитым настоем.

— Джанне! — Кейда огляделся и увидел, что жена тщательно исследует все, что удалось вынести служанкам, несмотря на приказы не брать ничего, кроме самого главного.

— Где тут у вас моя аптечка? Эй, Джевин, дай мне что-нибудь для лубка.

Одна из девушек принесла аптечку, тесно прижимая ее к груди побелевшими пальцами. Кейда пошарил в сундучке, ища нужную мазь — такую, чтобы не нагноилась рука несчастного Телуйета. Растерев остро пахнущий желтый состав по куску хлопковой ткани, он плотно перевязал все многочисленные ранки, прежде чем тщательно уложить в лубок сломанную руку. Новая срочная задача помогла Кейде побороть усталость, и даже головная боль почти сошла на нет.

Мой самый верный слуга не потеряет руку из-за гнусных происков Уллы, если только я могу этому помешать.

— Мой господин, мы ждем, чтобы послать весть на корабль через одного из слуг Уллы Сафара? — Носильщик вернулся, решительно держа второй меч Джевина в могучем ку-

лачище. Один из товарищей стоял за его плечом со вторым клинком Бирута. Оба выглядели невероятно счастливыми оттого, что у них в руках оружие. — Или кому-то из нас сбежать на пристань и позаботиться, чтобы немедленно призвали галеру?

— Ты Гал, не так ли? А ты Дюраи? — Оба парня были из самых задних рядов меченосцев Дэйшей, и Кейда едва ли разглядел кого-то из них во время путешествия сюда.

— Я Диал, мой господин, — поправил второй.

Кейда оглядел сад. С трех сторон в него выходили окна, но все коридоры привели бы Дэйшей обратно к огню, который все еще бушевал внутри здания. Не стоило и думать о возвращении под крышу, пока кто-то не обуздает пламя. Кейда развернулся и скептически оглядел высокую стену, увенчанную парапетом, тянувшимся от одной низкой башни к другой. Любопытно, что ни один часовой не появился там, чтобы взглянуть, отчего весь этот шум.

— Я не чувствую охоты ждать, пока прихвостни Уллы Сафара разберутся, что к чему, и придут к нам на помощь. Мы поднимемся туда. — Он указал на парапет. — Оттуда мы сможем пройти по стенам на другую сторону крепости и сами дадим знак «Радужному Мотыльку».

Мне следовало бы заподозрить, что дело нечисто, когда Сафар поместил Дэйшей именно в это крыло здания, находящееся за пределами видимости нашего корабля. Как я мог упустить намек на такую подлость во всех пророчествах, которые открылись мне перед нашим отплытием?!

Пока Кейда об этом думал, его взгляд привлекла вспыхнувшая наверху яркая стрела света. Падающая звезда? Или огненный дракон прочертил полосу в ночном небе? Кейда воззрился на звезды с раскрытым ртом.

Не ко времени, самое меньшее, рановато, ведь еще даже не начался сезон дождей.

— Есть ли у нас какая-нибудь веревка? — Диал уже подбирал длинные ленты опавшей коры.

Гал кинулся назад, вниз по ступеням, и пропал в полном дыма внешнем покое. Несколько мгновений спустя он появился вновь с огромной охапкой шелковых покрывал; лицо его налилось кровью оттого, что он старался вовсе не дышать.

— У кого есть нож? — выпалил он.

Тут каждый из мужчин непроизвольно схватился за свой кинжал. Кейда в числе прочих обнажил свой клинок и стал резать дивной красоты ткань с таким удовольствием, словно это было горло Уллы Сафара.

— Кого бы нам первым запустить на парашют?

Диал уже сплетал из полос прочную веревку.

— Предоставь это нам, мой повелитель.

Когда шелковая веревка показалась Кейде достаточно длинной, трое бывших носильщиков образовали у стены живую лестницу, и Диал ловко вскарабкался наверх по их спинам и плечам. Очутившись наверху, он накинуд на высокий зубец петлю и сбросил веревку Галу, в нетерпении ожидавшему внизу.

— Вы двое останетесь здесь, поддержите Бирута и Джевина, — сказал Кейда оставшимся внизу носильщикам и полез вслед за Галом. Меч Телуйета нелепо торчал у него из-за пояса. Как только он добрался до парашюта, в саду зазвучали озабоченные голоса слуг Уллы.

— Дэйш Кейда, великий владыка!

— Не будем обращать внимания. — Пока они бежали вдоль стены — Диал впереди, а Гал замыкающим, Кейда услышал яростный голос Джанне, осаждавшей кого-то, кому удалось пробраться в сад в то самое время, когда обнаружилось, что Дэйш Кейда покидает ловушку.

На их пути выросла сторожевая башня. Единственный проход, через который можно было попасть внутрь башни со стены, маленькая дверца, неожиданно оказалась закрыта. Диал яростно постучался.

— Отворите Дэйшу Кейде! Или вы не только слепы, но и глухи?

Кейда услышал, как приглушенное движение внутри поспешно затихло. Он шагнул вперед и наклонился к самой замочной скважине, затем произнес, холодно и отчетливо.

— Я Дэйш Кейда. Откройте немедленно, или я потребую ваших голов за такое оскорбление.

Засовы были немедленно отодвинуты, и дверь открылась, чтобы явить взору владыки двоих юнцов, едва ли достаточно взрослых, чтобы бриться, не говоря уж о том, чтобы служить

в личной охране Уллы Сафара. Ни один из них не заговорил, но в их глазах ясно угадывался ужас.

— Мерзкий сброд! — Диал шагнул вперед, наполовину выдвинув из ножен меч.

Дверь позади мальчишек стояла распахнутая настежь, и Кейда увидел, как кто-то убегает по стене.

— Не стоит тратить на них время. — Он толкнул Диала к дальней двери. Они побежали дальше, обнажив мечи, и острые клинки сияли, точно осколки красовавшейся в небе Малой Луны. Огоньки начали появляться на всех верхних уровнях крепости. Кейда на них даже не глядел.

Сущие юнцы на часах, едва ли они вообще чему-то обучены. Улла Сафар выплакал бы все глаза, извиняясь перед Ритсемом Кайдом и Редигалом, на чем свет стоит кляня безрассудство своего начальника стражи, доверившегося юнцам, по невнимательности и неопытности пропустившим начавшийся в крепости пожар. Конечно, раз уж ходит молва о врагах-колдунах, явившихся с юга, этого и следовало бы ожидать. Мальчишек, безусловно, приговорили бы к сажанию на кол, а начальника стражи выпороли так, что шрамы остались бы на всю жизнь. И тем не менее я был бы мертв вместе с самой влиятельной моей женой, способной много кому помешать. Вместе с Итрак Чейзен и, возможно, большим числом наших спутников, которые могли бы пролить свет на здешние темные дела.

Следующая башня была пуста, а двери открыты. Третья по счету, правда, оказалась на запоре. Диал поднял рукоять меча, чтобы ударить по неподатливому дереву. Секундой раньше дверь открылась, и наружу вывалился воин Уллы в полном доспехе. Он налетел на Диала, сбив того с ног, и клинок воина Дэйша лишь без толку царапнул покрытое кольчужной сеткой плечо. Падая, Диал схватил нападавшего, обвив руками его шею, а ногами — его ноги. Вдвоем они свалились с парапета, и вскоре с треском сломанных костей и отчаянным криком боли приземлились в мощеном каменными плитками внутреннем дворе.

Меч Кейды встретил резкий удар сияющего клинка того, кто следующим выскочил из башни. Как и первый, безымянный воин, он был в шлеме с лицевыми пластинами и тонким кольчужным покрывалом. Владыка попятился, отражая второй

удар, рубящий, с широким замахом, нацеленный ему в бок. Кейда же, почти обнаженный, никак не мог без смертельного риска для жизни атаковать человека в полной броне.

— Пропусти меня, мой повелитель. — Гал придвинулся к нему сзади.

— Места нет. — Кейда повернул запястье, чтобы отвести новый смертоносный выпад, направленный ему в живот.

— Мой господин! — Тревога, переполнявшая голос воина, привлекла внимание Кейды к топоту бегущих ног, доносившемуся откуда-то из-за спины.

— Мечи в ножны!

Услышав позади голос Уллы Орхана, Кейда от изумления, чуть не пропустил очередной удар.

— Уберите клинки! — В полных ярости слова юноши прозвучали злое, эхо излюбленных интонаций его отца. Воин, стоявший перед Кейдой, отступил на шаг, настороженно опустив меч.

— Нам сказали, что на стенах захватчики.

— Во внутренней крепости? — Голос Орхана был недоверчиво холоден. — При отсутствии проломов во внешних укреплениях?

— Говорят о волшбе, хлынувшей с юга. — Воин все еще не убрал оружие в ножны. — Кто знает, где могут появиться чародеи?

Ты, очевидно, очень смел, если бросаешь вызов наследнику владения. Ты получил приказы от кого-то, достаточно близкого к Сафару, чтобы он мог считаться устами самого владыки.

И все-таки Дэйш Кейда дерзнул оглянуться и увидел, что Орхан облачен в свою, сделанную специально под его рост броню, а за спиной у него отряд воинов в кольчугах. Мальчик явился, готовый сражаться.

— Улла Орхан, я иду к причалу, чтобы дать знак моей галере забрать нас обратно на борт, — с напором сказал ему Кейда. — Я не могу больше подвергать опасности жизни моих людей. Слишком уж беспокойная сегодня ночь.

— Я не стану тебе противоречить, — напряженно ответил Орхан. — Хотя мне весьма горестно видеть, что в крепости моего отца происходят столь неслыханные вещи.

— Прочь с дороги, — рявкнул Гал на меченосца, преграждавшего им путь.

Воин отступил на шаг. Кейда сделал шаг вперед. Гал у его плеча резко дышал в напряженной тишине. Слышно было, как позади них Орхан вполголоса отдает какой-то приказ, затем зазвенела кольчуга, и один из его людей побежал прочь, несомненно, отягощенный каким-то сообщением. Человек в броне, стоявший перед Кейдой, дал знак тем, кто теснился за ним, и парাপет на глазах опустел.

— Я этого не забуду. — Голос Кейды звучал бесстрастно. — Ничего из этого.

— Я тоже. — Орхан медленно заморгал. Вскоре шум внизу всколыхнул новую тревогу в его глазах. — Кто-нибудь свалился?

— Диал, один из моих людей. Ухаживайте за ним как следует, я не брошу его в беде, учтите. — Кейда повернулся, чтобы возобновить свой путь.

Пусть Орхан докажет свои благие намерения достойной заботой о Диале, если тот еще жив.

Что бы ни повелел воинам юный наследник, его слово избавило Кейду и Гала от дальнейших нападений, каждая сторожевая башня открывалась за полминуты до того, как они к ней подбегали, а часовые отступали в сторонку с красноречивой смесью стыда и недоброго предчувствия на лицах. Кейда потерял счет башням, которые они с Галом оставили позади, он тяжело дышал, когда наконец добрался до той, из которой ему открывался приемлемый вид на реку далеко внизу.

— Сигнальный фонарь! — рявкнул он на перепуганного стража.

Вырвав у этого человека фонарь, Гал стал карабкаться по лесенке к люку, выходящему на крышу башни. Кейда поспешил за ним, перепрыгивая через три ступеньки. Гал поставил тяжелый фонарь на предназначенное для этого возвышение; ослепительный свет болезненно бил по глазам. Кейда потянул рычаг, задвигавший заслонки на фонаре. Считая удары сердца, он резким рывком опять открыл свет, закрыл, опять открыл, и так постоянно, с частотой, которую не мог бы не распознать старший дежурный на «Радужном Мотыльке». Кейда вглядывался

в коварную тьму, где несколько тусклых огоньков отмечали скопление хижин на берегу позади якорной стоянки. Перед его глазами гуляли световые пятна, вызванные миганием фонаря.

— Гал, ты что-нибудь видишь?

— Пока нет, мой господин.

Они подождали.

— Ага, вот!

Кейда заметил ответные вспышки там, куда указывал его воин. Задержав дыхание, он принялся считать короткие и длинные сигналы.

Это длинный ответ, а не чья-то случайная выходка и не ловкое предупреждение, что корабль захвачен, капитану навязана чужая воля, а матросы боятся за свою жизнь.

— Мы спустимся к пристани,— уверенно заявил он Галу.— Как только галера подойдет, ты отправишься обратно за госпожой Джанне и остальными. Если Улла Сафар собирается еще раз посягнуть на мою жизнь, он может сделать это на глазах у свидетелей, даже многочисленных. Я не ставлю больше под угрозу свою жизнь в темных коридорах, так что Сафар может заламывать руки, досадуя о роковой ошибке какого-нибудь перепуганного подчиненного. Я, разумеется, не допущу, чтобы Джанне по пути угодила в засаду.

— Сюда, мой господин.— Гал безошибочно повел Кейду вниз по винтовой лестнице в толще стены, а затем по коридорам, кишущим перепуганными слугами Улл. Зажигались лампы, отворялись и затворялись двери, все люди одинаково шарахались от двух мужчин с обнаженными мечами и недобрыми лицами.

Последний поворот и еще несколько ступенек привели их к двери во внешней стене крепости. Гал заколотил в нее.

— Отворите Дэйшу Кейде!

Тяжелая, окованная железом деревянная створка распахнулась так быстро, что стало ясно: кто-то ждал за ней. Кейда перешагнул через порог вслед за Галом. Они попали в высокий зал с факелами, горящими в скобах высоко над полом, и новой дверью напротив. Бойницы для стрел в стенах и отверстия в потолке, предназначенные для горячего масла, кипящей воды или самых нанобычных камней, не оставляли незваному гостю

ни малейшего шанса воспользоваться этим входом в крепость без желания хозяев. Внушительный отряд меченосцев Уллы стоял ровно посередине, между Кейдой и проходом наружу.

— Будь добр, отвори дверь, — обратился Кейда к начальнику, украшенный медью шлем которого говорил о его должности. — Моя галера вот-вот подойдет к пристани. — Он постарался, чтобы слова его звучали как можно более спокойно.

Хмурый вид Гала и обнаженные клинки должны дать им понять, что шутить с нами не стоит.

— Как прикажешь, великий владыка. — Начальник стражи низко поклонился и резким кивком головы послал двух своих людей отпирать тяжелые двойные двери. Кейда прошел вперед, не глядя ни на кого из стражей Уллы. Выходя на причал, он увидел галеру Дэйшей, что выплывала из ночной темноты в лунном свете, падающем на белую пену, взбитую веслами гребцов, когда те разворачивали могучий корабль. Люди Уллы последовали за владыкой Дэйшем и выстроились вдоль края пристани.

— Убрать цепи! — Кейда поднял взгляд и увидел человека в броне, кричащего с кормового помоста. Охрану корабля возглавлял один из самых доверенных людей Серно. Еще больше народу столпилось на палубе, и каждый из них выглядел настоящим воином, даже в хлопковых шароварах и безрукавках с открытым горлом. Начальник стражи затряс головой, отправляя своих людей снять с крюков тяжелые цепи, натянутые так, чтобы помешать любому нежеланному судну проскользнуть к причалу.

— Пойди и скажи Джанне Дэйш, что мы возвращаемся на нашу галеру, — обратился Кейда к Галу. Тот немедленно исчез в лабиринте крепости. Кейда стоял, сложив руки, такой суровый и надменный, что мало кто из стражи дерзнул бы обратить внимание на его нагую грудь, рваные и грязные штаны и вообще полное отсутствие чего бы то ни было, что соответствовало бы его статусу владыки.

Галера с шумом подошла к пристани. Быстрый топот по сходням возвестил, что меченосцы спешат на берег. Спрыгивая на пристань, они вставали вокруг своего повелителя и вместе с ним принимались смотреть сверху вниз на стражей Уллы.

Кейда осторожно переводил взгляд с одного воина на другого и щурил глаза в немом предостережении.

Последнее, что мне сейчас нужно — это враждебность и недоверие с обеих сторон, которое превратит это противостояние в битву на причале. Как бы положить этому конец?

Кейда стал внимательно изучать небеса. Никто из меченосцев не сделает ни единого движения, пока предводитель ищет знамений. Не одна и не две битвы так и не завязались, так как приметы загодя решили их исход.

Пока Кейда глядел вверх, он так или иначе сосредоточился на гнетуще напряженной обстановке вокруг. Меж тем он снова увидел две белых полосы, мелькнувших в ночном небе. Новые падающие звезды пересекли северную часть «четырехутольника направлений» и пропали в «дуге странствий и учения».

Казалось, прошла половина ночи, прежде чем Кейда услышал знакомый рев Бирута, расчищающего путь для Джанне Дэйш, первой жены и заботливой матери, нежно любимой всем владением. Носильщики распахнули двойные двери зала, и вся свита Дэйшей хлынула на площадку: служанки и музыканты, одинаково нагруженные таким количеством спасенного имущества, что Кейда испытал удивление. Куда менее неожиданным оказалось появление его жены.

— Мой супруг. — Джанне шагнула вперед; Бирут же гневно сверкал глазами из-за ее плеча. Каким-то образом ей удалось найти время облачиться в простое, но ярко расшитое платье с лентами голубого лождена, струившимися по белому шелку, и даже сапфиры мерцали на ее шее и в туго заплетенной косе. Джевину, по всей видимости, не удалось найти драгоценностей для Итрак, но и она оказалась одета в ниспадающее до пола одеяние из шелка, пестрого, как панцирь черепахи, и на руках ее звенело достаточно запястий, чтобы напомнить каждому, чья она жена.

— Моя госпожа и супруга. — Кейда сделал знак Бируту, чтобы тот отошел. Раб стоял с рубахой, достойной властителя, перекинутой через руку, и был полон решимости изменить к лучшему облик своего хозяина. — Полагаю, мы удалимся и позволим Улле Сафару восстановить какой-никакой порядок в его доме после всех этих весьма прискорбных происшествий.

— Безусловно.— Джанне обвела стражей Уллы взглядом, полным обжигающего презрения.— Впрочем, не стану лгать тебе, мой супруг. До сих пор это было самое неприятное мое пребывание в гостях.

Кейда кивнул сопровождающим жену служанкам, крепко сжимавшим ларцы с драгоценностями в мелко дрожащих руках:

— На борт.— И отвел Джанне в сторону, резким движением руки запретив Бируту приближаться.

— Улла Сафар предпринял все возможные попытки убить меня этой ночью, едва ли не сам попробовал заколоть меня в спину. Если он не знает, где я, у него не будет еще одного шанса.— Кейда говорил тихо и торопливо.— Я не собираюсь долго играть с ним по его же правилам. Мы не можем себе такого позволить, более того, мне необходимо время подумать. Завтра утром тебе захочется предаться созерцанию в Башне Молчания у водопада выше по реке, где выступ черной скалы врезается в реку. Ты меня слышишь?

Джанне кивнула, в ее расширенных глазах роились вопросы.

— Но, Кейда...

Он утихомирил ее поцелуем, обвинив руки вокруг талии и прижав к себе. Оторваться от ее губ было одной из самых трудных задач на свете.

— Мы идем. Пусть Итрак сидит внизу и не высовывается.— Оставив Джанне, он легко взбежал по сходням на корму «Радужного Мотылька» и протиснулся через толпу к высокому кормовому помосту, где встал позади кормчего, бдительно следившего за длинным правилом, которое приводило в движение мощное рулевое весло вниз.

Тягостное предчувствие выводило Кейду из себя все то время, пока он ждал, чтобы все взошли на борт, а матросы галеры отшвартовались, причем никто из людей Уллы не пошевелился, чтобы им помочь. Но вот гребцы склонились над веслами, и галера без промедления направилась к главному руслу реки. Как ни скудны были первые дожди, воды все же прибавилось, и течение реки усилилось. Кейда ждал, наблюдая за движением воды, пока они не оказались за пределами света, отбрасываемого фонарями крепости, и еще не приблизились к россыпи огоньков на берегу.

— Что это? — Кейда указал в темноту, и голос его стал пронзительным от тревоги. — Вон там, видите?

— Мой господин? — Вздогнув, кормчий и капитан проследили за движением его руки.

— Что это? — Кейда изумленно продолжал всматриваться в ночь.

После всего произошедшего этой ночью подобной, на первый взгляд, мелочи было достаточно, чтобы переполюшить весь корабль. Капитан поспешил к переднему борту, примыкающему к кормовому помосту, а кормчий привстал с места, и на его лице явственно читался вопрос. Кейда украдкой начал дышать все глубже и глубже.

— Эй, на носу, что вы видите?

Когда растерянные крики пролетели вдоль палубы, Кейда, невидимый, отодвинулся назад, к самому краю кормового помоста, где тот нависал над водой. Ниже его был только воздух. Владыка рухнул с кормы и ударился о воду, отчего раздался довольно громкий всплеск. Крики тревоги достигли его ушей как раз перед тем, как тяжелая вода сомкнулась над головой.

Не раскрывай рта. Не нужно сегодня глотать нового зелья Уллы Сафара, и давай-ка окажемся как можно дальше отсюда, прежде чем опять всплыть на поверхность. Ничего хорошего не будет, если тебя вытащат из реки, точно захлебнувшегося щенка.

Он с силой рванулся вперед под скрывающей его водой, выбрасывая вперед руки и подтягивая ноги, и повторял это до тех пор, пока у него не запылало в груди, а конечности не задрожали. Наконец, вынужденный приблизиться к поверхности, он перевернулся на спину, не позволяя себе поднимать лицо над резко пахнущей водой. Он плыл, делая редкие осторожные вдохи и подняв голову ровно настолько, чтобы слышать крики и суету ниже по течению. Там колыхалась в отчаянии на волнах галера, и все осматривали черную воду вокруг судна: нет ли где хоть какого признака владыки?

Когда им не удастся меня найти, они отправятся ниже по течению. Это может стать испытанием. Если я следую верному пути, они выберут ошибочный.

Перевернувшись, Кейда поплыл вверх по течению, разрезая руками воду так, чтобы избежать малейшего всплеска. Оставив позади несколько огней на берегу, он прибавил скорости.

Подальше от этих домов и прочь из реки, прежде чем рассвет приведет рыбаков и птицеловов к воде. А затем быстро через лес. Улла Сафар пошлет поисковые отряды, как только начнет светать. Более того, Джанне захочет знать, о чем, во имя всех звезд, я думаю, так что мне лучше быть у Башни Молчания близ водопада раньше моей жены. И не худо бы уяснить, почему эти падающие звезды зовут меня на север.

Глава 9

Если ты собираешься искать знамения на заре, подумай сперва, когда именно. Некоторые говорят — когда ты сможешь отличить у себя на ладони черную нить от белой. Другие — что не раньше, чем солнце полностью покажется над горизонтом. Это немалая разница во времени, если уж говорить о чтении примет, мой дружок. Я придаю значение тому мигу, когда свет грядущего дня превращается из серого в желтый.

Я никогда не разделял твоей уверенности в суждении о таких тонких вещах, мой отец, и поэтому решил, что на всякий случай мне всегда надо видеть море, если я ищу примет, и следить, когда над водой покажется ослепительный край восходящего солнца. Теперь мне мало пользы от этой привычки, здесь, среди кустов и деревьев. И все же, пока кто-то не заявится с пригоршней черных и белых нитей, чтобы со мной поспорить, я как-нибудь обойдусь своим чутьем.

Кейда помедлил, чтобы отдышаться; в предрассветных сумерках только начал проступать разоренный и вытоптанный кустарник, который окаймлял огороды островитян Уллы, и сады с основательно ухоженными плодовыми деревьями. Кейда посмотрел на небо, но больше нигде не вспыхивали падающие звезды. Протерев рукой глаза, которые жгла усталость и неведомо какая дрянь из речной воды, он двинулся вперед

через сухие и ломкие кусты. Вся зелень была опалена и отчаянно жаждала ливней, даже на этом не жаловавшемся, как правило, на засухи острове. Вскоре его ноги нащупали полоску голой земли, отмеченную слабыми следами, которые оставил лесной олень, затоптанными в одном месте более широкими и глубокими отпечатками кабаньих копыт. Следы диких зверей.

Иди по ним некоторое время — ради того, чтобы двигаться быстро и тихо ровно столько времени, сколько будет возможно, прежде чем охотники явятся из окрестных деревушек, ища дичи. И не забывай высматривать ловушки, пока ты на этой тропе. Тебя все еще, неровен час, могут обнаружить.

На бегу он не спускал глаз с прибывающего света над верхушками деревьев, равно как и вслушивался, не раздадутся ли где голоса или собачий лай. Он забрался достаточно далеко, чтобы не сомневаться: никто, посланный из крепости на его поиски, здесь владыки Дэйша не ищет. Но встреча с какими-нибудь охотниками, возвращающимися после ночной вылазки, будет не лучше. Опасность придала бодрости его усталым ногам, ноющим от непрерывной нагрузки. Когда свет почти вернул истинные цвета окружающим его зарослям, Кейда с неохотой оставил звериную тропу и взобрался чуть выше по склону, ища более надежную защиту, какую, по его мнению, мог дать настоящий лес. Более густая растительность вынудила его замедлить шаг, но и ходьба не принесла Кейде большого облегчения. Искушение остановиться и не двигаться с места росло и делалось все назойливей.

Что такое жалкие несколько секунд, они ни на что не повлияют, а мне нужен лишь небольшой отдых, чтобы растереть усталые мышцы. А еще следовало бы задержаться и поискать ручей. Ведь так хочется пить. Нет? Нет. Не будь дураком. Иди дальше и думай о чем-нибудь другом.

Запах дыма отвлек его от унылого повторения одних и тех же мыслей. После того, как первый прилив тревоги заставил его, точно испуганного оленя, встать столбом среди зарослей пыльных кустов, Кейда осознал, что острый запах — это всего лишь привкус в ветерке, веющем со стороны далеких хижин среди полей соллера, раскинувшихся за сухим низким кустарником и разбросанными кое-где огородами. Сердце его заби-

лось медленней, и он двинулся дальше, наблюдая, как разворачивается в голове вызванное дымом воспоминание.

«Конечно, это просто охотничье путешествие. Мы будем звать людей из деревень, чтобы уносили мясо и коптили его на берегу каждый второй день.— Дэйш Рейк улыбнулся, его зеленые глаза сияли, черная борода пышно висела теперь, когда была свободна от власти масла и гребня. Мы будем есть как следует весь сухой сезон, мы и все островитяне, которые нам помогут».

«Но ведь это не все, ради чего мы покинули дом»,— и Кейда видел, что некоторые из его братьев думают так же.

«Не все? — Дэйш Рейк склонил голову набок, на лице его играл вызов.— Что же еще?»

Все братья следили за Кейдой, ожидая его ответа, чуть улыбаясь: мол, давай, и радуясь тому, что он взял главное на себя.

«Ты ищешь...— Кейда помедлил, подбирая правильные слова.— Ты ищешь способа удостовериться в благополучии своего владения»,— внезапно провозгласил он.

«Зачем? Я недавно путешествовал с женами, слугами и рабами, готовыми исполнить любое мое повеление.— Дэйш Рейк покачал головой, и взгляд его стал пристальным.— Я предпринимаю такие наблюдения за каждым островом в начале засушливой поры, чтобы выслушивать просьбы, вершить суд и читать знамения в каждой деревне. Ты это знаешь».

«А они знают, что ты обязательно придешь.— Кейда выпрямился, и теперь доставал головой до отцовского плеча.— И любое несчастье может унести отлив, и все наилучшим образом сложится для самых благих знамений».

«Мы не задержимся ни в одной из деревень.— Дэйш Рейк в растерянности развел руками, развернув их ладонями к небу.— Мы едва ли вообще станем туда заходить».

«Ты говоришь со всеми, кого мы ни встретим на тропе от деревни к деревне,— возразил Кейда, сложив на груди тонкие лапки.— Когда люди не так настороженны и обеспокоены, чтобы их деревня лучше себя показала, когда женщины не твердят по десять раз, что еда, которую они предлагают, не хуже, чем в соседней деревне, а возможно, и

лучше, а мужчины опасаются, как бы такое великодушие не оставило их голодными к концу засухи.— Он оглядел полукруг своих братьев, и ему прибавили уверенности их кивки — с ним соглашались.— Ты не говоришь с людьми, которых выталкивает вперед старейшина, которые твердят, как чудесно он управляет деревней, как молодежь работает вместе и не знает ни одного резкого слова».

Тут он остановился, утратив уверенность, так как видел, что полные губы Дэйша Рейка подрагивают от еле сдерживаемого смеха.

«Метко подмечено, сын,— сердечно сказал Дэйш Рейк.— А по моим соображениям, вряд ли эти тропы видят и половину этих людей, когда мы не охотимся в здешнем краю.— Затем он присел на корточки и посмотрел сыну в глаза.— Но ты все-таки не обратил внимания, что у меня в этих путешествиях есть еще одна важная цель».

Кейде удалось не отстраниться, так как он знал, что все его братья наблюдают за ними, и он напрячь мозги, силясь сообразить, о чем же это он забыл.

«Мы отдаем деревням больше съестного, нежели съедаем. Полагаю, в силу этого наше присутствие им больше по нраву».

«Истинно.— согласился Дэйш Рейк.— Но есть кое-что еще».

Больше Кейде не удалось ни о чем догадаться, и он распрямил плечи, высоко задрав подбородок.

«Что бы это могло быть, отец мой?»

В один миг Дэйш Рейк подхватил пригоршню прошлогодних листьев с земли и запустил в Кейду.

«Мы получаем удовольствие и пачкаемся, и рядом нет твоих матерей, которые отругали бы нас, загнали в ванну и заставили переодеться в чистое! Вскочив, он запустил еще несколько горстей листьев в других мальчиков. Первый из вас, кто попадет в меня, может помочь мне сегодня развести костер!» Это оказался Аджил, ныне отвергнутый брат, заморин, усердный во всем, один из низших служителей Редигала Корона, который приобрел его ценные услуги.

Кейда помедлил, обнаружив, что находится близ ручейка, прорезавшего себе русло в лесной подстилке. Встав на колени, он

собрал воду из пробивающейся сквозь листья струйки и стал пить. Горло болело при каждом глотке. Пробежав мокрой рукой по бороде, он заставил себя вновь встать на ноги. Все тело ныло, начиная с головы, еще страдавшей от последствий вдыхания дыма, и кончая стопами, которые были сплошь в царапинах и ушибах.

Редигал Корон. А как насчет того заговора, краем коснувшегося Телуйета? Нельзя ли как-то использовать его, чтобы привести Корона к союзу с владениями Дэйш и Ритсем и не позволить ему пойти по пути безумца? Но поверит ли Корон? Сколько времени уйдет на то, чтобы распутать все нити заговора? Нет, слишком много, а между тем нельзя себе позволить отводить глаза от угрозы Чейзенам.

Со стоном он потащился дальше. Усики ягодных кустов цеплялись за его рваные штаны, уже высохшие и покрытые сухой растрескавшейся коркой речного ила. Теперь Кейда двигался прочь от редкого кустарника, где островитяне Уллы собирают топливо для своих лачуг. Лес сомкнулся вокруг него, недружественный и непреклонный. Кейда обнажил меч Телуйета и начал нехотя прорубать себе тропу, стараясь при этом оставлять как можно меньше следов.

Прости меня, Телуйет, Я прекрасно знаю, такая работа ниже достоинства твоего клинка, но кроме него у меня ничего нет.

Не впервые я вот так иду один по лесу с клинком в руке. Была еще одна цель в тех охотничьих путешествиях Дэйша Рейка. Обернулось ли это мне на пользу, когда я понял, в чем было дело?

«Почему нам надо всему этому учиться?» Его брат Кади не жаловался, просто любопытствовал, остановившись на середине учебного поединка. Отрабатывали основные удары мечом, которые снова и снова заставлял мальчишек повторять Агас, раб Дэйша Рейка

«Поскольку мы оставили всех, кроме Агаса и нескольких стражей, заботиться о ваших матерях, хорошо бы, чтобы вы научились защищаться». — Дэйш Рейк стремительными ударами кинжала затачивал отрезок твердого и душистого дерева лиллы, чтобы получить палочку для добывания огня.

«Этим?» Мальчикам не дали мечей — лишь длинные затупленные тесаки вроде тех, что носят с собой горцы и охотники, чтобы прорубать тропу в подлеске.

«Разучите основные движения с чем-нибудь тупым наподобие этих вещей, и вам будет легче, когда заслужите настоящий меч». Дэйш Рейк возобновил работу ножом. Кейда уже закончил положенные упражнения. Он сидел рядом с отцом, проверяя свой лук и стрелы. Стрельба из лука была еще одним искусством, которое он осваивал в этих охотничьих странствиях. «И что мы должны делать, чтобы заслужить его?»

«Добиться уважения тех меченосцев, которым предстоит идти в бой впереди вас, показав им, что вы можете делать с мечом и стрелами все то, что требуется от них — Дэйш Рейк указал на кривое лезвие своего кинжала суровыми изумрудными глазами. Заслужите их верность, показав, что вы цените их работу, и более того, что вы цените всех, кто вас чем-либо обеспечивает, будь то огонь, вода и пища или такие роскошества, как мягкие ткани, красивые дорогие украшения и уютное жилье».

«Поэтому ты и говорил, что мы будем голодны, если нам не удастся самим добывать себе пищу в этом путешествии?» — отважился подать голос Кейда, думая о птице, которую недавно не сумел подстрелить.

«Если вы не узнаете, каково приходится при отсутствии необходимого, вы не поймете беспокойства ваших людей о том, что весна перед засухой недостаточно влажная, или бури поры дождей привели к тому, что зерно соллера гниет в амбарах, а все дерево вокруг так отсырело, что просто невозможно разжечь огонь.— Улыбка Дэйша Рейка была скорее вызывающей, чем приободряющей.— Если вы не заметите столь очевидного, как вы сможете постигать высокий смысл знамений? Делите заботы владения и людей, и это поможет вам выпутаться из всех сложностей, которые могут встретиться вам в знамениях. Цените все, что нужно для жизни, и тех, кто вам это доставляет, и владение, которое вас этим обеспечивает — тогда и люди, и владение станут ценить вас».

Я ценю мое владение и людей в нем, и я, несмотря на опасность оскверниться, бросаю этим чародеям вызов с мечом в руке. Я не позволю им запятнать и осквернить острова Дэйшей. Редигал Корон может заниматься своими делами. Я должен сделать все возможное, чтобы защитить владение Дэйш.

Кейда обрубил полумертвый побег тандры, поднимавшийся из пятнистой беспорядочной груды прошлогодних волокнистых стручков, и внезапно очутился глаза в глаза с перепуганным кабаном. Зверь хрюкнул и малость отпрянул, но не убежал. Ему этого и не требовалось, этому созданию со щетинистым гребнем, выгнутым на уровне ребер Кейды. Уперев копыта в останки гниющего бревна, близ которого искал пищу, зверь обратил черные в красных прожилках глаза на человека и враждебно фыркнул. Губы кабана, все в слюне и грязи, раздвинулись, обнажив изгиб нижних клыков. Клыки были не короче кинжала, желтые, запятнанные крошевом листьев, в которых кабан искал личинки и жуков. Верхние бивни выгибались иначе и встречались с нижними над длинным подвижным рылом, подергивавшимся теперь от нового тревожащего запаха. Кейда осторожно отступил на шаг.

«Не слишком скоро, чтобы не спровоцировать нападение, но и не слишком медленно, чтобы он не счел тебя угрозой, потому что тогда он тоже вполне может броситься первым. Если он ринется на тебя, уберись с его дороги, залезь на дерево, если сможешь. Такие клыки могут пробить человеку кишки и оставить его медленно и тяжело испускать дух, истекая кровью в лесной чаще. И помни, если он убьет тебя и никто не найдет твое тело, зверь вернется, когда ты сгниешь, и сожрет твои останки». Вот еще кое-что, чему мы учились, ходя с тобой на охоту, Дэйш Рейк. Что есть не один и не два способа убить или поймать любую дичь, и большей частью требуется действовать украдкой и не спеша. Бросить прямой вызов чародеям было бы самым верным и быстрым способом погибнуть от их волишбы. Мне надо найти более хитрое оружие. Покажи мне, что я на верном пути, кабан.

Кейда замер и подождал. Кабан снова фыркнул, а затем, задрожав всей своей пестрой, бурой с черным шкурой, показал

человеку хвост и пропал в зарослях карнелилки, и вскоре лес заглушил шум удаляющихся шагов.

Стайка маленьких красноголовых воскоклювов, вереща от возбуждения, спорхнула вниз и села на разметанные гнилушки, оставшиеся от бревна. И тут же пташки принялись клевать насекомых, потревоженных рывшимся здесь недавно кабаном. Кейда осознал, что кусты и деревья вокруг изобилуют птицами всех размеров и цветов, оживленно приветствующих новый день. Он поспешил дальше, вновь направившись вниз по долгому пологому склону речной долины. Осторожно поглядел на лоскутное одеяло огородов и полей соллера, за которыми виднелись разбросанные в беспорядке хижины людей Уллы Сафара, отмечающие берег далекой реки. Здесь река делалась уже, но все же превышала по ширине любую речку владения Дэйш. Туманы все еще висели клочьями над низиной, но клочья эти, плывя по ветру, становились все мельче, пока не исчезали совсем.

Вот оно. Плохо различимый отсюда черный скалистый выступ, отходящий от зеленого склона в сторону реки, пугающе-темное вторжение в мир мягкой зелени, волей-неволей притягивающее взгляд к своим грубым очертаниям. Стена, чистая и блестящая, словно отрезанная от чего-то отменно заточенным лезвием. Ни одно растение не могло пустить корни на этой гладкой поверхности. На самом гребне проросло несколько убогих кустов, но лишь для того, чтобы рухнуть под тяжестью огромного гнезда, свитого серебряными орлами, которые утвердили свое право на эту скалу. Земля под ней была нетронута. Никто не посмел бы ее возделывать, боясь, как бы в один прекрасный момент его не накрыли тени больших птиц, размах крыльев которых, когда они кружат в небесах, творя знамения, никак не меньше человеческого роста. Лишь в самые засушливые дни люди приближались, чтобы взять воды из неиссякающего водопада, осыпающего ослепительными белыми брызгами полуночный лик скалы. И уж точно никто и никогда не дерзнул бы приблизиться к узорчатым резным воротам в высокой стене, окружающей башню без крыши к югу от скалы. Никто, кроме владыки или его признанной жены.

Кейда направился к стене, отыскав тропу, вьющуюся меж остатков неоднократно обобранного кустарника. Вскоре ягод-

ные кусты и небольшие деревца лиллы обозначили границу возделываемых земель. Впрочем, на кустах не нашлось ни единой ягодки, как бы яростно ни терзал голод желудок Кейды. Несколько рыжеватых в черных прожилках листков, поникших под побегом лиллы, привлекли его взгляд. Свеклахира. Упав на колени, Кейда принялся рыть землю кинжалом, пока не нашел корни. Неловкими пальцами он очистил их от кожуры, и темный сок полился на руки и клинок. Вялые и кожистые во время засухи, они все же сохранили свежесть, и Кейда решительно принялся их жевать.

Пусть эта случайная находка, как и кабан, станет добрым предзнаменованием, что я на верном пути.

Какой бы скудной ни была пища, она взбодрила его. Он поспешил, видя, как черная скала блестит все ярче от каждого прикосновения разгорающегося дневного света. Туманы строились с места и поплыли вокруг скалы, едва различимые образы искушали его глаза и память, но исчезали слишком быстро, чтобы он мог узнать их. Следуя изгибу гряды холмов и мало-помалу спускаясь ниже, к реке, тропа помогла Кейде преодолеть более половины расстояния до большой черной скалы, после чего круто свернула от нее к скоплениям домишек с плотно закрытыми ставнями. Кейда настороженно поглядел в сторону реки. Теперь он видел несколько крохотных фигурок, почти незаметных в тумане, склонившихся над грядками, где росли молодые и нежные побеги соллера, которые, как только пойдут долгожданные ливни и вода глубоко пропитает поля на речных берегах, будут пересажены на готовые вспаханные участки.

Думаю, самое время начать пробираться украдкой пока не поздно. Еще не хватало, чтобы тебя увидели и окликнули, спросили, кто ты и что делаешь, полуголый и грязный, но при этом с мечом, который стоит вдвое больше любого из их домов со всем добром. Врядли тебя кто-то опознает в таком виде как могучего владыку Дэйша, толкователя знамений, законодателя, целителя и защитника всех своих островов.

Оставив тропу, Кейда двинулся напрямик к белой каменной стене, окружавшей Башню Молчания. Совершенный круг, увенчанный остриями из непрозрачного белого хрусталя, идеальная гармония которого нарушена лишь единственными воротами

черного дерева с бронзовыми оковками, давно сделавшимися мрачно-зеленого цвета. Кейда поднял исцарапанной и грязной рукой засов и, отворив ворота, проскользнул внутрь ограды. Его дыхание хрипло отдавалось в ушах, когда он оперся спиной о стену, внезапно лишившись сил.

Перед ним вздымалась могучая громада башни. Широкие плоские ступени плавной спиралью уходили вверх внутри самого здания. Они были предназначены для тех, кто принесет сюда почитаемых мертвых владения, чтобы возложить их на пустой открытый помост на вершине, четыре столба которого установлены строго по странам света. И никаких ограждений. Кто бы ни исполнял столь священные обязанности, выполнит он их, не получив ни царапинки или, напротив, упадет и покалечится, а то и погибнет — это всегда считалось великим знамением. Кейда медленно прошел через дворик, желая, чтобы башня как можно скорее оказалась между ним и воротами. Он заметил, что, вопреки всем обычаям, из сухой земли внутри ограды все же поднялось несколько растений.

Стебли соллера, побрякивающие сухими зернышками, обласченными в грубую оболочку; хороший знак, выходит, плодородные земли обеспечат в ближайший год необходимый людям урожай. А у этого крохотного ростка уже угадываются листья, такие, как у лихорадочного дерева. И это хоть и хрупкое, но обещание здоровья людям в окрестностях. Я бы, впрочем, не ждал слишком больших радостей для местных жителей, учитывая размеры этого змеиного куста, разросшегося рядом.

То была еще одна из твоих целей, когда мы охотились в лесу, не так ли, отец мой — учить нас распознавать целебные растения?

«Видите эти устремленные вверх острые пальцы, скрытые среди листьев карнелилки? Это змеиный куст. Он ядовит не меньше, чем любая змея, а сок его столь же опасен, сколь и змеиный яд. Не прикасайтесь к нему: эти шипы вонзятся вам в пальцы и вызовут нагноение. Не срезайте его: сок брызнет на кожу, она пойдет волдырями. Позаботьтесь, чтобы никогда не прихватить его вместе с сушняком для костра. Мясо, приготовленное на таком топливе, убьет вас».

«Тогда какой цели он служит?» — с запинкой пролепетал Кейда. Он не так давно начал изучать травы, но уже твердо усвоил: предполагается, что каждое растение для чего-то применяют.

Дэйш Рейк неодобрительно поглядел на сына.

«Он служит предостережением. Пусть этого пока будет достаточно».

Лишь позднее, когда я остался твоим единственным сыном, роюсь в книгах-травниках в башне, ища всех тех знаний, которые мне помешала получить твоя смерть, я узнал сполна о его возможностях как искусного средства борьбы с врагами, о том, как навлечь с его помощью временные расстройства или изнуряющие болезни. Это одно из тех недобрых растений, которыми пользуется Улла Сафар. Чтобы устранить со своего пути такие препятствия, как мать Орхана?

Сюда ли приносит Улла Сафар эти маленькие мертвые тела, которые исторгает из летописей своего владения едва ли позднее, чем они начнут дышать? Считает ли он их достаточно важными, чтобы возносить на безмолвные высоты, дабы птицы и насекомые могли распространить их сущность как можно дальше по владению? Как они могут повлиять, эти крохотные дети, на судьбы своего владения? Возможно, он просто хоронит их как смиренных островитян, не требующих ничего, кроме как вернуть все, чем они стали, месту, где обитали при жизни. Или он отказывает им даже в этой милости, поскольку не считает их достойными жизни как таковой, на что вправе рассчитывать даже самый жалкий отпрыск самого грязного земледельца на островах Дэйшей? Он сжигает эти тела или бросает в прилив, чтобы их унесло подальше от Архипелага? Я ничему не удивился бы. И все же это хотя бы не пахнет так, как если бы он калечил кого-то, проливал кровь, чтобы в дальнейшем тот не помышлял о власти над его землями.

Кейда сел спиной к башне и поглядел на ступени, поднимающиеся над головой. Безмолвный воздух был свеж, как и положено на заре, и запах падали не долетал с вершины башни. Несколько обрывков ткани, выбеленных дождями и солнцем, лежало на земле, равно как и несколько тусклых, белых, ок-

руглых обломков, несомненно, костей. Самая большая их кучка окружала основание змеиного куста.

«Он служит предостережением. Пусть этого пока будет достаточно».

Кейда взирал, ничего не видя, на гладкую каменную стену перед собой. Ни звука, лишь неумолчный и дробный рокот водопада, скрытого стеной. Этот шум снова пробудил в Кейде жажду, во рту пересохло, точно он был выложен выбеленным на солнце хлопком. Решительно отмахнувшись от мысли сходить к воде, Кейда сидел и перебирал доводы, которые ему понадобятся, чтобы устоять в неизбежном споре с Джанне и убедить ее в истинности того, что явилось ему во мраке ночи на безмолвном речном берегу. Несмотря на всю свою решимость, он так и не успел как следует подготовиться, когда услышал резкий голос Джанне, заглушивший тихие шаги, постепенно приближающиеся к воротам. Он сидел, не двигаясь, заставляя себя дышать медленно и ровно, пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце.

— Подожди внизу. — Голос Джанне был севшим от усталости. Она помедлила, выслушивая тихое и недовольное бурчание Бирута. — Потому что я не хочу, чтобы меня отвлекали.

Кейда в напряжении ждал, пока она поднимала засов, заходила внутрь и крепко закрывала за собой ворота. Он слышал, как жена тяжело вздохнула, прежде чем мягкой поступью приблизиться к башне.

— Кейда?

Он встал.

— Я здесь. Кто с тобой? — спросил он тихо.

Джанне непроизвольно устремилаcь вперед, но тут же остановилась и скрестила руки на груди.

— Бирут, отряд наших меченосцев и кое-кто из людей Улы, который настоял, что мы не можем совершать такое путешествие без надлежащего сопровождения. Не беспокойся, я оставила их за пределами слышимости, и Бирут позаботится, чтобы никто не вторгся сюда и не помешал мне предаваться горю. — На ее лице отразилось все напряжение долгой тревожной ночи, но, тем не менее, она была безупречно одета: белая шаль из шелковистой козьей шерсти прикрывала ее плечи поверх зеленого, как трава, платья с рисунком из танцующих

цапель. Ее туго заплетенные волосы украшали цепочки оправленных в серебро изумрудов.

— Как Телуйет? — Внезапно проснувшаяся забота отодвинула на задний план все, что Кейда намеревался сказать.

— Рука у него сломана, и рана выглядит опасно воспалившейся, но он проснулся и говорит, что болезнь прошла. — Джанне помедлила, гнев и обида открыто проступили в ее усталых глазах. — Могу добавить, что он с ума сходит из-за тебя. Что мне ему сказать?

— А что ты сказала Улле Сафару? — Кейда сам хотел задать вопросы прежде, чем даст ей ответы.

— Что необходимо отыскать все знаки, посоветоваться с каждой приметой, чтобы понять, куда могла унести тебя река. — Джанне пониже спустила шаль, говоря с обычным для нее самообладанием. — Поскольку посещение Башни Молчания — это единственный способ провидеть, доступный женщине, я сказала, что приду сюда и дождусь сновидения, которое наметнет мне на твою участь. Поскольку я всю ночь глаз не смыкала, надежды на какое-то озарение должны были оказаться немалыми. — Она со значением посмотрела на мужа.

Кейда с задумчивым лицом смотрел мимо нее — на ворота.

— На какие знаки указал Сафар, когда истолковывал события?

— Об этом он, кажется, еще не думал, — сурово произнесла жена. — Он чувствует, что первым делом необходимо снарядить и выслать на поиски небольшой отряд, чтобы тот прочесал берега вниз по течению, ища твой труп. Он пожелал мне мира во время созерцания и, конечно, попросил немедленно дать ему знать, какой образ привидится мне при пробуждении. Он сказал, что Орхан мог бы помочь мне в раскрытии его значения.

— Как великодушно, — сухо заметил Кейда. — Впрочем, не следует упускать из виду Орхана. Он вполне может искать союзников во владении Дэйш. И прошлой ночью он, несомненно, спас меня от смерти самое меньшее один раз.

— А не может ли это быть причиной попытки Сафара убить тебя? — В голосе жены зазвучала надежда. — А что, если беды Чейзенев не имеют никакого отношения к ужасам этой ночи?

— Не знаю и, честно говоря, не думаю, что хочу узнать, — резко заявил Кейда. Джанне была ошарашена.

— Нам необходимо знать, что за всем этим стоит. За долгие годы это первая наша возможность восторжествовать над Сафаром. Нам нужно определить наиболее выгодное время для твоего возвращения. Редигал Корон теперь, считай, стоит плечом к плечу с Ритсемом Кайдом. Когда Сафар призывал своих людей оплакать твою смерть, Корон вышел вперед и запретил это, настаивая на вероятности, что ты жив.

— А что если нет? — вкрадчиво спросил Кейда.

Джанне выглядела растерянной.

— Ты о чем?

— Что если я мертв? — не унимался он.

Джанне воззрилась на него, ничего не понимая.

— Не говори такого. И уж всяко не у подножия священной башни. Ты искушаешь будущее, мой супруг.

— А что, если я мертв, моя первая жена? — повторил Кейда, и сталь зазвенела у него в голосе.

Джанне закрыла лицо сложенными ладонями.

— Тогда тебе наследует Сиркет, если мы сможем сообщить ему эту вестъ, чтобы он объявил о твоей смерти и своем восхождении на престол прежде, чем это сделает кто-то другой. — И она резко открыла глаза. — Вот почему Сафар так старательно ищет твоё тело. Если он сможет доказать, что ты мертв, раньше чем Сиркет успеет объявить о своей власти, наши земли останутся без хозяина, и цепь наследования будет порвана.

— Чтобы земли захватил любой, кто окажется сильнее. — Невеселая улыбка перекосила рот Кейды. — Сафар, по-ди, всю сеет, рассчитывая на щедрый урожай.

— Кайд никогда не согласится на такое. — Джанне явно была в ужасе. — Вспыхнет война между Уллой и Ритсемом.

— Хорошо, что никто не найдет мой труп. — Кейда с унылым удовлетворением пожал плечами. — Сиркет должен объявить себя владыкой как можно скорее. Если Телуйет устоит на ногах, пошлите его. Все догадаются, к чему это, но никто не бросит тебе вызов, пока ты остаешься здесь и поощряешь Сафара в его поисках.

— Что ты говоришь? — Джанне резко нахмурилась. — Ты хочешь, чтобы владением начал править Сиркет, неопытный мальчик, оказавшийся между злобными кознями Уллы Сафара на севере и гнусными дикарями, владеющими волшебством, на юге? О чем ты думаешь? — Джанне с гневом взирала на мужа.

— Пока нет тела, которое можно положить на заметное место, где все станут оплакивать мою внезапную и трагичную смерть, Сафар не сможет двинуться на Сиркета, — спокойно произнес Кейда. — Это было бы все равно что сказать, будто он точно уверен в моей смерти, так как сам же меня и убил. Кайд такого никогда не поддержит, да и не представляю себе, что поддержал бы Корон. Его сопровождающие ничего такого ему не позволят. Так что ты должна поговорить с Телуйетом, как только он начнет достаточно соображать. Он слышал, что вроде бы эти редигалские заморины помышляют об ином правлении. Они не захотят, чтобы Сафар затеял всю эту возню с целью захвата оспариваемых владений силой оружия. — Кейда сложил пальцы домиком, готовясь произнести следующий довод. — Если Сиркет станет владыкой, противостоящим угрозе колдовства, Кайд и Корон его поддержат — не столько из корысти, сколько из сочувствия. Они могли бы оставить меня в одиночку сопротивляться неведомым захватчикам, но не сочтут Сиркета достаточно крепкой стеной между ними и опасностью.

— А ты? — возразила Джанне. — Он же еще не вырос.

— Я достаточно ему доверяю, — твердо ответил Кейда. — Тем более, у него есть ты и Рекха, чтобы поддержать и дать совет. Он пока не женат, так что никто не станет ожидать, чтобы любая из вас покинула владение. И лучше бы ему с этим не спешить, — резко добавил он. — Я знаю, этого будут ждать, но пусть он лучше сделает Мезила приемным сыном, если вам понадобится показать, что наследование обеспечено.

Джанне не сводила с него глаз.

— А как быть с Сэйн?

Кейда оказался сбит с толку.

— А что?

— Ты позволишь ей думать, что ты мертв, что у ее малыша нет отца? Ты обречешь ребенка на рождение при столь дурной примете, прекрасно зная, что это ложь?

— Это не истинное знамение, ребенку оно не повредит.— Потрясенный Кейда постарался не показать своего смутения.

— Ты рассчитываешь, что Сэйн сможет скрыть такую правду? — Джанне в недоверии покачала головой.

— Нет,— буркнул Кейда.— Она не должна знать правду, Рекха тоже. Ты не должна проговориться ни одной живой душе, даже Сиркету или Телуйету.— Внезапно ему сдавило горло.— Телуйет должен стать телохранителем Сиркета. Ни одного из них я никому другому не доверил бы.

— Кейда, дети будут в отчаянии! Рекха станет так горевать, что ты и представить не можешь. Хорошо еще, что у Сэйна почти подошли сроки, а не то она из-за подобных вестей, чего доброго, лишилась бы ребенка. Но ты ведь не мертв. Почему мы все это обсуждаем? — Джанне запустила пальцы, унизанные серебряными перстнями, в густые волосы и с болью поглядела в глаза мужу.— Исчезнуть на ночь, а то и на несколько дней, для того, чтобы спастись и одурачить Сафара,— да, это я могу понять. Но что мы выиграем, если затеем такое безумство?

— Мы явились сюда за помощью против волшбы, поразившей владение Чейзен.— Кейда крепко взял руки жены в свои.— Мы застали каждого из владык за теми же самыми старыми играми с подозрениями и происками, лелеющих гнилодную зависть и видящих любое пророчество сквозь искажающую все ненависть. Мы не можем позволить, чтобы нас поймали в эту паутину мелких дрызг и свар в час, когда неведомые дикари обрушивают коварную волшбу на владения, расположенные всего в нескольких днях плавания к югу от нас.

— И ты намереваешься прикинуться мертвым? — Ее пронзительные слова разрезали тишину, словно нож.

— Сафар не сможет больше отвлекать нас новыми посягательствами на мою жизнь или, более того, преуспеть в них, если я поступаю именно так. Помнишь, мы говорили о том, чтобы послать весть на север? — Кейда по-прежнему крепко держал ее ладони в своих.— И спросить, не согласятся ли какие-либо владения поделиться с нами своим опытом борьбы против волшебников-варваров из беспредельных земель?

— Мы согласились, что ты предложишь это просто ради хитрости.— Джанне прищурилась.— Чтобы Сафар и прочие

решили, что им самим помочь владению Дэйш — меньшее зло, чем приглашать в здешние края чужаков.

— Я видел огненных драконов в небе прошлой ночью, Джанне, они прочерчивали тропу на север. Что, если я последую за ними, в действительности ища там знания? — Кейда прочистил горло. — Ты сама говорила, что цена, которую мы заплатим за помощь Уллы Сафара и Редигала Корона, сделает нас нищими на десять, а то и более лет. А что, если я смогу найти иные средства, некую тайную премудрость, которая даст нам силы изгнать зло из владения Чейзенов в южный океан?

— Мы сможем удержать захватчиков, если нас поддержат Ритсем Кайд и Редигал Корон, — возразила Джанне. — Если ты останешься с нами и возглавишь Дэйшей, все удастся.

Кейда решительно покачал головой.

— Лучшее, на что мы можем надеяться — это удержать их на Чейзенских островах. Как долго нам будет это удаваться, особенно после того, как пройдут дожди? Просто остановить их продвижение — это отсрочка, причем отсрочка короткая. А нам нужно изгнать их с Чейзенских островов и с островов Дэйш далеко в океан на юге. И я действительно верю: единственное, что поможет нам найти действенное средство, это мудрость северных владык. Я смогу совершить путешествие за сезон дождей и вернуться, прежде чем сухая пора снова откроет морские пути.

— А что станет с Сиркетом без тебя? — взорвалась Джанне, вырываясь из его рук и не замечая, что шаль падает наземь. — Если он объявит себя владыкой, тебе придется с ним биться, чтобы вернуть себе положение. Одному из вас придется убить другого, понимаешь ты это или нет?! — Ярость душила ее.

— Сиркет для меня не опасен. — Но Джанне подумала, что такое возможно, пусть лишь на мгновение после всего того, что их объединяло. Кейда ощутил холод, несмотря на жару — над поросшими лесом холмами уже успело подняться солнце. — Он сможет уступить, владение Дэйш не отвечает ни перед кем за свои дела. И если он проявит свои лучшие качества в этом испытании, наследование будет ему обеспечено.

— А что если ты не вернешься? — Глаза жены наполнились слезами. — Не уходи! Не подвергай себя ненужным опасностям, как... — И она не нашла нужных слов.

— Приходится. — Кейда глубоко вздохнул и наклонился, чтобы подобрать ее упавшую шаль. — Я должен найти какой-то способ противостоять этому колдовству, и яснее ясного, я не найду его здесь или где-либо в соседних владениях. Никто из них не видит опасности, которая подстерегает нас на юге, не понимает, что это сушая гибель для всех нас. И еще кое-что. Я не смог прочитать знамения на берегах Чейзена, я тебе об этом говорил? И я начинаю спрашивать себя, не распространяется ли колдовская скверна там, куда еще не пришли чародеи, искажая знаки, которые должны были бы убедить Кайда и Корона.

— Что? — Джанне воззрилась на него с недоверием, не видя шали, которую он ей подавал.

— Я их не видел. — И, рассердившись, Кейда обвел рукой с зажатым в ней платком башню, скалу и все владение Улла. — Я не упустил из виду ни одного явления, которое считал вещим, прежде чем мы поставили парус, сама знаешь, и обдумал те немногие, которые считаю не заслуживающими доверия, просто на всякий случай. Я искал любого возможного намека, я готов был не упустить любое предостережение. Я их не видел, — с горечью повторил он. — Я понятия не имел, что враждебность Сафара может дойти до того, что он пожелает меня убить. Я не увидел предсказаний болезни, подлинной или наведенной, и ни знака огня, который стал бы нам угрожать. — Он перекручивал тонкую шелковистую шерсть, пока та болезненно не врезалась ему в ладонь. — Единственный знак, который я видел, который может иметь хоть какой-то смысл, это падающие звезды нынешней ночи. Я просто должен двигаться на север, пока не смогу опять ясно видеть нашу тропу. Я не могу вести владение в бой против чародеев, если прикосновение их колдовства отрезает меня от любого знака, который мог бы указать направление. Не то я лишь вверг бы владение во тьму и смерть.

— Но как Сиркет справится лучше тебя? — Джанне в отчаянии взмахнула рукой, и тишину прорезал перезвон браслетов.

— Сиркет уже справлялся лучше, — скорбно ответил его отец. — Он видел бедствие, поджидавшее меня, когда советовался с триантом свеч, пусть знак и был неясным. Не думаю, что моего сына задело то же смятение. Возможно, дело в том,

что я плавал на юг, где оказался лицом к лицу с чародейскими тварями.

— Кайд и Корон там не были. Что тогда задело их? — Гнев Джанне пересилил ее отчаяние. — Вдобавок ты сам уверял Итрак, что тот, кто невольно стал жертвой волшебства, по-прежнему невинен.

— А половина книг в библиотеке башни утверждает иное. — Кейда передернул плечами. — Не знаю. Все, в чем я уверен, это то, что здесь помощи искать нечего, а помощь нам нужна, Джанне, еще как нужна. Мой долг найти ее, а единственная тропа, обещающая хоть какую-то надежду, ведет на север.

Джанне выхватила у него наконец свою шаль и закуталась в нее, ябко поежившись.

— И что нам делать, мой повелитель и супруг, пока ты следуешь по этой тропе? — Ее голос был холоден, но одна единственная слеза прочертила блестящий след по ее щеке. Кейда откашлялся.

— Позаботиться, чтобы все, кто бежал на север из владения Чейзен, оставались на самых южных из наших островов. Они могут ловить рыбу с берега, но не с лодок. Не позволяйте Сиркету поддаваться соблазну и пойти в наступление, если захватчики двинутся на север, — сказал он настойчиво. — Он обязан биться, где сможет, убивать их, где сможет, но не позволяйте ему идти в наступление... Не раньше, чем я принесу что-то, что поможет нам совладать с колдовством. Если дикари предпримут нападение в сезон дождей, наш народ должен отступить, скрыться в лесах и держаться осторожно, пока мы не сможем драться с колдунами, имея надежду на успех.

Слезы окончательно ослепили Джанне, плечи ее тряслись.

— До твоего возвращения?

Кейда крепко обнял ее.

— Пока я не принесу ту мудрость, которую применяют северные владыки, чтобы не дозволить злой волшбе вторгаться в их владения. Тогда мы защитим наших детей и наше будущее.

Джанне молча кивнула, все еще вздрагивая в кольце его рук.

— Скажи мне, как ты намереваешься двигаться на север, чуть ли не с голой задницей и лишенный всякого положения?

— Я пересеку срединные высоты и подамся к торговым берегам на северной оконечности острова. Там я наймусь гребцом на купеческую галеру в обмен на проезд.— Он пожал плечами.— По пути я найду, во что мне одеться. Полагаю, владение Улла должно мне хотя бы это. А прокормиться я смогу дарами леса.

Джанне вырвалась из его объятий и вытерла слезы краем своей шали, стараясь при этом не размазать зеленую и серебряную краску вокруг глаз.

— Владение Улла должно нам куда больше, чем рубаху и штаны, за утрату владыки Дэйша, пока он гостил в доме Уллы Сафара.— Поджатые губы свидетельствовали, что у Джанне появилась новая цель.

— Тогда вы с Рекхой можете позаботиться, чтобы они заплатили оружием и людьми, помогая сдерживать волшебников, пока я не вернусь,— натянуто улыбнулся Кейда.

— Откуда я узнаю, что ты нашел эту премудрость, чтобы изгнать чародейство, и что ты на пути домой? — Джанне поглядела на него.— У тебя не будет ни почтовых птиц, ни вестников.

Кейда почесал бороду.

— Нам лучше держать в тайне, что я еще жив, пока я не вернусь благополучно обратно во владения Дэйшей или, что лучше, не дам бой захватчикам на Чейзенских островах. Не хочу предоставлять Сафару случай завершить труд нынешней ночи или оказаться вынужденным давать объяснения любому другому владению. Пуст все узнают, что я делал, после того, как я изгоню волшебников. Тогда на большинство их вопросов ответы найдутся сами собой.— Он помедлил, размышляя.— Есть Башня Молчания на островке Тысячи Устриц, понимаешь, о какой именно я вспомнил?

— Где твой великий дед и его старшие сыновья разбились насмерть о рифы.— Джанне кивнула, явно совладав со своими неподобающими матери владыки Дэйша чувствами.

— Никто не явится туда до нового урожая жемчуга.— Кейда кивнул.— Туда-то я и направляюсь. Можешь встретиться со мной там и рассказать, что и как идет в мое отсутствие. Тогда мы сможем решить, как лучше действовать дальше.

— Я пошлю доверенного раба, чтобы нес там дозор,— медленно произнесла Джанне.— Море еще должно отдать нам твое тело.

— Я вернусь, как только смогу,— пообещал ей муж. Джанне поглядела на него в упор.

— Пока ты ищешь мудрость, чтобы изгнать волшбу, найди как можно больше обрядов очищения. Нам понадобится избавиться от множества пятен, которые оставят эти колдуны.— Она передернула плечами. Ее белая шаль затрепетала, точно птичьи крылья.— Не думаю, что нам надо обсудить что-то еще. Я вернусь в Деразулу.

— Так скоро? — Кейда был изумлен.— Улла Сафар станет ждать, что ты будешь искать здесь каких-то указаний во сне.

— Я передумала,— сказала Джанне со стальной решимостью в голосе.— Это всегда удел и право жены. Если он будет мне докучать, я просто уйду в свое горе.— Ее лицо было холодным и спокойным.

Кейда глубоко вздохнул.

— Итак, прощай, жена моя, до встречи на острове Тысячи Устриц.

— Прощай, мой супруг.— Джанне резко повернулась к воротам, подняла засов и выскользнула наружу. Кейда услышал приближающийся голос Бирута, но его слова, полные беспокойства, затерялись в скрежете черного дерева по камню. Кейда присел у основания высокой башни, не позволяя себе поддаться внезапно обступившим его сомнениям.

Как долго надо ждать, прежде чем покинуть пределы ограды? Достаточно, чтобы не увидели уходящие отсюда спутники Джанне, но не настолько, чтобы какой-нибудь работник с соллерных полей или дитя, посланное собирать хворост, подняли крик по поводу того, что неизвестный человек осквернил их святилище, Башню Молчания. Затем в лес и вперед, к горам, искать перевалы, по которым можно попасть в северную часть острова, к торговым берегам и кораблям, идущим на север. Как мне сделать так, чтобы удалась эта безумная затея?

«Как мне это сделать?» — Нож в руке был такой же длины, как его предплечье, но все же казался Кейде совер-

шенно негодным для этой пестрой и толстой шкуры на брюхе мертвого водяного быка.

«А ты подумай,— твердо сказал Дэйш Рейк.— Реши, что надлежит сделать в первую очередь. Сделай это, а там станет ясен следующий шаг».

Охотясь за пятнистым оленем, они застигли врасплох водяного быка, дремлющего там, где река образовывала заводь вокруг упрямого камня на ее пути. Дэйш Рейк никогда не выбрал бы такую дичь, охотясь с детьми, но раз уж водяной бык поднят, он слишком опасен, чтобы оставлять его в живых. Отец прокричал Кейде, чтобы тот помог всем мальчикам влезть на деревья. Агас уже бросал охотничьи копья другим воинам. Те рассыпались полукругом, широкие листовидные наконечники копий опустились, как только бык тяжело выбрался из воды, потрясая опасно изогнутыми рогами, на один из которых, вот нелепое зрелище, наматался побег водяного перца.

Два воина и Агас бросили зверю вызов, крича и насмехаясь. Тот ринулся на них, и хоть бык никак не мог выбрать цель, мотая здоровенной головой из стороны в сторону, один из воинов так и взлетел от лихого удара бычьей головы. Зверь был куда как опасен, когда Дэйш Рейк всадил копье в его спину меж треугольных лопаток, пробив внутренности. Колени быка заколыхались, кишки опорожнились, и он рухнул в тот миг, когда все еще пытался забодать упавшего воина.

— Кейда, разделай его.— Дэйш Рейк оставил быка, как только убедился, что тот мертв, и повернулся, чтобы смазать ужасные ушибы на груди раненого, разорвав собственную рубаху на повязки, которыми принялся бинтовать сломанные ребра.— Тут слишком много мяса, чтобы оставлять его диким кошкам.

И вот теперь Кейда стоит перед огромной, пованивающей тушей.

«Как мне это сделать?» Как снять эту твердую кожу, не повредив ее? Как выпотрошить тушу, не продырявив ни одной из бесконечных петель и отростков кишок? Как прочесть хоть какие-то знаки по тяжелой скользкой печени, прежде чем сияние незримого будущего на ней не высох-

нет на жаре? Как он сможет руководить другими мальчиками, рубя мясо, которое весит больше, чем все они, вместе взятые? Где станут они искать душистые листья, чтобы прокоптить столько еды?

«Реши, что надлежит сделать в первую очередь. Сделай это, а там станет ясен следующий шаг».

Кейда в напряжении ждал, пока не утихнут шаги удаляющихся, а затем отодвинул засов на воротах и выскользнул из окружности, обводящей башню безмолвия.

Сначала — первый шаг. А это значит, что нужны рубаха и пояс, чтобы повесить на него меч Телуйета, поскольку тот, ножны к которому изготавил для тебя Дэйш Рейк из кожи быка, остался в Деразулле.

Глава 10

Собирался ли он найти то, что искал? Или, наоборот, положить конец погоне за собственным хвостом, прекратить уподобляться змее, обезумевшей от жары? После стольких неудач Дев был готов вознести молитву богам своего детства. Ну, не совсем, конечно. В конце концов, они ему никогда не отвечали.

Дев потянул канат, чтобы выплеснуть ветер из треугольного паруса «Амигала», и одновременно оттолкнул от себя правило. Маленький проворный корабль повернул в узкий проток меж двух бесплодных островов, где не было ничего, кроме крошащегося камня. Кораллы, все в прожилках и желобках, поднялись над поверхностью моря, полные пены выемки между ними оцетинились злобными зубьями обломанной морской колючки.

— Эй, можешь помочь? — Легкая галера, чуть больше, чем «Амигал», прочно застряла на рифе. Растерянный корабельщик кричал, перекрывая шум волн, выбившиеся из сил гребцы поникли над веслами.

— Говорил я, слишком поздно сегодня здесь идти, когда такой груз тянет нас книзу, — произнес кормчий с горьким укором.

— Прилив снимет вас отсюда еще до утра.— Дев решил следовать своим путем. Если они упустят лучшее время на рынке для того товара, который везут, это их беда. Волшебник улыбнулся, видя, как ловкий «Амигал» бежит по узкому проходу к неожиданно отрывшимся кристально чистым водам за полосой белого песка, усеянного ярко-синими морскими звездами и огромными моллюсками, повернувшимися в его сторону и сморщившими злоеющие зеленые губы. Осматривая из конца в конец обширную бухту, он искал любые суда, которые опознал бы как те, что сочли нелишним заручиться покровительством Тайра Бадула в здешнем извилистом лабиринте острых скал и коралловых вееров. К тому же, скорые триремы Тайра Бадула наверняка заняты обычным делом: волей-неволей отправляют любого мореплавателя, ищущего иной выход, на одну из нескольких пристаней, отведенных для этого их владыкой.

Разумеется, кораблей оказалось больше обычного. Сейчас любой, кто сколько-нибудь соображает, подается домой или к дружеской пристани, ища укрытия от неминуемо близких дождей. Дев изучал берег — тонкую белую линию у нежных зелено-голубых вод и поселения Тайров: всего-навсего вереницы крепеньких хижин на высоких сваях для защиты от приливов. Дальше была узкая и беспорядочная роща ореховых пальм и душистых кустов, кое-где уступающая место каменным осыпям на склонах гор, которым заходящее солнце, вызолотив их, даровало мнимую недолговечную красоту. Берег, отведенный Тайром Бадулом для торговли, не особенно пылко приветствовал любого, кто подумывает, сунувшись сюда со своим кораблем, найти длительное пристанище в новом владении. Тем больше озадачивало, что на песке кишмя кишели мужчины, женщины и дети, собравшиеся вокруг костров, где что-то стряпалось, или сгрудившиеся под нехитрыми укрытиями из тряпья и свежего дерева в тщетных попытках защититься от тяжелой жары.

Удовлетворение согрело Дева. Уж здесь-то ему откроется больше, чем неясные слухи о малопонятном бедствии, пробравшемся в южные пределы. Люди не так-то легко бегут из мест, где прошла вся их жизнь, особенно с Архипелага. И еще лучше, что трюм на «Амигале» полон вещей, которые делают

людей разговорчивыми. Он пожалел, что утратил Тарью и Эккаи. Всегда найдутся такие, кто предпочтет жаждущую плоть согревающей выпивке. Что ж, упущенного не воротишь, и теперь ему надо как можно лучше использовать то, что у него есть.

Он бережно провел «Амигал» мимо высоких ахтерштевней галер, лениво покачивавшихся на якоре, осторожно вызвав едва уловимый ветерок, чтобы тот дал чуть-чуть больше тяги теперь, когда сгущались сумерки и приближалось затишье. На верхушках штевней трепетали флажки, символизирующие дозволение Тайра Бадула бороздить его воды и разнообразные другие. Дев с интересом посмотрел на галеры. Должен здесь найтись кто-то, с кем он когда-то имел дело. Пробежавшись взглядом по горстке чужаков, он узнал изображение на полусвернутом парусе. Не совсем то, что он искал, но для начала неплохо. Настолько неплохо, что можно счесть это одним из тех случайных совпадений, за которые альдабрешцы ухватываются как за доказательство, что они правильно толкуют знамения.

— Эй, на «Пятнистом Лоале»! — уверенно позвал он.

— Привет! — Гребец перегнулся через борт галеры. — Я тебя знаю?

— Тьма народу знает меня и «Амигал», приятель. — Дев одарил гребца радостной улыбкой. — Спроси хозяина, помнит ли он Дева. — Удача удачей, а куда важнее, чтобы сам он тоже помнил, как обманчива легкость красного каладрианского вина, которое везет «Амигал», и как отменно оно вызывает хмельные откровения. Дев с некоторым усилием поддерживал на лице улыбку. Добыть ценные сведения насчет этой болтовни о чародействе теперь вопрос времени. Ну и количества выпитого вина, без этого не обойтись.

— Откуда ты? — Чуть Дев подвел свое судно к галере, моряк поднял шест, готовый обороняться.

— Из Барбака. Подумываю двинуться на север, в воды Галкана, если успею, пока не польет. — Дев погладил пояс, на котором теперь носил кинжал с прямым и узким обоюдоострым клинком, и показал узорчатое кольцо на большом пальце — из тех, что так любят оружейники Барбака. То, что Дев якобы

приплыл оттуда, вполне оправдывает незнание местных дел. Он искусно провел «Амигал» у самой кормы галеры. — А вы?

— Из владения Туле, — сказал моряк несколько недовольно. — И направимся на север, как только отдохнем и запасемся водой.

— Мне бы хотелось возобновить знакомство с твоим хозяином, — непринужденно заметил Дев. — Он на борту? — Между «Пятнистым Лоалом» и огромной галерой, стоящей рядом, было как раз достаточно места, чтобы там сумел проскользнуть «Амигал».

Дев налег на правило и развернул лодку носом к морю. Парус поймал слабеющий ветерок и толкнул «Амигал» назад, к крутому склону берега. Дев набросил на свое правило петлю, чтобы не сдвинулось с места, и побежал на нос — бросать якорь. Как только Дев почувствовал, что корма трется о берег, он отвязал веревку. Поспешно убрав парус, он соскочил на берег со вторым якорем. Не рискуя применять даже самое слабое волшебство под пристальным взглядом людей с галер, он еле слышно выругался. И что за наказание — высадки вроде этой, насколько проще было бы воевать с тяжелыми якорями вместе с Эккаи и Тарью.

— Хозяин на берегу. — Моряк следил, как Дев всаживает лапы якоря глубоко в песок. К наблюдателю присоединился еще один человек, и они обменялись несколькими фразами. Ловко нырнув с кормы галеры, гребец поплыл к берегу и, протирая глаза, приблизился к Деву.

— Наш старшина гребцов считает, что узнал твой корабль. И говорит, что для тебя есть место у нашего огня и еда в нашем горшке. — Он кивнул в сторону людей за чертой самого высокого прилива. — Я Джейлан.

— Весьма обязан.

Пока они шагали по берегу, Дев бдительно следил, не попадется ли ему кто с оружием и в броне. Если намеки на неведомую опасность приходят с юга, можно поспорить на что угодно, что на него повсюду будут недоверчиво коситься, а меченосцы Тайра Бадула и в лучшие-то времена не шибко жаловали пришельцев. Дев не хотел делать ничего, что возбуждало бы подозрения, в том числе привлекать внимание к упрятанному в трюм «Амигала» грузу.

Люди с галеры выложили из старых бревен грубую окружность, посередине которой оказалась старая очажная яма с потрескавшимися и почерневшими камнями. На Дева уставилось несколько пар настороженных глаз, но все толки быстро стихли, когда моряки заметили, что пришелец следует за Джейланом. Дев старался, чтобы на его лице ничего нельзя было прочесть, но никоим образом не выглядел смиренным пилигримом.

— Это мастер Утен,— сказал Джейлан.

Корабельщик сидел на здоровенном пне от ореховой пальмы, древесине которой погода придала почти тот же цвет и вид, что и лицу человека. Крепко сбитый, с коротко подстриженной бородой и длинными жесткими волосами, переплетенными цветным шнуром, на котором позвякивали крохотные обереги из золота и серебра, мастер Утен глубоко погрузился в беседу с человеком, нестриженная и нечесаная борода которого вместе с оборванной одеждой и некоторыми специфическими манерами ясно говорили, что он порицатель.

— Садись.— Джейлан указал на бревна вокруг очага. Дев принял приглашение, стараясь при этом не подавать виду, как сильно ему не терпится услышать негромкие слова прорицателя. Тот отливал небольшие количества влаги из разных бутылок в выдолбленную тыкву-горлянку, покоящуюся на его скрещенных ногах. Он тщательно закупоривал каждую бутылку и возвращал в облезлый сундук с латунными оковками. Одежда его была примерно в том же состоянии: застиранная настолько, что почти утратила цвет; штаны — в заплатках, рубаха — явно с чужого плеча. Один из тех мошенников, которые находят, что притворная бедность вызывает больше уважения, чем нескрываемое процветание, и что таким образом они завоюют доверие деревенских простаков, которые щедро будут им подавать.

Подходили все новые моряки со свежими плодами и плоским соллерным хлебом, все еще теплым и душистым, недавно вынутым из печи неизвестного островитянина. Человек с исхудалым лицом проскользнул между ними, бросился на колени перед корабельщиком и простер костлявые руки

— Умоляю. Если бы я мог...

— Я сказал тебе, нет! — Тот ногой бросил песок в лицо просителю, рыча от ярости.— Уберите этого гнусного паразита!

Джейлан поспешил исполнить приказ и поволок странного человека прочь, за руки и за волосы. Тот упирался ногами, отчего на песке оставались глубокие борозды. Другие гребцы схватили несчастного за одежду, и вместе они отбросили его обратно к женщине, съезжившейся в скудной тени чахлого душистого дерева и окруженной вцепившимися в ее грязную юбку глазастыми голодными ребятишками.

— Кто это? — Так как беседа с прорицателем все равно была прервана, корабельщик с неудовольствием покосился на Дева. — Нам не нужны новые матросы.

— Вот и славно, — дружелюбно заметил Дев. — Я предпочитаю, чтобы за меня работал ветер, а не сам налегаю на чужое весло.

— Это Дев, торговец, плавает в одиночку на корабле с названием «Амигал». Гиллен говорил, вы с ним раньше встречались. — Джейлан склонился над выдавшим виды горшком, висящим на огне. — Что на обед?

— Рыбное жаркое, — ответил корабельщик без воодушевления, все еще разглядывая Дева. — И чем ты промышляешь?

— Тем и этим. Среди прочего — сведениями. — Дев приветливо улыбнулся. — Я бы мог кое-чем сдобрить ваше жаркое, если ты скажешь мне, что здесь творится. — И он указал в сторону бедствующего семейства, все еще сидевшего кучкой у душистого дерева. — Или почему я снова и снова слышу, что не следует ходить на юг.

— Дев? С «Амигала»? — Хозяин галеры медленно кивнул, в его глазах мелькнули признаки того, что он вроде как припоминает, о чем идет речь. Он не пожалел для прорицателя небрежного кивка. — Чего ты ждешь? Давай, скажи нам, что можешь.

Прорицатель вручил корабельщику желтую тыкву.

— Поболтай как следует, затем вылей.

Мастер Утен выплеснул жидкость столь поспешно, что она попала на ноги ближайшим из гребцов.

— Не двигаться. — Властный голос прорицателя заставил их всех прирасти к месту, хотя отвратительный запах смеси вызвал слезы на глазах у Дева.

— Что ты видишь? — нетерпеливо спросил хозяин галеры.

— Я вижу морской цветок,— торжественно пропел прорицатель.— И кальмара.

Дев вместе со всеми принялся внимательно изучать взглядом песок, но, как ни вглядывался, не увидел ничего, кроме беспорядочных темных пятен, густых и липких, на которые жадно усаживались мухи.

— Морской цветок, актиния, плавает по течению в океане, казалось бы, ничего особенного, но она волочит за собой ядовитые щупальца,— продолжал прорицатель.— А что до кальмара, то, говорят, за западными границами водятся твари телом длинней самых больших галер, которые устраивают в глубинах водовороты и затягивают в них корабли, чтобы затем проглотить.— Он поднял острый взгляд.— Всех нас, того и гляди, затянет в опасные воды, в гибельные времена. Разумеется, любой, кто плавает на юг, может встретиться и с большей напастью, которая нагрянет, незримая и неожиданная.— Затем, заставив всех вздрогнуть, он резко подался вперед и смел липкий песок, уничтожив картину.— Дожди принесут новое счастье и смоят это пятно на нашем будущем.

— Если они вообще польют,— хмыкнул корабельщик.— Большая Луна прибывает, а мы только разок-другой намокли, и то не сильно. Предскажи мне погоду на утро, и за это действительно будет не жаль положить чего-нибудь в твою чашу.

— Полагаю, я уже кое-что заслужил,— отозвался оскорбленный провидец. Его взгляд скользнул в сторону кипящего горшка.

— Не думаю,— яростно прогудел хозяин галеры.

Дев, в открытую веселясь, наблюдал, как провидец собрал свое добро и с чувством оскорбленного достоинства зашагал прочь. Эти последние дни перед дождями всегда сулили кое-какие занятные стычки, потому что всем порядком поднадоела изматывающая жара.

— Так-так.— Голос владельца судна зазвучал теплее, и он оглядел своих гребцов.— Я помню Дева, теперь-то уж точно помню. И считаю, все мы заслужили небольшой отдых после такого нелегкого перехода. Дев — тот самый, кто нам в этом хорошо поможет, если у кого-нибудь есть новости, которые он

найдет достойными внимания.— Все поняли невысказанный приказ, таившийся за этими словами.

— Я только что прибыл из западных пределов,— неуверенно начал один.— Там говорили о морских змеях, выползающих на пляжи во владении Сир.

— Ты об этом не рассказывал,— с удивлением заметил один из его товарищей.

Тот пожал плечами.

— А я просто не знал, как это понимать. Даже если это и не враки.

— Не думаю, что это выдумки.— Утен с вызовом устремил взгляд на Дева.

— Любопытный слух,— кивнул Дев, явно соглашаясь.— Кто-нибудь еще слышал что-то странное?

— Говорят, в южных пределах разгулялось чародейство,— решился вставить человек помоложе, наполовину смеясь, наполовину ища поддержки.— Я слышал, можно спрашивать сколько угодно за хороший талисман.

— Я слышал, была война.— Мужчина постарше, сидевший около него, ничуть не веселился.— Или почти война.

— И как ты полагаешь, что это? — Дев поглядел на владельца галеры.— Определенность стоит больше любых догадок.

Корабельщик обернулся, чтобы отыскать в кругу мрачное лицо.

— Руйл, ты пришел к нам с корабля, прибывшего из владения Туле. Какие слухи носят там в воздухе?

— Насчет слухов в воздухе я ничего не знаю.— Тот осторожно облизал губы, пот на его лбу блестел под низким солнцем.— Но дымом, безусловно, веяло.

— Как это? — Деву даже не пришлось притворяться любопытным.

По кивку хозяина Руйл задумчиво продолжал.

— Сперва это походило на облако, но висело оно слишком высоко и ни намек на дождь не было. В горле точно засел привкус угля. В иные дни он становилось гуще, как туман, но это был не туман. А в иные оно почти исчезало, но затем возвращалось. Трое детишек умерло на стоянке в одну ночь,

они и старуха, и дед старейшины. Ни на ком ни одной приметы болезни, однако все умерли. Туле Рет счел это дурным предзнаменованием и велел, чтобы кораблям из южных пределов отныне не позволяли подходить к берегу. Тогда-то я и решил податься на север.

— Это больше смахивает на заразу, чем на войну или чародейство, — с недоверием заметил Дев.

— Туле Рет не позволил кораблям из южных пределов подходить к суше, но позволял идти мимо. — Руйл упрямо покачал головой. — Если бы он думал, что они могут нести какую-нибудь болезнь, он поручил бы своим триремам топить любого, кто достигнет его проливов. Ветер нес злые чары, но не болезнь.

— Нет числа людям, желающим плыть на север. — Корабельщик широко обвел рукой плоскую излучину бухты, исчезающей теперь в мягких сумерках. — И никто из беглецов не болен и не заболевает, значит, не от хвори они бегут. Но что бы их ни гнало — это что-то достаточно скверное, чтобы люди отважились на путешествие во время сезона дождей, лишь бы только убраться подальше. Не один и не два из нас слышали молву, что это колдовство.

— Война или колдовство, — Дев медленно кивнул, все еще глядя в глаза мастеру Утену. Будь он проклят, если первым отведет взгляд. — Впрочем, что бы то ни было, а новости стоят кое-чего, что облегчит ваши заботы.

Корабельщик ухмыльнулся и кивнул в сторону моряка с деревянными мисками.

— Дай нашему другу что-нибудь, чтобы наполнить желудок.

— Спасибо.

Дев принял полную миску рыбы, приправленной острыми травами и жарко дымящуюся. Гребцы сгрудились вокруг раздатчика, чтобы получить свою долю. Наконец Дев схватил ломоть плоского хлеба и подобрал со дна остатки похлебки с крабьим мясом. Отставив пустую миску, он ухмыльнулся корабельщику:

— Самое лучшее кушанье, которое я пробовал за последние дни. А теперь посмотрим-ка, чем я смогу вас нынче порадовать взамен.

— Джейлан, иди с ним и помоги, если нашему гостю понадобится помощь.

Вернувшись к воде, Дев проворно взобрался на борт «Амигала». Очутившись в тесной каютке на корме, где лежало в гамаке или было заперто в потертом сундучке, прикрепленном засовами к полу, его нехитрое добро, Дев порылся под рубахой, ища ключи, висевшие на цепочке у пояса. Отбросив в сторону парочку ненужных шарфов и горшочек из-под краски для лица, оставленные девушками, он отпер люк корабельного трюма и спустился по шаткой лесенке. Затем закрыл дверь и очутился в непроглядной тьме. Мгновение спустя появилось крохотное белое пламя, пляшущее на ладони Дева и озарившее его ухмыляющееся лицо. Тайр Бадул может издавать сколь угодно великое количество указов против волшебства, как и любой другой тиранчик альдабрешцев. Дева они не поймают. Ему даже не нужны чары, чтобы избежать беды, более чем достаточно отточенного ума.

Пламя разгорелось и высветило самые разные вещи, необходимые, чтобы поддерживать в хорошем состоянии «Амигал» и кормить самого Дева, разложенные по сундукам и ящикам, укрепленным у одной стены трюма, недостаточно высокого даже для того, чтобы Дев мог стоять во весь свой довольно маленький, надо заметить, рост. Он повернулся к ряду бочек у противоположной стены. Далее стояли корзины, набитые пухом тандры, горлышки разнообразных бутылей выглядывали из белых волокон, точно зеленые цветочные луковицы. Дев быстро произвел подсчет и нахмурился. Вот ведь незадача-то, если идешь так далеко на юг. Кому только не требуются здесь его товары, но никакой возможности пополнить их запас.

И все же он последний, кому их может не хватить. Дев сорвал крышку с полупустой корзины, и там обнаружилась темная бутылка с засохшей восковой печатью, свидетельствующей о дальнем, варварском происхождении бутылки. Подбросив холодный огонек в воздух, где тот повис, трепеща, точно пламя догорающей свечи, он извлек пробку вместе с печатью своим барбакским кинжалом. Отпил и задумчиво подержал жидкость во рту. На сияющей поверхности белого питья отразилось пляшущее пламя, и Дев наморщил лоб.

Следует ли ему переговорить с Планиром? Сможет ли он обратиться к Верховному Чародею с такого расстояния? Конечно, это возможно, раз уж он рожден, чтобы управлять огнем. Верховному Чародею, конечно, эти новые слухи, разносящиеся с течениями и ветрами по всему Архипелагу, покажутся достойными внимания. Есть ли у Планира что ему сказать? Не могло ли случиться, что это северные волшебники вызвали бедствия далеко на юге? Разумеется, нет. Никто из Хадрумала не смог бы совершить такое плавание, чтобы Дев ни о чем не услышал.

Его улыбка стала презрительной. Ни у кого из Хадрумала не хватило бы духу совершить нечто столь дерзкое, как-никак все знают, что любой волшебник, пойманный на Архипелаге, поплатится тем, что с него заживо сдерут кожу. В любом случае, с чего бы им такого хотеть? Ученики быстро усваивают все предрассудки старших касательно мира за пределами скрытого острова северного чародейства. Искусники в обращении с воздухом, землей, огнем и водой принимают как данность, что все чародейское знание надежно заперто в библиотеках и высоких залах. Определенным образом великие волшебники Хадрумала были столь же бесхребетны и невежественны, как и олухи из дрянной деревеньки, в которой вырос Дев.

Не впервые он пообещал себе, что когда-нибудь, когда у него будет вдоволь свободного времени, он вернется к этой россыпи лачуг, чтобы тамошние ублюдки знали, что он доверенный помощник Верховного Чародея Хадрумала, признанный равным всеми власть имущими материка.

Впрочем, вряд ли Планир будет слишком поражен, если Дев не сможет выудить из этих слухов о колдовстве на Архипелаге неоспоримую правду. Что-то должно за этим стоять, особенно теперь, когда вести о колдовстве выскользнули из хватки владык, и не только их послания, выполненные на тайнописи, но и языки простого люда разносят вести по торговым берегам.

Дев нахмурился, потягивая жгучую и крепкую влагу. Если колдовство идет не с севера, то что же может происходить на юге? Волшебный огонек, висящий в воздухе у его головы, стал ярче и обрел неестественный красноватый оттенок. Откуда

могло явиться чародейство, опустошившее самые южные из островов? А не может ли некая неведомая земля располагаться дальше самых окраинных владений, за безбрежной равниной южного океана? В Хадрумале имелись волшебники, которые настаивали, что она должна там быть, и ссылались на свои кропотливые исследования океанских течений и бурь со смерчами, приносящих дожди на Архипелаг. Дев сощурил глаза. Какие неведомые чары могли принести с собой не менее неведомые колдуны? Какие тайны стихий можно почерпнуть у них, чтобы принести обратно в Хадрумал и предъявить погрязшему в самодовольстве Кругу Совета, или, еще лучше, использовать с выгодой для себя в любых оживленных портах материка?

Дев осушил чашку, приняв внезапное решение. Он явно ничего не разузнает наверняка, если не поплывет дальше на юг, а этого он отнюдь не собирался делать, пока не соберет все возможные сведения. Самое время поглядеть, не ищет ли человек, за которым он охотится, что-нибудь полезное для себя среди того хлама, который море выбрасывает на берег. Дев снял с подставки небольшой бочонок. Можно предложить это гребцам мастера Утена. Ничего особенного, но эти альдабрешцы не так уж много пробовали вин, чтобы постичь разницу между помоями и действительно благородным напитком. Отперев дверь в крохотный чуланчик на самом носу «Амигала», Дев щелкнул пальцами, призывая свой огонек, и осмотрел небольшой запас сундучков и крепко завязанных мешков, надежно сложенных внутри. Затем пощупал кончиками пальцев чистый кожаный кошелечек на груди под безрукавкой.

Закрыв маленький носовой трюм, он вскинул винный бочонок на плечо, быстро зашагал обратно через корабль к лесенке на корме и бережно поднялся по ней с неудобным грузом на плече. Очутившись на палубе, он подкатил бочонок к поручням «Амигала» и свистнул, зовя Джейлана и еще одного из гребцов с «Пятнистого Лоала», болтавшихся поблизости.

— Отнесите это мастеру Утену с благодарностью от Дева.— Опершись ногой о борт, он опустил бочонок в нетерпеливые руки гребцов и мгновение спустя прыгнул, чтобы присоединился к ним.

— Ты с нами? — приглашая, спросил Джейлан.

Дев покачал головой.

— Хочу пройтись по песку, пока еще не слишком поздно.

— Принеси свои одеяла к нашему огню, если предпочитаешь спать на берегу, — предложил Джейлан.

— О, я хочу найти что-нибудь помягче одеял и не думаю, что буду очень много спать этой ночью.

Двое рассмеялись, а Дев пошел по берегу прочь от них. Едва скрылся из виду костерок, что развели люди с галеры, кто-то вынырнул из тени под деревьями.

— Я вижу, у тебя свое судно, хозяин. — Улыбка его была равно отчаянной и заискивающей. — Но ты управляешься с ним в одиночку, как я погляжу. Это, верно, очень утомительно.

Если это был не тот, кто недавно взывал к владельцу галеры, то они достаточно походили друг на друга, чтобы пренебречь разницей. Дев пожал плечами.

— Я привык.

— Могу предложить крепкую спину и усердные руки, чтобы облегчить твои труды, — не отставал тот. — Если ты хорошо отдохнешь во время пути, у тебя окажется больше шансов недурно преуспеть в торговле.

Дев позволил себе оценивающую улыбку.

— У тебя достаточно бойкий язык, чтобы самому заняться торговлей.

— Нет, я рыбак. — Человек убрал с глаз нечесанные волосы. — Так что знаю толк в лодках и снастях. Об этом тебе не придется беспокоиться. — Дев заметил, что борода у него опущена только на подбородке, как принято во владении Туле, но сейчас и выше нее на щеках темнеет неровная щетина. Дев склонил голову набок.

— Рыбаки обычно водят за собой семьи.

Собеседник замялся.

— У меня жена и двое детей. — Он постарался вновь улыбнуться. — Моя жена может шить и стряпать для тебя и помогать чинить сети.

— Когда не будет бегать вокруг, чтобы не позволить вашим пострелятам свалиться за борт. — Дев недовольно поджал губы.

— Их можно держать внизу,— взмолился незнакомец.

Дев кивнул, как бы задумавшись, и молчал достаточно, чтобы слабая надежда засветилась в глазах рыбака.

— Хорошо. Я отплываю утром.

От облегчения рыбак едва не задохнулся.

— Ты об этом не пожалеешь!

— Мы держим путь во владение Туле,— радостно сообщил ему Дев.

Проситель немедленно отступил на шаг.

— Ты держишь путь на юг?

— Что-нибудь не так? — Дев напустил на себя растерянный вид.

— Да, еще как не так.— Настороженную вежливость рыбака как ветром сдуло.— Чародейский огонь все превращает на юге в золу и пепел.

— Всегда что-нибудь где-нибудь горит в самом конце сухого сезона,— усмехнулся Дев.— Я не из тех, кто забивает себе голову пустыми бреднями о чародействе.

— А я верю тому, что слышал,— огрызнулся рыбак.— Можешь податься на юг и убедиться сам.— Он круто повернулся и пропал во мраке.

Похихикивая, Дев продолжал свой путь вдоль берега. Безусловно, в южных краях творилось нечто, дающее повод для исследования. Дев праздно размышлял, что бы это могло так ошарашить рыбака, услышавшего, что его собеседник желает плыть на юг. Если бы он предложил жене этого рыбака поднять для него юбки, а заодно и для любого, на кого он укажет, это вызвало бы не меньший отпор. Дев прогуливался, поглядывая на костры и людей, собравшихся вокруг огня в сгущающихся сумерках, ища знакомые лица. Мужчины и женщины поднимали глаза, когда он проходил, и опять опускали, поняв, что не знают этого человека.

Наконец один человек с исхудавшим лицом бросил на него второй взгляд и с усилием поднялся на ноги.

— Дев, хитрющая ящерица! Что ты здесь делаешь?

— Предостерегаю честный люд против всяких вороватых акул вроде тебя.— Дев остановился и широко улыбнулся.— Я слышал, что ты бороздишь воды у этих островов.

Тощий человек взял палку, чтобы поворошить ей в своем костре; душистые листья тлели, отгоняя ночных кровососов.

— Если только ты не спешишь получить удовольствие от жен Тайра Бадуга, пожертвуй мигом-другим и скажи мне «привет». — Позади него орава мальчишек, в которых нельзя было не признать его отпрысков, потела, сворачивая ткань с навеса и собирая множество самых разных мешков, плоды в сетках и свежеебитых птиц. Останки одной такой птицы лежничиво покачивались на вертеле над углями. — Угощайся.

— Я должен был десять раз пересечь след твоего судна между здешними краями и водами Махафа. — Дев рухнул на песок рядом с ним. — Чем ты здесь так по уши занят?

— Торгую талисманами, могу посоветовать и тебе это выгодное дельце. — Маждун подался вперед, чтобы отодрать несколько длинных волокон сочного мяса от жарившейся на вертеле птицы.

— И сильные это талисманы? — лукаво поинтересовался Дев.

— Весьма могущественные, — торжественно заверил его Маждун. — Звенья браслетов, которые самые удачливые владыки из летописей надевали, идя в бой против северных варваров.

— И, надо полагать, возвращались с победой, не тронутые чарами? — невинно спросил Дев.

— У меня также есть кольца, которые защищают корабельщиков в бесчисленных плаваниях в чуждые воды беспредельных земель. — Маждун ухмыльнулся. — Ты будешь есть орехи шороховицы? Запечены в меду, с семенами тарита.

— Я слышал эти сплетни о колдовстве всю дорогу через воды Нора и во время всех моих заходов на земли Йава. — Дев покачал головой. — Что происходит, Маждун?

— Люди бегут, напуганные рассказами о чародействе так, что предложи я им втирать в кожу птичий помет, дабы отвести чары, они поверили бы. — Внезапная ухмылка мелькнула на лице Маждуга, обнажив белые зубы.

— Знаю. — Дев втянул губами нежный мед и острые семечки тарита, прежде чем захрустеть пряным орехом шороховицы. — Но еще я хочу знать, почему. Откуда пошли эти слухи?

Маждун убедился, что ни один из сыновей не услышит его слов, и заговорщички шепнул:

— Что ты мог бы предложить за ответ, способное облегчить мои страдания? — Его глаза со значением засветились, отразив пламя костра.

Дев подался вперед, чтобы стянуть кусочек хрустящей корочки с жареной птицы, и одновременно ловко залез рукой под свою рубаху. Сев на место, он всунул что-то в пальцы Маждуна. Маждун осторожно оглядел берег, прежде чем впихнуть в рот темный кожистый лист.

— Не стоит рваться торговать слишком далеко на юг отсюда, дружище. Зреет беда, и ни один владыка не позволит своим людям баловаться выпивкой, когда враги могут высадиться в любой день.

— Но что за беда? — Дев с явной досадой прищелкнул языком. — Все, что я слышу, — это неясные толки о волшебстве. Чепуха, не иначе. Одна утка приняла упавшую ветвь за притаившуюся в зарослях кошку, и вся стая всполошилась с ней вместе.

— Это-то как раз я и подумал, пока сполна не получил свое. — Маждун придвинулся ближе к Деву, глаза его ярко горели в свете костра, темные провалы зрачков были неестественно широкими. — Могу рассказать тебе кое-что, стоящее доброго запаса листа, дружище.

— Новости, которыми я заслужу подобающую благодарность на севере и которые окажутся полезны варварам, поставляющим мне лист для таких, как ты? — с недоверием спросил его Дев.

— Здесь у меня вчера была главная служанка Джакан Тайр. — Маждун облизал губы. — Она искала талисманы для детей, особенно против измены и коварства, но и против волшбы тоже. И пробыла порядочно.

— Ты много чего надавал ей за эти годы, не так ли? — Дев предоставил своему сделанному не без зависти предположению утонуть в грубом смехе.

— Всегда и везде найдется женщина, которая не прочь заполучить чужеземное семя в свою борозду, — прыснул Маждун. — И не только среди служанок. Не говорил ли я тебе о

случае, когда Съелла Нор явилась искать что-нибудь, что сделало бы денек поярче?

— Разумеется, — сказал Дев с похабной ухмылочкой. — Но что сказала тебе эта служанка Тайров?

Маждун нахмурился, пытаясь подобрать убегающую нить своих мыслей.

— Тайр Бадул получал некоторое время особые сообщения от Туле Лека. Там полно новостей из владения Улла.

Двойной тайнописью, запечатанные особым кольцом по хрупкому воску, хорошо скрыв свое веселье, подумал Дев. Привязанные к ногам почтовых птиц, с дыплячьих дней обученных избегать хищников. И все же — никакой защиты от любопытства Джакан Тайр с ее болтливым язычком и служанкой, питающей столь необъяснимую склонность к неуклюжим ухаживаниям Маждуну.

— И о чем там?

— Больше о том, что Улла Сафар замышляет прихватить себе все земли между Деразуллой и южным океаном. — Маждун пожал плечами, лениво смакуя свой лист.

— Это объясняет дым, который приносят ветры. — Дев нахмурился. В этом есть какое-то грязное правдоподобие. — Улла Сафар просто сжигает все у себя на пути.

— И возбуждает толки о колдовстве, чтобы не позволить никому вмешаться. — Маждун помедлил и еще немного пожевал. — Но Туле Лек говорит...

Раздавшиеся шаги и голоса прервали его рассказ. Повсюду устроившиеся вдоль воды люди повскакивали на ноги и загомонили.

— Что происходит? — Дев подозревал одного из сыновей Маждуну, который болтался у самых волн, где ничто не загораживало вид.

— Меченосцы Тайра Бадула. — Изумление мальчика умеряло то, что неприятности случились с кем-то другим.

— И что они делают? — нетерпеливо спросил Маждун, с сожалением отрываясь от сосредоточенного жевания листа.

— Разбивают круг у огня. — Мальчик нехотя отвел глаза от зрелища. — Кокнули бочонок, едва увидели.

Дев вскочил на ноги и поспешил встать рядом с мальчиком. Да, проклятье, это громят стоянку беспечно отдыхающих мат-

росов с «Пятнистого Лоала». Треск раскалывающегося дерева эхом пронесся по пляжу, на миг перекрыв смятенные и негодующие возгласы людей. В ответ раздался грубый окрик, отблески костра заиграли на кольчугах и клинках грозных мечей.

— Это уже слишком. — Маждун встал рядом с Девом и мальчиком, немного пошатываясь на мягком песке. — Даже для Тайра Бадула. Ведь это не его корабль. Что ему с того, что ребята балуются выпивкой или куревом? У этой галеры нет покровителя, они никогда не обратятся к его триремам, даже если затонут в бурю или налетят на риф.

— Скверные дела. — Дев нахмурился. — Самое мне время сваливать.

— Мы можем спрятать тебя в нашем трюме, — предложил Маждун. — Если хочешь где-то затаиться на ночь.

— Я не оставляю «Амигал» без присмотра. — Дев покачал головой, все еще наблюдая за переполохом на берегу. — Это может быть просто хитростью Тайра Бадула, который не прочь прихватить мой груз. Не стал бы я доверять человеку, который долго и громко твердит, что никогда даже не нюхал крепкой очищенной выпивки. Мы с тобой еще скоро встретимся.

Не тратя время на выслушивание горячих возражений Маждуна, Дев легко побежал по песку, шлепая ногами по медленно накатывающим волнам. Здесь, на краю вод, его вернее заметят, но зато он движется куда быстрее, чем если бы прятался в тени деревьев, натываясь на торговцев и жалких попрошайек. Пока драка кипит вовсю, и внимание целого пляжа сосредоточено на ней, Дев может успеть проскользнуть мимо и вернуться на «Амигал», не попавшись никому на глаза. Успеет ли он выйти из кольца внешних островов, прежде чем они смогут дать знак скорой триреме? Дев сплел вокруг себя немного тьмы, когда приблизился к центру переполоха, вобрав в себя всю свою силу, чтобы подавить любой намек на волшебный свет.

— Мы не потерпим пьянства в нашем владении. — Высокий мужчина, старший над меченосцами, судя по медному блеску шлема, выкладывал мастеру Утену указ владыки. Двое воинов в доспехах крепко держали моряка, а их начальник сопровождал свою речь ударами тыльной стороной ладони. — Никакая торговля, никакие договоры, никакие сделки здесь не

действительны, если только все стороны не трезвы. Таков указ Тайра!

Люди Тайра Бадула, явившиеся сюда в подавляющем большинстве, топтали останки бочки вместе с мисками для еды, хлебом и плодами, превращая их во влажную грязь вокруг залитого вином потухшего очага. Даже горшок был брошен наземь и разбит. Гребцов, которые выказывали недовольство, уже привели к мысли о повиновении, избив до крови. Окружив разгромленную стоянку, плотной толпой стояли праздные зеваки.

Дев заставил тени вокруг него стать еще более густыми и, проскальзывая мимо, выволок якорь «Амигала» из песка. Судно закачалось на волне, воды под кормой было всего ничего. Дев вскарабкался на борт как можно тише и потянул вверх тяжелый якорь, набросив на него густое одеяло воздуха, чтобы приглушить звуки. Готово. Он оглянулся на берег. Меченосцы Тайра окликали в толпе любого, чье лицо им не нравилось. В строю зевак один за другим возникали пустоты, люди спешили прочь, несомненно, чтобы расстаться с любыми запрещенными наслаждениями, которым недавно предавались.

— Как ты думаешь, куда ты катишься? — Начальник устал изводить Утена и обвиняюще указал пальцем на другого судовладельца, который пил с мастером «Пятнистого Лоала».

Дев пробрался по палубе, чтобы поднять парус «Амигала», крепко удерживая сплетенную колдовскую тишину вокруг мачты. Ветерок, долетавший с суши, был слишком слаб, чтобы полотнище хотя бы пошевелилось. Нахмурившись, Дев замедлил свое прежнее колдовство ровно настолько, чтобы вызвать внезапный порыв ветра. Волна подхватила суденышко, «Амигал» всколыхнулся и очутился на плаву в полосе воды в руку шириной. Дев побежал вперед, чтобы выдернуть носовой якорь, напряженно вслушиваясь, не раздастся ли окрик с берега. И в это время его поразили две вещи. Первое — что «Пятнистый Лоал» и соседняя с ним галера преграждают ему путь в море. Второе — что кто-то есть в маленьком носовом трюме у него под ногами. Ведь там не хранилось ничего, что могло бы вызвать постукивание, которое он только что услышал.

Он оглянулся на берег. Довольные, что матросы с галеры получили хороший урок, меченосцы расходились по песку, а

костер полыхал как нельзя ярче, потому что все, вид чего им не понравился, было брошено туда от душевных щедрот меченосцев Тайра.

Дев выворотил якорь из морского дна и швырнул моток веревки на крышку носового люка. Облекая тяжелый металл еще большей тишиной, он поднял его из воды и пристроил на вершине мотка конопляной веревки. Затем побежал на корму «Амигала», шлепая босыми ногами по обшивке палубы, и вывел шумно заскрипевшее длинное кормовое весло с его места под поручнем. Погрузив его в воду, Дев направил «Амигал» в надежную тень между «Лоалом» и его соседкой. Затем молча закрепил тяжелое веслище в рулевом крюке хитрым узлом, которому научился у прежнего владельца судна, ловко им обставленного.

С небывалой тщательностью подняв кормовой люк, Дев молча соскользнул по лестенке. Здесь требовалось положиться на свою природную сноровку, а не на волшебство, которое могло бы возбудить нежелательное любопытство даже у вора. Двигаясь медленно и плавно, он нашел ключи и отпер дверь так, что она едва скрипнула, и обострил слух легкими чарами, чтобы от него не укрылось ни единое дыхание, сколь уютно затаенное. Никого. В отлично знакомом месте, где нетрудно полагаться на память и чутье, он не спеша пробирался через трюм, сдерживая гнев. Все как положено, винные бочки на месте, все бирки на бутылках на ощупь точно такие же, как были прежде.

Значит, вор искал что-то другое: жевательный лист, растертые в порошок травы, которые смешивают для получения дурманящего дыма, и дорогие настойки, придающие пище невиданный до этого аромат. Дев, не ошибившись ни на пядь, потянулся к поперечной балке над головой и вытащил оттуда длинный кривой нож, более чем вдвое длиннее любого кинжала, которые позволяют носить альдабрешские владыки в своих владениях. А затем подобрался, бесшумно ступая, к двери носового трюма, перебирая в пальцах ключи, пока не нашел тот, который требовался. После чего он отпер дверь и приготовился скользнуть внутрь прежде, чем любой вор успел бы досчитать до трех. Паршивец ткнется в носовой люк и обнаружит, что

тот завален. Дев охотно вырезал бы почки этому прощелье, и бежать ему не позволит.

Дев распахнул дверь и одновременно ударил ножом. Его рука прошуршала по хлопковой ткани, болтающейся поверх обтянутых кожей ребер. Похоже, хорошая реакция в последний миг спасла вора от смертельной раны в живот. Дев уверенно протянул руку во тьму и сомкнул безжалостные пальцы на скользком от пота костлявом запястье. И тут же занес нож для второго удара.

— Прошу, не трогай меня!

Рука Дева, несущая смерть, замерла на полдороги. Этот вопль ужаса издал не какой-нибудь вороватый и глазастый парнишка с галеры и не рыбак, которого толкнула на отчаянный шаг крайняя бедность. Дев поймал какую-то безмозглую и неряшливую девчонку.

— Идем со мной! — Он выволок ее, истошно визжащую, из носового трюма. — Ты думала, что сможешь удрать отсюда на моем корабле? Очень глупо, моя милая. Уж теперь-то ты точно отправишься гулять нагишом по отмели, как и положено воришкам вроде тебя. Можешь попытаться счастья с людьми Тайра Бадула. Они уже так разошлись, что, вероятно, даже не потрудятся спросить твое имя, не говоря уже о роде занятий.

Дев проволок воющую девушку через корабль, впихнул в каюту на корме и толкнул в угол. Замухрышка ударилась о деревянную стенку с глухим стуком, да так, что весь корабль закачался.

— Прошу, не трогай меня! — взмолилась она. — Прошу, не трогай!

Не обращая внимания на ее рыдания и дрожь, Дев нашел огниво и потянулся к лампе, свисавшей с балки. Не так-то просто было управляться одной рукой, но он считал, что рано опускать нож, пусть девчонка на вид и не представляла особой угрозы. Когда лампа разгорелась, Дев увидел светлую девушку примерно с себя ростом. Волосы ее были грубо обрезаны и порядком смахивали на воронье гнездо, рубашонка без рукавов и штанишки по колено лохмотьями висели на грязном скелете.

— Кто ты? — Он стоял над ней, голос его звучал холодно. — Тебе от меня здорово достанется, если откажешься отвечать. — Он огляделся, ища кусок веревки, ремня или чего-

нибудь другого, что сошло бы за хлыст. Как только он отвлекся, девушка пришла в движение. Но не кинулась к лестнице: Дев стоял как раз между ней и путем на свободу. Она вцепилась ногтями в его руку, сжимающую нож, и укусила. Застигнутый врасплох, Дев расслабил пальцы и, прежде чем успел опять их сомкнуть, замухрышка отобрала у него клинок. А затем, извернувшись, метнулась прочь, протянув одну руку к лестнице, теперь оказавшейся у нее за спиной, а другой сжимая выставленный перед собой стальной клинок.

— Дай слово, что не тронешь меня.— Ее голос все еще дрожал, но нож она держала твердо.

— Ты вздумала у меня пожить и надеешься убраться, отделавшись пинком под зад? — насмешливо спросил Дев. Он выхватил из ножен на поясе барбакский кинжал.— Что теперь будешь делать? Биться со мной?

Девушка вздрогнула, но длинный кривой нож по-прежнему был нацелен на Дева.

— Я умею с ним обращаться,— предупредила она.— Под грудину, затем вверх между ребрами. Вырежу тебе легкие, а заодно и печеньку.

— И прочтешь по ним будущее? — Он не сдвинулся с места.— Я могу предсказать тебе будущее, воровка, и оно полно страданий, уверяю тебя.

— Я пришла сюда не красть,— горячо возразила она.— Я здесь у тебя ничего не тронула. Все, чего я хочу, это уплыть отсюда.

— Этого хочет половина вонючего сброда во владении Тайр,— с издевкой заметил Дев. Не спуская глаз с замухрышки, он нагнулся и подхватил с пола один из брошенных шарфов.— Отлично, тогда объяснись.— Дев убрал в ножны барбакский кинжал и сделал вид, будто собирается перевязать свою расцарапанную кисть грязным шелком.

— Я не думала, что ты согласишься, если я просто приду и попрошу.— Она с вызовом подняла подбородок, и Дев увидел, что глаза у нее синие, то есть предки этой девчонки явно происходили из разных мест. От них же и налет чего-то нездешнего на узком и вполне заурядном личике.— Я думала, подожду, пока ты не выйдешь в море, а там покажусь.

— И тогда бы мне пришлось примириться с тобой? — Дев покачал головой с пренебрежительной жалостью. — А ты не подумала, что я просто брошу тебя акулам или морским змеям? За кого ты меня принимаешь? За евнуха? За ничтожество, неспособное за себя постоять? — Он язвительно усмехнулся, его взгляд задержался на ее груди. — Соображения тебе недостаёт не меньше, чем титек. У меня в мошонке не меньше добра, чем у самого косматого молодчика на этом берегу. Хочешь, покажу? — И указал вниз на свое лоно.

— Мне нет дела до того, что ты прячешь в штанах, — твердо произнесла она, ее рука все еще уверенно держала нож. — Мне нужно плыть на юг. И свою долю работы я сделаю.

Это поразило Дева больше, чем то, как она отобрала у него нож.

— На юг? В то время как любой нормальный человек здесь из кожи вон лезет, чтобы кто-нибудь отвез его на север?

— Это их дело. — Голос замухрышки зазвучал настойчивей. — Ты плывешь на юг. Я слышала на берегу.

— И что тебе там надо? — с вызовом спросил Дев.

— Я стихотворец. — Ее лицо вспыхнуло гордостью — посмей, мол, усомниться. И все-таки он рассмеялся.

— Ты?

Нож не дрогнул.

— Докажи! — ехидно подначил он.

— Мой мешок там, где я пряталась. — Она пожала плечами. — Принеси, тогда увидишь.

— То есть в носовом трюме, — язвительно уточнил Дев. — Немного от тебя вышло бы толка, если ты так знаешь корабль. А на спину ты ложишься с большей пользой?

— Я не раскидываю ноги, а насчет корабля еще выгучусь, — усмехнулась она, ничуть не оробев. — Я узнаю бочонки с вином, если где увижу, и бутылки с варварским крепким пойлом. — Она указала головой вверх, не отводя взгляд от лица Дева. С берега все еще доносился шум. — Как ты полагаешь, что скажут люди Тайра Бадула, если я сообщу им, что ты везешь? — Она нарочито помедлила. — Не стоит и упоминать о жевательных листах и порошках для дурманящего дыма на самом носу.

— Думаешь, ты успеешь сойти на берег, чтобы донести, прежде чем я тебя прикончу? — Дев нарочито медленно натянул шелковый шарф, держа его двумя руками. — Мне даже кинжал пачкать не понадобится. Видела когда-нибудь удушенника?

— Готова поспорить, что успею выбраться на палубу и как следует заорать. Это заставит их побегать. — Она склонила голову набок. — Или тебе хочется объяснять, откуда на твоём корабле ещё теплое мертвое тело, и это не считая запрещенного груза?

— Ты все продумала. — Дев прикинулся восхищенным. Кожа девушки была достаточно светлой, чтобы густо покраснеть от прилива крови.

— Ни один стихотворец не может позволить себе быть дураком.

— И у тебя в мешке есть тому доказательства. — Дев поджал губы. — Посмотрим-ка. Сейчас я пойду за мешком, а ты схватишь, что под руку попадет, и рванешь на берег, где выдашь меня меченосцам Тайра Бадула.

— Я не вижу здесь ничего, что стоило бы красть. — Ее насмешка прозвучала в лад его словам. Но на этот раз она скосила глаза к его гамаку.

Дев в один миг бросился на нее, выбив из рук кривой нож, набросив шелковый платок на шею и скрестив кулаки позади ее головы. Она не успела даже вскрикнуть, колени ее подкошились, и девушка обмякла. Улыбаясь со злобным удовлетворением, Дев стянул шарфами ее запястья и щиколотки, а затем подтянул руки к ногам и связал вместе за выгнувшейся спиной. Она шевельнулась, слабо задышала и сперва оторопела, а затем, поняв, что к чему, пришла в ярость. Она попыталась плюнуть в Дева, но у нее слишком пересохло во рту.

— Останешься здесь, — спокойно сказал он и снял лампу со вбитого в балку крюка. — Ты задала мне загадку, так что я взгляну, пожалуй, на эти твои доказательства. — Нежно погладив ее спутанные волосы, он впихнул дырявый прикроватный коврик ей в рот в качестве кляпа. Удостоверившись, что она слышит его смех, он вернулся в трюм.

Первое, что он сделал в носовом отсеке, это убедился, что ларцы и мешки с листом и дурмящими зельями не тронуты.

Довольный, что маленькая тощая дрянь хотя бы здесь ему не солгала, он подхватил заплечный мешок с кисточками из плотного хлопка, с вышитыми на темно-синей ткани желтыми трубоцветами. Задумчиво покачивая его в руке, он вернулся в каюту.

— Похоже, ты кое-кого обокрала еще до прихода ко мне. Посмотрим, чего стоит твоя добыча.

Ярость в ее взгляде наводила на мысль об уязвленной дикой кошке. Дев распустил шнур и перевернул мешок, вывалив на пол порядочное количество всякой всячины. Сев на корточки, он отбросил в сторону рубаху, еще более драную, чем та, что была на замухрышке, затем вылинявшее шелковое платье. И с пренебрежением покачал головой.

— Ну и славный же ты стихотворец, если это твое одеяние для выступлений. — Не удостоив взглядом грязные вазочки с красками для лица и дешевые побрякушки, он потянулся к черному цилиндру. — Что бы это могло быть?

То оказался чехол для свитков, сшитый из кожи, натянутой на железное дерево и выкрашенной темной смолой тарита. Дев свинтил крышку и наклонил чехол. Оттуда выскользнул плотный сверток тростниковых листов. Дев стал их разворачивать. «Окольцованная голубка», «Совы и вороны». «Лоал и черепаха». Он кивнул, одоббив качество картинок. — Ты стащила это у сочинителя с хорошим запасом нравоучительных рассказов для детей.

Замухрышка с мгновение глядела на него, прежде чем закрыть глаза и отвернуться, уткнувшись лицом в пол.

— Тебе придется обратить внимание на то, что я с тобой разговариваю. — Дев бережно вернул свитки в чехол, завинтил крышку и бросил черный цилиндр в свой гамак. Затем уселся перед незваной гостьей, скрестив ноги, ухватил ее за волосы и повернул к себе. — Попробуй только укусить, — непринужденно продолжал он, — и я тебе все зубы выбью. Это ясно?

Она кивнула, но в ее глазах все же и теперь было больше презрения, чем испуга. Дев, посмеиваясь, вытащил кляп.

— Должен признать, ты выказываешь немалое присутствие духа.

Она облизала губы, пытаясь по возможности увлажнить язык.

— Можешь вернуть мне мое имущество, и мы расстанемся.

— Но мне казалось, тебе нужно плыть на юг? — Дев с любопытством на нее воззрися. — Или ты передумала?

Она взглянула на него с презрением.

— Просто развяжи меня и отпусти.

— Я отвезу тебя на юг, — учтиво произнес он. — Если ты действительно стихотворец. Хотя, должен сказать, — добавил он с откровенным недоумением, — понять не могу, с чего бы поэту двигаться в направлении, противоположном тому, где он найдет для себя слушателей.

— Я поэт. — твердо заявила замухрышка. — Меня учил Хэйтар Слепец.

— Хэйтар Слепец мертв, — напомнил Дев, ухмыляясь. — Я слышал эту весть во владении Махаф менее десяти дней назад.

Она, пропустив последнюю реплику Дева мимо ушей, сказала:

— Хэйтар был величайшим толкователем «Книги Животных». Это должен знать даже чурбан вроде тебя.

— Я слышал и такое. Хотя сам предпочитаю стихи о распутных юных рабах и плясуньях с круглыми ягодицами. — Дев кивнул, бросив наглый взгляд на замухрышку. — Значит, ты обобрала его труп и смылась, я угадал?

— Я была его ученицей, — повторила она, поджав губы. — Его последней ученицей. Он дал мне этот свиток с картинами, когда умирал, и наказал зарабатывать на жизнь его творениями, пока я не найду что-то свое, что-то, что вдохновит меня сложить новый круг стихотворений, который станет известен всем под моим именем. — И впервые в ее глазах блеснули слезы.

Дев с недоверием поднял брови.

— И каким образом плавание на юг приведет тебя к чему-то подобному?

Она извернулась в своих путах.

— В южных пределах творится волшебство, и это правда.

— В самом деле? — Дев скрыл свое любопытство под надменностью. — Да что об этом может знать торговка всякой дрянью вроде тебя?

— Больше, чем ублажающий порок корабейник вроде тебя, — отозвалась она. — В южных владениях за Эдисом и Ритсемом владыки бьются с чародеями. Отвези меня настолько далеко на юг, насколько осмелишься, а когда ты в испуге удерешь, я сама двинусь вперед. Бои вроде тех, что произойдут вскоре на юге, породят немало рассказов о доблести и страдании, и я сложу об этом большую песнь.

— Чтобы прославить свое имя, — усмехнулся Дев. — И что же это за имя, чтобы мне узнать твоё сочинение, когда я его услышу?

— Ризала, — с неохотой ответила она.

— Я всегда считал, что поэты безумны. — Дев, улыбаясь, встал на ноги. — Теперь я в этом убедился. Хорошо, я устал в одиночку возиться с судном. Я повезу тебя на юг, и ты можешь оставаться на корабле до тех пор, пока согласна делать любую работу, какую я тебе ни дам, и делиться со мной всем, что получишь на берегу за рассказыванье этих нехитрых стихов про животных. — Он остановился у самой лестницы. — Только подведи, и я перережу тебе горло и брошу за борт на корм уграм.

— Пожиратель ящериц, — с чувством произнесла Ризала. — Ты собираешься меня развязать?

— Когда отойдем достаточно далеко от берега, — пообещал ей Дев. — Туда, откуда никто не услышит твоих криков, если ты с самого начала задумала обвести меня вокруг пальца. А теперь постарайся быть полюбезнее, не то для начала я заберу отсюда лампу.

Ризала снова открыла рот, а затем закрыла и поджала губы. Дев подмигнул ей.

— Не так-то и трудно, а? — И вскарабкался по лесенке. Веселость его убывала с каждым шагом. Сколько времени отняла у него эта чепуха? Как далеко отнесло «Амигал»?

Вернувшись на палубу, он с облегчением увидел, что его суденышко все еще пребывает в стоячих водах между двух больших галер. Что еще приятнее, громоздкие галеры отнесло друг от друга на приличное расстояние, и теперь между ними образовалось достаточно места, чтобы без труда выйти в море. На берегу все еще не унялся переполох, но меченосцы Тайра

Бадула, судя по всему, уже покинули берег. Самое время отплыть, пока они не вернулись. Освободив от узла стернь, Дев повел широкую лопасть через воду, направляя «Амигал» в сторону моря и обдумывая, как бы сполна воспользоваться неожиданным поворотом событий себе на благо.

Значит, Маждун сказал, что Улла Сафар затевает войну? Это может оказаться правдой, а может и нет. Замухрышка, судя по всему, не сомневается, что волшебство и впрямь появилось во владениях к самому югу от вод Уллы. Первое, что предстоит сделать, когда он отвезет ее подальше от берега, это установить, на чем основывается ее уверенность. И либо она расскажет ему все, либо истечет кровью.

А что после? Более важный вопрос: есть ли какой-то прок от этой Ризалы. Если она хочет остаться на борту, пусть покажет свое искусство. Если она им владеет — что же, ее присутствие — недурной повод для его плавания на юг. Все знают, что поэты безумны. Капитан триремы может на этом не успокоиться, но почему Деву невзначай не намекнуть, что днем он потакает прихотям девчонки в обмен на ласки, которые она дарит ему ночью. Вдобавок если плыть в одиночку, привлекаешь к себе нежелательное внимание. Девушка на борту положит этому конец.

Он всем весом налег на весло, чтобы вывести «Амигал» из тесного пространства между большими галерами. Ризала недавно была ученицей, не так ли? Правдоподобно складывается. Он готов поспорить, что у старого Хэйтара один глаз все-таки был, и что большинство плясуний, состоящих при поэтах, мало чем отличны от портовых шлюх. И уж девица точно могла бы шлепнуться на спину, чтобы удовлетворить любого начальника триремы, если он невосприимчив к стихам.

Подняв глаза, Дев увидел облака, которые, несомненно, возвещали о начале долгожданных дождей. Они наплывая на луны — Большую, которой не хватало всего нескольких ночей, чтобы называться полной, и Малую, убывающую в последней четверти. Он передумал, решив не соваться в пролив при таком неверном свете. Бросив якорь на песчаной отмели посреди бухты, он улегся на палубе. Свет разбудит его, и он сможет перебраться через рифы, пока там еще достаточно воды.

Глава 11

Кейда пошевелился. Затем отчетливо ощутил, что за ним наблюдают. Открыв глаза, он обнаружил, что перевернулся во сне, несомненно, чтобы не мешал вездесущий дневной свет. Все, что он отсюда видел — это листья ореховой пальмы, которые он собрал, чтобы соорудить нехитрое укрытие вечером накануне.

Не стоило и беспокоиться. Да и когда они еще пойдут, эти дожди? Нынче по ночам не прохладней, чем днем. Нет ли в этой стороне некоего зла, вызванного колдовством с юга, прогнавшим прочь бурные ветра? А это еще что за шум? Кто-то явно есть сзади. Кто бы это мог быть? Ты спрятался — лучше не придумашь.

В порядочном отдалении от любых охотничьих троп, не говоря о дороге, бегущей к какой-то неблизкой деревне, он нашел ложбину, густо устланную мягим камышом. Он не разводил огня, чтобы не привлечь паче чаяния неуместного внимания, хотя лодыжки у него ныли от укусов окрестных кровососов, и раздавленные листья душистого дерева мало помогали.

Вдобавок тебе нечего стряпать. Дэйш Рейк не слишком обрадовался бы, увидь он, как ты пытаешься позаботиться о себе в лесу. Какое бы оправдание ты ему привел — что голоден, хочешь пить и устал? Чего ты ждешь — когда Телуйет принесет тебе завтрак?

Кейда медленно перевернулся, изо всех сил стараясь выглядеть по-прежнему спящим. Сухие ветви лиллы, из которых он сделал себе постель, негромко затрещали под ним. Он медленно открыл глаза, ровно настолько, чтобы поглядеть сквозь ресницы. Да, за ним и впрямь наблюдали. Лоал настороженно взирал на сооруженный Кейдой из пальмовых листьев наклонный навес, наострив широкие уши, похожие на кошачьи. Зверь сидел, небрежно свив длинный пушистый хвост сбоку от себя, зажав в неприятно похожих на руки человека лапах палку, чтобы рыться в опавшей листве. Если он встанет на задние лапы, тоже больше похожие на руки, чем на ноги, то окажется по грудь человеку. И уж без труда сможет помериться с

человеком силой — его поросшие густой шерстью конечности крепостью ничуть не уступят рукам и ногам Кейды. А в лице ничего сколько-нибудь человеческого: черная морда принюхивается и фыркает, розовый язычок вдруг выскакивает, слизывая последние кусочки какой-нибудь незадачливой ящерки с длинных белых зубов. Любой пес гордился бы такими клыками. Зверь медленно заморгал. Глаза — совершенно круглые, такие же темные, как плотный, почти дочерна бурый мех. Заклучив, что Кейда то ли не угроза ему, то ли не стоит любопытства, зверь вернулся к рытью, ссутулив плечи и показав широкую белую полосу на шкуре.

Из-за нее-то тебя и называют «лоал в капюшоне». Хотя я понятия не имел, что вы вырастаете такими большими. Полосатые лоалы владения Дэйиш вдвое меньше тебя.

Что-то в грязи привлекло внимание животного, и оно схватило извивающуюся тысяченожку, впихнуло ее себе в пасть и стало жевать с хрустом, доносящимся через поляну. Кейда осторожно приподнялся на локте и обнаружил, что его желудок властно требует добавить чего-нибудь к сморщенным сердцевинкам нескольких сочных стеблей тарита, единственному, что он смог найти, прежде чем пала темнота. Кейда позволил себе ухмыльнуться.

Поэты рассказывали о детях, застигнутых в лесу ночью, которым лоалы предлагали спелые плоды или вкусные орехи... А у тебя есть что-то, чем ты готов поделиться?

В ореховых пальмах и густых зарослях красного камыша Кейда слышал голоса птиц, взлетающие в торжественной песне. Когда солнце поднялось, чтобы залить ложбину светом, за этими трелями стало угадываться более глубокое и богатое эхо. Подняв глаза, Кейда увидел новых лоалов, более мелких, пестрых, вроде тех, которых встречал во время охотничьих походов с Дэйшем Рейком. Усевшись прямо, они повернули морды к солнцу и урчали от удовольствия, подняв передние лапы и блаженно греясь.

«Есть много причин презирать северных варваров, мой сын, и не меньшая из них та, что в солнце и лунах они видят богов — чем они тогда лучше поющих лоалов?» Хотел бы я знать, эти захватчики с юга тоже почитают каких-то своих ложных богов, отец мой?

Вопрос настолько поразил Кейду, что он резко сел. Болботанье на ореховой пальме заставило Кейду и большого лоала поднять глаза. Там сидел зверь поменьше, самочка, прижимавшая к груди хрупкого малыша. И голос ее звучал негодующе.

Как я понимаю, это твоя супруга, и она не слишком довольна, что ты ей ничего не принес к завтраку.

Внезапно самка прекратила кричать и устремила взгляд выше по склону. Хвост ее резко завернулся вверх, длинная бахрома шерсти упала через плечо. Она что-то рывкнула самцу, который бросил палку и полез на ореховую пальму, лупя по стволу длинным хвостом. С поразительной скоростью оба животных перемахнули через пустое пространство на высокое железное дерево, толчок их крепких пружинящих ног оказался для этого достаточным, а крепкие руки ловко и вовремя ухватили новый ствол. В следующий миг они исчезли, затерявшись в густом зеленом пологе листвы. Пестрые зверьки тоже бежали, и звонкое молчание стало рассказывать свою повесть. Иссиня-черный горбоклюв в мятом камыше выше по склону хрипло закричал в тревоге и тут же краткое эхо донесло не что иное, как людской кашель.

Кейда потянулся за мечом Телуйета и сунул его за пояс, прежде чем ползти к скудному укрытию запыленных кустов карнелилки. Он бдительно осматривал землю впереди, не желая наткнуться ладонью на какую-нибудь тысяченожку или скорпиона, всполошенных рывшимся неподалеку лоалом. Кашель раздался снова и оборвался. Слабый, но умышлено изданный. Тут же Кейда услышал треск сухих прутьев и шелест стоящих почти вплотную стеблей красного камыша. Какие-то охотники крадучись пробирались в ложбину.

Даже если они охотятся не на тебя, тебе ни к чему давать объяснения любому, кто мог бы отправить весть о тебе в Деразуллу — особенно теперь, когда ты так близок к берегу, после того, как пересек весь этот проклятый остров.

Жалея, что он не может шевелить ушами, как лоал, Кейда непрерывно ища в лесу какое-нибудь колыханье зелени или щебет потревоженных птиц, медленно подался в обход, чтобы ягодные кусты оказались между ним и звуками. Шум приближения людей внезапно стал громче. Кейда приготовился

скользнуть вниз в ложок со всей возможной скоростью, твердо решив оставаться ниже уровня глаз любого преследователя.

Раздался крик. Затем другой, выше по ложку. Кейда выпрямился и побежал. Добежал до ручья, точнее, цепи луж среди камней в зеленых пятнах. Черная вязкая земля зачавкала у него под ногами. Он завяз в ней по щиколотки, потерял равновесие, потянулся к молодому побегу, но тот, увы, еще так неглубоко пустил корни, что Кейда мигом вырвал его из пахнущей болотом почвы.

— Помощь нужна? — охотник, широко ухмыляясь, возник рядом. Сеть была переброшена через плечо, в руке увесистое копьё, которое тут же нацелилось на Кейду.

— Идите, посмотрите, что я поймал! — крикнул охотник другим. Кейда осматривал вязкую грязь вокруг, пока не увидел твердое местечко, где представилась возможность ухватиться за дерево и выбраться. К этому времени его окружили шестеро. Кейда старался не менять выражения лица и опустил глаза.

Двое из них на другом берегу ручья и вооружены только кинжалами, это в твою пользу. В первые миг против тебя только четверо, но у двоих из них копьё, так что важно правильно выбрать мгновение. Что сказал бы Телуйет? «Не начинай бой, если не можешь навязать своих условий».

— Тебе есть что нам сказать? — Помахивая тяжелым, расширяющимся к концу лезвием топорика, предводитель охотников медленно спустился по склону и встал лицом к лицу с Кейдой.

— Мне нечего сказать, — резко ответил Кейда. — Я просто путник.

Кулак охотника тяжело заехал в живот Кейде под самой грудиной.

— Отвечай нам повежливей, нищий бродяга.

Кейда рухнул на колени, с усилиями пытаясь восстановить дыхание, не в состоянии помешать охотнику, склонившемуся и потянувшему меч Телуйета. Охотник тут же вырвал меч из-за пояса Кейды и провел концом ножен по его нагим ребрам.

— Нищий или вор? Ничто не говорит об имени, но есть жалкое подобие одежды и меч на поясе. Честный путник имел

бы, во что закутаться ночью, какие-нибудь товары на продажу или орудия своего ремесла,— охотник свистнул с одобрением, метнув свой топорик спутнику, чтобы лучше изучить меч.— Сброду вроде тебя не должно носить такие клинки.

Кейде удалось опять встать на ноги. В боку у него горело, в животе ныло. Он постарался говорить умиротворяюще.

— Это мой меч, я могу дать слово.

— Меч твоего господина, раб,— одернул его глава охотников, подняв оружие, чтобы взглянуть внимательней.— Вдобавок на рукояти золото, серебро и сапфиры.— Он чуть-чуть вынул меч из ножен.— И клинок из закаленной стали. Никто не носит ничего такого, кроме тех, что сопровождают вождей. И в шелках не разгуливает.

Все охотники были одеты в грубый хлопок, некогда окрашенный в зеленый цвет, но вылинявший после бесчисленных стирок и помеченный следами бесчисленных охот.

— Шелк не годится для путешествия, которое ты совершаешь.— Кто-то из них прыснул, воззрившись на дыры и грязь, украшавшие штаны Кейды.

Чистая правда. Так почему же ты не нашел чего-нибудь более подходящего, дурень? Можно подумать, ты видел недостаточно одежды, которую повесили сушиться на душистых кустах вокруг этих затерянных среди холмов селений. Теперь ты согласен платить за свою неуместную шепетильность, за все беспокойство о ком-нибудь невинном, на которого падет подозрение, и о дружбе, надолго отныне омраченной?

— Мы весь вчерашний день шли по твоему следу,— раздраженный молчанием Кейды, предводитель пихнул его в плечо, чтобы привлечь внимание.— С тех пор, как ты перевалил через хребет. Потеряли тебя ненадолго, но нынче утром опять отыскали твой след.

Кейда невольно бросил взгляд вверх, на иззубренные вершины, еще затерянные в утреннем тумане.

— Тогда вы должны знать, что я никому не нанес ущерба и не взял ничего, кроме того, что предлагает лес.

— И все же ты беглый раб,— фыркнул один из них, опершись о копьё.

— Раб Дэйшей, как я теперь вижу, — их предводитель кивнул на кривой кинжал Кейды.

Кейда не смог сдержаться. Его спина напряглась, плечи с вызовом расправились.

— Гляди, подпрыгнул, как вспугнутая птица, — заметил еще один охотник с удовлетворением.

— Кинжал прекрасной работы, — вожак взмахнул Телуйетовым мечом. — Это расскажет нам, из какого дома ты бежал, как только мы покажем кому-то, кто знает. Затем, думаю, мы хорошо заработаем, когда приведем тебя обратно, верно, парни?

И как только это дойдет до ушей Уллы Сафара, он пошлет войско по всему острову, чтобы живым или мертвым доставили ему человека, у которого отнят кинжал Дэйша Кейды.

— Я не беглец, — спокойно ответил Кейда.

— Говорят, Дэйш Кейда мертв, утонул или вроде того. — Предводитель подался вперед, дыхание тухлое, волосы и борода длинные и грязные. — Ты этим воспользовался, не так ли, чтобы убраться подальше, пока не провозгласят нового вождя?

Кейда покачал головой, но сердце у него упало.

Конечно, Улла Сафар постарается развонить о случившемся как можно шире, упиваясь тем, как все и каждый пытаются извлечь для себя какие-то преимущества из междувластия у Дэйшей, неустанно покачивая при этом головой в огорчении. И рабов всегда недосчитываются, если умирает вождь, порой целыми оравами. У Сиркета пока по закону нет звания и прав, он еще должен объявить себя правителем и отдать приказ о проверке всего имущества владения, которое он принимает. Улла Сафар будет более чем счастлив, если за этот период Дэйши потеряют горы имущества. Ты не подумал о такой возможности, когда пересекал горы и восхищался красотоми?

— Нечего сказать? — поддел его старший охотник, все еще помахивая мечом Телуйета. — Вся ложь иссякла?

— Мы отведем его обратно в Деразулу? — спросил охотник, который держал топорик.

— Туда тяжело добираться сушей, — с сомнением сказал кто-то еще. — Восемь, девять дней самое лучшее.

— Телохранитель, меченосец, кто бы он ни был, он стоит столько, сколько весит, шелком или сандаловым деревом,— укорил их предводитель.— Но кто честнее отнесется к нам, Улла Сафар или Улла Орхан? — И он оглядел их, ожидая мнений.

Если они думают, что отвести меня назад проще простого, то они явно понятия не имеют, как хорошо обучен биться любой телохранитель. Равно и о том, как сына вождя наставляют избегать убийц.

Кулак Кейды взлетел и со всей силы ударил предводителя охотников точно в горло. Тот споткнулся, попятившись, а Кейда между тем бросился наземь и вырвал меч Телуйета из онемевших рук. Он обнажил клинок неуловимым движением, сверкающая стальная дуга заставила в страхе отпрянуть второго охотника. Ловкий шаг в сторону увел Кейду с дороги парня, неуклюже взмахнувшего топориком, а стопа, с разгону угодившая в живот предводителю, вынудила его, едва ли не задохнувшегося, свалиться на второго охотника. Оба тяжело упали, треснула кость, человек, что был сзади, завопил от внезапной боли.

Ближайший из молодчиков с копьями бросил в сторону Кейды свою сеть, грузики по ее краю просвистели в воздухе. Кейда шагнул вперед, чтобы поймать бечевки, обмотавшие его под ребрами и грозившие нарушить его дыхание. Сеть задела свежий шрам на ребрах, но, не обращая внимания на боль, он всей тяжестью своего тела вынудил охотника с сетью подтянуться к острию меча Телуйета и нарваться на него плечом. Он выбил у охотника копье ножнами, которые держал в другой руке, прежде чем повести кулак вперед, уравновесив его теми самыми ножнами, чтобы превратить нос охотника в кровавое месиво.

Когда тот упал на колени, прижав ладонь к лицу, Кейда развернулся и вовремя поймал острый наконечник второго копья, зажав его между рукоятью меча и ножнами, а затем подал свое оружие назад и лишил равновесия не ожидавшего того охотника. Когда копейщик пришел в себя, Кейда с угрозой поднял меч Телуйета.

— Я просто путник, и вам незачем меня задерживать,— он бросил недобрый взгляд на двоих за ручьем. Оба разинули рты, один держал руку на кинжале у пояса, но по лицу его было

ясно, что он и не мечтает испытать себя в схватке с таким умелым бойцом. Другой уже поднял обе руки, сдаваясь.

— Отлично, теперь я продолжу свой путь, — Кейда держал меч Телуйета наготове, пока рвал обволокшую его сеть. Никто не сделал ни движения в его сторону. Глава охотников все еще лежал, распростертый на земле, и судорожно пытался восстановить дыхание, вцепившись руками в раненое горло. Второй съехался подле него с лицом, искаженным болью и страхом, и держал обеими руками стопу, вывернутую под невероятным углом.

— Ступай, и да будет проклято твое путешествие, — рявкнул второй копейщик, стоявший на коленях рядом с товарищем. Он грязной тряпкой лихорадочно перевязывал тому раненое плечо, кровь уже пропитала тряпку, скользившую под пальцами. Раненый поскуливал, слезы и что-то липкое бежали сквозь его пальцы, которыми он обхватил сломанный нос.

— Пойдете за мной снова — перебыю, — сказал Кейда со всей угрозой, на какую был способен. — Всех.

И попятился от них через заросли тонких стеблей карнелилки, изредка поглядывая через плечо, чтобы примечать дорогу. Наконец его остановила густая стена красного камыша. Он прислушался к звонко разносившимся по лесу возгласам охотников, одни спорили, другие сетовали. И ни одного звука, явно указывающего на погоню. Повернувшись, Кейда побежал, петляя меж сеянцев ореховых пальм, опутанных лианами. Первой его задачей было оказаться на как можно большем расстоянии от охотников.

Нет, теперь не ложбинами и овражками, если они опять попытаются тебя выследить, охваченные жаждой мести, это первое, куда они заглянут. Что ты тогда сделаешь? Действительно убьешь их всех? Вероятно, ты уже убил их предводителя, повредив ему горло. Рана в плече, весьма похоже, нагноится, а она нанесена слишком высоко, чтобы спасти бедолагу, отняв ему руку, если туда попадет черная гниль. Чем они такое заслужили? Лишь тем, что стремились исполнить долг перед своим господином и Дэйшем Сиркетом, вернув беглого раба?

Желчь поднялась из пустого желудка, точно едкий упрек. Кейда прорывался через самые доступные места подлеска,

пытаясь не спускаться с холмов. Он раздраженно рубил уски ползучих огоньков у хрупких побегов тандры окровавленным мечом Телуйета. И, наконец, прорвался к узкой, изрядно заросшей тропе. Пот жег бесчисленные царапины, полученные во время бегства. Он остановился, сердце его колотилось. Поскольку все птицы и звери бежали от шума, который он производил, или молча затаились в укрытиях, в лесу воцарилась тягостная тишина. Кейда сосчитал десять умышленно-неторопливых вдохов. Нет, никаких признаков погони.

А ведь тебя было легче легкого преследовать, ты шумел, как разбушевавшееся пламя. Или зря Дэйш Рейк учил тебя пробираться по лесу украдкой и многому другому? А теперь — возьми себя в руки. Где ты по отношению к берегу? К тому торговому пляжу, куда держал путь? Убраться из этого владения теперь более важно, чем когда-либо, предпочтительно успеть, прежде чем половина охотников всех деревень выйдет, чтобы приколотить к дереву твою шкуру.

Кейда медленно тронулся по извилистой тропе, неустанно себя укоряя. Лес протянулся впереди и повсюду вокруг, неизменный, всегда тот же самый. Утро иссякало под стопами Кейды. Но вот жажда, наконец, положила конец его самообвинениям, ее хватка вокруг его горла мало-помалу крепла. С запозданием вспомнив один из уроков Дэйша Рейка, он покинул тропу и стал искать щетинистую лиану, обвивающую железное дерево. Помня, как смеялся Агас, когда он в юности поглупому ошибся, Кейда сделал первый надрез как можно выше, затем отсек на длину руки бурую лиану вторым ударом клинка Телуйета. Ревностно скопленная растением влага щедро хлынула и плеснула ему в лицо, в то время как он ловил все, что удастся, разинутым ртом.

И я не отдал бы это питье за обещание десятка фляг прекраснейшего золотого вина.

Он отбросил в сторону обрубок лианы, и праздные мысли испарились, когда он невзначай увидел ярко-желтый четырехугольник сухих листьев пальмы сквозь потускневшую зелень живых деревьев чуть ниже по склону. Осторожно, как можно тише двинувшись вперед, Кейда убедился, что это действительно крыша хижины, запущенной, нуждающейся в значи-

тельной починке, если только люди, которые в ней ночуют, не хотят, чтобы скорые дожди залили их, пока они спят. Однако участку вокруг нее, судя по всему, уделялось больше заботы, его недавно окопали, и черная земля высокими валами тянулась вдоль рвов, нетерпеливо ждущих, когда удастся захватить всю драгоценную воду, которую принесут запоздавшие нынче дожди. Кейда покинул тропу и обогнул пыльное открытое пространство, откуда подлесок с давних пор брали на топливо.

С давних пор, но не в последнее время. Эти кусты карнелилки растут здесь вот уже несколько лет. Птичника также не видно, ни уток, ни гусей, готовых поднять шум, если кто чужой подойдет слишком близко — обычная защита в деревнях.

За убогим укрытием увядшего душистого куста он присел на корточки, чтобы заглянуть в ветхие расколотые ставни, криво повисшие на прогнувшихся петлях. С того места, где он сидел, он ясно видел груды одеял, брошенную как попало на узкую кровать. Одежда в таком же беспорядке валялась на полу вместе с единственным накрытым крышкой горшком, а также полуразмотанным отрезом грубого хлопка, в какой любой островитянин Дэйш собирает нехитрые пожитки для недолгого путешествия.

Кто здесь останавливается? Кто-нибудь, не желающий жить в такой уединенной хижине в настоящее время, но все еще пользующийся плодородным садовым участком, пока его не отнял лес. Но где же сейчас этот усердный труженик? Собирает что-нибудь или занят каким-нибудь тайным делом?

Кейда подкрался ближе, по коже меж лопаток пробежали мурашки: а вдруг неведомый садовник сейчас вернется? С внезапной решимостью он убрал в ножны меч Телуьета, рукоять при этом щелкнула. Подтянувшись на низком подоконнике, Кейда схватил верхнее одеяло и кожаный ремень, завитком лежавший на полу. Увидев запятнанную потом рубаху, Кейда немедленно натянул ее через голову, безглаголиво морщась, меж тем как его руки упорно искали рукава. Ее шили на более высокого и полного человека, но она хотя бы поможет скрыть от небрежного взгляда его драные штаны.

Если явиться на торговый берег с голой грудью, это привлечет слишком много внимания, а, думается, нынче

утром его нам хватило с избытком. Так, что тут есть еще, чтобы придать путнику более убедительный вид? Ты не можешь позволить себе привередничать, не теперь.

Кейда встал на колени и быстро свернул в трубку одеяло, затем туго стянул ремнем. В желудке урчало ужасающе громко в тихом полумраке заброшенного жилища. Кейда снял крышку с горшка. Внутри оказалась холодная и липкая похлебка из соллера, зерно которого смешали с раздавленными семенами тандры, стручками перца и солью, чтобы дольше не портилось. Сверху были набросаны корочки плодов лиллы. После недолгого колебания Кейда выудил корочки и соскреб со дна горшка все остатки, холодные и склизкие, выплюнув куски мякоти лиллы и подавившись этой скромной пищей после нескольких первых жадных глотков.

Вот до чего дошло, ты ешь то, чем живет один из низших островитян. Это сделано с разумным намерением или в безумии? Не знаю. Все, что я знаю сейчас, это что в пище для меня больше толку, чем в гордости.

Затем он увидел нож, которым резали плоды. Не ахти какой нож, короткая полоса неумело заточенной стали, запятнанная соком и тронутая ржавчиной. Деревянная ручка треснула, видать, отсырела когда-то, а потом ее положили сушиться, не смазав. Кейда переместился на пятки, держа руку на рукояти меча Телуйета, а другую на своем кинжале. Оба клинка выдают его как человека из некоего большого дома. Этот нож отметит своего владельца как нижайшего из низших. Все и каждый презирают человека, который достиг возраста благоразумия и не зовет своим порядочный кинжал, полученный от отца, которому так и не удалось достаточно наторговать, заработать ремеслом или усердно послужить, чтобы наделить своего сына таким подарком.

Лучше казаться нижайшим из низших, чем беглым рабом, сейчас-то уж точно.

Кейда вскочил на кровать. И оказался достаточно высоко, чтобы достать до грубо вырубленных стропил. Он бережно засунул меч Телуйета в плотно связанные пальмовые листья, повертев его из стороны в сторону, пока тот не лег ровно, спрятанный в крыше. Пристроив там же и кинжал, Кейда

спрыгнул на пол, подхватил одеяло, пихнул самодельный ножик в ножны на поясе и выбежал через открытую дверь.

Пусть испытанием моего благоразумия послужит, удастся ли спокойно уйти, не обвиненным в этой краже. Это может стать знаменем, которое укажет мне, на верном ли я пути.

Напряженный от ожидания разъяренных криков сзади в любой момент, Кейда поспешил дальше по петляющей тропе. Заброшенная хижина вскоре осталась далеко позади, а с ней и опасность разоблачения. Чуть далее он натолкнулся на более широкую стезю и, двинувшись по ней, обнаружил, что она вывела его к вершине долгого хребта из низких разрушенных скал, в подножие которого бьются темные волны. Не имея иного выбора, кроме как идти вперед, он обогнул, наконец, угол и встал на плоской вершине кручи. У него ушло одно мгновение, чтобы осознать, что он смотрит отсюда на истоптанную полосу песка, к которой стремился с тех самых пор, когда увидел ее с высокого горного перевала.

Любое удовлетворение при таком повороте событий продлилось бы недолго. Кейда нахмурился. Всего четыре галеры на якоре в укромном проливе между пляжем и расползшимся коралловым рифом, увенчанным пальмами. Лишь два парусных судна поменьше, отведенных на отмели. Несколько ярких навесов трепещут на берегу, скрывая товары, которые кто-то под ними предлагает. Но никто не шел мимо по песку, чтобы поглазеть или поторговаться. Кейда прошел чуть дальше, чтобы осмотреть широкое пространство меж двух гостеприимных зарослей иглоплода. Всего два костра. Спутники вождя, совершающего большой поход, могли бы разбить здесь лагерь, никого существенно не потеснив.

Как тебя порадовало бы менее десяти дней назад, узнай ты, что самые прославленные торговые пляжи Уллы Сафара в равном пренебрежении у купцов и у людей из его владения. Какое удовольствие тебе доставило бы сочувствовать жирному Сафару, тщательно выбирая выражения, чтобы он заметил, как ты на самом деле рад.

«Любому разрешено испытывать удовольствие при неудачах врага,— всегда откровенно говорил Дэйш Рейк о таких вещах.— Помните, глупо позволять, чтобы враг это

увидел, если только вы не потопили его триремы и он их больше не увидит, а ваши меченосцы у ворот его последней твердыни».

Но теперь неудача Сафара стала и твоей. Что бы сказал о таком Дэйш Рейк? «Можно ждать, пока ветер переменится, а можно самому добиться для себя множества удач, используя каждую возможность, которая представляется».

Кейда наблюдал, как гребная лодка с одной из галер приближается к берегу. Гребцам мешали бочки для воды, уложенные меж них. Соскользнув по нанесенной на скалу земле, он умудрился достичь пляжа как раз в тот момент, когда лодка коснулась грубого песка.

— Я могу вам помочь? — Кейда вошел в ленивый прибой. Главный из гребцов кинул ему канат.

— Подтяни.

Кейда поймал конец и потянул. Старший гребец перепрыгнул через борт и присоединился к нему. Лодка один раз недовольно колыхнулась, а затем прочно встала на песке.

— Надо почистить эти бочки и наполнить, и чтобы никто не видел то, что можно увидеть, пока дело не сделано.— Он насмешливо нахмурился, покосившись на своих людей.

— Не похоже, чтобы здесь было что увидеть, на этом-то берегу,— подал голос один из гребцов, когда те начали поднимать пустые бочки над бортом.

— А ну-ка дайте мне,— несколько сдавленно предложил Кейда.— И за весло я могу взяться вместе с другими, когда вы отбудете.

— За весло? — Старшина, изумившись, потянулся, чтобы взять его руку, повернул ее ладонью вверх и проследил красную борозду, которую оставила веревка, мозолистым и твердым, как старая кожа, пальцем.— Мягкие руки, друг мой. Может, ты и готов на любую работу, но ты не гребец, а мы держим путь в северные пределы, и нам надо спешить. У нас на скамьях нет места для того, кто не может налегать на весло весь день и весь следующий.

Кейда вынудил себя наклонить голову, признавая его правоту.

— Конечно.

Последняя бочка вызвала плеск на отмели, когда гребец перебросил ее через борт. Старшина поколебался.

— Помоги нам наполнить бочки водой, и это принесет тебе немного хлеба.

Хороший вопрос для спора о нравственности важного господина с его братьями-правителями, когда они, насытившись, ставят перед собой сласти и откидываются на шелковых подушках. Хуже быть вынужденным обокрасть островитянина, у которого нет ничего ценного, прежде всего, или принять милостыню от какого-нибудь добросердечного моряка, который сжалится над бродягой, не имеющим друзей и дошедшим до полной нужды?

Осознание, насколько он одинок, пробежало по его хребту, словно струйки холодной воды. Он глубоко вздохнул.

— Спасибо.

— Вот.— Кто-то бросил ему обрывок мешковины.— Их обильно трут песком, а не то нам придется через денек-другой пить зеленую слизь.

Кейда наклонился, чтобы дотянуться до днища одной из широких бочек, и ненароком стукнулся головами с еще одним гребцом.

— Прости.

— Скреби как можно сильнее.— Гребец крикнул от усилия, забрасывая горсть грубого песка в бочку. Кейда постарался работать так же, как он. Работа была невероятно тяжелой, приходилось, сложившись вдвое, двигать рукой на всю длину, а тут еще обод бочки впивается в подреберье. Дыхание его отражалось от деревянных стенок, а человек, работавший с ним, пах не слишком свежо.

Вероятно, он думает, что ты достаточно воняешь, чтобы распугать рыбу. И нигде не найдешь Телуйета наготове с горячей водой, ароматным мылом и мягкими душистыми полотенцами. Лучшее, на что можно надеяться, это помыться в море и натереться песком. Да будет так. Если уж я сделался нищим, я все же могу заботиться о чистоте.

— Так сойдет.— Гребец встал и шумно выдохнул.— Теперь ополоснем ее и наполним.

— Ага.— Кейда перевернул бочку и пихнул в сторону слабого ручейка, сбегающего по крошащейся скале.

— Наполнить надо, пока еще не слишком высохли,— крикнул старшина.— Если хоть одна доска треснет, я вас ею отлуплю.

В заводи у основания каменной кручи скопилось совсем мало воды, так что споласкивание бочек, освобожденных от песка, оказалось сложным и утомительным делом. Впрочем, вода не теряла прохлады, хотя солнце и стояло над самой головой. Кейду поразило, когда он понял, что уже почти полдень.

— Это последняя, верно? — Старшина гребцов появился вновь, когда последнюю бочку надежно закрыли крышкой. Он вручил Кейде неровный ломоть ломкого соллерного хлеба с копченой медузой.— Отлично, ребята, погрузим это на борт — и можно в путь.— Гребцы без единого слова покинули Кейду у крохотной лужицы, никто даже не оглянулся на него.

Никому не нужна твоя помощь, чтобы вернуть бочки на судно, пусть даже они теперь тяжелее и с ними сложнее управиться. Никто не хочет возбудить в тебе надежду, что тебе могут позволить остаться на их галере. У них был выбор, они его сделали. А каков твой выбор? Для начала — нечего стоять здесь с видом брошенного пса. Уж на это-то у тебя должно хватить гордости.

Жуя хлеб с острой медузой, Кейда зашагал по песку к месту для привалов меж тенистыми деревьями. Люди, развалившиеся вокруг кострищ, усеянных остывшим пеплом, бросили на него взгляд-другой, не враждебно, не приветливо, едва ли с любопытством.

В конце концов, все они и прежде видали нищих, промышляющих на торговых пляжах, тех, что не связаны присягой ни с одним владением, не зовут ни один остров домом, ни в одной деревне не найдут кров и пищу.

Приуныв оттого, что увидел себя глазами этих людей, Кейда шел все дальше, пока не миновал самые дальние из деревьев и не наткнулся на неровную гряду серых пятнистых камней, перерезающих пляж, похожих на пеньки сломанных зубов в дряхлой челюсти, дочиста вымытой морями. Он повернул к воде, вступил в нее и стал мыться со всем возможным тщанием.

Вернувшись на берег, он мгновение наслаждался блаженной прохладой, прежде чем недобрый жаркий ветер, которому предстояло непрерывно дуть до заката, не высушил его. Изменчивые приливы набросали на берег причудливую мешанину всякого хлама, застрявшего среди камней. Высохшие морские ежи, узловатые и рыжие обломки крабьих лап, обрывки водорослей, похожие на завитки старой бумаги. Тут яркий белый отблеск привлек внимание Кейды. Присев на корточки, он отшел в сторону мусор и отыскал нечто, похожее на слоновую кость. Обломанный кончик витого бивня рогатой рыбы, недостаточно долго пробывший в воде, чтобы песок и море убили его блеск. Он почти не истерся. Кейда сжал кулак вокруг белой спирали. Она оказалась теплой и живой на ощупь.

Слоновая кость. Ее белизна символизирует беспорочность, признак высокого положения, редкости и долговечности. Морского бивня это касается не меньше: в нем еще больше духа могущества, исходящего от обитателя вод, который увенчан рогом, точно иной сухопутный зверь. Ученые вожди давно писали мудрые труды, обсуждая, что может означать такое явление. Все давали разные толкования, но сходились в одном: должно иметься безымянное зло в глубинах, чтобы побудить столь сильное морское создание обзавестись таким оружием. Морской бивень, выброшенный на пляж, всегда подобен призыву: немедленно к оружию.

«Любая примета, никем не отысканная, может иметь величайшее значение». Снова и снова говорил тебе это Дэйш Рейк. Можно ли доверять такому знаку? Достаточно ли ты теперь далек от скверны колдовства, чтобы довериться своему чутью, пронизающему незримые течения настоящего и будущего? Можешь ли ты знать это наверняка?

Кейда спрятал находку глубоко в свой узелок из одеяла, прежде чем повернуться спиной к рошицам тенистых деревьев. Шагая вперед, он обшаривал взглядом пески, наклонялся, подбирая раковины, оставляя себе одни и отбрасывая другие.

— Что ты ищешь? — Торговец, терпение которого не вознаградил ни один покупатель, брел мимо, открытое одеяние цвета охры хлопало по цветным расшитым штанам, на шее висела толстая золотая цепь.

Признательный за внимание, Кейда кивнул, но продолжал всматриваться в песок.

— Глаза бури, чтобы пары подходили. Десяток.

— Вот один.— Торговец счастлив был присоединиться к поискам, чтобы развеять скуку.— О, нет, сломанный.— И швырнул прочь кремовый осколок.

— Я ищу темные внутри.— Кейда поднял белый овал, края его изогнулись друг к другу, не совсем встречаясь. Густое бурое сияние распространилось по желобкам, ведя на внутреннюю сторону, словно ресницы у почти закрытого глаза.

— А как насчет этого? — Купец потянулся за другой раковиной; граница загара и более бледной плоти стала видна, как только рукав скользнул вверх по руке.— Для чего это тебе, собственно? Хочешь сделать ожерелье?

Кейда взял раковину и сравнил с прежней добычей.

— У этой внутри, пожалуй, слишком розовое.— Еще шаг, и непрощенная мысль побудила его улыбнуться.

— Что-то рассмешило? — простодушно спросил купец, взрыхляя песок дотемна выдубленной стопой.

Кейда прочистил горло.

— Ничего. Просто вспомнил кое-что, что однажды сказал мне отец.

«Те, что темнее, глаза бури,— это достаточно ясно. Более розовые, ну что же, скажем, они могут напомнить мужчине в возрасте благоразумия о чем-то совсем ином. Можешь собрать две горсти их, если ищешь особых откровений касательно плодовитости женщины или последствий деторождения».

— Одна из этих годится? — Купец, ссутулившись, стоял с раковиной в каждой руке.

— Эта — несомненно.— Кейда взял ее.— Другая малость желтоватей, чем надо.

Купец лукаво поглядел на него.

— К чему такая разборчивость?

Кейда кинул на него вызывающий взгляд.

— Буду бросать жребий.

— Так ты предсказатель? — Внезапное понимание сменило его недоверчивое любопытство.— Да, конечно.

«А кем еще ты можешь быть, столь оборванный и грязный?» Ты хотя бы вести себя умеешь, мой друг. Зачем лгать, особенно когда ты собираешься испытать свое искусство? Дэйш Рейк достаточно часто твердил тебе: «Говори правду, насколько это возможно, и особенно когда ищешь откровения. Если ты не властен над правдой в своих собственных словах, как ты узнаешь правду, которую сообщают приметы?»

— Мой отец был большим провидцем, — ответил Кейда, пытаясь казаться беззаботным. — Я усвоил кое-что из его искусства.

— Я не видел тебя в этих краях прежде, — заметил торговец.

— Я до сих пор не много путешествовал. Мне пришлось покинуть жену... — Отзвук муки в его голосе поразил его самого. Вся жестокость обстоятельств вдруг обрушилась на него: что могло случиться, пока он совершал нелегкое путешествие через этот большой остров, глядя только вперед, ища что-нибудь, чтобы поесть и устроиться на ночь? — Мои дети... — Слова застряли в его горле.

Рекха и Сэйн, Сиркет и До, Эви, Вида, Ноа, малышка Мия и неведомый сын или дочь, которого родит Сэйн. Увидишь ли ты их когда-нибудь?

— Я не хотел быть назойливым, — с сочувствием извинился купец.

— Ты не мог знать. — Кейде удалось криво улыбнуться, когда темное веселье заглушило его боль.

Пусть эта боль кровоточит в твоих словах, когда кто-нибудь спросит, и, разумеется, никто не станет ждать, чтобы ты объяснился.

Порыв ветра заколыхал ближайший матерчатый навес. Купец ухватился за повод переменить разговор.

— Я не знаю, откуда ты. Но в моих краях такой ветер называют дыханием дракона. Скверно, не правда ли? Почему бы тебе не войти и не разделить со мной тень?

— С радостью.

И Кейда последовал за этим человеком к яркому полосатому полотнищу, умело натянутому на раму над обширным

набором колоколов и колокольчиков, выставленных на отрезке прочного зеленого хлопка. Некоторые колокольцы были достаточно велики для деревенского священного шеста, а за ними шли образцы все меньше и меньше, доходя до трубочек с соломинку, которыми украшают швы одеяний для танцев, создавая серебряную бахрому и нежный звон.

— Не скажут ли тебе эти раковины, когда, наконец, начнутся дожди, пока мы все не попадали за смертью от жары? — Купец сел на побывавший в странствиях сундук, накрытый легким ковриком, и, вытерев со лба пот, преувеличенно поморщился.

— Я могу угадать для тебя погоду, если хочешь. — Кейда сел, скрестив ноги, и подался вперед, чтобы начертить на песке совершенный круг. Он взглянул вверх, на солнце, а затем быстро и точно пометил на окружности четверти и по три доли в каждой.

— Сейчас мы узнаем что-то другое. — Он почувствовал, что его рука дрожит, стало быть, бросать раковины до того, как ему это разрешит предчувствие, означало бы получить вместо откровения полный вздор.

Любопытство купца разгорелось.

— Что ты видишь?

Кейда опять поглядел в небо — окончательно убедиться, что он правильно обозначил страны света — и лишь затем уставился на песок.

— Странствие.

Купец прыснул.

— Здесь в этом нет ничего необычного.

— И успешную поездку, — Кейда испытал облегчение, куда большее, чем то, что просто вызывает смех, когда изучил свой круг. Не менее пяти раковин упало внутрь дуги, означающей странствия, и все открытой стороной кверху. Наилучший знак.

— Что-нибудь еще? — Купец с надеждой поглядел на песок.

— Друзья. — Туда упали четыре раковины, следующее по значительности указание.

— Старые друзья или новые? — с увлечением спросил купец.

— Новые друзья.— Кейда кивнул с растущим удовлетворением.— Раковины близки к границе круга. Старые друзья оказались бы в середине.

— А что означает вот эта? — И купец указал на последнюю раковину. Кейда видел, что она упала на грань меж дружбой и враждой, внешняя сторона повернулась к нему, предупреждая.

— Я бы сказал, она напоминает, что не следует быть слишком доверчивым.

Не всех своих врагов ты оставил в Деразулле, не забывай этого.

— Это не из тех гаданий, какие я видал прежде, но твое лицо говорит, что оно предлагает здравый совет,— одобрил его купец.— Ты не погадаешь для меня?

Кейда посмотрел на купца, впервые внимательно изучив его одежду. По расшитым штанам шли полоски орнамента из мелких зверьков и деревьев, перевернутые для взгляда Кейды, но идущие в верном направлении для купца. Такого рода убранство всегда отличало самые дальние из восточных пределов, как он вспомнил.

— Ты забрался далеко от дома.

— Что правда, то правда.— Купец печально махнул рукой в сторону почти пустого пляжа.— И выбрал скверное время для плавания сюда — со всеми этими неурядицами на юге.

— Ты вполне можешь вернуться в восточные края до первых дождей.— По укоренившейся с детства привычке, Кейда проверил оком.— У тебя есть на примете надежная стоянка, чтобы туда направиться?

— Мы пойдем напрямик через воды Эндита,— кивнул купец.— И заберем полный груз нераспроданных товаров,— извиняясь, добавил он.— Так что места на борту нет даже для ручной певчей птицы, не говоря о человеке.

— Я не в досаде. Мне нужно на север, а не на восток.— Кейда подобрал раковины и бережно пересыпал из одной руки в другую.— Ты говорил о бедах на юге. Я предлагаю прорицание в обмен на то, что ты знаешь.— Он надеялся, что купец не заметит напряжения, превратившего его хребет в железный прут.

— К югу отсюда завелось волшебство, дружище, — напрямик ответил купец. — Я слишком от многих об этом слышал, чтобы это было враньем.

— В водах Редигала? — с показной небрежностью предположил Кейда.

— Не так близко. — Купец покачал головой с непритворным облегчением. — Чейзены — это все, о ком я слышал. Колдовской огонь запалил острова, и все бежали в воды Дэйша. О, да ты, поди, слышал молву, будто Дэйш Кейда мертв? Некоторые ломают голову, простое это совпадение или злой умысел, пролагающий дорогу чародейству.

— Я кое-что об этом слышал. — Кейда не посмел поднять глаза и встретиться со взглядом купца. — Как ты оцениваешь положение Дэйша Сиркета, если он станет вождем?

— Если он настолько же сын своего отца, насколько Дэйш Кейда был сыном Дэйша Рейка, то он достаточно крепок, чтобы встать против чего угодно, кроме самого откровенного волшебства, — уверенно заявил купец. — Буду держать это в голове, когда стану в следующий раз точить свой клинок, чтобы заточить и удачу паренька.

«Любая примета, никем не отысканная, может иметь величайшее значение». Разве не часто Дэйш Рейк повторял тебе, что истина является в случайно услышанных словах?

— А не говорят ли о том, что это волшебство идет на север? — спросил Кейда, и в его желудке возник тугой узел.

— Нет, — купец покачал головой со спокойной уверенностью. — Не теперь, когда дожди хлынут со дня на день.

Кейда тепло улыбнулся ему.

— Посмотрим, что скажут раковины о твоём плавании в воды Эндита.

Он бросил раковины и поднял лицо с улыбкой.

— Могу сказать, что попутный ветер доставит тебя туда, а добрая удача ждет тогда и там, где ты пристанешь.

— Чем ты занят, приятель?

Кейда обернулся и увидел троих, идущих к ним по берегу, не иначе, как обративших внимание на хоть какое-то оживление на этом пляже. Как и новый знакомый Кейды, то явно были купцы, бороздившие воды на собственных кораблях.

— Он предсказывает мне будущее. Наш друг — прорицатель. — Купец сощурил глаза от яркого солнца. — Полагаю, я буду в пути до конца дня. Здесь торговли нет и, похоже, не будет...

— Вероятно, я тоже, — пожал плечами один из подошедших. На поясе у него висел эндитский кинжал с острым, загнутым назад лезвием. — Вчера мы только и могли, что делать предложения друг другу, и не кажется, что сегодня преуспеем сколько-нибудь больше. — Скорее жилистый, чем мускулистый, с недавно заплетенными волосами и бородой, весь с головы до ног в белом хлопке, без единого пятнышка, хотя место и не способствовало сохранению чистоты.

— Если мы подождем еще, возможно, привлечем сюда с холмов кого-нибудь из людей Уллы, — возразил второй, ширококостный и плотный, с седеющими волосами и бородой, с голосом, огрубевшим за годы, когда требовалось перекрикивать ветер и волны. Кейда заметил у его пояса тайрский клинок с рукоятью из оленьего копыта. — И все, что нас ждет наверняка, если мы отчалим, — это возвращение домой с доброй половиной груза, который мы брали. Какой в этом прок?

— Эндит Наи, может, и не будет в восторге, если я доложу ему о такой убогой торговле, но я хотя бы смогу пообещать ему отплыть с обилием готового в путь товара, как только воды прояснятся. — Купец-щеголь явно принял решение. — И, возможно, эти беспорядки на юге пройдут, — добавил он, бросив выразительный взгляд на тайрского корабельщика. — Как я понимаю, это одна из причин, по которым люди Уллы держатся поближе к своим домишкам.

— Не было ни слова о такого рода напастях где-либо к северу от Чейзена, — возразил тайрец.

— А что скажет прорицатель? — Третий владелец галеры стоял, перенеся вес на ногу, что была сзади и, сложив руки, наблюдал за спором других. Все трое были одеты на единый лад, в рубашки без рукавов и штаны, как и любой моряк, но одежда этого малого была из лучшей ткани, лучше скроена и расшита морскими змеями, обвившимися вокруг его плеч. Он вдобавок казался варваром не меньше, чем раб Сэйн Ханьяд, хотя был моложе, едва ли ровесник Кейде. Солнце заставило его кожу

потемнеть до цвета меди, а волосы выгореть до тусклого золота, и он так же бросался в глаза среди темных голов вокруг, как если бы в их круг вдруг впорхнула Зеркальная Птица.

— Ты можешь нам сказать, когда пойдут первые дожди? — спросил эндитский корабельщик.

— Я смогу прочесть для вас предзнаменования, — спокойно ответил Кейда. — А сделаю ли это, зависит от того, что вы можете сделать для меня взамен.

Это заставило замолчать обоих мореходов, эндитского и тайрского.

— Чего ты хочешь? — веселясь, спросил варвар.

Время испытать твою удачу, Дэйш Кейда.

— Уплыть на север. — На миг его смутило, что зеленые глаза этого человека похожи на его собственные. — Я не гребец, как видно по моим рукам, но могу пообещать, что буду полезен. Я могу носить воду твоим гребцам, подменить уставшего, сказать тебе все, что ни увижу, о погоде и морях впереди. — Он опять пересыпал раковины из руки в руку.

— Не думаю, что мой старшина гребцов поблагодарил бы меня за тебя.

Кейда спросил себя, нет ли у эндитского морехода причин что-то подозревать, или это просто привычка.

— Я могу взять тебя в воды Туле, — неохотно предложил тайрский судовладелец.

— Как далеко на север тебе нужно? — спросил варвар. — У нас корабль Икади, и мы держим путь домой.

Другие в изумлении воззрились на него.

— Он — самое близкое к прорицателю, что мы можем найти на здешнем берегу, — пояснил икадец. — Можете поискать по деревням, если вам угодно, но даже если найдете кого-то, кто сможет читать для вас знаки, это вам дорого обойдется, сами понимаете.

Кейда рылся в памяти, ища любых упоминаний о владении Икади.

Как далеко это к северу? Почти у самых беспредельных земель? То должен быть благой для меня знак. Ты был прав, мой отец. Не упусти возможность, и сам сотворишь для себя удачу.

— Я отправлюсь с тобой до самого конца.— Он улыбнулся варвару.— И весь путь стану толковать для тебя погоду и предвестия.

— Ты, разумеется, хорошо на этом выгадал.— Тайрский корабельщик поглядел на Кейду с неудовольствием.— А чего будут стоить твои озарения мне теперь, когда я не могу предложить тебе место на судне?

— Пары штанов,— бойко ответил Кейда.— И рубахи, не новой, если запасной нет, но чистой, по возможности.

— Мы могли бы выбирать из четырех или пяти прорицателей на этом пляже,— пробурчал эндитский купец.— В последний раз здесь был один с ящиком кристаллов и шелковой звездной картой, на которую их можно было бросать.

— А в этот раз только я.— Кейда улыбнулся ему.— И если тебе нужно любое предупреждение о скверной погоде или о чем-то похуже, идущем с юга, это обойдется тебе в миску, ложку и мех для воды...

— Если твой отец был прорицателем, не была ли твоя мать торговкой? — засмеялся купец с востока, который первым свел с ним знакомство. Кейда подмигнул ему.

— Вроде того.

— О, отлично,— с известной недоброжелательной учтивостью произнес эндитский купец.— Я согласен.

— Если бы не было этой напасти на юге...— И тайрский корабельщик умолк.— Хорошо.

— Вы жгли общий костер? — Кейда встал и вскинул узел себе на плечо.

— Да.— Эндитский купец все еще глядел на него с сомнением.

Кейда повел трех судовладельцев и дружелюбного купца с востока к месту для становищ и замер у первого же почернелого круга.

— Этот?

— И все наши матросы собирали топливо,— подтвердил варвар из Икади.

— Тогда можно заняться гаданием здесь.— Кейда склонился, чтобы подобрать в кругу камней полусгоревшую палку, и ее обугленным концом вывел на земле свой круг. Затем

принялся размечать каждую четверть и дугу сполна, тщательно выводя знаки каждого созвездия снаружи. Подняв взгляд, он увидел, что мореход из Икади сверяется с маленьким компасом. Тот одобряюще кивнул Кейде.

— Север точь-в-точь где положено.

Кейда улыбнулся.

— Отец хорошо меня учил.

— Что теперь? — с нетерпением спросил эндитский купец.

— Скажи нам, что нас ждет, если мы останемся на этом пляже в надежде на торговлю, — быстро произнес тайрец.

Кейда собирался бросать раковины в круг, когда его руку остановила внезапная мысль.

Ты можешь дать им любое толкование, какого они хотят. Ты не Дэйш Кейда, каждое слово которого обсуждается, сравнивается со сказанным ранее, тщательно рассматривается в свете любых событий, которые могут их позднее подтвердить или опровергнуть. Никто даже не увидит сходства с Дэйшем Кейдой, если один раз бросал взгляд на палубу далекой триремы или любовался великолепным шествием в шелках и драгоценных камнях. Ты никто, прорицатель, которого они вряд ли увидят снова.

Никто, но все же имеешь власть. Не власть Дэйша Кейды, но тем не менее власть. Ты можешь поведать им о прямых последствиях, если они останутся тут, и не только теперь, но и если они вообще вернутся. Ты можешь предречь бедствие любому кораблю, который дерзнет войти в воды Уллы отныне и до возврата драконьей звезды, возвещающей о новом годе. Эти мореходы передадут сказанное другим, они не посмеют этого умолчать. Ты можешь нанести немыслимый ущерб владению Улла всего несколькими удачно выбранными словами. Может, ты и нищий прорицатель, но какая у такого человека причина лгать?

— Так что? — Икадский мореход пристально поглядел на него зелеными глазами, так похожими на его собственные.

Нет. Я не совершу вероломства даже ради мести Улле Сафару.

Кейда поднял лицо к полыхающей чаше небес, бросил раковины, а затем поглядел вниз.

— Несомненно, богатства вам будущее не сулит, — сказал он с некоторым изумлением. Соответствующая дуга была совершенно пуста, ни раковины.

— Как это? — Тайрский судовладелец поглядел на землю, как если бы ожидал увидеть слова, которые сами собой написались в грязи.

— А что принесет будущее? — спросил эндитский купец.

— Странствия для всех троих. Честь для двоих. — Кейда поджал губы. — Дружбу для третьего.

— И кто же это из нас? — осведомился икадский варвар.

Кейда поглядел на него.

— Не могу сказать, пока не погляжу для всех по отдельности.

— Что еще ты видишь? — Эндитский купец все еще глазел на заброшенный раковинами круг.

Кейда оглядел остальные раковины. Одна лежала внутри дуги, означающей здоровье, открытой стороной вверх, другая рядом, в дуге детей. Не зная многого об этих троих, нельзя было сказать, о чьей семье речь. Тщательно скрыв свое лицо, последняя упала в дугу сверстников. И все три на полпути между центром и окружностью.

— Ваши семьи будут рады вновь видеть вас дома, — уверенно сказал он. — И чем скорее, тем лучше.

— Мне едва ли нужен прорицатель, чтобы это узнать, — нахмурился тайрский корабельщик. — Правда, вряд ли они с таким удовольствием примут меня, если наш вождь не окажет нам милость и не позаботится, чтобы мы были сыты всю пору дождей.

— Лучше безопасность дома, пусть даже для голодного, чем стать утопленником с полным брюхом соленой воды. Для меня это достаточно ясно. — И эндитский купец тяжело вздохнул.

— Полагаю, ты заслужил этим кое-какие объедки от моего старшины гребцов, — недоброжелательно хмыкнул тайрский судовладелец. — Я дождусь лучшего прорицателя, и тогда спрошу о чем-то еще.

— Для меня твои слова достаточно хороши. — Эндитский торговец улыбнулся несколько добродушнее. — Я пошлю вознаграждение для тебя на «Прыгающую Рыбу», не так ли?

— Если это та галера, на которой я отбываю,— ответил Кейда, бросив взгляд на икадского варвара, который кивнул, подтверждая, что это так.

— Как ты говоришь, яснее ясного, что здесь мы не разживемся.— Корабельщик из Икади склонился, чтобы собрать раковины Кейды, и вручил их ему с улыбкой.— Бек! — Его внезапный крик заставил обернуться людей у тенистых деревьев.— Давай-ка готовиться в путь, пока мы еще можем воспользоваться отливом!

Моряки с других галер не ждали приказов своих хозяев, но немедленно начали подниматься и собирать пожитки, складывая их на песке у воды, что послужило знаком кораблям послать на берег лодки.

Купец с востока дружески кивнул Кейде на прощание.

— Спасибо за то, что прочел мой путь. Надеюсь, твое путешествие станет удачным. А вот моя плата за твое предсказание, и надеюсь, ты обретешь вновь то, что потерял.— Он вручил Кейде маленький золотой колокольчик, вроде тех, что Джанне любила вешать у себя на окнах, чтобы ими играл ветерок.

Поразившись, Кейда не смог найти ответ, прежде чем корабельщик двинулся прочь, взывая к своей лодке, чтобы ему помогли собрать товар. Все мелкие торговцы сворачивали меж тем свои навесы, складывали товар в сундуки и ждали, когда их доставят обратно на корабли.

Кейда снова и снова поворачивал золотой колокольчик в руке, и настроение его поднималось.

В конце концов, ты все-таки навредил Улле Сафару, и для этого не понадобилось себя бесчестить. Ты получил место на корабле, идущем на север, дальше, чем края, в какие мог бы надеяться попасть, и дар, который преподнесешь Джанне, когда вернешься. Какие тебе еще нужны доказательства, что ты на верном пути, что поиски не окажутся тщетными?

— Что ты можешь сказать мне о дождях, друг, если мы отплываем сегодня? — Икадский корабельщик пристально поглядел на него.

Кейда надежно спрятал колокольчик в своем узле вместе с завитком морского рога и принялся изучать небо. Белый след

протянулся над островами, скрывающими южный окоем, но ни намек на нечто большее, ни намек на тонкое молочное покрывало, которое придает небу цвет перламутра, прежде чем разыграют бури и окрасят его в унылый цвет устричной раковины. Подойдя к воде, он глядел, как прибой обегает риф, подметил цвет воды в открытом море. Оборотясь к суше, он принялся к красноречивому запаху душистых деревьев в путаных зарослях над пляжем. Листья их свернулись, показав серебристую изнанку. Изменчивая песня птицеславы проплыла над деревьями, ее дружок подхватил, и они запели вместе в чарующем ладу.

— После полудня будет жаркий ветер, а вечером ливень, но есть еще три дня, а то и более, прежде чем явятся настоящие бури, — с уверенностью сообщил он.

Лоб икадского корабельщика сморщился в задумчивости.

— Что позволит нам спокойно войти в главный пролив в водах Сейна. А он для нас достаточно защищен, чтобы грести в любую погоду, кроме самой скверной. Итак, дружище, — добавил он, — если ты присоединяешься к нам, я должен знать твое имя.

— Кадирн. — Когда был еще был совсем мал, у его матери Зари Дэйш был телохранитель, которого так звали. Это имя звучало достаточно близко к его настоящему имени, чтобы привлекать его внимание почти всегда.

— Я Године. — Икадский корабельщик прошел к одной из лодок с галер, подтянувшихся к самому берегу, чтобы принять груз. — Мы не часто ходим на юг отсюда, — небрежно продолжал он. — Но я предпочел бы не ссориться ни с кем из вождей. С другой стороны, есть некоторые вожди, с которыми я предпочел бы не иметь дела, учитывая, как они обращаются со своими людьми. — Он устремил на Кейду многозначительный взгляд. — С людьми, которые не могут собрать свои горшки и сковороды и сесть на корабль до ближайшего острова, если им не нравится власть, под которой они живут. Если есть владение, где тебе лучше оставаться на борту, если мы вдруг туда зайдем, я это учту. И больше можешь не говорить.

— Мои... — Кейда прикусил губу и быстро подумал. — У меня есть враги, не стану тебе лгать. Они думают, что я мертв,

но на всякий случай мне стоило бы никому не попадаться на глаза, пока мы не оставим воды Уллы, а также Эндита, да и Туле.

— Я был рабом. — Године улыбнулся неведомо с чего. — Это вполне можно угадать по моим глазам и волосам. Икади Насс купил меня и мою мать у отца Махафа Кору. Я был слишком юн, чтобы много помнить о том времени, а моя мать об этом и говорить не желает, но она всегда твердила мне, что нам повезло, что нас продали туда, куда продали. Она унесет отметины от бича с собой в могилу, это все, что я знаю. — Он бросил на Кейду взгляд искоса.

— И ты дорос до хозяина этого корабля, «Прыгающей Рыбы», не так ли? — Кейда поглядел на галеру, дабы избежать встречи с глазами Године.

— Моя мать родила Икади Нассу дочь, и он освободил нас обоих. — Мореход с гордостью улыбнулся. — Мой повелитель нашел мне место на своих галерах, и с тех пор я не оглядывался назад.

— Если только буря не нагрянет с кормы, — с улыбкой заметил Кейда.

Године посмотрел на него с невозмутимым лицом.

— Надеюсь, ты будешь предупреждать меня о любых бурях, что нагрянут с юга. Любого рода.

Кейда поглядел на него.

— Я буду делать все, что могу. — И это не было ложью.

— Хорошо. — Године махнул рукой ждавшей их лодке. — Первое, что ты можешь, это научиться работать веслом.

Глава 12

Изучал ли какой-либо иной вождь искусство гребли на купеческой галере с тремя людьми на весло?

Кейда склонился над толстым древком, опустив голову, чтобы попытаться что-то увидеть из обшитого кожей весельного отверстия.

— Значит, это владение Белок? На что оно похоже? — Они достигли вод, о делах в которых Кейда едва ли что-то слышал,

не говоря уже о подробных отчетах. — Где мы, хоть примерно? Это срединный остров или мы где-то в пограничном проливе?

Его товарищ по узкой скамье на палубе «Прыгающей Рыбы» не слышал.

— С чего это Расту вздумалось вдруг менять корабль? — пробурчал тот, опустив книзу уголки широкого рта. — Вот получим какого-нибудь буйного юнца, который запросится к мамочке, не проработав с нами и дня.

Многие ли вожди понимают, сколько людей путешествует по Архипелагу подобным образом, садясь на корабль на несколько дней, сходя на берег, чтобы сесть на другой,двигающийся в нужном направлении?

Кейда осмотрел свои руки, Ладони были теперь такими крепкими, каких мог бы пожелать любой судовладелец. Он осторожно пробежал пальцем по блестящему крутлому шраму, недавнему скверному волдырю.

Почти зажило. Можно приложить еще немного мази, не то опять треснет.

— Если мы не найдем кого-нибудь на место Раста, у тебя живот заносит от работы за двоих, полагаю, — заметил один из гребцов.

Я действительно ожидал, что дожди поднимут на-строение Иало; все прочие точно заново родились, как только жара прекратилась и повеял прохладный ветер, помогающий нам идти на север, вместо этого драконьего дыхания, опаляющего нас от полудня до сумерек.

— Мне следовало бы теперь взяться на весло на носу и работать с опытными людьми, — Иало в гневе вперился в спины людей, праздно судачивших на передних скамьях. — А вот торчу здесь с вами, сбродом, скачущим с острова на остров.

— Я гребу на купеческих галерах с тех пор, как Асил Ниан впервые дозволил мне покинуть его владение, — в негодовании произнес гребец, сидевший через проход. — В любом случае, ты явился сюда через три дня после меня. Я переберусь вперед раньше тебя, приятель.

— Что, читаешь свою судьбу по собственным ладоням, прорицатель? — полюбопытствовал гребец со скамьи позади Кейды по левому борту. Кейда улыбнулся.

— Думаю, мы все угадываем наше будущее. До сумерек, самое меньшее.

Пока он говорил, раздался резкий свист на дальнем конце длинной и темной палубы. С обреченными вздохами и четко различимыми стонами передние гребцы заскользили по скамьям и начали тянуться по проходу меж ними.

— Пересядь, Иало.— Товарищ Кейды по-прежнему сидел вразвалку на своем месте. Здоровенный мужчина с большими мышцами угрюмо поднял глаза.

— Я мог бы уйти здесь на другой корабль. Раст был что надо, а вы хотите учиться, но почему я должен терпеть соседство малявки, который чуть что станет вытаскивать из задницы щепки?

Гребец с места внутри на скамье позади пихнул Иало в плечо.

— Передвинь-ка лучше свой зад, пока я не заехал по нему ногой.

Иало встал на ноги, продолжая ныть.

— Мне случалось грести на больших галерах, где на каждого было отдельное весло. Это требует искусства, позвольте вам сказать.

— Да ты уже сто раз говорил,— пробормотал кто-то.

— Три человека на одно весло — это не искусство,— продолжал Иало, не сбившись, когда Кейда стал теснить его в проход.— Просто поднимай да пихай, любой лентяй справится.

— Мне не кажется, что Раст жаждал найти корабль на запад, прорицатель,— заметил внутренний гребец, сидящий за проходом.— Просто ему надоели стенания Иало. Дожди — и те не привели тебя в чувство, муха ты зудящая.

Кейда двинулся, чтобы присоединиться к веренице людей, медленно тянувшихся вдоль палубы.

— Ты не думаешь, что его прогнала вонь, которая идет от тебя, Пайре?

Пайре покачал головой в ответ на общий смех и добродушно улыбнулся сквозь редкую растительность на лице.

— Не знаю, о чем думал Године, когда предпочел кормить нас бобами.

— Может, рассчитывал, что тыпустишь порядочный ветер,— приснул средний на той же скамье.— Поставили бы тебя на палубе лицом к корме, натянули бы парус, и он вдвое скорее добрался бы домой.

Пайре и не думал обижаться.

— Говорите что угодно. Запах отпугивает паразитов.

— Другое дело. Пища на больших галерах не в пример лучше.— Иало оглянулся через плечо.— Вожди отбирают лучших на свои корабли, там не место всякому, кого вышвырнет иной купец, отчаявшись загнать кому-нибудь, пока не протухло.

— Если думаешь, что в другом месте тебе будет лучше, иди и попробуй,— с презрением сказал ему Пайре.— Мы лучше ели на этом корабле, чем на двух последних, куда нанимались, верно, Тагир?

— Клянусь,— с чувством согласился бочкогрудый средний гребец.— Помнишь хлеб, из которого приходилось вытаскивать долгоносиков? — Он содрогнулся, деревянные бусы, вплетенные в его бороду, загремели.

— А ну-ка, прорицатель,— Пайре хлопнул Кейду ладонью меж лопаток.— Дай нам немного свежего воздуха, прежде чем эти бобы опять дадут о себе знать.

Ты понятия не имел, что ели твои гребцы. Тебе даже не приходило в голову задуматься, верно?

Кейда вскарабкался по крутой лесенке, ведущей на среднюю палубу «Прыгающей Рыбы». Этой купеческой галере далеко было до «Радужного Мотылька» по достоинствам отделки, хотя ее каюты с расписными стенами сулили больше удобств, чем могли получить гребцы, качаясь в гамаках на своей продуваемой сквозняками палубе или внизу, во тьме глухих трюмов.

Нет, ты не знал, что едят твои люди, потому что подобные заботы — дело старшего на корабле, а мудрый вождь не раздражает сведущих людей, постоянно проверяя у них то да это. Так учил тебя Дэйш Рейк.

— Гребцы вождей отдыхают, когда большая галера встанет на якорь.— Иало все еще жаловался на жизнь, когда по более широкой лестнице они поднимались на самый верх.— И никто не таскает тюки и ящики.

— В любом случае, дождя пока нет, — радостно напомнил Пайре. — Работенка предстоит достаточно нехитрая.

— Притом достаточно дурацкая. — Иало не смягчился. — Вонючие красители Туле.

— Для разнообразия загляни в будущее. Как только дело будет сделано, трюм перестанет вонять корнем агали. — Кейда оглядел широкую изжелта-серую бухту, где они встали на якорь, сощурившись от света, хотя небо над головой было мрачно-серым, затянутым тучами, как и положено в пору дождей. — Как думаешь, нам представится случай погулять по берегу?

Не найдешь ли ты здесь то, что ищешь? Как долго ты собираешься искать, пока не сдашься? Не было ли начало поисков просто безумием, навеванным засухой?

Отчетливый свист Године перекрыл шум. Кейда поглядел на кормовой помост и увидел, что его зовут. Иало нахмурился.

— Вечно кто-то умудряется работать меньше, чем остальные.

— Я могу поучить тебя прорицаниям, если ты не против, Иало, раз уж ты думаешь, что это так облегчает жизнь, — любезно предложил Кейда. — Кто знает? Пять-десять лет, и ты сможешь отличить ночь ото дня.

Смех товарищей следовал за ним по ступеням на возвышенные кормчего.

— Мы остановимся здесь на ночь, — заговорил Године без предисловий, даже не глядя, а делая пометку в своих записях. — Я хочу поторговать эту краску за острореки. И мы вполне можем набрать воды и пищи, если удастся. — Он подул на чернила, чтобы быстрее сохли, и со щелчком захлопнул свою переплетенную в кожу книгу. — Бек идет на берег, чтобы посмотреть, кого можно подобрать взамен Раста. Пойдешь с ним и поглядишь вещим глазом на тех, из кого можно выбрать.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе знать, что увижу? — Не первый раз корабельщик просил Кейду читать знаки касательно нового матроса.

— Только если что-то из ряда вон. — Године разгладил белую, без единого пятнышка, рубаху и натянул безрукавку голубого шелка с броским узором из серебряных облаков. Волосы и борода купца блестели от благоуханного масла, а вокруг одного из запястий он носил цепь из белоснежных агатов. —

При любом знаке, что кто-то несет болезнь, оставьте его на берегу. Давай-ка, идем на берег, пока не полило. — Судовладелец покинул кормовой помост, и Кейда последовал за ним, присоединившись к старшине гребцов Беку на лесенке, ведущей к воде, куда как раз спустили с галеры через борт их шлюпку. Године ступил в нее первым и устроился на корме. Бек с Кейдой взяли по веслу и погребли к берегу. Все трое молчали, погруженные в свои мысли.

Кейда окидывал взглядом море, пока греб. «Прыгающая Рыба» бросила якорь на полпути между плавно сбегаящим к воде берегом и двумя малыми островками в широкой бухте, которая предлагала глубокую стоянку даже когда, как теперь, отлив обнажил обширную ребристую протяженность беловато поблескивающих песков. Оба островка кишмя кишели кострами, где что-то стряпалось, и навесами, поставленными для защиты от проливных дождей, которые едва ли стали скольконибудь слабее даже спустя полный срок обновления Малой Луны после их начала. Рыбаки Белока охотно зарабатывали, переправляя добро и людей на светлый пляж в плоскодонках, управляемых лишь кормовым веслом.

На что должна быть похожа жизнь в этих срединных владениях, где любой вождь, который может, держит пришельцев как можно дальше от своих берегов, позволяя им только днем высаживаться и торговать? Что говорил тебе Дэйш Рейк об этих неведомых островах полжизни назад?

«Срединные владения обладают поразительными богатствами, ибо положение их меж всеми пределами Архипелага дает им особую власть. Не слишком завидуй им. Борьба за такое богатство непрестанна, жестока и кровопролитна».

Кейда поглядел через плечо на берег. За длинной сплошной линией навесов, сооруженных, чтобы образовать крытый рынок, ждали островитяне владения Белока, готовые проверить свое умение торговаться на вновь прибывших. Некоторые сидели отдельно, другие тесными кучками; все расставили вокруг себя образцы товаров, которые могли предложить. И вот шлюпка коснулась песка.

— Ну что же, посмотрим, что мы можем сделать, чтобы прибавить гордости Икади Нассу. — Године поправил накидку

на плечах, как воин броню перед битвой. — Увидимся позднее. — Ступив на мелководе, он зашагал напрямик к одному-единственному основательному деревянному строению на самом краю пляжа. Его окружал рой служителей, и даже на таком расстоянии угадывалась знакомая бурная деятельность. Безупречно ухоженный сад трепетал свежей зеленью и яркими цветами, которые пробудили дожди.

— Он довольно долго там пробудет; дамы владения Белок сами надзирают за торговлей, — обронил Бек, пока они вытаскивали лодку из морской ряби. — И они в целом бывают благосклонны к приятному на вид человеку, поднаторевшему в искусстве лести. Так что у меня больше чем достаточно времени на поиски гребца.

Как бы ты обернула это к их невыгоде, Рекха? Что бы получила с таких женщин ты, Джанне? Как вы обретете хотя бы надежду, если я не вернусь с мудростью, которую обещал принести?

— Я хочу попытаться найти какие-нибудь свежие травы, — заявил он старшине гребцов. — На случай, если гребцы на носу опять занемогут животом. И нужны новые составляющие той кожной мази для Мунила. Не то он сгниет от лихорадки в такой сырости.

— В добрый час мы взяли тебя на борт, прорицатель, — с одобрением кивнул Бек. — Я отыщу тебя, когда найду кого-нибудь, годного нам в гребцы, и ты сможешь взглянуть, есть ли белые моря или черные тучи в его будущем. Согласен?

— Прости? — растерянно спросил его Кейда.

— Я уже начал забывать, что ты новичок как гребец, — Бек покачал головой. — Новые люди приносят с собой на галеру либо белые моря, а это означает добрые приливы, достаточно ветра, чтобы поднять парус и ненадолго побережь плечи ребят, либо черные тучи — это бури и непогода. — Он устремил на Кейду более суровый взгляд. — Мне случалось служить на судах, откуда людей высаживали на рифы, потому что мы не могли избавиться от скверной погоды, пока они на борту.

— Если нас настигнет череда бурь, Иало будет первым, кого имело бы смысл выкинуть на скалу, если гребную палубу

об этом спросят, — с чувством произнес Кейда. — Не то чтобы я видел знак, сам понимаешь, — поспешно добавил он.

Молния оборвала смех Бека, несколько дождевых капель тяжело ударили Кейду по голове. Он поднял голову и увидел, что море изменило цвет от нежно-серого, точно крыло почтовой птицы, до непрозрачного иссиня-черного оттенка раковины жемчужницы. Мощный раскат грома потряс берег.

— Идем-ка в укрытие! — крикнул Бек.

Кейда побежал с ним вместе к крытому рынку. Даже на таком коротком расстоянии оба промокли до костей, ибо дождь тут же хлынул потоками, капли шлепалась оземь и взлетали вновь им до колен, весь пляж залило в один миг.

— Выгадаем на стирке, — рассмеялся Бек, вытирая дождевую воду с лица.

Навес гремел над их головами, пока Кейда выжимал воду из нечесаных волос и неухоженной бороды. Кожа под ними зудела.

Ты бы куда меньше страдал и от дождя и от пота, если бы постриг волосы и бороду, как настоящий гребец. Но ты не гребец, ты прорицатель, и лишь до тех пор, когда сможешь вновь потребовать своих прав вождя.

Бек оглядывал других, прятавшихся от дождя поблизости, со смехом и улыбками наблюдавших за могучими молниями над морем. Несколько детей прыгало и визжало от удовольствия, то вылетая наружу, то бросаясь под навес, уворачиваясь от струй, льющих с края крыши, их черные волосы облепили головы, смутлые тела блестели от воды. Глаза Бека задержались на кучке мужчин в хлопковых рубахах-безрукавках.

— Эти смахивают на гребцов.

— Подойду-ка я, посмотрю, где тут что. — Кейда возвысил голос, чтобы его не заглушил дождь, барабанивший по полотнищу над головой. — Поищу травы.

Как только они расстались, Кейда с благодарностью втянул в себя прохладный влажный воздух. Под навесом на него набросилось смешение множества запахов: пряностей, трав, свежего мяса и соллера, из которого пекли толстые лепешки, предпочитаемые в этом владении. Порывы ветра извне приносили достаточно ароматов оживающей зелени острова, чтобы напомнить ему о роскоши благоуханий, которые освежали вла-

дение Дэйш, как только приходили дожди. Воспоминания неудержимо повлекли его глаза на юг. Дождь взбаламутил все вокруг, бросив туманную завесу через бухту, и острова с якорными стоянками пропали.

Дождь несет жизнь — это одна из первых истин, которые усваивает каждый ребенок по всему Архипелагу. Он кладет конец сражениям и приносит более прохладную погоду, достаточно охлаждая горячие умы для спокойных советов, призванных остановить распри, побуждающие людей братья за оружие — это один из первых уроков, которые усваивает сын вождя. Увы, невозможно что-либо разумно обсуждать с дикарями, говорящими на неведомом языке и бьющимися с помощью волшебства, так что лучше вернуться домой до того, как сухая пора побудит дикарей думать о новых завоеваниях.

А теперь отыщи здесь все, что можешь, пока не вернется Бек. Он никогда не уходит на берег так надолго, как обещает. Конечно, было бы много легче для Дэйша Кейды обнаружить, что знание свободно струится над этими песками, и все приходит и уходит в удобный для него срок.

Кейда улыбнулся женщине почти его возраста, сидевшей на клетчатом желтом одеяле с тщательно перевязанными пучками свежесрезанных растений, уложенными перед ней высокими горками. Руки у нее были в зелени, и ее явно застиг дождь. Ее простое рыжее хлопковое платье налипло на тело превосходных очертаний.

Кейда напомнил себе, что он здесь ищет.

— У тебя есть серое копье, или, может, оно известно тебе как олений лист?

— Есть, — приветливо ответила она, отыскав горсть остроконечных листьев, покрытых серым пушком. — Что ты мне за это дашь?

Кейда полез в карман и достал скорлупу ореха шороховицы, полную пятнистой мази.

— Хорошо от ожогов, будь то от огня или веревки.

Женщина с любопытством взяла раковину и понюхала.

— Птичий жир? — Понюхала снова, когда Кейда кивнул. — Айвовый глянец? Что еще?

Кейда улыбнулся.

— Скажу, если ты можешь что-нибудь прибавить.

— Согласна.— Она показала ему побег с крохотными зелеными листочками и ярко-алыми цветами.— Ну как? — Она искушающе держала растение подальше от Кейды, дразня его своей улыбкой.

— Пенала,— сразу определил Кейда.— Сушеная так же хороша, как и свежая.

Женщина поджала губы.

— Любопытное смешение. Откуда ты, друг? — Ее светлые глаза варварки заметно оживились.

— С дальнего юга.— Кейда поколебался, но затем сел.

Улыбка травницы стала манящей, она подтянула к себе колени и оплела их руками. Нити малахитовых бусин охватывали обе ее щиколотки под расшитой листьями кантиры полой платья.

— Что завело тебя так далеко от дома?

— Знамение,— Кейда улыбнулся, чтобы краткий ответ не показался грубым.

Всклокоченная борода прорицателя означает самое меньшее, что никто больше ничего не спросит, когда скажешь, что странствуешь, следуя некоему пророчеству. Означает ли это, что вопросов не будет и после того, как где-нибудь и с кем-нибудь предашься любви? До сих пор у меня было долгое и утомительное плавание, и ничья нежность не облегчала мой путь.

Травница поглядела на него, и лоб ее наморщился от заботы.

— Там какая-то скверная напасть, насколько я слышала. Разгулялось чародейство.

— Тебе здесь, конечно, нет нужды бояться подобных вещей.— Кейда постарался, чтобы его голос звучал небрежно.— Не владеешь ли ты мудростью, которая хранит от чародеев земли в северных пределах?

— Нет.— Вид у травницы стал растерянным.— Да где ты слышал рассказы о подобных вещах?

— Там, на юге.— Кейда пожал плечами, основательно сглотнув, чтобы сдержать досаду.

Там, на юге, но не здесь, ни в одном из владений, которые я посетил, ни на одном из берегов, куда ступал, ни от

одного из людей, с которыми разговаривал. Они всежимают плечами в таком же недоумении и не могут понять, откуда нечто подобное взбрело мне в голову, когда добавляю мое знание трав к своему, и я иду дальше с пустыми руками. Может, мне следовало бы брать какую-то иную плату. Разве я не заслужил донныне наслаждение от всех женщин, которые бы мне его предложили?

— Кадирн!

Кейда поднял взгляд и увидел, что Бек приближается вместе с непримечательным человеком, черные волосы и борода которого острижены коротко, как и у большинства гребцов, а на шее и плечах достаточно мышц, чтобы предположить порядочный опыт работы веслом.

Как я узнаю даже, что нечего узнавать, если мое время на берегу часто обрывается подобным образом? Или мне следует принять эту досадную помеху как своевременное напоминание о моих далеких женах?

— Быстро ты,— Кейда кашлянул, чтобы скрыть неудовольствие.

— Быстрее, чем мог себе представить,— согласился Бек.— Едва ли есть еще корабль, собирающийся высадить гребцов на берег или подобрать их, кроме нас и еще парочки, направляющихся в воды Галкана. Это Фенал.

— Привык к веслу, которое толкают сообща? — Кейда бросил взгляд на кинжал этого человека, но не признал, откуда он. Такое случалось тем чаще, чем дальше они шли на север.

— Вот уже несколько лет.— Фенал настороженно поглядел на него.— Ты прорицатель?

— У меня есть небольшие целительские познания и кое-какое искусство в истолковании примет.— Кейда пожал плечами.— Я сижу за веслом до северных пределов.

Травница поглядела на Кейду с новым оживлением, а Бек улыбнулся Феналу.

— Ты будешь с ним на одном весле, если он скажет, что ты здоров и не приносишь неудач.

Кейда встал.

— Давай-ка я погляжу тебе в глаза, вот здесь, где свет лучше.

— На каждом корабле нужен целитель.— Фенал без возражений повернул к нему лицо.— Смерть на борту — худая примета.

— Похоже, ты в этом не сомневаешься.— Кейда с удовольствием заметил, что на белках темных глаз Фенала нет и намека на желтизну.

— Потому-то я и стал искать нового места. Не беспокойся, то была не болезнь.— Фенал напрягся, когда Кейда оттянул его нижнее веко, чтобы посмотреть цвет изнанки.— Человек свалился за борт и достался акулам.

Бека передернуло.

— Немного найдется знаков хуже этого.

Кейда взял руки Фенала в свои и как следует нажал на кончики пальцев. Кровь вернулась, розовая под бледными ногтями.

— Позволь понюхать твоё дыхание.— Он улыбнулся.— В твоей последней еде были острорехи.

Но нет болезненной сладости, намекающей на медовый голод, пожирающий твою кровь, нет и едкости, которая бы выдала какую-нибудь желудочную хворь.

— Их здесь трудно избежать.— Фенал с печальной улыбкой пожал плечами.

— Какие-нибудь старые раны, беспокоящие и ныне? — Он наблюдал, не потянется ли невольно рука Фенала к ослабевшему колену или занывшему локтю. Нет.— Моча у тебя чистая? И боли нет?

— Если я на корабле, где мы получаем достаточно воды,— ответил Фенал неожиданно угрюмо.

— Это мы можем тебе обещать,— заверил его Бек.

— Ты более чем немного сведущ в целительстве, южанин,— с одобрением заметила травница.— Тебе будут рады в самых северных из владений.

— Кадирн, мне кое-что предложили,— вмешался Бек.— Теперь эта буря, считай, унялась. Мастер Године будет обедать с господами Белок, так почему бы нам не вернуться и не поесть на корабле? Любые приметы того, что сулит нам принятие на борт Фенала, станут ясней на корабле, не так ли?

И тебе не придется расставаться ни с одной из твоих драгоценный побрякушек ради обеда на берегу.

— А что, пожалуй.— Несмотря на разочарование, которое Кейда увидел в глазах травницы, он подчинился неизбежному. Они прошли под затихающим дождем обратно к шлюпке галеры.

— С какой стороны ты хочешь грести, Фенал?

— С какой укажете.— Фенал потер плечо.— Вы ведь меняетесь с борта на борт, да?

— Каждые два дня,— заверил его Бек, занимая место на корме.

— Последний надсмотрщик, который мне достался, не был склонен позволять нам пересаживаться с мест, которые отвел каждому.— Фенал установил весло в уключине и по старой привычке, проверил прочность веревочного соединения.

— Године не видит преимуществ в том, чтобы наполнить гребную палубу горбунами.— Кейда кивнул Феналу и сделал первый взмах. Вода заплескалась, расходясь за их спинами, желанная, несущая прохладу, настроенная на непрерывный дождь до самого заката, или хотя бы еще ненадолго, дарующая свежесть и доброе настроение. Пока они гребли, Кейда наблюдал за отступающим берегом.

Смогу ли я завтра подыскать новый повод сойти на берег, прежде чем мы отчалим? И даст ли это что-нибудь, помимо того, что приведет травницу к некоему заключению? Можно ли здесь чему-то научиться? Как долго я буду высматривать? Как долго мы будем плыть, прежде чем я забуду Дэйша Кейду и действительно стану Кадирном, толковым гребцом, целителем и провидцем? И не лучшая ли это участь, чем вернуться с пустыми руками в свое владение?

Налегая на весло с нарастающей досадой, он сбился, ударил не в лад с Феналом, и лодка неловко накренилась.

— Прости,— нахмурился Фенал.

— Нет, это я виноват,— коротко ответил Кейда.

Дальше они гребли в молчании, и обошлось без новых неудач, пока они не добрались до галеры.

— Ага,— радостно произнес Бек.— Я знал, что мы сможем поесть на корабле.

— Миска есть? — Кейда потянулся, чтобы подтащить шлюпку к самому концу кормовой лесенки галеры, и Бек сразу полез на борт.

— И ложка.— Фенал ухмыльнулся, похлопав по кожаному заплечному мешку, который повидал немало владений.

— Давай найдем что-нибудь, чтобы наполнить и то, и другое.— Кейда махнул в сторону шканцев галеры.— Ты заслужил еду, поработав сегодня на шлюпке, поступишь ты к нам или нет.

А я заслужил свою долю, сыграв для Године прорицателя. Я вполне могу отплатить ему указаниями, если даже не смогу найти никаких для себя.

— Хоть бы сегодня нам досталось мясо, надоели проклятые листья.— Иало уже стоял в очереди в камбуз на палубе.— На помоях много не нагребешь.

— Ты и вовсе прекратишь грести, если я тебя пристукну.— И повар небрежно пригрозил своим тяжелым деревянным черпаком.— А благодаря листьям у тебя не гниют десны.

— Есть лепешки из соллера? — спросил Кейда, когда они с Феналом добрались до дымящегося котла.

— Выбирай сам.— Повар мотнул головой на полную с горкой корзину перед тем, как плеснуть полный черпак листьев, корней и грубо нарубленной рыбы в миску следующему.

— Бери,— указал Кейда Феналу.— Как я.

— Он смысленный малый, он у нас прорицатель,— Пайре подошел к ним у бортового поручня, пихая себе в рот еду грязной роговой ложкой.— Всюду читает знаки.

Фенал поглядел на Кейду.

— Что теперь?

— Переломил лепешку о поручень обеими руками.— И Кейда стал наблюдать, какими окажутся куски.

Если переломится надвое ровно, это само по себе добрый знак. Множество крохотных рыбок соберется пощипать такую половину, поодаль затаится кое-кто покрупнее. Не так хорошо, если ее поест медуза. Присоединятся ли к рыбам морские птицы? Кто-то из них, или оба, откажутся от пищи из рук человека, если в его будущем — откровенное несчастье. Этому учил тебя Джатта, а он еще ни разу не оказался неправ.

Он ждал, но темная тень не поднялась, чтобы глотать мечущиеся серебряные искорки, а парочка хриплых и пестрых

морских птиц явилась и стала драться за кусочки соллерной лепешки, уплывающие прочь, порой ударяя по ним алыми клювами.

— Не вижу причин, почему бы тебе не поступить на «Прыгающую Рыбу», — провозгласил он.

— Рад слышать, — в широкой улыбке Фенала было заметно явное облегчение.

Пайре мотнул головой в сторону камбуза, как только подобрал последний мятый кусочек зелени своей ложкой.

— Ты бы подкрепился, Кадирн, не то опять скоро проголодаешься, прорицатель ты или нет.

Ты все еще ждешь, когда рядом с тобой появится Телуйет со всем, что тебе нужно? Не стоит и надеяться. Все, на что у тебя есть надежда, это что он жив, пусть даже слухи, путешествующие с купеческими кораблями, и не перестают говорить тебе, что он умер.

К тому времени, когда Кейда достал свою миску из заплочного мешка, лежавшего у его гамака на палубе для гребцов, он оказался последним, кто явился за своей долей варева. Дождь опять лупил все тяжелее, и Кейда отступил к скамьям, где застал Фенала и Пайре, поглощенных беседой. Большинство кормовых гребцов было здесь и раскинулось на скамьях, меж тем как дождь барабанил по доскам над головами. Парочка от нечего делать играла в камушки в круте, вырезанном посреди прохода.

— Смотри, куда идешь, — бросил один из них Кейде, не поднимая глаз.

— Это гаскская работа, верно? — Кейда внимательно изучал ложку Фенала. — Ты явился с северо-востока.

— Я побывал во всех пределах. — Фенал помедлил, оглядываясь. — Ты с юга, как говорит Бек. Всякого рода слухи оттуда носятся по берегу.

— Дикари вторглись в самое южное владение, Чейзен, топя корабли и сжигая все на островах чарами, — напряжение в голосе Тагира выдало его страх.

По крайней мере, одно и то же слышишь от каждого, кто всходит на борт в последних четырех владениях; только Чейзен, ни разу Дэйш. У них нет причин лгать, так что это должно чего-то стоить.

Кейда сел через несколько скамей от них и потянулся к мешку за куском морского рога. Достал узкий и острый нож, тот, что дали ему гребцы с носа в обмен на лечение незаживающего нарыва на ноге одного из них, и теперь нож покоился в тех самых потрепанных и растрескавшихся ножнах, где прежде лежало украденное грубое лезвие.

— Это старая новость, — отозвался Пайре.

— А не говорят ни о каких других владениях под угрозой? Помимо Чейзена? — Кейда тщательно вырезал зарубку на витой кости.

— Ты слышал последние вести с островов Дэйша? — Фенал был мрачен. — Дикари, которые перед дождями захватили земли Чейзенов, каким-то образом убили Дэйша Кейду.

Это вызвало резкий вздох Тагира.

— Нет, я не слышал.

Не Жанне ли распространяет такую байку, чтобы подхлестнуть другие владения прийти на помощь Сиркету, а не то как бы он не пропал и их острова не встретили бы следом за тем этих свирепых убийц? Или Улла Сафар поощряет возникшее заблуждение, чтобы защититься от подозрения в убийстве? Или к Дэйшам вторглись? -

Кейда сделал еще одну зарубку, острее и глубже.

— Но бои еще не дошли до мест севернее, чем острова Дэйша?

Если у тебя не дрожат руки, то и голос не выдаст.

— Никто такого не говорил, — пожал плечами Фенал.

— А скверные вести летят быстрее, чем птица медосос с подпаленным хвостом. — Пайре поглядел на других, ища одобрения.

Хотел бы я знать, сколько еще вождей знает, как много вестей разносится вне их тайных путей с почтовыми птицами, хитрыми письменами и маяками.

— Мы можем грести достаточно быстро, чтобы беда нас не настигла, — решительно заявил Тагир. Кейда сдул со своего клинка хрупкий завиток стружки.

— Нет смысла бежать от волшебства на юге лишь для того, чтобы угодить в лапы какого-нибудь чародея варваров, терзающего северные пределы. — Он стал разглядывать свою

резьбу, держа кость у самого лица, чтобы кто-нибудь не увидел случайно его глаза.

Могу ли я снова и снова задавать те же самые вопросы, не дрогнув? И слышать те же бесполезные ответы? Да где они, все эти колдуны, которые, как твердит любой на юге, терзают север, точно песчаные мухи гниющую рыбу?

— Наш прорицатель грохнется за борт, если мы увидим хотя бы намек на волшебство, — пошутил Пайре. — Одно упоминание о чарах приводит его в ужас.

— Я ничего не слышал о волшебстве на севере, — уверил всех Фенал.

— Прими это как знамение, прорицатель. — Тагир не выглядел веселящимся. — Прекрати изводить нас всех своими страхами.

— О чем вы говорите? — Появился Иало и без приглашения уселся на скамью.

— О том, что нет никакого чародейства в здешних краях, какие бы бедствия ни обрушились на юг, — уклончиво пояснил Тагир. — А я не собираюсь тащиться на север до самого Икади, это точно.

— Не требуется попасть в северные пределы, чтобы тебя осквернила волшба, — фыркнул Иало.

— Уж ты-то, конечно, все об этом знаешь, — съязвил Пайре. Кейда замер, склонив голову, узкое лезвие застряло в кости.

Я думал, ты не слушаешь, ты, вечно недовольный пустомеля, когда я пытался понять, что ты знаешь. Ты был слишком занят, заставляя каждого выслушивать свое мнение о том, как я неловок с веслом.

— Мне нужно немного мази от ожогов, прорицатель, — заявил Иало.

— А как насчет каких-нибудь новостей взамен? — Кейда убрал нож из кости, стараясь не испортить резьбу. — Что ты знаешь о колдовстве в этих краях?

— Владения Шека Кула к востоку отсюда, — Иало неопределенно махнул похожей на лопату рукой. — Там всюю орудовали чародей, в самом его дворе, менее трех лет назад. Гляди, вот эта рука. Безмозглый рыбак...

— Акулье дерьмо,— Пайре выразительно покачал головой.— Никакое волшебство не докатится досюда из беспредельных земель.

— Но что-то там творилось,— осторожно вставил Фенал.— Я тогда бороздил воды поблизости оттуда. Кайска, так звали первую жену Шека Кула, была казнена за увлечение чародейством.

Его слова заставили замолчать всех, не один Кейда замер посреди поисков одной из скорлупок со снадобьем в своем мешке. Пайре суетливо облизал губы.

— Почему она это делала?

— Люди говорят, это было связано с ее бесплодием,— Иало улыбнулся, довольный, что все глядят на него.

— И в этом, конечно, немало правды,— кивнул Фенал.— Это знали о ней по всем окрестным владениям.

— Есть обходные пути, не требующие прибегать к волшебю,— воскликнул Пайре.

— А что она сделала? — Кейда втер пальцем мазь в скверный ожог веревкой под костяшками Иало.

— Я ни разу не слышал всего целиком,— здоровяк выглядел расстроенным.

Все немедленно поглядели на Фенала, который задумчиво потирал рукой коротко остриженную бороду.

— Я среди друзей, не так ли? — Увидев их пылки кивки, он подался вперед.— Шек Кул закрывал глаза на ворожбу женщины, жаждущей иметь ребенка, до тех пор, пока нуждался в ее связях с владением Данак, дабы обеспечить безопасность вод Шека. Затем ее брат, Данак Мир, был убит, и Шек Кул со второй женой принялись усердно заботиться о наследнике для владения. Кайска, которая была Шек, призвала какого-то чародея, чтобы убить Махли Шек с ее новорожденным.

— Не иначе как она лишилась разума.— Тагир содрогнулся в отвращении.

— Шек Кул убил ее, не так ли, вместе с ее чародеем? — нетерпеливо спросил Пайре.

— О да,— сказал Фенал с убежденностью.— Кайску побили камнями, каждая рука во владении поднялась против нее.

— Подходящая смерть для того, кто применяет колдовство ради своей выгоды, — провозгласил Тагир.

— А как насчет чародея? — Надежда и страх внезапно стиснули грудь Кейды, точно боль.

Не это ли чувствовала осужденная Кайска, когда камень за камнем летели в ее привязанное тело, сокрушая ее жизнь, в то время как она порывалась дышать?

— Его убили в поединке на мечах. — Фенал нахмурился. — Или что-то вроде того.

Но как? Кто может мне это сказать?

Кейда вернулся к своей резьбе.

— Содрать заживо кожу — это было бы как положено, — возразил Иало. — Согласен, прорицатель?

— Целиком освежевать, разумеется, чтобы кожу можно было вывернуть и отводить любое зло, какое ни коснется владения. А кровь, проливаясь, очищает, и это очевидно. — Подняв взгляд, он увидел, что другие смотрят на него с блаженным ужасом. — Во всяком случае, так мне говорил отец. — Он неловко улыбнулся. — Как я себе представляю, есть и другие обряды.

Чародей должен быть жив, чтобы пролилась кровь. Как бы ты содрал целиком кожу с человека, который еще жив? Разумеется, его бы пришлось одурманить?

— Что бы ни сделал Шек Кул, это, несомненно, подействовало, — заметил Пайре. — Владение Шек не страдает.

— Самое могущественное в здешних краях, — согласился Тагир.

— Никаких низменных козней, — подхватил Фенал. — Нигде поблизости.

Кейда поглядел на Иало — не возразит ли тот, но верзила нехотя кивнул.

— О его кораблях всегда хорошо говорят, и много кто из нас с охотой сел бы на одном из них на весло, — пожаловался он. — Кто туда попадет, редко находит причину оставить их.

— Кто самые большие вожди в здешних краях? — небрежно спросил Кейда, поглаживая белую кость рукоятью узкого клинка.

— После Шека Кула? — Фенал мотнул головой в сторону севера. — Каасик Раи почти так же могуществен, держит владение, середина которого на крупнейшем из здешних островов. Они тесно связаны. Махли Шек, которая теперь первая жена, урожденная Каасик.

— Владение Данак имеет больше морских путей, чем Каасик, — встрял Иало. — И острова их удачней расположены для торговли.

— Мы туда не идем, не так ли, прорицатель? — Тагир поглядел на Кейду, озабоченно сморщив лоб. — Я слышал, там пропадает слишком много галер, и это относят на счет бурь.

— Бурь, которых никто и никогда даже мельком не видел, — с мрачным лицом согласился Пайре.

— Такая молва вихрится вокруг днища каждого судна, на котором я когда-либо греб, — презрительно рассмеялся Иало. — Никто, по сути дела, не встречал лично тех, с кем такое случилось.

— Потому что триремы Данака увозят их, отрезают им яйца и продают тех, кто не помрет от потрясения, в подветренные пределы, — огрызнулся Тагир.

— Кадир! — Бек появился у подножия лесенки, спускающейся на гребную палубу, и махнул рукой.

— Тебе повезло, Иало, ты будешь тут блаженствовать, пока я работаю. — Кейда убрал кость в мешок, забросил его на крюк для гамака над скамьей и поспешил вскарабкаться по лесенке под открытое небо.

Године махнул ему с кормового помоста.

— Дождь прошел, — сказал он без особой необходимости, пока Кейда еще не ступил с лесенки на палубу. — Но не думаю, что мы сегодня снова увидим ясное небо. Есть какое-нибудь знамение, Кадир? Ты очень задумчив. Есть знамение?

Очутившись на палубе, Кейда увидел солнце, сияющее на не затянутом тучами желтовато-сером участке неба, прямо над «Прыгающей Рыбой». Дальше от солнца облака темнели, и пока Кейда всматривался, одна-единственная вспышка молнии озарила небо.

Несомненно, знамение, но о чем оно говорит и кому? Что оно означает для тебя, теперь, когда ты впервые услышал

намок на волшебство в своих поисках, впервые прозвучало название владения, где может отыскаться премудрость, за которой ты отправился в путь.

— Это означало бы для кого-то новое направление пути, — медленно сказал Кейда. — Займет время, чтобы определить, для кого и куда ему направиться. Мне надо бы увидеть птиц, летящих на ночлег. Мир среди них будет означать, что примета благая. Ссора — сложнее, толкование зависит от того, какие птицы в нее втянуты. Ветры истолковываются по-разному, если они переменчивы или противны, в зависимости от того, как они движут деревья, и какие деревья, и несут ли они свежесть, запах гари или дух разложения. Последовательность запахов также может быть важна. Разрывы облаков имеют разный смысл, смотря по тому, как все сочетается, особенно цвет неба вокруг садящегося солнца.

— Я и понятия не имел, что все это так сложно. — Године, словно что-то потеряв, поднялся и указал на свое место. — Смотри сколько угодно времени. И дай мне знать, когда сможешь все ясно увидеть.

Кейда сел и принялся глядеть через море в сторону солнца, неожиданно яркого в бурной гуще туч, вызывающее вокруг любопытное золотистое свечение.

— Ты думаешь идти на восток, мастер Године?

Поскольку мне не представится случая найти новый корабль, идущий в ту сторону, особенно если учесть то, что сказал на берегу Бек.

— Нет, — медленно ответил Године. — На север в воды Бира, а затем домой в Икади. А что, ты находишь, у меня есть причина повернуть на восток? Это нам не по пути, да и опасностей там хватает, даже если мы обогнем владение Данак. Я отнюдь не увлекаюсь торговлей заморинами, — и в голосе его усилилось отвращение.

Никак ты был близок к тому, чтобы утратить мужскую силу? Не грозили ли тебе чем-нибудь таким? Большинство заморинов становятся такими еще маленькими, и до сих пор большинство из них было варварского происхождения. Могу ли я одолеть твое нежелание ложью о том, что я читаю в небесах, просто для того, чтобы ты довез

меня ближе к месту, где я найду ответ? Должен ли я подвергнуть каждого на борту опасности лишиться мужского достоинства просто потому, что у меня свой расчет?

И то, что он мог даже обдумывать подобное, заставило его едва ли не задыхаться в отвращении к себе. Он откашлялся.

— Не вижу причин, почему бы тебе не направиться туда, куда ты намеревался.

— Ты уверен? — слабое сомнение появилась в варварских глазах судовладельца. — Твой голос звучал нетвердо.

Кейда глубоко вздохнул.

— Дай мне поразмыслить еще немного.

— Хорошо, — сказал Године. И, судя по его виду, был не прочь сказать больше, но, передумав, двумя быстрыми прыжками переместился на главную палубу, чтобы воззвать к Беку:

— Мне надо поговорить с тобой об этих острорегах!

Кейда сидел один на покинутом кормовом возвышении, невидяще глядя на воду.

А что здесь обдумывать? Ты получил наконец намек на премудрость, которую ищешь. Если ты верен всем тем, кого оставил, если ты не собираешься обречь себя на проклятие и обмануть Године ложью и превратными толкованиями примет, надо покинуть корабль, эта жизнь кончена.

Можешь ли ты это? Можешь ли прямо сейчас столкнуться с большим испытанием, чем грести вместе с Иало, лечить царапины и синяки гребцов, выигрывать броские побрякушки у Пайре и Тагира в спорах, как далеко продвинется галера за день хорошей гребли? Можешь? Ты оставил Дэйша Кейду и его уверенность далеко-далеко. Хочешь это сделать? Не было бы легче подождать и посмотреть, не может ли оказаться в водах Икади какой-то мудрости, которая тебе пригодится, если не просто остаться на борту до следующей стоянки. И после следующей?

Если ты покинешь этот корабль, какими благами ты можешь воспользоваться, чтобы кто-нибудь доставил тебя во владение Шек, если ты даже не знаешь главных морских путей, не говоря уже о расположенных по дороге туда островах? Не считая единственного золотого колокольчика, ты не располагаешь ничем, на что можно приоб-

рести больше, чем чашу воды у кого-то, кто над тобой сжалится.

Кейда внезапно встал на ноги и прошел под палубу, чтобы снять мешок с крюка для гамака. Пайре, Тагир и другие поглядели на него с любопытством, но никто не задал ни единого вопроса. Он вернулся на кормовой помост и разложил свое нехитрое достояние: морские раковины, которые вез от самых песков Уллы, деревянную миску с трещиной у края, запасную роговую ложку, выигранную у Пайре, нить полированных бус железного дерева, которую дал ему Тагир в обмен на уверения в том, что в оставшейся далеко семье все здоровы. Он ощупал пальцами края одеяла, от которого отдирал в свое время полосы хлопка, чтобы перевязывать покрасневшие и распухшие руки в первые бесконечные невыносимые дни за веслом. Одеяло стало много потрепанней, чем когда он его украл.

И, тем не менее, ты вор, не так ли? Малая Луна, жемчужина, нынче затемнена. Все, чем ты был как Дэйш, миновало, скрылось. И теперь тебе надо выбрать новый путь. Каков он? Как ты попадешь в воды Шека? Значит, перед тобой выбор: состряпать лжепророчество или украсть что-нибудь, чтобы оплатить проезд во владение Шек? Еще один милый вопрос о нравственности для обсуждения владыками, которые отроду не знали, каково это — лишиться того, в чем они могут нуждаться, чего они страстно желают.

Кейда собрал все, свернул и сложил обратно в мешок. Все, кроме витой морской кости, позолоченной необычным светом. Подняв свой прекрасный клинок, он осматривал его с мгновение, а затем опять начал резать. Почти все сделано. Если сейчас продолжить, он успеет доделать желобчатый кончик ко времени, когда стемнеет.

Не знак ли это само по себе? Что имеет значение? Посмотрим, что мне принесут сумерки. После этого, так или иначе, ты закончишь читать знамения на этом корабле.

Он начал усердно и спокойно работать, и день прошел незамеченным.

— Все в порядке, прорицатель? — Явился Бек, чтобы зажечь фонарь высоко на корме, и Кейда обнаружил вдруг, что

его голова болит от напряжения и от ясного теперь понимания того, что он должен сделать.

— Все хорошо, спасибо. — Он помедлил, чтобы протереть глаза, расправил занывшие плечи и вновь принялся за работу. С нижней палубы поплыла музыка: Мунил умел находить флейте больше применения, чем просто помогать гребцам работать слаженно. Чуть погодя повар воззвал, предлагая каждому, кто еще голоден, остатки еды, прежде чем он выгребет из своей печурки угли и выкинет их за борт.

Кейда и ухом не повел в ответ на возникшую суету. Если он попытается есть, задохнется. А это выдаст его, как лишнего веры, уж такой-то знак всякий умеет истолковать. Ливни начинались и прекращались, ни один не был слишком долгим, их прохлада все еще освежала, особенно когда были так живы воспоминания о не в меру затянувшейся засухе, пекущей все вокруг. Явилась полная тьма и окутала воды своим приглушающим все одеялом. Отзвуки голосов долетали с островов в бухте, чистые, как свет от полыхающих на скалах костров. Тени и образы колыхались вместе с пламенем. Лампы сияли, словно отполированный янтарь, плавная изменчивая музыка разносилась от струн, ласкаемых руками музыкантов, не менее искусных, чем те, каких когда-либо слышал любой вождь Дэйшей. Время от времени шутки становились рискованными, но любое такое нарушение быстро пресекалось.

Кейда передвинулся, чтобы лучше воспользоваться светом кормового фонаря, и продолжал вырезать, меж тем как разные галеры на якоре затихали, гребцы расходились по гамакам, а те, кто повыше рангом, удалялись в каюты. Ночь окутала суда, и остановилась лишь перед огнями, делавшими каждый кормовой помост нежно-золотым островком. Вскоре прекратился и всякий шум на берегу.

— Тебе бы не худо поспать, прорицатель. С рассветом мы выступаем на север.

Кейда поднял глаза и увидел, как на него со сдержанной заботой смотрит Године. Паренек, который выполнял поручения повара, стоял сзади, готовый зарабатывать сон, которому предастся, когда корабль будет в пути, вышагивая ночью в дозоре по верхней палубе.

— В самом деле. — Кейда встал и стряхнул костяные стружки с мягких поношенных штанов. Пальцы ныли, но он завершил резьбу. Он погладил края отверстия, которое с таким трудом проделал в самом конце. Отрезал немного от ремня, украденного некогда вместе с одеялом, продел через кость и крепко завязал узел, прежде чем надеть через голову.

— Что это? — озадаченно спросил Године.

— Напоминание, — коротко ответил Кейда. — Доброй ночи.

— Увидимся утром. — Године зевнул и пропал на лестнице, ведущей вниз, к каютам. Кейда подался следом, сделав вид, будто собирается спускаться дальше, на палубу для гребцов. Но вместо этого прошел по узкой лесенке, прислушиваясь. Тихие шаги мальчика прошелестели по доскам над головой, удаляясь к носу. Поскрипывание, шорох и храп раздавались на палубе для гребцов, но никаких звуков, которые дали бы предположить, что кто-нибудь не спит. Не услышал он ничего и с самого низа, из трюма, где наверняка крепко спали остальные гребцы. Он сидел во тьме и перечислял все созвездия, которые мог вспомнить, по порядку, как они расставлены по незримому указателю направлений в небесах.

Наконец он двинулся, бесшумно вскарабкавшись, обратно на палубу с каютами. Прошел крадучись мимо легких дверей, снабженных откидными досками, чтобы впустить немного прохладного воздуха в тесные выгородки. Впрочем, Године, Мунил или Бек не жаловались. Нехватка пространства для жизни была частью ремесла, которым они с удовольствием кормились, наполняя основательно построенные склады на берегу, и доля, назначенная для их собственного использования, возрастала с каждой стоянкой.

Кого ты собираешься обокрасть на этот раз? Это должен стать судовладелец или один из надсмотрщиков. Если ты украдешь у Икади Насса, их в случае удачи выпорют, а скорее, повесят на здешней мачте. Ни один вождь не потерпел бы такого происшествия, и все оставались бы под подозрением, даже после того, как их исхлестали бы, обнажив ребра. Ты должен Године очень и очень много, и лучше бы тебе позаботиться о том, чтобы потребовать обратно свои права, дабы ты смог возместить ему все утраты.

Кейда миновал кладовые близ кают, где спали люди. Године хранил там ценности, доверенные ему господином. Пространство, отведенное для имущества старших на корабле, находилось чуть дальше места, куда доходил с лестницы свет кормового фонаря. Кейда вынул из-под рубахи тяжелый запятнанный нож, бесчестное орудие для бесчестного дела. Затем вспомнил, что не знает, где чей чулан.

Пусть это послужит знаменiem, а затем испытанием. Если я действительно действую на благо своему владению и следую верному пути, то найду что-то, что позволит мне оплатить проезд во владения Шека Кула. Если меня поймут и прикончат — что же, это несчастье уже поразило владение Дэйш, насколько дело касается всех остальных.

Как только он это понял, легкая дрожь в его руках унялась. Больше ощущая, нежели видя свой путь, Кейда осторожно двинулся к первой двери. Он всадил кончик грубого ножа в щель между замком и косяком. Навалившись всей своей тяжестью, ценой приглушенного шума и треска вогнал нож дальше. Поворачивая нож, он проталкивал его все вперед, и вот дерево поддалось, громко щелкнув. Кейда стоял, не двигаясь, отрешенно думая, почему колотящееся в груди сердце не разбивает ему ребра.

Никто не шелохнулся за дверьми кают. Мальчик на вахте не примчался полюбопытствовать, шлепая ногами. Ничье настороженно всматривающееся лицо не возникло над лестницей, спускающейся к гребцам. Кейда толкнул дверь и проскользнул в чулан. Ни окошечка — дабы меньше привлекать двуногих крыс, что снуют вокруг иных подозрительных стоянок. Небольшой фонарь со свечой висел на гвозде близ двери, а огниво лежало на полочке чуть ниже. Кейда зажег фонарь и положил на место огниво.

Дурень. Ты теперь вор. Кради то, что тебе понадобится, и думай, как бы не попасться, пока ты не удрал.

Он сунул огниво в карман и воспользовался своим мешком, чтобы как следует подпереть дверь, а заодно и закрыть свет, который мог бы проникнуть наружу. В неясном отсвете свечи он прикинул, что теперь выбрать. Здесь имелось несколько свертков прекрасного муслина нежных цветов и один — крас-

ного с золотом шелка, равно как и мотки козьей шерсти для шалей. Кейда отверг их: слишком велики, тяжелы, громоздки. Он фыркнул и при виде нескольких ящичков среднего размера. Острореки, лимоны и опять этот проклятый корень агали. Он с трудом удержался, чтобы не чихнуть. Все достаточно ценно, но сейчас бесполезно для него. В открытой клетки лежали маленькие ящички из грубо расколотого тростника. Кейда развязал шнуры, стягивавшие один. В гнездышке из неряшливо нащипанной тандры обнаружилось три белых хрустальных чашечки, вырезанных в виде витых раковин. Облегчение почти избавило его от головной боли. Он поспешил вновь завязать узел и потянулся за следующим ящичком. Новый хрусталь из владения Икади, на этот раз набор чашечек в виде цветов визайла. Еще один, и будет достаточно. Рука его поколебалась, прежде чем схватить третий. Он открыл его и увидел внутри кубок из горного хрусталя, украшенный по ободку листьями кантиры.

Достаточно. Не может быть слишком далеко до владения Шека Кула, а любая из этих вещей — достаточная цена за проезд по всему Архипелагу.

Кейда подобрал мешок и упрятал в него свою добычу. Затем замер на миг, прежде чем взять веревку с одного из ящичков в клетки и обвязать ею кожаный ремень, удерживавший под его рубахой костяную спираль.

Кожа — это память о человеке, у которого ты стащил одеяло. Огниво напомнит тебе о долге Године и его кораблю. А веревка — знак того, что ты в долгу перед любым, кого ограбил здесь.

Расстегнув пояс, он пропустил конец через ремень заплечного мешка, прежде чем опять подпоясаться. Облизав пальцы, он погасил ими свечу, и на него навалилась тьма. Уши уверили его, что никто не бодрствует ни в одной из кают, единственными звуками, которые он уловил, было неспешное ночное поскрипыванье корабельных досок и мягкий плеск воды вокруг.

А где же мальчик? Если он увидит или услышит, как ты выбираешься за борт, он поднимет крик. Этого никоим образом не должно произойти, пусть даже внезапное исчезновение человека и будет сочтено недобрым знаком. Пока Године не обнаружит, что его чулан взломан, а его избранный товар

похищен грабителем. Тогда никто не удивится, почему ты бежал. А все удивятся лишь тому, как ты умудрялся так долго скрывать свою вероломную сущность.

С кислым привкусом во рту Кейда медленно двинулся по проходу, ведя одной рукой по стене, а другой придерживая у бедра мешок, чтобы не болтался. Слабый свет кормового фонаря обозначил лестницу на верхнюю палубу, и Кейда заморгал, когда увидел ее. Он поднимался медленно и сел на четвереньки, когда его голова оказалась на уровне верхней палубы, и перед глазами возникла обшивка. Мальчик сидел, съежившись, на кормовом помосте под фонарем, поглощенный чем-то, что держал в сложенных ладонях. Пока Кейда наблюдал, добычка мальчика упорхнула. То был мотылек, привлеченный светом. Мальчик прижался к ахтерштевню, запрокинув лицо, и стал ждать появления следующего любопытного насекомого.

Кейда поднялся на палубу, низко пригнувшись, опираясь на оба колена и одну руку, а другой придерживая свою драгоценную ношу, чтобы не стукнула о доски. Он поспешил в тень поближе к поручням, загибающимся назад, к середине корабля. Придется перебираться за борт где-то здесь, чтобы избежать столкновения с рулевыми веслами. Перекатившись через поручень, он опустился на полную длину рук, ища пальцами ног верхнего края весельных отверстий. Плеск мог бы выдать его, но если упасть среди весел, шума уж точно будет достаточно, чтобы люди с корабля сделали открытие.

Он поглядел вниз и увидел таинственно колышющееся ночное море. Там и сям мерцал робкий свет под мягкими завитками пены. Боль в плече жгла, раздирала и мучила. Хватка слабела. Кейда едва успел оттолкнуть ногой борт судна, когда его рука разжалась, и он стал падать.

Море взлетело навстречу ему, раньше, чем он понял, что происходит, все еще пытаясь выпрямиться для ровного нырка. Он ударился о поверхность воды, и его внезапно обдало холодом. Вода сомкнулась над головой, наполнив рот и жаля глаза. Он тряс головой, брыкаясь и взмахивая руками, мешок на поясе тянул его вниз. Когда он вернулся на поверхность, холод по его коже побежал теперь уже от ночного воздуха. Мокрые волосы залепили ему глаза, протянувшись по лицу,

точно водоросли. Он попытался поднять голову над водой, чтобы вытереть глаза, но ему мешал груз. Он поплыл, переворачиваясь с боку на бок, как мог, чтобы поглядеть на галеру. Там не подняли тревогу?

Когда его лихорадочное дыхание умирилось и ему удалось поднять над водой голову, он смог разобраться в звуках вокруг себя. Никаких криков, никаких испуганных и смятенных голосов. Он поглядел, где стоят ближайšie корабли, и поплыл в направлении тьмы между отблесками их кормовых фонарей. Шлепающие в борта волны стали много шумней там, где их загнало в проходы между посудинами на якоре. Сзади он смутно увидел череду островков в бухте, чернеющую под полным звезд небом.

Якорные канаты, утри или акулы, вертящиеся вокруг скал — любого рода опасности и препятствия могли бы его потопить, если бы он проплыл меж судами. Он взбрыкнул, и его ноги внезапно показались ему отчаянно уязвимыми в бесконечной пустоте вод. Мысль об острых, как кинжал, зубах, смыкающихся вокруг ноги, заставила его похолодеть.

Справедливо ли, что морские змеи даже не убивают сразу свою добычу, а утаскивают под воду, чтобы медленно и мучительно утопить? Что из того? Твоему народу грозит смерть от чар, если ты потерпишь неудачу. Можешь поставить свою жизнь против уверенности, что поступишь правильно. Нынче ты проходишь достаточное испытание, чтобы поставить ее против любого способа подвергнуться проклятию.

Отвернувшись от света, он устремился по волнистой вздувающейся поверхности к черноте более широкого пролива за бухтой. Ничего похожего на беззаботные вечера в лагуне дома, где он прикидывался, что заботится, как бы никто из детей не утонул. Море и ночь сомкнулись вокруг него. Он принуждал свои руки и ноги к бесконечно повторяющимся движениям, двигаясь в воде, ощущая как противовес мешок на поясе, размокнушую громаду, быющую по бедру с каждым взмахом ноги. Конечности начали тяжелеть, кисти и стопы неметь, но он не мог останавливаться.

Все очень просто. Остановись и утони. Но надо двигаться вперед. Ты можешь? Да подвернется ли тебе суша, прежде чем ты сдашься?

Наверное, целую эпоху спустя его подхватило течение. Сперва он этого не понял, пока море мерно не закачало его, неся вперед. Он призадумался на миг, не попытаться ли выбраться из течения, но затем понял, что сил не хватит. Единственное, что оставалось, это покоиться в воде, которая влекла его вперед, заставляя себя вдыхать при каждом взмахе рук.

Когда это кончилось, Кейду слишком мутило от усталости, чтобы понимать, что происходит. Что-то попало ему в руки, неожиданный удар перевернул его тело, нарушив бездумную череду брыкания и рывков, на которой он только и мог сосредоточиться в этом бесконечном заплыве. Буйная пена обволокла его голову, и он почувствовал, что тонет, беспомощный, слишком медлительный, чтобы побудить свои изнуренные конечности к последнему усилию.

Что-то попало ему в руки: веревка, связанная в сеть. Он ухватился за нее, мучительно вывернув пальцы, и стал цепляться ими за грубые ячеи, переворачиваясь в бурной воде, внезапно отчаявшись добраться второй рукой до просмоленных переплетенных прядей, в ужасе от того, что сейчас упустит надежду на спасение. Сеть задвигалась, волоча его вверх. Он вцепился крепче. И почувствовал, что его поднимают из воды. Сеть обернула ему ноги, он стал бороться за то, чтобы найти опору для утративших чувствительность пальцев ног. Крепкие руки втянули его на борт, схватив на рубаху, за пояс, за все, до чего смогли дотянуться. Голоса зазвучали вокруг его головы, но он ничего не мог разобрать в этом незнакомом наречии. Он лежал, ударившись о палубу, разеваая рот, с руками, все еще опутанными сетью, безудержно дрожа.

— А мы нынче ночью что-то поймали, парни.— Забота омрачила добродушное бормотание этого человека.

— Давай высушим его.— Проворные руки потянули Кейду вверх, в сидячее положение. Кто-то тащил его за пояс. Ему удалось издать звук, выражающий негодование, затем он оттолкнул этого неизвестного.

Пощечина обожгла ему лицо. Он заморгал и увидел молодое мужское лицо, хмурающееся перед ним.

— Дай нам высушить тебя и согреть, не то бросим обратно за борт, на корм утрам.

Тщетная борьба была последним, что ему удалось. Он молча кивнул и закрыл глаза в полуобмороке.

Вполне могут подействовать. Что это за лодка? Рыбаки?

Кто-то содрал с него мокрую одежду и завернул его в грубый хлопок. Безжалостные руки принялись растирать его спину и плечи, вновь возвращая чувствительность онемевшему телу.

— Вот, выпей. — Владелец пожилого голоса, тщательно сомкнул его руки вокруг деревянной чаши и направил ее ко рту. Поднимающийся над питьем пар подсказал, что это настой листьев тассина.

Помогает от потрясения и переохлаждения.

Кейда глотнул горячую жидкость, чувствуя, как та спускается по пищеводу и как огонь загорается в желудке. Несколько мгновений спустя он начал ощущать связь между жаркой сердцевинной и кожей снаружи, теперь медленно оживавшей под безжалостным натиском его спасителей.

— Спасибо, — прохрипел он.

— Что с тобой случилось? — Лампа качнулась совсем рядом, и Кейда увидел четыре вопрошающих лица, глядящих на него. Старший явно приходился отцом трем остальным, расширившим глаза от любопытства. Самый молодой член семьи, девочка с перекосившимся в тревоге лицом, стояла перед ним на коленях.

Кейде удалось улыбнуться, щеки его онемели, губы потрескались.

— Что это было? Кораблекрушение? За борт упал? — не унимался отец.

Кейда отпил еще глоток согревающего питья.

— Мне надо попасть во владение Шек, — удалось ему сказать, хотя голос плохо слушался.

— Вот уж действительно, — откликнулся рыбак.

— Мне надо... — Кейда прочистил горло и отпил еще. Он был слишком изнурен, чтобы влиять. — Это дело жизни и смерти.

Итак, ставим жизнь против уверенности, что ведем себя правильно; похоже, это достаточное испытание.

— Он говорит правду? — То был голос одного из сыновей, и в нем звучало то же недоверие, что и у отца.

— Не думаю, что он плыл в открытом море просто потехи ради,— возразила девочка.

— Мы можем развернуться.— Старший сын посмотрел на отца.— Мы могли бы поискать коралловых крабов.

Вот откуда этот резкий запах — от корзин с крабами. Да, помню, так же несло от них в гавани близ нашего жилища в пору дождей.

Кейда осушил чашу и отдал ее девочке.

— Спасибо,— искренне поблагодарил он.

— Тебе надо отдохнуть,— сурово произнесла она, затем указала на груду сетей и парусины.— Здесь на тебя никто не наткнется.

Кейда быстро обдумал, не попытаться ли встать. Затем решил, что вернее двигаться на четвереньках, и вот, наконец, рухнул на сравнительно мягкие веревки и парусину. Девочка запорхала вокруг, потянула влажный хлопок, пытаясь его запеленать. Отчаянно зашипев, он попытался отпрыгнуть. Она сдалась и лишь бросила ему на ноги складку парусины.

— Что мы станем делать с ним утром? — Рыбак и его сыновья вернулись к управлению лодкой, которое не следовало забрасывать.

— Высадим на берег или найдем кого-нибудь, кто его заберет, кто бы он ни был,— ответил отец.— Не то мало ли какая неудача грозит нам, если он здесь задержится. И если действительно для него это дело жизни и смерти.

Или ты можешь передать меня какому-нибудь данакс-кому торгашу, который сделает меня заморином и продаст в рабство. Кто знает?

Но Кейда не мог по-настоящему ни на чем сосредоточиться, и позволил сну ввернуть себя в столь же полное забвение, как если бы он утонул.

Глава 13

Такой узкий пролив, а непреодолим точно так же, как если бы был в тысячу лиг шириной.

Кейда сидел, скрестив ноги, на круто вздымающемся песчаном откосе, и пылал досадой. Одинокая, усыпанная галькой бухта напротив была близнецом той, где он высадился, посередине мелководья, непрозрачно-зеленого после утренней бури. Ничтожная разница, между ними оказывалась решающей для любого, кто надеялся пересечь эти неширокие воды: зловеющее здание из серого камня стояло четырьмя прямоугольниками на том берегу. По дорожкам вдоль краев крыши расхаживали дозорные в броне, окна представляли собой узкие бойницы. Двойные ворота на запоре. Черное дерево, железные острия. Как непохоже на открытые двери и ставни простых домишек позади него и чуть поодаль. Еще больше жилищ протянулось дугой и раскинулось дальше по обе стороны бухты. Отгоняя назойливых песчаных мух, Кейда наблюдал за детишками, высыпавшими поиграть, пользуясь затишьем между ливнями, за мужчинами и женщинами, бездельничавшими после полуденной трапезы, которая подкрепила их после житейских трудов. В животе у Кейды было пусто с самой зари, голод мешал думать.

Не помню, чтобы когда-либо так голодал. Хотел бы я знать, что они здесь едят. Хорошо накормленные, хорошо защищенные, эти люди не знают никаких забот. Уж точно, с такой крепостью, защищающей обиталище Шека Кула. Ни один корабль не встанет по ту сторону пролива без дозволения, а не то стрелы тучами полетят с укреплений, где не дремлет охрана.

Галеры и бесчисленные лодочки, пытающиеся найти стоянку в здешних водах, даже и не осмеливались туда ткнуться и скопились по эту сторону узкого морского пути. Здесь были и неустрашимые хранители покоя владыки. Кейда уныло покосился на тяжелые триремы, подтянутые к обоим концам пляжа, на котором он сидел. За ними скорые триремы несли дозор в более открытых водах, чтобы какое-нибудь непослушное судно не избрало запрещенного направления.

— Что-то ты слишком мрачен, дружище. Оказался без укрытия во время утреннего ливня? — Такой же растрепанный, как он, бродяга, выброшенный на этот берег, пылкий и словоохотливый, плюхнулся рядом.

— Я тоже,— горестно сообщил он, указав на мокрую и рваную рубашу, висящую на костлявой руке.

Кейда не стал возиться и сушить одежду. Все равно влажный воздух висит вокруг, что сырое одеяло. Он кивнул на ближайшую из тяжелых трюмов.

— Хотел бы я знать, удавалось ли кому-нибудь спрятаться на борту одной из таких.— То было единственное судно, которое у него на глазах совершало краткие переходы через пролив за те полтора дня, что он наблюдал.

Его собеседник от души рассмеялся.

— Не доводилось слышать о таком,— он пожал плечами цвета пыльной земли. Как и многие здесь, он был достаточно светлокож, чтобы сойти за выходца с материка, загоревшего на здешнем солнце.— Говорят, есть владения, где старшие на триремах за взятку перевозят какого-нибудь чужака к их властителям, но я бы сам не дерзнул.— Он покачал головой и вздрогнул.— Нет, еще бросят за борт при первом намеке на беду. В любом случае, и думать не стоит, чтобы кто-либо из корабельщиков Шека Кула на такое согласился.

— Не сомневаюсь,— печально согласился Кейда.

Не с могуществом и опытом Шека Кула, власть которого столь очевидна в каждом шаге, который делают его люди, в каждом слове, которое они произносят. Его вездесущая власть — это то, по сравнению с чем вся гордость Дэйшей не больше, чем пустое хвастовство Чейзена Сарила. Да и не осталось ничего, чтобы их подкупить, что уж там.

Семья рыбака, которая его спасла, более чем заслужила набор хрусталя. Высаженный на берег островка, вокруг которого оживленно сновали рыбацкие суденышки, Кейда вынужден был отдать кубок с листьями кантиры за переезд на торговый берег, раскинувшийся недалеко. Каждая из чашечек-визайлов помогла ему перебраться немного к востоку, и, наконец, золотой колокольчик, который он надеялся подарить Джанне, стал ценой проезда сюда. Теперь, прибыв во владение Шека Кула, он не располагал ничем. Кейда взял в пальцы витую кость, висевшую на шее.

Ничего, что я готов был бы отдать.

— Я здесь самое меньшее еще на несколько дней. — Незнакомец тряхнул головой в сторону кучки галер, бросивших якорь близ берега. — Ни одна из этих, прибывших утром, не идет куда мне надо. А ты как?

— Для меня тоже пока ничего. Есть какие-то новости от моряков, с которыми ты говорил? — спросил Кейда со старательной небрежностью. — Что-нибудь с юга? Я слышал толки, будто Улла Сафар превзошел себя.

— Да, что-то говорили о войне. — Его случайный собеседник выглядел растерянным. — Но больше о том, что владения Редигал и Ритсем объединяются с Дэйшами, чтобы разделить между собой острова Чейзена. Как тебе это нравится?

— Я слышал и более странные вещи. — Кейда произнес это с порядочным сомнением.

Разумеется, это означает, что Сиркета поддерживают союзники, которых, как я надеялся, обеспечила ему моя смерть. Три владения должны оказаться достаточно сильны, чтобы дать отпор захватчикам, иначе дурные вести пришли бы на север быстрее, чем разразились дожди. Приму это как доказательство, что я правильно толкую знамения и верно выбрал путь, направившись сюда. Но сколько они продержатся после того, как дожди пройдут, а бури перестанут быть им защитой?

Кейда поглядел за россыпь домишек на том берегу пролива. Темная каменная стена перерезала густую зелень деревьев. Двор Шека Кула окружен высокими стенами, по которым беспрерывно ходят дозоры, высокая сторожевая башня поднимается над главными воротами, и кто-то на ней не смыкает глаз ни днем, ни ночью. А за самой башней Кейда разглядел угол главного дворца. Несомненно, строители его столь же позаботились об обороне, сколь и о роскоши.

Где-то за этой неодолимой стеной есть кто-то, кто знает, как Шек Кул одолел волшебство и изгнал его из своего владения. Мне надо это узнать, если я хочу принести Дэйшам хоть какую-то надежду сдержать дикарей.

— А вот о чем я думал, — продолжал его новый собеседник вкрадчивым голосом. — Не объединиться ли нам с тобой на сегодняшний денек? — Он перегнулся, чтобы поглядеть

вверх по крутому склону берега на дома, разбросанные среди деревьев лиллы, теперь покрытых влажной свежей зеленью. Утренние дожди превратили в лужи участки полей соллера, прочно огороженные остроугольными земляными насыпями, и утки с блаженством искали корм в грязной жиже. Куры высывались из птичников, над крышами которых топорщились гребни соллерной соломы.

— Кто-нибудь наверху с радостью позволит двум крепким парням взмотыжить свой сад, а сам тем временем посидит там, где посуше и состряпает обед, достаточно большой, чтобы с ними поделиться,— говорил бродяга Кейда.

Или одному крепкому парню вместе с узкоплечим оборванцем, у которого под кожей четко видны ребра. Нет, это несправедливо.

Кейда видел, что его собеседник всей душой жаждет поработать. И лишь его щуплое сложение не внушало ни малейшего доверия

— Женщина вон там,— незнакомец кивнул на один из ближних домов, где на привязи пес с тяжелыми челюстями раскинулся дугой под сенью воротец, поставленных в основательной изгороди из когтятника.— Она мне дала мяса за то, что несколько дней назад я чистил ее курятник.— Безобразный зверь наострил уши, покосившись на подозрительную парочку.

— Я не видел никого из людей Шеков, хотя бы собирающих топливо, с тех пор, как я здесь.— Кейда поразился, что высказал вслух эту горькую мысль.— Путники делают за них почти все.

Пребывание на борту галеры приучило тебя распускать язык больше, чем ты рассчитывал, и заходить далеко за пределы благоразумия.

— И что из того? — Бродяга начал терять терпение.— Ты хочешь поест сегодня или нет?

Кейда заметил, что его собеседник — не единственный из бродяг, кого завидки берут насчет крова и пищи, доставшихся этим блаженным островитянам. Несомненно, потому-то острые частоколы или колючие живые изгороди и окружали каждый дом, и большинство ворот охраняли псы крупнее любых, каких Кейда когда-либо видел у себя на юге.

Старейшина крупной деревни у нас считал бы себя счастливым, если бы получил хотя бы самого мелкого из таких псов как награду от своего господина. А вождь считал бы себя великодушным, если бы наделил таким даром самого отличившегося воина. Здесь они сторожат курятники.

— Если тебе нет дела... — Бродяга поднялся, неловко отряхивая влажный песок, налипший на его тощий зад.

— Мне есть дело. Мне нужна еда. — Кейда бросил последний взгляд на отдаленный двор Шека Кула.

Если я не могу попасть внутрь этих стен, чтобы узнать, как Шек Кул одолел злокозненную волибу, привлеченную его бывшей первой женой, кто знает — а вдруг кто-то снаружи владеет какими-то полезными сведениями.

— Кстати, я Шеп. — Бродяга пошел впереди него вверх по склону к домику, на который указывал прежде. Пес в воротах медленно поднялся на могучие лапы, рыжий загривок ошетинился, отвислые черные губы сморщились, обнажив жуткие желтоватые зубы.

— Кадирн. — Кейда остановился, сложил руки и пристально посмотрел в глаза собаке.

Власть, но не вызов, помни, чему тебя учил Дэйш Рейк.

Пес не попятился, но и не залаял, явно не спеша принять решение.

— Добрый день этому дому! — крикнул Шеп, наблюдая за здоровенной псиной с известным беспокойством. На широком крыльце появилась женщина, остерегаясь капель, срывающихся порой с пальмовой кровли над ее головой.

— Что вам нужно?

— Мы просто хотели спросить, не можем ли сегодня быть чем-то полезными за любую еду, которой тебе для нас не жаль, — смиренно произнес Шеп и поспешно отступил, ибо пес сделал шаг в их сторону.

— Подождите. — Посоветовавшись с кем-то внутри дома, женщина появилась вновь. — Можете прополоть участок рекала. — И мотнула головой в сторону изящных бороздок, где уже показались стебельки с бледными листьями. — Вы хоть умеете отличать рекал от сорняков? — сурово спросила она.

— Умеем, — уверил ее Шеп с угодливой восторженностью.

— Тогда входите туда, где вам рады.— Женщина спустилась с крыльца и отворила ворота, бедром отпихнув в сторону собаку. Как и большинство шекских островитянок, она была выше и отличалась более длинными ногами, чем женщины с юга. Шеп старался, чтобы Кейда находился между ним и собакой, к явному удовольствию женщины. Как только они очутились во дворе, женщина поймала животное за цепь и повела его туда же, внутрь, после чего накрепко заперла ворота.

— Оставьте ваши пожитки рядом с псом. Он будет их стеречь.

— Спасибо.— Шеп вручил Кейде безликий сверток плотной ткани, крепко перевязанный темной, изобилующей узлами веревкой. Кейда поставил обе скатки у воротного столба.

— Хороший мальчик,— ласково сказал он псу, любознательно склонившему набок голову с ушами торчком. Поняв, что женщина глядит на него с нетерпением, он последовал за Шепом.

Рекал. Зубчатые листья, темно-зеленый цвет, красноватые прожилки с нижней стороны. Повар Джанне подает одни корни, и лишь когда чувствует, что их огненный цвет украсит блюдо, считая, что вкус у них так себе.

— Ты начни с того конца, а я с этого,— Шеп уже сел на колени на окаймленном камнем овощном участке и начал выдергивать из влажной земли проросшие там да сям зеленые стебельки.

Кейда устроился на корточках на дальнем конце гряд, с любопытством изучая двух- и трехлистные побеги. Он тщательно разделил их указательным пальцем.

Ползучий огонек, неизбежно. Красное копьё, хорошо для крови, и особенно для женских недомоганий. Аспи, листья помогают против червей, маслом из корня можно превосходно промывать раны.

Шеп встревоженно поглядел на него со своей борозды.

— Рекал — единственное, у чего здесь зубчатые листочки.

— Тут есть кое-какие целебные растения.— И Кейда поглядел на него.— Их бы посадить где-то в другом месте.

— Она ничего об этом не говорила.— Шеп уже сжимал в кулаке горсть зелени с белыми усиками.— Оставляй рекал и выдирай все остальное, и, смотри, с корнями.

— Очень хорошо,— с неохотой уступил ему Кейда.

— Если мы не выполним работу как следует, то не поедим,— мрачно предупредил Шеп.

— Сорняки бросите в куриный загон.— Кейда оглянулся и увидел, что женщина вынесла из дому рамку с вышиванием, табурет и корзину с яркими цветными мотками шелка. Он наблюдал, как ее игла носится вверх-вниз над белым хлопком, пока она не поглядела, что он делает, и не нахмурилась, увидев, как мало он успел.

Конечно, владение Шек славится своими вышивками.

Кейда поспешно склонился над узкой бороздой и погрузил пальцы в мягкую влажную землю, меж тем как женщина обменялась несколькими пренебрежительными замечаниями с кем-то невидимым в доме. Вскоре у Кейды заныла спина, глаза его утомились от поиска ничтожных различий между одним ростком с острыми зубцами по краю листа и другими, скопившимися вокруг. Бедро немели, когда он нагибался и тащился вдоль ряда, стараясь не раздавить хрупкие листочки, оставленные позади. Вставая, чтобы добавить свои жалкие пригоршни к куче увядающей травы, он испытывал мало облегчения, да еще и голод всякий раз скручивал его внутренности. Рубаха стала липкой, сырые штаны натирали, а свежий пот неприятно напоминал о том, как сам он грубо пахнет.

Если уж выбирать, я бы предпочел работу гребца труду огородника.

Шеп прервал его мысли недовольным фырканьем.

— Если хочешь половину обеда, будь добр, сделай половину работы, дружище.

Видя, что костлявый напарник прополол на полторы борозды больше, чем он сам, Кейда воздержался от любого ответа и размял какой-то сорняк большим и указательным пальцами. Зеленая грязь добавилась к черной земле на его руках. Затем он попытался увеличить скорость, но Шеп опережал его уже на две борозды, когда они наконец встретились.

— Ты понесешь все это курам.— Шеп встал и простонал, уперев ладонь в крестец под выгнутой спиной, лопатки его выступали остриями, каждая косточка позвоночника ясно виднелась под кожей.— Посмотрю, что думает хозяйка и что мы от нее заслужили. Готовь миски.

Кейда подобрал охалку выполотых сорняков. Куры уже знали, что близится, и потому испустили пронзительное кудахтанье, которое подняло на ноги пса, готового предположить, что птицу крадут.

— Пустые руки, видишь? — Кейда расставил пальцы, показывая собаке. Затем приблизил к ее морде одну руку ладонью вниз. Собака небрежно принялась, затем села, позволяя ему забрать их имущество, все еще наострив уши и наблюдая, как Кейда присоединяется к Шепу у дома.

— У вас есть миски? — Женщина ждала с кухонным горшком из начищенной меди и поднятой в нетерпении поварешкой. Судя по тому, как она держала горшок, он был не горячий. Кейда и Шеп торопливо зашарили в торбах, ища свои миски.

Подливка, оставшаяся от вчерашней утки, тушеной и сдобренной кое-какими лежалыми овощами, куда для густоты добавили пыль со дна сосуда с соллером. Джанне Дэйш не дала бы такого рабам своих гостей, чтобы не оскорбить их хозяина или хозяйку.

Тем не менее Кейда с жадностью стал подбирать ложкой еду, отличая в ней немногочисленные ошметки мяса. Затем прочистил горло и улыбнулся.

— Превосходная вышивка, ты искусница, хозяйка. — И указал взглядом в сторону рамки с тканью.

Женщина кивнула, признавая, что ей воздано должное, и поскребла по дну своего горшка.

— Есть еще немного. Хотите?

— Владение Шек славится своими вышивками даже в южных пределах. — Кейда наклонил миску, чтобы вычерпать остатки похлебки.

И что ты собираешься сказать дальше? «Хорошо продается, не так ли? И никого не оттолкнет мысль, что, возможно, скверна колдовства неотделима от этой ткани?»

Шеп выставил миску вперед, как только женщина подняла черпак. Она дала ему вторую основательную долю, оставив Кейде лишь несколько неполных ложек варева.

— Ты ешь то, что заработал. — Ее острые черные глаза подстрекали его бросить вызов.

— Тебе — наша благодарность, а нам — надежда, что странствие приведет нас к успеху.

В дверях появился человек с обнаженной грудью, высокий и меднокожий, с плечами, по ширине не уступавшими любому, кого видел Кейда на галере Године. Он засунул большие пальцы за широкий тканый пояс, витая костяная рукоять его шекского кинжала белела на густо-синей ткани. На рукоятке угадывалось изображение цапли.

Почему бы не спросить его? «Скажи, приятель, как же все-таки Шек Кул взыскал плату со своей бывшей первой жены за то, что стакнулась с чародеем? Твой вождь, конечно же, доверил тебе эту тайну, и почему бы тебе не обсудить столь чувствительные дела с оборванным и угодливым путником?»

— Если я не попаду сегодня на корабль, можно будет заглянуть завтра? — Шек расправил узкие плечи, нарочито отстраняясь от Кейды.

— Можно, но я ничего не обещаю, — недовольно ответила женщина. К Кейде она при этом не обращалась.

— Тогда доброго тебе дня. — И Шеп, выпрямив спину, повернулся на пятках и направился к воротам. Пес преградил ему путь, насколько позволяла цепь.

— Назад, — рявкнул на животное Кейда, наградив его за невоспитанность яростным и хмурым взглядом. Он убрал засов, меж тем как смущенный пес поглядывал в сторону дома, прося указаний, и зашагал к морю, не думая о том, куда теперь подастся Шеп. Испытывая отчаянное желание запустить свою треснутую миску в воду, он сел, съежившись, но вместо того, чтобы бросить, вдруг принялся чистить миску песком и водой.

Это, разумеется, унижительная трата времени, за которое не найдено ничего сколько-нибудь полезного. Что теперь?

— Ты гадаешь по ладони? — Робкий голосок у его плеча мигом вывел его из мрачного настроения. На него глядела сверху девушка, едва ли не дитя, болезненно худая, темнокожая. Порядочно голодная, с запекшимися водянисто-голубыми глазами. — Человек вон там сказал, что ты прочел по рукам его путешествие.

— У меня есть к этому некоторый дар. — Кейда встал, стряхивая воду с ложки и миски. — А поможет ли он тебе, зависит от того, что ты можешь для меня сделать.

Девушка опустила глаза и погрузила пальцы ноги в серый песок, изрытый утренним дождем и взбитый множеством то-ропливых ног.

— Я нашла плавник нынче утром.— Она и впрямь сжимала под мышкой скудную связку расколотых палочек, каждая тоньше, чем ее рука.

— Тогда обменяй его на еду и принеси мне половину того, что получишь.— Кейда старался говорить сурово, и девушка устала на него расширенные горестные глазащи, принуждая его дать объяснение.— Не могу обещать, что тебе понравится мое прорицание. Люди с галеры, которая отплыла нынче утром, пообещали уделить мне рыбы, но когда я увидел неудачу, грозящую их старшине гребцов, я остался голодным.— Гнев по поводу такой неожиданной несправедливости проник в его голос.

Лицо девушки стало сочувствующим.

— Я принесу любую еду, какую смогу найти.— Вскинув свою вязаночку на плечо с поразительной ловкостью, она заторопилась прочь через убогое становище, растянувшееся за чертой прилива.

Почему ты ей так сказал? Почему ты согласился угадать ее будущее? Эта пропащая душа наверняка вцепится в любого, кто будет к ней сколько-нибудь добр, а если ты увидишь что-то опасное на ее пути, сможешь ли повернуться к ней спиной? Еще не хватало тебе забот о беззащитном ребенке.

Кейда следил, как она движется мимо жалких шалашиков из веток и полусгнивших отрезков парусины. Эти негодные убежища меняли обитателей с каждым приливом, насколько мог видеть Кейда, ибо мужчины и женщины то сходили на берег, то садились на какой-нибудь отбывающий корабль, поторговав какими-нибудь полезными вещами или побрякушками и пережидая под этим кровом ежедневные дожди. Некоторые из странников держались по двое, по трое, другие даже не трудились небрежно поздороваться или проститься с временными соседями и в полном одиночестве всходили на какую-нибудь галеру, идущую в желанном направлении.

Побалуи этих людей намеками на благую участь и сможешь рассчитывать на достойную долю в их пище и крове, а не на то, чтобы гнуть спину, роясь в грязи за те же

объедки. Ты уже лишил себя чести, ограбив Године. Сколько ночей ты будешь страдать с пустым брюхом, прежде чем примиришься с несколькими пустяковыми выдумками при гадании ради ломтя соллерного хлеба?

Долгожданный бурный всплеск отвлек его от искушающих мыслей. Это лестницы падали через корму тяжелой триремы, вставшей чуть дальше у берега. По ним тут же заскользили вниз воины, едва ли трудясь считать ногами перекладыны и один за другим плюхаясь в прибой, доходивший до колена человеку. Они вышли на берег двумя стремительными вереницами, в лад позванивая кольчугами, держа руки на рукоятях мечей.

Кейда огляделся, ища признаков тревоги. Странники рассеивались, точно деревенские утки, но лишь из страха перед меченосцами Шека. Некоторые заползли в свои убогие шалашики и съежились там, другие колебались, крепко вцепившись в потрепанные узлы и свертки. Самые напуганные успели оказаться по грудь в водах пролива, прежде чем сумели остановиться. Кое-кто бежал вглубь суши и там натыкался на деревенских жителей с метлами и псами, цепью преграждавшими путь. Псы взвизывались на задние лапы, исходя возбужденным лаем.

Меченосцы ни на кого и ни на что не обращали внимания, лица непроницаемы, шаг неизменен. Трирема позади них разворачивалась, лопасти весел взметнулись, прежде чем врезаться глубоко в воду, когда невидимые гребцы повели корабль вдоль берега за воинами. Суэта распространилась по пляжу, точно порыв бурного ветра. Мужчины, давным-давно распрощавшиеся с гордостью, пали на колени и приникли к земле. Женщины с тиетными слезами молили о защите от островитян Шека. Военский строй бесстрастно громыхал вдоль берега.

Коварный заразительный страх поднял Кейду на ноги. Он обнаружил, что его полный ужаса блуждающий взгляд встретился со взглядом предводителя меченосцев. Он не мог отвести взора от темных, полных решимости, взирающих из-под сияющей бронзы налобного обруча шлема глаз.

Они явились за тобой. Что ты сделал? Это важно? Ты беззащитен, как и любой другой нищий на этом берегу. Ты безоружен. Вздумай сопротивляться, и тебя мигом прикончат. Лишенный брони свободен от бремени. Ты побежишь

*быстрее них. Но бежать здесь некуда. Попытаться про-
шмыгнуть мимо них? Они к этому готовы. Те, что сзади,
рассыплются, чтобы тебя поймать.*

И тем не менее, он искал любой возможности остаться свободным. Но вместо возможности увидел костлявую девчущку, ту самую, что просила погадать ей по руке. Она прижимала миску к щуплой груди, ее рот испачкало что-то липкое и рыжее.

Это предательство? Кому ты так отчаянно нужен? Године?

Мысль, что за ним могли проследить и теперь призовут к ответу за похищенные сокровища, которые он растратил, вызвала у Кейды тошноту. На один ужасающий миг он подумал: его вот-вот вырвет. Он что есть силы сглотнул и стиснул зубы.

Если поддамся, вся изнурительная работа в это утро окажется сделанной зря.

Пока он колебался, даже призрачной возможности бегства не осталось. Воины подступили вплотную. Их предводитель безжалостно и равнодушно бросил грязного оборванца на песок. Кейда поднял ладони, чтобы защититься от ударов, но, как оказалось, лишь протянул руки навстречу оковам, которые миг спустя защелкнулись на запястьях. Вывернув ему руки, стражники перекатали его на живот. Мучительная боль в спине подсказала, что кто-то встал на нее коленями в кожаных чулках с металлическими пластинами. Руки в наручах схватили его ноги, молотившие по воздуху, и уладили их тяжестью ножной цепи. Чья-то стопа опустилась ему на шею, вдавливая его голову в густой удушающий песок.

Море не утопило тебя, а вот земля вполне может.

Когда гнев Кейды уступил ужасу, затрещала ткань, рубахи или штанов, он понятия не имел. Он опять оказался на спине, выплевывая песок, и заработал жгучую пощечину. Он открыл рот, желая что-то возразить, но тут скомканная хлопковая тряпка заглушила еще не сказанные слова. Другой конец или кусок той же ткани ослепил его, плотно стянув лицо, и он теперь только и мог, что яростно мычать. Песок, насыпавшийся под ткань, грубо тер его скулы, волосы, угодившие в узел, болезненно натянулись на затылке.

— Подымайте.— По отрывистой команде предводителя невидимые руки подняли его за плечи и за ноги. Ревя, точно

связанное для забоя животное, Кейда извивался и корчился, гремя цепями. Кулак глубоко въехал в его живот.

— Прекрати, — прорычал кто-то у его уха.

Со сдавленным стоном Кейда попытался восстановить дыхание сквозь плотную тряпку. Утиная похлебка поднялась до самого горла вместе с новым страхом.

Если сейчас вырвет, вполне похоже, ты задохнешься, прежде чем они уберут эту тряпку. Пусть думают, что ты покорился. А вздумаешь и дальше биться — вполне могут нечаянно убить.

Он обмяк. К его огорчению, мертвая ноша, которой он для них стал, не причинила им ни малейших неудобств. Их резкий бег отдавался в его теле толчками, отчего у него мучительно прерывалось дыхание. Затем Кейда ощутил под собой соленое веяние морских волн. То и дело всплески касались холодом его кожи.

— Бросай веревку! — завопил кто-то. Кто-то другой поднял руки пленника над головой, и тут же толстая пенька обвила ему предплечья. В тот самый миг, когда он понял, что веревку пропустили через его оковы, его потянули наверх, и казалось, его руки вот-вот вывернет из суставов.

Ах вы, пожиратели ящериц, злополучные сыновья дрянных отцов!

Он тяжело ударился о корабельную обшивку по пути наверх. Раз, другой. И с каждым ударом ему все труднее становилось дышать. Когда его с глухим стуком швырнули на палубу, он лишь кое-как втянул немного воздуха в ноющие легкие.

— Смотрите, чтобы не скатился через край. — Очевидно, старшему на их корабле было мало дела до Кейды помимо этого.

— Да куда он укатится, если не в темницу нашего господина. — Твердая стопа уперлась в его крестец. Эта шутка вызвала всеобщий смех. Пронзительная флейта воззвала к гребцам. Кейда почувствовал, как затрепетало под его щекой дерево.

Последние три дня с утра до вечера ты только и желал так или эдак попасть через пролив, не правда ли? Сколько раз твердил тебе отец: «Будь осмотрителен в желаниях, а не то вдруг сбудутся»? Отлично, так чего мы желаем теперь? Быстрого конца этого неудобного плавания или какой-нибудь маловероятной задержки, прежде чем ты пред-

станешь перед Шеком Кулом? Да и приведут ли тебя вообще к Шеку Кулу? Может статься, ты просто лишишься головы по слову начальника стражи, как только Године опознает в тебе вора и обманщика.

Хотя, впрочем, за такое они вполне могли прикончить тебя там, на пляже. Это бы вернее предостерегло любого другого нищего бродягу от воровства и вероломства. Похоже, тебя и впрямь бросят в темницу. И если тебя станут охранять меченосцы вождя, разве ты не сможешь завязать с кем-то из них разговор, найти какую-то зацепку насчет того, как в их владении дали отпор волшебству, не навлекая на себя подозрений? Самое меньшее, ты сможешь узнать какую-то правду о событиях на юге, сообщенную через птичью почту или вестника, не оскверненную бесконечной передачей из уст в уста.

Хрупкая надежда заставила его воспрянуть духом, когда он почувствовал, как под днищем триремы скрипит галька.

— Спускайте его за борт.— Голос корабельщика звучал устало.

— Прямо так? — Чьи-то руки схватили его за руки и за ноги, качнули назад, а затем вперед, словно собираясь швырнуть в море. Непроизвольное и тщетное сопротивление узника вызвало очередной всплеск веселья, который чуть погода заглушили отзывающиеся у него в ушах неистовые удары сердца.

— Давайте сюда.— Даже когда им надоело веселиться за его счет, его страх не прошел полностью. Его перекидывали с рук на руки, точно тюк ткани, в краткие мгновения между одной хваткой и другой он ощущал лишь воздух между собой и морем внизу.

— Снимите цепи,— приказал вдруг кто-то с веселой уверенностью.— Мы его не понесем.

Поставленный прямо, Кейда пошатнулся, так как у него кружилась голова. Ножные оковы упали. Он попытался встать тверже и ровней.

— Вперед,— приказал тот же уверенный голос, и рука, направляя его, твердо легла на плечо.

Очень хорошо, раз ты настаиваешь. Пока жаловаться не на что. Не убили на месте, и радуйся.

Он стал неловко нащупывать дорогу пальцами ног. Как можно медленней, но не так, чтобы вызвать нарекания. Галечник пляжа вскоре сменился твердой сырой землей изрядно протоптанной дороги, и Кейда почувствовал, что они идут в гору.

Меня ведут на двор Шека Кула?

— Сюда. — Рука внезапно повернула его. Скрип голышей, случайно упавших на каменный порог из-за двери, вызвал невольную дрожь, пробежавшую по спинному хребту Кейды. Затем ворота тяжело захлопнулись позади него, раздавив надежду, точно тяжелая стопа — нежный цветок. Внутри крепости земля была вымощена принесенными с берега крупными камнями, и Кейда споткнулся, ушиб палец и оцарапал край стопы чем-то острым. Он закусил ткань, напиханную ему в рот, чтобы унять боль, и, что еще хуже, горькую досаду.

— Куда его? — спросил кто-то новый.

— Нижний уровень, в сторону моря. — С этими словами уверенный голос, который его сюда сопровождал, стал удаляться к воротам. Они отворились, и через них долетел неожиданный смех, так же внезапно оборвавшийся, когда их закрыли.

— Если можно, без глупостей. — И новый страж развязал закрывавшую лицо тряпку. Кейда стал хватать ртом воздух, передергиваясь отчасти из-за яркого света, отчасти от ощущения, что на голове не хватает половины волос.

Страж принялся изучать его с откровенным любопытством, и Кейда невольно ответил тем же. Меднокожий, с коротко подстриженной, тронутой сединой бородкой, одетый в замшевый кожаный панцирь с бляхами, похожими на шляпки гвоздей, вместо кольчуги, зато в отделанном медью изукрашенном круглом шлеме и начищенных до блеска наручах, самых великопленных, какие когда-либо видывал Кейда.

Значит, долгая служба принесла тебе более легкие обязанности, чем бегать по пляжам и ударами приводить к повиновению оборванных скитальцев вдвадцатером против одного. Такое ответственное положение, вероятно, означает, что ты можешь выбить из меня дух, не подняв особого шума.

Кейда поспешно опустил взгляд. Тюремщик что-то невнятно хмыкнул.

— Следуй за мной. — Повернулся и двинулся прочь, даже не подождав, чтобы удостовериться, что ему повиновались. Кейда стоял в упрямом молчании, наскоро оглядываясь. Наверху над двумя рядами закрытых плотными ставнями и завешенных изнутри окон виднелись стрелки, наблюдавшие за ним с парапета на крыше, луки наготове, полные стрел колчаны на поясах. Кто-то невидимый презрительно рассмеялся.

Сколько у меня времени, прежде чем вы откроете стрельбу?

Решив, что проверять не стоит, Кейда поспешил за тюремщиком, выдернув тряпки у себя изо рта. Страж уже дошагал до какой-то двери и перебирал ключи, свисавшие с пояса на цепочке. Отворив дверь, за которой нисходили во тьму ступени, он исчез. Кейда последовал за ним, моргая, неловко протягивая вбок скованные руки, чтобы ощупывать стену в темноте.

— Сюда. — Тюремщик засветил неряшливую сальную свечу в фонаре и повел Кейду по лишенному окон коридору мимо череды окованных железом дверей. Единственным звуком был стук сандалий тюремщика по каменному полу и более мягкое шлепанье босых ног Кейды. Кейде было зябко, но не из-за прохлады в темном подземном проходе.

Если здесь есть другие узники, они либо уже не в состоянии поднимать шум, либо темницы достаточно крепки, чтобы наружу не долетел даже крик.

Тюремщик остановился, подняв ключи ближе к фонарю, чтобы лучше рассмотреть их. Затем опять невнятно хмыкнул, как во дворе наверху, и отпер дверь, ничем не отличавшуюся от тех, мимо которых провел Кейду.

— Входи.

А мне ничего другого и не остается, приятель.

Кейда подчинился. Камера хотя бы оказалась чистой и сухой, со стенами плотной каменной кладки и голым полом. Немного света проникало сквозь решетку наверху в одной из стен. Кейда понял, что за решеткой находится внутренний двор.

— Давай-ка руки. — Тюремщик потянулся к ручным оковам Кейды, держа наготове новый ключ. Сняв с его запястий тяжелую стальную цепь, страж задумчиво взмахнул ею. Кейда приготовился к защите от удара, но тюремщик всего-навсего

невнятно хмыкнул в третий раз и покинул камеру. Громкий удар тяжелой двери о косяк прозвучал столь же обреченно, сколь и поворот ключа в хорошо смазанном замке.

Что теперь? Ждешь, когда о тебе угодно будет вспомнить всемогущему Шеку Кулу? Он хочет, чтобы ему погадали по руке? Или тебя бросили сюда, чтобы посмотреть, как скоро тебя убьет страх или жажда? В любом случае, здесь с тобой не очень гостеприимны. Голый каменный пол и ничего мягкого под боком. Какой-нибудь падальщик с пляжа уже наверняка присвоил твой мешок, возможно даже, та убогая соплячка. Которая тебя предала. Она, несомненно, считает, что ее хорошо наградили, бедная дуручка.

«Что нельзя исправить, можно вынести». Сколько раз повторял тебе это Дэйш Рейк. Забудь о том, что потерял, и подумай, на что еще можешь рассчитывать. Одежда рваная, но еще годная. Жалкое подобие ножа пропало, выпало из ножен или отобрано кем-нибудь из воинов Шека Кула. И так и эдак — невелика потеря. Едва ли ты прорвешься отсюда с боем, положившись на клинок, который художно режет здешний пышный хлеб. Огниво все еще при тебе, хорошо, хотя что тут зажигать? Э, нет, есть кое-что, подсохнет и будет готово.

Встав на колени, он развернул на полу тряпку, которой ему затыкали рот. После этого его движения замедлились. Он провел дрожащей рукой по бороде. Затем его пальцы сомкнулись вокруг костяной завитушки, все еще висящей на шее. Хотя бы она осталась при нем.

Он не мог заставить себя сесть и задуматься, что принесет следующий извив прихотливой судьбы. И он стал шагать по камере в длину и в ширину. Десять шагов на восемь. Он измерил каждую стену в обоих направлениях, чтобы убедиться в точности. Встав под решеткой, он попытался дотянуться до нижнего края. И не смог. Отступив на шаг, он попытался оценить высоту, прикинув, насколько он не дотягивается и как высоко потолок.

Как только он сосчитал все, что мог придумать даже объем воды, необходимый, чтобы наполнить камеру, он вздохнул и сел под решеткой, запрокинув лицо. Ему был виден лишь

кусочек облачного неба над пустым двором крепости. Он пристально изучил этот серый прямоугольник. Кто-то прошел мимо решетки. Кейда напрягся. Но нет, ничего. Мало-помалу он перестал обращать внимание на мимолетные тени, они даже начали слегка раздражать его тем, что закрывали вид.

Позднее небо потемнело, и начался дождь. Сперва он лишь мягко постукивал, затем всю хлынул на булыжник двора. Кейда стоял под решеткой, страдая от запаха влаги, оживившего воздух. Горло у него болело от жажды, но крепость Шека Кула выстроили как должно, и вода в подземелья не просачивалась. Все бесчисленные меры воды попадали в скрытые емкости. Едва ли капля упала на потное и грязное лицо узника. Пав духом, он сел, постаравшись забыть о небе стального цвета и голосах, которые то и дело раздавались и обрывались во дворе.

Два пышные хлеба, из тех, что встречаешь сплошь и рядом в этих северных краях, упав сквозь решетку, застigli его полностью врасплох. Одно из двух легких колечек отскочило от его головы. Ему удалось поймать второе, прежде чем он обнаружил, что какой-то плод летит следом и с мягким шлепком ударяется об пол. Руки узника зашарили по полу, разорвали кожуру и впихнули мякоть в рот. Он облизал сок, побежавший по пальцам. Нежность плода, пусть даже отмеченная привкусом гнили, оказалась невыразимо желанной для пересохшего рта. Он был слишком голоден и слишком хотел пить и съел три штуки, прежде чем понял, что это плоды лиллы.

Перезрелые и такие побитые, что свинья в загоне отворотила бы от них морду. Сколько всего созрело теперь, когда идут дожди, а мне не смогли предложить ничего лучшего? Да и с чего бы? Или они здесь, возможно, в точности знают, что делают. Перезрелая лилла или совершенно пустой желудок.

Кейда скорчил рожу. Обследование камеры показало, что здесь нет и отверстия для отвода влаги. Он отложил в сторону два оставшихся плода и заставил себя есть хлеб, жуя его медленно в надежде, что тот предложит желудку какую-то запоздалую защиту. Но мало-помалу обнаружилось, что ему хочется съесть и последний плод, чтобы унять нестерпимую жажду. Отложив остро пахнущую пустую кожуру, Кейда глубоко вздохнул.

Что теперь? Обратно в бесплодный круг мрачных предчувствий и отрицания, по которому уже достаточно блуждали твои мозги? Бесплодный? Нет, теперь в нем есть плоды лиллы.

Пища несколько воодушевила его. Он улыбнулся своей нехитрой шутке в сгущающихся сумерках. Потянувшись за хлопковой тряпкой, он как смог вытер бороду. Одно из семечек лиллы упало на пол.

Семя. Новое начало. Что всегда говорил Дэйш Рейк о неожиданных приметах? Не упusti ее, ты вполне можешь сейчас найти все предостережения, которые тебе требуются. Тем более — на твоё время пока никто и ни для чего не посягает, великий владыка.

Двигаясь во тьме на ощупь, Кейда собрал и остальные семечки, которые непроизвольно выплюнул, тщательно разложив их на сложенном хлопке. Вновь устроившись под решеткой, он стал глядеть в небо и ждать прихода ночи. И между тем представил себе нижний чертог в небесной башне Дэйшей, обращая мысленный взгляд к верхней книжной полке к востоку от двери.

Целую эпоху назад Дэйш Джараи начал первый дневник знамений и толкований, тщательно записывая каждое пророчество и разбирая его в свете последующих событий, чтобы те, кто придет после него, могли найти руководство к постижению воли небес. Целый год отнимает у небесного Топаз передвигание из одной дуги небес в следующую, и он совершает полный оборот по небесной сфере за промежуток не менее чем в пятьдесят шесть раз больше того, что миновал со дней Дэйша Джараи. Что-то об этом должно быть в одной из книг, тщательно оберегаемых от сырости и разрушения, что соотносимо с твоим нынешним затруднением.

К тому времени, когда стемнело, Кейда перебрал свои воспоминания о содержании каждого тома на каждой полке того первого вместилища книг и перешел к неудобным и тяжелым книжищам, сложенным под окном, переплетенным в выдавшую виды потрескавшуюся кожу. Лишь прохладное дыхание ночного воздуха, проникшего через решетку, отвлекло его от попытки вспомнить в точности, что же такое усмотрел Дэйш Раи в необычно высоком приливе в самом начале поры дождей.

Кейда поднял взгляд. Небо было ясным, и, как бы мало его ни попадало в оконце, но узник видел треть его, и в ней оказались обе луны.

Это само по себе должно быть знамением. Как часто удастся так хорошо увидеть звезды посреди дождливой поры?

Кейда глубоко вздохнул и закрыл глаза, чтобы отчетливей представить себе все ночное небо, включая и две трети, что были недоступны ему через окно. Открыв глаза, он потянулся к обрывку кожуры лиллы с остатками мякоти, вполне пригодному для того, чтобы начертить круг на гладких плитах, слабо поблескивающих в тусклом свете, проникающем сквозь решетку. Удостоверившись, что он верно определил страны света, Кейда умело пометил дуги земной окружности. Отстранившись, он рассчитал положения звезд. Раз. Другой. Считая на пальцах, как Мезил на уроках, твердо решив не допустить ни одной ошибки. Сердце забилось ускоренно, он опять поглядел в небо. Да, он правильно определил дни. Рыба-парусник отчетливо видна позади Большой Луны. Выше в небесах Ястреб Йора следует за Малой Луной, заново выступившей в путь по небесам лишь ночью накануне.

Еще одно новое рождение Жемчужины, самого могучего талисмана Дэйшей.

Кейда подхватил собранные им семена лиллы и разместил их в круге. Как ни малы они, а сгодятся, чтобы обозначить положения небесных самоцветов. Он изучил получившийся рисунок, и дрожь пробежала по его позвоночнику.

Рубин, камень силы и решительного действия, отваги и крови, попал в дугу вражды. С обращениями звезд за дни, миновавшие после его разлуки с Джанне, Ястреб Йора также передвинулся в эту часть неба. Эта могучая птица — грозный хищник, предостережение о противниках, призыв к бдительности со времен, куда более ранних, чем захватчики осмелили гордое созвездие, обратив в отвратительных уродов неповинных журавлей Чейзена.

У тебя сильные враги, готовые воспользоваться преимуществом, чуть ты выразишь любую слабость. Опасайся и знай свои ограничения. Хотя Рубин завтра выйдет из этой дуги. Так что следи за временем.

Малая Луна соединилась с Рубином в этой самой дуге. А Большая стояла с краю своей дуги. Она убывала, и Рыбапарусник плыла в ту же область небес, а это часто бывает знаком большой удачи и преимущества. Опал, камень, с которым связывают Большую Луну, означает истину, подкрепленную посланием.

Твоя сила убывает, твоя свобода ограничена, твоей удаче не следует доверять. Ищи утешения.

Но что в Малой Луне, небесном соответствии Жемчужине, источнику всего богатства владения Дэйш, пусть даже она в дуге вражды? Малая Луна прибывает. Не означает ли это, что сокровенная сила возвращается на острова Дэйша, тогда как Рубин говорит об упадке? Кейда поместил еще одно семечко лиллы в дугу Дружбы: небесный Топаз, помощь и союз. Неспешно передвигаясь с течением лет, Топаз был самым могучим из путеводных знаков, содействовавшим новой дружбе и вдохновению. В настоящее время за ним стояло Копье, властный знак мужской доблести и силы в бою. Вместе с большой Луной он охватывал Рубин, запирая его в дуге вражды.

Твоя сила может быть ничтожна нынче, но оставайся тверд, и другие придут к тебе на помощь. Храни бодрость, ищи новых озарений.

А что с небесными Аметистом и Алмазом? Кейда опять задрожал. Аметист, камень спокойствия и смирения, уходит за оком в дуге смерти, где рассыпались звезды Сети, знака неволи и стеснения. Не означает ли это, что ему суждено умереть в этой темнице? А что еще может поведать ему Аметист? Этот камень — талисман против любого отравления, от простого хмельного пойла до упоения властью. Кейда слегка нахмурился, вспомнив один нелегкий разговор с Дэйшем Рейком.

«Сеть — это знак, который в одно и то же время может предвещать и хорошее, и дурное. Неволя — это худая участь для рыбы, но полная сеть позволяет детям рыбака наполнить желудки. Удостоверься, что ты всегда видишь все грани знамения. Сеть — один из тех знаков, на которые властитель всегда должен обращать особое внимание. Сеть охотника усмиряет дикого зверя, будь то кошка из джунглей или буйствующий водяной бык. Сеть —

путеводный знак для тебя, если когда-либо столкнешься с большими беспорядками в своем владении, с бедствием, что влечет за собой общее смятение».

Кейда сглотнул. Ничто не может вызвать большего смятения, чем чародейство. Хотя у смерти множество лиц, уж это-то наверняка. Приход ее может быть вызван неутоленными нуждами. Или она может оказаться единственным средством обеспечения требований жизни, наследования, вещественных благ или чего-то еще.

Не означает ли это, что твоя смерть может быть ценой спасения твоих людей? Но ты мертв, насколько знают все, кроме Джанне. Не следует ли понимать это как указание на благосклонность судьбы, а именно на то, что притворная смерть и впрямь даст тебе средства одолеть волшебство захватчиков?

Задержав дыхание при этой новой мысли, он осознал, что Аметист оказался на прямой линии, пересекающей небесный круг и идущей к нему от Топаз. Алмаз висел прямо за Аметистом, в дуге небес, говорящей о детях. Звездный выгиб Чаши также был здесь, олицетворение питания, любви и безопасности. Алмаз, сильнейший из всех оберегов против разложения, против зла, особый камень для правителей, содействующий ясности цели и верности делу.

То должен быть знак для Сиркета, знак, что мой сын достойно справляется с ношей, доставшейся ему вследствие моей мнимой смерти.

Если эти камни образуют три угла квадрата, должно найтись что-то значительное в последней четверти. Кейда заметил, что его рука дрожит, когда ставил на место последнее семечко лиллы. Сапфир, вот он, четвертый угол. Самый медленный, самый таинственный из всех небесных камней, переходящий из дуги в дугу всего раз в семь лет. Воплощение будущего, мудрости, истины. В настоящее время он находился в дуге богатства, а под этим подразумевалось куда больше, чем все, что имеешь вещественно. Богатство владения — это его люди, точно так же, как истинное богатство мужчины — его семья. Мотыга — главное созвездие в этой дуге, пусть оно скрыто за оком в нынешнюю пору. Мотыга — это еще одно олицетворе-

ние мужской силы, но созидательной, и она больше напоминает о выгодах работы сообща, нежели о том, что обретают в бою.

Эти четыре камня, несомненно, охватывают твоё прошлое, да и будущее. Тебе стоит усмотреть здесь обещание восстановления, возврата того, что ты потерял. То может быть твоё будущее, если ты так или иначе сможешь увидеть свою тропу, пока эти звезды не взойдут над окоемом.

Кейда расправил плечи. И в этот самый миг задубевший от дождя кожаный ремень впился ему в загривок. Кейда снял через голову костяной завиток на ремне. Теплый в ладонях и почему-то мягкий, загадка не меньше, чем то, откуда он взялся у рогатой рыбы, морского создания, и все же теплокровного, с красной кровью в жилах, твари, которая рождает своих малышей и кормит их молоком. Его пальцы проследили зарубки, которые вырезал он в кремевой кости, убывающие к острой оконечности.

Хвост дракона, любимый образ гадателей, означающий скрытое и незримое. Вот чем это выглядело для меня, вот как я это обработал, в точности как всегда учил меня Дэйш Рейк. Это показалось ничтожным знаком, побуждающим играть прорицателя. Как много блуждающих предсказателей судеб постигло всю сложность знания, стоящего за этой верой? Немногие, а те, что постигли, будут по малкивать, если им дорога собственная шкура.

Он положил кость в свой тускнеющий круг, и завиток засиял в неясном свете. Каждая луна отмечала драконью голову в этом древнем и редко совершаемом чтении небес. Сперва Большая Луна, как полагается согласно потемневшему пергаменту среди тех, что хранятся в нишах библиотеки обсерватории Дэйшей, закопченному и запятнанному, караули на котором расплылись там, где соскребли землю с телячьей шкуры. Кейда вспомнил свое недоверие, когда Дэйш Рейк впервые познакомил его с этими словами:

«Опал есть талисман против драконов земли и огня. Когда Большая Луна удерживает внимание нечестивого зверя, он отворачивается от того, что позади него. И точно так Жемчужина — талисман против драконов воздуха и воды. Малая Луна притягивает глаз чудовища и вынуждает его забыть о

том, что может появиться со стороны его хвоста. Здесь может таиться возможность для тебя во времена испытаний».

Драконы. Твари, связанные с волшебством, воплощение распада, вызываемого колдовскими действиями и заклинаниями. Не может ли это древнее толкование показать ему что-то, что поможет поиску средства против колдовства, угрожающего его людям?

Против дуги, где плыла Большая Луна, был тот предел небес, где знамения говорят о делах отдельного человека, во зло или на благо, по отношению к другим и о браках. Кейда покачал головой в немом смущении. Морской Змей был созвездием, попавшим на этот участок, олицетворение загадочных, темных, незримых сил.

А как насчет другого дракона? Кейда подвинул костяной завиток, помечая дугу окружности, посвященную ежедневным заботам и телесному здоровью, там нынче цвел Визайл против Малой Луны. Но то было созвездие, почти полностью связанное с женскими делами. Не означает ли это просто, что Джанне и Рекха выполняют свои обычные обязанности, несмотря на угрозы вокруг? В этом он никогда не сомневался. Дальше ему не хватало вдохновения, и новое воспоминание вызвало из тьмы слова его отца:

«Долг вождя — наблюдать за небом, наблюдать за птицами в воздухе, за животными, дикими и ручными, искать всякого знака и приметы, которые могли бы намекнуть на будущее его людей. Ты должен читать и запоминать все, что можешь, по записям, которые вели наши праотцы, и приобретать заветнейшие и могущественнейшие камни-талисманы воспроизведения таких записей из иных владений. Не доходи до надменности, которая побудит тебя пренебречь чужой мудростью, чьей угодно, но ищи любое и всяческое знание смиренным и открытым умом». Затем Дэйш Рейк рассмеялся и хлопнул сына по плечу, стерев оба рисунка, земной и небесной окружностей, которые с таким трудом вывел в песке, чтобы урок вышел наглядным. «С другой стороны, если ты тратишь слишком много времени, зарывшись с головой в книгу или обратив лицо к небесам, ты упустишь то, что происходит вокруг тебя. Если ты занимался тем или другим достаточно, чтобы у тебя

затрещала шея, значит, ты делал это слишком долго. Погоня за тайным смыслом и толкованиями может привести к головокружению и обессилить тебя, как собаку, пытавшуюся поймать собственный хвост. Постигни, когда надо остановиться. Назначение прошлого и будущего лишь в том, чтобы служить настоящему, и ничто иное, как твои люди здесь и сейчас — то, за что ты прежде всего отвечаешь».

Единственный, чья жизнь зависит от тебя сейчас, это ты сам. Что ты можешь? Попытайся хорошо выспаться ночью, чтобы утром быть как можно бодрее, какие бы испытания ни ждали тебя с зарей.

Кейда смел семена прочь во тьму, подхватил костяной драконий хвост и опять повесил его на шею. Затем двинулся прочь от решетки, из-за которой непрестанно тянуло сквозняком, и задумался, как бы с наибольшими удобствами устроиться на этом твердом камне. Добравшись до угла, ближайшего к двери, он сел спиной к тому месту, где соединялись две стены. Подтянул колени, уперев в пол своды стоп, и сложил руки близ лона. Чуть откинувшись назад, оперся головой о стену и закрыл глаза.

Похоже, спать здесь будет непросто, так что же отвлечет меня от неудобств? Расчеты троп небесных самоцветов, этим сейчас стоит заняться. Где будут другие, когда Рубин в следующий раз соединится с Ястребом Йора?

Глава 14

С этим ничего не поделаешь. Признай, что ты пробудился. Все-таки неважный сон лучше, чем никакого.

Кейда открыл глаза, встал на ноги и начал расхаживать взад-вперед от двери камеры до окна, избавляясь от оцепенения в ногах и в спине. Прямоугольник неба наверху бледнел. Он прислушивался к отдаленным шумам просыпающейся крепости. Несколько теней проплыло мимо решетки. Часовые. Медленный шаг, недолго уже до еды, а там и сна, который они заслужили, неся дозор всю ночь. Другие прошли в противоположном направлении, ускоряя шаг, негромкие голоса оживлен-

но произносят приветствия. По их голосам Кейда понял: их нынче что-то занимает.

Сомневаюсь, что они обсуждают погоду.

Чей-то голос ответил на его вопрос:

— Получит то, что положено, не сомневайся. Твое дело — проверить расписание прихода и отбытия кораблей.

Дальнейший разговор затерялся в шуме обутых в сандалии ног. Бряцание ключей возвестило о ком-то, посланном вытащить Кейду из его дыры. Он стоял под решеткой, когда замок щелкнул, и дверь распахнулась. Вчерашний тюремщик стоял на пороге, подняв фонарь, чтобы увидеть, где может быть узник, прежде чем отважиться войти. Его нос недовольно сморщился, когда он уловил утренние последствия поедания перезрелых плодов лиллы. Стараясь избегать того угла камеры, он бросил на пол простые хлопковые рубаху и штаны. Сквозняк рассеял во всех направлениях сухие семена лиллы.

— Умойся и переоденься.— Страж отступил, пропуская в помещение более молодого человека с миской и кувшином воды.

— Спасибо.— Кейда не смог полностью скрыть изумление. Сорвав свои отвратительные лохмотья, он отодрал от старой рубахи самый чистый кусок, чтобы использовать вместо полотенца. Последовали новые неожиданности. Вода в кувшине была теплой, а на дне миски стоял небольшой сосуд жидкого мыла. Даже при отсутствии возможности вымыть волосы и бороду это было немало по сравнению мытьем в море. Видя, что тюремщик вопросительно косится на него, он закончил свое омовение. Решив, что теперь не стоит вытираться дурно пахнущим обрывком старой рубахи, Кейда натянул новую на влажное тело и прошел в дверь, высоко держа голову.

— А теперь без глупостей,— небрежно предостерег тюремщик, когда они стали подниматься по ступеням во внутренний двор.

Мы оба знаем, что обойдется без них. Вы владеете украшенными самоцветами мечами, а если бы и нет, уж вы бы справились с одним беззащитным бродягой.

Затем шаг его сбил, когда повеяло чем-то обманчиво-знакомым от того, что вооруженный человек идет на шаг позади него.

Ты выздоровел, Телуйет, и охраняешь моего сына?

— Открывай! — крикнул тюремщик другому охраннику помоложе. — А ты вперед. — Его голос прозвучал несколько нетерпеливо, когда он подтолкнул Кейду сзади.

Полагаю, один вопрос не ухудшит мое положение..

И он повернулся к стражу.

— Куда мы идем?

Улыбка стража явила редкие зубы среди седой бороды.

— Мой повелитель желает тебя видеть, — он произнес это со всей учтивостью сопровождающего, отвечающего высокопоставленному гостю. Кейда опять бросил взгляд на мечи воинов. Концы парных рукоятей, оплетенных шелковым шнуром, чтобы хватка была крепче, представляли собой золотые головы ястребов с глазами-изумрудами — этот камень не талисман, но все же наделен такими достоинствами, как отвага и верность.

— Я понимаю, какую честь он мне оказывает, — ответил Кейда не без той привычной для него властности, о которой, как он предполагал, он успел прочно забыть.

Зачем ты это говоришь?

— Тогда окажи моему повелителю честь, не заставляя его ждать. — Рот стража дернулся в язвительной ухмылке, одно лишь передергивание плеч оказалось намеком на поклон, которого мог бы ожидать почетный гость.

Не думаю, что могу на это ответить, если быть благоразумным.

Кейда послушно двинулся по плавному изгибу тропы, ведущей на главный двор. Он поднял подбородок, не замечая слегка любопытных взглядов этих шекских островитян, которые уже встали и принялись за утренние труды. Сперва тропа казалась бесконечной: зловещие черные ворота, сколько ни шагай, не становились ближе. Затем совершенно внезапно суровая стена из серого камня возникла перед ним, едва ли хоть чуток темнее, чем облачное небо наверху. В тени крепости было достаточно утренней прохлады, чтобы он задрожал.

— Отворите именем Шека Кула! — Его страж поднял глаза к вершине грозной сторожевой башни, положив ладони на рукояти мечей. Кейда сжал каждую мышцу в теле, чтобы унять пробиравшую до костей дрожь, грозившую рассыпать его решимость на кусочки. Отдаленные громовые раскаты ничем не помогли ему.

Предостережение. К добру или к худу? Из какой дуги окружности оно исходит? Какие иные приметы могут располагаться в той части небес, на которую мне надлежит смотреть?

Человек с исхудалым лицом и настороженными глазами отворил малую калитку, устроенную в тяжелой створке окованных железом деревянных ворот.

— Добро пожаловать в дом Шека Кула.

Кейда ответил на приветствие кивком. То было нечто среднее между снисходительностью вождя и благодарностью просителя, а затем ступил в калитку.

Да ты, выдать, не простой страж. И дело не в твоём убранстве. Чей-то раб-телохранитель?

Меченосец, бдительно стоявший в тени башни, был облачен в тонкой работы кольчугу, начищенную до зеркального блеска, и подпоясан широким кожаным ремнем, почти скрытым оправленными в серебро камнями и четырьмя кинжалами в ножнах. У каждого витое лезвие, чаще прочих встречающееся в этом владении, и рукоять из непрозрачного зеленого камня, явно обработанного одной и той же рукой, все в виде голов различных зверей: лесной кошки, водяного быка, крюкозубого кабана и лоала. Мечи равного великолепия висели у бедра каждого.

Человек этот стоял, ожидая, когда Кейда закончит рассматривать его с таким простодушным любопытством. У него было чуть скупающее лицо.

— Сюда.

Молча, хорошо скрывая всякую любознательность, не столь значительные стражи у ворот и на внутреннем парапете стены следили, как они проходят. Кейда следовал за впечатляюще вооруженным телохранителем, а тюремщик двигался позади него и попадал с ним в ногу. Они миновали одноэтажные жилища, выстроившиеся вдоль стен двора, видимо, предназначенные для рабов и домашних слуг Шека Кула. Новые и все же знакомые запахи и звуки повсюду вокруг, и на Кейду неожиданно снизошло спокойствие.

Более обширные и роскошные покои, чем те, какими мог бы похвастаться любой из спутников Дэйшей, хотя суета по поводу завтрака и гул о том, какой предстоит день,

кажется, точно такие же. Или они изнывают от любопытства — что нужно Шеку Кулу от тебя, зачем безвестного гадателя ведут предстать перед таким могучим властителем? Стоит предположить, что он не велит тебя немедленно повесить: он мог это сделать во всякое мгновение с тех пор, как тебя схватили. Такой благой удачи пока вполне достаточно. Впрочем, хотел бы я знать, насколько хватит терпения у этого любезного тюремщика.

Кейда слегка замедлил шаг, пытаясь, пользуясь случаем, оглядеть просторные сады Шека Кула, обильно засаженные тщательно лелеемыми кустами и деревьями. Кейда признал красное копье, огнемал и три разновидности наказки. Ни у одного из кустов не было непорядка ни с одним прутиком, ни один лист не нарушал тщательно оберегаемого совершенства богатой черной земли клумб внизу. Тропы между клумб бросались в глаза своей бледностью. Их окаймляли кремовые голыши, принесенные с некоего отдаленного пляжа. Воины и Кейда достигли развилки. После поворота отменно вооруженный раб провел их мимо полного воздуха птичьего жилища из позолоченного дерева лиллы. Крохотные бурые вьюрки вира ссорились и дрались в пыли, и Кейда еще больше замедлил шаг, наблюдая столько времени, сколько мог, хотя ни одна из птиц не делала ничего, что можно было бы безошибочно счесть знаком.

Раб, шагавший впереди, тоже пошел медленнее, не оглядываясь, но лишь настроенный на шаг того, кто за ним следовал.

Исключительно хорошо обученный раб-телохранитель.

Человек позади Кейды многозначительно кашлянул, и улыбка Кейды угасла. Они двинулись по новой тропе, мимо широкой белой чаши фонтана с мраморным древом кантиры, сияющим посередине. Главное строение в крепости располагалось впереди, каждый его этаж отмечали тесные ряды закрытых ставнями окон.

Центр могущества Шека Кула, крепость, где его власть поддерживается хитростью и проницательностью его жен, где дети растут в понимании того, что есть их наследие.

Кейда подобрался, но вскоре споткнулся, едва не упав, когда раб впереди внезапно повернул, огибая твердыню. Позади нее сады раскинулись безыскусными излучинами и восхитительными

беседками, освеженными поцелуями дождя, все цвело благодарным и пестрым празднеством. Зрелище было умело продумано, чтобы смягчать душу и завораживать, хотя раб казался равнодушным к здешним чарам и знай шагал себе вперед, к длинному и высокому строению, поставленному среди моря белой гальки. Горло у Кейды сжалось, кровь забурила в жилах.

Отменно вооруженный раб отворил дверь и встал в сторону, пропуская Кейду вперед. Сопровождаемый следующим за ним по пятам пожилым тюремщиком, он вошел. Раб осторожно затворил дверь и встал перед ней, засунув руки за пояс.

Ты не удалишься, пока твой господин сам тебе этого не прикажет.

Пожилый тюремщик прошел мимо Кейды, не оглянувшись назад. И зашагал по главному арочному проходу большого пустого зала. Мерные удары его ног по блестящему черному мрамору эхом отражались от стен. Раб взошел по ступеням и встал у престола из черного дерева, выложенного серебром, а поверх него украшенного тонкими зигзагами кружев из зеленых камней и бриллиантов.

Нефрит и малахит. И тот, и другой не особенно часты на южных островах. Нефрит может быть светел, как материнское молоко, или темен, как море в пору дождей, но любой оттенок его чудодейственно связывает нас со всей мудростью минувших жизней в наших владениях. Малахит — это камень истины и знания себя, и, конечно, серебро обеспечит спокойные и взвешенные суждения.

Беспорядочные мысли Кейды притихли, как только некто воссел на престол и поманил Кейду вперед одним-единственным медленным движением изогнутого пальца в золотом кольце. Шек Кул, вождь этого внушительных размеров и выгодно расположенного владения, был дородным мужчиной, одетым в длинную рубаху черного шелка и зеленые штаны, завязанные у щиколоток, как принято на севере. Свободный покрой его платья ничем и никак не скрывал могучие мышцы рук и бедер, точно так же, как его непринужденное поведение ничем и никак не убавляло властности его сурового лица. Темные глаза глядели вниз, на кончик крючковатого носа, тяжелые брови едва намекали на то, что готовы грозно сдвинуться. Кожа власти-

теля была темней, чем у многих, кого Кейда видел до сих пор в его землях, хотя все же оказалась заметно светлей, чем у Кейды. Свои грубые черные волосы Шек Кул похоже не стриг вовсе, а зачесывал назад, убирая с лица, и умащал до блеска, равно как и длинную, тщательно подстриженную бороду. Седина пробивалась и в волосах, и в бороде, и на висках.

Дэйш Рейк был бы теперь почти такого же возраста, останься он жив.

— Кто ты? — Слова Шека Кула пробудили новое эхо в пустом зале, голос его был не менее властным, чем лицо, глубоким и богатым, такой мог исходить лишь из этой могучей груди.

Кейда задержался в середине круга зеленых камней.

— Путник.

Шек Кул сместился, уперев локти в колени и поглядев сверху вниз на Кейду.

— Я слышу в твоём голосе отзвуки южных пределов.

— Я с юга,— осторожно согласился Кейда.

— Далеко ты забрался,— резко заметил Шек Кул.— Где твой дом?

Кейда тщательно перевел дух.

— У меня нет дома.

— Того, в который ты мог бы вернуться, надо полагать.— Густые черные брови вождя сошлись на переносице, теперь он уже хмурился в полную меру.— Ответь на мой вопрос. Какое владение вырастило тебя, неблагодарного и недостойного юнца?

— Я никогда не был ни неблагодарным, ни недостойным.— Кейда помедлил и умерил свою горячность.— Но моя юность далеко позади, и вряд ли я в нее вернусь.

— Ты отрезаешь свои ответы ловчей, чем мой повар кусочки перца от стручков. Очень хорошо,— продолжал Шек Кул неожиданно шелковисто.— Я буду играть в эту игру до тех пор, пока она мне не надоест. Ты можешь не возвращать свое прошлое, и тем не менее все и каждый из нас — итог всего, что мы испытали. Все, что мы сделали, образует звено в незримых цепях, которые связывают прошлое и будущее. Где твои цепи?

— В крепости на твоём берегу,— дерзко ответил Кейда.— Твои люди не усмотрели в них необходимости нынче утром.

— Я доверяю их суждению во многом.— Шек Кул улыбнулся, но не так, чтобы это внушило спокойствие.— Впрочем, они отяготят тебя достаточным грузом цепей, чтобы вынудить встать на колени, если я пожелаю.

— Что лишь правильно и подобающе для людей, состоящих на службе у столь великого властителя.— Кейда постарался, чтобы это прозвучало с надлежащим смирением.

Неожиданно Шек Кул рассмеялся.

— Не пытайся льстить или пресмыкаться, путник. У тебя это плохо выходит.

Кейда с покорностью наклонил голову.

— Путник с юга,— задумчиво продолжал Шек Кул.— Хотя бы это в твою пользу.

Кейда не смог удержаться и поднял глаза. Шек Кул больше не улыбался.

— Ты прибываешь на мои берега один. Никто не знает, откуда ты явился, а ты, разумеется, не заботишься с кем-то поделиться сведениями о себе. Ты говоришь, что намерен податься куда-то дальше, но никто не видит, чтобы ты разговаривал со вновь прибывающими корабельщиками. Никто не ведает, в какое владение ты пытаешься попасть. Все, о чем я слышу: ты гадаешь по руке, дабы наполнить брюхо, что я нахожу достаточно любопытным, чтобы желать узнать больше. Ты делаешь достаточно осторожные предсказания, как я слышу, ничего слишком ужасного и дерзкого, никаких обещаний схватить за хвост удачу под повернувшимися звездами. Любой пройдоха, играющий людскими слабостями, ибо предпочитает этим зарабатывать, тоже так может.— Вождь помедлил, проникательно глядя на чужеземца.— Однако такие бесстыдники куда хитрее тебя распространяют славу о своем даре, надеясь выжать насухо больше простаков и не скупясь на обещания и лесть. Они, как правило, не настаивают на откровенно неблагоприятных толкованиях, из-за которых могут остаться голодными и претерпеть обиды. Как иначе завоевать громкую славу, чтобы жить в праздной роскоши?

Кейда старался сохранять бесстрастное лицо, а рот держал на замке.

— Однако ты избегал мрачных предсказаний общего жребия,— продолжал вождь.— Насколько я был способен удос-

товериться, ты не предрек смерть от болезни, или голод, или даже участь утопленника никому, хотя те, кто странствует меж владениями, вправе страшиться такого конца. Благодарю тебя за то, что не бросил недобрую тень на мое владение своим искусством. — Издевка вождя ударила, точно хлыст. — Ты мог соблюдать осторожность в расчете на вознаграждение. Если бы ты делился своей мудростью, выговаривая слова по-восточному, а твои озарения обещали бы злополучие тем, кого несет через мои воды, ты бы исчез с моего пляжа прежде, чем прилив смыл бы твои следы. Я не позволю своим недругам посылать лжепророков, чтобы разносили уныние по моим землям, возбуждали недовольство и несогласие, где только могут. Я считаю, что даже самый ловкий, самый предательский язык можно укротить, лишив головы его обладателя. — Шек Кул замолчал, чтобы эта угроза зловеще повисла в пустоте зала. — Впрочем, я вынужден спрашивать себя, может, ты всего лишь ждешь случая, прежде чем начать сеять смуту на моих берегах, пускать слухи, порождающие сомнения в моем будущем и завтрашнем дне всех тех, кто мне верен? — Он откинулся назад с суровым лицом. — Тебе придется ответить на мой вопрос, путник, или мои люди выбьют из тебя ответ.

— Я не пророк, явившийся дурно говорить о твоём владении. — Кейда пылко потрянул головой. — Я только гадаю по руке, а рука может показать не больше, чем жизнь ее обладателя.

— Так говорят все умники, — согласился вождь. Голос его был холоден. — И те книги, которых никто вне самого тесного круга во владении, как правило, не видит. Это новая загадка для меня. Ты человек многих загадок, путник. Ты отрицаешь, что ты пророк, и тем не менее носишь на шее хвост дракона. Допустим, галерная крыса может носить его как побрякушку, если добыла такое в ходе какой-нибудь сделки. Но он столь же охотно сбудет ее за возможность наполнить брюхо и укрыться на ночь от дождя. Но ты ее не отдаешь, предпочитая довериться милости небес и выдергивая сорняки на участке с рекалом ради обеда. — Шек Кул откинулся на престоле удобнее, сложив невиданные ручки. — Новые загадки. Ты достаточно охотно ковыряешься в земле, но тебя куда больше

занимают целебные растения, чем те, которые наполняют голодную утробу. Вдобавок ты медлительный и неловкий работник. Ты понимаешь, как невыгодна для тебя подобная сделка? Почему ты не можешь принять то, что заслужил, с достоинством?

Кейда, уязвленный, не сдержался.

— Я вступаю в те сделки, в какие могу.

Шек Кул кивнул, как если бы бродяга ему что-то подтвердил.

— Да, но ты явно не привык зарабатывать тяжелым трудом. И к тому же, не привык удирать от меченосцев владения. Сезарре говорил мне, что ты ни на миг не заподозрил, не за тобой ли они явились, пока не угодил им в лапы.— Шек Кул кивнул кому-то позади Кейды, а рабу, охранявшему дверь улыбнулся.— Все прочие на берегу пустились наутек, либо зная, что виноваты, либо, если честно, из простого благоразумия. Есть вожди в здешних краях, которые прихлопнут любого одинокого чужака на торговом берегу за истинные или мнимые грехи. Индаи Форл говорит, что это помогает как наказывать негодяев, так и побуждать невинных к честности.— Он воздел руку.— Но я ухожу в сторону. Есть и другие загадки вокруг тебя, путник. Твой вчерашний напарник в работе, наверное, больше привык гнуть спину как поденщик, но ничуть не ладит с собаками. Да и немногие из бродяг это умеют. Почему еще, как ты думаешь, я так хорошо обеспечиваю жителей именно этого острова самыми крупными и неустрашимыми псами, каких могу вывести? А тебя мои звери ничуть не беспокоили. И вот что я у себя спрашиваю: где ты научился так обращаться с собаками, если не при дворе какого-нибудь вождя? И вот я еще раз спрашиваю у тебя: где владение, которое для тебя является домом?

Кейда сглотнул.

— У меня нет дома.

— Зато твои яйца на месте меж твоих ног. И это я сам могу сказать за тебя.— В голосе вождя звучало больше любопытства, чем одобрения.— Ты понимаешь, что рискуешь навлечь на себя беду, бросая мне вызов? Или хочешь, чтобы я передал тебя Сезарре и Делаи, чтобы вырвали у тебя правду? — Вождь опять кивнул в сторону двери, затем мотнул головой в сторону своего телохранителя, недавнего тюремного

стража.— Конечно, нет. Тогда почему ты так упорствуешь, готовый ко всему?

Вопрос был явно не праздный. Кейда постарался как можно тщательней выбрать слова.

— В настоящее время у меня нет дома. Нет владения. Очевидно, прежде они были. И есть те, кого я оставил. Я бы не хотел видеть, как они страдают из-за меня.— И как только эти слова сорвались с губ, он о них пожалел. Шек Кул одним скорым движением подался вперед.

— Ты совершил что-то, что грозит карой?

Делаи обхватил пальцами рукоять меча прежде, чем что-либо подумал, а рассыпчатый перезвон кольчуги у дверей дал повод предположить, что Сезарре сделал то же самое.

Нет, если Године отплыл на север, как и намеревался.

— Кажется, ты говоришь правду, да только не всю правду, насколько я могу судить.— Шек Кул опять расслабился на престоле.— У тебя примечательные глаза, ты это знаешь?

Кейду ошеломила столь внезапная перемена в разговоре.

— Прости, а что?

— Нет сомнений в твоём южном происхождении,— задумчиво протянул вождь.— Твоя кожа ясно свидетельствует об этом, равно как и твоя речь. Вдобавок ты лишь недавно на севере, никакой местный говор не примешался к привычному для тебя. Но эти глаза говорят о смешанном происхождении, здесь и вопроса нет.— Он отвлеченно взмахнул в воздухе отягощенной кольцами рукой.— В здешних краях, много ближе к варварам, мы видим любые оттенки кожи, волос и глаз, ибо сколько угодно рабов привозят сюда из беспредельных земель. И немало их везут на продажу дальше на юг. Ты не рожден от такого раба? А сам ты не раб? Это объяснило бы, откуда ты знаком с жизнью господского двора. Уж не послать ли мне на юг просьбу выяснить, не ищет ли кто из моих братьев-правителей беглеца, похожего на тебя? Такой беглец не иначе как совершил тяжкое преступление, если его занесло столь далеко на север. Я не склонен давать приют никому настолько провинившемуся, пусть даже он не совершил ничего, за что его ждала бы кара, в моем владении.— Слова были произнесены пронзительно холодно.

— Я не раб.— Кейда поднял подбородок и с вызовом поглядел на Шека Кула.

Прочти истину в моих глазах, если можешь.

— Нет. Будь ты раб, из тебя давно выбили бы твою заносчивость.— Неспешная улыбка изогнула великолепные губы Шека Кула.— Так откуда же у тебя эти примечательные зеленые глаза? Здесь у нас женщины помнят, что их долг — привлекать свежую кровь во владение, и многие избирают для такой чести своих собственных рабов-телохранителей. Не принято ли такое и в южных пределах? Обдумаем-ка эту мысль. Если счесть, что ты родился в доме вождя, это помогает разгадать немало загадок. И может даже раскрыть величайшую из тайн. Скажем, как это ты сумел начертить всю окружность небес, видя едва ли клочок неба? Да-да, уж не думаешь ли ты, будто я мог заточить тебя в темницу и не поручить кому-то наблюдать за тобой? Делаи был прямо в упоении, особенно когда ты положил в круг свой драконий хвост. Он знает достаточно, чтобы назвать вещи своими именами, хотя никогда не посмел бы попытаться заняться этим сам. А это склоняет меня в пользу твоего утверждения, что ты не раб.

Кейда похолодел, точно мрамор под его стопами. В его икрах возникла дрожь, и он не смог ее остановить. Вскоре весь он трепетал. Он уставился на зеленые завитки в черном полу и попытался обдумать, что сказать. Но в голову ничего не приходило.

— Смешанное происхождение с юга, где такое сравнительно редко среди свободных островитян, и все же никоим образом не раб, да еще и преуспел в изучении звезд как мало кто, кого я знаю.— И Шек Кул испустил тяжкий вздох.— Кто же это может быть? Ты не заморин, предоставленный воле волн, чтобы обеспечить права старшего брата. Второй сын, на случай, если, несчастье не обрушилось на голову наследнику, так, наверное? Или ты сын, воспитанный, чтобы поддержать старшую сестру, долженствующую перенять власть по праву старшинства, но вдруг стал не нужен, ибо сестра вступила в брак с мужчиной, способным приказывать меченосцам от ее имени? Нет, мне на ум не приходит ни одного владения, к которому применимо сказанное.— И вождь умолк.

Шум вплыл в высокие окна под самой кровлей великолепного зала. Кто-то пробежал по гравийной дорожке, за ним летел смех. Одинокий призыв флейты вызвал поток птичьих песен. Ветерок зашевелил знамена, висящие высоко под потолком, а шелковые треугольные флажки мягко затрепетали. В птичьей песне зазвучала легкая настороженность. Раздался еще один отдаленный раскат грома. Внутри большого зала все приумолкло в ожидании. Кейда поднял глаза и обнаружил, что Шек Кул внимательно его изучает.

— Дэйш Кейда мертв, — произнес Шек Кул спокойно и взвешенно.

— Я слышал, так говорили. — Кейда заметил, что больше не дрожит. — Хотя его тело не найдено.

— Ни один человек такого положения не может возвратиться из мертвых. — В словах вождя Шека прозвучало предостережение. — Любой островитянин, рыбак или охотник, если он пропал без вести в бурю или при землетрясении, может вернуться, и такое чудесное спасение станет поводом для торжеств. Для правителя, объявленного мертвым, вернуться и бросить вызов унаследовавшему его права сыну означало бы поразить бедствиями свое владение на полный круг обращения звезд.

— Это, разумеется, зависело бы от обстоятельств и от того, какие наблюдались знамения, — с нажимом проговорил Кейда.

— До сих пор этот год был для Дэйшей сплошным бедствием, — напрямик заметил Шек Кул. — Утрата повелителя при таких зловещих обстоятельствах — это само по себе несчастье. А они еще и столкнулись с чародейством, если все, что я слышал, правда.

— Владение Чейзен чуть не пропало от нашествия дикарей с чародеями, козни которых поддерживали напавших, — мрачно отозвался Кейда. — Владение Дэйш все еще держалось, когда я прибыл на север. Не знаю, как долго они выстоят. Самые могущественные вожди тех пределов не могут поднять силы против угрозы, которая может сокрушить их всех.

— И подобные свары способствовали несвоевременной кончине Дэйша Кейды? — Шек Кул выглядел задумчивым.

— Я слышал, так говорили, — уклончиво ответил Кейда.

— Темнейшая ночь всегда сменяется рассветом. — Шек Кул поглядел ему прямо в глаза. — Мои источники сообщают, что Ритсем Кайд, Редигал Корон, Сарем Вел и Айдис Харл все вместе собрали множество тяжелых трирем у своих южных рубежей. По первому же знаку от Дэйша Сиркета, что захватчики идут на север, эти силы выступят ему на помощь.

— Вот и впрямь хорошие новости для того владения. — Кейда хотел не показать Шеку Кулу своего облегчения, но, впрочем, понимал, что не может и скрыть его.

Шек Кул пристально наблюдал за ним, сдержанная веселость углубила рисунки вороных лап под его глазами.

— Я слышал, наметилась какая-то трещина между Уллой Сафаром и Визелисом Иллсом, хотя еще должен узнать, что ее вызвало.

Вождь говорил как равный с равным. И Кейда ответил соответствующе.

— Как я себе представляю, Улла Сафар обратил бы свой жадный взгляд на северные острова Сарема, если бы Вел посылал свои силы на юг. Айдис и Сарем были союзниками с... да, со дней прапрадедов нынешних вождей. Сафар, несомненно, предложил бы Визелису Иллсу двинуться против островов Айдиса.

— И Визелиса Иллса прельстило бы такое завоевание? — осведомился Шек Кул.

— Если бы не угроза колдовства на юге, это стало бы для него искушением. — Кейда задумчиво поджал губы. — Не иначе как Редигал выступил посредником в переговорах, убедив вождей Айдиса и Сарема подготовить свои силы. Визелис Иллс не захочет сталкиваться с Редигалом Короном.

Шек Кул кивнул. Затем опустил взгляд и вытер какое-то пятнышко со сверкающего кольца с бриллиантом.

— Ты явно сведущ в переплетениях отношений вождей на юге. Более того, для тебя важнее общее благо тех пределов, нежели обеспечение преимуществ для какого-либо одного владения. Более чем странно, что такой как ты показал хвост и бежал на север, когда опасность грозит его народу. — Если Шек Кул не глядел на Кейду, то верный Делаи пристально за ним наблюдал.

— Триремы, воины, любое средство защиты, которым располагает владение Дэйш, брошено против дикарей и тех, кто колдует в их пользу. Один меч, мой, мало что может добавить к этой силе. — Кейда сложил руки, в его позе вновь угадывался вызов. — Есть иное оружие, и одно из самых важных — знание врага. Мы в южных краях мало знаем о чародействе, еще меньше — о том, как его можно сокрушить, если сила оружия бессильна против колдовства. Вы на севере живете, постоянно остерегаясь варварских чародеев. Один человек мог бы принести новую премудрость на юг и тем самым обеспечить своим больше помощи, чем корабли целого владения.

Шек Кул медленно поднял лицо.

— Так эти поиски привели тебя в мое владение?

— Я слышал, что твоя мудрость и решительность спасли твой народ от бедствия волшебства несколько лет тому назад. — Теперь Кейда смотрел в глаза Шеку Кулу.

— И что, об этом толкуют на берегах и палубах галер? — Вопрос вождя был резок.

— Да. Любой предсказатель, намекнувший на иное, нашел бы, что его чаша плохо наполнена, — дерзко добавил Кейда.

— Неужели моим соседям не удастся высмотреть такую мудрость в небесах? — чуть слышно пробормотал Шек Кул. — Ты ищешь знаний, чтобы противостоять волшбе? Кое-кто избил бы тебя до крови за одно твое любопытство. Другие загнали бы тебя в море по одному лишь подозрению, что волшба, терзающая юг, могла тебя коснуться. Это было? — рявкнул он.

— Нет. — Кейда поколебался. — Я видел скверну, порожденную волшбой. Я видел тех, кого колдовство жгло живо, и сделал все, что мог, врачуя их раны. Я... я был с теми, кто отправился узнать об участии Чейзена Сарила. Мы нашли колдовских чудовищ, созданных из обычных животных того владения, и убили их. Мы до золы и пепла сожгли все на острове, который осквернили их стопы, — пылко заявил он.

Шек Кул ничего не сказал. Молчание затягивалось. И вдруг Шек Кул резко поднялся со своего престола.

— Я должен это обдумать. — Он прошел мимо Кейды, спеша к дальней двери. Делаи держался на шаг позади него, обе руки на рукоятках мечей.

— Сезарре. Пусть его накормят и держат взаперти одного. И чтобы он ни с кем не разговаривал.— После чего Шек Кул покинул большой зал. Дверь хлопнула, и эхо разнеслось в пустоте под сводами. Кейда медленно повернулся, чтобы поглядеть на меченосца Сезарре, и отважился доброжелательно улыбнуться ему.

— Даю тебе слово, я не пойду против воли твоего господина.

Сезарре взглянул на него в ответ, по-прежнему равнодушно.

— Идем.— Он отворил дверь и стоял, ожидая, чтобы Кейда прошел в нее. После прохлады большого зала для приемов сады снаружи показались теплыми и влажными. Сезарре кивнул к отдаленной беседке.

— Сюда.

Кейда последовал, куда было велено. Сезарре шел позади. Беседка представляла собой резной деревянный свод, оплетенный лозами нериала, унылые зеленые бутоны которого как раз раскалывались, являя белые и пурпурные лепестки, свернутые внутри. Кейда с досадой заметил, что резьба по дереву не сравнима по тонкости искусности с той, которой гордилось владение Улл.

— Подожди здесь.— Сезарре бросил на Кейду суровый взгляд. Тот покорно сел посередине мраморной скамьи, зеленой с белым, в подражание листьям нериала.

— Я дал тебе слово,— напомнил он рабу с некоторой горечью.

И едва ли я нарушу его, если Шек Кул готов чуть что обрушить на меня свою мощь и стереть в порошок.

Сезарре не ответил, поворачивая, чтобы проследовать по белой гравиевой тропке к главному зданию. Наблюдая, как он удаляется, Кейда увидел трех женщин в ярких нарядах, появившихся вокруг высоких зарослей колеблющихся трав афитала.

— Сезарре! — крикнула самая высокая из них, и раб поспешил на зов, чтобы низко склониться перед ней. Она что-то спросила у него, и он ответил движениями рук, явно имевшими отношение к присутствию Кейды. Все три женщины, облаченные в легчайший бархат с хитро переплетающимися узорами, пробегающими по богатому ворсу и придающими

ткани чувственность кружева, поглядели вдоль тропы в его сторону. Самая высокая из них была широка в кости, с кожей, более темной, чем у большинства в этих краях, что еще больше подчеркивала белизна ее наряда. Прекрасные крутые завитки волос на ее голове свидетельствовали о происхождении из самых отдаленных западных владений. Лицо у нее было широкое, а на нем широкая улыбка, ныне обращенная к младенцу, которого она держала на руках, завернутого в шаль, яркую, всю в шелковых цветах. Вновь подняв взгляд, она заговорила с Сезарре. Маленький мальчик появился из-за ее подола цвета слоновой кости и, сделав несколько шагов по тропе, утавился на чужого человека с неприкрытым любопытством.

— Наи, — предостерегла его женщина с непринужденной властью. Дитя поспешило обратно, подняв ручонку навстречу надежной и спокойной руке телохранителя матери. Рядом с этим мужчиной его госпожа выглядела хрупкой малюткой. Тяжелый, мускулистый, лицо его было суровым, когда он глядел на Кейду.

Не беспокойся, дружище. Я бы и впрямь желал бы себе смерти, если бы хоть чем-то оскорбил Махли Шек, первую жену в этом владении.

Укор женщины не остановил второго ребенка, поменьше, прошмыгнувшего меж взрослых, чтобы посмотреть, на что глядит брат. Голова девочки представляла собой пышное буйство свободных черных кудрей, а кожа была светлей, чем у матери, которая обошла первую жену, чтобы подобрать дочку. Она вскинула малышку себе на бедро, уняв ее визг кратким предупреждением, прежде чем повернуться и самой посмотреть на Кейду.

Если Шек Кул в своей первой жене искал скорее недюжинного ума, нежели исключительной красоты, то вторая, или которой она была, отличалась ароматной прелестью, которая пришла бы впору залу для приемов любого вождя. Эта женщина с округлыми бедрами и грудью носила плотно облегающее платье из лазурного бархата с откровенной умышленной соблазнительностью, пусть даже заключенной в стенах двора Шека.

Неудивительно, что этот высокий темнокожий раб, что держится у твоего плеча, взирает на тебя с таким

тупым обожанием, госпожа моя. Не то чтобы я чувствовал охоту бороться с ним за твою благосклонность, когда он стоит, всем видом своим являя опыт искусного меченосца. От рабов-телохранителей жен Шека Кула явно требуется больше, чем согреть постель госпожи, когда ее супруг занят чем-то иным.

Сезарре закончил свои объяснения женщине и низко поклонился. Махли Шек кивнула, прежде чем повернуть голову и что-то сказать второй жене. Две женщины выбрали другую дорожку, сопровождавшие их рабы двинулись за ними вплотную, мальчик и девочка поскакали впереди, звонко смеясь.

Когда они исчезли за густыми ягодными кустами с темной листвой, третья женщина задержалась у перистой травы афитала. Худощавая, с медной кожей и длинными черными волосами, просто-напросто стянутыми сзади, в огненного цвета простом одеянии без пояса, как и следовало бы ожидать при ее порядочно заметной беременности. Сезарре поймал ее руки в порыве, который ошелолил Кейду, и склонился, чтобы их поцеловать. Женщина вырвалась, и Кейда увидел, как она смахивает слезу. Он заметил также, что если другие женщины щеголяли в кольцах, ожерельях, ножных и ручных браслетах, она носила лишь единственную золотую цепь из ромбовидных звеньев на шее.

— Гар, мы ждем, — позвала невидимая вторая жена с некоторым нетерпением.

— Я иду, Лайо. — Беременная женщина заспешила прочь по тропе, предоставив Сезарре глядеть ей вслед. Секунду спустя он двинулся в другую сторону от развилки.

Итак, Сезарре, я бы сказал, очень похоже, как будто ты, говоря пристойным языком, раб-телохранитель этой жены. Джанне или Рекха довели бы мои уши до волдырей упреками, если бы я попытался присвоить себе их власть над Бирутом или Андитом. Даже Сэйн решилась бы вознегодовать, пусть с бесконечными мучительными извинениями, вздумай я давать приказы Ханьяду. Не то чтобы я осмелился и, разумеется, не когда она так близка к родам. Что ты сделала такого, госпожа моя, что побуждает Шека Кула лишать тебя поддержки твоего телохранителя в такое время?

Ну что же, такое любопытство мне лучше оставить неутоленным. Сомневаюсь, что подобные вопросы здесь уместны.

Хихиканье девчушки пронеслось по садам на тот особый лад, который верно говорит: ребенок делает что-то, чего, как он прекрасно знает, ему делать нельзя. Разъяренный щебет вырвался из невидимого птичника, и тут же последовало неодобрительное ворчанье крепко сложенного телохранителя. Зазвенели голоса детей. Девочка торопливо просила прощения, в то время как мальчик в праведном негодовании отстаивал свою невиновность.

Боль, которую Кейда считал надежно запертой в глубине сердца, пронзила его ножом.

Сообщают ли Шеку Кулу его великолепные источники, кто рождается у младшей жены, вроде Сэйн Дэйш, мальчик или девочка? Узнает ли он, как проживают другие дети в таком отдаленном владении, те, что еще ниже возраста благоразумия и ответственности, который сделает их фигурками, пригодными для игр, столь любимых в кругу вождей и их жен? Нет причин полагать, что он сам ищет какую-то выгоду для себя и для владения Шек в подобных затеях. А даже если он и знает, как ты можешь спрашивать его о таком, не подтвердив его подозрений о твоём прошлом? До тех пор, пока он может сказать, что не знает, кто ты, собственно, такой, ты, пожалуй, в безопасности. Как только ты не сможешь отрицать правды, игра окончена.

Но ему угрожало чародейство, не так ли? Он нашел, как одолеть опасность, и если соприкосновение его первой жены с колдовством не прибавило ему чести у соседей, его владение процветает. Он, наверное, долго жил без наследника из-за нее, но не потратил времени, наполняя свой колчан новыми стрелами, чтобы обеспечить будущее владения Шек. Это-то ты и должен открыть — как это ему удалось, а затем можешь вернуться и обнять своих жен и детей и глядеть на звезды ради лучшего будущего всех Дэйшей.

Между решимостью узнать, какие тайны скрывает Шек Кул, угнездившейся в глубине, точно холодный ужас, и стра-

стной тоской по семье, обжигающей сердце, не нашлось особого места желанию утолить голод, когда немного погодя вернулся Сезарре с подносом, полным закрытых мисок.

— Мой господин желает, чтобы ты поел. — Сезарре поставил поднос на мраморную скамью, глядя не на Кейду, но неудержимо следуя за шумом, который устроили в саду женщины, играя с детьми. Кейда видел равно приязнь и покорность за тщательно поддерживаемой рабом маской безразличия.

Означает ли это, что твоей госпоже пошли на пользу выговоры, которые, похоже, не раз и не два делали ей другие жены и ее супруг?

Чтобы отвлечься от неподобающего любопытства и чем-нибудь ненароком его не выдать, Кейда стал поднимать крышки с мисок. Подбор блюд не хуже того, который сделал бы повар Джанне Дэйш, чтобы поставить их перед неожиданным гостем к завтраку, напомнил ему, как он проголодался. Бледные завитки свежего творога, уложенные в темном меду, были припудрены растертыми семенами афитала. Пурпурные ягоды блестели поверх миски соллерного зерна, тронутого розовым и увлажненного нежным ароматным вином. Воздушный хлеб, еще теплый, недавно из печи, был завернут в белоснежное полотно, а рядом красовался горшочек айвового варенья с золотым ободком. Кубок многоцветного стекла был под стать кувшину с чистой родниковой водой.

— Ты поешь со мной? — Он поглядел на Сезарре. Тот заколебался.

Конечно. Он слышал, что я говорил Шеку Кулу.

— Прости меня, я знаю, я был слишком близок к волшебству, и это опасно. — Кейда скрыл огорчение, занявшись кувшином. — Никому не стоит делить со мной пищу на всякий случай.

Сезарре изумил его, сев на другой конец скамьи и оторвав для себя кусок легкого хлеба.

— Здесь у нас однажды был раб... — Он помедлил, подбирая немного творога с медом. — Хороший человек, хоть и родился варваром. Он выдал ту, которую потом убили за то, что прибегла к волшебству. Он быстро раскусил ее чародея, потому что встречался с волшебниками в своей прежней жизни. Он все еще оставался хорошим человеком, хотя такие вещи и касались его...

Хороший человек, но только в прошедшем времени.

— Что с ним случилось? — Кейда потянулся за ложкой и начал есть соллер с незнакомыми ягодами, которые оказались освежающе терпкими. Сезарре покачал головой.

— Это тебе скажет Шек Кул.

Раб взял другую ложку и присоединился к Кейде, принявшись за соллер. Они почти добрались до дна миски, когда галька на дорожке захрустела под ногами приближающегося Делаи.

— Мой господин Шек Кул желает снова с тобой поговорить.

Кейда поднялся. Сезарре собрал посуду и составил на поднос. Когда он исчез, Кейда почувствовал себя странно, словно чего-то лишился.

— Сюда. — Делаи даже не взглянул на дорогу к залу для приемов, но вместо этого повел Кейду к главной башне. Они вновь обошли огромное здание, и Кейда увидел, что его ведут к сторожевой вышке над воротами.

— Вверх по лестнице, — хмыкнул Делаи. — На самый верх, — Кейда подчинился и вскоре оказался в помещении, которое занимало всю ширину верхнего уровня башни. В каждой стене имелись большие окна с дощатыми деревянными ставнями, откинутыми и закрепленными. Шек Кул ждал, глядя за пролив.

— Благодарю за добрый завтрак, — учтиво произнес Кейда.

— Делаи, охраняй лестницу. Пусть никого не будет в пределах слышимости.

Как только раб закрыл за собой дверь, Шек Кул двинулся от окна, чтобы сесть на одну из скамей, которые шли вдоль стен под окнами.

— События, которые я предлагаю не обсуждать, научили меня не выносить приговор человеку всего лишь за то, что он имел несчастье столкнуться с волшебством. — Он безрадостно улыбнулся. — А иначе мне пришлось бы вынести приговор моим женам, моему первенцу и себе самому. Но мне ведомы глубина и неохватность злокозненности колдунов, и я с тех самых пор старался не упустить ни одного знамения, которое бы предостерегло, что то отвратительное происшествие замарало наше будущее. Мои соседи могут не согласиться со мной, но я ни видел ни одного такого знака, и моя тревога убывает

с каждым оборотом небес.— Он задумчиво поглядел на Кейду.— Я понимаю твои тревоги о владении Дэйш. Не знаю, хватило ли бы у меня храбрости следовать тропе вроде той, что, как подозреваю, привела тебя сюда. Не вижу и никаких указаний на то, где может пролегать твоя тропа в будущем, и это беспокоит меня. Ты понимаешь, что решив бороться против тех чародеев, ты вполне можешь оказаться отвергнут другими владениями за одно то, что презрел опасность быть запятнанным волшбой, пусть даже в итоге спасешь южные пределы?

— Каким бы нежеланным ни был жребий, сделка себя оправдывает,— спокойно сказал Кейда.

Неясный звук, который издал Шек Кул, был эхом того, что испустил его раб. Он повернул на пальце толстое серебряное кольцо. В кольцо был вправлен неограниченный отполированный изумруд, который не мог не быть оберегом.

— Не могу сказать тебе, как одолеть волшбу, которая в открытую врывается на чьи-то земли и сеет разрушение у себя на пути,— внезапно произнес вождь.— Добрая удача, равно как и добрый совет, спасли это владение от бедствия, которое чуть не навлекла та заблудшая женщина на всех нас. Я могу наставить тебя на путь, что, может статься, приведет тебя к мудрости, которой ты ищешь, хотя ничего тебе не обещаю. Я скажу тебе все, что могу, если ты дашь мне слово, если поклянешься до смерти не обмолвиться ни одному живому существу, что именно я указал тебе эту тропу.

— Клянусь,— пылко ответил Кейда.— Клянусь небесами, что приветствовали мое рождение.

Шек Кул нахмурился, что-то вспоминая.

— Волшебство, угрожавшее этому владению, и другие злые козни были разоблачены рабом-варваром, недавно прибывшим из беспредельных земель. Раба этого как-то использовал, втянул в некий заговор чародей, обманувший Кайску, что была моей первой женой, обещаниями ребенка, которого она жаждала. Я не знаю толком, как в заговор оказался втянут раб, и твердо решил не расспрашивать. Одно то, что известно, обрекло бы его на смерть, не будь знамений в его пользу. Он был один на берегу, когда морской змей показался в проливе. Любое его появление — самый могущественный знак для моих земель.—

Лицо его стало еще более хмурым.— Если бы чудовище его съело, мы бы все знали, что к чему. Но случилось так, что морской змей прошел мимо него. Для толкования имеет смысл добавить, что это был день рождения Шека Наи.

Добавление едва ли было призвано просто дополнить картину.

Кейда сохранял молчание, ожидая, когда Шек Кул продолжит.

— Как обвинитель, этот раб был призван к испытанию боем против чужеземца, которого привела сюда Кайска, обвиненного им в совершении колдовства. Она была осуждена бесповоротно, когда волшебник применил свою злую силу, сперва чтобы расставить ловушку на противника, а затем, когда это не удалось, чтобы бежать невидимым.— Гнев, смягченный течением времени, сгустился в голосе вождя.— И вот, учитывая еще и явление морского змея, я увидел, что этот раб-варвар каким-то образом защищен от волшебства, а разоблачив его, оказал моим людям и мне великую услугу. Это надлежало вознаградить свободой для него и приказом, чтобы некая деревня в моем владении обеспечивала его до конца жизни.— Вождь опять замолк.— Я дал ему свободу, но мне не хотелось видеть, как он наслаждается ею где-либо на моих островах. Я взял с него клятву, что он никогда не вернется, и я счел его человеком чести, хотя он и был варвар. Тем не менее, я позаботился, чтобы до меня доходили вести о его странствиях, пока он окончательно не покинет Архипелаг,— мрачно добавил Шек Кул.— Он отбыл в обществе человека, которого я давно подозревал в темных делах. Это торговец пороком, поставщик одурманивающих средств и плотских удовольствий, порой даримых девушками со всей охотой, порой нет.— Вождь пожал плечами.— На свете полно паразитов, кормящихся при сильных. Впрочем, этот человек не таков, и не только потому, что по рождению варвар. Он продает дурмящий дым и хмельное крепкое пойло в обмен на сведения и делится сведениями в обмен на блага и услуги, в которых нуждается. Он в этом не одинок, но, насколько мне известно, счета у него не сходятся. И поверь мне, я поставил себе целью узнать все, что могу, об этом человеке, поскольку мой раб так охотно с ним связался. И что делает этот поставщик порока — он исчезает на севере время от времени, и не просто чтобы пополнить свои запасы

варварских средств утоления дурных наклонностей. Он сбывает сведения кому-то за нашими морями, но не в одном из тех материковых портов, куда заходят наши галеры. Это наверняка. — Шек Кул опять повернул на пальце свое кольцо-оберег. — Торговцы пороком, как правило, наслаждаются прибылью лишь до тех пор, пока какой-нибудь из их опустившихся дружков не всадит такому кинжал в спину, или пока их дела не дают повод некоему вождю приказать своей триreme потопить того или этого. Несколько соперников пытались прикончить этого человека, и у всех сорвалось. Один умер во сне без всякой причины, которую мог бы открыть целитель. Еще одного сбила с палубы снасть, которая была до того в полном порядке, но вдруг без всякой причины сломалась. И хотя этот парень часто зарабатывал, ныряя и плавая чтобы починить обшивку судна, тем не менее он утонул и даже рукой не пошевелил, чтобы спастись. После этого враги вместе пошлн на торговца пороком на нескольких лодках, и лишь для того, чтобы вместе разбиться в неожиданном тумане.

Кейда увидел, что Шек Кул смотрит на него с ожиданием.

— Ты подозреваешь, этот торговец пороком сам занимается волшебством?

— Не знаю, что и думать. Я бы пожалел на него большего, чем недолгое презрение, если бы его дорога не пересеклась с дорогой того моего раба, и встреча их выглядела подозрительно неслучайной. — Шек Кул пожал плечами. — И вот недавно я узнал, что как только слухи о волшбе, разгулявшейся в южных пределах, донеслись на север, этот самый торговец пороком поспешил им навстречу, точно акула, учуявшая кровь в воде. Он поплыл на юг, навстречу дождям и свирепым бурям. Ясное дело, он не боится волшебства, но его тянет на юг некая всепожирающая страсть. На твоем месте, — Шек Кул придал своим словам предельно возможный вес, — я захотел бы поговорить с этим человеком.

Ты рассказываешь мне не все, что знаешь. У тебя есть какая-то особая причина подозревать этого человека в связях с варварским чародейством. Притом ты не можешь сам его преследовать, не то вдвое, а то и вчетверо больше станут шептаться о тебе самом.

— Как я его найду? — вслух подумал Кейда.

— Я поставил себе целью знать, где этот человек. — Шек Кул хищно улыбнулся. — Я вовсе не хочу, чтобы он вступил в мои воды незримым, если только смогу это предотвратить. Он остановился, чтобы запасти воды и пищи на самом южном торговом пляже владения Джахал несколько дней назад.

У Кейды упало сердце.

— Это далеко. Он уйдет оттуда задолго до того, как я туда попаду.

— Наймись за проезд гребцом на галеру. — Шек Кул сощурил глаза на Кейду. — Быстрая трирема добежит туда за полсрока.

— А не станут тебя расспрашивать твои соседи, с чего ты посылаешь корабль так далеко на юг? — Кейда попытался сдержать надежду.

— Я смогу найти предлог, который удовлетворит любопытных, — с мрачной уверенностью произнес Шек Кул. — Что до моей истинной цели, мой странствующий друг... Не один ты отваживаешься защищать владение, где рожден, от нашествия чародейства. Отплати мне, поделившись всем, что узнаешь от этого человека, включая и знания о его истинной природе. Его зовут Дев, а корабль его называется «Амигал». — Вождь ошеломил Кейду, сорвав вдруг кольцо с пальца и бросив его собеседнику. — Если ты таков, каким мне показался, ты найдешь здесь ключ к тайнописи. Кое-кто с подобным кольцом даст тебе о себе знать. То будет человек, который следит для меня за этим Девом. И этому человеку надлежит доверять твои письма ко мне.

— Ты почтил меня своим доверием, — трезво заметил Кейда. Кольцо было слишком велико даже для его большого пальца. Поэтому он снял через голову кожаный ремень и начал развязывать узел.

— Не подведи меня, — спокойно предостерег Шек Кул. — Если предашь, я буду отищен, даже если чтобы найти тебя, полный круг Топаз по небесам уйдет у меня или моих. — Он встал. — Делаи отведет тебя на корабль, когда тот будет готов.

— Я не могу достаточно отблагодарить тебя, — порывисто произнес Кейда. — Надеюсь только, что однажды отплачу тебе, как подобает.

— Рад слышать это, путник.— Смех Шека Кула поразил Кейду.— Есть чуть большее, чтобы нагрузить весы в мою пользу. Я поставил себе целью разузнать, что могу, об этих варварах, связанных с колдовством, которое привело Кайску к смерти. Кроме того, я ищу и другого знания, на случай, если такое бедствие когда-нибудь станет грозить нам снова. Складывается так, что самые разные вожди в течение веков думали, как поставить предел скверне волшебства. Давай прогуляемся в садах и обсудим их мнения, пока будем ждать Делаи. Не знаю уж, пригодятся ли они тебе...— Он пожал плечами и так и оставил свои слова незаконченными.

Но это не повредит тебе, ибо любые лазутчики, которым думалось бы проникнуть за твои ворота, услышат о твоей решимости защищать свое владение против волшебства, даже когда ты посылаешь корабль на юг, где оно заявило о себе.

— Прогулка с тобой — честь для меня,— Кейда низко поклонился и последовал за вождем из высокого помещения на башне.

Глава 15

— Почему мы бросаем здесь якорь? — Ризала с беспокойством огляделась.

— А почему бы и нет? — Дев вогнал «Амигал» в узкий заливчик как можно дальше. Корма корабля уперлась в крутой илистый берег, приземистые узловатые деревья окутали носовую часть судна короткими толстыми листьями. Дев вытряхнул осадок из своей винной чаши в солоноватую реку, где красное пятно медленно растворилось.

— Только налей еще, разобью все бутылки, что у тебя на борту,— сердито буркнула Ризала.— Если тут вокруг волшебники и дикари, еще не хватало, чтобы ты напился!

— С чего ты взяла, будто имеешь право обсуждать, что я делаю? — ничуть не раскaipываясь, ухмыльнулся Дев.— К тому же опьянение, вероятно, не худшее состояние, если тебя того гляди начнут пытаться воюющие дикари.

Ризала пожевала нижнюю губу.

— Не думай, будто ты меня напугаешь. Я иду. — Ее глаза были полны решимости.

— Я, разумеется, не брошу тебя здесь, чтобы ты болталась где попало, — согласился Дев. — А не то попадешься и подставишь меня под их ножи, чтобы спасти свою шкуру. Вдобавок, если они нас накроют, ты вполне можешь стать ценой моей свободы, милочка.

— Как мы спрячем корабль? — Ризала повернулась к нему спиной, изучая мачту «Амигала» с прочно свернутыми парусами. — Чтобы спокойно уйти после того, как увидим все, что здесь можно увидеть?

— Я нарежу зелени. — Дев завязывал кожаные сандалии с боковинами, которые натягивались поверх свода стопы. — Прикроем палубу настолько, насколько сможем. — Подобрал нож с тяжелым лезвием, он перебрался через корму судна. — Передай-ка якорь.

— Не слишком шуми, — предостерегла Ризала, борясь с тяжелым грузом.

— Сама держи рот на замке на случай, если тебя кто-то слышит. — Дев подсчитал, какой запас каната оставить, учитывая прилив, прежде чем забить якорь среди корней узловатых деревьев. — Распускать язык всякий раз когда вздумается — это не то, что делает человека поэтом.

Его насмешка заставила ее замолчать, и он отвернулся, чтобы нарезать молодых побегов, пущенных вздутыми основаниями кривых серых узловатых стволов. Вскоре Дев основательно вспотел и был вынужден шепотом призвать волшебство, чтобы держать на расстоянии назойливых черных мух. Он работал споро, и вот уже набрал целую охапку мясистых желтовато-зеленых прутиков, чтобы сбросить их на палубу.

— Нам нужно больше для носа. — Ризала с тревогой поглядела вдоль залива в сторону моря. — А не то вдруг здесь кто-то пройдет.

— Как тебе угодно, моя госпожа. — Дев насмешливо поклонился. — И как следует закрепил веревку, пока ты здесь. — Он опять вернулся к деревьям и стал рубить. Впрочем, присматривал и за Ризалой. И как только она занялась закреп-

лением носового якоря и повернулась к Деву спиной, тот быстро свел вместе ладони. Слабо сияющий темно-синий огонек выплыл из его переплетенных пальцев, как только он разъял руки. Голова Ризалы резко повернулась.

— Что такое? Почему ты остановился? — Ее голос переполнял страх.

— Просто надо отдышаться, — ответил Дев. — После такой тяжелой работы.

Не желая обострять отношения, Ризала встала на колени, чтобы надежней уложить упрямые ветви на поручнях «Амигала». Дев закрыл глаза, чтобы лучше сосредоточиться на волшебстве, которым стремительно пробегал по всему кораблю. Невидимость не такая уж тяжелая работенка, что бы ни думали о том ноющие ученики в Хадрумале, всего ничего — соединить противостоящие стихии, воздух и воду. И это защитит «Амигал» от вражеских глаз.

— Ты собираешься спать?

— Нет. — Дев открыл глаза и увидел, что Ризала смотрит на него, уперев в бедра исцарапанные и грязные ладони. — Видишь те сандалии у люка? Обуйся в них и будь осторожна, бродя вокруг. Я брошу тебя дикарям, если продырявишь ногу здешним узловатым корнем или наступишь на кожуру остроплода.

— Куда мы идем? — Ризала без спора опустилась на палубу и принялась надевать сандалии.

— Туда, — Дев указал на запад, где земля поднималась над зарослями узловатых деревьев и ореховых пальм, колеблемых ветерком. Снова прыгнув на борт, он принес из кормовой каюты раздутый мех с водой и бросил его рядом с Ризалой. — Смотри, чтобы не напоролся на ветку.

— А это тот остров? — Она поглядела на Дева, ожидая уверения. — Ты был здесь раньше?

— Да, — с легкостью солгал Дев. Ни разу в жизни нога его не ступала на берег этого отдаленного уголка земель Чейзена, но это его не беспокоило. Он как в кристалле или воде читал безопасную дорогу в каждой чаше вина, которую осушал с тех пор, как они покинули воды Дэйша. — Идем на берег.

Вскинув кожаный мешок на одно плечо, он наблюдал, как натягивается тонкий хлопок штанов Ризалы, когда она переби-

рается через поручень на корме. Он расплатится ею за спасение от беды только если не останется ничего другого, так он решил. Фляжек с пойлом и крепких листьев для жевания или воскресений, вероятно, в мешке будет достаточно. А затем ему представится возможность принять ее благодарность в любом виде, в каком ему захочется, если он спасет ее жизнь.

Следуя за Ризалой, он украдкой бросил взгляд на корабль от края зарослей узловатых деревьев. Волшебство пустило рябь по воде под судном, но для недружественного глаза «Амигал» будет лишь случайной игрой теней на воде. Дев ухмыльнулся. Если он станет раздражать Ризалу еще больше, достигнет ли ее неприязнь к нему достаточной силы, чтобы она вдруг оказалась неспособна увидеть корабль? Затем он спросил себя: а что бы мог противопоставить его чарам какой-нибудь из этих дикарских колдунов? И что мог бы он против их чар? Он повернулся спиной к кораблю, устремившись к тому, что ждало впереди.

— Вот след дичи.— Ризала указала на узкие отпечатки копыт, заметные на голом отрезке земли.

— Мы на правильном пути. Вперед.— Дев прошел мимо замухрышки, чтобы последовать за влажными отпечатками через буйный подлесок. Когда он отталкивал в сторону заморенную лианой ветвь, та просвистела дальше и задела по лицу Ризалу.

— Не понимаю, почему мне нельзя ходить с ножом,— с негодованием пробормотала она, стряхивая листья с волос.

— Если мы наткнемся на дикарей, клинок заявит о тебе как о враге, которого надо убить.— Дев убрал с дороги выступавшую не в меру вперед ветвь лиллы.— А безоружная, даже такая костлявая, как ты есть, ты награда для их предводителя.

Ризала содрогнулась.

— Я лучше умру, чем достанусь чародею.

— Болтай себе дальше, тогда и поймешь, каков выбор,— язвительно предложил Дев.

И стал проталкиваться сквозь ветви и прильнувшие к ним лозы. Девушка молча шла по пятам. Влажный воздух под деревьями был застойным и жарким, тишину нарушал лишь гул насекомых да мирные крики обезьян и птиц. В подлеске не виделось следов никаких других ножей, и Дев позволил себе

предположить, что этой охотничьей тропой редко кто ходит, как это и выглядело, когда он угадывал ее ворожкой.

— Смотри, куда ступаешь, — отрывисто предостерег он Ризалу. — Наткнешься на змею, и земли не успеешь коснуться, как окочуришься.

Заливчик давно пропал сзади, когда Дев с залитым потом лицом повернулся к Ризале и щелкнул пальцами в направлении меха, висящего у нее на плече. Она протянула мех, и Дев напился долгим непрерывным глотком.

— Отпей сколько можешь, — велел он ей. — А дальше ищи ручей, чтобы наполнить его доверху.

Несмотря на роскошь растительности в лесу, лишь порядочно спустя Ризала толкнула Дева в плечо и молча кивнула на ручеек. Он стоял на страже, пока она на коленях до отказа наполняла мех, и двинулся прочь прежде, чем она опять вскинула его себе на плечо.

После следующей остановки с целью утоления жажды Дев стал двигаться осторожней. Деревья теперь были крупнее, больше стало железного дерева, тянувшегося вверх, где оно образовывало широкий полог, тень которого не позволяла расти подлеску. Лианы лоджена и фиги-душителницы карабкались по всем высоким стволам, чтобы добраться до почти не проникающего сюда солнечного света. Дев и Ризала украдкой продвигались от одной оплетенной лианами заросли до следующей. Как только гнилые фиги зачавкали под сандалиями, Дев поднял глаза и увидел стайку алых с желтым горбоклювов, дружески перебранивающихся на вершинах деревьев. Он поймал руку Ризалы, указывая наверх, прежде чем приставить палец к губам. Последнее, что им было нужно, это птицы, рассеявшиеся с криками тревоги, точно вспышка пламени.

Когда горбоклювы остались далеко позади, Дев остановился и упал на четвереньки. Лес впереди выглядел светлее после густой тени нехоженной чащобы, деревья тандры вырисовывались на пустом небе вдалеке. Лес звенел, словно в нем стучали молотки, и голоса выкрикивали приказы. На вздохи и вопли отвечал свист хлыста.

Дев медленно пополз вперед и залег меж двух не достигших зрелости деревьев остроплода, боровшихся за то, чтобы под-

няться над привольно разросшимися кустами карнелилки. Ризала благоразумно двигалась след в след.

— Что они делают? — спросила она шепотом не громче дыхания.

— Укрепляются для обороны, — Дев говорил еле слышно, хотя и крик, вероятно, запросто затерялся бы в шуме и гаме творившейся впереди суеты.

Дев и Ризала смотрели на деревню, стоящую над длинной изрезанной заливами бухтой. Низкие домишки торчали вразброд вдоль черты, где песок уступал мало-мальски плодородной почве, а дальше в сторону суши рассыпались огородные участки и птичники. Посевы были потоптаны, ограды сломаны, лишь несколько влажных перышек там и сям на земле говорили об участии уток и кур. За пляжем вода бежала рябью над свободной отлогой якорной стоянкой, где рыбацьи лодчонки покачивались на длинных привязях, закрепленных на тяжелых сваях, вогнанных в песок. Грубые долбленные челноки захватчиков валялись как попало вдоль черты прилива.

— Я не прочь внимательней взглянуть на эти бревнышки, чтобы проверить, смогу ли узнать дерево, — задумчиво сказал Дев Ризале. — Если мы поймем, где растут эти деревья, догадаемся, откуда явились эти паршивцы.

— Они просто возникли и напали. — Ризала глазела на деревню, где большинство домов сгорело, так что остались лишь обугленные остовы, теперь размокшие и пятнающие землю черными слезами. Несколько кладовых и амбаров было взломано и разграблено дочиста. Другие набиты награбленным, повсюду к ним приткнуты бочки и лари.

— Островитяне не могли знать, что творится.

— Эти дикари не рассчитывают на то, что их тоже застигнут врасплох. — И Дев стал извиваться, чтобы положить перед собой свой кожаный мешок, а затем пошарил внутри, ища подозрную трубу. — Не так глупо, как может показаться на первый взгляд, а?

Новая канава прорезала открытую протяженность пляжа. И, судя по всему, захватчики принудили большую часть мужчин деревни ее углублять. Сами они, легко отличимые по своим более темным и раскрашенным телам и кожаным набедренни-

кам, копьями и хлыстами погоняли женщин и детей, волочивших тяжелые бревна из леса за деревней. Другие дикари своими грубыми каменными орудиями весьма умело заостряли деревянные колья, чтобы всадить из вдоль внутреннего края канавы. Лишь несколько узких отрезков было пока не тронуто, чтобы позволить проходить сквозь укрепление, и воины-дикари охраняли их, держа наготове деревянные колья.

— Дикари порабащают людей Чейзена? — Меж тем, как Ризала говорила это, хлысты щелкнули, устранив нескольких девушек, лихорадочно обвязывавших веревками тяжелое бревно. — И захватывают их земли? Это то, что им нужно на Архипелаге?

— Не могу сказать. Они уничтожают больше, чем сохраняют для себя, это ясно. — Дев сосчитал захватчиков еле слышно шепча. — Эта канава вполне может быть временной, чтобы дикарям не грозила опасность со стороны каких-либо островитян Чейзена, которых они не прибрали к рукам. Они вполне могут замышлять идти дальше на север, как только кончатся дожди.

— Эти дикари не иначе как полные дурни. — Ризала с недоумением поглядела на Дева. — Все знают, невозможно поработить все население целиком. Оно всегда восстанет рано или поздно. Вспомни, что случилось во владении Фиал, когда Лемад Саркис попытался его завоевать. О смерти Драхи Акила, когда взбунтовались все рабы-варвары, которых он накупил для своих масличных посадок. Нельзя держать вместе слишком много рабов, если у тебя есть хоть сколько-нибудь здравого смысла.

— Я-то думал, ты поэт, а не историк, — отрешенно пробормотал Дев. — Мы с тобой можем кое-что понимать, но эти ублюдки с волосатыми задницами не слишком обеспокоены. — Он вручил свою трубу Ризале. — Погляди на этих людей, на этих островитян Чейзена за той грудой бочонков.

Ризала приложила к глазу бронзовую складную трубку.

— Ты думаешь, они собираются на него напасть, на этого дикаря?

— Нет, — Дев произнес про себя короткое заклинание, чтобы усилить свое зрение, и стал наблюдать за кучкой борю-

щихся островитян. Ближайший дикарь высился к ним спиной, и бочонки закрывали ссорящихся от любых других стражей.

Пока Дев говорил, один из Чейзенов вырвался от тех, что пытались его удержать. И побежал, скользя по земле, еще мокрой от дождей последней ночи. Он не напал на ближайшего захватчика, но понесся прямо к канаве, пригнув голову и передвигая руки у боков, как рычаги насоса.

— Неужели он думает, что сможет перепрыгнуть? — ахнула Ризала.

— Он вовсе не это пытается сделать, — мрачно заметил Дев.

Чейзенский островитянин бросился на смертоносные кольца, окаймляющие канаву, раскинув руки и отбросив назад голову. Ризала хлопнула себя ладонью по рту, чтобы не дать себе вскрикнуть в ужасе. Островитянки наполнили воздух гортанными криками. Возникла вспышка вроде молнии, и горестные крики превратились в пронзительные вопли отчаяния. Мужчина не погиб, он оказался невероятным образом подвешен в воздухе на лазурных шнурах света. Он бился, лягался, молотил в воздухе руками, уловленный волшебством.

— Ты не единственная, кто предпочел бы умереть, лишь бы не жить под властью волшебников, — Дев скрыл одной рукой невольную усмешку. Ни один из Чейзенов не смог бы ее увидеть, но колдовская сила, разлетевшаяся в воздухе после неудавшегося самоубийства, ощущалась более чем ясно. Незримые чары клубились вокруг этого бедолаги с первых его шагов. Колдун дикарей, кто бы он ни был, мог бы поймать островитянина до того, как кто-либо даже заметил его тщетный вызов. Конечно, подумал Дев, позволить несчастному рвануться к кольям, а затем дать всем возможность увидеть, как он дергается в воздухе, раздосадованный и униженный, это, безусловно, ценный урок для любого другого, кто думает о непокорстве.

— Взгляни, — пылко указал он. — Вон на того, в плаще из шкуры ящерицы.

Некто величаво выступил из одного из немногих оставшихся в деревне домов. Несколько человек, угодливо следовавших за ним, не отличались на вид от прочих дикарей, одетые в такие же убогие набедренники и размалеванные красками. Один

предводитель щеголял в длинном плаще, сделанном из цельной шкуры хлыстоящерицы. Плащ спускался вдоль всей спины, когтистые лапы хлопали по бокам, хвост, волочась по земле, прочерчивал борозду в песчаной почве. Нижняя челюсть была срезана с тупой головы, череп служил дикарю шлемом, злоеющие верхние клыки виднелись яркими белыми завитками над темным лицом. Улыбка самого дикаря была такой же белоснежной, а смех его прозвенел, подобно последней вспышке сапфирового колдовского света, угасшей меж ладоней.

Дикари, охранявшие тех, что трудились в канаве, повернулись, чтобы приветствовать вновь явившегося, в полном повиновении пав на колени. Видя, что они отвлеклись, один островитянин швырнул тяжелый кряж в человека в шкуре ящерицы. Тот небрежно поднял руку, и здоровенный кусок дерева неподвижно повис в воздухе, прежде чем взорваться пламенем. В считанные мгновения от кряжа не осталось ничего, кроме горстки пепла, которую тут же унес порыв ветра.

— Это волшебник? — Ризале удалось спросить это лишь сдавленным шепотом.

— Тс-с-с... — Дев внимательно наблюдал. Колдун дикарей шел вперед, приспешники меж тем шумно присоединились к его веселью, кивая и хохоча. Чейзены съежились на дне канавы. Женщины и дети стали двигаться медленно и через силу, отворачивая лица от человека, все еще бьющегося в воздухе над смертоносными кольями.

— Что он будет делать? — прошептала Ризала.

— Оставит этого так, — пожал плечами Дев.

— А мы? — В вопросе замухрышки чувствовалась дрожь.

— Посмотрим, что случится дальше, — улыбнулся Дев. — Пожалуй, из этого выйдет несколько добрых строф для твоей поэмы.

Ризала мрачно взидала на происходившее перед ними, опершись на руки подбородком. Дев наблюдал за человеком в плаще из шкуры ящерицы.

Не обращая внимания на островитянина, по-прежнему висящего в колдовских узах, волшебник дикарей двигался меж своих, кивая и поводя рукой. Те низко кланялись, некоторые падали на колени или простирались перед ним ниц.

Колдуны обладают подлинной властью над этими людьми, подумал Дев. Ничего от щепетильных и строгих учений Хад-румала, полных требований жесткого самоограничения, дабы волшебнорожденный не задел чем-либо обывателей, лишенных чудесного дара. Может статься, эти дикие волшебнорожденные объединились и навязали свои условия простым дикарям вместо того, чтобы жить как те, кого худо-бедно терпят, или оказаться гонимыми.

— Что это? — нетерпеливо прошептала Ризала. И указала на судно, которое только что обогнуло дальний мыс, ограничивавший длинную бухту, и заскользившее по воде, не повинаясь ни ветру, ни волнам.

Дев оставил свои размышления.

— Первое, что я могу сказать, — это лодка, — язвительно прозвучал его ответ. Хотя то было достаточно необычное средство передвижения по воде, если посмотреть внимательно. Четыре узких долбенки захватчиков были связаны вместе и грубо управлялись парой кормовых весел, которыми орудовали двое, меж тем как остальные сгрудились на неогороженном пространстве. И было их здесь немало.

— Наш друг Ящер озаботился тем, чтобы оказаться первым, — пробормотал Дев. Колдун дикарей спешил через деревню, плащ лупил его по спине. Все его копейщики обратились к воде и низко кланялись; ближайšie к вновь прибывшим простерлись на песке. Ризала буквально зарылась в землю, когда чудное судно встало на отмели. Человек, сидевший на носу, скрестив ноги, встал. Яркие краски его длинного плаща заиграли, взвихрившись, когда он сошел с грубого сооружения. Ноги его не касались воды. Раскинув руки, так что плащ стал двигаться, точно крылья огромной птицы, он прошел по воздуху тропой, сотканной из чар, взятых у моря и ветра. Световое кружево переливалось от зеленого до синего, особенно яркое под его стопами, и тянулось от них вперед. И вот он ступил, безупречно собранный, на сухой песок перед свежвыкопанной канавой, и волшебный мост потускнел, став бирюзовым воспоминанием. Его спутники поспешно зашлепали по отмели, чтобы собраться позади него подобострастным полукругом.

— Это волшебный плащ? — У Ризалы были огромные глаза.

— Нет, просто перья птицеславы.

Дев задумался об этом новичке в плаще из цветных перьев. Чары, позволявшие сойти на берег, были достаточно просты, но Ящер низко склонился, все его тело изогнулось. Судя по всему, Пернатый Плащ был способен на большее. Сейчас он кивал, не иначе как с одобрением, а Ящер стоял по струнке, хлопая в ладоши. Мускулистые дикари показались из крупной кладовой, неся лари и крепко завязанный мешок. Ящер угодливыми движениями рук явно предлагал Пернатому Плащу выбрать себе что понравится из добычи. Тот стоял отрешенно, подняв ладонь и пальцами подзывая кого-то к себе.

— А это кто, как ты полагаешь? — И Дев малость прополз вперед, опираясь на локти.

Высокий дикарь отделился от приспешников Пернатого Плаща. Он низко поклонился своему господину, прежде чем поглядеть на Ящера с высокомерной насмешкой. Он не носил плаща, но гордился панцирем из плотно соединенных белых костей, и немало костяных стружек было вставлено в его густые волосы.

— Что это за кости? — Ризала тяжело сглотнула. — Ты думаешь, они едят...

— Какая разница? — Дев пренебрег этим вопросом.

Меж тем дикарь в костях встал на колени, чтобы открыть ларь. Он протянул что-то Пернатому Плащу, который передернул плечами и покачал головой. Костяной Панцирь отшвырнул это прочь. Теплые цвета черепахового панциря затемнели на песке, обрамленные золотом, ярким даже под нынешними тусклыми небесами. То, что нашел Костяной Панцирь позже, удовлетворило Пернатого Плаща, который призвал другого подчиненного, чтобы тот взял это — человека, щеголяющего в ожерелье из акульих зубов. Костяной Панцирь открыл мешок и предложил пригоршню чего-то Пернатому Плащу. Когда тот покачал головой, приспешник отбросил прочь жемчуг. Сияющие капли рассыпались, ударившись о песок, точно бесценный дождь.

Ризала ошеломленно наблюдала, как образчики высочайшего мастерства из черепахового панциря и перламутра летят прочь, точно мусор.

— Если они презирают такие сокровища, что им нужно?

— Они находят кое-что, достойное их рук, — не согласился с ней Дев. Что бы ни показывал Костяной Панцирь Пернатому Плащу, это явно вызвало одобрение и было вручено служителю.

Ко времени, когда Пернатый Плащ осмотрел всю добычу, он отобрал не более чем сундук. Подчиненный поволок его по берегу. Между тем Ящер резко хлопнул в ладоши. Еще несколько его спутников появилось из-за деревьев, гоня толпу рыдающих мужчин и женщин. Почти все они были седыми, все спотыкались от потрясения и усталости, одежда их была мятой и грязной. Руки у всех были связаны, и тяжелая кожаная веревка охватывала шею каждого, соединяя всех вместе. Единственный пленник помоложе других оказался с вывернутой стопой. Он с трудом отгалкивался костылем, темные отметины на его обнаженной спине показывали, какую цену он платил за каждую неудачную попытку удержаться на ногах. Дикари шагали по обе стороны от неуклюже ковыляющей вереницы, небрежно волоча хлысты по песку.

— Ни один вождь не посмел бы так обращаться со стариками своего владения. — Ризала была потрясена.

— Не вижу, чтобы они представляли собой большую ценность как рабы. — Дев с мгновение подумал. — Заложники, как ты полагаешь? Если этот сброд не станет поступать как ему велено, бабушка получит дубиной по затылку?

Пернатый Плащ и Ящер, похоже, говорили друг другу что-то на прощание. Дев запыхал досадой.

— Если мы хотим узнать что-то ценное об этих чужаках, нам надо понять, кто их предводители, — сообщил он Ризале. — Я бы сказал, что Пернатый Плащ выше стоит на их иерархической лестнице, чем Ящер. Нам надо найти способ следовать за ними.

— Вон тот увидел человека над канавой. — Она указала дрожащим пальцем.

Дев наблюдал, как Костяной Панцирь надменно шагает через пляж, чтобы взглянуть на незадачливого островитянина, все еще висящего в отчаянии над острыми кольями. Костяной Панцирь поднял руку, синий свет поплыл от нее, и острови-

тянин упал с воплем ужаса. Он не нашел желанной смерти на хищных деревянных остриях. Лазурная вспышка волшебной силы Ящера толкнула островитянина в сторону, и вот он неподвижно распростерся на песке. Костяной Панцирь дернул головой и что-то проорал Ящеру, прежде чем подойти к островитянину и пнуть его. Чейзен не ответил ничем, и Костяной Панцирь осмотрел его более внимательно. Дикарь стоял, вцепившись одной рукой в волосы жертвы и тряся ее. Вскоре, когда стало заметно, что у несчастного сломана шея, Костяной Панцирь стал презрительно смеяться над Ящером. Ящер заткнул ему рот, шлепнув его по лицу своим синим колдовским светом. Костяной Панцирь тут же рухнул наземь, нагрудник его застучал, несколько белых осколков выпало из его волос. Кое-как поднявшись на колени, он простер руку к Ящеру, и охристый свет хлынул по песку. Ящер исчез в стремительном пыльном смерче, пронизываемом янтарными вспышками. Костяной Панцирь встал на ноги и рассмеялся.

— Что они делают? — пролепетала Ризала.

— Это поединок, — медленно ответил завороченный Дев.

Костяной Панцирь прекратил смеяться и поглядел вниз. Лицо его перекосила ярость и внезапная новая мысль. Песок вокруг его подошв светился темно и мшисто, и он начал туда погружаться. Увязнув по колени за несколько вздохов, он метнул вниз ладони, и зеленоватое свечение пропало. Миг спустя песчаный смерч вокруг Ящера взорвался, явив тяжело дышащего колдуна, покрытого бесчисленными порезами. Он метнул пригоршню резкого голубого света в Костяного Панциря, та прокатилась по песку, подбирая острые осколки раковин. Некоторые из них загремели о нагрудник второго колдуна, но куда больше их глубоко врезалось в обнаженные руки и ноги. Костяной Панцирь повел ладонями вокруг, точно человек, смахивающий мух, и голубой свет исчез. Костяной Панцирь вытер пот со лба, гневно глядя на Ящера.

— Все кончилось? — с надеждой спросила Ризала.

— Они так не думают, — Дев кивнул в сторону благоразумно отступающих дикарей.

Кое-кто укрылся в канаве среди пленных островитян, кое-кто попятился к лодкам на отмелях. Единственным, кто и не

думал тревожиться, был Пернатый Плащ. Он стоял, сложив руки под своей яркой накидкой, слегка наклонив голову с нимбом защитных чар, мерцающим вокруг.

Ящер медленно обошел Костяного Панциря по окружности, подняв одну руку ладонью наружу с распростертыми пальцами. Костяной Панцирь поворачивался на месте, ни на миг не упуская из виду Ящера. Руки он держал перед своим нагрудником, плотно стиснув ладони. Зеленоватое свечение проливалось оттуда и пропадало в земле. У стоп Костяного Панциря начал собираться туман, густой и белый. Тот рассмеялся и смахнул зарождающийся туман прочь порывами отливающего сапфиром ветерка. Туман развеялся, но песок под подошвами Костяного Панциря не стал мшистым от чар, призванных от воды. Он напился янтарным светом и внезапно засиял как бронза. Костяной Панцирь завопил, оказавшись по лодыжки в жару плавильни. Он хлестнул по земле лазурными чарами, брызнув блестящими каплями расплавленного песка по воздуху, и за ними волочились тонкие, как паутинки, нити стекла. Эти полужидкие снаряды промчались над песком, и кое-какие создали глубокие раны в ногах Ящера. Но колдун не дрогнул, вперив полные ненависти глаза в Костяного Панциря.

Столб пламени вырвался из песка и окружил Костяного Панциря. Пламя ревело, заглушая его исступленный крик. В течение нескольких вдохов оно раскалилось внутри до ослепительной белизны. Столь же внезапно, сколь поднялось, оно исчезло, оставив лишь медленно подергивающийся столб бледно-серой золы, осевший на песок. Колдун в шкуре ящерицы упал на четвереньки, его глаза настороженно обратились на того, что был в плаще из перьев. А чародей в многоцветном наряде медленно прошел к жалкой кучке золы. Присев, он взял пригоршню и медленно просеял через пальцы. Не осталось и осколка кости. Он рассмеялся, и его звенящий смех сотряс глухое молчание. Подойдя к Ящеру, он протянул тому, более молодому, чем он сам, свою руку. Ящер принял ее и неловко поднялся на ноги; гордость боролась в нем с болью от ожогов.

Пернатый Плащ призвал подчиненного, которому доверил прежде ларь с принятой добычей. После быстрого обмена словами Ящер хлопнул прислужника по плечу и повернул его

лицом к людям на пляже, движение это было выразительно. Поклоны захватчиков новому предводителю были немедленными и подобострастными, за ними последовали приветственные крики, хлопанье в ладоши, удары копьями по твердой земле. Те, кто пришел с Пернатым Плащом, присоединились к ликованию, не пожалев для Ящера смеха и улыбок.

— Можно подумать, он задал им пир, а не сжег одного из них колдовством заживо,— в негодовании пробормотала Ризала.

Ящер несколько мгновений наслаждался аплодисментами, прежде чем простереться ниц перед Пернатым Плащом в знак полного повиновения. Тот кивнул, удовлетворенный, и бросил что-то мерцающее на расprostертое тело Ящера. Молодой волшебник кое-как поднялся на ноги, свежие ожоги, усыпанные песком, еще недавно обезображивавшие его ноги, исчезли.

— Неплохая штука, если уметь,— пробормотал Дев, забывшись.

К счастью, Ризала все еще была поглощена зрелищем. Она так и подпрыгнула, когда щелкнул бич. Приведенные в действие дикари принялись осыпать вереницу связанных стариков, упавших на колени, грубыми пинками и ударами бичей. Пернатый Плащ, не обращая на это ни малейшего внимания, двинулся обратно к своему плавательному средству. Он не побеспокоился о мосте из светового кружева, но лишь закутался в свою накидку и, сделав один долгий шаг, перенесся по воздуху и с сухими ногами встал на грубую палубу. Ящер зашлепал по воде, чтобы присоединиться к нему, прижимая к груди драгоценный ларь с тщательно отобранной добычей.

— Идем.— Дев принялся быстро отступать на четвереньках.

— Куда? — Голос Ризалы дрожал, когда она отползала назад.

— Они поведут этих пленников по берегу,— Дев непрерывно наблюдал сквозь завесу листвы, двигаясь к берегу.— Я хочу видеть, куда они направляются.

— Зачем нам это надо? — Ризала остановилась с упрямым лицом.

Дев поднял брови:

— Твоей поэме нужны середина и конец. Не говоря уже о начале. Слушатели станут бросать в тебя гнилые плоды, если ты не сможешь поведать им, куда захватчики увели своих пленных. — Он мотнул головой в сторону пляжа, где пленные не жалели сил, чтобы обойти как можно дальше неровное и мутное стеклянное пятно на месте, где стоял недавно Костяной Панцирь. — Куда они забирают эту добычу? Я торговец сведениями, девочка, я тебе это говорил. И получу все ответы, какие смогу, прежде чем снова отплыть на север.

— Ни один из нас не вернется на север, если мы будем мертвы и обращены в пепел, — возразила замухрышка.

— Тогда возвращайся на «Амигал». — Дев пожал плечами. — Я вполне могу прийти к тебе позднее, если только не стащу новую лодку.

— Ты бы тоже вернулся сейчас, а? — Ризала нехотя сделала шаг вперед.

— Ты не готова биться об заклад, что этого не будет. — Он улыбнулся. — Давай-ка.

Дев провел ее через кусты у края леса, который окутывал мыс, протянувшийся в море. Мыс постепенно сужался, и вот на нем остались только переплетенные меж собой узловатые деревца. Дев начал прокладывать путь сквозь мясистые листья к воде.

— Что ты делаешь? — в тревоге завизжала замухрышка.

— Краду лодку. — Дев достал из ножен свой широкий нож для ходьбы по джунглям. — Держи-ка. Только намочи его — и я сделаю из тебя грудку фарша, как только представится возможность. — Он передал ей мешок с пойлом и смесями для курения, после чего осторожно подался вброд по мелководью. Наклонившись так низко, что были видны только его голова и нож, он полубрел-полуплыл к горстке лодчонок. Чейзены по обыкновению оставляли свои хрупкие суденышки покачивающимися на конце длинной привязи, закрепленной на берегу. Став спокойней, как только очутился среди скрывающих его скорлупок, Дев в один миг перерезал плетеную кожу. Дыхнув волшебством, он сам собой поднялся из воды, и секунду спустя лежал в неглубокой лодчонке, напрягая слух, дабы не упустить крика тревоги с берега.

Ничего. Дев схватил весло и подал маленькое суденышко в сторону Ризалы.

— Садись. Осторожней,— сверкнул он на нее глазами, когда она едва не опрокинула лодку.

— Прости.— Она вцепилась в борта, костяшки ее пальцев побелели.

Дев бросил ей весло:

— За работу.

Ризала встала на колени и погрузила весло в воду. Она не отрывала глаз от дальнего берега и гребла кое-как.

— Смотри вперед.— Дев резко взмахнул своим веслом, выравнивая лодку.

— А если они нас увидят? — Ризала перевела взгляд с берега, где дикари с воплями возобновили работу над канавой, на дальний конец бухты, где составное судно колдуна в плаще из перьев лениво держалось вровень с пленными, которых гнали по берегу.

— Мы будем держаться на порядочном расстоянии, они просто подумают, что мы из их людей, посланных за каким-то делом,— с презрением произнес Дев.— С такого расстояния они не больно-то много поймут.

Ризала открыла рот, чтобы возразить, затем опять закрыла, возобновив свою бестолковую работу. Дев несколько раз плавно взмахнул веслом, в самый раз для поддержания водных чар, которые он применял, чтобы вести вдоль берега их утлую лодчонку. Он решил, что вызовет из воздуха пламя и ответит взгляд любого захватчика, который, блуждая, мог бы наткнуться на них. Это не самая легкая задача, когда вода непрерывно бурлит внизу и растрчивает тепло стихий.

Пока они осторожно следовали за дикарями, Дев обдумывал то, что видел на берегу. Костяной Панцирь был пойман врасплох с руками, полными заколдованного воздуха, и слишком промедлил, чтобы отбросить его ради воды, которая могла бы его спасти, когда на него неожиданно обрушили огонь. Невелика потеря, что дурень мертв; у него многому не научиться, судя по всему.

Ничего подобного этому поединку не могло бы, впрочем, никогда случиться в Хадрумале. Маги-наставники всегда были

готовы к тому, что любой ученик поддастся искушению испытывать мощь, которой недавно овладел, в каком-либо испытании. Такие состязания останавливали, не дав им начаться, и последствия заставляли любого причастного сожалеть, что такая мысль вообще пришла ему в голову.

Сотрудничество — единственное спасение для чародейского сообщества. Дев помнил, как настойчиво вбивали эту заповедь в голову каждого ученика. Мир обычных людей не понимает чародейства, а того, чего он не понимает, он боится. Одинокiй маг, который не привык, вдобавок, себя ограничивать, рано или поздно неизбежно падет жертвой неистовой и перепуганной толпы. Дев скривил губы. Волшебникам Хадрумала следовало бы попытаться пожить как он эдак с полгода. Альдарбрешская ненависть к волшебству простирается далеко за пределы того, что обнаруживают государи и народы на материке.

Эти дикари, кажется, колдовства не боятся. Волшебники у них в почете и, видимо, непосредственно у власти. Они не испытывают никакого страха перед применением чар, в том числе и друг против друга. Дев всмотрелся вдаль, где составное судно огибало выступ песчаного пляжа — плащ из перьев ярко переливался над бревнами. Чем поможет ему такое несдерживаемое, бесстыдное волшебство дома на материке, в Хадрумале?

— Вот-вот начнется дождь. — Ризала задрожала, как только темные пятна стали оно за другим возникать на ее потертой рубашонке.

— Ты не из песка, — рассеянно произнес Дев. — Тебя не размочет.

Что-то блестящее неземной голубизны привлекло его взгляд. Он оставил чары, струившиеся под скорлупкой, для того, чтобы обострить зрение. Облака над судном захватчиков изливали целый потоп на Пернатого Плаща и его челядь. Но даже кончик хоть одного из присвоенных чародеем перьев не намок. Вода отстранялась, летя в море, но оставляя судно нетронутым. Те, кто спешил по берегу, промокли насквозь, рубахи и покрывала облепили пожилых пленников, отяжелевшая от воды одежда мешала им идти. Их стражи шагали как ни в чем ни

бывало, дождь сбегал по нагим телам, заставляя краску на них расплываться, и только.

— Мы попали в течение, или это прилив, или еще что. — Ризала в тревоге потянула весло, но лодка продолжала замедлять ход.

— Гребь с другой стороны, — Дев сам поступил, как советовал. Как только Ризала повернулась к нему спиной, он поспешно призвал кое-какое волшебство, дабы они опять спокойно заскользили по воде. Между тем колдун в плаще из перьев исчез, его составное судно огибало скалистый выступ, а вереница пленных скрылась в лесу.

Дев сделал глубокий вдох. От стольких чар подряд удивительно начать уставать. То был еще один способ, каким волшебство способно принести гибель чародею, в соответствии с заповедями Хадрумала. Любой колдунишка, жаждущий власти над миром, скончался бы от изнурения прежде, чем сколько-нибудь приблизился бы к цели. Так говорилось. Пернатый Плащ отнюдь не показался Деву утомленным. Дев заскрежетал зубами и сосредоточился на том, как провести их неглубокую лодочку мимо каменистых холмов на мысу впереди.

— О, Дев! — Весло его спутницы без всякой пользы проволокло по воде.

Здесь скалистый бережок охватывал более глубокий залив, окаймленный синеvато-зелеными кораллами. Маленькая деревенька благополучно жила-поживала среди ореховых пальм, покачивавшихся над белым песчаным пляжем, где густые ягодные кусты и деревья тандры были вырублены, чтобы разбить ровные примыкающие друг к другу огородики и соллерные поля.

Этот отменный порядок был теперь едва заметен позади огромного становища, расползшегося по прибрежной полосе. Еще зеленые побеги с обломками ветвей и даже листьями были воткнуты в песчаную почву и связаны вместе переплетенными лозами, чтобы образовать широкие загоны. Между этими наспех созданными местами заточения выше головы человека были навалены мешки и бочки, как попало накрытые пальмовыми листьями для защиты от дождей.

— Здесь достаточно груза для целого галерного флота, — с любопытством заметил Дев. — Даже если наш дружок в перышках так разборчив.

— Дев, их тут сотни! — Ризала в волнении крепче схватила свое весло.

Бессчетные дикари сполна воспользовались тем своеобразным кровом, какой им предлагали горы награбленного. Большинство предавалось праздности, некоторые присматривали за не желавшими гореть костерками. Приветственный гул эхом разнесся по заливу, когда с берега заметили судно Пернатого Плаща. Оно безмятежно скользило навстречу берегу. Лоскут радуги над ним искрился гордым презрением к неутихающему дождю.

— Что теперь? — спросила Ризала. — Если они нас увидят, мы мертвы, если не хуже.

— Позади них суша, — Дев начал раздраженно давать задний ход своим веслом. — Мы можем наблюдать оттуда.

Ризалу не потребовалось понукать. Они развернули свою лодчонку, и вскоре скалистый выступ оказался между ними и захватчиками. Волоча, они извлекли свое суденышко из плещущего прибоя. Затем осторожно проползли вверх по склону на четвереньках и остановились меж обломков разрушающихся скал.

Ризала поглядела вдоль берега, дойдя до того места, где за деревьями исчезла вереница пленных.

— Не иначе как именно сюда они вели этих несчастных. Ты знаешь в точности, где мы, если потребуется сказать Чейзену Сарилу, куда направиться, чтобы их спасти?

Дев кивнул.

— Голову понизже.

— Что ты видишь? — Ризала съежилась за покатою осыпью, где смешались с песком сорванные ветром листья лиллы и пух тандры.

— Дай мне подзорную трубу, — скорчившись за плоским как стол камнем, Дев требовательно протянул руку. Ризала поколебалась, но тут же исполнила просьбу.

— Ты права, вот и пленные, — Дев помедлил, вытирая со стекла нанесенные туда ветром дождевые капли. — Их загоня-

ют за один из этих частоколов. Тут уже есть люди, и много, — добавил он с некоторым изумлением. — И все старики и немощные.

Ризала была озадачена.

— Рабы должны быть молоды и здоровы, если они стоят пищи и крова.

— Эти люди, кажется, не ставили себе целью, чтобы их пленники на что-нибудь годились. — Дев наблюдал, как избавляют от уз вновь прибывших невольников. Немало их упало, слишком беспомощных, чтобы избежать безжалостных пинков. Одно-го, как он видел, били до того, что он перестал шевелиться, прежде чем швырнули в грубый загон. Ризала звучно сглотнула.

— Ты не думаешь, что они собираются их съесть, нет?

Дев открыл рот, чтобы бросить презрительное замечание, но тут же снова закрыл.

— Они стали достаточно жесткими и невкусными после того, как всю жизнь мотыжили соллерные поля и вытягивали сети с рыбой.

— А что еще ты видишь? — поспешно спросила Ризала. — Мы скоро сможем уйти?

— Пернатый Плащ забирает на берег свой ларь, — Дев подкрутил кольцо на трубе, чтобы яснее видеть. — Молодой Ящер среди носильщиков. А теперь, как ты полагаешь, кому они собираются это отдать?

— Своему предводителю? — напряженно предположила замухрышка. — Человеку, которого должен будет убить Чейзен Сарил?

— Для поэта ты, похоже, слишком увлечена стратегией. — Дев не отрывал глаз от подзорной трубы. — Ну, а это-то кто?

— Кто? — досада побудила Ризалу подняться на коленях, впрочем, вскоре осторожность вновь вынудила залечь.

— Пернатый Плащ и Ящер лежат ниц перед ним, так что он должен быть важной птицей. Он выглядит почти как остальные — высокий, костлявый, волосы слиплись, покрытые цветными красками. Но плащ на нем поистине невероятный. — Дев подался вперед в неосознанном усилии, желая увидеть больше.

— Как это? — Ризала тщетно пыталась разглядеть то, о чем он говорил, но они были слишком далеко.

— Чешуйки. Как и у нашего друга в шкуре ящерицы, но никакого сравнения, — вздохнул Дев. — Красный и натерт до блеска лаком или чем-то еще. Ишь как светится.

Ризала поглядела на сплошной облачный покров над головой.

— Как он может светиться, если нет солнца?

Дев осознал, что рубиновое свечение узорчатой шкуры вызвано колдовством. Плащ представлял собой полукруг, вырезанный из живота некоего огромного животного. Некоторые из чешуек были длиной с палец или около того. Дев проглотил свое недоверие.

— Да не иначе как это шкура дракона.

Новый колдун медленно подходил к Пернатому Плащу и Ящеру, которые все еще лежали ниц, раскинув руки. Дождь, падавший поблизости, превращался в пар, натолкнувшись на дыхание первозданного огня.

— Быть того не может, — возразила Ризала. — Драконы бывают только в стихах.

— И замерзшие горы беспредельных земель, — отозвался Дев. — А я все же говорю, что это драконья шкура. Тихо, он заглянул в ларь.

— Ты видишь, что они ему принесли? — Ризала подобралась чуть ближе.

— Нет. — Дев покачал головой в раздражении и кинул ей подозрительную трубу. — Попробуй погляди сама. Если ты такая умная.

Несколько смутившись, замухрышка тем не менее взяла трубу и в нетерпении навела ее на прибрежное становище. Дев стал искать лужу. Ведь должна быть хоть какая-то польза от этого дождя. Углубление в скале сияло влагой, и Дев беспрепятственно поколдовал над этой водой, чтобы она показала ему желаемое.

— Видишь что-нибудь? — спросил он Ризалу.

— Пока нет, — медленно ответила она.

— Всмотрись усердней, — резко потребовал он. И сосредоточился, как мог, на самой природе воды, подавляя любой намек на волшебный свет в том, во что вглядывался. Образ заколебался на поверхности, точно отражение, пойманное на дне чашки и тут же пропавшее. Дев глубоко вздохнул.

— Огонь! — Замухрышка так бурно вздрогнула, что ударила Дева по руке. — Во всяком случае, вспыхнуло, как пламя. Колдовство или что-то такое. — Она залегла за камнями, держась как можно ниже, чтобы только не потерять из виду далекий берег.

Готовый посмеяться над спутницей за то, что испугалась вновь разведенного костра, Дев тут же вместо издевки ощутил во рту холодный пепел. В водяном зеркальце в его впадине показался колдун в драконьей шкуре, поднявший руки. Рубиновое сияние его плаща все сильней разгоралось. Колдовские огни, маленькие и ярко-алые, вспыхивали друг за дружкой вокруг его поднятых ладоней. Даже на таком расстоянии неукошенная сила ударила по чародейским ощущениям Дева. Он замер с открытым ртом, поняв, что эта сила обшаривает сушу и воды вокруг.

— Бежим! — он вскочил на ноги и понесся к их лодчонке. Он не стал задерживаться, чтобы ответить на невразумительные вопросы замухрышки, едва ли замедлив шаг, когда камень выскользнул из-под его стопы, и он подвернул ногу, а затем оцарапал голень о коварный выступ.

Валун, о который он недавно опирался локтями, взорвался. Капли расплавленного камня пронеслись над головой и с шипением упали в море или раскололи глыбы, на которые приземлились. Земля под ногами сдвинулась и вздыбилась. Дев оглянулся и увидел, как пылающая трещина разверзлась там, где они только что лежали. Пока он смотрел, яркое острие пылающего колдовского света стремительно прорезало землю в его направлении, и позади острия ширился огненный клин.

Ризала, скуля как безумная, вцепилась в лодочку и потащила ее. Дев схватился за лодочку, где получилось. Вдвоем они столкнули суденышко в воду и, прыгнув внутрь, вызвали опасное его колыхание.

— Спиной к берегу! — проскрежетал Дев. И оттолкнулся от скалы веслом.

Сгусток колдовской силы, преследуя их, достиг края воды и остановился в облаке пара. Дев перевел было дух — и тут вода вокруг их лодочки заклокотала и забурилась.

Ризала выхватила из воды свое весло.

— Мы сваримся заживо, — прорыдала она.

Дев отбросил свое весло и стиснул ладони. Вокруг них завихрился изумрудный колдовской свет. Не обращая внимания на охваченное ужасом лицо замухрышки, он вцепился в борта их лодочки. Зеленое свечение поползло в стороны, образуя переплетение над деревянной поверхностью. Как только его волшебство коснулось воды, Дев понял, что под их лодкой нет волшебного огня. Вода не кипела. Что-то иное тревожило ее. Под ними, схлестнувшись, ожесточенно боролись чары земли и воды.

Ризала завопила, когда серое глянцевитое щупальце возникло в воде. Второе поднялось с другой стороны, и вот оба они потянулись друг к другу и стали переплетаться. Она заколотила по извивающемуся узлу лопастью весла, но появились новые щупальца и потянулись к прежним.

— Дев! — Ее отчаяние вылилось в душераздирающем вопле, когда новые щупальца поднялись над бортом и стали оплетать ее ноги. Густая слизь заблестела на ее стопах, заливая дно лодки. Ризала извернулась, когда скользкое серое щупальце попыталось обвить ее запястье, и освободилась от него с отчетливым треском. Кожу ее замарали синеватые отметины присосок.

Дев сидел неподвижно, чувствуя, что колдовство, чем бы оно ни было, вытягивает волшебную силу, пущенную в ход им самим, присосавшись к могуществу, которое он призвал из водной стихии. Это неведомое чародейство не просто оставляло его без сил, оно пользовалось украденным, чтобы подпитать мерзость, которая на них напала. Дев поглядел через борт в пенящееся море, где бессчетные бледные и бескостные конечности поднимались из глубин. И там, где слепые жадные пальцы касались его волшебства, зеленый свет угасал, будто бы его и не было. Взметнув руки в воздух, он призвал огонь, который всегда был основой его мощи, и пламя заплясало на его ладонях. Миг спустя ярко-алый свет исчез, беспощадно задутый. Громкий треск заглушил безумные крики Ризалы. Лодчонка содрогнулась, когда мягкие щупальца внезапно и резко ударили по крепкому дереву. Меж подошв Дева появились трещины. Морская вода хлынула в узкую лодчонку, по ней длинными нитями волочилась слизь.

— Давай руку! — Когда Дев потянулся к Ризале, щупальца задрожали и, мощно стиснув лодку, разнесли ее в щепы. Дев упал в воду, сосредоточив силы на том, чтобы держать голову над пеной и слизью, отбиваясь при каждом отвратительном прикосновении серых щупалец к своим рукам и ногам. Горестный вскрик Ризалы перешел в бульканье, когда щупальца утащили ее под воду. Дев как безумный лягал по гладкому и скользкому, вновь и вновь пытавшемуся обвить его щиколотки, мечась то туда, то сюда, чтобы его не опутало. И вот, набрав воздуха, сколько сумел, он нырнул, прорываясь в толще воды. Коварные щупальца скользнули прочь, прежде чем, изогнувшись, вернуться и попытаться все-таки обвить его руки. Его кулак ударил по чему-то твердому. Он ухватил это. Не дерево, не морское чудовище, плотное и явно живое. Не иначе как это Ризала. В груди началось жжение. Дев поглядел вверх и обратил все врожденное в себе, связанное с волшебством, к небу.

Они ударились о палубу «Амигала» так мощно, что он упал с разинутым ртом, почти бездыханный. Ризала распростерлась рядом с ним, он не видел ее лица за обилием облепивших его мокрых волос. Дев с усилием поднялся на колени и перекатил замухрышку на спину, убрав с лица волосы.

— Дыши, чтоб тебя! — рявкнул он. Обхватил ее вокруг пояса и поднял. Приступ кашля сотряс замухрышку, и тут же ее начало рвать водой и слизью. Дев схватился за одну из снастей и тянулся по ней, пока не встал прямо. Сейчас не до хитростей. Он разбросал ветки, которые укрывали кораблик, всплесками сапфира колдовства, торопясь поставить парус.

— Помоги мне! — заорал он на Ризалу. — Или мы оба покойники. Оба якоря на борт!

Кое-как поднявшись, она перелезла, почти свалившись, через поручень с пепельным лицом и налитыми кровью расширенными глазами. Затем заковыляла по илистой отмели, последним усилием вытаскивая якоря. Дев справился с парусом, и тот свободно захлопал на мачте. Ветер, который доставил их сюда, устойчиво дул к берегу.

— Берись за руль! — приказал Дев, подобрав якоря вспышкой лазурного света. Ризала шарахнулась с нечленораздельным испуганным криком.

— На борт и правь этой проклятой посудиной! — Он вперил в нее гневный взгляд.

Ризала стояла, не шевелясь, бесконечно долгий миг, прежде чем перебралась через поручень, скуля от ужаса, и схватилась за руль, как если бы только это могло ее спасти.

Дев устремил все свое внимание на то, чтобы наполнить парус ветром, достаточно сильным, способным вывести «Амигал» из его укрытия. Он коснулся воды под килем, но та скользнула прочь, холодная и не откликающаяся. Водное волшебство оказалось полностью вне его власти — сила, противостоящая первозданному огню, с которым он был в родстве.

«Амигал» кренился и дрожал, продвигаясь в открытое море. Ризала то так, то эдак наваливалась на руль, озираясь в диком испуге.

Дев рухнул на палубу, привалившись спиной к мачте, вытянув ноги перед собой и глядя на нос. С отрешенным изумлением он вдруг заметил, что его стопы и лодыжки сплошь в следах присосок.

— Я уведу судно как можно дальше, — сказал он, не оглядываясь. — Затем придется поработать тебе. Попытайся, чтобы мы добрались хотя бы до владения Дэйш. Мне надо поспать. — Изнурение проникло в него до самых костей и ныло в них, угрожая одолеть его вконец. Он противился, глядя на плещущийся парус, сосредотачиваясь на том, чтобы призывать ветер, который нес бы их вперед, против естественного ветра, текущего вокруг.

— Что ты сделал? — сдавленно спросила с кормы замухрышка.

— Перемещение, — хрипло ответил он. Особо изматывающие чары, допустим, но даже если учесть, что он до того занимался и другим волшебством, это не должно было его настолько обессилить.

— Значит, ты волшебник... — Голос Ризалы вздрогнул в отращении.

— Жалеешь, что я не бросил тебя, предоставив бороться с этим чудовищем? — огрызнулся Дев.

— Я не поплыву с волшебником. — Голос ее был хриплым от испуга.

— Приспосабливайся.— Дев тесно сплел вместе пальцы, приветствуя боль, так как она умеряла дрожь в ладонях.— Впрочем, и думать забудь выдать меня кому бы то ни было. Любой вождь, который пожелает спустить с меня шкуру, решит сперва заставить меня говорить. И я с удовольствием пойду ему навстречу, но это будет означать, что ты умрешь вместе со мной. Достаточно много народу видело нас вдвоем в этот последний пробег лун. Я скажу, что ты моя ученица, что ты разыскала меня, чтобы перенять у меня все колдовство, какое сможешь. И на тебя напустятся все, с одного конца Архипелага до другого.

Говорить было так тяжело, что он оставил всякие потуги, вернувшись с последними остатками сил к волшебному ветру, который нес их прочь от этого грозного чародея в плаще из драконьей шкуры.

— Так все это была ложь, вот как? Я спрашивала тебя, а ты мне лгал? То, откуда ты знал все течения, все ветры, все твое хвастовство о тайнах пути на юг навстречу дождям? Это просто колдовство, да? Что еще ты делал? — вопросы Ризалы выплескивались неровными выдохами.— Какое еще колдовство ты творил, оскверняя невинных людей и хорошие места? Чего ты ищешь в этих краях? Ты служишь какому-нибудь королю варваров, или кто-то из наших вождей предал свое высокое рождение, чтобы обратить твое зло себе на пользу?

Дев не обращал на нее внимания. Когда «Амигал» ушел от подветренного берега, Ризала отчаянно правила, ловя естественные ветра. До отказа наполненный парус быстрее погнал кораблик по водам. Дев с запозданием осознал, что дождь прекратился.

— Полагаю, я должна поблагодарить тебя за то, что ты меня спас,— заставила наконец себя произнести Ризала.

— Вопрос был не в том, чтобы спасти тебя.— В издевке Дева присутствовало горестное испугание.— А в том, чтобы не позволить ему победить.

Когда он проснулся, то лежал в темноте на полу кормовой каюты, на него был брошен его полотняный гамак. Содрогнувшись в первый момент, он расслабился и приподнялся на локте. Корабль мягко покачивался на укромной стоянке, и Дев

понял, что способен своим привычным восприятием волшебника ощущать, как морские воды омывают днище. Это вернулось к нему.

— Ризала?

Ответа не было. Обратившись к своему врожденному дару власти над огнем, он зажег лампу, свисавшую с потолка. Затем, отбросив в сторону полотно, медленно и мучительно встал на ноги. Они все еще болели там, где смыкались мерзкие щупальца. Отметины были синеватыми и вздувшимися.

— Ризала? — И тут он заметил, что ее достопримечательные пожитки исчезли. Сняв лампу с крюка, он проковылял в главный трюм, а затем в носовую каюту. Все как было. По крайней мере, эта стерва его не ограбила. Хотя утрата мешка, который он брал на берег, стала для него достаточно тяжелым ударом.

Взобраться по лесенке и распахнуть люк потребовало больших усилий, чем ему хотелось бы, но выбравшись на палубу, он стал дышать легче. «Амигал» надежно стоял на якоре у одного из малых торговых островков владения Дэйш, всеми покинутого теперь, так же, как во время их плавания на юг.

Дев кивнул с невольным восхищением. Вот уж не подумал бы, что замухрышки хватит на то, чтобы найти сюда дорогу. Он оглядел пустынный белый песок, позолоченный последним отблеском заката, и задумался — куда же могла запропасться эта чудачка?

Глава 16

— Суйс, наконец-то ты появился! Какие новости? — Кейда поднял глаза на корабельщика, возникшего на пороге тесной каюты, которую с такой неохотой уступил ему плотник.

Единственной причиной, по которой Кейда все еще сидел на своей свернутой постели, было отсутствие места. Два шага от его славного кожаного мешка со скромными пожитками, приткнутого у самого ахтерштевня, и он уткнулся бы носом в дверь.

— Владение Дэйш процветает, судя по тому, что я слышал и видел. — Голова высокого человека почти касалась макушкой

палубных досок. — Похоже, все сыты, прилично одеты и заняты обычными для сезона дождей делами. Однако торговая площадь покинута, люди держатся поближе к дому, — то ли стремясь укрыться от дождя, то ли в страхе перед дикарями.

— Ты не думаешь, что они найдут необычным наше присутствие здесь? — напрямик спросил Кейда. — Так далеко от ваших вод?

— Необычным, да... — Суйс тщательно подбирал слова. — И все же, если ветер приносит странные новости, то не так уж и удивительно, что Шек Кул мог послать доверенный корабль на юг — дабы его корабельщики посмотрели на все собственными глазами и принесли правду обратно на север.

— Итак, владение Дэйш процветает... И люди ожидают, что это надолго? — Кейда воззрился на деревянную переборку, как если бы мог увидеть морской берег за ней. — Они не боятся нападения с юга? Какие новости о захватчиках?

— Чейзен держит против дикарей рубеж у Зубов Змея, — бесстрастно ответил моряк. — Его островитяне по-прежнему бегут куда могут. Судя по тому, что они говорят, эти мерзавцы не заняты приготовлениями к походу на север. Тем не менее корабли Редигала Корона несут дозор в водах к западу, в то время как силы Ритсема и Сарема ожидают в полной готовности...

— ...чтобы плыть на юг, как только пройдут дожди, — мрачно закончил Кейда.

На якоре в водах Дэйша я только и могу, что видеть моих людей — а им, безусловно, нельзя позволять видеть меня. Но тем не менее это воды Дэйша. Понимаешь ли ты: я настолько нервничаю из-за этого, что с радостью пробил бы дыру в обшивке твоего корабля.

Корабельщик стоял, убрав руки за спину, подпирая дверь широкими плечами и легко сохраняя равновесие, меж тем как трирема мирно покачивалась на якоре.

— Можно ли надеяться, что другие владения пошлют силы на помощь Чейзену Сарилу, когда он надумает потребовать обратно свое законное владение? — внезапно спросил он.

— А не говорят ли чего-то о прочных союзах, данных поручениях и обещанных наградах? — в ответ поинтересовался

Кейда.— Ты хочешь мне сказать, что люди не угадывают полностью намерений Чейзена Сарила?

— Его люди укрепляют свои позиции на островках Зубов Змея.— Суйс упер взгляд в дырку от выпавшего сучка где-то позади головы Кейды.— Строят укрепления по всем направлениям — на случай, если захватчики каким-то образом их обойдут, как утверждает Чейзен Сарил. Говорят, Редигал Корон упрекнул его в недостатке веры в корабли владения Дэйш. Но Чейзен Сарил ответил, что боится коварных чар, которые могут бросить вражеские силы в самую середину его войска.— Корабелышник помедлил.— И еще говорят, он считает, что предотвратить такую опасность можно только быстрым ударом на юг.

Кейда нахмурился.

— Что он имеет в виду?

Ответ Суйса был точен и беспристрастен:

— Некоторые из его людей, что держат с ним против пришельцев Зубы Змея, получают отпуск, чтобы навестить семьи, которые нашли приют во владении Дэйш. И говорят, они стараются как могут, чтобы зачать детей.

Кейда с подозрением поглядел на моряка.

— Мужчины, которые боятся за свою жизнь, всегда спешат посеять новое поколение.

— Здесь повсеместно верят, что Чейзен Сарил поощряет стремление своих людей зацепиться за владение Дэйш — через дитя, рожденное и вскормленное в его границах.

В словах Суйса появилась странная интонация, резанувшая Кейду по уху.

Тебе это не нравится, верно? Шек Кул уверил меня, что ты не станешь задавать вопросов и делиться своим мнением. Ты был для меня подобен чистой странице, как он и обещал, но тебе это не нравится. Есть кое-что еще, и ты мне это скажешь, если только я сумею задать правильный вопрос. Как много бы я дал за то, чтобы рядом оказался Атун или Телуйет, за то, чтобы услышать их доклад или прямой совет!

— Островитяне Дэйша не верят, что Чейзен Сарил поплывет на юг требовать свое достояние, не так ли?

Движение широких плеч Суйса можно было принять за брезгливое передергивание.

— Немногие здесь имеют высокое мнение о его храбрости и стойкости в бою. Он, разумеется, не тратит много времени на своих людей, и очень мало признаков того, что он готовится плыть на юг.

Кейда сдержал свои чувства не без некоторых усилий.

Не следует знать на Суйса за длительность плавания. Дни в море могли показаться тебе бесконечными, но трирема совершила переход быстрее, чем ты вправе был бы ожидать. Эти гребцы не знают ни кто ты, ни что тебя может заботить, но они гребли неустанно, одолевая самую скверную непогоду без единой жалобы. Парусный мастер и его помощники ни разу не смогли развернуть свои снасти, ветер все время был противным.

Суйс стоял терпеливо, без всякого выражения на лице. Молчание громким эхом отдавалось в тесной каюте.

— Где проводит время Чейзен Сарил и что он делает? — резко спросил Кейда.

— В настоящее время он гость в доме Дэйшей, — взгляд моряка пробежался по лицу Кейды, прежде чем опять упереться в корабельные доски. — Точнее, в приюте для сухой поры.

— По чьему приглашению? — рявкнул Кейда.

— Говорят, он уделяет немало времени Сэйн Дэйш, утешая ее вдовство и умеряя ее страхи за судьбу новорожденного сына, — осторожно произнес моряк. — Она так и не перебралась вместе с другими женами на север, в жилище для поры дождей.

— Почему? — Кейда был ошеломлен.

— Она дала владению сына в ту самую ночь, когда разразились дожди. — Суйс упорно смотрел поверх головы Кейды. — Очевидно, ребенок слишком мал для путешествия.

— Такие заботы перевешивают возможность нападения с юга? — Кейда с подозрением покачал головой. Он промолчал, но мысли его буквально неслись вскачь.

У нее сын, да еще такое благоприятное знамение — родовые воды отошли с первыми дождями!

— Но Дэйш Сиркет тоже остался в доме для сухой поры, — внезапно, не дожидаясь нового вопроса, добавил мо-

ряк. — Якобы на случай, если вдруг запахнет вторжением. Но, несомненно, этому были и иные причины — так говорят на берегу.

— Чтобы защитить Сэйн Дэйш? — предположил Кейда.
Или чтобы не спускать глаз с Чейзена Сарила?

— Ходят слухи, что Чейзен Сарил ныне пренебрегает Итрак Чейзен в пользу Сэйн Дэйш. — Суйс позволил своему взгляду на миг скользнуть по лицу Кейды. — Хотя не говорят, что Итрак Чейзен недовольна, ибо она в большом восхищении от Дэйша Сиркета. Делаются ставки на то, как скоро Итрак Чейзен войдет в семью Дэйш.

Если Джанне и Рекха имеют здесь право голоса, то никогда. Но что они могут об этом сказать, если их здесь нет?

Кейде стоило невероятных усилий не произнести это вслух.

— А не говорят ли чего-нибудь о посетителе, которого мы ожидаем? — внезапно спросил он.

— Пока нет. — Суйс впервые с интересом поглядел на Кейду. — Но ждать осталось недолго. Можно мне вернуться к моим обязанностям?

А ты бы остался, если бы я сказал, что тебе нельзя возвращаться на палубу? Нет, конечно, и не подумал бы. У меня нет никакого статуса на этом судне, даже имени нет.

— Естественно, — и Кейда натянуто кивнул. Суйс покинул крохотную каюту, даже не поклонившись, оставив Кейду наедине с бесконечными вопросами, изводившими его на протяжении всего долгого плавания на юг.

Так что же сказал тебе Шек Кул, доверенный корабельщик? Впрочем, ты бы мне не передал, даже если бы я спросил прямо. Слишком много вопросов, которые я не могу никому задать.

Как Сэйн думает назвать свое дитя — наше дитя, моего нового сына? Оправилась ли она после родов? Здоров ли ребенок, не имеет ли каких родовых увечий? Какие знамения были замечены при его рождении? Не забыл ли Сиркет сделать все, что от него требовалось?

А о чем думает Сэйн, принимая Чейзена Сарила? Предостерегает ли его Ханьяд своими мрачными взглядами и

решительными извинениями, которые ему столь присущи? И о чем думает Сиркет, увиваясь за Итрак Чейзен?

О чем думали Джанне и Рекха, оставляя Сэйн и Сиркета одних в жилище для сухой поры с этим настойчивым и обворожительным Чейзеном Сарилом? Полагаю, они хотели увезти остальных детей как можно дальше от опасности. Тогда они будут в удобном месте, чтобы можно было бежать в воды Ритсема, если случится худшее. Или они не слышали молвы, которая разгуливает по всем берегам? Почему они не отговаривают Сиркета от этого неуместного увлечения Итрак? Возможно, они даже пытались. Или Сиркет, отстаивая свою независимость, вздумал показать им, кто теперь здесь господин? Неужели они позволяют ему баловаться, чтобы облегчить ему жизнь? И о чем думает Чейзен Сарил? Сиркет заведет ребенка с Итрак, пока она все еще жена Чейзена. Ее первое дитя станет новым наследником владения Чейзен. Не этого ли хочет Сарил? Если он станет отцом, вполне могут пойти слухи, будто он запятнан магией. Но Сиркет, как всем известно, не тронут никакими чарами. Неужели Сарил способен думать так далеко вперед? Он никогда прежде не выказывал такую предусмотрительность. Он даже не заглядывает в следующую сухую пору, когда надо бы двинуться на юг, дабы отвоевать свои земли. Или все-таки заглядывает? Не думает ли он о чем-то совершенно ином? Не может ли он прикидывать, как ему прихватить самые южные из островов Дэйша? Разумеется, нет! Сиркет легко побил бы его при поддержке Редигала и Ритсема.

Но что, если Сиркет погибнет от руки дикаря или его унесет болезнь? Что если Сэйн в ее горе, с оставшимся без отца новым сыном-Дэйшем, склонится к браку с Чейзеном Сарилом — жена которого, оставшись в живых, тоже принесет дитя от Дэйша? Он сможет потребовать для себя правления как защитник детей двух покойных властителей, столь горестно сгинувших при таких мрачных обстоятельствах.

Джанне и Рекхе нашлось бы, что на это сказать, и всем их детям тоже. Но целые семьи могут пропадать в одном

бедствии — таком, как пожар или внезапная болезнь. Такое несчастье возбудило бы подозрения в советах Ритсема и Редигала, но кто посмел бы противоречить Чейзену, если бы все знаки указали на чародейское коварство, окутывающее подобные случаи?

В своем ли ты уме? О чем ты думаешь? Ты с досады сплетаешь вымыслы, спрядая нити выводов из непроверенных подозрений, просто потому, что заперт в этой проклятой каюте с тех самых пор, как корабль добрался до вод Эндита. Тебе мерещатся хитрые заговоры из-за того, что больше нечего делать!

Значит, найди для себя дело! Дэйшу Рейку никогда не хватало терпения возиться с детьми, жалующимися на скуку. Подумай, что могут спросить с тебя позднее — завтра, послезавтра. Готовься, изучай, думай на много ходов вперед, если для этого вдруг выпало столько времени!

Кейда открыл мешок, который принес ему телохранитель Шека Кула перед самым отплытием. Выудил оттуда маленький лакированный ларчик с тростниковой бумагой, перьями и чернильницей, забитой пухом тандры, чтобы чернила не пролились. Перо замерло над древней бумагой, ибо он не знал, что писать. Блуждая, его взгляд наткнулся на другой ларчик, который дал ему Шек Кул — с крышкой, залепленной по краям воском и со всех четырех сторон запечатанной печатью самого вождя.

У тебя есть кое-какие новости для Джанне, но остается еще этот вестник, появление которого Суйс обещает два дня подряд. Если вестник может привести тебя к этому темному Деву, вполне может найтись куда больше того, что надо ей сказать. Как скоро ты можешь с ней встретиться? Это выяснится через того посланца, которого сможет найти для тебя Суйс. Лучше отправить письмо на остров тысячи жемчужниц. Это ближе, чем приют для дождливой поры. Либо Джанне сама будет там, либо придет какой-нибудь доверенный раб, который сможет послать ей птицу. Лучше дать ей время получить послание и приплыть, чтобы встретиться с тобой. И есть надежда, что пока суд да дело, ты успеешь поговорить с этим вестником.

Ты не можешь себе позволить тратить много времени. Но что ты можешь написать? Ничего, что могли бы понять недружеские глаза. Увы, все тайнописи Дэйша Кейды умерли вместе с ним.

Кейда быстро нарисовал полукруг, а под ним полный круг, побольше.

Если только у Джанне хватит ума понять, что это половина Малой Луны, а это — полная Большая. У нее пятнадцать дней. Это будет сигналом, что я должен ей кое-что сказать. Ее путешествие, несомненно, обратит на себя внимание Чейзена Сарила. Возможно, он на некоторое время отвлечется от Сэйн и Сиркета.

Плотно свернув тростниковый лист, он нашел в ларчике с письменными принадлежностями маленькую палочку воска и подержал ее в пламени фонаря, который нехотя дал ему Суйс, чтобы освещать место заточения. Толстой каплей воска он запечатал крохотный свиток и открыл дверь на гребную палубу триремы.

— Парусный мастер Фалсе. — Кейда вежливо прочистил горло. — Не мог бы ты передать это послание корабельщику Суйсу? Мне нужно, чтобы его доставили на внешний риф, известный как остров тысячи жемчужниц. Там есть Башня Молчания. — Он протянул бумагу. — И там будет кое-кто, кто примет письмо.

— Хорошо. — В непроницаемости лица Фалсе уступал Суйсу. Его густые брови поднялись, прежде чем он принял запечатанный свиточек, передернув плечами, что громче любых слов объявило: не его это дело, он просто намерен исполнить поручение, и все тут.

Когда парусный мастер поднимался по лестнице на кормовой мостик, Кейда вдруг резко почувствовал, как ему не хочется вновь спускаться в тесное укрытие. Он полной грудью вдохнул свежий воздух и подставил лицо желанному свету, падавшему через люки в верхней палубе, освещая проход среди скамей для гребцов. Это был настоящий дневной свет, хотя небо над кораблем и было уныло-серым, каким ему положено быть в сезон дождей.

Кейда приблизился к двум гребцам, тщательно проверявшим уключины и весельные окна.

— Я могу вам чем-то помочь?

Один из них с любопытством поглядел на Кейду.

— Знаешь, как проверяется крепление весла?

— Да. — Кейда скользнул на одно из ближайших сидений, где трудились гребцы самого низшего из трех разрядов. Здесь стоял мощный запах пота — признак безоговорочного повиновения гребцов приказу Шека Кула плыть на юг что есть сил. Кейда обнаружил, что ремень, присоединявший весло к уключине, действительно ослаб. Он подтянул его, как когда-то учил Иало, склонившись вперед в надежде выглянуть наружу через маленькое отверстие. Но кожаный рукав, натянутый снаружи на весло для защиты от непогоды, мешал что-либо увидеть.

— Ты уже занимался этим прежде, — неожиданно раздался голос гребца с самого верхнего места. — И у тебя мозоли, как у гребца, — добавил он, когда Кейда поднял взгляд.

— Таи! — Фалсе, стоя сзади в проходе, бросил на него недовольный взгляд. — Меньше болтай, больше работай.

Кейда склонился, проверяя следующий хитрый узел. И следующий. И еще один. Работая в согласном молчании, он и его товарищи по кораблю уже приближались к тому, чтобы проверить самый верхний ряд весел, когда на трапе, спускающемся с мостика, появился Суйс. Он кивнул — молча, но выразительно.

— Да? — Кейда вышел в проход в то время, как Суйс стал спускаться по трапу.

— Твое послание отправлено. — Корабельщик встал с одной стороны. — И прибыло послание, которого ты ждешь.

Кейда медленно вытер с ладоней масло, пропитывавшее кожу рукава. Меж тем с кормового мостика спустилась невысокая девушка. Худая, изнуренная, крути под глазами почти так же темны, как ее волосы, изрядно поношенная одежда основательно загрязнилась в пути. Она держала плотно залепленный пакет из промасленной бумаги и вопросительно смотрела на Кейду.

— Пройдем в каюту. — Кейда рукой указал ей направление и проследовал за этим необычным посланцем, выразив кивком благодарность Суйсу. Дрожащими пальцами, кое-как совладавшими с огнем, он опять зажег свечу в фонаре и

крепко закрыл дверь каморки. На воске, слеплявшем края плотной бумаги, не было печати. Кейда вскрыл пакет и нашел внутри листок бумаги с несколькими совершенно бессмысленными строчками. Он устало потянул через голову кожаный ремень. Девушка продолжала сидеть на полу, устало склонив взъерошенную голову.

Если мои догадки верны, здесь должен быть ключ к тайнописи.

Кейда повертел в пальцах тяжелый серебряный перстень Шека Кула, разглядывая надпись внутри кольца — строчку непонятных букв и значков. Напрочь лишенных смысла для постороннего — если только у него не хватит ума положить кольцо на ладонь так, чтобы камень-оберэг смотрел строго на север, а затем начать читать с дуги, где небесный Изумруд поплывет в вышине с приходом ночи.

Кейда взглянул на первую букву послания и нашел тот же значок внутри круга. Девятый от дуги здоровья и повседневных обязанностей. Мысленно перебрав последовательность обычного алфавита, он понял, что это буква «И». Многообещающее начало. Он потянулся за своим ларчиком с письменными принадлежностями, но тут же вспомнил укор Дэйша Рейка:

«Зачем беспокоиться о тайнописи, если ты собираешься написать слова, ясные для любого соглядатая, вора или суетливого слуги, который на них наткнется?»

Постепенно он продрался через дебри тайнописи — только с помощью своей головы, поистине безопасного места для хранения тайн, а затем поглядел на посланца.

— Кто тебе это дал? Где я могу его встретить?

— Никто не давал. — Девушка подняла голову, ее глаза вдруг вызывающе сверкнули. — Я сама это написала. Прочти мне, чтобы доказать, что ты человек, помочь которому мне приказывает мой господин.

— Здесь говорится: «Мне нравится утка, тушенная с водяным перцем и поданная с соллером, посыпанном семенами тарита». — Кейда оперся о деревянную стену. — Дикий водяной перец растет здесь почти везде, но что ты можешь выдать за жирную утку? К тому же это блюдо, которое нужно гото-

вить долго и медленно. Не думаю, что у нас есть для него время. Я предпочитаю соллер как он есть, или же слегка сдобренный скалидовым маслом.

— Терпеть не могу его вкуса, — девушка широко улыбнулась.

Кейда хранил каменное лицо.

— Где он?

— Достаточно близко, — она пожала плечами. — Или, если куда-то двинулся, его достаточно легко выследить.

— У тебя есть лодка? — По ее кивку Кейда подхватил свой мешок. — Тогда идем прямо сейчас!

— В послании моего господина сказано, что найти этого человека — для тебя дело жизни и смерти. — Она поднялась, но не дала ему открыть дверь. — Если ты сейчас пойдешь со мной, обратно не вернешься. Ты понимаешь? — Ее голос прозвучал тихо, но с необычайной силой.

Кейда подался вперед, чтобы взглянуть в эти живые голубые глаза.

— Нет, раз уж я зашел так далеко.

Неподвижная с мгновение, она внезапно кивнула.

— Тогда идем. Незачем тратить остаток поры дождей, преследуя его. — Девушка проскользнула в дверь и легко взбежала по лесенке на открытую палубу. Кейда последовал за ней. Суйс стоял на юте, оглядывая берег, его широкие плечи были напряжены.

— Никто не увидит тебя, если не замешкаешься.

— Полагаю, что это прощание. — Кейда протянул руку. — Спасибо тебе.

— Я лишь исполнил то, что приказал мой господин.

Тем не менее Суйс улыбнулся, пусть всего лишь на короткий миг:

— Его слово много весит, если когда-нибудь окажешься с нами в одном порту и тебе понадобится куда-то плыть.

— Идем! — девушка уже стояла у веревочного трапа, переброшенного через корму триремы.

Кейда взглянул вниз и увидел ее суденышко — небольшой, одномачтовый ялик с косым парусом, какие были в ходу у прибрежных рыбаков. Он неуверенно взглянул вверх, на тучи,

сгущавшиеся по мере того, как день клонился к вечеру. Затем бросил вниз свой мешок и свернутое одеяло и скользнул по веревочной лестнице следом, невольно улыбаясь встрече со свежим воздухом после духоты нижней палубы.

— Давай-ка. — Девушка запихнула его пожитки под скамью, на которой сидела. Проверила ветер, положив одну руку на руль, а другую оставив на шкоте, управляющем парусом. — Оттолкнись как следует, а затем садись на весла.

— Да, капитан, — кротко согласился Кейда. Девушка улыбнулась ему.

— Ты хочешь проплыть в моей лодке, дружок, вот и платишь за это, принося пользу.

Кейда послушно оттолкнулся от высокого борта триремы, после чего взял весла. Несколько усердных взмахов вывели их из тени корабля, и парус наполнился ветром. Положив весла в лодку, Кейда перебрался на нос, подальше от опасности получить удар гиком. Он позволил себе взглянуть на островок, который они покидали. Моря, разгулявшиеся от свирепых ветров сезона дождей, усеяли белый песчаный пляж всяким мусором, но немногочисленные домики под пальмами явно были в хорошем состоянии, крепкие ставни надежно защищали их от неистовых бурь.

Эти люди находятся в безопасности — до тех пор, пока захватчики не пойдут дальше на север. Пока захватчики не пойдут на север. Если только нельзя найти способ не дать им пойти на север.

— Где мы найдем этого Дева?

Девушка не стала отвлекаться от паруса.

— Что ты о нем знаешь? — не поворачиваясь, ответила она вопросом на вопрос.

Кейда обуздал свое нетерпение.

— Что он варвар и как-то связан с волшебниками, знает кое-что из их чародейства.

Лицо девушки оставалось бесстрастным.

— И это тебя не беспокоит? — Она ловко поймала ветер, и ялик птицей полетел по водам.

— Беспокоит, — откровенно признался Кейда. — Но злые чары, опустошающие владение Чейзен, беспокоят меня куда

больше. Я хочу знать, как с этим бороться. Я совершил долгое странствие по Архипелагу в поисках мудрости. Твой господин сказал мне, что Дев может что-то знать. Что-то, полезное для меня. — Он заметил, девушка правит к юго-востоку. — Ты пытаешься попасть в течение, которое понесет нас вокруг суши по наветренной стороне?

— Да ты, оказывается, весьма неплохо знаешь эти воды, — девушка воззрилась на него с любопытством. — Ты хочешь выступить против колдовства этих дикарей? Кто ты такой, раз берешь на себя подобную ношу?

— Это неважно. — Кейда улыбнулся, чтобы не показаться невежливым или высокомерным. — Пока.

Девушка пожала плечами — насколько это было возможно при обеих занятых руках.

— Кто бы ты ни был, если я отвезу тебя к Деву, тебе придется взять на себя намного больше, чем ты можешь представить. — В ее голосе явственно прозвучало предостережение.

— Этот человек — торговец пороком, как сказал мне Шек Кул, — медленно проговорил Кейда. — Он также промышляет шпионажем. Шек Кул считает, что этот Дев сообщает об альдабрешских делах некоему властелину северных варваров, который поставляет ему выпивку и смеси для дурманящего дыма. Кажется, у него также есть кое-какие делишки с варварскими чародеями.

— Дев и сам чародей, вне сомнений. — Содрогание пробежало по ее тощему телу, отчего край паруса захлопал и маленькая лодчонка внезапно дернулась. — Это я и имела в виду, говоря, что обратно ты не вернешься. Один раз он полностью опутал меня своим колдовством. Будешь со мной, и тебя оно тоже замарает. Я еще могу посадить тебя на берег и ты можешь оставить свою дурацкую затею.

— Он волшебник? — Кейда уставился на замухрышку. — Что он делает в этих водах? Пытается вступить в союз с захватчиками?

— Следит за ними в каких-то своих целях. — Она опять содрогнулась. — Егохватило их колдовство.

— Он в нем разбирается? — удивился Кейда.

— Достаточно, чтобы его волшебство уберегло нас обоих от их чар, которые чуть не разорвали нас на кусочки. — Она беспомощно поглядела на Кейду. — Ты веришь, что человек, невинный в помыслах, но уловленный в сети волшебства, запятнан его скверной?

Кейда раскрыл рот, но обнаружил, что совершенно не находит слов.

— Так высадить тебя на берег или нет? — раздраженно переспросила она. — Я не хочу его упускать. Я должна сказать Шеку Кулу, что он такое, и знать, куда он плывет — теперь это еще важнее, чем когда-либо.

— Отведи меня к нему, — медленно произнес Кейда. — Я слишком много времени потратил, пытаюсь раскрыть тайну этих дикарей и их колдовства, чтобы теперь повернуть обратно. Пусть даже это означает иметь дела с чародеем. У меня благородная цель — несомненно, это должно защитить от скверны. Если же я просто задам кое-какие вопросы, вряд ли это меня погубит.

В конце концов, однажды ты уже угодил в тенета волшебства дикарей.

— Кто ты? — пробормотала ошеломленная девушка. — Если уж на такое отваживаешься?

— Я Дэйш Кейда. — Он внимательно оглядел пустынное море, над которым не виднелось ни одной красноклювой морской птицы, могущей слышать это пылкое заявление. — Я защищаю эти воды, этих людей. Это долг, исполнять который я рожден.

— Дэйш Кейда мертв. — Она тщательно увела ялик в сторону от пенистого гребня у небольшого рифа. — Дэйш Сиркет объявлен властителем и вождем.

— У меня не было выбора, раз я хотел беспрепятственно искать эту мудрость. — Кейда вызывающе устремил в ее сторону подбородок. — Я не вернусь, чтобы ответить за этот обман, пока не позабочусь о способах бросить вызов колдунам этих захватчиков и проучить их. Вздумай только меня выдать, и я объявлю, что ты осквернена волшбой.

— Разумеется, — согласилась она безо всякой злобы. — И много ли тебе от этого выйдет пользы? Раз уж все так одурели

от страха перед волшбой, тебя, вернее всего, побьют камнями первым.

— Это так, — признал Кейда и неожиданно воспрянул духом. — Можем ли мы теперь доверять друг другу, если настолько впутались в эти тайны?

— Думаю, что да. — Она пристально поглядела на него, меж тем как лодчонка покачивалась на вздымающихся волнах. — Но, безусловно, мы не можем доверять Деву.

— Почему? — спросил Кейда. — Помимо того, что он чародей?

Девушка уверенно направила подскакивающую на волнах лодку по извилистому лабиринту среди отороченных пеной гребней.

— Ему неведомы угрызения совести, — наконец произнесла она. — Он может напоить человека до одури, чтобы узнать какой-нибудь пустяк, за которым он гоняется. Если ему удастся заполучить девушку, чтобы плавала с ним, он предложит ее кому угодно, добром или нет, если такова будет цена сочного куска сплетни, услышанной от какого-нибудь тяжело дышащего грубияна. Он хвастается, что морочил свободнорожденных островитян и продавал их в рабство просто для того, чтобы подружиться с одним из главарей пиратов.

— Что за тайну ты имеешь в виду? — Кейда не вполне понял смысл ее слов.

— Любую. Иногда он предает просто потому, что он это может, — упрямо ответила девушка. — Чтобы поглядеть, по плечу ли ему такое коварство.

— Говорят, волшебство развращает всех, кто касается его. Оно проникает в самые кости, — с брезгливостью заметил Кейда. — Почему Шек Кул просто не велел его убить, чтобы покончить с этим?

— Таково было его намерение, когда он обнаружил, кому Дев продает сведения, и для чего его покупателю нужно знать о внутренних делах на Архипелаге. Но, как я понимаю, мой господин увидит его мертвым в любом случае, раз уж установлено, что этот человек волшебник. — Девушка, похоже, призадумалась. — Конечно, если можно убить его, прежде чем он догадается об опасности.

Кейда вздрогнул, когда брызги пены рассыпались по его спине.

— Расскажи мне о волшебстве и о дикарях. Если владение Дэйш ищет средства бороться с ними, мы должны узнать о них больше.

— Тебе придется поверить, что я говорю правду. — Она глубоко вздохнула. — Я не поверила бы, если бы не увидела сама...

К тому времени, когда она кончила свой невероятный рассказ, ей приходилось кричать, чтобы перекрыть шум надвигающейся бури. Облака потемнели до предела, и дождь внезапно хлынул из них мощным водопадом. Вот волна сильно ударила лодку и тут же зеленой стеной перекатилась через нос, затопив суденышко по колено. Кейда уже вычерпывал воду побитым жестяным ковшом, который выплыл из-под передней скамьи, и теперь ему пришлось удвоить усилия. Он промок до костей, одежда облепила тело, стало так холодно, что все оно заныло от головы до пят.

Девушка выглядела не лучше — ее растрепанные волосы разбились на тонкие пряди, черными полосами облепив смутлое лицо, губы побледнели от холода. Она мертвой хваткой вцепилась в руль и в шкот, управлявший полностью зарифленным парусом, руки ей выворачивало порывами ветра, постоянно меняющего направление.

Когда воды на дне лодки убавилось настолько, что это стало терпимо, Кейда неуклюже пробрался на корму, хотя каждое содрогание ялика угрожало выбросить его за борт. Не стоило и пытаться быть услышанным при таком реве воды и вое ветра, исступленно молотившего снастями и парусом, поэтому он без единого слова указал на руль. Девушка уступила ему, угрюмо борясь со стихией за контроль над снастями. Кейда сел рядом с ней, схватив румпель обеими руками. Ялик бешено плясал на волнах. Дождь, море и ветер ни на миг не ослабляли своих ударов, и вся эта круговерть вполне соответствовала смятению в мыслях Кейды.

Ставки в игре растут с каждым ходом. Дела с варваром, якобы обладающим знаниями о северном чародействе, — это одно; но как я свяжусь с тем, кто уличен в применении

волшебства? И что мне делать, если я откажусь? Где еще я найду хоть какую-то надежду для своих земель? Если мы не сгинем в эту бурю, это, несомненно, будет хорошим предвестием. Это, конечно же, станет знаком, что мы следуем по нужной тропе, ведущей ко благу людей Дэйша — пусть даже она приведет меня к тому, кто сам признался, что он волшебник.

Девушка чувствительно ущипнула его холодную руку, и он вздрогнул.

— Нам надо обогнуть этот мыс! — проорала она. — Мне придется распустить кливер, иначе нас бросит на скалы.

— Давай!

Лодка тревожно колыхнулась, когда ее хозяйка поползла вперед и с треском развернула стянутый снастями кливер. Кейда протянул руку, схватил ее за кисть и подтянул обратно к румпелю, за который она тут же взялась. Затем он пересел на среднюю скамью и вернулся к своим веслам. Грести было мучительно тяжело, одеревеневшие от холода мышцы противились каждому взмаху. Несколько раз колыхания ялика приводили к тому, что Кейда бил веслами по воздуху, не касаясь воды, и от этого резкая боль разрывала ему плечи. Не в состоянии видеть, куда они направляются, он полностью доверился девушке, прильнувшей к рулю и угрюмо вглядывавшейся с носа утлого ялика. Кейда слышал, как бьется море, переваливая через скалы, как ревет прибой у каменистого берега. Он пригнул голову и заработал веслами еще усердней.

— Корабль Дева! — Крик девушки, в котором одновременно слышались тревога и облегчение, побудил Кейду поднять глаза.

Как он понял, они миновали мыс и получили в награду относительное спокойствие подветренной стороны. Море и здесь бурлило и неистовствовало, но не приходилось уже так одержимо бороться с веслами. Вывернувшись, чтобы поглядеть через плечо, он увидел маленький торговый корабль, качающийся на якоре в самой защищенной части бухты — со свернутыми парусами и тщательно задраенными люками. Кейда прокричал девушке:

— Если он на борту, мы попросим укрытия. Если нет, то пересидим эту бурю на корабле и подумаем, что делать с утра.

Она кивнула в знак согласия, и Кейда склонился над веслами для последнего рывка. Они подошли к «Амигалу», бухнувшись о его борт, отчего лодка заплескала на волнах. Но девушке удалось дотянуться до сброшенного вниз трапа и схватиться за него. Прежде чем Кейда смог остановить ее или помочь, она уже взлетела на борт.

— Брось мне веревку! — заорала она сверху.

Кейда поспешно швырнул весла на дно ялика, перебрался к носу и неловкими онемевшими руками кинул ей оттуда швартовую веревку. Девушка поймала конец не менее неуклюже. Пока она обвивала его вокруг кнехта на палубе большого судна, Кейда собрал все их намокшее имущество и метнул его на палубу «Амигала». Мешки приземлились с глухим стуком, и Кейда с запозданием вспомнил о запечатанном ларчике Шека Кула.

Будет еще одним добрым знаком, если эта вещь не пострадает.

— Идем, — девушка перегнулась через ограждение, протянув ему руку.

Очутившись на палубе, Кейда неуверенно поглядел на задраенный кормовой люк.

— Думаешь, он там?

Она прикусила губу.

— Есть лишь один способ убедиться в этом. — Девушка наклонилась к медному кольцу, вделанному в крышку люка. Но как только она потянула за кольцо, крышка поднялась и ударила ее по пальцам.

— Ризала, это ты, неблагодарная тварь? Как я рад видеть тебя здесь! — Приветствие это было произнесено достаточно радушным тоном, несмотря на резкие слова. — Ты кого-то привела? Кто тебе это разрешил?

— Мы помираем от холода и сырости, — невнятно пробормотала девушка, посасывая ушибленные пальцы. — Дай нам укрыться, умоляю тебя.

— На берегу сколько угодно укрытий. — Однако говоривший приподнялся по лесенке, чтобы открыть люк шире. — Ладно, залезайте, пока мы все не утопили.

Кейда придержал крышку, и мужчина исчез внизу. Девушка по имени Ризала собрала их пожитки и соскользнула вниз по

трапу. Кедя последовал за ней со всей возможной быстротой, торопливо захлопнув люк.

Дев уже вернулся в свою подвесную койку, одна его нога свешивалась через край, на животе покоилась костяная чаша, придерживаемая рукой. Кейда отыскал кольцо на внутренней поверхности крышки и задвинул тяжелый медный засов, надежно, закрепляя крышку люка. Затем обернулся к Деву, стараясь выразить на лице подобающую признательность.

— Спасибо за то, что принял нас на борт.

— Не спеши благодарить,— ехидно произнес Дев.— Я перережу тебе глотку и брошу тебя за борт, если ты меня чем-нибудь оскорбишь. Правда, Ризала?

— Несомненно,— коротко ответила она и обхватила себя руками, неудержимо дрожа.— Давай-ка сперва согреемся и обсохнем.

— Лучше снять эти мокрые тряпки,— хозяин корабля ухмыльнулся ей.

— Я переоденусь вон там, спасибо.— Она мотнула головой в сторону главного трюма.

— Чтобы ты осталась наедине с моим грузом? — Дев поднял брови.— Я не согласен.

— А почему бы нам с тобой не пройти туда, мастер Дев? — осторожно предложил Кейда.— Ризала,— он запнулся на этом имени, но понадеялся, что расслышал его правильно,— а ты можешь переодеться здесь.

— Понятия не имею, с чего моя госпожа стала думать о скромности. Впрочем, ладно. Зато я получу возможность поглядеть, из чего ты сделан.

Любопытство на лице Дева было непритворным. Он выпрыгнул из гамака и снял с крюка фонарь.

— Можешь действовать на ощупь, девонька. Мне надо получше рассмотреть твоего друга.— Он отпер дверь и приглашающе простер руку.

— Смотри на все, на что хочешь.— Кейда с некоторым трудом стянул через голову свою намокшую рубаху, прилипшую к коже.— Не больно-то много ты здесь можешь увидеть.— Он потянул за шнур своих штанов — узел разбух и стал тутим.

— Мне не кажется, что так говорят благородные женщины,— хитро заметил Дев, поднимая фонарь.

Кейда впервые заметил, что у того голый подбородок.

— Если ты мужчина для мужчин, прости, мне больно разочаровывать тебя,— грубо сказал он. Затем повернулся к Деву спиной, сбросил штаны и стал рыться в своем мешке, ища смену одежды.

— Если тут есть что-нибудь сухое, я это съем,— пошутил хозяин. Кейда не потрудился обернуться, вытирая воду с тела вывернутой рубахой.

— Если у тебя есть какая-нибудь сухая одежда, мы будем перед тобой в долгу,— сказал он с тщательно рассчитанной кротостью.

— А мне-то в этом что? — В словах Дева прозвучала отталкивающая смесь презрения и веселья.

— Я думал, ты торговец.— Кейда вытряхнул пару неописуемых штанов, которые дал ему раб Шека Кула, чтобы были запасные. С них не капало, но то было единственным преимуществом этих лохмотьев перед тряпками, с которых уже натекла большая лужа.— Так ты торгуешь в долг?

— Когда это меня устраивает,— признал Дев.— Это, кстати, не устраивает меня как раз сейчас,— злоредно добавил он.

Кейда влез в штаны, которые неприятно прилипли к его ногам.

— Ризала, ты оделась?

— Да.— Она толкнула дверь, свет лампы явил девушку в тонком платье, влажном и прилипшем к ее худому телу.

— Умопомрачительно,— восхитился Дев, прежде чем вернуть внимание к Кейде.— Она сказала тебе, кто я?

— Торговец пороком, сбывающий крепкое пойло и лист, дурманивший дым и прочее.— Кейда прислонился к бочкам, на которые бросил свой мешок, убрав за спину руки.— А также волшебник.

— И ты явился посмотреть, правда ли это? — вызывающе ответил Дев.— Еще один полоумный стихоплет?

— Я прорицатель,— ответил Кейда.

— Я спросила его, может ли он очистить меня после того, как меня коснулось твое колдовство,— мгновенно встала Ризала.

— Это так? — Дев поднял ладонь, и красная дымка обволокла Кейду. Окутанный теплом, он, тем не менее, похолодел от потрясения, его хребет превратился в ледяное древо. Дев щелкнул пальцами, красный туман исчез. — Как ты это сделаешь, если запятнан не меньше?

Кейда облизал губы и обнаружил, что они сухи. По правде говоря, весь он был сухим: одежда, кожа, волосы и борода, даже холод в костях быстро отступал.

Он прочистил горло.

— Есть школа мысли, которая утверждает, что невинная жертва волшебства не так глубоко осквернена им, как те, кто умышленно ищут его или пользуются его силой.

— Пользуются его силой? — передразнил Дев. — Да разве кто-нибудь из этих великих мыслителей Архипелага знает что-нибудь об использовании силы волшебства?

— Признаться честно, не могу сказать. — Кейда пожал плечами.

— Признаться честно, не думаю, — отрезал Дев. — Вы ничего не знаете. Вы, альдабрешцы, со всеми вашими прорицателями и звездочетами, вашими книгами, полными рассуждений о том, как можно прочесть мир по внутренностям оленя.

— Я замерзла до полусмерти — Ризала едва смогла произнести эти слова, так у нее стучали зубы. — Мог бы уделить немного вина, чтобы я согрелась, ублюдок.

— Я сделаю кое-что лучше. — Дев небрежно взмахнул рукой, и такое же красное свечение окутало ее. — Кстати, чаша вина — неплохое предложение. А затем можешь рассказать, что же привело тебя обратно ко мне. — Он искоса ухмыльнулся Кейде. — Помимо моей удали в плотских утехах.

Кейда поймал испытующую лукавинку в глазах чародея и сохранил бесстрастное лицо.

Случалось, что люди лучше тебя — да и похуже — пытались разозлить меня, чтобы я забыл о своем достоинстве, зловерный маленький варвар.

Он улыбнулся Ризале, которая расправляла затвердевшие и смятые складки теперь совершенно сухого платья.

— Я не нахожу, что это сильно усугубляет порчу, исходящую от тебя.

— А, так ты бы не коснулся ее, пока она вся выпачкана волшебством.— Дев повернулся, чтобы достать бутылку из почти пустой корзины.— Вот почему тебе так охота очистить ее, ведь она тогда развеет ляжки из чувства благодарности? Прости, друг, она не стоит трудов.

— Ты еще упиваешься звуком своего голоса, Дев? — Ризала тоже не поддавалась на издевку.— Есть надежда, что ты хоть когда-нибудь произнесешь нечто осмысленное?

— Хватит бездельничать, ищи чаши.— С бутылкой в одной руке и фонарем в другой, Дев мотнул головой в сторону самых разных ящиков с добром.— А ты, прорицатель, ступай обратно.

Кейда послушно вернулся в кормовую каюту, за ним последовала Ризала. Дев повесил фонарь на крюк и повернулся, чтобы запереть дверь в трюм. Кейда и Ризала обменялись взглядами, и он увидел, что его решимость отразилась на ее лице.

— Если ты осквернен моими чарами, не думаю, что отвещать моего вина будет страшным преступлением.— Дев хитро улыбнулся, вытаскивая запечатанную воском пробку из бутылки.— Давай выпьем, девонька.

Когда Ризала протянула две роговых чаши, он плеснул в них темно-красного вина.

— Бери, прорицатель.

Кейда без слов принял чашу.

— Смотри, осторожней,— язвительно предупредил хозяин.— Ты не сможешь снова пить эту козью мочу, которую у вас называют вином, после того, как попробуешь этого.— С примечательной ловкостью он завалился обратно в гамак, нашел там свою чашу и наполнил ее, болтая в воздухе ногой.

— Чародей ты или нет, а я принял бы тебя за альдабрешца.— Кейда сел на выдавший виды сундук у противоположной стены каюты.— Из какого-нибудь северного владения и с варварской примесью — но безусловно рожденного на Архипелаге.— Он осторожно пригубил питье и часто заморгал, чуть

только мощный аромат вина ударил ему голову. — Ты один из нас?

— Ты нашел какой-то способ избежать казни после того, как чары, которые ты творишь, стали очевидны? — Голубые глаза Ризалы испытующе смотрели поверх края ее чаши. Она сидела на сундуке рядом с Кейдой, прижав бедро к его бедру.

— Только не я, — Дев сделал глоток. — Я закоренелый варвар. Никто из ваших прорицателей никогда такого не видел. — Он залихватски улыбнулся.

Кейда пристально оглядел его.

— Что может искать чародей-варвар на Архипелаге, где того гляди поплатится своей шкурой?

— Это мое дело, приятель. — Дев нахмурился, осушая чашу. — А меня больше занимают твои дела. Это мой корабль, так что вопросы буду задавать я. С чего это тебе вздумалось охотиться за колдуном? И не стоит нести чушь о помощи бедной грязной стихоплеточке. Я бы, может, и поверил, если бы тебя тянуло к ней под платье, но я этого не вижу.

— Ты проницательный малый, — заметил Кейда.

— Я бы давно уже был мертв, не будь я таким. — Дев отсалютовал ему своей чашей. — Так что же тебя на самом деле принесло сюда? Помимо блистательной триремы, проделавшей такой долгий путь из северных вод. — Он покачал головой, взглянув на Ризалу. — Ты ведь не думаешь, что я позволил бы тебе смыться с концами, девонька? Я не спускал с тебя своего чародейского ока — просто на случай, если бы ты отправилась продавать мою тайну какому-нибудь ублюдку, который не прочь прибить мою шкуру на ворота своей крепости.

Он вновь наполнил свою чашу и продолжил:

— А я давеча думал — какая жалость, что не с кем побиться об заклад, доберетесь ли вы сюда живыми. Пока любовался, как вы сражаетесь с бурей.

— Ты бы сделал что-нибудь, если бы мы пошли ко дну? — Ризала встала и взяла у Дева бутыль.

— Чтобы еще больше осквернить вас моим нечестивым волшебством? — Дев сделал озабоченный вид.

— В здешних краях есть волшебство и похуже твоего! — сказал Кейда, протянул руку и принял у Ризалы бутыль с вином.

— И это не дает тебе покоя? — Дев праздно поболтал ногой, но глаза его были настороженными.

Чародеи облакаются ложью и выворачивают наизнанку любую истину. Ты можешь прочесть мои слова? Давай посмотрим, сколько правды я могу сказать тебе, не видя всего.

— Перейдем к делу.— Кейда поставил свою пустую чашу на пол.— Я предлагал свой совет владению Дэйш и прежде. По причинам, которыми я не намерен делиться с тобой, я в большом долгу перед госпожой Джанне Дэйш. Я хочу отблагодарить ее, найдя какие-то средства остановить колдовство, которое принесло такие разрушения владению Чейзен, прежде чем оно сможет продвинуться к северу и опустошить острова Дэйшей.— Он выразительно поднял палец.— Но Джанне Дэйш ничего не знает о моих замыслах. Ты не сумеешь использовать это знание против нее.

— Ты думаешь, что сможешь на равных сражаться с этими дикарями и их чародейством? Ты глупец. Все вы на Архипелаге невежественные бесчародейные дураки.— Дев знаком попросил дать ему бутыль.— Вы не можете биться с теми, у кого волшебство в самых костях.— Впервые он говорил серьезно, без всякой игривости, ехидства и даже злобы.

— Ты ведь смог.— Кейда мотнул головой в сторону Ризалы.— Она кое о чем поведала мне.

— Смог, верно.— Дев взбрынул ногами и улегся в гамаке, вытряхнув в свою чашу остатки вина из бутылки.— И весьма недурно, должен добавить. А тебе-то что, прорицатель? Заговор с чародеем с тебя сдерут кожу, как и с меня, а ее голову взденут на пику, чтобы другим неповадно было,— заключил он с блаженным злорадством.

Кейда подхватил свою чашу и медленно выпил крепкое вино, прежде чем воплотить в словах самый главный довод, который желал привести себе еще тогда, когда они с Ризалой прорывались сквозь бурю.

Ты зашел слишком далеко ценой слишком больших страданий для тебя и для всех, кого любишь, чтобы отступить теперь.

— Скверна волшебства пятнает все, чего ни коснется. Эти дикари, вне сомнений, злокозненны до предела. И неужели

обращение к силе, способной им противостоять, будет таким же злом? — Он поглядел на Ризалу, отчаянно желая увидеть согласие в ее глазах. Она смотрела на него, закусив губу, затем внезапно задрожала.

— Мне не хотелось бы стоять перед кем-либо из владык и взывать к его милосердию... — пробормотала девушка

— Я читал некогда сочинение, где волшебство сравнивали с хрустальной призмой, — почти с мольбой произнес Кейда. — Она разделяет чистый свет на отдельные цвета. Вторая призма может восстановить свет. Разве применение знаний волшебника для подавления чародейства способно увеличить существующее зло?

— Прости, что прерываю твою философскую речь... — Дев подбросил пустую бутыль в воздух. — Твое предположение...

Голубой свет заискрился внутри темно-зеленого стекла и сразу же угас. Бутыль грохнулась на пол и разбилась.

— Засранцы! — Дев сел в гамаке, раскрыв рот. Махнул рукой в сторону лампы, которая горела ровным золотым светом, ничуть не потревоженная. Дев полувыпрыгнул-полувыпал из гамака. — Что вы сделали, гады?

— Осторожно, стекло! — предостерегла Ризала, подтягивая ноги на крышку сундука и обнимая коленки. Дев не обратил внимания на темные осколки, рассеянные по полу, а вперил испепеляющий взгляд в Кейду.

— Ты что это делаешь, а?

— Укротил на миг твоё волшебство. — Кейда надеялся, что смахнул с пальцев остатки порошка, который взял из ларчика Шека Кула. — Я предпочел бы добровольное сотрудничество, но готов принудить тебя, если потребуется.

И спасибо тебе за эту древнюю смесь, великий вождь Шек. Пусть ты даже понятия не имел, как она действует, но предельно честно дал все объяснения.

— Думаешь, что можешь заставить меня творить для тебя чары? — Дев сплюнул. — Отнимая их у меня? Что это, один из ваших бесполезных талисманов, содействующих переменам?

— Я могу заставить тебя мне помочь, — жестко сказал Кейда. — А могу ввергнуть тебя в беспомощность и передать

правителям владения Дэйш. Мы оба можем поклясться, что ты чародей, и положиться на их милость, чтобы увидеть, как с тебя живьем сдирают кожу. Это очистит нас обоих и отведет зло чар захватчиков от владения.

— Дэйш Сиркет будет перед нами в неоплатном долгу, если мы сможем предложить ему защиту в виде такого обряда, чтобы укрепить его людей и Чейзенов, когда они отплывут на юг в конце дождей,— решительно произнесла Ризала. Кейда чувствовал, как она дрожит, теснее прижимаясь к нему.

— Могу себе представить, как Дэйш Сиркет и Чейзен Сарил участвуют в обряде. Разумеется, будут знаки, которые потребуются прочесть в зеркале твоей печени, в углях твоих внутренностей. Если ты добром не скажешь нам, как мы можем разбить захватчиков, возможно, твоя смерть лучше послужит нашей цели, даже вопреки твоему желанию.

Пойми эту истину, ублюдок! Ибо если это все, что я смогу исторгнуть из твоего вывернутого тела, чтобы помочь моему владению, клянусь, я сделаю так. Даже если сам за поплачусь жизнью.

— Только попробуй, приятель.— Дев бросился на Кейду, не замечая стекла на полу.

Ризала метнулась в одну сторону, Кейда нырнул в другую. Острая боль в ноге помешала ему, и Дев швырнул противника на пол, протянув жилистые руки к его шее. Напрягшись, Кейда попытаться сбросить более легкого противника, одновременно ткнув кулаком меж плеч чародея. Ему не удалось как следует заехать Деву в горло, но и этого удара оказалось достаточно, чтобы тот ослабил хватку. Кейда сумел высвободить вторую руку и отбил в сторону ладони колдуна. Лоб Дева устремился вниз, чтобы боднуть его, но Кейда отвернул голову вбок, чтобы принять удар скулой. Боли оказалось достаточно, чтобы у него перехватило дыхание, однако уступил все-таки Дев.

Кейда смахнул выступившие слезы и увидел, как острые ногти Ризалы зацепили широкий ворот рубахи Дева. Брызнула кровь. Поднявшись на колени, волшебник с гневным ревом взмахнул рукой, но не достал девушку. Тогда он резко развер-

нулся и отшвырнул Ризалу плечом — прямо под ноги Кейде. Тело девушки рухнуло на усеянный осколками пол, но она, продолжая цепляться за Дева, увлекла его вместе с собой. Кейда кое-как поднялся на ноги и бросился на Дева. Пользуясь своим весом, он подмывал противника под себя и прижал его к полу. Под спиной Дева хрустнуло стекло. Не обращая внимания на острую боль в коленях, Кейда сел на врага верхом, придавив того к доскам. Закрываясь левой рукой от отчаянно сыплющихся ударов, кулаком правой что есть силы врезал по лицу волшебника. Голова Дева дернулась, губы окрасились кровью.

— У него нож! — Ризала вовремя заметила, как Дев что-то на шаривает под рубахой, и схватила его за руку. Навалившись всем своим весом, она сумела прижать руку чародея к полу. Кейда поставил на эту руку колено, затем поймал другую и сжал ее, точно тисками. Мышцы, окрепшие за четверть года занятий греблей, вдулись под рукавом рубахи, когда он боролся с волшебником. Свободной рукой Кейда обхватил челюсть Дева и крепко стукнул лысую голову колдуна об пол.

— Не думай, что ты можешь заставить меня убить тебя, и что это спасет тебя от ножа гадателя, — прошипел он.

Резким рывком высвободив голову, Дев умудрился укусить противника между большим и указательными пальцами. Кейда опять стукнул его кулаком под челюсть, и зубы чародея с лязгом сомкнулись.

— Он не должен быть незапятнан, он ведь не жертвенное животное, верно? — Ризала тяжело дышала, с торжеством поднимая нож, которым Дев пытался отбиться от Кейды. Сталь блеснула в свете лампы.

— Можешь подрезать ему жилы, чтобы не дать сбежать? А заодно и сухожилия на руках перережь. Они всегда машут руками, когда колдуют.

— Все в нем чародейское, от макушки до пят. — Кейда опять навалился на Дева своей тяжестью.

— Чародейство не имеет никакого отношения к движениям рук, безмозглая сучка. — прохрипел тот, извиваясь, как угорь. Кейда взял у девушки нож и вставил его кончик меж оскаленных зубов Дева. Тот непроизвольно дернулся и получил порез

в углу рта. Кейда наклонился вперед, чтобы поглядеть противнику в глаза.

— Когда последний раз поймали и убили волшебника во владении Сафар, ему первым делом отрезали язык, и он не смог никого проклясть.

Дев напряженно замер, но Кейда медленно убрал нож.

— Зря я ждал и смотрел, не утонешь ли ты. Зря сам не призвал волны, чтобы они потопили тебя.— Дев содрогнулся и повернул голову, чтобы сплунуть кровь.— Знай я, что ты доставишь мне столько хлопот, было бы иначе. Мне стоило посоветоваться с прорицателем, не так ли? — добавил он с издевкой.

У Кейды на душе тоже было погано.

— Ты на меня напал первым, а не я на тебя,— он приставил нож к горлу противника, точно опровергая свои слова.— Таков был твой выбор. Помоги нам против этих захватчиков и их чар, или увидишь, как проливают твою кровь в надежде, что она защитит владение Дэйш. Что предпочтешь?

— Допустим, я тебе помогу.— Подбородок Дева воинственно вздернулся.— Что я с этого получу?

— Помимо того, что сбережешь шкуру? — Кейде не потребовалось разыгрывать удивление. Его бедра сводило судорогой, и он чуть переместил тело. Осколки стекла немилосердно впивались в колени, теплая липкая кровь хлюпала в штанинах.

— Я думал, что ты не мужчина для мужчин.— Дев дернулся всем телом, испытывая вес Кейды.

— Ты не отвлечешь меня болтовней! — Кейда плотнее приложил нож к обветренной коже на горле чародея.

— Значит, ты не хочешь отомстить дикарям? — Колкая насмешка Ризалы побудила обоих мужчин повернуть головы. Она покачала головой, глядя на Дева.— Ты не хочешь заставить того колдуна в плаще из шкуры дракона заплатить за оскорбление? За посланные им щупальца, которые так больно отхлестали тебя по заднице и попытались оторвать тебе руки-ноги?

— Месть не так уж много стоит,— с натугой прохрипел Дев.— Я хочу чего-то, что можно продавать за хорошую цену.

— Жемчуг? Черепашьи панцири? — Кейда пожал плечами. — Что в этом смешного?

Дев облизал угол рта, где порез от ножа отозвался болью на этот внезапный смех.

— Эти колдуны на юге не больно высоко ставят жемчуг и черепаховый панцирь. Им нужны камни крупнее и лучше. И предпочтительно те, что служат талисманами.

— Это те, что были в ларце? — спросила Ризала.

— Ты не единственная, за кем я следил. — Дев скользнул по ней хитрым взглядом.

— Зачем им камни-талисманы? — спросил Кейда.

— Как много вопросов! — Все еще пригвожденный к полу, Дев, тем не менее, попытался передернуть плечами. — У каждого ответа есть цена. Ты должен это знать, прорицатель.

Кейда поглядел на волшебника с нескрываемым презрением.

— Если тебе заплатят, и хорошо заплатят, жемчугом и камнями, а заодно и твоей никчемной жизнью, ты поможешь нам?

— Чем мне может заплатить нищий прорицатель, пусть даже вместе с оборванной девчонкой-сочинительницей? — с презрением изрек Дев.

Скажи ему, кто ты и положишься на его милость. Разве есть иной путь добиться его помощи? Разве это не ставка в игре, которая так или иначе подтверждает твою правоту?

Кровь забила в его горле. Кейда постарался, чтобы его голос звучал как можно спокойней.

— Я могу вознаградить тебя куда щедрей, чем ты мог бы себе представить, глупый варвар. Я Дэйш Кейда, правитель этой земли.

— А я император Тормалина, — почти не дыша, поддел его Дев.

— Разве у тебя нет волшебства, чтобы понять, что он говорит правду? — Ризала была неподдельно изумлена.

— У вашего племени бытуют совершенно нелепые представления о том, что может волшебство. — Дев покачал головой, насколько был в состоянии это сделать. — Докажи.

— Кто еще, если не владыка мог бы владеть тайной разоружения волшебников? — Кейда улыбнулся, скрывая показной уверенностью свое глубокое недоверие к тому, что делает. — Кто еще, кроме вождя Дэйша, отважился бы обратиться к колдуну, чтобы побороть волшебство, угрожающее его народу? Почему бы еще я мог согласиться вручить тебе ценный дар знания о том, кто я есть на самом деле, если бы не пытался добиться сотрудничества с тобой?

— А почему все другие думают, что вождь Дэйш мертв? — через силу ухмыльнулся Дев, елозя ногами по мокрым доскам в поисках опоры. Кейда навалился на него еще сильнее.

— Ты что, думаешь, я мог пуститься в такой путь, когда все глаза устремлены на меня, а все языки обсуждают, что же я еще могу замышлять?

Дев сощурил глаза.

— Я не думаю, что многие из вождей были бы очень довольны, если бы узнали, что ты делаешь сейчас.

— Лучше подумай, чем я тебе заплачу, чтобы ты не раскрывал рта насчет того, как именно мы изгоним этих проклятых чародеев с Юга, — холодно осадил его Кейда.

— Так ты поможешь нам? — спросила Ризала.

— Я подумаю. — Дев на миг закрыл глаза. — Если только ты не раздавишь меня до смерти.

— Я тебя отпущу, если дашь слово больше не драться. — Собственные ноги молили Кейду скорее встать.

— Мое слово? — съехидничал Дев. К нему явно возвращалась бодрость духа. — Слово нечестивого, коварного и развратного чародея?

— Чародея, который пока что лишен силы. — Кейда не мигая поглядел на него сверху. — Чародея, которого я могу передать любому числу вождей, а они будут лишь счастливы живьем спустить с него шкуру.

— Ты уже приступил к делу, ублюдок. — Дыхание Дева с шипением вышло сквозь зубы. — Вряд ли я буду тебе шибко полезен, если умру от заражения крови.

— Дай мне слово. — Кейда опять навалился на него своей тяжестью. — Если ты его сдержишь, это само по себе будет стоить некоторой платы.

— Покажи, что мы заблуждаемся насчет волшебников, мы, тупые альдабрешцы, — добавила Ризала с явным недоверием.

— Клянусь всем, что свято... — Дев замолк, переводя дыхание. — Огнем, что горит в самых моих костях, клянусь, что помогу вам побороть захватчиков и их чародеев до тех пор, пока вы мне станете платить всем, чем можете. А выдадите меня... — Он помедлил и пронзил яростным взглядом Кейду. — Тогда я расплаваю плоть на ваших костях колдовским огнем, который запятнает эти острова на полный круг оборота небес.

Кейда встал, пытаясь скрыть дрожь, в которую повергли его эти слова.

— Принимаю эту клятву. — Он умолк ненадолго, удерживая Дева одним коленом, и перерезал шнур с ключами у пояса лысого колдуна. — Я пока что заберу это, чтобы иметь залог твоей честности.

Дев со стоном перекатился на живот. Спина его рубахи была измазана кровью и блестела от осколков битого стекла.

— Что ты сделал? Одурманил меня? Я не чувствую действия зелий, но не могу даже сколько-нибудь прикоснуться к стихиям.

— Это моя тайна, — коротко ответил Кейда, сел на сундук и передернулся, доставая впившееся в голень стекло. — Ризала, не можешь принести вина, чтобы промыть нам всем раны? И что-нибудь, чем можно здесь подмести.

— Лучше белого бренди, — буркнул Дев. — В корзине с голубым ивовым ободком.

Когда Ризала вернулась с небольшой черной бутылкой и облезлым веником в окровавленных руках, Дев сидел и стягивал с себя рубаху.

— Посмотрим, сможешь ли ты убрать после того, как здесь намусорил твой новый любовник.

Она не потрудилась ответить, а просто вручила бутылку Кейде, прежде чем сесть и начать вытаскивать осколки из кожи Дева.

— Больно-то как, вот дерьмо! — Дев выхватил бренди у Кейды и отхлебнул из нее долгим глотком. Ризала забрала у него бутылку и стала промывать раны.

— Экая ты неумеха, девонька, — заметил Дев.

— Найди получше, — без малейшего сочувствия отрезала она, отрывая полосу от его пришедшей в негодность рубахи, чтобы стереть кровь.

— Я утром сойду на берег. — Кейда закончил сметать битое стекло в кучу и принялся с воодушевлением врачевать свои раны смоченным в бренди обрывком ткани. — Поищу средства для припарок нам всем.

— Вот это — единственное лечение, которое мне нужно. — Дев вновь завладел бутылкой и сверкнул глазами на Кейду. — Убирайся и дай мне поспать.

Кейда на негнувшихся ногах прошел к двери в трюм и отпер его.

— Спи себе, — пробурчал он, а сам направился во тьму, собирать промокшие пожитки.

— Можешь взять свой гамак, — нежно проворковала Ризала.

— Спасибо за напоминание. Я все-таки владелец этого кораблика, девонька. — Дев, тем не менее, снял гамак с крюков и оттащил узел из парусины и одеял в темноту. Он шумно захлопнул за собой дверь, после чего Кейда запер ее.

— Дай-ка мне ключи! — сказала девушка.

Кейда бросил связку ключей. Ризала ловко поймала ее в воздухе и отперла большой сундук, откуда вытащила гамаки и одеяла.

Закрепив свой гамак на крюках, торчащих из поддерживающих палубу вертикальных стоек, Кейда вновь повернулся к девушке.

— Как ты думаешь, может ли он видеть в темноте?

— Какая разница? — Ризала пожала плечами, закрепляя на крюках свой гамак. — Мне вот интересно, слышит ли он нас?

— Смотря сколько этого белого пойла он глотнул. — Кейда помог ей завершить натягивание гамака.

— И когда к нему вернется его сила? — спросила девушка совсем тихо, одновременно подавая ему одеяло. Кейда взял его, приятно удивленный тем, что одеяло пахнет травами и ничуть не отсырело.

— Тоже не знаю, — негромко ответил он.

— Что ты с ним сделал? — Ризала придвинулась ближе, ее голос упал до шепота.

— Шек Кул дал мне порошок, — прошептал Кейда, не в силах удержаться от улыбки. — Он нашел секрет этой смеси в одной древней мудрой книге. Я понятия не имел, подействует ли она, но подмешал ему в вино. Сына вождя сызмала приучают остерегаться ядов, а это возможно лишь тогда, когда ты сам в совершенстве знаешь все способы их использования.

— А мог бы ты так же поступить с колдунами захватчиков? — Ризала поднялась на носки, чтобы прошептать это ему в самое ухо. От нее пахло сухим чистым хлопком и вымытыми волосами. Ее черные локоны высохли и стали пушистыми.

— Возможно. — Кейда позволил себя ощутить некоторую надежду. — Ты полагаешь, они все пьянчуги, вроде Дева? Смогли бы мы заставить их выпить это из одной из его винных бочек?

Ризала рассмеялась нездоровым смешком.

— Ты думаешь, все делается так легко?

Кейда горестно вздохнул.

— Признаться, я тоже в этом сомневаюсь.

Ризала запрыгнула в свой гамак так быстро, что ее смуглые ноги лишь мелькнули в воздухе.

— Ты будешь тушить лампы?

Совсем как Эви, не желавшая оставаться в темноте.

— Нет, не сейчас. — Кейда забрался в свой гамак и подткнул одеяло вокруг себя.

— Полагаешь, Дев еще будет здесь утром? — устало спросила девушка.

— Настанет утро, тогда и увидим, верно? — Порезы Кейды горели, и он не мог решить, не сильнее ли ноют синяки на перетруженных мышцах. — Спасибо за помощь. Он бы мог одолеть меня, если бы ты не поймала руку с ножом.

Тут его поразила новая мысль.

— Он называл тебя сочинительницей. Это правда?

— Я много кто и что — когда это нужно.

Как мне знакомы такие интонации женского голоса, будь то Джанне или Рекха. Решительный поворот — и я бы остался наедине с молчаливой спиной.

Ризала не могла повернуться в своем гамаке, но она натянула одеяло на подбородок, укрыв глаза.

— *Доброй ночи.* — Он потянулся и задул лампу.

Ну вот, я согрет и сух, а не лежу мертвым с клинком чародея в кишках. И главное — наконец-то, после всех этих долгих странствий, я не совсем одинок. Мы можем заняться всеми этими загадками утром. Мы здесь, а это должно означать благое предзнаменование.

Глава 17

— Мне показалось, ты говорил про то, что один из варварских колдунов разбил становище на этом берегу. — Кейда, осматривавший окрестности с носа «Амигала», обернулся и с подозрением взглянул на Дева.

— В прошлый раз я смотрел в воду. — Дев пошевелил рулевое весло, чтобы подвести корабль ближе к скалистому берегу. — Примерно где-то здесь. Тут деревня, которую он захватил.

За грядой рифов светлая полоска песка, поросшая пальмами, отделяла белый прибой от более темных зарослей, карабкавшихся по крутому склону.

— Тогда зачем мы бросаем им вызов, подходя столь открыто? — буркнул Кейда. — Нам следовало бы встать на якорь и пойти на разведку пешком.

— Ты видишь кого-то, кто поднял бы тревогу? — возразил Дев. — Хотя бы одну из этих длинных лодок? Нет, они не увидят нас, прежде чем мы заметим их. Я сотворил чары, чтобы быть в этом уверенным.

— Ты слишком много на себя берешь, чародей. — У Кейды по коже побежали мурашки при мысли о незримом волшебстве, выходящем в воздухе повсюду вокруг.

— Беспокоишься о своем запятнанном будущем? — съязвил Дев. — Я не могу тебе ответить, до чего тебя доведет

волшебство. А кто-нибудь может ответить насчет времени твоей смерти? — И он восторженно улыбнулся.

— Я никого не вижу на берегу. — Стоя рядом с мачтой и вцепившись в нее так, что побелели костяшки пальцев, Ризала пристально вглядывалась в тени под деревьями.

— Так же, как и везде, — уныло произнес Кейда. — Все, кто не в плену, бежали.

Бежали на север во владение Дэйш. И чем дальше они там останутся, тем менее вероятно, что когда-либо эти люди вернутся домой. Владение Дэйш просто не сможет прокормить столько народу. Это множество Чейзенов даст Сарилу Чейзену основательную поддержку, если он решит попытаться низложить Сикрета.

Ризала повернулась к Деву и спросил:

— Где находится деревня?

— Ты имеешь в виду вот эту? — ядовито откликнулся волшебник. Как только «Амигал» обогнул крутой поворот береговой линии, Кейда увидел крохотную площадку, пригодную для высадки. Скалы здесь расступались, а меж них лежал грубый серо-желтый песок. Но от деревни, которая когда-то стояла здесь, мало что осталось. Некоторые дома выглядели окончательно рухнувшими, все их четыре стены выглядели одновременно упавшими наружу, а пальмовая кровля рассеялась во всех направлениях. Другие, казалось, были сдавлены неведомой силой, их стены сложились, а почти нетронутые крыши покоились на горах расщепленного дерева. Амбары для соллера, ранее стоявшие на высоких сваях, превратились в кучи обломков, из которых сиротливо торчали уцелевшие столбы. Птичники выглядели раздавленными ступней великана, огромные борозды прорезали неухоженные огороды, где на влажной земле торжествовали победу сорняки.

— Может, это был просто смерч? — неуверенно произнесла Ризала. — Или наводнение?

Кейда прикрыл глаза рукой. Дождевые тучи на миг раздвинулись, и солнце ярко засверкало над морем.

— Деревьям не нанесено никакого ущерба. Смерч проложил бы себе дорогу вглубь суши или вдоль берега, а не просто

разрушил бы дома. — Он повернулся к Деву. — Это работа какого-то чародея? Они могли видеть, что мы идем? Ты уверен, что они не могли следить за нами, как ты подсматриваешь за ними?

— Это называется ясновидением, — хладнокровно поправил его Дев. — Я не думаю, что им ведомо, как действует волшебство этого рода. Они даже не замечают, когда я нахожу их моим ясновидением, готов поспорить об этом на мои яйца.

— Ты споришь на наши три шеи, — Ризала бросила осторожный взгляд через плечо.

— И куда же делся волшебник, который это натворил? — Спросил Кейда.

— Не знаю. — Дев увидел в лице Кейды что-то, что ему не понравилось, и его голос стал кислым. — Я осматривал эти острова на всю его длину и ширину, чтобы найти этого волшебника. Я наблюдал за каждым человеком, следил за всеми его движениями, но не сумел этого выяснить. Поверьте мне, или я не с вами. Я дал клятву, что стану вам помогать, но не обязан держать слово, если кто-то не намерен мне верить. Кстати, так куда мне вас доставить? Тебя в дом Дэйшей на сезон дождей? А как насчет тебя, девонька? Ты готова сказать мне, кто тебя подослал?

Доверие. О, я доверяю твоему волшебству — еще бы, после того, как увидел вызванные тобой ниоткуда картины в чаше с водой. Вне сомнения, они доказывают, что чародей, который за кем-то вздумал подглядывать, проникнет повсюду. Я доверяю, оборачивая к тебе спину, рассчитывая, что ты меня при этом не предашь, вот это я нахожу истинным испытанием.

Ризала заговорила, прежде чем Кейда успел решить, что ответить.

— Давайте сойдем на берег и посмотрим, что там случилось.

Кейда взглянул в густые заросли за деревней, где подлесок вновь оживал после дождей.

— Ты полагаешь, там отыщутся какие-нибудь островитяне? Чейзены, способные рассказать нам, что произошло?

— Я не вижу ни единой домашней птицы, вернувшейся искать зерна и прочую пищу в разрушенном жилье, — печально произнесла девушка.

Дев ловко развернул «Амигал» кормой, подгоняя суденышко к негостеприимному пляжу.

— Спускай ялик, девонька. А ты позаботься, чтобы нас не сорвало. — Он поглядел на Кейду и кивнул в сторону якорей с двойными лапами. — Я не жажду плыть вдогонку за кораблем, если его снесет. В этих водах есть акулы.

Кейда поднял тяжелый носовой якорь и взглянул на Ризалу.

— Не хочешь остаться на борту, понаблюдать с моря?

— Я хочу увидеть, что будет твориться на берегу, — она упрямо покачала головой.

Кейда бросил якорь через нос «Амигала» и выбирал канат, пока не убедился, что лапы глубоко вошли в крупный песок на дне. Ризала тем временем отвязала ялик и улыбнулась Кейде, видя, как тот бросает второй якорь. Кейда легко спустился в маленькое суденышко и взялся за весла. Дев присоединился к ним, не сводя глаз с берега. Достигнув берега за несколько гребков, все трое вытащили ялик из лениво шевелящихся волн.

— Они строили оборонительные рубежи, — заметила Ризала.

Канава, вырытая на травянистом склоне, осталась в неприкосновенности, а вот заостренные бревна наспех возведенного частокола теперь лежали, рассеянные как солома по ветру.

— Очень это помогло чародейскому ученику, — злобно хихикнул Дев. — Я же говорил, эти люди более всего охочи до драки друг с другом. Не представляю себе, как они захватят любое другое владение, хотя бы и меньшее, до конца дождей.

— Ты сказал, они держали пленных в загоне, как скотину? — Кейда нигде не видел ничего, похожего на те сооружения, которые описывали ему Ризала и Дев.

— Похоже, что они держали их взаперти в хижинах. — Дев уже дошел до расколотых останков некоего основательного здания. Кейда присоединился к нему, ударив ногой по крепкому шесту, все еще скрепленному с досками пола. Бераловое

дерево, выдержанное и просмоленное для защиты от белых муравьев, сломалось как щепка. Грубая краснота на сломе резко контрастировала с темной, за многие годы натертой до блеска поверхностью шеста, напоминая кровавую рану.

— Соллера здесь давно нет, — Ризала выглядела встревоженной. — Понятия не имею, что будут есть чейзены, когда настанет сухая пора — даже если мы и изгоним этих чародеев.

Она пнула пучок, упавший с разметанной крыши. Сырые пальмовые листья соскользнули прочь и вопль девушки заставил обернуться обоих мужчин. Дев мгновенно отскочил в сторону а Кейда схватил Ризалу за плечо, другой рукой обнажая кинжал, отнятый у Дева.

— Что такое?

Девушка передернула плечами, точно собака, вернувшаяся из-под дождя. Движением подбородка она указала на два тела, скрючившихся в безобразном объятии. Пальмовые листья, сдвинувшись в сторону, явили не только мертвецов, но и тяжелый дух разложения. Множество копошащихся насекомых бросились прочь от дневного света.

— Они все же могут нам кое-что рассказать.

Кейда присел на корточки и внимательно вгляделся в мертвецов.

— Некромантия? — осведомился Дев, придвинувшись ближе, чтобы лучше видеть.

— Ты не станешь творить над ними чары, — Кейда покровительственно простер над телами ладонь.

— Я подумал, что ты собираешься совершить какой-то обряд, чтобы мертвые заговорили. — Дев сложил руки и блеснул глазами на Кейду. — На севере давно ходят слухи, что твои люди считают, будто прошлое, настоящее и будущее — это звенья одной цепи. Нет? Скверно. Это было бы для меня, пожалуй, весьма ценно.

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, — Кейда не знал, следует ужаснуться или изумиться этому замечанию.

— Мы можем обсудить невежество варваров как-нибудь в другой раз? — Ризала отвернулась от жутких трупов. — Никто не знает, когда вернутся дикари.

— Посмотри, может, ты и сможешь чего-нибудь увидеть. А я пойду, поищу дальше.— С этими словами Дев отошел в сторону.

Кейда продолжал вглядываться в мертвые тела. Один — старик с коротко подстриженными волосами, седой бородой и нитью бус из панциря черепахи на шее. Другая — женщина. Кожа, знававшая немало лет и непогод, загорбела и сморщилась, темные глаза остекленели в смерти. Ни на одном теле не было видно сколь-нибудь сильных признаков разложения, несмотря на назойливо облепивших их мух-падальщиц. Протянув руку, Кейда сдвинул ладонь старика с живота старухи. Безвольная и легкая, с твердыми мозолями рыбака.

— Они мертвы недавно, день или около того.

— Что их убило? — тихо спросила девушка.

— Трудно сказать.— Кейда мягко коснулся руками головы старого рыбака и внимательно ее обследовал.— Ни одной раны, насколько я вижу.

— У нее на затылке кровь,— указала рукой Ризала, тяжело соглотнув.

Закусив губу, Кейда сдвинул в сторону старухину седую косу. Темная кровь запеклась в тонкой ране вокруг шеи.

— Но убило ее не это. Что-то сорвали с ее шеи, шнур или ожерелье.— Кейда вздохнул и покачал головой. Затем он медленно поднялся на ноги и замер, стоя и отрешенно глядя вниз на распростертые тела.— На коже есть вздутие, но совсем небольшое. Думаю, те, кто их захватил, просто утомили бедняг голодом. Когда это случилось... что бы то ни было...— он махнул рукой, на развалины тюрьмы и другие следы разрушений дальше.— Потрясение, слабость... Думаю, они просто умерли от голода и усталости.

— Зачем брать пленных, а потом так скверно с ними обращаться? — Недоумение Ризалы отразило чувства самого Кейды.

— Зачем вообще брать пленных? Какая польза от владения, где некому работать? — Кейда растер в ладонях пригоршню земли.

— Ты полагаешь, они заберут землю себе? — Ризала обеспокоенно огляделась.

— Никаких признаков этого, да? Если тебе не нужны рабы, почему бы просто не предать чужаков смерти? — Кейда вздохнул. — Это угрожает и моему народу, если мы не найдем способа их остановить.

— Или даже хуже. — Глаза Ризалы потемнели от недобрых предчувствий. — Мы все еще не знаем, для чего им нужны пленные, если не для того, чтобы обращать в рабство.

— Идите, взгляните, что я нашел! — В крике Дева прозвенело жестокое удовлетворение

Кейда с Ризалой обменялись взглядом, прежде чем пойти дальше и присоединиться к колдуну, присевшему среди развалин другой хижины.

— Я же говорил вам, здесь было становище чародея! — Дев поднял на них взгляд, прежде чем вернуть его обратно — к чему-то, придавленному упавшей балкой. — Осторожней.

Ризала и Кейда поспешно отступили, когда тяжелая балка в рост Кейды и толщиной с его бедро по небрежному взмаху руки Дева взвилась в воздух, перекувыркнулась и упала в стороне.

— Это он? — ахнула в ужасе девушка.

Дев хихикнул.

— Он теперь не такой красавчик, а?

Кейда воззрился на то, что некогда было человеком.

— Его вздернули на дыбу?

— Не совсем так, как ты себе представляешь. — Дев пнул одну из неестественно вывернутых, искалеченных рук трупа. Ни один сустав на ней не остался невредимым, узловатые концы костей, покинувшие сочленения, четко выделялись под растянутой, но не разорванной кожей. Ноги оказались в подобном же состоянии, бедра располагались под невероятным углом к тазу. — Но никаких признаков веревок, и нигде не видно синяков.

— Это колдовство? — Кейда поглядел на лицо мертвеца. Челюсть тоже была вывихнута, белые зубы жутко сверкали во рту, превращенном в кровавое месиво. Голова изуродована, кости черепа под щетинистыми грязными волосами разделены, глаза превратились в озера гноя, окруженные грубыми мазками красноватой краски.

— Я бы сказал, что да.— Дев с удовлетворением кивнул.— Помнишь, я говорил, что он выглядел, как самый низший на их лестнице?

— Помню, ты говорил, что тебе нужно увидеть, как чародеи занимаются своим волшебством, чтобы изобрести средства, которыми мы сможем их побороть,— бросил ему вызов Кейда.— О чем тебе говорит это зрелище?

— Что этот слабак потерпел поражение от одного из соперников. Я видел, как не столь уж давно он вел нечто вроде переговоров с другим своим собратом. И под конец вручил тому добычу и пленных. Не иначе, как кто-то решил бесплатно забрать остальное. Дикари, которые за ним следовали, с радостью побегут за новым вожаком собачьей стаи.— Дев опять пнул тело, прежде чем поглядеть на Ризалу.— Не думаю, что бой между теми двумя колдунами, который мы видели, был чем-то из ряда вон выходящим. Думаю, они получают право носить все более диковинные плащи, убивая своих соперников и поднимаясь по иерархической лестнице.— Он улыбнулся Кейде.— Не один вождь захватил власть таким способом.

Кейда и ухом не повел.

— Ты можешь сказать, что здесь случилось?

Слабый голубой свет возник на мгновение над каждой разрушенной хижиной. Дев рассмеялся, когда Кейда вздрогнул, а Ризала шарахнулась от груды расколотого дерева, валявшейся рядом.

— Кто-то знал толк в могучем волшебстве, использующем силу воздуха.— Дев опять пнул тело.— Не знаю, какой стихии сродни этот дурень, но ему явно не представилось случая ею воспользоваться. Волшебство его врага разорвало его на части, а затем то же случилось и со всем его милым хозяйством. А тот, кто за это отвечает, сделал еще одну зарубку на посохе — или что там они используют как знак своей власти.

— Так принято у ваших? — сухо спросил Кейда.

Дев поднял злобно сверкающие глаза.

— Наши ничего подобного не делают. Это жестокое, грубое колдовство, когда побеждает сильнейший, и тонкости тут

не в чести. Мы на севере предпочитаем совершенствоваться в нашем ремесле, работая над пониманием природы чародейства, исследуя каждый оттенок его силы... — Он с презрением махнул в сторону мертвого колдуна. — Такие, как он, разбивают молотком раковину жемчужницы, и им дела нет, что, если раздавить ее, обратятся в прах и плоть, и жемчужна внутри. Мое волшебство — это нож, который тщательно вводят меж створок, добывая в награду одновременно и перламутр, и жемчужину, и кое-что съедобное.

На Кейду это не произвело впечатления.

— Увиденное подсказало тебе, как мы можем их одолеть?

— Нет, — медленно ответил Дев. — Хотя я думаю, что знаю, чей черед наступит дальше, если кто-то истребляет более слабых колдунов. И я не прочь увидеть это сражение. Если я смогу лицезреть, как эти люди используют свои чары, то можно подумать и о том, как против них бороться.

— Ты хочешь сказать, что поглядишь на их бой с помощью ясновидения? — Кейда с сомнением посмотрел на волшебника.

— О нет! Мне понадобится быть там, — радостно заверил его Дев. — Нельзя сказать, кто выигрывает петушиный бой, если стоишь по ту сторону ограды

Ризала осторожно рылась среди обломков хижины.

— Они и здесь оставили черепаховый панцирь и жемчуг. — Она встала, вытирая ладони о рваные штаны.

— Если они презирают такое богатство и ценят лишь самоцветы, то рано или поздно должны пойти на север. — Кейда выглядел мрачным. — Именно там следует искать драгоценные камни Архипелага.

Дев кивнул Ризале.

— Собери-ка все это и отнеси на борт.

— Что дает тебе право грабить этих людей? — немедленно осадил его Кейда.

— А кто тут остался, чтобы его можно было ограбить? — возмутился Дев. — В любом случае, ты сказал, что мне хорошо заплатят. Мы может считать это первым платежом.

— Тогда мародерством займешься ты сам, — холодно заметил Кейда. — Но только после того, как сотворишь свое

соглядатайское колдовство и убедишься, что никто за нами не крадется. А мы пока похороним мертвых.

Он повернулся к чародею спиной, и Ризала послушно последовала за ним обратно к мертвой паре.

— Они хотя бы умерли там, где им положено... — пробормотала она и беспомощно огляделась. — Здесь есть, чем копать?

— Пойди и посмотри, либо же нам придется поработать руками — Кейда встал на колени и провел по сырому дерну черту кинжалом, который взял у Дева. Этот нож он оставил себе, пусть даже то был ничем не примечательный визелисский клинок. Надрезав дерн, он начал аккуратно снимать его пластами.

— Никаких признаков человека! — сообщил подошедший Дев, весело махнув рукой и отбрасывая в сторону разбитый горшок, в котором задержалась морская вода.

— Посмотри еще. Нельзя, чтобы нас застали врасплох. — Кейда сосредоточился на очистке прямоугольника земли от дерна.

— Я хочу безопасности не меньше, чем ты. — Волшебник небрежно дернул плечами. — Но любой, у кого есть хотя бы на грош здравого смысла, во время такой жары спит где-нибудь под деревом.

Ризала вернулась с двумя мотыгами. У одной рукоять была обутлена, у другой сломана, но обе все же годились для работы.

— Это лучшее, что я нашла.

Кейда взял сломанную.

— Тогда постараемся сделать все, что можем, этими двумя.

Дневной жар опалял их склоненные спины, пока они копали. Тем временем Дев обшарил развалины хижины колдуна дикарей, он приволок с «Амигала» мешки и теперь, беззаботно посвистывая, нагружал их черепаховыми панцирями и жемчугом.

Волшебство ли, осквернив тебя до самых костей, сделало таким невыносимым? Или ты скрываешься на Архипелаге, потому что нажил себе порядочно врагов среди братьев-волшебников? Или ты просто умудрился поссориться со всеми сразу?

— Бить его, пожалуй, не самое мудрое на свете. — Ризала с печальной улыбкой кивнула при виде того, как крепко вцепился Кейда в свою мотыгу. — Хотя, стоило бы прекратить этот свист.

— Он дразнит нас, чтобы мы сорвались. У меня есть маленькая дочь Эви, у нее такие же манеры.

— Что ты понял из этой загадки? — Ризала помедлила, опершись о свою мотыгу, чтобы вытереть пот со лба. — Почему сюда пришли эти люди? Чего они хотят? Они не собираются тут поселиться, судя по тому, что мы видели. Они не намерены ничего сеять и сажать или даже просто по-хозяйски распоряжаться припасами. Они, правда, берут пленных, но и здесь ведут себя не так, как положено. Не знаю, что и как совершается в южных пределах, но когда Данак Сарб убил Данака Мира из-за владения, люди Данака Мира были переданы воинам, чтобы те делали с ними что угодно; их продавали в рабство, из них набирали наложниц, просто насиловали и вышвыривали вон. Однако я не слышала, чтобы эти дикари хотя бы пальцем тронули чейзенских женщин. Чего они хотят? Они даже не забрали жемчуг и черепаховые панцири, которые приносят доход этим землям.

— Насколько мы знаем, им нужны драгоценные камни, — ответил Кейда, с досадой всаживая мотыгу в землю. Он разделял ее недоумение. — Но чем эти камни настолько ценны для волшебников, раз они готовы встретить столь скверную смерть? — Он мотнул головой назад, в сторону изуродованного мертвого колдуна.

— Не думаю, что здесь дело в камнях, землях или женщинах, покладистых или нет, — неожиданно заявил Дев, остановившийся, чтобы послушать их разговор. — Важно то, что эти чародеи могут дать своим приспешникам. Это должно быть нечто столь искушающее, столь дивное, что они готовы быть разорванными колдовством кого-то другого, лишь бы воины следовали за ними просто ради возможности увидеть, как их предводитель заслужит свою награду. — Глаза колдуна стали темными и загадочными. — Хотел бы я знать, в чем заключается эта награда.

— Что здесь может быть такого, что нужно волшебнику? — возразила Ризала. — У нас на Архипелаге нет волшебства.

— Как раз сейчас оно есть, и вы хотите от него избавиться. — Дев сплюнул и отправился заниматься своими мародерскими делами.

Кейда выпрямился и посмотрел, насколько глубока могила, которую они вырыли.

— Сгодится.

Ризала поспешила перехватить Дева, вновь появившегося со стороны берега.

— Дай-ка один из этих! — она выхватила из его рук большой мешок и разорвала по швам, не реагируя на негодующие крики опешившего колдуна. Вернувшись, девушка она вручила кусок ткани Кейде, а другим крепко завязала свои рот и нос. — Давай закончим.

Ткань заглушила вздох Кейды, когда он наклонился, чтобы взять старика за плечи. Ризала потянулась к ногам мертвеца. Старик был не тяжел. Жуки посыпались с тела, когда они подхватили труп, бледные черви остались неистово извиваться на сырой темной земле. Не было возможности бережно опустить тело в могилу, поэтому они уронили его туда с глухим неприятным стуком.

Старуха оказалась еще легче и приземлилась куда мягче. Зловоние потревоженной смерти исходило от обоих, и Кейда принялся поспешно закидывать яму землей и дерном, меж тем как Ризала рассеивала землю по нечистому месту, где прежде лежали тела.

— Как ты полагаешь, это поможет их родным, если те еще живы? — хрипло произнесла она, слова с трудом покидали ее горло.

— По крайней мере, не повредит. — Кейда поглядел в сторону поднимающегося в глубину суши склона. — А присутствие упокоенных должно как-то оберечь от минувшего зла любого, кто станет жить здесь в будущем.

— А что мы сделаем с ним? — Девушка мотнула головой в сторону развалин хижины, где все еще лежал убитый колдун.

Кейда нагреб на могилу последние комья земли и сорвал с лица тряпку.

— Я намерен полностью избавиться от всей скверны,— твердо произнес он.— Как только мы увидим, что открылась дорога к освобождению этой земли от всех чаролеев-дикарей. Давай начнем с того, что сожжем тело чародея, а затем посмотрим, насколько готов Дев оправдать свое хвастовство насчет остальных.

— Эта кровля хорошо займется.— Ризала подхватила охапку ломкой пальмовой листвы.— Но затем нам понадобится дерево, чтобы горело жарче.

— Чем жарче, тем лучше,— согласился Кейда, отрывая сухие доски от развалин другого дома. Затем он встал на колени и попытался кресалом высечь искру на трут из наскоро надерганных волокон тряпицы. В этот момент подбежал Дев.

— Для чего тебе пускать дым? Чтобы его заметил каждый вражеский глаз? — ядовито любопытствовал волшебник.

Кейда даже не взглянул на него.

— Ты хотел узнать, кто его убил, не так ли? — Наконец-то тряпки загорелись и Ризала сложила ладони над рождающимся пламенем. Кейда подкормил его обрывками пальмовой листвы.

— Узнать, кто он, да. Но биться с его воинством — спасибо, нет.— Пламя заколебалось, и Дев рассмеялся.— Я могу вам помочь.

— Нет,— отрывисто возразил Кейда, тщательно оберегая грозящий угаснуть огонек.— Мы пытаемся очистить это место от колдовства, а не заклеить им здесь каждый камень.

Дев досадливо фыркнул.

— Если не закончите, когда я буду готов к отплытию, можете грести в ялике до соседнего острова.

Кейда не ответил, хотя уголком глаза все время поглядывал на «Амигал», пока они с Ризалой заботились, чтобы пламя поднималось все выше и выше над мертвым колдуном.

— Уж это-то превратит его в пепел,— с удовлетворением произнесла девушка, бросая в пламя последний кусок дерева. Кейда кивнул. Во рту у него было сухо и пыльно.

Пепел останется. У нас просто есть надежда, что хорошая буря смоет отраву в море, и она там растворится.

Когда они поднялись на борт «Амигала», Дев сразу же начал распоряжаться:

— Поднять якоря. Эй ты, дуреха, поможешь мне с парусом.

Чуть не обломив лапы якорей, слишком жадно вцепившихся в морское дно, Кейда перебросил через борт ведро, привязанное к веревке.

— Не принесешь ли немного того белого бренди? — попросил он к Ризалу. Дев тем временем орудовал кормовым веслом, направляя корабль в более глубокие воды.

— Что, успел пристраститься? — усмехнулся он.

Кейда встал на колени, тщательно отскребая ладони над ведром.

— Куда мы направляемся?

— К парочке островков вон там. — Дев кивнул в восточном направлении. — Один колдун с внушительной толпой прихлебателей засел в деревеньке по обе стороны от узкого проливчика. Я только что взглянул туда, теперь там целых два волшебника, и они плятятся друг на дружку. Я бы сказал, что один из них убил того, которого вы только что поджарили.

— Два колдуна — это больше хлопот, чем нам хотелось бы повстречать. — Кейда докрасна вытер ладони скатанными в шарик останками хлопковой тряпки.

— Поэтому мы встанем на якорь где-нибудь в сторонке и подойдем к ним через лес.

Этот ответ Дева изумил Кейду.

— Вот, принесла, что дальше? — Ризала появилась вновь, уже с приземистой черной бутылкой.

— Сначала вымой руки. — Кейда подтолкнул одной ногой ведро к Ризале, меж тем наливая щедрую долю бренди себе на ладони.

— Сколько у вашего народа способов изводить добрую выпивку? — раздраженно пробормотал Дев.

— Вычти ее стоимость из цены жемчуга, который ты набрал. — Кейда вытащил из кармана свое огниво. Один удар

кремня, спирт на коже воспламенился и Кейда тут же погрузил ладони в ведро.

— Это не очень больно! — уверил он Ризалу, широко улыбаясь.

Она безмолвно протянула ему дрожащие руки, расширив глаза.

— Когда вы закончите эту возню, займитесь проклятым парусом, — проворчал Дев. — Пока мы не налетели на риф.

Едва огонь на ее ладонях потух, Ризала поспешила к мачте. Кейда двинулся, чтобы вылить воду из ведерка через подветренный борт.

Есть ли смысл пытаться прочесть любые знаки, которые могут нам встретиться? Удастся ли увидеть что-то в воде, уже загрязненной чарами, в море, которое теперь изобилует скверной? Окажутся ли в силах даже самые мощные ливни и свирепые бури истребить с этих островов след чародейства?

Он выплеснул воду, даже не поглядев, как та летит по воздуху. Ризала появилась сбоку от него и вручила ему кожаную бутылку с водой.

— Хочешь поучиться править этим кораблем?

Как только он утолил свою немалую жажду, возня со снастями позволила ему повод сосредоточиться на этом коротком переходе к соседнему острову, изгнав воспоминания о мертвых чейзенах, — а заодно избавиться от нескончаемого спора с самим собой о том, что же он собирается сделать для того, чтобы вытеснить колдунов с Архипелага.

Тем временем Дев ловко ввел свой кораблик в укромную бухточку, едва ли коснувшись днищем песка на отмели.

— Поставим-ка якоря.

Кейда с Ризалой не спорили. Каждый из них занялся якорем, прежде чем спрыгнуть за борт и добраться до берега по пояс в воде. Дев вскоре присоединился к ним, повернувшись на миг и пристально поглядев на «Амигал».

— Это волшебство? — Кейда наблюдал, завороченный, как суденышко подрагивает, точно увиденное сквозь знойное марево.

— Идем через заросли как можно тише. Мне ни к чему применять больше волшебства, чем необходимо.

Взвесив в руке тяжелый тесак, Дев уверенно возглавил путь через гущу кустов и молодой древесной поросли.

Кейда дал знак Ризале следовать за колдуном и замкнул шествие, держа руку на кинжале и через каждые несколько шагов оглядываясь назад, чтобы убедиться, что за ними, в свой черед, не крадется кто-нибудь чужой. Полуденные джунгли были неподвижны и тихи, жара давила, точно осязаемая ноша.

Сухой ясный день, хотя нам больше бы пригодился дождик, когда эти дикари держатся поближе к хижинам, а шум падающей воды заглушает шаги. Что это предвещает? Не ведешь ли ты нас навстречу беде, чародей? Хотя Дэйш Рейк не считал бы тебя достаточно умелым охотником, крадешься ты довольно ловко. Хотел бы я знать, близ каких мест ты тайлся и разнюхивал, чтобы вывести все наши тайны для своей сомнительной торговли.

И ты, Ризала — тоже загадка, которую еще предстоит разгадать. Какие места посещала ты для Шека Кула? Какие вести посылала ему, и за какое вознаграждение? Как ты сносилась с ним? Но я хотя бы ощущаю, что могу тебе доверять.

Кейда оставил эти размышления, когда Дев впереди резко остановился и предостерегающе поднял руку. Ризала приникла к земле посреди подобия тропы. Кейда осторожно подался в сторону, чтобы лучше видеть. Они находились на укрытом деревьями подъеме над россыпью кладовых и скромных жилищ — во многом похожих на те, которые видели уничтоженные волшебством. Узкий и мелководный пролив, изобилующий кораллами, разделял две половины деревни. На противоположном берегу виднелся более широкий пляж, уставленный рамами, на которых сушились сети. Там же стоял ряд рыбачьих лодчонок, похожих на ялик Ризалы.

Также Кейда увидел захватчиков, бездельничающих по обе стороны пролива. По двое и по трое они со вкусом расположились под широкими навесами хижин, которые присвоили себе. По ту и другую сторону пролива их виднелось примерно равное число. Яркие вышивки разостланных одеял побледнели, стали мокрыми и грязными — впрочем, одежда чейзенских

островитян не удостоилась внимания пришельцев, и местные жители по-прежнему носили лишь свои кожаные юбки и узкие набедренные пояски. Пища Архипелага вызвала у захватчиков не больше интереса. Тыквенные бутылки и горшки с тщательно сложенными запасами были вскрыты, обследованы и отброшены в сторону. Мухи роились над лужами сиропа и горами засахаренных фруктов, уже начавших портиться, темнота же позволит более крупным искателям дармовой поживы подкрасться к наполовину съеденной и оставленной над костром туше оленя.

В каждой лодчонке виднелась дыра, некоторые суденышки были расколоты или оттащены в сторону, оставленные на милость прилива и бури, паруса сняты и частично разорваны — на мачтах остались только уныло повисшие обрывки неровно срезанной ткани и спутанные веревки. Большая часть сетей тоже была разрезана, прочие сожжены, их почерневшие останки свисали с обугленных покосившихся рам. Выше черты прилива виднелись долбенки захватчиков, стоявшие ровным рядом — точно черные отметины на песке; каждая была привязана к прочно всаженному в землю кольшку.

— Пока никаких береговых укреплений, — пробормотал Дев, ложась наземь. — Вот они, ваши частоколы.

— По одному на каждом берегу, — заметил Кейда, присоединившись к нему. Он разглядел и головы пленников, сгрудившихся внутри деревянных стен нескольких грубых тюрем в тщетной попытке найти какую-то тень. Кое-где на столбах все еще сохранилась кора, на обломанных прутьях виднелись увядшие бурые листья. В лесу, где были срублены деревья, остались истоптанные шрамы, теперь же некогда живые стволы были глубоко вогнаны в землю и связаны лозами — грубо обработанными, только что сорванными с деревьев и даже не сплетенными в подобия веревок. Кейда заметил также отсутствие признаков ворот во всех этих загонах, возведенных совсем недавно.

Дев тем временем рассматривал грубые долбенки.

— Кто бы ни были эти люди, они, безусловно, не плотники.

Ризала наблюдала за деревней из-за их спин.

— Не рыбаки и не земледельцы.

— Мы знаем, что они воины. Этого достаточно, если просто крадешь, когда и что тебе нужно.

На виду действительно было великое множество оружия — все те же дубинки, утыканные осколками кремня, копья из обожженного на огне дерева, которые он видал и прежде. Кейда бросил взгляд на Дева.

— Господство чародеев дает право отбирать плоды труда у других?

— Оно дает власть. — Дев положил руку на плечо Кейды. — Тихо.

Дверь самой большой хижины на их берегу была отворена. Один из дикарей, блаженствовавший снаружи, поспешил туда, наклонив голову, точно речная птица, готовая схватить рыбешку. Волнение пробежало по собравшимся, мужчины приподнялись на локтях или сели, все их внимание было теперь сосредоточено на большой хижине. Это возбудило любопытство и на дальнем берегу. Там мужчины тоже сбились по четверопятеро, некоторые вырвали копья из песка. Одиноким воин подбежал к бывшему соллерному амбару и забарабанил в дверь. Некоторые из дикарей спустились к самой воде, один из их махнул грубо вырубленной дубиной и проорал какие-то невнятные слова. С другого берега последовал ответ, и обмен оскорблениями эхом огласил берега.

— Нам понадобится большая подвижность, если они подадутся сюда, — встревоженно сказал Кейда Деву.

— Сквозь стену огня они за нами не попрутся, — с ходу ответил тот. — А я могу держать такую стену между ними и нами, пока мы не вернемся к лодке. Обычный разогрев, я такого видел больше чем достаточно, хотя понятия не имею, из-за чего они так заводятся.

К облегчению Кейды, бурный шум на пляже вскоре унялся, большинство дикарей вернулось к праздности, лишь несколько упрямо продолжали красоваться с оружием.

— Твое волшебство не может сообщить нам, о чем они говорят?

Я жизнь потратил, слушая предостережения о том, какое зло может совершить всемогущее волшебство. А те-

перь, когда я оказался в одной упряжке с волшебником, что мне более чем не по душе, он мне только и говорит о том, что чего-то не может.

— Это не мои чары.— Дев был невозмутим.— Порой дикари они успокаиваются после того, как выкрикнут кому-то несколько оскорблений. В других случаях доходит до драки, пока тот или другой чародей не призовет своих псов к ноге. Через это мы вряд ли много узнаем.— Его взгляд остановился на сверкающей кромке воды внизу, недобрая улыбка медленно изогнула его тонкие губы.— Думаю, я подбавлю туда огоньку.

Вода заблестела на солнце еще ярче и медленно, но неуклонно начала испускать нездешнее зеленое свечение, никак не связанное с солнцем наверху. Волна шлепнула по песку, откатилась и опять нахлынула. Море стало подниматься выше, каждая волна все дальше продвигалась по берегу. Зеленое сияние разгорелось ярче, окрашивая пену на гребнях небольших волн. Вскоре вода уже забурлила вокруг долбленок захватчиков. Около них изумрудное свечение потемнело, капли пены рассеялись по ветру, а лодки закачались и свободно поплыли в объятиях чародейства.

Случайные насмешливые выкрики на ближнем берегу превратились в гневные вопли, когда дикари увидели, что происходит. Некоторые из них бросились в воду, торопливо хватая свои суденышки. Шум и крики, усиленные эхом, раздавались среди деревьев, несколько кривоклювов взлетели с веток и с пронзительным криком помчались прочь, когда дверь большой хижины распахнулась. Мужчина, все тело которого было раскрашено желтыми отпечатками ладоней, выбрался на солнечный свет. Он взметнул перед собой руку, и зеленый свет отступил в глубины воды. Разрисованный волшебник встал на песке и поглядел через пролив на амбар, где подбежавший к дверям воин выслушивал какие-то распоряжения. Вдруг там засиял янтарный свет, почва начала смещаться из-под столбов амбара. Дерево заколыхалось и затрещало, лишившись опоры.

Горстка дикарей в спешке высыпала из строения, первый из них споткнулся, ибо песчаная почва уходила из-под его ног.

Позади него фигура, увенчанная венком из свежей зеленой листвы, умиротворяющим движением простерла вокруг себя ладони. Земля успокоилась, смех колдуна прозвенел, перекрывая нарастающий шум оскорблений, которыми опять стали обмениваться через воду две оравы диких воителей.

Один из них выбежал вперед, потрясая копьем. Резко остановившись у самого края, он послал свое оружие через пролив — прямо в чародея, увенчанного листьями.

— Всегда кто-нибудь слишком глуп, чтобы увидеть закат, — вздохнул Дев с издевательским сочувствием.

Копье взорвалось ливнем осколков, два порыва волшебной силы — один от чародея в венке, другой от раскрашенного колдуна — сбили бедолагу с ног. Окутанный завитками зеленого и золотого света, он завопил еще раз, прежде чем обмяк и замер на песке.

— Смотрите: только волшебники убивают волшебников, — с охотой объяснил Дев.

Ризала опустила на землю подле Кейды. Он положил свою руку на ее ладонь, меж тем как травянисто-зеленый свет пополз повсюду через расколотые стволы, образующие тюремные стены.

— Дев? Что ты делаешь? — Он содрогнулся от слабых, но отчаянных криков невидимых пленников.

— Ничего. — Лицо Дева было вдохновенным. — Заткнись и дай мне поглядеть, что они вытворяют. Только волшебники убивают волшебников, но они могут сделать многое, чтобы помешать копейщикам.

Лианы, связывающие частоколы, засветились зеленым и вдруг зашевелились, расплетаясь. Воины-дикари завопили в тревоге, когда побеги лоз стремительными извивами побежали по песку, захватывая стопы и лодыжки бегущих, связывая и опрокидывая всех, до кого им удавалась дотянуться. Любой, кто пытался освободиться, вскоре обнаруживал, что у него опутаны и руки. Несколько воинов упали наземь, один взвыл от нарастающего ужаса, когда алчущий добычи побег обвинил его шею.

Волшебник, разрисованный желтыми пятнами, обвел рукой полукруг, и лианы с треском рассыпались хрупкими обломками,

оплетенными алым светом. Когда воины сорвали с себя сухие остатки лиан, их предводитель медленно поднял руку, и вода в проливе содрогнулась. Крутая волна набежала на пляж за проливом, теперь она испускала янтарное сияние. Это сияние покинуло воду и, вздыбившись, побежало дальше по песку. Земля вздымалась и опадала, точно ткань, которую вытряхивают от пыли. Большинство дикарей тут же повалились наземь — кроме тех, что сгрудились вокруг обладателя венка.

Второй колдун стоял прямо, как ни в чем ни бывало, и возмездие с его стороны было мгновенным. Буря зеленого света полыхнула вокруг деревни на противоположной стороне. Крики боли заглушили вопли гнева, мужчины страдальчески охватили себя руками, сжав ладони подмышками. Некоторые упали, хватаясь руками за землю, другие закрыли ладонями лица.

— Не думаю, что тут у вас кто-то знает, как щиплет человека мороз. — Эта сцена скорее позабавила, нежели озаботила Дева. — Плохи у них дела...

Раскрашенный желтым волшебник не стал обращать внимание на страдания своих приспешников. Он повел обеими руками к дальнему берегу пролива, и на этот раз земля под ногами людей чародея в венке превратилась в жидкую грязь. Дикари попадали на колени, грязь быстро распространялась во всех направлениях, пока они пытались из нее выбраться. Разрисованный волшебник хлопнул в ладоши, породив золотую вспышку, достойную соперничать с солнцем, и воины обнаружили, что вокруг них сомкнулась вновь отвердевшая почва.

— Предсказуемо. — Дева это ничуть не тронуло. — Хотя довольно действенно. Они увязли основательно. — Чародей хихикнул.

— Что же теперь?.. — Вопли отчаявшихся пленников рывали Кейде сердце, рука Ризалы цепко обхватила его запястье.

Он, возможно, сказал бы больше, но тут ослепительный зеленый свет за клубился над проливом — почти аквамариновый, но быстро сгущающийся до темного зловещего нефрита.

Буря волшебного света хлынула на берег, плотное облако затопило все вокруг, звуки, испускаемые испуганными страдающими людьми, утонули в его реве.

А затем все закончилось — столь же внезапно, как и началось, оставив усеянным людьми пляж. Они прижимали к себе раненные руки и ноги или хватались ладонями за разбитые окровавленные головы. Повсюду на песке были рассыпаны прозрачные блестящие осколки, набежавший с той стороны ветерок мгновенно дохнул ледяным холодом горной ночи.

— Если тебе угодно биться об заклад, — заметил Дев, — я ставлю на парня в зеленом венке. Ледяная буря вроде этой не так легко удастся при вашей жарнице...

— Смотрите, они встают! — Ризала наблюдала за дальним берегом пролива, где люди колдуна в венке освобождались из земли, постепенно уступавшей решительному натиску дубин и копий.

Раскрашенный желтым чародей подошел к самому краю берега, по-прежнему не реагируя на крики своих пострадавших приспешников. Он выбросил руку в сторону соперника в венке. Тот что-то закричал, согнувшись и хватаясь за левую ногу. Кость голени у него треснула, белые концы прорвали кожу, безумно суетящиеся руки окрасились кровью. Люди желтого колдуна бурно возликовали, заглушив оскорбления своих противников с того берега. Ризала скорчилась на земле рядом с Кейдой, высвободив ладонь, чтобы заткнуть уши. Кейда обвил рукой ее плечи и прижал девушку к себе — но обнаружил, что не в состоянии отвести взгляд от картины битвы. Ибо, упав на колени, чародей в венке ударил по воздуху кулаком, как будто мог достать противника со своего места. Раскрашенный колдун споткнулся и попятился назад. На его руках и ногах появились хорошо заметные раны, они постепенно удлинялись, конечности распухали, кожа стала трескаться, точно кожура перезрелого плода, явив мшистое свечение внутри, вскоре пропавшее под кровью и гноем. Кейда кашлянул, так как гангренозное зловоние доплыло до него в тот самый миг, когда пораженный упал на песок, корчась и разевая рот в предсмертной муке.

— Это стоит внимания.— Дев подался вперед с жадным любопытством в темных глазах.

Раскрашенный желтым колдун катался на животе, мотая головой из стороны в сторону. Он был совершенно один, ибо его свора покинула пляж. Вывернувшись и с усилием подтянув ноги, а затем поднявшись на колени, он воздел руку и последним усилием запустил через пролив яркие завитки янтарного колдовского света.

Чары подняли из песка жалящие хлысты, а тяжелые прибрежные камни взметнулись в воздух, точно выпущенные из пращи. Но ни одно колдовское воздействие не явило себя на расстоянии длины копья от колдуна в венке. По его виду казалось, что он смеется, его приспешники тоже выглядели радостными, хотя и проворно отступили под защиту деревьев.

Волшебник в венке послал на ту сторону тонкую россыпь изумрудных огоньков. Новый звук поднялся над сдавленными стонами желтого колдуна и горестными всхлипами невидимых пленников. Сперва медленно, а затем набирая мощь, воздух наполнил гул роящихся насекомых.

— Надо убираться.— Воспоминания об изуродованных скверной хлыстожерицах, убивших Атуна, сдавили Кейде горло.— Что бы он ни призывал, это могут быть твари в руку длиной.

— Мы вне опасности.— Дев стряхнул его руку с плеча.— Смотри!

Зрелище насекомых вполне обычного размера было слабым утешением для Кейды. Они летели со всех направлений, покидая отвергнутую дикарями пищу, приносясь из лесу и даже со стороны моря. Туча мелких роящихся тварей сомкнулись вокруг поверженного колдуна, прикрыв его гноящиеся раны, бесчисленные крылышки блестели всеми цветами радуги в свете солнца. Щитки жуков-падальщиков образовали на земле яркий сверкающий ковер. Вопли поверженного колдуна стихли, когда потоки насекомых наполнили его глаза, уши и рот.

Страдалец смел мух и жуков одним движением, бросив их в песчаный смерч — но лишь на секунду. Волшебство вмиг

расстроилось, когда он в исступлении вцепился руками в горло, а по пальцам кровь потекла. Откинувшись назад, волшебник неистово забился на земле, а затем круто выгнул спину, так что лишь его макушка и пятки касались опоры.

Внезапно наступившая тишина была подобна удару грома. Колдун умер, насекомые затихли, дикари по обе стороны пролива замерли и даже раненые перестали стонать. Чародей, увенчанный листьями, поднялся на ноги и медленно заковылял к воде, его сломанная нога мгновенно срослась и зажила. Люди погибшего волшебника на другом берегу немедленно простерлись ниц, протянув руки в мольбе. Все приспешники обладателя венка глядели на них напряженно, не опуская оружия.

Чародей-победитель кивнул, и его воины поволокли свои долбленки к морю. Перейдя на веслах через узкий пролив, некоторые из них направились к большой хижине, где жил покойный колдун, а затем появились вновь — с ларями и мешками добычи. Прочие начали рушить стены загонов с пленниками, волокли бревна частокола к воде, связывали их в плоты и клали каждый на парочку долбленок. Недавние последователи желтого чародея бросили в сторону оружие и съезжались в безнадежном унынии, пока вновь пришедшие не стали хлопать их по плечу в знак приветствия, с кивками одобрения возвращая им оружие. Приняв его, люди побежденного с радостью стали помогать переносить все, что награбил убитый колдун, на склад добычи человека в венке.

Кейда напрягся, когда увидел жалких, сбившихся в кучу островитян-чейзенов. Пленники даже не пытались бежать, они лишь прятали лица, не надеясь более на свободу.

Слова Ризалы были эхом его собственных мыслей:

— Мы ничего не можем сделать, чтобы спасти их?

— И выдать себя этому засранцу? — почти отсутствующе произнес Дев, пристально наблюдая за колдуном в зеленом венке. — Нет, я не собираюсь вставать против него или любого вроде него, пока не обдумаю все возможные действия.

Ризала поглядела на осунувшееся лицо Кейды.

— Мы ничего не можем сделать?

— Мы можем принести свидетельство,— хрипло произнес он.

Какой будет судьба всех Дэйшей, если я не найду способа разбить этих злых пришельцев.

Разграбив все хижины, дикари обратились к останкам частокола, доломали их и поволокли охваченных в ужасом пленных. С криками и бранью островитяне были загнаны на только что сооруженные плоты — мужчин тянули за бороды, женщин за волосы. За проливом их тут же бросили наземь перед чародеем в венке из листьев. Он с небрежным одобрением кивнул дикарям, не жалеющим сил, чтобы выразить свою верность и готовность повиноваться. Его прежние сторонники растаскивали стены своих собственных загонов, загоняя туда новых пленников, присоединяя их к уже сидевшим там ранее.

— Им там сейчас станет нечем дышать,— пробормотала Ризала с нарастающей тревогой, когда дикари погнали к деревянным стенам людское стадо с еще одного плота.

— Как будто дикарям есть до этого дело... — пробурчал Кейда.— Разве мы недостаточно видели?

— Нет.— Дев решительно покачал головой.— Мне надо спуститься и посмотреть, что произошло с землей, когда он колдовал, если я вообще хочу осознать степень его волшебства.

Кейда поглядел на Ризалу, в ответ та беспомощно пожала плечами. Они сели под кустами и стали ждать. Колдун в венке получил долю добычи, которую его люди привезли со становища убитого. Единственным, что вызвало оживление вождя, были небольшие ларчики, быстро исчезнувшие в его хижине. Дикари развели огонь с помощью устройств, похожих на луки, а затем набросали зерна, плодов и мяса, всего вместе, в самые большие горшки, которые отыскиали. От запаха готовящейся пищи у Кейды заурчало в желудке, но вид мертвого колдуна, пожираемого насекомыми, которых призвал его соперник в венке, быстро убил всякий голод.

Тут Ризала толкнула его под локоть и предложила мех с водой. Кейда пил долго, основательно, а затем наградил девушку благодарной улыбкой.

— Похоже, что они куда-то двигаются. — Дев так ни разу и не отвел глаза от зрелища внизу.

Кейда взглянул туда и увидел, что дикари сооружают новые плоты из своих долбленок и грубо сколоченных досок. Добыча из хижины колдуна в венке была горой навалена на самый большой плот, чародей ступил на него, после чего праздно развалился на гряде отнятых у островитян одеял. Прочие из его выросшей оравы приспешников готовились к отбытию, доламывая частоколы и вытаскивая оттуда спотыкающихся и рыдающих пленников. Их согнали бичами по пять-шесть человек, связали вместе лозами, накинув каждому петлю на шею, и погнали на другие плоты. Изрядное число тех, кого оставили, были либо едва живы, либо уже мертвы. Дикари распределились по свободным долбленкам и встали в них прямо, каждый с длинным веслом в руке. Затем лодки окружили плоты и все сборище двинулось в путь по воде.

— Я так и не понял, как они это делают, — покачал головой Кейда.

— Порядочная доля волшебства. — Дев указал на отливающую зеленую воду, бегущую против прилива и несущую лодку чародея в венке прочь, в открытое море. Тем, кто следовал за ним, едва ли приходилось ударять веслами. Вскоре все исчезли за острым выступом захлестываемого прибоем берега.

— Дев, уцепись за него ясновидением, — нетерпеливо потребовал Кейда. — Нам надо знать, куда он плывет.

— Я смогу найти его снова в любой миг, когда потребуется. — Дев воззрился на тело побежденного с такой жадностью, от которой у Кейды волосы поднялись на загривке. — Я должен узнать, что он творил своим волшебством, прежде чем попытаюсь действовать против него.

Кейда схватил руку чародея твердым сдерживающим движением.

— Мы подождем, пока не убедимся, что они не возвращаются.

Они ждали. Начало становиться прохладно, рассеянные в небе облака сблизились и сгустились. Начал сыпаться дождь, но его тут же унесло ветром. Птицы в джунглях мягко зата-

раторили, ища пропитание среди деревьев. Внезапный шорох в подлеске побудил Кейду повернуть голову и схватиться за тесак. Дев тоже оглянулся, а затем поднял ладонь, обведенную рыжеватым свечением.

Округлый горб, покрытый щетиной, проломился сквозь темную блестящую листву ягодного куста и исчез в зарослях.

— Это просто кабан.— Пока Кейда произносил эти слова, парочка полосатых подсвинков вынырнула из зарослей и погрузила рыльца в ковер листьев.

— Хорошего вам ужина, если что-то добудете! — пожелал им Дев. Подсвинки вздрогнули при звуке его голоса и метнулись обратно в чащу.

Дев поглядел на Кейду.

— Наш друг в венке из листьев не вернется, и я хочу до темноты увидеть все, что можно.

— Хорошо.— Кейда нехотя кивнул.— Ризала, ты остаешься здесь что бы следить за окрестностями.

Она не спорила. Дев уже направился к деревне, и Кейде пришлось поторопиться, чтобы его нагнать.

— Что мы ищем? — спросил он, шагая в ногу с северным колдуном.

— Дай мне нож.— Взяв его, Дев вырезал в почве широкий квадрат.— Сколько дождя выпало в этом месте за последний пробег лун?

Кейда потер в пальцах сухую и пыльную землю.

— Можно подумать, что это конец сухой поры.

— Кто-то из них увел всю воду — таково одно из следствий наведенных чар. Если это можно назвать наведением чар,— задумчиво уточнил Дев.— Их колдовство — чистое наитие...

Это ничего не сказало Кейде, и он подошел, чтобы лучше поглядеть на мертвого чародея, дряблые гниющие останки которого распростерлись на земле, покрытые ползающими насекомыми. Труп выглядел так, словно много дней лежал непогребенным.

— Какое волшебство делает это?

— Не знаю. Но сработано лихо, не так ли? — Взвесив в руке нож, Дев глубоко разрезал плоть на бедре трупа. Чавканье

и вонь вызвали у Кейды прилив тошноты в горле, и он попятился. Поблуднев достаточно, чтобы выдать свое варварское происхождение, Дев все-таки не отступился, а стал рыться в темной слизи, разливавшейся по жадной земле.

— Костей нет, лишь губчатые обломки и куски сухожилий.— Отступив, он стал изучать какие-то ошметки и обрывки, налипшие на лезвие, а затем всадил клинок в пыльную почву, чтобы очистить его. Потом колдун поглядел через пролив на дальний пляж.— Но это совсем не то, что бедолага сделал с нашим другом в венке. У того треснули кости ног, став хрупкими и ломкими. Как он этого добился, хотел бы я знать. И как зеленый приятель все исправил?

Кейда оглядел землю вокруг себя, усеянную битыми горшками, брошенными тканями, сломанными деревяшками. Нахмурился и наклонился, чтобы подобрать втоптаный в землю нож.

Клинок был весь в ржавчине и оспинах, в нескольких местах проеден почти насквозь.

— Дев, а это что такое? Он не просто пострадал от дождей.— Кейда взял нож за рукоять, пальцами другой руки слегка надавив на лезвие. Металл согнулся, а затем рассыпался в прах.

— Житель Архипелага скорее согласится остаться без клинка, но не подхватит ничего вроде этого.— Дев огляделся и подобрал один из каменных топоров захватчиков.— Обсидиан,— заметил он.

— Как так? — поразился Кейда.— Ведь они могли давным-давно собирать у Чейзенов какое угодно железное оружие. Почему они по-прежнему держатся за обожженное в костре дерево и каменные лезвия?

— Волшебство,— ухмыльнулся Дев.— Если огонь и вода обратят в ржавчину твой клинок — ты мертвец. Если холд расколет кусок камня, есть надежда, что на нем еще останется достаточно острых краев, чтобы перерезать кому-нибудь горло. Деревянное копье или дубина пробьют кому-то живот или вышибут мозги, даже если они искривлены или разбиты.

— О-о!..— только и вздохнул Кейда.

Значит, сколько бы мечей ни подняли Дэйш, Редигал и Ритсем против этих пришельцев, вероятнее всего, это бесполезно, если мы не сумеем лишить захватчиков их чародеев.

— Ты увидел то, что тебе был нужно? — Свирепо спросил он у Дева. — Можешь сказать мне, как с ними следует биться?

Дев шагнул обратно к изуродованному трупу колдуна ди-карей.

— Это очень странное волшебство, клянусь тебе. Насколько я могу понять, оно вытягивает силу из природных стихий, окружающих волшебника.

— Что с ним случилось? — Кейда указал на зловонные останки побежденного.

— Наш друг в венке из листьев имеет прирожденную власть над водой. — Казалось, Дев увлекся не на шутку. — Как только этот дурень утратил сосредоточенность, защищавшую его от колдовства противника, его легкие, мозг и каждая ткань его тела наполнились жидкостью.

— И знание этого поможет нам их одолеть? — недоверчиво спросил Кейда. — Ты можешь сказать, как с ними бороться?

— Ты не справишься! — напрямик заявил Дев. — Я говорил тебе прежде, а теперь еще более уверен в этом. Нужно волшебство, чтобы бороться с волшебством, а у вашего народа ничего такого нет, и все благодаря вашему вековому безумию и предрассудкам. Ведь вы знать не знали, что они идут, не смотря на все ваши гадания и прорицания, верно?

Кейде едва ли удалось сдержаться, чтобы не ударить этого чародея-варвара. Вместо этого он отвернулся и стал глядеть через пролив.

— Кроме того, недостаточно знать, как разбить этих людей. Волшебнику нелишне знать, как они проигрывают, и как не проиграть самому. — Дев бросил последний взгляд на мертвого чародея и зашагал обратно по склону, на которым ждала Ризала.

— Кажется, все они тесно связаны с родственными им стихиями. — Продолжал волшебник, пока они поднимались на-

верх. — Это может быть их слабостью. Большинство способно использовать только одну-две стихии и успешно борются с теми силами, что противоположны родственной им силе. Только ребята на самом верху их иерархии могут использовать все четыре стихии — судя по тому, что я видел раньше. Но я не знаю, владеют ли они смешанным волшебством, так называемыми чарами квинтэссенции.

Кейда пропустил ничего не значащие для него слова волшебника мимо ушей, а сам поглядел в небо, все еще облачное, но без всяких признаков дождя.

— Надо до чего-то добраться, прежде чем кончится пора дождей.

— Я уже говорил тебе, приятель — нельзя бороться против волшебства, не владея им, — и Дев неприятно рассмеялся.

Кейда остановился и схватил колдуна-варвара за плечи.

— А ты можешь? Ты говорил об испытании твоей волшебной силы против них. Ты мог бы их одолеть?

Дев отбросил руки Кейды.

— Приведи убедительный довод, зачем мне это.

— Ты хотел вознаграждения. — Кейда с усилием пытался преодолеть скверный привкус во рту, который вызывал у него этот отвратительный человек и сама необходимость просить у Дева помощи.

«Истина часто является через случайно услышанные слова». Надеюсь, ты был прав, мой отец. И надеюсь, что я тоже прав. Мы говорили о том, как огонь одолевает огонь в Деразулле, я не думал, что до этого дойдет, но вот дошло. Могу ли я отступить, когда увидел, какая участь ждет мой народ?

Библиотеки полны отчаянных предостережений о чародеях, разбиравших могучие войска своим волшебством. Эти дикари таковы же. Сильнее ли волшебники севера? Не зря ли я потратил силы, разыскав этого Дева, поставив под удар свое будущее, даже саму свою жизнь, последовав ложному знамению?

— Все самоцветы и жемчуга Архипелага не принесут мне большой пользы, если я не буду жив, чтобы торговать ими, — рассуждал между тем Дев. — Даже если я выйду живым из

сражений с этими колдунами, и об этом разнесется весть, я буду все равно что мертв. Я не больно-то полагаюсь на то, что мне удастся благополучно пройти через весь Архипелаг.

— Я бы мог в безопасности доставить тебя в любые земли,— твердо заявил Кейда.— Я могу отправить тебя туда на быстрой триreme с грузом жемчугов, равным твоему весу.

И сжечь корабль, как только ты с него сойдешь.

— Славное предложение.— Дев рассмеялся и небрежно махнул рукой в направлении, которое выбрал колдун, увенчанный листьями.— Но как ты надеешься его осуществить? Даже предполагая, что я обрету средства бороться с их чародеями...— Он предостерегающе поднял руку, чтобы Кейда молчал.— Кроме натравливания их друг на друга, ибо я отнюдь не думаю, что этот прием подействует снова. В конце концов, кто поручится, что они не породят где-нибудь нового колдуна — и прежде всего, где-то там, откуда они пришли?

— Мы найдем средства предупредить союзников Дэйшей, чтобы шли на юг, как только чародеи будут мертвы,— не отступался Кейда.— Как только дикари лишатся волшебства, мы сможем убивать их, и их кровь в водах проливов отведит любого, кто остался у них дома, от плавания на север.

— Это недурная затея, если ты сможешь ее осуществить,— усмехнулся Дев.

Кейда молчал весь остальной путь, пока они не вернулись к Ризале. Лишь на тропе он вновь повернулся к спутнику:

— Я должен кое-что тебе сказать... — И замялся, не зная, как лучше построить фразу.

— Он хочет, чтобы я бился для него с этими дикарскими колдунами.— С высокомерным удовольствием произнес Дев. Ризала медленно кивнула.

— Я считаю, он мог бы.

— В самом деле? — Кейда в изумлении поглядел на нее.

— Тебе не из чего выбирать, и я это вижу.— Он увидел, как его собственное отчаяние отражается в ее светлых глазах.— Что еще мы можем сделать? Как мы можем бороться с этим волшебством, сами не владея волшебством? Если мы можем остановить это безумие, прежде чем оно уничтожит

Архипелаг, даже пожертвовав ради этого нашими жизнями... — И она умолкла.

— У меня нет намерения жертвовать жизнью ради кого бы то ни было, — раздраженно произнес Дев. — И если вы оба решили плыть навстречу своему жребия, пожалуйста, занимайтесь этим без меня. Если я что-то делаю, то лишь тогда, когда знаю, как выбраться из всего этого с целой шкурой. В данном случае дело касается меня настолько, насколько много добычи сможет увести «Амигал».

— Ты можешь побить колдуна в плаще из драконьей шкуры? — резко спросила Ризала.

— Это то, чего я хочу. У меня есть несколько мыслишек, которые могут вывести на верный путь, — ответил Дев с таинственной улыбкой. — Но я не могу валить для вас целые оравы дикарей. Вам нужно изыскать какой-то способ навести на них силы Дэйшей и Чейзенов, как только чародеи выйдут из игры.

Кейда медленно кивнул.

— Мне надо поговорить с Джанне Дэйш и выяснить, что думают южные вожди. Во владении Дэйш есть место, где мы договорились о встрече. Я послал ей весть, когда опять вернулся на юг. Если она ее получила, она будет там в полнолуние Большой Луны.

— Мы вполне сможем успеть, — сказала Ризала, но в голосе ее чувствовалось сомнение. — Впрочем, можем ли мы позволить себе такую задержку? Что будут делать между тем дикари?

— Все, что им угодно, девонька, — игриво заметил Дев. — И ты ничего не сможешь с этим поделать. Да и я не смогу, если уж быть откровенным. По крайней мере, сейчас. Но все же побереги свои волосы. Дождям еще лить и лить, так что не думаю, что дикари пойдут на север скоро. К тому же, чем дольше мы ждем, тем больше чародеев погибнет в междоусобных схватках. Чем больше этих поединков я смогу увидеть, тем лучшее представление получу об их слабых местах. Меня больше заботит, что станешь делать ты, Дэйш Кейда, если твоя госпожа Джанне не объявится. Что ты собираешься делать — воскреснуть из мертвых и попытаться поднять владения по этому поводу?

— Это, конечно, привлекло бы всеобщее внимание. — Кейда поморщился. — Но вся хитрость в том, чтобы побудить их самим биться за острова Чейзен — вместо того, чтобы требовать объяснений и обвинять меня в недостатке веры, а друг друга в разных заговорах. Я бы предпочел, чтобы дикари оказались благополучно истреблены, прежде чем вляпаюсь во все это дело.

— Ты собираешься разбираться с политическими проблемами лишь когда все кончится? — задумчиво проговорила Ризала. — Но тогда не последним вопросом будет — как тебе удалось найти средства разгромить этих чародеев?

Кейда тяжело вздохнул.

— Это как раз и должно стать нашей тайной, не так ли? Чтобы спасти наши шкуры. Вы согласны?

— Полностью, — бодро отозвался Дев.

— Ризала? — Кейда вопросительно поглядел на нее. — Ты сохранишь такую тайну от твоего господина?

— Чтобы спасти свою шкуру? — Девушка улыбнулась, но он все же заметил, что она дрожит. — Не беспокойся. Я видела, что случилось с Кайской Шек. У меня нет желания разделить ее участь. Я умру в назначенный мне день, но у меня нет желания его торопить.

— Тогда вперед! — Дев ошеломил их обоих, внезапно хлопнув в ладоши. — Взойдем на борт «Амигала» и найдем безопасную укромную якорную стоянку, где сможем разработать подробный план дальнейших действий, который дал бы нам надежду на успех.

Глава 18

— Ты думаешь, он будет там, когда мы вернемся? — Ризала поглядела через пустынные воды в сторону якорной стоянки, где они покинули Дева. — Пять дней плавания. Он теперь может быть где угодно.

— Что бы ты на это поставила? — После дождя, который промочил их ночью, с удовольствием впитывая спиной сухую теплоту камня, Кейда обнял свои колени. — Нет, я готов съесть

свой ремень, если наш друг не сидит там, где мы его покинули, пляясь в миску чернильной воды.

— Ты доверяешь ему? — В голосе девушки звучало откровенное сомнение.

— Я доверяю тому, насколько его занимает загадка этих дикарей, — честно признался Кейда. — Чего они ищут, и как их колдуны управляют ими.

— Не вижу тут загадки. — Она дрожала, несмотря на то, что солнце стояло почти в зените. — Страх и сила удерживают их в узде и заставляют слушаться колдунов.

— Подозреваю, что в беспредельных землях дела обстоят совсем не так. — Кейда вытянул ноги перед собой. — Дев хочет знать, что есть у этих южных чародеев такого, чего лишены его собратья.

— Чтобы иметь возможность господствовать надо всеми, поддерживая свою власть чародейством? — Ризала нахмурилась, глядя в том направлении, где давно пропал за окоемом чародей с севера.

— Я позабочусь, чтобы он не смог попытаться предпринять ничего подобного, — пылко пообещал Кейда.

Клянусь башней безмолвия за этой стеной. Я убью его, прежде чем он сможет что-либо такое сделать.

— А если я не смогу, тебе предстоит позаботиться о том, чтобы Шек Кул увидел его мертвым так или иначе, — и Кейда обнадеживающе улыбнулся Ризале. Но она не увидела этого, поглощенная созерцанием зеленых клочков суши в белой кайме, обильно усеивающих воды к западу — под чисто омытым небом, на темной синеве мирно плещущего моря. — Твои люди считают эти острова слишком далекими, верно?

— Дело не столько в расстоянии, сколько в недостатке подходящей земли для выращивания чего-либо съедобного. А если бы что и удалось вырастить, любая буря, явившаяся с океана, вернее всего, сдует посадки с земли. Запасы пресной воды тоже существенны, когда пройдет более половины сухой поры. Здесь ее достаточно, пока собирают раковины, но как только сбор закончен, на островах мало кто остается...

Несмотря на эти слова, Кейда внимательно обследовал окоем — не видно ли каких других судов, больших или малых?

Последнее, что нам нужно — это чтобы какой-нибудь ныряльщик из Дэйшей обследовал здешние рифы. Не могу позволить себе быть обнаруженным, вынужденным все объяснять и опять предоставить Деву пускаться в свои хитрости.

— Как ты думаешь, она придет сегодня? — Ризала повернулась, чтобы взглянуть на цепь островков, едва видных у края неба и ведущую к центру владения Дэйш.

— Если получила мое послание, — беспечно произнес Кейда. А что, если нет?

Ризала открыла рот — несомненно, чтобы спросить как раз об этом, и Кейда поспешил отвлечь ее новым вопросом.

— Твой свиток с картинками пережил нынешнюю мокрую ночь?

— Да. — В улыбке девушки, прислонившей затылок к белой каменной стене, чувствовалось облегчение.

— Я бы хотел на него поглядеть, — небрежно продолжал Кейда. — Похоже, это умелая работа.

— Одна из лучших, какие могли попасть в библиотеку Шека Кула, — и Ризала злорадно ухмыльнулась.

Кейда в печали простер руки.

— Ты не вправе корить меня за то, что оказалась для меня не меньшей загадкой, чем Дев.

— Если хочешь что-то знать, можешь просто спросить меня. — Ризалу ничуть не смутила такая возможность.

Кейда раздумывал лишь мгновение.

— Кто обучил тебя искусству стихосложения так хорошо, что ты смогла поступить в ученицы к человеку, столь известному своей разборчивостью, сколь Хэйтар Слепец?

— Ты слышал о нем? — Теперь настал черед Ризалы удивляться.

Кейда кивнул.

— Я однажды видел его выступление, когда посещал владение Туле. Он был поистине великолепен.

— Был, и счастьем было путешествовать с ним. — Ризала печально улыбнулась. — Ты слышал когда-либо о стихотворце по имени Гедут? — поспешно продолжила она. — Его самой сильной стороной была сатира.

— Это имя ничего мне не говорит,— Кейда покачал головой.— Сатира — это не самый безопасный род искусства слова для тех, кто его выберет.

— Поэтому мы не очень много путешествовали,— согласилась Ризала.— И меня не удивляет, что ты о нем не слышал. В любом случае, двенадцать лет назад он позволил себе безжалостно напасть на Данака Натина. Дополнительным оскорблением послужило то, что дерзкое сочинение оказалось невероятно смешным. Данак Натин пообещал любому, кто принесет ему голову Гедута, столько аметистов, сколько она весит.

Кейда увидел удовольствие на лице девушки.

— Он был твоим учителем?

Та кивнула.

— Шек Кул дал ему убежище. Гедут отплатил ему, обучая некоторых из нас, детей, хорошо говорить.

— Пожалуй, для Шека Кула было бы оскорбительно позволить Данаку Натину добиться своего,— закончил ее мысль Кейда.— Я думаю, Данак и Шек не слишком любили друг друга.

— Такие отношения принято называть сложными,— кисло заметила Ризала.— В то время Шек Кул хотел убедиться, насколько далеко он может зайти, задевая Данака Натина, и посмотреть, не может ли он развестись с Кайской, урожденной Данак.

— Не думаю, что слышал хотя бы о четверти тех событий,— признался Кейда, не скрывая любопытства.

— Это более чем сложно.— Глаза девушки затуманились.— Суть всех несчастий в том, что Кайска была бесплодна. Она не могла этого принять, не согласилась бы приобрести безымянное дитя, чтобы воспитать его как родное, либо обеспечить Шека Кула подружкой, которая бы зачала с ее благословения.

— А сестер у нее не было? — Кейда нахмурился.— Большинство женщин поискали бы среди родных ребенка своей крови.

— Она была одержима желанием воспитать ребенка, которого родит сама.— Ризала вывела в пыли длинным указательным пальцем сложную загогулину.— В конечном счете, это привело ее к тому, что она стала искать помощи у

некоего заклинателя с севера. Тем временем ее брат Данак Мир, который наследовал Данаку Натину, был убит, и подветренные владения избавились от хватки Данаков. — Она изобразила в пыли россыпь крохотных островков, тут же смахнув рисунок.

— А эта их хватка и побуждала Шека Кула защищать положение Кайски как первой жены, пусть даже она не могла дать владению дитя? — догадался Кейда.

— Данак Мир воспользовался бы любым умалением ее достоинства как поводом для нападения. — Ризала поморщилась, повернулась и опять села спиной к каменной стене. — Ни один из его союзников не посмел бы отмахнуться от такого призыва. Но зная, каков из себя Данак Мир, и что все эти союзы теперь мертвы, Шек Кул решился обзавестись наследником с Махли Шек. Она урожденная Махли Каасик, и союза с владением Каасик оказалось достаточно, чтобы прочие вожди призадумались — а нет ли другого пути, кроме как вновь покориться Данакам?

— И как он умер, этот Данак Мир? — Кейду не покидало любопытство.

— Кто-то подобрался к нему достаточно близко, чтобы перерезать горло, — пожала плечами девушка. — Никто не знает, был ли то наемный убийца или же доведенный до отчаяния притеснениями островитянин.

— И что случилось потом? — Кейда нашел, что этот разговор его недурно отвлекает.

Если уж я сам в союзе с Шеком Кулом, не худо бы такое знать. А это означает, что мне не надо думать, что я скажу Джанне.

— Мелсиар Кир зашевелился первым. Он знал, что другие подветренные владения не поддержат его, если он пожелает прямо занять земли Данаков. И он высказался за второго сына, Данака Нила. Мать мальчика была урожденная Эрази Данак, поэтому люди владения Данак были бы только счастливы принять его — особенно при том, что любой прорицатель увидел бы знамения в его пользу.

— Всем хотелось избежать положения меж двух жерновов, двух сил, борющихся за власть над их островами, — Кейда

более чем ясно видел, как это случилось.— Как я догадываюсь, между Кайской и Эрази не было любви?

— Эрази Мелсиар твердо решила отстаивать благополучие своего сына и знала, что лучше всего выбрать путь к примирению. Любой намек на то, что он жаждет стать вторым Данакон Миром, привел бы лишь к тому, что его кровь обагрила бы тот же песок.— Ризала вздохнула.— Кайска знала, что некому больше защищать ее положение. Как только Махли родит, сама Кайска будет низведена до положения четвертой жены — даже на роль второй или третьей ей не стоило рассчитывать. А вскоре принесут детей Лайю и Гар. Она настолько отчаялась, что прибегла к волшебству. Это открылось, и она поплатилась жизнью.

— Мне показалось, что дети Шека Кула слишком юны для отца таких лет,— заметил Кейда.

Ризала пожала плечами и глухо хмыкнула.

— Его ослепляли выгоды его положения. Он мог вызывать сочувствие в других владениях из-за отсутствия наследника, когда у него были связаны руки. Младшие жены в нескольких тамошних владениях были счастливы позволить ему объявить ложью намеки Кайски на то, что в ее бесплодии следует винить именно его, привнеся новую кровь Шеков в их семьи. И пока в его семье не было детей, он был менее уязвим, ибо не опасался, что их отравят или похитят, чтобы к чему-то его принудить.

Кейда поглядел на море.

— В прошлом году в это же время, услышь я твой рассказ о Кайске, решил бы, что она не иначе как безумна.

Но вот я тут, вступивший в сговор с волшебником и ожидающий свою жену, чтобы с ней объясниться.

— Как она умерла?

— Шек Кул приговорил ее к побиению камнями. На морском берегу. Каждый бросал в нее камень до тех пор, пока она не перестала дышать,— мрачно сообщила девушка.— Затем ее тело сожгли вместе со всем ее имуществом, а пепел оставили, чтобы его унесло море.

Кейда содрогнулся.

— Но она применила волшебство против своего владения. А мы пытаемся воспользоваться им против тех, что сами творят его без стыда и ограничений.

Но Ризала не слушала, ее мысли все еще были во владении Шек.

— Кайска отнюдь не была порочна. Не думаю, что всякий может понять ту жажду иметь ребенка, которая охватывает некоторых женщин. В любом случае, волшебник воспользовался ее слабостью для своих целей, так говорили люди.

— После знакомства с Девом я вполне могу этому поверить. — Кейда потянулся за кожаным бурдюком с водой, стоявшим между ними, и долго пил, прежде чем без слов передал бутылъ Ризале. Та тоже сделала основательный глоток. Было жарко, и скромная тень, которую отбрасывали башня и стена, теперь падала вглубь острова.

— Ты хорошо осведомлена, — заметил Кейда после нескольких мгновений молчания.

— Я выросла при дворе Шека Кула. — Лицо Ризалы немного прояснилось.

Кейда поднял бровь.

— Свободная или рабыня? Я о твоей матери.

— Свободная, одна из швей. — Ризала тепло улыбнулась. — Она никому не казалась особенной. Разве что мне.

— А твой отец? — Кейда подумал о безвестных маленьких детишках, бегавших по двору Дэйшей. Некоторые родились у слуг, которые подобающе обращались к одной из его жен за дозволением вступить в брак. Матери других просто пожимали плечами и держали при себе то, что знали, когда их расспрашивали, заметив округляющийся живот — либо не желая говорить, кто из ухажеров является отцом, либо не желая быть связанными с ним в обмен на признание ребенка своим и на то, что он мог бы предложить.

Не думаю, что я когда-либо сколько-нибудь думал о таких пострелятах — разве что полагался на Рекху, которая присматривала, чтобы их как надо обучили и устроили. У Шека Кула, очевидно, есть дар использовать все, чем он располагает.

— Привратник. — Ризала улыбнулась с той же теплотой. — Шек Кул даровал ему доходы с горной деревеньки несколько лет назад. Они с моей матерью теперь живут там.

— Это награда за их верную службу или плата за твои достижения? — полюбопытствовал Кейда.

Я вполне могу задавать вопрос за вопросом, пока она не откажется отвечать.

— Всего понемногу. — Глаза Ризалы блеснули, меж тем как она пропустила через пальцы плетеный шнур меха с водой. — И, конечно, ходили слухи.

— О чем?

— О том, что когда Кайска сделает то, что действительно доведет до отчаяния Шека Кула, он заведет ребенка с одной из ее рабынь. И кое-кто, безусловно, был бы счастлив, если бы он на это пошел, — резко ответила Ризала.

— Потому что рождение ребенка от вождя освободило бы кого-то из них. — Кейда кивнул в знак понимания. — И в то же время, Шек Кул лишил бы Кайску ценной для нее рабыни.

Мы, Дэйши, может, и не обладаем богатствами Шеков, но мир в нашей семье все-таки больше, чем просто честная сделка.

— Моя мать была швеей Кайски, — продолжала Ризала. — Когда я родилась, кругом зашептались, будто меня зачал Шек Кул. — Она пожала плечами. — И эти слухи вернулись, точно прилив, когда он выбрал меня для обучения, в том числе и у поэта.

— Ты думаешь, Шек Кул одобрил бы, что ты все это рассказываешь мне? — Спросил Кейда.

— Он узнает только в том случае, если ты перескажешь ему все, что я рассказала тебе, — ответила Ризала с недобрый блеском в глазах. — И не имеет значения, кто меня зачал. Мой отец — это мужчина, который меня воспитал.

— «Тот, кто ухаживает за посевами, пожинает урожай», — вспомнил Кейда старую пословицу. — Сеял он семя или нет. Ризала ухмыльнулась.

— В любом случае, Шек Кул обращает внимание на любого ребенка, если тот достаточно смышлен, чтобы стать его глазами и ушами.

— Кто дважды взглянет на юную худышку с заплочным мешком бродяги, если все только и хотят, что услышать прославленные перепевы Хэйтара из «Поиска зеркальной птицы»? — Кейда улыбнулся, дабы показать, что не хотел

задеть ее.— Тебе придется что-то рассказать о твоих странствиях.

— Никому, кроме Шека Кула.— Ризала поглядела через плечо на поросшие травой холмы, скрывающие дальнюю сторону острова. Именно там они припрятали ялик, убрав мачту, укрыв его между разбитых бочек, используемых в пору сбора жемчуга.— Я должна буду как следует высушить этот чехол. Кожа размокла, а плесень — бич бумаги в сырую пору. С другой стороны, я не хочу, чтобы картинки выгорели на солнце.

— Мы зажжем небольшие жаровенки в книгохранилище нашей обсерватории.— Неожиданное предчувствие нахлынуло на Кейду.— Надеюсь, Сиркет помнит, что за ним надо приглядывать.

Если да, надеюсь, он не подпалил там все. То был бы поистине недобрый знак. Плесень в книгохранилище была бы лучше. Когда же все наконец-то кончится, чтобы я мог провести там мирный денечек, читая все, что только в голову взбредет?

— Можешь сказать Джанне Дэйш, чтобы напомнила ему.— Ризала снова отпила из меха с водой.

— Как только она прибудет, а это уже скоро.— Желание увидеть Джанне и предвкушение новостей, которые она может принести, в равной степени мучили Кейду. Неспособный усидеть на месте, он поднялся и остановил взгляд на цепи островков, вдоль которой придет сюда судно Джанне. Но увидел только все те же неопределенные размытые пятна песка и зелени, да пальмы, качающиеся по ветру перистыми верхушками.

Ризала встала и смахнула песок со своих выгоревших шаровар, прежде чем еще раз медленно обойти по кругу стену, которой была обнесена башня из старого, изъеденного непогодой камня. Поставленная так, чтобы ее не тревожили наиболее частые здесь ветра, единственная дверь была крепко сколочена из дерева, которое с годами посеребрили морская соль и дожди.

По ту сторону стены витая лестница поднималась снаружи башни к высокому помосту, обнесенному парапетом. Ветер

чем-то играл на высоте, там негромко шелестело, а потом затихло.

— Ничего ни на востоке, ни на севере, — доложила Ризала.

Кейда указал.

— Вон легкая галера.

Они внимательно наблюдали, как проворное судно огибают отмели возле отдаленных островков.

— Не иначе как она, — сказал Кейда с пылкой надеждой.

— Я спрячусь. — Ризала неуверенно переступила с ноги на ногу. — Как ты думаешь, они не обыщут весь остров?

— Она должна будет сказать, что явилась сюда, чтобы обдумать утрату меня в тени башни. — Кейда внезапно покачал головой. — И посмотреть, не явят ли ей сны, что это может означать для владения. Никто другой не посмеет ступить на остров.

Легкая галера взмыла над искрящимися водами, летя к ним. Единственное крыло паруса из белого полотна ловило сговорчивый ветер, пена вставала за кормой.

— Тогда до встречи. — Ризала исчезла за поворотом стены.

Кейда обошел вокруг ограды и скользнул в ворота. Внутри стены было заметно теплее, ибо тут морской ветерок не смягчал неистовство солнца. Ни единого облачка не проплывало по ярко-синему небу.

Есть ли тут что-нибудь, что меня направит? Любое доступное мне знамение?

Несколько обрывков ткани в пыли выгорели до безликой серости, и невозможно было угадать их первоначальный цвет. Кейда подобрал один, и тот рассыпался меж его пальцев на ломкие спекшиеся нити. Здесь не оставалось никого, чей прах ветра и бури могли бы нести по владению на памяти Кейды или Дэйша Рейка. Если не считать шума и возни в пору сбора жемчуга, здешней наблюдательной площадкой круглый год пользовались морские птицы. Повсюду виднелись их перья — в большинстве своем белые, иногда с черным на концах, серым или золотым. Некоторые из них ветер и солнце высушили до хрупкости соломы, другие были поновее. На белом камне башни были заметны неровные полосы — там, где гнездящиеся

наверху птицы запачкали камень своим пометом. Дожди еще не смыли эту грязь.

Чайки, жемчужницы, ловцы кораллов, даже рассветные странники, судя по этому добру — от легкого пушка до маховых перьев. Тут можно отыскать недурной набор перьев для гадания. Но для того, кто не боится, что слишком глубоко погряз в волшебстве, любое подобное чтение будет лишено смысла.

Неважно. Моя способность читать знаки может давать повод к подозрениям, но все, что я когда-либо учил о чтении небес, истинно. Цвет Визайла — это восходящий знак, воплощение женственности и надежды, защиты для дома, нежный аромат во тьме. Он в дуге брака и всех подобных теснейших отношений. Вот Алмаз, он ведет к ясности цели и хранит от зла. Могучий камень для всех, что правит. Он делит небо с Опалом, означающим верность и правду, оберегающим от колдовства, этот камень полон и яростен как никогда.

Это правильное начинание, и у меня на него только сегодняшний день. Половина небес переменится завтра. Аметист, камень вдохновения, ведомый Рогатой Рыбой, которая перейдет из дуги чести и честолюбия в царство дружбы и союза, поддержанных мощью Крылатого Змея. Рубин переходит из области себя, поддерживаемый силой Ястреба Йора, в дугу богатства и обладания. А вот и Рыба-парусник, на удачу и счастье, вот-вот ожидаемые. И с ней движется Жемчужина, покровительница моего дома, знак вдохновения, оберег от безумия. Значит, все, что я делаю — правильно.

Гребная лодка причалила к берегу с изрядным треском. Кейда услышал приглушенные голоса. Затем лодка оттолкнулась, под ней шумно забурило вода. К башне стали приближаться шаги. Кто-то обходил стену. Затем загремел засов.

— Кейда?

— Джанне. — Он выбежал из-за башни, протянув к ней руки. — Любовь моя.

— Я уже начинала думать, что никогда больше тебя не увижу. — Она заперла за собой дверь в стене, уронив взгляд

и поправив при этом тонкую шаль, покрывавшую ее крепко сплетенные волосы.

— Бывали времена, когда я сомневался, что когда-нибудь вернусь.— У Кейды сжалось горло.

Не больно-то ты похож на вернувшегося героя.

Внезапно Кейда до боли остро ощутил, какая на нем неподходящая одежда —выгоревшая, просоленная морем. Волосы и борода его были спутаны и нестрижены, руки покрыты старыми и новыми шрамами, на раскрытых ладонях загрибели мозоли от весел.

— Ты еще прекрасней, чем когда-либо, жена моя!

Джанне была в блестящем синем платье без рукавов, нарядно расшитом золотом и подпоясанном толстой золотой цепью, с которой свисали перламутр и жемчуг. Жемчужины сияли и на заколках в ее косах. Когда она сложила руки над свободными складками своего плаща из бледно-зеленого газа, золотые и серебряные браслеты, густо унизывавшие ее руки, зазвенели. У нее было по кольцу на каждом пальце, и все они ярко сверкали на солнце — тоже серебро и золото, вправленные в них малахиты темнели глухими пятнами.

Камень, исцеляющий скорбь.

— Какие вести ты принес, вернувшись? — Голос Джанне звучал совершенно по-деловому.— Есть какие-то мысли, как избавить чейзенов от этих дикарей?

Кейда покачал головой.

— Говори ты первая. Я наслушался самых разных сплетен. Почему вы с Рекхой забрали других детей на север, а Сиркета оставили на милость Сарила и ласки Итрак? Люди говорят, что хитрость Чейзена вполне может подкопаться под наше владение.

— Естественно, сплетни тянутся хвостами за купеческими галерами вместе с ночной грязью и объедками, и в них есть правда.— Джанне испытующе поглядела на него.— Мы забрали младших детей на север прежде всего ради их безопасности, а также потому, что это из года в год принято у нас, когда приходят дожди.— Она бросила на мужа суровый взгляд.— Они думают, что ты мертв, все они. И до сих пор горюют. Мы решили, что лучше как можно меньше менять их жизнь, чтобы утешить их настолько, насколько получится.

— О... — пристыженный, Кейда не знал, что и сказать.

Джанне рассеянно смяла пальцами край плаща, золотая нить на мягкой ткани поймала свет.

— У Сэйн были трудные роды, и она действительно не годилась для переезда. Ребенок достаточно здоровый, сын... — Женщина тепло улыбнулась. — Мы зовем его Язи. Но всегда сохраняется опасность, что один из них умрет. — Ее голос вдруг охрип от волнения. — Никто из нас не хотел проводить через такое детей, да еще вскоре после того, как лишились тебя...

— Мне надо было уйти, — тихо возразил Кейда.

Невольное движение Джанне можно было бы счесть дрожью, если бы внутри ограды чувствовался хоть какой-то ветерок.

— Сиркет сделал для владения все, что мог. Он остался поближе к Чейзену Сарилу, пытаясь придать какую-то твердость этому человеку, — добавила она с нарастающей горечью. — И точно так же Сэйн исполняет свой долг перед нашим народом. Она приучает Чейзена Сарила доверять ей и узнает, что он слышал от своих, бежавших на север. Могу еще добавить, что там много такого, чем он в открытую с нами не делился.

— Например? — настороженно спросил Кейда.

— Дикари действительно распространились по его владению, но они, конечно, не подавляют числом, как следовало из первых сообщений. Им, разумеется, и не требуется численное превосходство — ведь у них есть волшебство, которое придает силу их злу. — Джанне теперь глядела на Кейду с вызовом. — Так ты нашел ответ? Тот, что оправдал бы все горе и растерянность, которые испытали твои родные из-за твоей так называемой смерти?

— Меня бы здесь не было, если бы я ничего не нашел, — уязвленно отозвался он. — Но мне нужно знать, поведет ли Чейзен Сарил своих людей на юг, чтобы отнять у врага свои земли, когда мой удар остановит колдовство дикарей?

— Чейзен Сарил ни на что не годится, — с горечью произнесла Джанне. — Судя по тому, что сообщают Сэйн и Сиркет, он едва ли может решить, есть ему мясное или рыбное блюдо.

Он растрчивает дни на сетования о мертвых женах и детях, оплакивая страдания своего лишенного земли народа, но не пытаюсь сделать ничего, что улучшило бы положение этих людей. Это также побудило нас с Рекхой перебраться на север. Когда бы кто-либо из островитян ни искал совета Сарила, тот лишь всплескивает руками, твердя, что боится посягнуть на права Дэйшей, и молит нас избавить его от всякой ответственности.

— Сиркет все еще в южном жилище? — спросил Кейда. — Чейзен не обращался к нему?

— Пытался, — кисло признала Джанне. — Сиркет утверждает, что слишком обременен заботами о владении Дэйш, слишком занят изучением знамений, дабы получить руководство и предостережение о любой новой опасности. Он слишком печется об укреплении союзов на случай, если дикари пойдут на север. И его более чем можно оправдать. — За гордостью Джанне сыном Кейда расслышал усталость и досаду и увидел на ее лице складки, которых не было прежде, когда он в последний раз любящей рукой гладил ее волосы. — Когда все поверили, что ты мертв, все старые союзы распались. Сиркет бился с рассвета до сумерек, чтобы удержать наших людей от страха или отчаяния, чтобы Дэйши были в подобающих отношениях с соседями перед лицом несчастий следующих одно за другим. Своей преданностью и упорством он завоевал всеобщее восхищение, верность и еще больше — любовь.

— Прости, что вам всем пришлось так сильно страдать, — сказал погрустневший Кейда.

— Лучше это, чем гибель в колдовском огне какого-нибудь чародея, — едко заметила Джанне. — У тебя действительно есть какие-то средства залить этот огонь? Страх перед волшебством изводит наших людей и тех чейзенов, которых мы приютили. Редигал Корон и Ритсем Кайд равно откровенны в своих недобрых предчувствиях. Они поддержат Сиркета в борьбе против людей, сколь угодно хорошо вооруженных и откуда угодно явившихся. Но не пошлют свои корабли против чародеев.

— Даю тебе слово, я позабочусь, чтобы этого не потребовалось, — решительно пообещал Кейда. — Но сами дикари останутся, даже если будут мертвы их волшебники. Сможет ли

Сиркет рассчитывать на поддержку Редигала и корабли Ритсема, на то, что Дэйши не в одиночестве ударят на юг, чтобы разгромить захватчиков? И как насчет людей Чейзена?

— Редигал и Ритсем отплывут, как только им пошлют весть,— с убежденностью ответила Джанне.— Множество людей Чейзена отплывут на своих кораблях или вступят на борт судов Дэйшей, осмелится Сарил замочить обувь или же нет. Итрак более чем выполняет свой долг перед их владением, поднимая дух людей и не позволяя никому оставить надежду на возвращение.

— Она по-прежнему верна Чейзену? — перебил Кейда.— И не помышляет о браке с Сиркетом?

— Я говорила тебе, что не согласилась бы на такой брак, даже если бы Чейзен был мертв.— Джанне пронзила мужа суровым взглядом.

Он махнул рукой: мол, довольно об этом.

— Какие новости об Улле Сафаре?

Улыбка Джанне поразила его.

— Улла Сафар слишком занят в своем владении, чтобы поглядывать, что творится за его границами. Улла Орхан взял на себя заботу о том, чтобы владение было готово к нападению с юга. Он предпринял тщательный осмотр всех их трирем и обдумывает, как лучше обеспечить оборону владения, не лишая острова ни посевов, которые будут кормить оставшихся, ни людей, которые возделывают землю.— Улыбка ее стала задумчивой.— Он уделяет пристальное внимание всем союзникам владения и не жалеет сил, чтобы восстановить любые связи, которые грозят оборваться...

— Оборваться под тяжестью грубого подхода Уллы Сафара.— Кейда призадумался.— Как я понял, Орхан при любой возможности подчеркивает, что верен отцу?

— С величайшим смирением,— подтвердила Джанне.— Он юнец ловкий и весьма смывленный.

— Приходится. Иначе как бы он сохранил голову на плечах? — откровенно заметил Кейда.

Джанне некоторое время изучала свои ногти.

— Он также не делает тайны из желания иметь более тесные связи с нами. Он послал человека к До несколько дней

назад, чтобы предложить прекрасные солнечные бриллианты вместе со своим самым искренним восхищением.

Кейда вздрогнул.

— И что она ответила?

Джанне помедлила, прежде чем продолжать.

— Она приняла подарок и послала ему свое скромное приношение в виде жемчужных собачьих зубов вместе с учтивой благодарностью.

— Было ли это мудро? — Кейда нахмурился в сомнении.

— Предложить что-либо, что могло бы быть сочтено оскорблением, оказалось бы менее мудро. До об этом и говорить не надо. — Джанне пожала плечами. — Не думаю, что она придает значение любому предложению, которое он мог бы сделать. — Ее голос зазвучал тверже. — Помимо чего-либо еще, Улла Сафар причастен к смерти ее любимого отца. Она все еще плачет ночами. Я это слышу.

— Я возьмущу горе вам всем, когда вернусь домой. — Кейда не пожалел сил, чтобы его голос прозвучал спокойно.

— Ты нашел способ очиститься от скверны волшебства? — Лицо Джанне стало непроницаемо. — А заодно и что-либо, что можно применить против этих дикарей?

Можешь ли ты хотя бы начать отвечать на ее вопросы так, чтобы это ее удовлетворило?

— Моя дорога и все знаки, которым я следовал, привели меня к северному чародею, — осторожно начал Кейда. — Он считает, что может разбить колдунов дикарей.

— Ты обратился к чародейству? — Джанне была в ужасе.

— Я согласился на единственно возможное оружие, которое смог найти для защиты моего владения, — произнес Кейда со спокойной решимостью.

— И где он? — Джанне вцепилась в свой плащ, и тонкая ткань треснула в ее пальцах.

— Не здесь. И даже не в водах Дэйшей, — успокоил ее муж. — Он наблюдает за дикарями и обдумывает, как лучше нанести удар.

— О, Кейда, что ты сделал! — Джанне воззрилась на него в полном расстройстве. — Как ты сможешь когда-либо избавиться от такого пятна?

— Мои намерения абсолютно чисты, — сказал Кейда со всей убежденностью, которую мог вложить в эти слова. — Все, что я делаю и все, что сделаю когда-либо, имеет целью только благо владения. Руководство звезд, знамения и приметы, которые мне открылись, уверили меня в правильности моего пути. — Он не мог удержаться от гнева, который поднялся в его голосе из-за того, что Джанне в нем сомневается. — Попроси Сиркета, чтобы прочел для тебя небеса, каковы они здесь и сейчас. Спроси его, не сулят ли звезды надежду на свободу владению Дэйш, на избавление от страха перед дикарями и их чародейством, от нелегкого бремени терпеть у себя людей, бежавших из владения Чейзенов?

— Обращением к чародею, который призовет волшебство по твоему приказу? — Джанне явно находила такую мысль возмутительной.

— Только против их колдунов, а они начали войну первыми, — огрызнулся ее муж.

— Ну что за детские доводы! — Джанне плотнее натянула воздушную ткань на голые плечи, и та порвалась еще сильнее. — Что подумает Ритсем Кайд? Или Редигал Корон? Как ты сможешь доказать, что избежал несмываемого пятна, напрямую связавшись с волшебником? Как ты объяснишь им такой продолжительный обман? Я думала, ты вернешься с тем, что перевесит твою сомнительную затею, но не усугубит ее!

— От меня не требуется давать кому-либо объяснения. — Кейда не без труда сдержал свои бурные чувства. — Я скажу, что связан клятвой не выдавать тайну противостояния волшебству. У каждого владения свои тайны. Это станет одним из потаенных искусств Дэйшей. Я поклянусь, что прошел всевозможное необходимое очищение. Им придется просто мне довериться. — Ему с трудом удалось улыбнуться. — Им придется поверить, если они хотят быть уверенными в помощи Дэйшей в случае возвращения когда-либо захватчиков и их колдовства. Все, что нужно знать нашим союзникам, — это что угроза колдовства устранена, и мы, Дэйши и Чейзены, нуждаемся в их помощи в истреблении оставшихся дикарей — немедленно, прежде чем тем не представилось возможности призвать новых чародеев. И союзники должны бу-

дут вместе отплыть на юг, чтобы предпринять согласованное нападение.

— Как мы узнаем, что пришла пора? — Голос Джанне неожиданно сделался усталым. — У тебя нет почтовых птиц. А даже будь они, им требуется время, чтобы долететь.

— Будет знак. — Кейда как мог постарался не обращать внимания на муки в желудке.

Ты утверждаешь, что чистота твоих намерений защищает тебя от скверны волшебства. Позволит ли тебе эта ясность цели увидеть будущее после той опасной затеи, в которую ты ввязался?

Он заставил себя глубоко вздохнуть.

— Ты должна сказать Сиркету, что это явилось тебе здесь во сне. Будет красная луна, или луны, не вполне уверен, когда. Это издавна считалось знаком войны. Сиркет должен передать остальным, чтобы они как следует несли дозор. Как только увидят знак, пусть все плывут на юг — биться не на жизнь, а на смерть.

— Ты уверен, что знак появится? — Джанне с большим сомнением сощурила глаза.

— Да, — упрямо произнес Кейда.

Потому что то будет не истинный знак, но тот, который ты создашь с помощью Дева. Признаешься ли ты когда-нибудь в таком позоре, как использование к магии для создания ложного знамения? Принесет ли достаточно жемчуга следующий урожай, чтобы Дев держал язык за зубами — или он будет играть на твоём страхе разоблачения весь остаток твоих дней?

Молчание повисло в круге стены, и нарушал его лишь слабый шорох на башне над головами.

— Что потом? — теперь Джанне говорила с откровенным подозрением. — Что случится после этих боев, если ты даже уцелеешь, и чародейство не испепелит тебя на месте, будь оно с Юга или с Севера?

— Мы с тобой встретимся здесь, — медленно проговорил Кейда. — В следующее полнолуние Большой Луны.

— И к тому времени все кончится? — В вопрос Джанне закралась отчаянная надежда.

— Так или иначе,— хмуро ответил Кейда.— Тогда я посмотрю на знамения, и мы подумаем, как лучше устроить мое воскрешение из мертвых.

Он улыбнулся жене, но та не ответила улыбкой.

— Будем надеяться, что знаки окажутся благоприятными.— Ногой в сандалии и золотых браслетах она пошевелила несколько перьев из тех, что лежали на земле.— Если это все, что нам требовалось обсудить, я предпочла бы искать наставления в любых снах, которые могут явиться мне здесь. Мы с Рекхой посещали все башни по нашему владению.

— Так что никто не придал бы значения твоей поездке сюда.— Кейда кивнул в знак понимания.

Надеюсь, эти сны даруют успокоение и подтвердят, что все наши шаги совершаются в верном направлении, какими бы отвратительными они ни казались.

— Помимо прочего,— глаза Джанне потемнели,— пока я не получила твое послание, всякий миг становилось возможно, что ты действительно умер. Даже получив его, я могла лишь надеяться, что оно пришло от тебя.

— Все уже почти прошло, уверяю тебя.— Кейда шагнул вперед, чтобы обвить ее руками, но она вырвалась из его объятий.

— Тебе лучше уйти. Мне следует остаться одной, чтобы сон был воистину вещим.

— Тогда до новой встречи,— Кейда склонился, чтобы наскоро поцеловать жену в губы.— Я буду считать дни.

— Я тоже.— Ее печальная улыбка разорвала Кейде сердце, и в то же время, как ни странно, подбодрила его.

Звезды небесные, у нее полно причин сердиться на тебя, но она все-таки тебя прощает.

Кейда одарил Джанне последней улыбкой и покинул ее. Стараясь, чтобы башня оставалась между ним и любыми бдительными глазами с галеры, он направился к веренице дюн, сбегających с островного хребта. Нырять и держа голову ниже поросших травой гребней, он последовал тропой, которую развели они с Ризалой, через все эти впадины и ложбины. Пляж на противоположной стороне острова был усыпан раковинами жемчужниц, хрустящими под ногами. Кейда по-

спешил к рядам укрытий, сделанных из ненужных рыбацких лодок.

— Ризала?

Она появилась среди обветшавших и битых бывших суденышек, подтянутых заметно выше черты самого высокого прилива и привязанных к кольшкам, основательно вбитым в песок.

— Ну что?

Кейда обогнул лодки, чтобы добраться до места, где они скрыли среди них свой ялик, натянув на опущенную мачту парус и подвязав его к бортам, что обеспечило какую-никакую маскировку. Когда он присоединился к девушке, вонь гниющих моллюсков обступила его. Ее разносили те самые ночные дожди, которые наплескали в их ялик воды по колено.

Заметив, как он передергивается, Ризала ухмыльнулась.

— Во время сбора жемчуга здесь, наверное, смердит до небес.

— Да, поверь мне, — откликнулся Кейда, поглядев на укрытия для добычи, которые ждали, чтобы их наполнил улов, принесенный с морского дна. Драгоценные жемчужины будут выбраны после того, как сгниет плоть. — Надеюсь, что Деву удастся все как следует обдумать к тому времени, когда мы вернемся. Не так уж много осталось до сбора урожая, и мы нуждаемся в щедрости моря больше, чем когда-либо, если хотим отплатить Ритсему и Редигалу за помощь.

Ризала вернулась к заботам о своем ярко раскрашенном свитке, тщательно развернутом на песке, и придавленном раковинами для защиты от назойливого ветра.

— Что сказала Джанне?

— Она уверена, что Чейзены жаждут вернуться домой как можно скорее, — с облегчением ответил Кейда. — Это, кажется, не имеет ничего общего с молвой о посягательствах Чейзена Сарила на наше владение. Редигал и Ритсем тоже станут биться с нами до тех пор, пока не встретятся с волшебством. Так что в путь. — И Кейда принялся развязывать парус и ставить его, как показывала ему девушка.

Ризала тщательно скатала свой свиток, сдув случайные песчинки с хрупкой тростниковой бумаги.

— А с тобой все в порядке?

— Увидев Джанне, я понял, как сильно мне не хватает моей семьи,— коротко ответил Кейда.— Чем скорее мы вернемся к Деву, тем скорее сможем покончить со всем этим. И тогда все сможем отправиться по домам.

— Сейчас отлив.— Ризала кивнула в направлении моря, завинчивая крышку на кожаном тубусе со свитком.— Нам надо провести лодку через рифы.

— Тогда тронулись.— Кейда потянулся к канату на носу ялика и обмотал им свои запястья, бросив веревку через плечо. Он тянул, а Ризала толкала за корму, и вот их ялик через не хочу заскользил по волнистому песку. Море лениво шлепалось о рифы, яркие под водой, но сухие и унылые там, где они были предоставлены солнцу и ветру.

— Придется немного пройти вброд.— Кейда повертел головой из стороны в сторону, чтобы облегчить плечи.— Мы застрянем на мели, если сядем внутрь прямо здесь.

— Яснее ясного.— Ризала привалилась к корме, чтобы отдышаться.

Шагая в мелкой искрящейся воде, Кейда подрагивал от прикосновений охлажденного дождем моря к своим нагретым солнцем ногам. Когда под днищем появилось немного воды, тянуть ялик стало легче. Кейда осторожно поглядывал на белый песок под подошвами, помня предостережения Дэйша Рейка.

«Следи, куда ступаешь. Колючки морского ежа, вызвав нагноение в ноге, могут отравить твою кровь и принести медленную смерть. Самый верный способ умереть с пеной у рта — это наступить на песчаного засадника. Его яд действует в считанные мгновения. От него люди столбенеют и тонут в воде не глубже, чем до середины их голени. И все же они счастливы. Это быстрая и безболезненная смерть — по сравнению с той, которую принесет яд морского змея». Умереть от нелепой случайности после того, через что ты прошел! Да Джанне просто прибит тебя за это!

Эта забавная мысль прожила недолго. Кейда тщательно выбирал путь меж скал с водорослями и какими-то клубящимися созданиями. Ударяя пятками о песок, шагая уже по пояс

в воде, он видел, как через внезапно замутившуюся воду стремительно уносятся прочь маленькие тельца. Напряжение сгустилось, покалывая, меж плеч, когда он обнаружил, что с каждым шагом в ужасе предчувствует колющую боль. Всплески соленой воды жалили его сухие потрескавшиеся губы, а заодно и все царапины с порезами, которых у него порядочно накопилось.

Что случилось бы, будь ты теперь действительно мертв? Эти дикари укрепились бы во владении Чейзена, не встречая отпора, и отдохнули бы, чтобы двинуться на север и принести разрушение Дэйшам. Хуже того, ты привел сюда чародея, которому не можешь доверять, который знает все о тебе и твоих замыслах и сможет предать твою память в любое время, какое предпочтет. Твоя смерть вручит ему будущее твоей семьи. В течение всего этого долгого странствия, когда твоя смерть значила так мало, ты не осознал, что твое возвращение окажется самой опасной частью твоего путешествия, не так ли?

Но самое досадное, что случилось с Кейдой — это царапина, в последний момент полученная от края пустой раковины, на которую он наступил. Кроме того, что-то неожиданно твердое мазнуло по его бедру, когда пески отступили за череду выдающихся в море скал. Кейда, дернувшись, неодобрительно глянул вниз и пустился вплавь. Разглядеть что-либо в темных глубинах оказалось невозможно.

— Садись.

Ризала перебралась через корму ялика и занялась парусом.

Кейда подтянулся, огибая лодку, и вскарабкался на борт, брызнув водой. Потянулся за веслами и ловко вставил их в уключины.

Почти все сделано. Почти удалось. Как только все кончится, ты сможешь вернуться домой. Ты завершишь это ради своих жен и детей, пусть даже это отнимет у тебя все богатства твоего владения и весь остаток твоих дней.

Он налег на весла с угрюмой решимостью, ведя ялик по водам, пока Ризала не поймала подходящий ветер в треугольник паруса и не развернула его что есть мочи, направив суде-

нышко по плавной кривой в океан за пределы видимости с галеры Джанне, дабы, снова чуть повернув, явиться к якорной стоянке, где должен ждать Дев.

Он будет ждать. И его замысел будет полностью готов. Мы увидим конец этих дикарей и их колдовства.

Глава 19

— Мне очистить днище ялика от ракушек, или ты хочешь потребовать чего-то еще как победитель в споре? — Скрестив ноги на палубе «Амигала», девушка криво улыбнулась Кейде.

Опершись о ялик, теперь перевернутый и надежно установленный на борту, Кейда подарил ей беглую улыбку и заметил тревожное предчувствие в ее глазах.

— Дев, ты что-нибудь придумал?

Сидя под промасленной тканью, закрепленной на мачте, чтобы защититься равно от солнца и дождя, чародей перебирал пачку мятой бумаги, держа перо в зубах, не обращая внимания, когда чернила капали ему на грудь. Серебряная миска стояла сбоку от него, вода в ней была темной и маслянистой.

Непохоже, чтобы он брился или купался с тех пор, как мы его покинули. Кем бы он ни был, но ясно, что не заморин, с такой-то щетиной и безволосой макушкой. Заморины никогда не лысеют.

— Дев, последний раз спрашиваю, ты что-нибудь придумал? — Кейда видел, что заметки Дева наполовину исчезли под обильными исправлениями. — Я сказал Джанне, чтобы передала Сиркету и всем остальным: пусть следят, когда подадут знак луны. И по крайней мере из них надлежит вырасти больше чем до половины, чтобы они решились действовать. Иначе все, что они ни увидят, будет сочтено дурной приметой, и они просто все отложат. Большая луна уже исчезла, да и малая на ущербе. Если мы не приступим этой ночью, пройдет еще не меньше восьми дней, прежде чем мы сможем рассчитывать на поддержку светил.

А Рубин, Аметист и Алмаз сейчас в трианте. Красный оберег от огня, несомый Рыбой-парусником на добрую удачу

для тех, кто тебе близок, как братья. Пурпурный камень вдохновения и новых мыслей, движущийся в дуге дружбы и союза, ведомый Рогатой Рыбой, наставником и другом всех, кто бороздит моря. Яркий Алмаз, могучий талисман правителей, защита от разложения, в дуге брака вместе с Чашей, восходящим знаком, воплощением отдохновения и взаимности. Может быть он и недостаточно могуществен, зато танцует рука об руку с Жемчужиной, покровительницей владения Дэйш и его вождя.

Колдун поднял глаза в напряженном молчании, удовлетворенно улыбаясь.

— Полагаю, что есть мысли.— Он отложил свою связку бумаг и провел рукой по лысине.— Если только хотя бы один из вас умеет хорошо управляться с луком.

— Мой отец обучил меня всем подобным искусствам.— Кейда не удержался от некоторого презрения.— Вождь не вправе ожидать уважения от своих людей, если сам не умеет того, чего требует от них.

Дев поглядел на Ризалу.

— А как насчет тебя, девонька?

Она нежно улыбнулась, хотя глаза ее остались суровыми.

— Я носила колчан моего отца, когда он охотился на птицу в джунглях. Как только я смогла натягивать лук, он стал упражнять меня, привязывая перья к шестам на дворе.

— И ты хоть один раз попала? — Дев не стал ждать ответа.— Будем считать, что да. Теперь...

— Мы не можем рассчитывать, что перебьем всех этих чародеев стрелами,— перебил его Кейда.— Они сожгут все, что ни полетит в них, прямо в воздухе. Итрак Чейзен рассказывала мне...

— И мы сами видели, как они это делают,— кивнул Дев, ничуть не встревоженный.— Но им понадобится их колдовство, чтобы такого добиться.

— Я не понимаю,— Ризала пришла в недоумение.

— Я уже говорил вам, их чародейство черпает силу из стихий вокруг них.— Улыбка Дева стала жесткой.— И есть кое-какие основания предположить, что они, кроме того, крадут ее друг у друга. И я уверен, что как раз это случилось

с нашим другом, утонувшем в жидкостях собственного тела. Зеленый Лист, говоря по-чародейски, срезал ему подошвы.

— Ты точно уверен? — вскинулся Кейда.

— Достаточно уверен. — Дев не выглядел сколько-нибудь сомневающимся. — И нам нужно просто собрать всех их колдунов вместе, а затем я начну бой с Драконьей Шкурой...

— Почему с ним? — не понял Кейда.

— Потому, что он главный пес в этой своре, — не помедлив ни мгновения, ответил Дев. — Я наблюдал за ним и за двумя другими колдунами, пока вы были на вашей приятной прогулке. У каждого чародея внушительное воинство лоботрясов с грязной жижей вместо мозгов, и большинство прибрало к рукам недурные островки, по несколько на каждого. Чародеи проводят время, объезжая своих прихвостней и выбирая себе все, что им хочется, из чужой добычи. Затем прихвостни рыщут в поисках новой добычи, чтобы было что предложить в другой раз. Они далеко не прочь ограбить становище любого соперника, если поблизости нет чародея, который пресек бы их вольности.

— Значит, между ними нет ни чести, ни обязательств, — с безразличностью заметил Кейда.

Дев с безразличным видом пожал плечами.

— Волшебники, которые что-то соображают, не ленятся навестить Драконью Шкуру, упирают макушки в песок и вручают ему пленных и до половины награбленного. Благодаря этому они получают право сохранить для себя остальное. Драконья Шкура шастает повсюду и отыскивает любого, кто попытается скрыть свое добро. — Дев с некоторой игривостью оглянулся на теряющийся среди деревьев заливчик, где был спрятан «Амигал». — Те, кто понимает, что игра кончена, падают ниц, выносят добычу и позволяют Драконьей Шкуре взять, что он хочет. А если кто-то слишком неповоротлив... — Он покачал головой. — Эти колдунишки весьма изобретательны убивают друг друга. Вы и половины не видели.

Нет, и не хочу.

Кейда содрогнулся.

— Драконья Шкура прибавляет их добычу к своей?

— Кое-что он уделяет своим любимчикам, — продолжил Дев. — Тут теперь есть три волшебничка, обнюхивающие его

задницу, и осталось семеро, которые еще не решили, куда податься.

— Это все? — Ризала ушам своим не верила. — Чейзены, которые бежали, говорили о сотнях колдунов.

— Сотни их уже промчались бы по всему Архипелагу. Учитывая ущерб, который может нанести даже один чародей, если захочет, думаю, вы найдете, что одиннадцать — это достаточно, — язвительно уверил ее Дев. Он поглядел на Кейду. — Вероятно, было еще больше, когда они вторглись на острова, но те, кто послабее, теперь стали пятнами на песке или пищей для жуков. Уцелели более сильные, а они все были в движении последние несколько дней, подтягиваясь все ближе к Драконьей Шкуре. И они что-то затевают.

— Поход на север? — Кейду бросило в холод, несмотря на солнечное тепло.

— Понятия не имею, — Дев пожал плечами. — Я вслушивался в ветер, но не смог сколько-нибудь постичь их язык, а я говорю на нескольких языках материка, помимо почти всех наречий Архипелага.

— А твои чары тебя не выдадут? — с тревогой спросила Ризала. — Ведь этот, в драконьей шкуре, уже отыскал тебя прежде.

— Он не почувствовал, как кто-то смотрит на него с помощью чар, — Дев бросил на нее раздраженный взгляд. — А лишь ощутил, что кто-то новый черпает из стихий недалеко от него.

Ризала не была убеждена.

— Что это означает?

— Ничего, что я мог бы объяснить не рожденному волшебником, — отрезал Дев с отталкивающим чувством превосходства.

— Если бы они были способны отыскать тебя через твоё волшебство, мы вернулись бы и застали бы тебя с пробитой копьем головой, — умиротворяюще произнес Кейда. — Так расскажи нам, что ты задумал.

— Ключ в том, что все их волшебство — это чутье и грубая сила. Люди Драконьей Шкуры, кажется, единственные, кто может управиться более чем с одной стихией одно-

временно. Как я понимаю, это и дает ему власть. В Хадрумале это не сочли бы чем-то серьезным. Опора на все четыре стихии — это первое, чему у нас учат новичков. А меня обучали лучшие из волшебников северных земель. Как я сказал, я вызову Драконию Шкуру на поединок.

Дев щелкнул пальцами и улыбнулся.

— Именно так принято у дикарей, и он не сможет отказаться, иначе все остальные бросятся на него и раздерут в клочья. Мы позаботимся, чтобы все они присутствовали и смотрели на происходящее. Затем, помимо чар, которые я пушу в ход против него, я свяжу несколькими заклятиями ветер и море. Он подумает, что я пытаюсь отрезать его от стихий вокруг. А других колдунов я не трону, так что, вероятно, он станет черпать у них силу.

— Очевидно? — невольно вырвалось у Кейды.

— Ему придется ухватиться за доступнейший источник первозданной силы, чтобы совладать со мной, — с неколебимым упорством заверил Кейду лысый чародей. — Как только другие волшебники попадут в его сеть, их собственная оборона рухнет. И если вы оба умеете стрелять из лука быстро и точно, вы сможете всадить по стреле в каждого, и они падут еще прежде чем сообразят, что происходит.

— Ты чересчур многого от нас требуешь, — возразила девушка.

— Не нужно убивать их на месте. — Дев поглядел на Кейду. — Просто всадить в каждого стрелу, с тем диковинным ядом на острие, которым ты подавил мою волшебную мощь. Это сделает их медлительными, и один из вас сможет пустить вторую стрелу в голову.

— Это не так уж и неосуществимо. — Кейда задумчиво потер рукой подбородок.

— Если мы сможем попасть во всех. — Ризала все еще сомневалась.

— То, что они утратят волшебную силу, поможет тебе одолеть Драконию Шкуру? — спросил Кейда Дева.

— Понятия не имею. — Колдун пожал плечами. — В любом случае, это просто дало бы мне преимущество. У меня свои соображения насчет того, как с ним покончить.

И ты предвкушаешь это, пожалуй, слишком безжалостно. «Никогда не доверяй человеку, если он слишком рвется в бой». Так говаривал Дэйш Рейк.

— Какие именно соображения? — Кейда вперил в него суровый взгляд.

— Это лишено смысла для любого, кто сам не волшебник, — сказал Дев самодовольно.

Кейда не без труда подавил раздражение.

— А как насчет дикарей? Что, если они набросятся на нас? И на тебя?

— Я отнюдь не думаю, что такое случится. Прихвостни дерутся с прихвостнями, а чародеи с чародеями, и прихвостни спешат вовремя убраться с их дороги. В любом случае, как только я покончу с Драконьей Шкурой, они с перепуту выскочат вон из своей разрисованной кожи, — со злоеющей ухмылкой пообещал Дев. — Времени как раз хватит, чтобы явились твои союзнички и продырявили их.

Ризала думала о чем-то другом.

— Ты сказал, нам надо собрать всех чародеев вместе. Как сделать это, чтобы нас не поймали и не убили?

— Я покажу им кое-что, и они все бегом побегут к Драконьей Шкуре. — Дев порылся в бумагах, вытянул лист и сунул его Кейде. — Если мы поплывем так, как здесь намечено, то пройдем мимо нынешних становищ каждого. А как только всех расшевелим, надо будет спешить на остров Драконьей Шкуры, опередив их. Вы с девушкой вдвоем сможете управиться с «Амигалом»?

— Думаю, что да. — Кейда поднял взгляд от поразительно точной карты. — Что ты будешь делать?

— Собираться с силами, — откровенно ответил Дев. — Чародейство утомляет волшебника больше, чем все остальное. Если я хочу одолеть Драконью Шкуру, мне понадобится как следует отдохнуть.

— А что, если ты его не одолеешь? — резко спросила Ризала.

— Тогда расхлебывать вам, потому что если не умрет он, то умру я, и мои кровавые ошметки будут, вероятнее всего, разбросаны по палубе. — Дев нежно улыбнулся ей.

И нельзя испытать, каков ты против него, чтобы посмотреть, сможешь ли выиграть последний спор.

Кейда невольно задрожал.

— Что-нибудь можно выиграть ожиданием?

— Нет, — с внезапной решимостью сказал Дев. — У нас на это один день, или все пропало.

— Нам лучше бы выступить, если мы хотим, чтобы света было достаточно для стрельбы по колдунам. — Кейда для надежности засунул карту себе под рубашу. И нашел, что руки его неловки.

Значит, Дев не единственный, кому предстоит испытание. Увидим, верно ли я толковал знамения, или поддался заблуждению, которое приведет нас всех к беде.

Дев поднял локоть и понюхал у себя под мышкой.

— Мне нужно помыться и побриться, а вы двое пока последите, чтобы на нас не наткнулись случайно какие-нибудь дикари. А заодно собери мне какой-нибудь еды, девонька.

— А где мы возьмем луки? — спросила вдруг Ризала.

— За винными бочками, — с хитрой улыбкой ответил Дев. — Уж не думаете ли вы, что я только пороком и торгую?

— Нам имеет смысл удостовериться, что они еще годны к делу, — заметил Кейда с болезненным сомнением.

Когда они с Ризалой вернулись на палубу, неся длинные свертки промасленной кожи, которые нашли в трюме в ящиках среди соломы, Дев срывал с себя провонявшую одежду. Пока Кейда развязывал свертки, волшебник с плеском исчез за бортом «Амигала».

Под промасленной кожей оказалась другая, более тонкая, которая, в свой черед, покрывала плотную и мягкую хлопчатую ткань. Кейда тщательно изучил оружие.

— Луки в полном порядке. Они совсем простые, из цельных отрезков дерева, и не так легко поддаются сырости, как составной лук. Впрочем, кое-каким из стрел не помешает починка. Твой отец учил тебя оперять их?

Ризала покачала головой.

— Это было делом оружейников Шека Кула.

— Не беспокойся, мой отец настоял, чтобы я научился этому, спасибо ему. — Кейда быстро отобрал стрелы, нуждающиеся в ремонте.

— Бросайте канат! — завопил Дев.

Ризала двинулась на зов, затем отступила, когда ногой чародей, с которого капала вода, вскарабкался на палубу.

— Эти стрелы не для охоты, — укорила она Дева.

— Отнюдь — Кейда поднял стрелу с широким у основания плоским наконечником, переходящим в грозные колючки. — Они режут плоть и разрывают жилы. А эти пробивают броню, кольчужную или листовую. — Он подхватил стрелу с длинным четырехгранным остро заточенным наконечником. — Не могу подумать о вожде, который не пожелал бы получить твою голову за одно то, что ты такое возишь, не говоря уже о продаже этого островитянам.

— Ему сперва пришлось бы узнать, что они у меня есть. Ты хранишь мои тайны, Дэйш Кейда, а я твои. — Дев оглядел обоих. — На что вы жалуетесь? Вы куда вернее убьете волшебника на месте этими наконечниками, чем теми, которые применяются на охоте. — Дев подхватил сброшенную одежду. — Дай мне что-нибудь чистое, девонька.

— Сам возьми, — огрызнулась она.

Кейда поднял глаза, держа в руке пару перышек, оброненных стрелой.

— Чем скорее он оденется, тем быстрее мы двинемся в путь.

Ризала вздохнула, поднимая люк кормовой каюты.

— Не думай, что я стану сдувать с тебя пылинки, Дев, надо тебе собрать свою волшебную силу или нет.

Быстро вернувшись, она бросила Деву сверток порядком поношенной одежды из хлопчатой материи, а затем принялась поднимать паруса «Амигала». Кейда отложил оружие в сторону и пришел ей на помощь. Как только паруса были готовы, Ризала взялась за руль, а Кейда оттолкнулся от отмели справа и слева, чтобы привести кораблик в движение. Увы, ветер, дующий к берегу, удерживал их на месте.

— Немножечко волшебства, — пробормотал Дев, натягивая штаны и рубаху поверх влажных конечностей. — Только чтобы тронуться.

Паруса послушно вздулись, и «Амигал» скользнул в широкое русло, где естественный ветерок стал толкать корабль.

— Думаешь, справишься с рулем, девонька? — бросил Дев Ризале.

— Конечно.

— Не забывай следить за окрестностями, пока правишь. — Дев собрал брошенную грязную одежду и пропал в кормовой каюте. И тут же вернулся с миской, которую использовал для ясновидения. Теперь в ней лежали крепко закрытая баночка жидкого мыла, выщербленная бритва и металлическое зеркало.

Кейда оторвался от стрел, которые перебирал.

— У тебя есть клей?

— Внизу, в главном трюме, третий ящик от носа. — Дев плеснул себе немного свежей воды из бочонка, закрепленного у мачты, и сел. Втирая мыло в щетину, он не сводил с Кейды испытующего карего глаза.

— Так чем же именно ты покроешь наконечники стрел, чтобы напакостить корешам Драконьей Шкуры?

— Тем, что буду показывать Редигалу Корону и Ритсему Кайду, чтобы объяснить, как мне удалось победить этих чародеев. — Кейда тщательно обмотал сбереженную шелковую нить вокруг древка стрелы. — И тогда никто не станет тебя преследовать, чтобы сдержатъ скверну волшебства, вывернув наизнанку твою свежеснятую шкуру.

Дев захихикал, ничуть не смутившись, затем осторожно поднес бритву к щеке.

— Это все, что мне надо знать, не так ли?

— В настоящее время. — Кейда сосредоточился на разглаживании неровного пера.

— Откуда у тебя эта гадость? — праздно любопытствовал Дев, с сопением скребя подбородок.

— С севера. — Кейда встал и пошел искать клей.

Если я смогу отнести весь наш успех за счет порошка, а Шек Кул поручится в этом, это станет ответом на самые немедленные вопросы. А любые другие мы сможем отвести, как семья, которая хранит свои тайны. Мне все же понадобится найти некий способ очищения, ради блага Джанне и Сиркета, не говоря уже о моем, но это мы сможем оставить между нами.

Дух Кейды поднялся, когда он выправил стрелы, и он обнаружил, что еле слышно насвистывает. Чисто выбритый и решивший, что лучше подкрепиться самому, чем и дальше задирать Ризалу, Дев принес снизу одеяло и улегся на палубе. Вскоре он мирно храпел. Солнце все выше поднималось в небе.

Они прошли довольно много, когда Ризала нарушила воцарившееся на корабле молчание.

— Я проголодалась. Ты не можешь взять руль, пока я поищу съестного для нас?

— Конечно.

Кейда расправил занывшие плечи и двинулся на корму. Не обращая внимания на спящего волшебника, девушка принесла копченого мяса и соллерной каши из кладовой внизу.

— Спасибо.

Кейда наскоро поел и вернулся к работе. К тому времени, когда свет ощутимо пожелтел, луки и стрелы уже были готовы к стрельбе. Кейда поглядывал на оружие и перебирал в уме новые вопросы.

Как вернее добиться, чтобы порошок Шека Кула держался на наконечниках? Мне придется придать ему вязкости. Смешать порошок с чем-нибудь, что само по себе не имеет силы, чтобы порошок сохранил свое действие полностью. Хотел бы я знать, что это за снадобье? Если бы мы с Сиркетом могли это выяснить, владение Дэйш приобрело бы ценную тайну. Сколько мне следует сберечь для изучения и для показа Кайду и Корону, чтобы утолить их любопытство? Сколько следует использовать на каждую стрелу? Нужно столько, чтобы подействовало, но я не хочу полагаться на один выстрел в каждого волшебника. Нам требуется достаточно подготовленных стрел для нескольких попыток поразить каждого. Попасть в птицу на лету — детская забава по сравнению с этим, что бы ни говорил Дев. И мне стоит сохранить несколько, чтобы управиться с ним самим, если вдруг предаст.

От мысли о близящейся борьбе, смертоносном волшебстве и воющих дикарях вокруг, когда он будет всего-навсего с луком в руках, во рту у него пересохло.

— Я могу взглянуть на эту карту? — Ризала осматривала лабиринт изобилующих узловатыми деревьями островов впереди.

Кейда присоединился к ней на корме, и оба стали изучать бумагу.

— Мы должны быть здесь, — он ткнул пальцем в неровный клочок суши.

— Разбуди-ка его лучше. — Ризала с тревогой вгляделась вперед. — Мы вот-вот подойдем к первому.

Кейда принялся трясти Дева за плечо. Колдун пробудился в один миг.

— Мы уже на месте?

— Скоро будем. — Кейда с неуверенностью взглянул на волшебника. — Тебе что-нибудь нужно? Твой белый бренди, жвачный лист?

— Что? — Дев скосил на него глаза. — Нет, конечно, нет. Выпивка и волшебство — опасное сочетание, приятель. Мне стоит быть пьяным, когда предстоит важное чародейство, не больше, чем тебе, когда ты гадаешь по внутренностям.

Кейда обернулся к Ризале:

— Далеко до того мыса?

— Приближаемся.

Она ловко выправила судно. Дев потерял ладони, и синий свет, затрещавший меж его пальцев, встревожил Кейду. Колдун упер обе раскрытые ладони в палубу, и лазурные усики поползли прочь, скользнули меж плотно пригнанных досок и пропали.

— Что это? — Спросил Кейда.

— Маленькая шалость, чтобы они увидели не то, что надо. Правильно, девонька, — Дев встал и махнул рукой Ризале. — Держи корабль все время на одном расстоянии от берега.

— А мне что делать? — спросил Кейда.

— Поможешь с парусами, если ей понадобится. — Дев потерял ладони и перебрался к поручню, чтобы лучше видеть появляющуюся перед ними бухту. — А в целом — не путайся у меня под ногами.

Кейда увидел знакомое гнетущее зрелище разоренной деревни с грубым загоном-тюрьмой из грубо обработанных бре-

вен, глубоким рвом, чтобы отбить нападение с моря, и темные черточки долбленок пришельцев, разбросанные, как палочки в детской игре выше черты большого прилива. Виднелось также несколько дикарей, бездельничающих между хижинами и береговыми укреплениями.

Вот против чего я ставлю на кон свою жизнь, связавшись с чародеем, чтобы спасти мой народ от такой жуткой участи.

Решимость изгнала мрачные мысли, и Кейда бросил взгляд на Дева. Чародей пристально всматривался в деревню, сложив руки горстью, словно лелеял в них что-то незримое, и еле двигая губами, словно в безмолвной молитве. Кейда собрался с духом, готовый, что сейчас взорвется волшебство — огнем, молнией или безымянным ужасом еще почище тех, которые насылали друг на друга в поединке два колдуна.

Ничего не случилось. Дев по-прежнему пребывал в сосредоточенности, его глаза не мигали, все тело подалось к берегу. Кейда спросил себя — как долго ему ждать, прежде чем можно будет спросить у чародея, что происходит. Тут его вниманием завладело движение на берегу. Дикари бурно высыпали из самых разных хижин и кладовых. Точь-в-точь муравьи, если потревожить муравейник палкой. Одни воинственно застыли перед прибрежной канавой. Над головами щетиной стояли острия копий. Другие бежали к долбленкам. Несколько челноков отплыло, прежде чем некто важный призвал их обратно в деревню.

Тебе не могло быть больше лет, чем Эви. Куда там, скорее, чем Миу. Дэйш Рейк зажал тебя под мышкой, а другой рукой схватил двух твоих братьев. Все выбежали в сад: слуги, рабы, матери и дети. Одну из юных стряпух ударила по голове упавшая с крыши черепица.

Если крупнейшие треугольные горы, которые то и дело изрыгали огонь, были не ближе, чем владение Улла, то все же земля нет-нет да подрагивала на островах Дэйша. И всякий раз, когда люди чувствовали, что она колеблется под их ногами, они бежали из-под крыши наружу. То было одно из самых ранних воспоминаний Кейды, и на берегу теперь творилась не меньшая суматоха. Затем она начала затихать, и все собрались вокруг главной хижины.

— Что там происходит? — с беспокойством произнесла Ризала. — Они не видят нас, не так ли?

— Вряд ли видят. — Кейда не сводил с берега глаз. — Надеюсь, что нет. — добавил он в некоторой тревоге, когда дикари рассеялись. На этот раз с определенной целью, и вскоре стало понятно, с какой. Некоторые несли к лодкам доски, отодранные от домов, а затем связывали их веревками из лоз. Другие тащили мешки и узлы, чтобы навалить их на берегу. Остальные принялись ломать частокол и гнать пленников к воде.

— Они еле-еле идут. — Кейда содрогнулся при виде доведенных до жалкого состояния островитян Чейзенов, спотыкавшихся и ползших по песку, подгоняемых тычками и пинками охраны. Дев с мощным шумом выдохнул воздух и восторженно загоготал.

— Это их расшевелило!

— Что? — в отчаянии спросил Кейда.

Дев и ухом не повел.

— Ризала, навались на руль. Нам надо убираться, пока никто из этого сброда не приблизился.

Паруса вздулись от неестественного ветра, пока он говорил, и «Амигал» закачался и задрожал

— Что ты сделал? — не отступал Кейда.

— Позже. — Дев требовательно протянул руку. — Карту.

Кейда вручил ее, стараясь скрыть досаду. Дев с мгновение изучал карту, прежде чем ткнуть в тщательно выведенный на ней крестик недавно подстриженным ногтем. — Ага, здесь. — Вернув бумагу Кейде, он сел, затем лег и завернулся в одеяло, натянув его на голову. Ризала в непонимании взглянула на Кейду.

— Что-то случилось?

— Похоже, мы убедимся окончательно, когда достигнем нового становища. — Кейда показал на карте. — Вот этого. Уже скоро. Все собираются вместе. Дев был прав.

— Ветер нам благоприятствует и все крепнет. — Ризала поглядела в небо, теперь усеянное сгущающимися тучами. Кейда скорчил рожу.

— Ночью будет дождь. Можно надеяться, что мы успеем прежде, чем он начнется.

— Думаю, все скоро кончится так или иначе,— мрачно изрекла Ризала.— Все эти долбенки и плоты идут за нами хвостом.— Повернувшись к нему спиной, она крепко ухватилась за руль, как если бы ее пыл мог помочь «Амигалу» лететь вперед.

— Принесу-ка я наши стрелы.— Кейда поднял крышку люка, ведущего в каюту.— Нелишне что-то иметь под рукой, если кто-нибудь из колдунов дикарей настигнет нас, пока Дев дрыхнет.

В тусклом свете лампы в главном трюме он быстро смешивал зелье Шека Кула с соллерной кашей, добавив немного клея из рыбьей чешуи. Пересчитал стрелы. Тридцать ему. Тридцать Ризале. Половина с разрывающими наконечниками, половина с бронебойными. Он тщательно натер их смесью, решительно отвратив мысли от того, насколько неравны силы, пока наконечники обсыхали. Затем его поразила новая мысль. Он опять пошел к ящикам, где брал луки. На дне одного он вскоре нашел набор кинжалов, старых и новых, простых и украшенных, некоторые он узнал, другие были ему совсем незнакомы. Меж изогнутых клинков срединных владений отыскался кривой клинок с крестовидной плетеной рукоятью Дэйшей. Старый, шелковое оплетение потемнело от грязи и пота, кожа ножен потрескалась и начала отходить от деревянной основы.

Пусть это будет знаком, что я прав, вернувшись биться за свое достояние тем оружием, которое попало под руку.

Кейда осторожно проверил пальцем лезвие. Тупое, как у грубого ножа, который он украл в хижине во владении Улла. Порывшись в сундуке, он нашел точило и принялся за работу. И уже почти довел кинжал до состояния, которое нехотя одобрил бы Телуйет, когда почувствовал, что «Амигал» меняет направление. Быстро вернувшись на палубу, Кейда увидел, как Дев отбрасывает в сторону одеяло и с предельно сосредоточенным лицом делает шаг к поручню. Как и прежде, Кейда не видел на берегу ничего особенного, пока дикари не поднялись в fullest смятении.

Когда судно добралось до следующего острова, все повторилось, равно как и на новом острове, и далее еще на одном.

Ко времени, когда они оставили восьмерых дикарских колдунов посреди их становищ, досада едва не душила Кейду, и он заточил дэйшский кинжал, который решил присвоить, и визелисский клинок, так что оба стали острее любой бритвы. Теперь Кейда наблюдал, как последний остров, мимо которого замышлял пройти Дев, становится все ближе и ближе. Наконец Кейда оказался не в силах больше терпеть. Он подошел к Деву.

— Что ты, собственно, делаешь?

Дев опирался о поручень «Амигала», тяжело дыша. Он не шелохнулся после того, как они сбежали, поставив все вверх тормашками в становище последнего чародея дикарей.

— Теперь самое время хлебнуть белого бренди! — И в его темных глазах блеснул опасный огонек. Кейда без слов принес бутыл. Пробка вышла с пронзительным писком. Дев отпил долгий глоток пахучей жидкости и потрянул головой в сторону кормы.

— Осмелюсь заметить, девонька захочет это увидеть.

Кейда последовал за ним и встал рядом с Ризалой. Она глядела назад вдоль пенистого хвоста, бегущего по воде. Кейда посмотрел туда же. Не один и не два челнока захватчиков виднелись в отдалении. Они скользили, опережая более крупные средства передвижения, похожие на плоты. И все спешили в одном направлении, желая скорее очутиться возле колдуна в плаще из шкуры дракона.

— Не забывай заодно и вперед поглядывать, — с задиристой ухмылкой предупредил Дев. — Не посади мой корабль на скалы.

— В таком-то широком русле? — откликнулась девушка. — Даже ты мог бы тут править, упившись в доску.

— Я мог бы водить «Амигал» взад-вперед через Зубы Змея мертвецки пьяным. — Еще раз приложившись к бутылке с бренди, Дев ликуяще улыбнулся Ризале. Затем лицо его стало спокойным. — А сейчас смотри, что я показывал каждому из их чародеев.

Дев сосредоточился на пространстве между ними тремя, и там начало загораться слабое золотое свечение. Возник диск, перелившийся затем в совершенный образ пляжа. Сияние обрело зеленоватый оттенок, крохотные деревья и кусты поднялись по краю. Появилось становище, крупнее любого, которое

они посетили, с тремя загонами для пленных и с громоздящимися горами добычи меж загонцов.

Кейда невольно попятился на шаг, а девушка внезапно вцепилась в румпель, и «Амигал» совершил вдруг ощутимый судорожный рывок.

Где люди? Людей нет.

Щелчок пальцев Дева словно ответил на невысказанную мысль Кейды. Появились двое, неправдоподобно большие по сравнению со всем вокруг них, но в силу этого тем более узнаваемые. Один был дикарский волшебник в плаще из драконьей шкуры. Другой — Дев. Кейда угадал, что это он, по лысой голове и надменной походке. Если это и был Дев, то он вырядился куда чудней, чем мог бы себе представить Кейда. Чародей захихикал, когда два человеческих образа гордо встали друг против друга. Ризала и Кейда так и подскочили, когда пламя взорвалось вокруг чародея в драконьей шкуре. Мнимое полыхание умерло, и крохотная песчаная буря обволокла образ Дева. Еще вздох, и она рассыпалась прочь от него кольцом огня, которое разорвалось, само собой завернулось назад и окутало колдуна в шкуре дракона. На этот раз пламя не унялось, а поднималось все выше, пока не образовало плотный огненный столп. Крохотный Дев махнул рукой, и огонь угас. Ничего не осталось от колдуна в шкуре дракона, лишь кучка чего-то перекрученного и опаленного. Настоящий Дев щелкнул пальцами, и видение пропало.

— Ты показывал это другим колдунам захватчиков? — Кейда воззрился в пустой воздух, ослепительное колдовское сияние все еще стояло перед его глазами.

— Да, — подтвердил Дев. — Потому-то все они и заспешили к нему, чтобы посмотреть, правда ли это. И, несомненно, жаждут, если вдруг правда, хапнуть как можно больше из добычи Драконьей Шкуры.

— А когда они обнаружат, что это неправда? — нахмурившись, спросил Кейда.

— Им придется давать объяснения Драконьей Шкуре, — невозмутимо ответил Дев. — Он пожелает узнать, с чего это они все дружно заявили, такие озабоченные и с пустыми мешками. Выяснение отношений отнимет у них некоторое время.

— Это то, что ты собираешься с ним сделать? — Голос Ризалы слегка дрогнул.

— Не знаю.— Дев пожал плечами.— Впрочем, я попытаюсь, насколько меня хватит. Смотря чем он в меня запустит.— Кейда увидел, как опасный блеск вернулся в глаза волшебника, когда тот перенял руль у девушки, без спора уступившей его.— Мы высадимся как раз по эту сторону мыса. Становище Драконьей Шкуры — в заливе за ним, и мы срежем путь напрямик до наблюдательной вышки, которую я присмотрел.

Кейда наблюдал за непроницаемым зеленым берегом, скользящим мимо.

— Почему у них не ходят дозоры, не стоят часовые?

— Они не беспокоятся о таких мелочах.— Не было вполне ясно, кто мишень презрительной насмешки Дева: Кейда или дикари.

— Они так самоуверенны.— Кейда покачал головой.— Так надменны.

— Ничто до сих пор не дало им повода думать, что вы, жители Архипелага, большая угроза для них.— Дев пожал плечами.— Все островитяне Чейзенов бежали, точно крысы из горящего амбара. Никто не явился на юг из владения Дэйш или любого другого, чтобы хоть как-то отплатить им с тех пор, как тебе с Чейзеном Сарилом пришлось убираться обратно на север, точно побитым собакам. Кроме того, как я себе представляю, они вполне могут знать, насколько ваш народ боится любого волшебства. Вероятно, как раз это поощрило их к нападению. И если на твоей стороне Драконья Шкура, потрудились бы ты выслать дозоры?

Кейда, как ни досадовал, ничего не мог на это возразить.

— Вооружитесь и приготовьтесь к высадке.— Дев приналег на руль и развернул «Амигал» к берегу. Он поднял взгляд на паруса и воздел одну руку, чтобы управлять ветром.

Вновь достав из трюма их луки и стрелы, Кейда вручил Ризале полный колчан. Погладил пучок стрел, свободно обмотанный бечевой.

— Вот эти для волшебников.

— Я бы не возражала против возможности немного поупражняться, чтобы привыкнуть к этому луку.— Она устави-

лась на Кейду с огромными от недобрых предчувствий глазами.— Я могу подбить клетчатую птицу на лету — то есть, могла когда-то.

— Дикарь крупней любой птицы, колдун он или нет.— Кейда подбадривающе улыбнулся и вручил замухрышке пояс с широким тесаком для джунглей, парой к тому, что тяжело и неловко висел у его бедра.— Вот. Если они увидят, как мы стреляем, и двинутся на нас, мы побежим как можно дальше и быстрее.

Она достала из вторых ножен на поясе наточенный кинжал Визелисов.

— А это для чего?

— На случай, если не удастся бежать достаточно быстро. Если тебе понадобится какой-то выход, чтобы тебя не бросили в загон.— Кейда попытался вспомнить, что мог говорить Дэйш Рейк, чтобы подбодрить его в похожих обстоятельствах. Ничего не приходило в голову.

— Что же, спасибо.— Ризала поглядела на Дева. Он все еще был сосредоточен на том, чтобы подвести «Амигал» к избранному месту на берегу.— А как с ним?

Кейда поколебался.

— Будем надеяться — он не хуже, чем считает.

— Все это совсем не так, как я себе представляла, эта всамделишнее волшебство.— Ризала медленно покачала головой.— Даже когда Шек Кул сказал мне, что настал мой черед следить за Девом, и я знала — он подозревает, будто Дев волшебник, трудно было поверить, что это возможно на самом деле... до тех пор, пока я не увидела, какой переполох он способен устроить легким поворотом запястья и горсткой света.

Кейда поглядел на Дева.

— Не так скверно, как тебе представлялось, или хуже?

— И то, и другое.— Она пожала плечами.— А как это показалось тебе?

— Это лишь средство изгнать дикарей, которые угрожают моему народу.— Кейда выставил подбородок.— Только это имеет значение.

— Мне все равно, запятнает ли это меня. Надеюсь, какое бы колдовство нас ни укрывало, оно не подведет.

Ризала смотрела на тьму тьмущую долбленок и плотов позади них, быстро приближавшихся теперь, когда «Амигал» свернул с прежнего пути. Кейда напрягся вместе с ней, когда дикари стали ближе, прежде чем пустились напрямик, наперерез кривой, только что описанной «Амигалом». Они пронеслись мимо, неколебимые в своей решимости добраться скорее до волшебника в шкуре дракона и посмотреть, что у него и как. Стоя в своих узких лодчонках, дикари погружали длинные тонкие весла глубоко в море, неуклюжие плоты скользили следом. Кейда испустил вздох облегчения при виде того, что все эти смуглые, хмурые, злобные лица устремлены вперед, и на каждом только одно желание: обогнуть мыс.

«Амигал» накренился, когда Дев повел его вдоль резко обрывающейся отмели, где быстрый поток срывался с крутых откосов, впадая в море. Корабль запрыгал в заводи и миг спустя успокоился.

— Бросайте якоря, и чтоб как следует! — рявкнул Дев.

Кейда с Ризалой не спорили, а поспешили спустить с «Амигала» оба якоря и повели их к плотному песку. Наконец, удовлетворенный тем, что лапы зарылись настолько глубоко, насколько возможно, Кейда поднял глаза.

— Где Дев? — И тут же колдун вынырнул из кормовой каюты. Кейда воззрился на него. Ризала встала по струнке и чуть слышно просвистела.

— И много еще у тебя спрятано в этом трюме?

— Я подумал, что стоит приодеться по такому случаю. — Дев ухмыльнулся, небрежно скользнув рукой по блестящему белому шелку роскошной, расшитой золотом рубахи. — Поскольку они так помешаны на самоцветах... — И он погребел тяжелым золотым браслетом, покрытым похожими на капли алой крови рубинами. Другой украшал второе его запястье. — Посмотрим, снимут ли они их с меня.

— Где ты их раздобыл? — Кейда не мог решить, гранаты или рубины украшают золотое ожерелье Дева, но, безусловно, алмазы и только алмазы горели на множестве его колец и на ножных обручах, стягивавших вниз его шаровары.

Опасный огонек в глазах Дева стал еще ярче.

— Торговля пороком приносит прибыль.

— Ты вряд ли будешь таким же красавчиком после того, как мы прорубимся туда через заросли.— Ризала покосилась на крутой, сплошь заросший мыс.

— Хочешь, поспорим? — Улыбка Дева стала шире и злорадней.— На крохотный сияющий камешек, который ты бережешь?

Она поколебалась.

— Раз уж ты о нем упомянул, нет.

— Идемте. Вот-вот начнет смеркаться.— Кейда направился к единственному месту, предполагавшему разрыв в густо переплетенных ягодных кустах.

Достав из ножен на поясе широкий и тяжелый тесак, он начал прорубать тропу. Ко времени, когда они одолели полсклона, он почти лишился сил и кое-как заставлял себя шагать вперед, сражаясь с цепкими лианами и липкой влажной жарой. Подняв взгляд в просвет между обширными листьями лиллы, он увидел, что свет солнца заметно желтеет. День близился к концу.

Если мы не поспешим, будет слишком темно, чтобы нас беспокоила нехватка упражнений с луком.

Ко времени, когда они достигли вершины, с Кейды стекал пот. Он слышал, как тяжело дышит позади него Ризала, повернулся и увидел, как она дрожащей рукой вытирает пот, и царапины на ее руке вокруг края рукава. Кровососы тучей висели над ними.

— Дев?

— Здесь я.— Чародей появился позади Ризалы. Его блестящая рубаша нигде не была запятнана потом, на нем нигде не было и намека на грязь, и ни одна муха не вилась на расстоянии вытянутой руки от него.

— Спускаемся.— Кейда слишком устал, чтобы вид Дева поразил его.— А не то как бы они не увидели.

— В этом-то и весь замысел,— пробормотал Дев, но послушно нырнул, присоединившись к Кейде за путаницей стриоловой лозы.— Пошли. Надо подобраться ближе. Я нашел ясновидением лучшую точку.

Склонившись, он повел их через почти сплошную зелень к неровной складке земли, которая позволяла прекрасно рассмот-

реть пляж внизу с прямой чертой широкой канавы, ошетилившейся колями. Ризала остановилась чуть позади, натянув лук, лицо — сама решимость. Кейда почти приник к земле, держа стрелы наготове.

Если они посмотрят вверх, увидят нас. И бросятся на нас, точно псы на лесных котят в логове. Нам не удастся убраться, слишком близко. Только и останется, что надеяться, авось не посмотрят, не так ли? Дэйш Рейк всегда говорил, что люди редко смотрят выше, чем расположены их глаза, если только нет особой причины. И нам лучше бы не давать им такой причины, пока сама не возникнет.

Зрелище внизу почти не отличалось от того уменьшенного, которое показывал им Дев с помощью чар. Три загона, горы добычи, наваленные среди разграбленных деревенских домов. И все же не совсем как тогда. Теперь пляж ниже канавы с колями кишмя кишел долбленками и плотами, вытащенными из воды.

Цепочки избитых пленников ступали на берег, подгоняемые оравами размахивающих копьями дикарей. Некоторые из вновь явившихся защищали добычу, которую привезли с собой. Другие, казалось, были на грани того, чтобы броситься друг на друга. Последователи колдуна в шкуре дракона преграждали все проходы к самой деревне, во всю глотку выражая свое презрение к вновь прибывшим. Воинственные вопли взлетали ввысь, нарушаемые случайным криком боли. Кейда содрогнулся.

— Они все здесь, волшебники?

— Большинство. — Дев осмотрел берег из края в край. — Видите того, в шкуре пятнистого кота? Он, вероятно, самый могущественный, кто еще держится против Драконьей Шкуры. И в хороших отношениях вон с тем. — Дев указал на дикаря, гордящегося чем-то вроде сияющего голубого нагрудника.

— Что это на нем? — поразился Кейда.

— Крылышки бабочки, сотни их, сшитых вместе. — Дев пожал плечами. — Ему их приносят его люди. Я видел, как он холоден вот с этим, и я бы сказал, что они примерно

равны могуществом. Вам, безусловно, надо сперва уложить этих троих.

Кейда пристально взгляделся.

— Кого еще мы должны убить?

— Нашего друга в зеленом венке. — Дев потратил миг-другой, чтобы отыскать его. — И этого шустрика, увенчанного пальмой. Я видел, как он трудился с Раскрашенным.

— Смотрите! — прервал его торопливый шепот Ризалы. Она указала на несметное множество новых челноков, огибающих мыс с дальней стороны залива. Дев сощурил глаза, затем улыбнулся.

— Теперь пора начинать потеху. — Он вручил Кейде свою подозрную трубу. — Посмотри на того, на самом большом плоту. У него с Котом было несколько состязаний в силе, но я видел, как оба отступились, прежде чем дошло до конца.

Кейда опустил трубу, его поташнивало.

— У него ожерелье из рук.

— Он отрезает их у обезьян, которых ловят его люди — снисходительно заметил Дев. — Теперь погляди на этих двух на пляже. У одного гирлянда из лоджена на поясе, другой весь в крестах из красной глины. Оба посещали нашего многопалого друга, по одному, заметь, не сообща. Они не приносили ему дани как таковой, потому что это обеспечило бы им приход Драконьей Шкуры, но оба посылали ему лапы обезьян, которые добыли их охотники.

Кейде навел трубу на деревню за оборонительным рвом.

— Где волшебник в шкуре дракона?

— Он не покажется, прежде чем я его вызову, — медленно ответил Дев. — Там, у среднего частокола, человек в ожерелье из зубов акулы. Он на побегушках у двух других, которые привязали свои суденышки к корме Драконьей Шкуры. — Дев бросил взгляд на замухрышку. — Это наш знакомец в плаще из перьев и счастливчик в шкуре ящерицы, помните их? Они нынче лучшие друзья.

— Мы должны целиться, чтобы убить их как можно скорее, как я понял? — Кейда не пожалел сил, чтобы запомнить отличия всех волшебников.

— Ты схватываешь, — Дев хлопнул его по плечу.

— Когда... — Кейда поднял глаза и обнаружил, что Дев исчез. Вздвогнув, он посмотрел на Ризалу. — А где он?

Она указала вниз на пляж.

— Там.

Глава 20

В мгновение ока Дев шагнул с насеста в пыльное пространство на берегу меж оборонительным рвом и первой из деревенских хижин. Его белый наряд дивно сиял среди опаленных солнцем дикарей, сам же он стоял неподвижно, небрежно засунув руки за свою золотую поясную цепь. Некоторые из захватчиков, что поближе, уже пялились на него, разинув пасти, кое-кто поднял деревянные копыя и дубинки с каменными наконечниками. Суэта и толчея за ошестинившейся канавой продолжалось, ничуть не затихая, вновь прибывшие все еще не оставили намерений пересечь преграду. Ризала наложила на тетиву стрелу с вымазанным наконечником.

— Когда придет пора стрелять по волшебникам?

— Как раз об этом я и собирался спросить Дева. — Кейда скрипнул зубами. — Как только ему проломят черепушку, вероятно, будет самое подходящее время.

Круг дикарей медленно смыкался: оружие занесено, в каждом движении — обещание скорой расправы.

Столпы алого света исторглись из сухой земли, наливаясь яркостью и яростью. Над ближайшим к Деву дикарем нависла, явившись неведь откуда, огромная птица, каждая нога которой в толщине могла сравниться с поясицей взрослого мужчины. Птица склонила голову с крутым гребнем и щелкнула перед глазами дикаря злобным изогнутым клювом. Тот завопил и отпрянул, натыкаясь на тех, что оказались позади. Видение захлопало усеченными, непригодными к полету крылышками и, запрокинув голову, закаркало с хриплым торжеством. Один из дикарей сохранил присутствие духа и ударил чудовище темным деревянным копьем. То пронзило насквозь горделивое оперение блистательной птицы — и воин легко, без сопротивления вы-

тянул копье обратно. Предприимчивый дикарь повернулся, с ликованием потрясая оружием, и Кейда увидел, что он что-то горячо втолковывает прочим.

Созданный чарами Ястреб Йора клюнул его в голову. Щетинистые, слипшиеся от сухой грязи волосы дикаря воспламенились. Воин завопил. Лишь этот пронзительный звук тревожил глухое молчание, которое охватило теперь весь берег. Голова несчастного полыхала алым огнем, малиновые капли падали вокруг — не кровь, но колдовское пламя. Оно не утасло на голой земле, а потекло, обьяло воина кольцом и принялось неистово пожирать. Все, кто стоял рядом, бежали.

Те, кто пытался напасть на Дева сзади, не знали, куда удирать. Четверо из них оказались лицом к лицу со змеем — вздыбившимся, столь же огромным, как Ястреб Йора, распустившим крылья пламени и вззирающим немигающими рубиновыми очами. Язык пронзительного алого света мелькал в щели беззубого рта, меж тем как существо покачивалось из стороны в сторону. Один из нападавших не выдержал и метнулся в сторону. Змей ударил. Не ужалил, но метнулся вперед, чтобы обвить человека и уволочь его, вопящего, по песку. Плоть воина уже дымилась от соприкосновения с радужно сияющими чешуями, прежде чем Крылатый Змей поразил его в шею вспышкой пламени. Рана грозно засветилась, огненные прожилки под кожей показали, как нездешний яд распространяется по крови. Незадачливый дикарь загорелся изнутри, его кожа начала трескаться и крошиться чернеющими угольками. Трое других побежали было, но змей скользнул мимо них на пылающих крыльях, лишив их всякой надежды на бегство. Он парил, ожидая новой жертвы, которая попытается удрать, длинный хвост лениво свивался в пыли.

— Для варвара Дев, безусловно, недурно знаком с созвездиями, — удалось изречь Кейде пересохшим ртом.

Огромная Зеркальная Птица охраняла Дева со стороны моря. Еще одно создание из мерцающего пламени похаживало взад-вперед, потрескивая мощным веером хвоста, в то время как клювастая голова с гребнем с интересом поворачивалась на каждое резкое движение. Дикари, отступая к укрепленной кольями канаве, как могли старались избегать солнечных зай-

чиков, отбрасываемых видением. Солнце стояло совсем низко в небе позади птицы. Всякий раз, когда какой-либо из красных отблесков попадал на нагую плоть, дикарь кричал. Кожаные набедренники и деревянное оружие уже трещали искрами. Птица раскрыла клюв и зашипела. Захватчики побежали, бросая оружие, которое уже горело в их руках. Те, что явились на берег недавно, прекратили всякую борьбу меж собой и теперь выстроились по другую сторону защитного рва.

Я бы не положился на такую защиту.

— Не думаю, что смогла бы сочинить об этом эпос.— Голос Ризалы звучал хрипло.— Меня бы, чего доброго, камнями побили.

— Смотри! — Кейда задержал дыхание, когда из большой хижины, стоявшей слева выбрались трое. Первый был закутан в дикарски великолепную бледно-серую кожу ящерицы, второй — в ярко окрашенные перья; третий же нарядился в плащ — темно-красный, как засохшая кровь, и все же светящийся в убывающем свете солнца.

— Вот и колдун в шкуре дракона,— с дрожью в голосе подтвердила девушка.— Этих двоих, что с ним, мы должны убить как можно скорее.

— Но не раньше, чем Дев уловит всех своими чарами,— предостерег Кейда.

Ризала судорожно напряглась, когда колдун в шлеме из черепа ящерицы медленно направился к Ястребу Йора. Голова великой птицы двинулась из стороны в сторону, как бы предупреждая о возможных последствиях. Дикари теперь образовали плотное непроницаемое кольцо на разумном расстоянии от неведомого чародея. Затем все сделали еще шаг назад. Те, что были заперты между канавой с кольями и Зеркальной Птицей, воспользовались возможностью бежать. Те, кого поймал Крылатый Змей, не были столь удачливы. Блестящая голова чудовища с разинутой пастью метнулась вперед. Вот один человек упал на песок, кровь его запылала в жилах. Затем — второй. И третий, последний. Тревожный ропот пронесся среди захватчиков, и круг отступил еще на несколько шагов. Ящер по-прежнему изучал гордо вышагивающего ястреба Дева.

— Как мы узнаем, что пора? — Ризала поглядела на Кейду. — А что если он не справится? Если Ящер его убьет?

— Мы просто попробуем стрелять по самым опасным из волшебников. — Кейда беспомощно пожал плечами. — Возможно, они не ожидают стрел. Мы можем поразить хотя бы нескольких. — Он быстро обозрел обращенную к морю сторону канавы и отыскал дикаря с нелепым ожерельем из обезьяньих лап. Тот внимательно наблюдал. Его люди опустили копья, образовав полукруг свободного пространства для своего господина.

— Вон Кот. — Девушка указала пальцем. — И Увенчанный пальмой.

Благоговение дикарей делало колдунов сравнительно легкими мишенями. Кейда медленно кивнул, продолжая искать того, кто был в нагруднике из крылышек бабочек.

— Сможешь отсюда попасть?

— В любого из двух, — криво улыбнувшись, ответила она.

— У нас больше чем по одной стреле на каждого, — Кейда оценил крутизну поросшего кустами склона и воцарившееся на пляже за рвом смятение.

Видеть нас — это одно; им надо до нас добраться, а карабкаться сюда непросто. Мы можем растратить половину стрел, и все же сохранится надежда бежать, пока они нас не достали. Но куда подевались другие колдуны? Как мы выудим их из этой оравы? И бояться нам следует не просто копий. Если волшебник сможет увидеть нас, то, конечно, сумеет и убить.

Вспышка золотого света заставила его обеспокоенно посмотреть на Дева. Пыль летела над землей, искрясь, точно приливная волна, и клубясь, словно туман. Ястреб Йора двигался так, словно брел через болото; кольца Крылатого Змея замедляли свое кружение, точно погружаясь в патоку, а Зеркальная Птица билась, будто увязшая в грязи.

Ризала разинула рот, когда грозные видения стали рассыпаться. Ее крик пропал в вопле жуткого торжества, разнесшегося по толпе дикарей. Кейда наблюдал, затаив дыхание, как рассеявшиеся чары Дева втянулись в стену пламени, удерживающую вздымающуюся пыль. Пламя поднялось выше, неесте-

ственно малиновое, болезненно яркое, скрывшее Дева из виду. Пыль осела, цвет ее потускнел, она из солнечно-золотой стала темно-янтарной. Сияние медленно впиталось в землю. Стена вызванного Девом огня оставалась непроницаемой.

— Если он будет и впредь так возиться, нам не хватит света для стрельбы, — с тревогой пробормотал Кейда, бросая взгляд на запад.

— Взгляни! — воскликнула пораженная Ризала.

Твердая почва под ногами Дева обращалась в прах. Дикари, окружавшие северного колдуна, пятились все дальше. Те, кто оказался медлительней прочих, уже шатались, по колено засыпанные песком. Дальний от моря берег рва стал осыпаться, колья попадали, земля заструилась, наполняя ров. Нижний край огненного кольца Дева висел в воздухе без поддержки.

Пламя затихало, вот его осталось лишь по пояс колдуну, а вот и по колено, затем оно вовсе исчезло, явив чародея, стоящего в центре круга нетронутой земли. Руки Дева упирались в бедра, и весь он с головы до пят являл вызов и насмешку. Кейда напрягся.

Ящер поднял руки, и пыль взмыла в воздух со всех сторон вокруг Дева. Тот беспечно махнул рукой — и волна голубого света отогнала в сторону удушающее облако, затем прогнала его за канаву. Дикари поспешно отступили, пятясь, спотыкаясь, кашляя и закрывая ладонями глаза. Даже когда Ящер наклонился и начал что-то плести, судя по движениям рук, пучки огня один за другим подлетали все ближе к цели, прежде чем внезапно оказывались потушены.

В то же время Кейда услышал, как кричит колдун в плаще из перьев. Подавленное молчание охватило весь берег. Колдун в перьях зашагал по пляжу, взмахивая руками, его тяжелый плащ, переливающийся всеми цветами радуги, плотно облек его. Мощный гортанный рев вырвался у дикарей. Воздев оружие, они все как один ринулись на Дева.

Дев поднял руки — и все угрожавшие ему копья вспыхнули огнем. Рукояти дубин с каменными вкладышами раскололись на дымящиеся щепки, сами камни разбились на опасные осколки с острыми краями. Дикари отпрянули в смятении, чтобы

скрыться в деревенских хижинах или за горами добычи. Некоторые сжимали руками окровавленные головы, другие спотыкались или ползли, шаря руками, ничего не видя. Скверные раны на их руках и груди быстро чернели или вздувались плачущими волдырями.

Воины-дикари были не единственными, кого потрясло происходящее. Как только всякое оружие обратилось против своего владельца, Дев запустил пригоршней огня в Ящера. На этот раз дикарский волшебник чуть промедлил, и шар алого пламени обогнул плетение голубого света, которое выбросил Ящер, чтобы защититься. Колдовской огонь поразил дикаря в грудь. Тот закачался, отступая, вопя и пытаясь раздирать облепившее его колдовство. Огонь окружил его туловище, столь ослепительный, что больно было смотреть. Ящер откинул назад голову и возопил, пав на колени. Затем опрокинулся на спину и умер еще до того, как успел коснуться земли. Пламя исчезло. Лицо под черепом ящерицы застыло в смертной муке. Ноги, похоже, остались нетронутыми. А выше пояса не осталось ничего, кроме нескольких темных узлов обугленных костей да вони горелого мяса, которую тут же подхватил ветерок.

Вопль ярости Пернатого Плаща поднялся над сдавленными стонами раненых дикарей и неистовой суетой среди тех, кто оказался со стороны моря от полной колеи канавы. Копье молнии слетело по дуге с безоблачного неба. Участок, на котором стоял Дев, взорвался с оглушительным треском. Кейда с Ризалой вскочили, невыразимо потрясенные.

— Он мертв? — прошептала девушка.

— Нет. — Кейда указал. — Вот он.

Хоть и трудно было поверить, а Дев стоял себе на порядочном расстоянии от опаленного песка.

Пернатый Плащ повел рукой, и новая молния пронзила воздух. Дев поднял раскрытую ладонь вверх и отвел молнию в сторону голубовато-белым разрядом своего волшебства.

Не могло быть молнии. Мы бы не увидели ее, если бы была. Такое случается слишком быстро.

Пернатый Плащ посылал в Дева копье за копьем нестерпимого света. Северный чародей отбивал их своими сияющими копьями, не менее яркими и трескучими. Осколки лазурного

сияния ливнем сыпались на хижины и груды добычи. Пальмовые кровли начали лениво тлеть.

Ниоткуда, кружа и сапфирово лучась, поднялся ветер, собрался узким винтом и заплясал вдоль берега в сторону Дева. Северный колдун продолжал обмениваться ударами с Пернатым Плащом, казалось, не замечая, парящего, изгибающегося губительного смерча, подбирающегося к нему все ближе. Колдовской смерч потемнел от захваченного мусора, теперь он был дымно-синий, как небо в грозу. Тлеющие листья на ближайшей крыше вспыхнули настоящим пламенем, раздуваемые ветерками, которые затягивал синий вихрь. Взмыв, точно лесной кот, смерч раздвоился и окутал Дева воронкой зловещего туманного света.

— Куда он теперь делся? — вслух подумал Кейда.

На этот раз чародей не обнаружился нигде, когда вихрь остановился у осыпавшегося края рва. Он замедлил вращение. Волшебное свечение угасало, мусор посыпался во все стороны. Пернатый Плащ прокричал хриплый укор своим перепуганным приверженцам, скрывшимся среди хижин и куч добычи. Он сделал знак рукой, и кое-кто из них с неохотой потянулись к месту, где недавно стоял Дев.

Ризала вцепилась в руку Кейды.

— Драконья Шкура!

Колдун в кроваво-красном плаще вынырнул из тени дверного проема, где стоял, наблюдая за состязанием. Вой, словно испущенный сворой побитых псов, поднялся отовсюду, и дикари стали простирались перед ним, низко кланяясь, протягивая руки в мольбе. Драконья Шкура воззвал к Пернатому Плащу, нетерпеливо тряхнув головой. Тот повернулся для ответа, озадаченно разведя руками.

Смерч, о котором все забыли, медленно набирал скорость, бледно-синий свет пронизывал его винтовые потоки. Конус его стал шире и двинулся в сторону канавы. Те, кто скопились со стороны моря от нее, кинулись бежать, когда возродившийся смерч вырвал из земли колья и разметал их во всех направлениях.

Что бы ни говорил Драконья Шкура Пернатому Плащу с красноречивыми и раздраженными движениями рук, слова за-

терялись в общем гаме. Пернатый Плащ, крайне разъяренный, обратился лицом к блуждающему смерчу, властно воздев руки. Сапфировый свет пробил спираль, словно остатки глазури за-сверкали на роскошной вазе. Смерч заметался из стороны в сторону. Он словно сопротивлялся, вцепившись в края рва, затем медленно и неотвратно начал приближаться по пляжу к Пернатому Плащу. Волшебство в недрах стихии разгоралось все ярче. Кейда почувствовал, как ошетинились волоски на его руках и загривке. Словно вот-вот готова была разразиться буря, способная затопить мир. Вращение спирали вновь замедлилось, она все меньше и меньше походила на что-либо, возможное в природе. Но по-прежнему ползла над песком, все заметней приближаясь к Пернатому Плащу.

Не сводя глаз со взбунтовавшейся воронки, тот улучил миг, чтобы одной рукой подать какой-то судорожный знак Драконьей Шкуре. В следующий миг вихрь захватил его и взмыл над самыми высокими деревьями на склоне, сужаясь, темнея до тусклого ляписа. Затем, вызвав у дикарей потрясение и заставив их сперва завопить в ужасе, а затем умолкнуть, смерч исчез. Тело Пернатого Плаща упало на землю, глухо стукнувшись о песок.

— Наверняка мертв, — выдохнула Ризала.

Кейда молча кивнул. Труп колдуна пронзали расщепившиеся колья из канавы. Отрезки дерева толщиной в мужскую руку и длиной в руку, а то и ногу проходили насквозь через его грудь, живот, ляжки, один продырявил голову под самой его нижней челюстью и вышел наружу над ухом. Кровь медленно сочилась по свежим разломам древесины. Ярко окрашенные перья медленно парили в пустынном воздухе, хаотично разлетаясь во всех направлениях. Дикари шарахались, чтобы не соприкоснуться с ними, или же в испуге отбивались от них.

Драконья Шкура зашагал на середину пляжа, плащ его покачивался, когда колдун поглядывал то в одну, то в другую сторону. Он словно не замечал нарастающего беспорядка вокруг, его глаза сосредоточились на чем-то, видимом лишь ему одному.

Кейда медленно потянулся за смазанной стрелой.

— Нам стоит приготовиться.

— Их теперь не так уж и много, наших мишеней,— с безрадостной улыбкой заметила Ризала.

Она хотела сказать больше, но Драконья Шкура взметнул руку, и появился Дев. Он упал и покатился по пляжу, по нему били ослепительно-белые лучи. Раздался треск, похожий на раскат грома. Лучи пропали. Дев кое-как поднялся на ноги. Кейда увидел что-то красное, поблескивающее на белом шелке нарядной рубахи.

Это не бусины.

Голова Дева повисла, плечи поднялись. Драконья Шкура приближался к нему, все еще припав к земле, точно пес на охоте. Он обвил одну руку вокруг своего лба, вывернув наружу ладонь. Волшебное мерцание собралось вокруг его кисти. Затем поднялось и поплыло к Деву. Тот поднял голову, чтобы взглянуть на него. Дев наполовину поднял кисть. Но она тут же упала, слабая и безвольная. Зловещий колдовской огонь вихрился и рос, пронизываемый сапфировым, рубиновым, изумрудным и янтарным светом. Драконья Шкура сделал новый шаг, затем еще один, и весь напрягся. Блестящий шар из переплетенных колдовских лучей подплывал все ближе к Деву. Он стоял, замерев в полной беспомощности.

Или просто в ожидании своего мига.

Как отчаянно надеялся Кейда, Дев внезапно протянул руки и поймал ими колдовское сияние. Драконья Шкура свалился плашмя на песок, словно чей-то кулачище заехал ему в лицо. Белый шелк рубахи Дева засветился. И вдруг северный чародей снова исчез. На его месте стоял зверь, о каком Кейда отродясь слыхом не слыхал.

Тело могло бы принадлежать обезьяне, если бы только где-то водились обезьяны, вдвое выше ястребов Йора. Зверь был всех цветов и никакого, оттенки радуги переливались, сменяя один другой, и окружали это тело дымкой волшебного сияния. Хвост был похож на бич, с острым зубчатым гребнем из чешуй, достаточно основательных, чтобы рассечь человека надвое. Покрытая густым мехом голова вытягивалась в клюв, белый огонь каплями сыпался с его круто загнутого кончика. Видение испустило леденящий кровь вопль, и весь пляж умолк.

Драконья Шкура кое-как встал на ноги и пропал во вспышке изумрудного огня. Когда Кейда протер заслезившиеся глаза, он увидел на песке новое чудовище. У чудовища была тупая голова морского змея, увенчанная тускло поблескивающим гребнем, но она переходила в невысокое тельце на коротких плотных ножках, смутно напоминающее хлыстосящерицу. Хвост загибался вверх, поднимаясь над спиной, и кончался копьевидным жалом. А шкура переливалась всеми цветами радуги, ярко, точно крыло бабочки.

Если Дев сможет справиться с этим колдуном, тебе справляться с остальными.

Вздвигнув, Кейда вспомнил, почему он засел над местом, где разворачивается невероятное зрелище. С усилием оторвав глаза от схватки, он стал обшаривать взглядом пляж, где собрались прочие колдуны дикарей. Вот человек в нагруднике из крыльев бабочек. Стоит один; все его прихвостни отступили чуть назад. Лапчатый и Кот топчутся рядышком, ближе к воде, их прислужники смешались, обступив их. Мелкие колдуны, украшенные более скромно, рассыпались по пляжу, при каждом несколько перепуганных дикарей, обезумевшими взглядами следящих за поединком. Кейда потряс за плечо девушку:

— Нам надо быть готовыми.

Она все еще с открытым ртом таращилась на страшилищ, в которых превратились соперники. То, что с головой змея, бросилось на обезьяноподобное. Щелкнуло тяжелыми челюстями, оснащенными острыми, как иглы, зубами, и противник отскочил в сторону, извернувшись, чтобы хлестнуть змееголового своим зубчатым, как пила, хвостом. Змееголовый выбросил вперед свое скорпионье жало и ударил им что есть духу, но обезьяноподобный вовремя увернулся, и так повторялось несколько раз.

Зменная голова стала шире, на ней выросли большие толстые рога, плечи вздулись, тварь поднялась на удлинившихся передних лапах. Теперь это больше смахивало на быка, чем на змея. Оно пригнуло голову и ринулось на противника. У того из плеч вырвались крылья и распростерлись, сбив горящую пальмовую листву с кровель хижин по обе стороны. Полудетя-

полупрыгая, чудовище перемахнуло через рогатого соперника. Его лапы приняли новый облик прямо в воздухе, на них выросли когти не хуже орлиных, и тут же потянулись к глазам рогатой твари. Та была ранена, но крови не появилось. Мало того, раны окаймил многоцветный волшебный свет. Рогатый встал на задние лапы, хвост втянулся в позвоночник, изменились бедра, ноги удлинились. Он протянул длинные передние конечности, теперь снабженные длинными точно кинжалы когтями, и схватил обезьяноподобного, оторвал от земли, продирая радужные дыры в шкуре врага. Но эта шкура сделалась твердым панцирем, роговой оболочкой, вроде той, что у кораллового краба. Крылья исчезли, и странное создание, в которое превратился Драконья Шкура, оказалось обременено тяжелым и неудобным грузом. Драконья Шкура опрокинулся на спину, бронированный зверь приземлился сверху, изо лба его стало расти витое копьё Рогатой Рыбы. Ризала потрясла за плечо Кейду:

— Смотри!

Колдун, раскрашенный крестами красной охры, корчился в судорогах. Кейда поглядел на прочих волшебников. Владелец венка из листьев стоял на коленях, в отчаянии воздев руку в сторону своих приспешников, которые пятились в тревоге. Увенчанный Пальмой и тот, что украсил себя цветами лоджена, оказались удачливей: обоих поддержали их прислужники, помогая колдунам ковылять прочь вдоль пляжа.

— Они направляются к лодкам,— встревожился Кейда.

— Кот, Лапчатый и Мотылек все еще у канавы,— Ризала скосила глаза, указывая на них.— Не уверена, уловлены ли они чарами Дева.

У Кейды вырвалось отчаянное шипение.

— Мы не можем позволить этим двоим уйти.— Он встал и тщательно прицелился.— Увенчанный Пальмой — мой.

Ризала поднялась рядом. Две стрелы взлетели почти в один миг. Обе мимо. Стрела Кейды проплыла, незамеченная, выше головы Увенчанного Пальмой, у Ризалы же вышел недолет, и ее стрела затерялась в суматохе, поднявшейся на песке.

Кейда опустил лук и сделал долгий размеренный вдох. Его глаза встретились с глазами Ризалы, но не было слов, которые

выразили бы столь сильную смесь досады, тревоги и ярости. Оба осторожно достали по второй смазанный стреле из своих колчанов.

На этот раз оба попали. Колдун, подпоясанный цветами лоджена, сложился вдвое, когда стрела с широким наконечником угодила ему в брюхо. Он корчился на земле, обезумев от боли, меж тем как колющий наконечник все глубже вторгался в его внутренности. Темная кровь запятнала ладони, которыми он сжимал рану.

Увенчанный Пальмой споткнулся, четырехгранный наконечник прошел через его плечо, а за ним и древко, и лишь оперение застряло у края раны. Он упал на колени, тщетно пытаясь остановить кровь, хлещущую потоком из дыры шириной в его руку. Его приспешники в тревоге заметались вокруг него.

К великому облегчению для Кейды, никто не посмотрел в направлении их засады. Более того, криков тревоги никто не услышал в общем гаме. Тут Кейда вздрогнул от звона тетивы Ризалы. Он последовал за ее взглядом и увидел колдуна в красных крестах, только что бившегося в судорогах, а теперь пригвожденного к песку стрелой, пробившей грудь. Он сперва слабо боролся, потом затих. Кровь закапала из его рта. Глубоко вздохнув, Кейда наметил очередные мишени, пока доставал новую смазанную стрелу.

— Если можешь взять на себя Мотылька, я попытаюсь пристрелить нашего друга в зеленом венке.

Быстрый взгляд дал ему заметить, что Драконья Шкура теперь стал жуткой морской тварью со множеством удушающих щупалец, меж тем как чудовище Дева отрастило клешни, чтобы рвать противника.

Первый выстрел Кейды в увенчанного листвой колдуна вышел мимо, а вторым он пронзил перепуганного дикаря, ринувшегося вперед в самый неподходящий момент. Не отвлекаясь на поток проклятий, сорвавшихся у Ризалы, Кейда опустил лук и закрыл глаза перед новой попыткой. На этот раз широкий наконечник все же поразил человека в венке, вскользь, в бедро, разодрав плоть, но не задев глубоко.

Окажется ли этого достаточно?

— Я попала в Мотылька.— Голос Ризалы напрягся от муки.— Но мне ни за что не достать Кота.

— Мне тоже,— процедил Кейда сквозь зубы.— Как и Лапчатого.

Оба колдуна были окружены своими приспешниками, те плотно сомкнулись с копьями наготове, отгоняя тех, что рассеялись после смерти других колдунов, которые приближались, в отчаянии моля о защите.

Кейда вновь взглянул на борьбу, поглотившую Дева и Драконию Шкуру. Тварь в панцире отрастила колючки по всей спине и свернулась в шар, к которому не подступишься. Чудовище со щупальцами обратилось в покрытого крепкими пластинами змея, пытающегося своими могучими кольцами раздавить противника.

Кейда потянулся за чистой стрелой.

— Я попробую рассеять воинов вокруг Лапчатого. А ты попробуй его достать.

И стал пускать стрелу за стрелой. Толпа вокруг Лапчатого стала реже, воины валились, пораженные стрелами кто в брюхо, кто в грудь. Рядом с Кейдой Ризала выстрелила раз, другой и наконец поразила колдуна третьей бронебойной стрелой. Та утонула в жертве в лицо, и скулы тут же залило густой кровью. Пробив череп насквозь, стрела глубоко вонзилась в прислужника, стоявшего сзади. Лапчатый исчез, как только рассеялась его свора.

— Они смотрят в нашу сторону,— мрачно заметила Ризала.

— Понятия не имею, как мы доберемся до Кота,— взъерился Кейда.

Ризала в испуге ахнула.

— Что с Девом?

Кейда поглядел и увидел, что кольца бронированного змея, не встречая сопротивления, ввергаются внутрь. Тварь в шипах исчезла.

— Вон он!

Кейда заметил Дева в нескольких шагах дальше по берегу, наполовину стоящего на коленях, наполовину упавшего, покрытого кровью. Змей мрачно светился всеми цветами радуги. Дев

поднял руку. Бронированный змей изогнулся, и хвост его разделился на пучок малых змеев, каждый разинул пасть с жадными зубами. Разноцветное сияние потрескивало на грани каждой чешуйки. Дев поднялся на колени, упрямо подняв обе руки, разодранные и кровоточащие. Свет, испускаемый чудовищным змеем, разгорался все ярче и дошел до слепящей белизны. Чудовище начало трескаться, чешуйки отделялись от тела, обнажившаяся кожа засияла вихрями колдовского света. Чудовище замолотило хвостом из стороны в сторону, рассеивая пыль, кровь и чародейство, прорезая в земле большую борозду.

Кейда оторвал взгляд.

— Сколько у нас стрел на Кота?

— Около половины. — Ризала потеряла лицо.

— Так или иначе, все почти кончилось, — и Кейда нахмурился. — Стреляем.

— В кого? — Девушка указала вниз по склону на кучку дикарей, разрывавших спутанные растения и карабкавшихся к их площадке.

— В Кота, — со злобой произнес Кейда. И потянулся за стрелами, не разбирая, какие из них смазаны снадобьем Шека Кула, а какие нет. Ризала тоже сделалась к этому безразлична. Кот находился на самом пределе дальности. Он спешил к воде, и тяжелые складки его пестрого плаща хлопали в воздухе. Недолет. Еще недолет. Одни стрелы просто входили в песок, другие ранили какого-нибудь обезумевшего воина.

Похоже, нам это не удастся.

Затем, вздрогнув, Кот рывком обернулся. И побежал по песку обратно, а плащ полетел за ним. Доверившись скорее чутью, нежели расчету, Кейда выпустил одну из последних своих стрел. Тетива Ризалы запела в его ушах. Обе стрелы с широкими наконечниками поразили одно и то же бедро, разодрав мышцы и сухожилия и расколов кость. Вопящий колдун рухнул с полуоторванной ногой и хлещущей потоком кровью. Умер он почти сразу.

— Кейда! — в тревоге вскричала девушка. Кейда поглядел вниз и увидел, что упрямые дикари поднялись уже больше чем на половину склона. На дальнем берегу разрушенного рва

Дев с усилием пытался встать на ноги, мучительно медленно, и кровь запятнала его лысину. Белый нимб, окружавший корчащегося змея, начал угасать. Рубиновый, сапфирный, изумрудный, янтарный свет темнел. Змей исчез. На его месте стоял колдун в шкуре дракона, кровь струилась по его ногам, ладони были воздеты, и цветное сияние волшебства вилось вокруг него.

Круг белого света сократился еще заметней. Цветные лучи внутри ударялись о непробиваемую преграду. С ледящими кровью воплями несколько дикарей метнулись к Деву, подняв копыя. Одним-единственным мановением руки тот опрокинул их на песок, опалив алым пламенем. Шар белого света вокруг Драконьей Шкуры вобрал огонь, вспыхнул, точно молния в пору дождей, затем зашипел, исходя паром, и треснул, точно лопнувшее стекло. Чародейство Дева удержало чуждую силу, а затем с волшебство рухнуло, подняв вихрь, который ударил и по Кейде. Обрывки пропитанной кровью шкуры дракона и ошметки плоти рассеялись по всему пляжу. Тряся головой в тщетной попытке восстановить слух, Кейда закрыл глаза, чтобы те прояснились после ослепления, вызванного вспышкой.

— Где Дев? — Ризала искала чародея на дальнем берегу канавы.

— Не вижу. — И тут Кейда заметил нечто такое, что у него заledenела кровь. — Этот человек, колдун с ожерельем из зубов акулы.

Последний упущенный ими из виду колдун уже собрал вокруг себя дикарей. Повинуясь взмахам руки Акульего Зуба, небольшое войско построилось в ряд. Прочие дикари подхватывали уцелевшее оружие, а то и просто палки, готовые присоединиться.

— Он уходит! — ахнула Ризала.

Вопли снизу заглушили ее крик. Дикари, карабкавшиеся к ним по склону, становились все ближе.

— Нет. Если только я ему не помешаю. — Кейда отбросил в сторону лук и схватил свой тяжелый тесак для джунглей.

— А ну-ка...

Под деревьями лиллы уже сгущались сумерки, теплый воздух под листьями был стоячим и плотным. Кейда врубился в

цепкие лианы лоджена, обильные побеги ягодных кустов не давали сделать ни шагу. Он слышал, как трещат ветви там, где продирается Ризала или приближающиеся к ним дикари. Он вытащил из ножен кинжал. Оплетенная шнуром рукоять пропиталась кровью, которой уже немало было на его ладони. Когда пала роса, возвещающая о близости ночи, обильные запахи леса окружили двух людей.

Ризала ткнулась лбом в его спину.

— Куда мы идем?

— Акулий Зуб намерен податься в эту сторону. Если мы сможем двигаться достаточно быстро, то перережем ему путь. — Кейда хлестнул тесаком по кустарнику с новой решимостью, меж тем как крики и топот ног сзади указывали, что их преследователи приближаются.

Ризала почти наступала ему на пятки, неровно дыша и всхлипывая, а сам он бежал что было сил. Сердце колотилось, в груди горело. Споткнувшись на неверной тропе, он едва не упал, но устоял на ногах. Отрывистые приказы на неведомом языке то и дело перекрывали шум, с которым торопливые руки били по кустарнику. Сзади раздался новый крик, полный торжества и злорадного предвкушения. Дикари, что их преследовали, нашли тропу. Босые ноги гулко стучали по голой земле.

— Они нас вот-вот поймают!

Грубо зажав рот девушки и задев при этом ее губы рукоятью кинжала, Кейда отволол ее с тропы. Бросившись за ягодный куст, который обвивали лианы стриола, он подмял под себя замухрышку. Ее глаза, окаймленные белым, непонимающе смотрели ему в лицо, меж тем как дикари, преследовавшие их, с воем появились на тропе. Люди Акульего Зуба встретили неожиданное нападение грубыми возгласами и жестокими ударами. Преследователи вслепую, но яростно начали отбиваться и узнали своих далеко не сразу, лишь со временем поняв, что происходит.

Кейда отпустил Ризалу. Отпечатки окровавленных пальцев темнели на ее коже.

— Стрелы есть? — еле слышно прошептал он.

Она стала изворачиваться под ним, чтобы достать из-за спины колчан. Кейда собрал все, что там осталось, в один пучок.

— Дуй к «Амигалу»! — беззвучно велел он ей.

Ризала кивнула с застывшим от страха лицом. Он покинул ее, съежившуюся под убогим укрытием куста, неловкими пальцами пытающуюся вытащить тяжелый тесак. Убрав в ножны собственный, Кейда на четвереньках подался на шум яростной борьбы. Стрелы, которые он держал, запутались в беспорядочной сети наземных растений. Он срезал растения кинжалом. Острые остатки стеблей кололи ему колени, навозная жижа, оказавшаяся на его пути, вымазала ему штаны. Дикарь, летевший спиной вперед через кусты, пронесся сверху и грянулся оземь. На него тут же прыгнул его противник. Кейда ощутил, как теплая кровь брызжет ему в лицо, и ринулся вперед, чтобы скрыться за густо стоящими побегами лиллы. Двое его не заметили.

Оскорбления и вой эхом пронеслись среди деревьев. Кейда наострил уши и уловил гортанный выкрик, вроде приказа. Он тут же медленно поднялся на ноги, готовый наброситься на любого встретившегося дикаря и бдительно ожидая малейшего намека на колдовской свет. Вот он, чародей в ожерелье из акульих зубов, яростно орущий на нагруженных ларями с добычей воинов. Ящики соскальзывали с плеч, когда люди пихались и толкались в отчаянных попытках бежать прочь по тропе.

В тот же миг, когда Кейда осознал, что Акулий Зуб повернут к нему незащищенной спиной, один из нагруженных дикарей увидел этого неожиданного чужака и поднял руку, раскрывая рот для крика.

Понятия не имею, есть ли порошок Шека Кула на этих стрелах. Так или иначе, мне надо убить этого чародея. Продырявить ему почки будет достаточно, будь он хоть сто раз волшебник. Если я умру, да будет так. Если спасусь, хорошо. Об этом побеспокоимся потом.

Все эти мысли промелькнули в голове Кейды за то время, которое ушло у дикаря, чтобы поднять руку до уровня плеча. Кейда бросился вперед и с разгону всадил весь свой пучок стрел глубоко во впадину спины колдуна с акульими зубами вокруг шеи, чуть выше его кожаного набедренника. Описав рукой с кинжалом дугу, он перехватил рукоять поудобнее и

всадил острие в основание шеи, загнав кинжал по рукоять, чувствуя, как лезвие скрипит о кости. Притянул жертву ближе к себе, тела соединились, точно у влюбленных. Кейда ощутил тепло спины чародея. Его ноздри уловили зловоние, почти звериное, исходившее от дикаря. Кейда извернулся и вырвал кинжал. Ожерелье колдуна порвалось, акулы зубы рассыпались во все стороны, стуча, точно камешки. Кровь лилась по ладоням Кейды, по груди колдуна, впитываясь во влажную землю. Колдун вяло трепыхался в его объятиях, в горле у него булькало, с каждым его выдохом в воздух попадала тонкая кровавая взвесь, вроде тумана.

Вокруг бушевала яростная схватка. Те немногие, что видели внезапное нападение, стояли, пораженные ужасом.

Кейда прорвался назад через подлесок с обмякшим колдуном в руках. Обуза еще и воняла, ибо кишечник дикаря опорожнился, но то был слишком ценный щит, чтобы его бросать.

С криками муки несколько дикарей ринулись за Кейдой. Тот швырнул в них трупом чародея и повернулся, чтобы нырнуть в буйную путаницу лиан стриола. Колючки впились в него с головы до пят, но это не задержало его. Бросившись наземь, он стремительно пополз на брюхе и локтях, извиваясь под переплетенными ветвями, зарыв лицо в палую листву, в любой миг ожидая боли от вонзившегося в спину копья.

Обошлось. Кейда перекатился на бок и настороженно огляделся. Его окружали густые равнодушные листья. Шум борьбы поутих, крики дикарей походили теперь на сетования и возгласы неуверенности.

Сколько еще пройдет времени, прежде чем они решат обшарить подлесок и вспугнуть тебя, точно крюкозубого кабана, чтобы ты нарвался, наконец, на их копья? Недолго. До Ризалы они тоже доберутся, если она все еще где-то рядом. Пора драпать. Но куда?

Впереди земля круто поднималась. Кейда встал на ноги. Ах, вот оно что. Они явились сюда через хребет на мысу, значит, «Амигал» где-то за этой вершиной. Кейда полез вверх со всей возможной быстротой, одинаково действуя руками и ногами, точно обезьяна. Обнаружив, что он умудрился поте-

рять свой тесак, наскоро обшарил окрестные заросли, сторонясь путаницы колючего стриола.

По меньшей мере, это означает, что ты не оставляешь следа и движешься тише.

Застигнутый врасплох гребнем подъема, он поскользнулся и упал на ту сторону, побег тандры треснул под ним и чувствительно уколол его обломанными стеблями. Кейда ждал, тяжело дыша. Охотничий клич, который испустили дикари по ту сторону гребня, взлетел к вечернему небу. Дыхание Кейды замедлилось, биение крови в горле несколько унялось. Шум погони рассеивался, уносясь в другую сторону. Кейда глубоко вздохнул. Зловоние смерти, оставшееся на нем, вызвало неукротимую рвоту.

Когда он, наконец, все выблевал, то поднялся, держась за удачно подвернувшееся дерево лиллы. Внизу он видел невозмутимое море, растворяющееся вдаль в сизом сумраке вечернего неба. На западе над окомоем догорало закатное зарево. Кейда не увидел «Амигала», но теперь холодный расчет пришел на смену порыву, который помог ему бежать. Он спокойно проследил все особенности местности и прикинул, за какими зарослями деревьев может скрываться корабль. Медленно и тщательно выбирая дорогу, он стал спускаться туда по склону.

— Кейда! — Ризала стояла на палубе с тесаком в руках, готовая отсечь руки любому, кто попытается влезть на борт. Не в состоянии придумать, что сказать, Кейда нырнул, с головой погрузившись в прохладное море, омывая оскверненные ладони, оттирая голову и тело. Изворачиваясь и выгибаясь, он выбрался из рубахи и позволил ей уплыть прочь, штанам тоже. Вырвавшись на поверхность с раскрытым ртом, когда уже нельзя было больше оставаться под водой, он обнаружил, что соленая свежесть унесла вонь, которая ему так досаждала.

— Дев здесь! — Ризала перегнулась через поручень «Амигала».

Кейда протер глаза, которые видели Ризалу как темное пятно в первом свете восходящей луны.

Ущербная Малая Луна, далекая и равнодушная, очень скоро скроется за большим небесным камнем, но она ждет своего

часа, зная, что следующий круговорот небес увидит ее полной, не встречающей соперников в пустынном небе.

Кейда подплыл к веревке, которую сбросила для него Ризала.

— Где он?

— Я ничего не могу от него добиться, — Ризала вся была в кровавых царапинах, растрепанная, изнуренная, но в ее глазах горело отчаянное торжество. — Что с ним случилось?

Дев скорчился у основания мачты «Амигала». Кейда встал рядом с ним на колени и поднял чародея, прислонив к дереву. Голова Дева безвольно моталась, он бессмысленно улыбался Кейде, темные глаза его закатились. Тонкий шелк его рубахи был покрыт пятнами и опален, яркие самоцветы залепила засохшая кровь, самый металл сломался и перекрутился. Руки его избороздили глубокие царапины, все еще медленно кровоточившие. Даже в угасающем свете Кейда увидел жуткие синяки Дева, одна стопа его потемнела и распухла, и, похоже, в ней была сломана кость.

— Он ничего не понимал, не так ли? Что это было, то, что он делал, втягивая в себя все больше и больше стихий? Зато я все понимал, противостоя ему, выворачивавшемуся не туда, куда надо, то наружу, то сверху вниз. — Дев махнул слабой рукой с переломанными пальцами. Кейда увидел, что все ногти у него сломаны, а на большом пальце ногтя нет полностью. — Он не знал, что я могу. Это просто прекрасно, призывать такого рода волшебство, пока тебе есть, куда его посылать. — Дев безуспешно попытался облизать пену, покрывшую его подбородок. Губа у него была рассечена, следы укусов красовались на подбородке, кожа с лысой головы местами оказалась содрана. — Ты хмелен как грошовая девка в базарный день, если тебе некуда податься с такой силой. Я хлопнул перед ним дверью, лихо, от души, верно? Бет Калион такого не смог бы, и даже Планир, не сравнить. А что если мне вызвать одного из них — пусть попробует! Вот так это делают дикари: докажи, кто лучше. Кто выстоит до самого конца, тот человек что надо, а не всякий прохвост, что завел побольше друзей в залах и мастерских переписки.

Кейда пресек болтовню волшебника, закатив тому пощечину, которая отдалась эхом по всей палубе. Дев поглядел на него,

открыв рот, изрядно оторопевший. Кейда чувствовал, как изумленные глаза Ризалы сверлят ему спину, но не было времени на объяснения.

— Принеси немного его бренди, быстро! — Он схватил Дева за плечи и встряхнул. — Луна, Дев, взгляни на луну. Помни, мы должны послать им знак, чтобы сюда пришли другие корабли. Здесь еще сотни этих дикарей. Они везде. Они убьют нас, если найдут. Нам нужно, чтобы явились Дэйши и Чейзены отвоевать у них владение. Луна, Дев, ты должен вызвать облако, чтобы окрасить луну!

Вялый чародей заморгал мутными глазами, пытаясь сосредоточить их на далеком полукруге света в темнеющем небе.

— Луна?

У плеча Кейды появилась Ризала. Кейда одной рукой подтолкнул Дева к его сундуку и взял приземистую черную бутылку, зубами вытянув пробку. И тут же выплюнул ее в сторону: винный дух ударил ему в горло.

— Ты сказал, что можешь это. Помнишь? Ты говорил, что можешь поднять песок достаточно высоко в воздух, чтобы окрасить луну для любого, глядящего на нее с земель Дэйша? Ты обещал мне, что сделаешь это! — Он впихнул горлышко бутылки меж губ Дева и плеснул белого бренди в рот волшебнику.

Дев подавился и закашлялся, безумно хихикая.

— Облако, чтобы окрасить луну? Я сказал, что могу? — И потянулся за бутылкой неловкими руками.

— Сказал. Поклялся. — Кейда разместил пальцы волшебника вокруг бутылки. — Не говори мне, что не можешь. После всего того, что делал сегодня!

Руки Дева дрожали, да и все тело тряслось, точно в лихорадке, когда он делал долгий глоток из бутылки.

— Ты это видел, — хрипло и страстно выговорил он. — Видел все. Я совершил это. Я не уступил Драконьей Шкуре, и более того. А ведь не знал, смогу ли. Я тебе этого не сказал. — Его смех мало чем отличался от иступленного вздоха.

— Так ты можешь окрасить луну? — Кейда придвинул к нему лицо, вынудив его глядеть в глаза. — Ты говорил мне, что можешь. Это было правдой?

Дев сел чуть прямее, крепче обхватив бутыл, лицо его стало безобразным.

— Никто никогда не называл меня лжецом, — прорычал он.

— Я не называю тебя лжецом. — Кейда сел на пятки. — Я прошу доказательства.

— А разве там было недостаточно доказательств? — Дев неопределенно указал куда-то за мыс, напоминая о побоище. Белый бренди выплеснулся из бутылки и ударил холодом по голой руке Кейды, вызвав болезненное жжение в царапинах. Кейда попробовал его с руки: резко и пряно.

— Так можешь ты это или нет?

Разъярившись, Дев швырнул бутыл на палубу. Бросок оказался слишком слаб, чтобы разбить ее, она покатила прочь, оставляя на досках блестящий след бренди.

— Вот, смотри, невежественная свинья с Архипелага. — И широким мановением руки Дев бросил тусклую красную пелену в сторону острова. Колдовской свет рассеялся и угас. Сердце Кейды упало, когда последние следы растаяли и ушли в почву. Он отвернулся с тяжелым сердцем.

Значит, ничего не закончилось. Не будет для тебя отдыха, не будет возвращения домой с торжеством, не будет, пока эти дикари все еще угрожают владению Дэйш. Как мы можем собрать силу, чтобы их одолеть, когда они призвут своих новых волшебников?

— Погляди, — в благоговейном ужасе прошептала Ризала.

Кейда открыл глаза и увидел, как красный колдовской свет поднимается от берега, теперь гуще, неясный, рассеивающийся, как туман, но отягощенный пылью и мусором с земли. Дев взметнул вторую руку вверх, и копье жгучего синего света воспарило, дабы бросить вызов холодному мерцанию первых звезд. Оно влекло дымку с запыленной земли все вверх и вверх, выше и выше, и наконец разбилось, точно фонтан, затерявшись в безмерности неба. Пыль все поднималась и поднималась с острова, волшебство делало ее цвет все темней и глубже. Синий свет нес ее вверх, нити и волны изгибались и переплетались узлами.

Кейда ждал, и сердце его колотилось о ребра. Медленная тень миновала край далекой луны, сначала едва ли больше, чем греза, но мало-помалу сгустилась до красной пелены.

— Это твой знак? — спросила Ризала.

Кейда кивнул.

— Это знамение, которое должны понять все. Если Джанне сделала, что ей положено, оно приведет на юг все корабли. И там будет достаточно мечей и стрел, чтобы перебить этих проклятых дикарей до последнего. — Надежда шевельнулась в его груди, точно лезвие острого кинжала.

Волшебное свечение исчезло, точно задули свечу. Дев рухнул на палубу с тяжелым стуком, Кейда с Ризалой упали на колени по обе стороны от него.

— Он еле дышит, — озабоченно заметила Ризала. — Что нам делать?

Что делают с волшебником? Тебя всегда учили, что волшебство опасно, разрушительно, губительно. Ты и сам это видел, видел, какую бойню могут учинить даже несколько колдунов. Что делают с волшебником? Убивают, как ядовитую змею.

Он беспомощен, он без сознания. Этот чародей может рассеять целую тьму вооруженных воинов, оборотив само их оружие против них. Он может сжигать людей до состояния угля и пепла, даже не касаясь их пальцем. У тебя в руке кинжал. Перережь ему горло, и кто когда-либо упрекнет тебя? Перережь ему горло, и не останется никого, кто мог бы сказать Чейзену Сарилу, Ритсему Кайду или еще кому, что ты склонился к чародейству, как к единственному средству изгнать этих дикарей.

Ты не думаешь, что это варвар, изменник, торговец пороком? Убей его сейчас, и не останется свидетеля, что ты воспользовался его силой, чтобы навязать людскую волю самим небесам, вызвав откровенно ложное знамение. Убей же его, и, возможно, самая его кровь очистит тебя от скверны волшебства, которая, несомненно, проникла в тебя до костей. Ты не можешь считать себя невинной жертвой, только не теперь; ты по самое горло увяз в чародействе.

Но свидетель остается. Ризала. Ты и ее собираешься убить заодно со всеми? Уж она-то действительно невинная жертва.

И ты собираешься дать ложную клятву Шеку Кулу, когда он спросит о ее участии? Разве ты не должен ему больше, чем кому бы то ни было, за тайну порошка и за то, что он послал тебе Ризалу? Ты никогда не нашел бы иного средства изгнать захватчиков.

А не обязан ли ты даже Деву сохранить жизнь, как бы порочен он ни был, в обмен на то, что он для тебя сделал и чего ты сам не смог бы, за то, что он перебил колдунов, которые дали захватчикам такое разительное превосходство? Кроме того, сотни дикарей все еще терзают эти острова, сотни островов, которые надо от них очистить и вернуть законным хозяевам. Что если Дев видел не всех колдунов? Что, если еще могут обнаружиться новые? Акулий Зуб чуть не сбежал. Что, если новые явятся из-за моря, чтобы узнать, что случилось с их соплеменниками? Это может случиться в нынешнем году или в будущем, не предугадаешь. Во всяком случае, без Дева с его водными зеркалами и чародейством. Что ты тогда будешь делать, если не останется волшебника, к которому можно воззвать? Порошка Шека Кула не хватит навечно, и как знать, установишь ли ты когда-нибудь, из чего он сделан.

Кейда распрямил согнутые конечности Дева. Холодный пот покрывал чародея, и засохшая кровь блестела под ним, точно свежая.

— Давай отнесем его в гамак. Не знаю, чем он болен. Как я понимаю, это имеет какое-то отношение к его колдовскому дару. Все, что мы можем, это дать ему поспать и посмотреть, проснется ли он.

Если нет, то я подумаю о значении этой приметы, когда немного посплю сам.

Кейда поглядел через распростертого волшебника на Ризалу.

— Я знаю, что уже ночь, но нам надо идти к безопасной стоянке. Оттуда мы направимся к острову тысячи жемчужниц. Я сказал Джанне, что мы с ней там встретимся. Она будет знать, что происходит по всему владению. И мы сможем вместе решить, что делать дальше.

Глава 21

— Ты видишь какие-нибудь лодки Чейзенов? — Кейда стоял над Девом, меж тем как волшебник вглядывался в свою миску с водой, поставленную меж перевязанных ног. Чернильная вода подрагивала, ибо «Амигал» бежал по высоко вздымающимся волнам открытого моря.

— Нет,— коротко ответил Дев.— Передай-ка мне лист.

Кейда нагнулся, чтобы подхватить чистый кожаный мешочек с палубы, куда его отнесла корабельная качка

— Погляди на восток. Скажи, нет ли там новых трирем.

— Дай-ка,— Дев поднял глаза, порезы и царапины на его лице были обильно смазаны лекарством. Он протянул руку, синяки на ней стали теперь многоцветными, словно передразнивали волшебство, которое ограждало его в бою.— Жвачка не притупит моих способностей к ясновидению, но может притупить боль в ногах. Или чары пойдут наперекосяк. Ты хочешь, чтобы твои друзья это увидели? — Он кивнул в сторону высокой башни на острове тысячи жемчужниц, теперь представшей перед глазами.

Кейда поколебался, затем вручил ему его кожаный кошелек. Дев вытянул оттуда темный сморщенный лист, сложил его и запихнул себе в рот. Кейда постарался, как мог, сдержать нетерпение, пока челюсти колдуна шевелились, и напряженные складки на его лице более или менее расслаблялись.

— Так, корабли Чейзенов на востоке. Посмотрим, можно ли там что-то отыскать.— Он склонился над своей миской, и крохотные образы заплясали в свете, мерцающем над поверхностью. Кейда отвернулся.

Он все равно бы смотрел в воду, пожелай я того или нет. Он не больше хочет быть потопленным и убитым какой-нибудь одуревшей триремой Редигала, чем девушка или я. Он вполне мог бы сказать мне то, что меня интересует. Но мне не стоит смотреть самому, раз уж я решил раз и навсегда распрощаться со всем его чародейством. И если хочу рано или поздно вернуться домой.

— Кейда! — В оклике Ризалы от руля прозвучало предостережение. Он взглянул на быстро приближающийся ост-

ровок и увидел слабую струйку дыма, поднимающуюся в ясное небо.

— Видишь лодку?

— Да, вон там.— Кейда обернулся. Дев указывал на отдаленный остров в начале цепи, ведущей вглубь владения Дэйшей.— Это быстрая трирема. С меченосцами по обоим палубам.

— Не иначе как там Джанне,— медленно произнес Кейда.— Она появилась здесь раньше.— Он разгладил рубаху, не вполне ему подходящую, ибо ее кроили на Дева, но все-таки шелковую и лучшую, какую он мог найти здесь. Хотя бы рукава достаточно длинны, чтобы скрыть самые скверные из шрамов на руках. Костяной завиток драконьего хвоста стал достаточно нарядным украшением, пусть и необычным, и при нем серебряное кольцо с изумрудом Шека Кула, содержащее ключ к тайнописи, чтобы доказать, что он вправе требовать к себе уважения.

— Дев, я просил тебя посмотреть, нет ли на востоке кораблей Чейзенов.

— Я посмотрел. Ни одного. Ни на севере, ни на юге, ни где-либо еще,— ответил чародей с бодростью, неожиданной для столь израненного человека.— Они все застряли возле Зубов Змея.

Не было слов, которые выразили бы отчаяние Кейды. Он провел рукой по своей тщательно причесанной бороде. Ветерок холодил шею, ибо Ризала искусно подстригла ему волосы.

— Где ты хочешь бросить якорь? — Она изучала берег.

— На пляже перед башней,— внезапно принял решение Кейда.— Хватит мне таиться и скрываться.

— Только после того, как Джанне Дэйш, по твоему слову, разнесет весть, что нас не следует трогать,— твердо сказал Дев.— С подробным описанием кораблей, моего и девочки.

Кейда отрывисто кивнул.

— Ты будешь волен повернуть на север, как только пожелаешь.

— Не хочешь, чтобы мы распространяли неподобающие рассказы? — Насмешливый блеск возник в распухом глазу Дева.— Или обнимались с тобой перед твоей благородной супругой?

— Это было бы последнее, что ты сделал бы, и ты это знаешь,— без тени улыбки отозвался Кейда.

Никто не проронил ни слова, пока Ризала вела «Амигал» к берегу. Кейда скользнул через поручень в привязанный сзади ялик и с плеском погреб через мелководе к пляжу.

Джанне сидела на песке одна, присматривая за небольшим костерком из плавника и сухой травы с дюн. Она подняла взгляд со слабой улыбкой, когда он вытаскивал ялик из волн.

— Кейда!

На Джанне была светло-желтая рубаша скромного покроя и штаны из тонкого хлопка, собранные у щиколоток золотыми цепочками. Волосы, заплетенные в косу, спускались по спине, на шее висело одно-единственное ожерелье, плетеный шнур с крохотными жемчужинами, а кольца и браслет были простыми обручами из золотой ленты.

— Джанне!

Кейда обнаружил, что понятия не имеет, что делать дальше. Все многократно повторенные, заранее подготовленные объяснения казались неуместными теперь, когда он приветствовал эту женщину в скромной одежде, сидящую у костра, а не первую жену владения Дэйш, облаченную со всем надлежащим ей великолепием, перед торжественно возносящейся в небо башней безмолвия.

Он истосковался по теплу ее рук, обвивающих его, по ее душистой мягкости, и вдруг страстно ощутил это. Но обниматься с ней сейчас, когда она сосредоточилась на поддержании огня, не стоило. Он увидел, что она сгребает золу и угли через тесные ряды бледных раковин, всаженных в песок.

— Белые двусторки?

Она небрежно кивнула.

— Я подумала, что нам следует снова поесть вместе.

— Как прошло плавание? — И он присел рядом с ней.

— Поистине ужасно. — Джанне ткнула в песок обугленным концом палочки. — Ты видел, что сделали дикари с людьми, которых захватили?

— Кое-что, — осторожно сказал он.

Джанне поглядела на него глазами, блестящими от непролитых слез.

— Мужчины и женщины мертвы от жажды, в то время как дожди принесли нам воды сполна, и ее хватит на год. Дети заперты в загонах, точно дикие звереныши, и оставлены умирать от голода. Сиркет посылает мне весть о новой жестокости с каждого острова, который освобождают силы Дэйшей. Даже если они еще живы, когда до них добираются свои, половина умирает в течение дня-двух. Их погребают в ямах, набивая туда, как дрова, худых, как палки. Что они делали, Кейда, эти дикари? Для чего они все это делали?

— Не знаю, — беспомощно произнес Кейда. — Все, что я могу тебе сказать: они мертвы. Люди, которые это замыслили, которые привели захватчиков.

— Чародеи? — И Джанне пристально посмотрела на него. Кейда уверенно кивнул.

— Все мертвы.

Я, конечно, не собирался возражать, когда Дев вздумал убедиться в этом с помощью ясновидения.

Джанне ничего не сказала, а сосредоточилась на моллюсках, которых пекла.

Ощущая все большую неуверенность в себе, Кейда оглядел пустынный берег.

— Как идет война за владение Чейзенов?

— Довольно хорошо. — Джанне положила свою палочку и чуть подвинулась. — Тяжелейшая задача — позаботиться, чтобы каждый остров действительно оказался очищен от дикарей. Оравы их там и сям все еще совершают ночами набеги на деревни, которые, как нам казалось, уже в безопасности, хотя без волшебства, которое их поддерживало бы, наши меченосцы расправляются с ними достаточно быстро.

— А наши потери? — Кейда проглотил мучительное предчувствие. — И наших союзников, Редигалов и Ритсемов?

— Не самые непоправимые, — ответила Джанне.

— А что о Сариле Чейзене? — Кейда безуспешно попытался умирить свой гнев. Джанне поднялась на ноги и стряхнула с себя песок.

— Спроси его сам.

— Что? — Кейда вконец оторопел.

— Чейзен Сарил! — властно позвала Джанне. — Подойди.

— Дэйш Кейда,— Чейзен Сарил бочком выбрался из-за башни безмолвия с суетливой улыбочкой.— Вот уж не думал, что увижу тебя снова.

— А я думал, что увижу тебя и твои корабли среди первых, кто пойдет на приступ, ради освобождения твоей земли.— Кейда не видел причины сдерживаться.— Почему твои корабли до сих пор толпятся вокруг Зубов Змея, в то время как другие отплыли, чтобы пролить ради тебя кровь? О чем ты думаешь?

— О моих детях. О моих Секни и Олкаи.— Чейзен Сарил порядочно сбавил в весе, и кожа его висела мешком. Глаза, темные и тревожные, смотрели из покрытых синяками впадин.— Вот все, о ком я думаю. Те, кого вижу, когда заря насмехается над моей бессонницей, когда сновидения раздирают любое забытие, в которое повергает меня усталость. Я вижу их смерть. Я вижу огонь и молнию, поражающие их. Я вижу, как чародеи дикарей смеются над их мертвыми телами и замышляют порабощение моего народа. Это все, о чем я думаю, Кейда.

— У тебя действительно немало причин для скорби.— Кейда ожесточил свое сердце против отчаянной мольбы в словах этого человека.— Но тебе следует отложить ее и подумать о долге перед твоим народом.

— Как? — спросил Сарил в неподдельном недоумении.— Как я могу глядеть им в глаза и требовать верности, если они так много страдали, а я не мог сделать ничего, чтобы спасти их? Я не могу смотреть им в глаза...

— Кто возглавит их, если не ты? — в ярости прервал его Кейда.

— Корабли Ритсема везут мечи, чтобы очистить острова от дикарей, как и корабли Редигала и Дэйша. У всех вас теперь больше прав, чем у меня, на благодарность моего народа.— Слезы неудержимо хлынули из глаз Чейзена Сарила.— Я никак и ничем не могу отплатить никому из вас за помощь. Вы с полным правом можете забрать себе все, что удастся спасти на моих разоренных островах.

Кейда разинул рот:

— Вот как? Ты отстраняешься и покидаешь своих людей? И куда ты намерен уйти?

— Мы можем остаться на островах вокруг Зубов Змея, верно? — Сарил сделал шаг вперед, умоляюще протянув руки. — Мы не угроза ни для тебя, ни для других. Мы можем быть полезны тебе, если вступим в твое владение и поделимся с тобой нашими искусствами.

— Поделитесь вашими искусствами? Пока что я вижу, как вы пользуетесь нашими! — Кейда с яростью и насмешкой указал на расшитую голубую рубаху и штаны Сарила. — Твоя скорбь не настолько сломила тебя, чтобы ты не смог явиться сюда разодетым, с тщательно умащенной и причесанной бородой, меж тем как твои люди умирают нагими и в одиночестве. Оденься в простой хлопок, выпачкай руки землей твоего владения. Возглавь своих людей, когда они займутся посевами и восстановлением домов.

— Чтобы дикарям было что жечь и грабить, когда они придут снова? — и Сарил задрожал. — Не могу, Кейда, не могу. Я не могу вернуться и потратить жизнь, наблюдая за южными морями, ожидая первого признака волшебства, которое явится, чтобы снова разорвать на части мою жизнь. — Теперь он рыдал, из носа у него текло, тело раболопно изогнулось. — Я не могу посмотреть в небеса из страха перед приговором, который могу там прочесть. Я не могу отыскивать взглядом самый нехитрый знак или примету из страха, что увижу, что нам всем угрожает новое бедствие. Как я снова возглавлю моих людей?

И это человек, который, как я боялся, замышлял прибрать к рукам мое владение.

Кейда беспомощно воззрился на него.

— Чейзен Сарил, мне нужно еще сухой травы, — Джанне плела циновочки из грубых желтоватых стеблей. Оба мужчины с мгновение смотрели на нее удивленными глазами, затем Сарил утер лицо рукавом. — Конечно, моя госпожа. — И, спотыкаясь, заторопился к хребту за башней. Кейда следил, как он удаляется, и нежелание верить увиденному боролось в нем с яростью.

— Что будут делать его люди, если он их бросит — как он об этом не думает? Как он думает, что станут делать другие владения, если обнаружится, что острова Чейзена может прибрать к рукам любой, кто пожелает? Страх перед волшебством мог заставить Сарила намочить штаны, но Редигал и Ритсем

будут думать о черепаховом панцире и жемчугах — теперь, когда волшебники исчезли, и они в этом убедились. Не представляю себе, чтобы Улла Сафар согласился, чтобы о нем не вспомнили, да и разве Айдис и Сарем не потребуют вознаграждения за корабли и людей, которых они послали против дикарей? Они ведь присылали помощь, не так ли?

Оборачиваясь, чтобы найти подтверждение у жены, Кейда увидел, что Чейзен Сарил вернулся, сжимая в руках пучок травы, съежившийся и боязливый, с медленно катящимися по лицу слезами, теряющимися в бороде.

— Мы можем хотя бы поесть вместе. — Джанне проворно отгребла в сторону угли с белых двустворок и положила парочку раковин на травяную плетенку. — Осторожно, они горячие. — И вручила плетенку мужу. Он принял ее и сел, в бешенстве взирая на никчемного вождя Чейзенов.

Джанне уделила Сарилу кое-что из раковин.

— Посмотрим, что умного подскажет нам сытый желудок.

— У тебя есть вода? — отрывисто спросил Кейда.

Джанне передала ему тонко отделанную медную бутылку. Он отпил, и они приступили к трапезе в тяжелом и неловком молчании. Сарил заговорил первым.

— Джанне Дэйш, — начал было он. Но тут же остановился с неуверенным видом.

— Что? — требовательно спросил Кейда.

Сарил растерянно кривил лицо. Он неловко переминался, прижав одну ладонь к животу.

— Прости меня, — выдохнул он и заковылял прочь; вскоре его одолела страшная рвота.

Кейда, которому стало плохо, отбросил недоеденных моллюсков.

— Что...

— Оставь его, — мгновенно потребовала Джанне.

— Что? — Кейда непонимающе уставился на нее, прежде чем поглядеть на Сарила, который упал на колени, сотрясаемый неустойчивыми приступами.

— Я сказала, оставь его, — ледяным голосом повторила его жена. Она раскрыла последнюю из своих двустворок и стала есть.

— Он болен, — возразил Кейда. — Ты...

— Он бесполезен, — огрызнулась Джанне с внезапной злобой. — Его трусость лишает его всяких прав на верность народа Чейзенов и богатство владения. Он снял с себя всякую ответственность и доказал, что совершенно не годится для правления. Нет вождя в южных пределах, который стал бы это отрицать.

— Он задыхается! — Кейда вскочил на ноги.

— Сядь! — Джанне встала и преградила ему путь с неумолимым лицом. — Его смерть будет всего лишь знаком, который подтвердит то, о чем все уже думали: что его кровь больше не нужна владению.

— И что тогда? — Кейда вытаращился на нее. — Мы будем стоять в стороне, пока Редигалы, Уллы и Ритсемы, а заодно и любой другой, кто пожелает, начнут войну за острова Чейзена? Или ты думаешь, что мы потребуем эти земли для Дэйшей и дойдем до нищеты, восстанавливая то, что уничтожили захватчики? Джанне, он не дышит!

— Дэйши не возьмут себе и на палец земель Чейзена. — Джанне не обращала внимания на ослабевающие движения Чейзена Сарила позади нее. — Все владение осквернено волшебством. Мы не намерены терпеть Чейзенов на наших островах, да еще и с той скверной, которая на них налипла, хоть на день дольше, чем придется. Они отправятся домой, все восстановят или умрут, вот что им остается.

— И все же нам не нужна война на южной границе. — Кейда поднял руку, чтобы оттолкнуть Джанне, в нем начал закипать гнев. — Он мог быть бесполезным вождем, но он единственный, который есть у Чейзенов!

— Это должен делать ты. Я имею в виду, править землями Чейзенов. — Джанне схватила руки мужа и удержала его на месте, вцепившись в него ногтями, когда он попытался освободиться.

— Что? — Он вздрогнул, не веря своим ушам.

— Ты должен править Чейзеном. — Она развернула его спиной к отчаянно корчащемуся Сарилу.

— Я Дэйш Кейда. — И он сплюнул.

— Это больше не так, — с ледяной жесткостью произнесла Джанне. — Дэйш Сиркет возглавляет владение, и весьма

успешно. Он собрал силы и призвал союзников, чтобы изгнать захватчиков, и этим снискал уважение всех соседей.

— Потому что я нашел средство истребить чародеев, которые привели к нам захватчиков.— Кейда не мог понять, ошеломлен он или рассержен.— И такова награда — быть низложенным собственным сыном?

— Ты сам уступил ему власть,— бесстрастно возразила Джанне.— Он принял вместе с ней одну смуту и бедствия, которые оставил ему ты.

— Тебя послушать, так можно подумать, будто я его бросил,— яростно возразил Кейда.— Я отправился искать средство одолеть волшебство захватчиков, поставив под удар свою жизнь, и могу сказать тебе, что она была в опасности не раз. Я добыл средства и кинулся навстречу опасностям, которых ты и представить себе не можешь, чтобы избавить владение от чародеев. И так ты мне отплатила?

— Владение Чейзен скромно, но и у него есть богатство: черепаховый панцирь и жемчуг. Они не тронуты нечистыми руками захватчиков, насколько я слышала. У тебя будут люди, которые помогут все отстроить на нетронутой земле,— сухо произнесла Джанне.— Дети, рожденные для этого владения, конечно, будут чисты, а для остальных ты сможешь найти какие-то средства очищения.

Кейда, ничего не понимая, покачал головой.

— Ты была первой женщиной, которую я принял в свою постель, женщиной, с которой я делил все, ты была в моей жизни семнадцать лет. Ты мать моих детей, моего сына и наследника, и дочерей, которые благословили мои дни.

— Так нужно. Ради детей.— Первый намек на чувство прорвался в ее голосе.— Ради их блага. Мы с Рекхой так договорились. Сэйн тоже согласна. Я рассказала им кое-что из того, что ты сделал. Мы не можем принять тебя обратно, пока волшебство оскверняет тебя, ты можешь принести несчастье и погубить нас всех.

Кейда отбросил от себя ее руки, а затем схватился за них сам.

— Ты что имеешь в виду под словом «Кое-что»?

Теперь в глазах Джанне читался откровенный страх.

— Не все островитяне Чейзены из тех, которых взяли в плен дикари, умерли. Они сообщили нам, какое зло творили волшебники, и о неведомом чародее, который одолел тех волшебников еще более невероятными чарами. Ты говорил мне, что вступаешь в союз с северным чародеем, пусть даже ради того, чтобы обратить волшебство против захватчиков. Моя мать рассказывала мне, как моря в срединных владениях покраснели от крови, когда она была девушкой, из-за одного только подозрения, что вождь замышлял такой союз. Это то, что я сказала о тебе Рекхе и Сэйн. Я не сказала кое-чего еще, что полагала тогда, и тем более того, что начинаю подозревать теперь. Ты спрашиваешь меня о походе против дикарей, но, кажется, знаешь об этом больше моего. Откуда ты знаешь, что корабли Чейзенов не отплыли на юг? Ты мертв. У тебя нет вестников, которые что-то передали бы тебе, нет и почтовых птиц, которые принесли бы письма. Как ты узнал, если не прибегаешь к тому самому колдовству, которое позволяет северным варварам следить за нами?

— Это не имеет ничего общего... — начал было Кейда, еще более раздраженный из-за отозвавшегося чувства вины.

— Что случилось с луной, Кейда? — Джанне глядела ему в лицо, суровая и все-таки дрожащая. — Как получилось, что луна покраснела?

— Такое случается. — Он заколебался. — Это знамение, отмечаемое время от времени.

— Отмечаемое, да, — зашипела Джанне. — Но не предсказываемое. Я говорила об этом с Сиркетом, он по моей просьбе проверил и перепроверил записи, наблюдения с самых ранних дней. Это не затмение, чтобы предсказать его и заранее принять меры предосторожности против его воздействий. Никто не знает, когда луна станет красной, ничего подобного. Вдобавок Сиркет говорит, что такое происходит только в сухую пору, когда жаркие ветры приносятся с юга. Конечно, это сделало изменение цвета луны еще более могучим знамением, особенно после того, как я сообщила всем, чтобы следили, когда она откроет нам время пролить кровь дикарей. Что ты сделал, Кейда, в какой обман ты меня вовлек? Как ты мог

знать, что взойдет красная луна, если сам не приложил к этому руку? Как ты мог сделать это, не прибегнув к волшебству варвара? Это значит, что ты отнюдь не держался подальше от скверны чародейства. Это значит, что ты умышленно воспользовался им, чтобы нарушить естественный ход вещей, и по доброй воле погряз в бесчестии. Не лги мне, Дэйш Кейда, я слишком хорошо тебя знаю. Я вижу, что ты сделал, по твоим глазам. И не говори мне, что еще ты натворил. Не говори, как ты проклял себя и все, чему мы доверились. Я не хочу знать. Все, что я знаю, это что наши дети — прежде всего для меня, Рекхи и Сэйн. Они плоть от нашей плоти, мы выносили их в наших утробах, питали нашей грудью. Ничто не может этого изменить. Союз между нами... — Она высвободила руки. — Мы всегда были одной плотью только в преходящие мгновения. Союз между нами расторгнут, и его не восстановишь.

— Ты ожидаешь, что я это приму? — Опаляющий гнев жгутом скрутился в его груди, он не знал боли страшней со смерти своего отца. — Ты ожидаешь, что народ Дэйш это примет?

— А ты согласился бы биться с Сиркетом за владение? — бросила ему вызов Джанне. — Ты хочешь повергнуть в смятение своих детей, когда они узнают, что ты жив, меж тем как они едва успели привыкнуть, что тебя нет? Ты хочешь доставить им эту отравленную радость, чтобы затем они увидели, как ты пытаешься убить их брата, своего родного сына? Ты готов навлечь на владение Дэйш такое бедствие, междоусобную войну, в то время как люди еще только пытаются оправиться от встречи с лишениями? Едва ли половина зерна, которое надлежало посеять, лежит в земле. Нам грозит голод в конце сухой поры, даже если никакие иные беды на нас не обрушатся. Ты думаешь, хоть кто-то из Дэйшей станет держать твою сторону после того, как они узнают, что ты их покинул, да еще и услышат, что ты был на юге и сражался волшебством против волшебства — неважно, насколько благородны были твои цели?

— Этот порошок не волшебный... — Кейда умолк и долгое мгновение смотрел на Джанне, и в тишине только прибой

разбивался о рифы вокруг острова да скорбно вскрикивала какая-то незримая морская птица.

— Не имеет значения, что бы я ни сказал, правда? Любое объяснение, которое я мог бы предложить, любое оправдание ничего не изменило бы. Вы с Рекхой позаботитесь, чтобы все увидели вещи вашими глазами, и я осужден. Что ты замыслила на случай, если я воспротивлюсь? Ты не отравишь меня, как этого беднягу Сарила, уж это-то я тебе обещаю.— Схватив Джанне за плечо, он вынудил ее обернуться и поглядеть на скорчившееся тело, запачканное землей.

— Я не отравила его.— Джанне сделала шаг вперед, как бы желая удостовериться, что Сарил действительно мертв.— Мы ели тех же моллюсков.

— Из твоих рук,— с новым негодованием усмехнулся Кейда.— Не ты ли их собирала? И ты не знала, что с ними что-то не так?

— Красный прилив пришел и ушел, когда я собирала их.— Джанне упрямо сложила руки.— Они могли как убить нас всех, так и не повредить никому. Его смерть — знамение, которое укрепляет меня в моих намерениях. Она подсказывает мне, что твоя судьба теперь во владении Чейзен. Если бы я ошибалась, умерла бы я.

— Не тебе надлежит испытывать будущее такими безумствами,— прорычал Кейда.— И не тебе толковать знамения.

— Нет. Это обязанность Сиркета,— с усилием произнесла Джанне.— Он изучал небеса каждую ночь с тех пор, как получил весть о твоей смерти. И всем, что видел, делился со мной и Рекхой. Цвет Визайла, знак всех жен и матерей, покинул область брака и переместился в дугу смерти. Теперь Алмаз, камень властителей, присоединяется к нему, как и Опал, сулящий верность и согласие. Явственно предсказан конец для нас всех. Жемчужина плывет вместе с Аметистом, камнем новых начинаний и вдохновения, и оба в дуге вражды и страха, где Крылатый Змей обвиняет всех людей, обещая новые соединения, дабы вознаградить храбрых. Рубин вплывает в дугу братьев и сестер и тех, что близки, как родные, предлагая защиту от огня для тех, кто смеет. Рыба-Парусник несет его, общая удачу и плодородие. Все звезды говорят нам, что вла-

дение будет процветать, если только мы с Рекхой сможем решиться.

— Сиркет знает об этих замыслах? — Кейда противился самой этой мысли. — И одобряет их?

— Нет, — Джанне решительно покачала головой. — Он ничего не знает. Он даже не знает, что ты жив. Он только сказал мне, что прочел в небесах. Мы с Рекхой поняли, как это применимо к нашим обстоятельствам.

— Что ты собираешься сказать Сиркету? — Теперь настал черед Кейды держаться холодно, а слезы угрожали взорвать спокойствие Джанне.

— Я скажу ему, что ты вернулся. Что ты совершил нечто, я не знаю, что именно, чтобы одолеть колдовство, которое давало захватчикам силу. — Она помедлила, чтобы проглотить рыдание. — Я скажу ему, что ты видишь полную невозможность вернуться и править владением Дэйш, ибо тебя коснулось чародейство. Я скажу ему, что ты обратишь все свои дарования на восстановление владения Чейзен, дабы оно стало оплотом, который оборонит Дэйшей в случае любого нового нашествия дикарей. Или ты собираешься представить меня нашему сыну лгуньей?

Ее мольба разорвала ему сердце. Кейда потер рукой бороду.

— Я думал, что знаю тебя. Я думал, что, разделяя с тобою постель и сердце, страхи и радости, я тем самым все больше узнавал тебя. Но так и не узнал, верно? Ты оказалась такой скрытной. Хорошо, Джанне, я не навлеку все то горе, которое ты предвидишь, ни на наших детей, ни на мое владение... Мое бывшее владение, — язвительно уточнил он. Сердце было слишком полно, чтобы сказать что-то еще, он махнул рукой и повернулся на пятках.

— Куда ты? — встревоженно окликнула его Джанне.

— А тебе-то что? — бросил ей Кейда через плечо.

— Куда мне послать Итрак?

Неожиданный вопрос остановил Кейду. Он обернулся и поглядел на нее.

— Что?

— Теперь ты за нее отвечаешь, Чейзен Кейда, — с вызовом напомнила ему Джанне. — Владение, где она родилась, не

примет ее обратно после того, как ее запятнало чародейство. Я молила их за нее, они не уступили. Ты не можешь оставить ее, или можешь оставить не ранее, чем убедишься, что она не носит Сарила, дитя Чейзена. Если бы у нее было такое дитя, кто-нибудь вроде Уллы Сафара мог бы жениться на ней и попытаться потребовать себе это владение.

— А что ты сделаешь, если я ее не возьму? — Кейда сплюнул. — Накормишь ее моллюсками?

Джанне содрогнулась, как если бы он ее ударил, но не уступила.

— Куда мне ее послать?

И Кейда сдался.

— В жилище Чейзенов для сухой поры. Скажешь, что я отыщу ее там.

Кто знает, к тому времени я вполне могу найти, что сказать ей, как объяснить, что я сделал, и как это втянуло меня в такую неразбериху. Если бы не песок под моими стопами и не ветерок в лицо, я мог бы решить, что это какой-то ужасный сон. Но нет, это не сон. Я бы не мог увидеть во сне нечто столь ужасное и не пробудиться.

Кейда неистово помчался по пляжу, чтобы плыть обратно на «Амигал». Как только он прыгнул на палубу, его встретили Дев и Ризала с лицами, полными любопытства. Кейда полыхнул по ним гневным взглядом, вызов был в каждой черточке его тела, и оба поспешили напустить на себя умышленно отстраненный вид.

— Не могу сказать, что отсюда представилось, будто все хорошо, — осторожно произнес Дев. — Не то чтобы мы могли много слышать, но не Чейзен ли Сарил тот, что только что умер столь мучительной смертью?

Наконец хоть что-то потрясло самообладание этого ублюдка. Это почти утешает меня.

— Просто он съел кое-каких нехороших моллюсков, — сообщил Кейда настолько бесстрастно, насколько ему удалось. — Что оставляет владение Чейзен без правителя. Джанне Дэйш считает, что именно это мой жребий, а не возвращение и низложение моего родного сына. Я вынужден с ней согласиться.

— О, — без всякого выражения произнесла девушка.

— Вынужден? — Дев хитро поглядел на Кейду. — Есть немало недоброго, что может случиться с триремой, прежде чем она явится в гавань.

— Мне противна была бы любая мысль о подобном, — с холодной угрозой сказал Кейда.

— И куда же мы теперь идем? — Ризала попыталась посмотреть мимо Кейды на берег.

Он не стал оглядываться.

— Мне надо попасть в жилище вождей Чейзенов для сухой поры. Не знаю, что от него осталось, но это какое-то начало. — Он бросил взгляд на маленький ялик, покачивающийся у борта «Амигала». — Я могу его взять? А вы не согласились бы доставить меня как можно дальше по главному морскому протоку, прежде чем повернете на север?

Ответ Дева изумил его.

— Я доставлю тебя куда угодно до самой твоей цели, о чем разговор.

Кейда поколебался.

— Вам бы надо плыть на север, вам обоим. Будут самого разного рода подозрения, разносимые здесь повсюду ветрами.

— Подозрения? Возможно. Но не так уж много свидетелей, — ухмыльнулся Дев. — Никто ведь не понимает бормотания дикарей.

— Джанне говорит, что есть островитяне Чейзенов, рассказывающие о последней битве между захватчиками и неким неведомым колдуном, — с трудом произнес Кейда.

— Они обезумели от страха, жажды и голода, так можно ли быть уверенным, что они видели, а чего нет? — небрежно отмахнувшись от этого вопроса, Дев страдальчески заковылял по палубе к Кейде. — Ты от меня так легко не избавишься. Ты должен мне, и немало. Не забывай. Хорошо, что эти дикарские колдуны не жаждали черепахового панциря и жемчуга, а не то едва ли удалось бы заставить тебя заплатить мне ими под звездами нового года. — Он проковылял мимо Кейды и уселся у руля. — Тебе и девочке лучше бы поднять парус, если хочешь, чтобы мы успели в воды Чейзенов до прихода ночи.

Кейда посмотрел на Ризалу.

— Мы сможем найти для тебя корабль, идущий на север, я уверен.

— Шеку Кулу понадобится полный доклад, а не половина, — сказала она, пытаясь подражать Деву с его игривой небрежностью. — Он захочет узнать, что ты прочно утвердился во владении Чейзен.

— Будем надеяться, что ты сможешь доставить эту весть на север довольно скоро. — Кейда задумчиво поглядел на кольцо с тайнописью.

— Чем скорее мы выступим, тем скорее делу конец, — подбодрила его девушка.

Не тратя времени и сил на ответ, Кейда взялся за тяжелые кормовые весла, чтобы развернуть кораблик, меж тем как Ризала занялась парусами. Дев хлопотал у руля в беззаботном молчании. Как только «Амигал» направился в открытое море, Кейда прошел на нос и встал там наедине со своими мыслями.

Как могла она быть такой черствой, такой безжалостной? Ее железная воля не вызывает такого восхищения теперь, когда она оборотилась против тебя, а не против врагов твоего владения? Рекха, конечно же, во всем заодно с Джанне. Я всегда знал, что у нее не возникнет вопросов, если дойдет до выбора между мной и детьми. А Сэйн — ну что же, едва ли у меня было достаточно времени, чтобы требовать от нее верности.

Как я могу требовать верности от любого из них, когда и вправду совершил все, в чем обвинила меня Джанне? Или я неверно истолковал знамения, в том числе и звездные, что привело меня к этому? Не верю. Но так ли уж неожиданно, что надо платить немалую цену за союз с волшебником, пусть даже мои намерения были чисты? Не сам ли я навлек это на себя? Если бы мои намерения не были чисты, возможно, я был бы теперь мертв, меня убил бы яд в моллюсках.

А что если у Сиркета есть на это право? Он не погряз в скверне волшебства, как это вышло со мной. Конечно, слишком много правды в том, что сказала Джанне, чтобы

от этого отмахиваться. Если никто не востребует владение Чейзен, нам не нужны захватчики, чтобы принести беду в южные пределы; мы сами ее принесем.

Что теперь? Посмею ли я нынче ночью искать знамения среди звезд? Следует ли мне изучать небеса и все приметы природы вокруг меня? Как я стану толковать, когда у меня нет никаких чувств к этому владению Чейзен, никакого права на его людей и никаких представлений, что теперь может случиться?

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(095) 215-01-01, факс 215-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (095) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

Москва

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, тел. 232-19-05
- м. «Алтуфьево», Алтуфьевское шоссе, д. 86, к. 1
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, д. 18а, тел. 119-90-89
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, к. 1
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., д. 132, тел. 172-18-97
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, тел. 306-18-91, 306-18-97
- м. «Пушкинская», «Маяковская», ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 209-66-01, 299-65-84
- м. «Сокол», Ленинградский пр., д. 76, к. 1,
Торговый комплекс «Метромаркет», 3-й этаж, тел. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, тел. 268-14-55
- м. «Таганская», «Марксистская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, тел. 911-21-07
- м. «Царицыно», ул. Лужанская, д. 7, к. 1, тел. 322-28-22
- Торговый комплекс «XL», Дмитровское шоссе, д. 89, тел. 783-97-08
- Торговый комплекс «Крокус-Сити», 65—66-й км МКАД, тел. 942-94-25

Регионы

- г. Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, тел. (8182) 65-44-26
- г. Белгород, пр. Б. Хмельницкого, д. 132а, тел. (0722) 31-48-39
- г. Калининград, пл. Калинина, д. 17-21, тел. (0112) 44-10-95
- г. Краснодар, ул. Красная, д. 29, тел. (8612) 62-55-48
- г. Курск, ул. Ленина, д. 11, тел. (0712) 22-39-70
- г. Н. Новгород, пл. Горького, д. 1/16, тел. (8312) 33-79-80
- г. Новороссийск, сквер имени Чайковского, тел. (8612) 68-81-27
- г. Оренбург, ул. Туркестанская, д. 23, тел. (3532) 41-18-05
- г. Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, д. 15, тел. (88632) 35-99-00
- г. Рыбинск, ул. Ломоносова, д. 1 / Волжская наб., д. 107, тел. (0855) 52-47-26
- г. Рязань, ул. Почтовая, д. 62, тел. (0912) 20-55-81
- г. Самара, пр. Кирова, д. 301, тел. (8462) 56-49-92
- г. Смоленск, ул. Гагарина, д. 4, тел. (0812) 65-53-58
- г. Тула, пр. Ленина, д. 18, тел. (0872) 36-29-22
- г. Череповец, Советский пр., д. 88а, тел. (8202) 53-61-22

Издательская группа АСТ

**129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (095) 215-01-01, факс 215-51-10**

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Маккенна Джульет Э.

Огонь с юга

Фантастический роман

Ответственные за выпуск И. Петрушкин, А. Тишинин

Ответственный редактор В. Гончаров

Редакторы Э. Байгильдеева, Д. Лазарчук, А. Воскресенская

Художественный редактор О. Аласкина

Компьютерный дизайн: А. Сергеев

Компьютерная верстка: А. Яблонская

Корректоры Е. Ясницкая, Э. Мингажева, А. Ливач

Общероссийский классификатор продукции

ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.02.953.Д.000577.02.04 от 03.02.2004 г.

ООО «Издательство АСТ»

667000, Республика Тыва, г. Кызыл, ул. Кочетова, д. 28

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ОАО «ЛИОКС»

396200, Воронежская обл., п.г.т. Анна, ул. К. Маркса, д. 9

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии

ФГУП «Издательство «Самарский Дом печати».

443080, г. Самара, пр. К. Маркса, 201.

Качество печати соответствует качеству предоставленных диапозитивов.

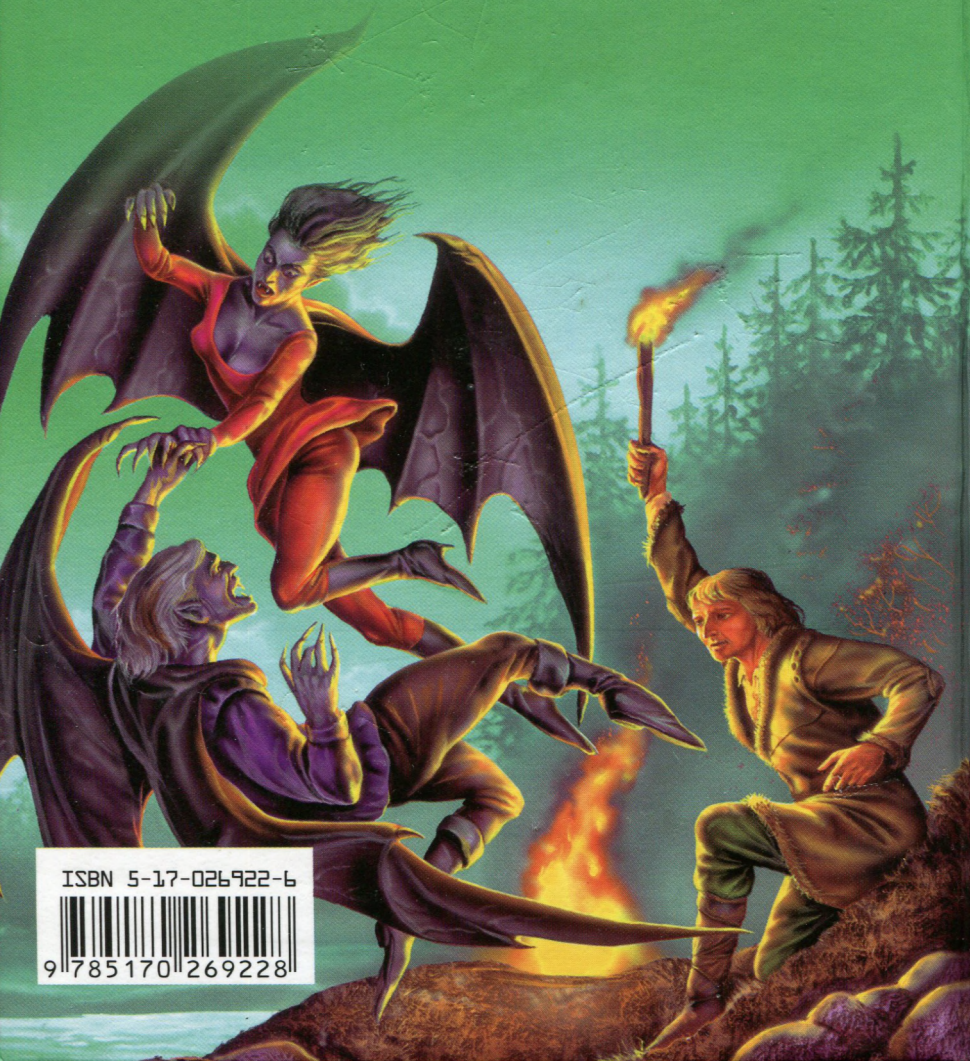
Варварские королевства далекого архипелага.

Здесь не страшатся ни боя, ни гибели, ни увечья — но как чумы боятся МАГИИ и КОЛДОВСТВА.

Здесь верят лишь в судьбу — и ее знамения, толковать которые — почетное право вождей.

Но теперь на острова движется мощная армия южан, которым помогают МОГУЩЕСТВЕННЫЕ маги. И лучшему из вождей северян — не знающему поражений Хеде — становится ясно: чтобы победить магию, нужна МАГИЯ. Магия, которая, по слухам, еще жива где-то в глуши Севера...

Джульет Э. Маккенна, автор знаменитого цикла «Игра воровки. Удача игрока. Клятва воина. Кинжал убийцы», приглашает читателей в НОВОЕ путешествие по своему миру!

ISBN 5-17-026922-6

9 785170 269228